Зеленый Феникс

Томас Барнет

Сван

Зеленый Феникс

Золотая серия фэнтези

Томас Барнет

Сван

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

THOMAS BURNETT

SWANN

The Green Phoenix

ТОМАС БАРНЕТ

СВАН

Зеленый Феникс

АСТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2002

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7США)-44
С24

Серия основана в 1999 году

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Перевод с английского

В оформлении обложки использована работа, предоставленная агентством Александра Корженевского.

Подписано в печать 20.09.2002. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 36,12. Тираж 9000 экз. Заказ № 1848.

Сван Т.Б.

С24 Зеленый Феникс: Сб. повестей и рассказов: Пер. с англ. / Т.Б. Сван. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. — 679, [9] с. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 5-17-015030-X

Томас Барнет Сван — один из редких в ряду мастеров жанра фэнтези писатель, обладающий не только талантом, но и отменным знанием истории. Не потому ли его произведения, с которыми отечественный читатель познакомится впервые, заслужили в плеяде мировой «литературной легенды» вполне особое место?

...Было время, когда на Земле жили не только люди, но и боги.

...Был мир, где люди и боги ненавидели друг друга — и воевали на равных, где смертные женщины зачинали от бессмертных возлюбленных великих героев — и совершенно невероятных существ, где приключения и подвиги ожидали на каждой тропе, а жизнь становилась — ЛЕГЕНДОЙ.

Читайте повести и рассказы Свана — и, поверьте, ТАКИХ фэнтези вы не видели еще НИКОГДА.

Не верите?

Прочитайте — и проверьте сами!

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7США)-44

© Перевод. С. Виноградова, 2002
© Перевод. О. Чумичева, 2002
© Перевод. Т. Усова, 2002
© Перевод. Н. Мельник, 2002
© ООО «Издательство АСТ», 2002

Вечный лес

Часть I
ЭВНОСТИЙ

Глава I

Сейчас мне триста шестьдесят, и если сопоставить количество любовников, которые у меня были за эти годы, с числом прожитых лет, то я имею все основания гордиться собой. Любовников было в два раза больше — мужчины, кентавры, тритоны[1],— и все они говорили, что никто не может сравниться в искусстве любви с Зоэ, дриадой с острова Крит. Шафран, бывшая королева трий — так называется пчелиный народ,— однажды, указав на золотой зуб, вставленный мне любовником из Вавилона лет двадцать, нет, тридцать тому назад, и на седину, мелькающую в моих зеленых волосах, как мох среди листвы, сказала, что я похожа на свой видавший виды дуб. В ответ же я продемонстрировала ей свои роскошные, по-прежнему крепкие и высокие груди.

— Милочка,— сказала я намного более любезно, чем она того заслуживала,— кому же нужен слабенький саженец, когда рядом стоит пышный старый дуб?

Сейчас все пишут истории своей жизни — на папирусе, глиняных табличках, пальмовых листьях,— а уж мне, как никому, есть что вспомнить. Честно говоря, я просто умираю от желания рассказать вам, ничего не скрывая и не пытаясь выставить себя в выгодном свете, о некоторых своих приключениях. Вавилонец. Бритт. Ахеец (ну и силен же он был!). Меня останавливает лишь то, что мои друзья, как, впрочем, и враги — ведь любая привлекательная женщина обязательно вызывает к себе зависть,— которые могли бы поведать гораздо более возвышенную и трогательную историю, лишены этой возможности. И я должна сделать это вместо них.

Да, порой я бывала участницей грустных событий, так случилось и в этот раз. Не претендуя на роль главной героини этой истории, несчастной мечтательницы Коры, которую сгубила красота, как других женщин губит их уродство, я все же позволю себе высказать вслух некоторые ее мысли и говорить от ее имени, а также от имени Эвностия, последнего минотавра, и Эака, критского принца.

Вы ждете печальную повесть? Но в любом, самом темном лесу всегда есть залитые светом поляны. Если же вы хотите читать лишь о смерти или насилии — отложите эти таблички в сторону, они не для вас.

На лужайке, заросшей желтыми цветами гусиного лука, закинув копыто на копыто и непринужденно отбросив хвост, лежал на спине Эвностий. Голова его покоилась на давно заброшенном муравейнике, в зубах было зажато тростниковое перо. Отдыхающий теленок, маленький минотавр,— какая безмятежная картина! Говорят, что минотавры — свирепое племя, и действительно, если их рассердить как следует, они превращаются в грозных и безжалостных воинов, больше похожих на кентавров, чем на людей. Но в повседневной жизни это вполне миролюбивые существа, склонные к созерцанию, отличные садовники и столяры.

Хотя ему исполнилось всего лишь пятнадцать, он был сильным, высоким и мускулистым мальчиком — говоря «мальчиком», я имею в виду его молодость, а не принадлежность к племени людей,— с нежным румянцем на красивом лице и рыжей, как перья дятла, гривой, которой он очень гордился.

— Эвностий!

Он быстро сел, хлопнул по земле хвостом с рыжей кисточкой на конце, идеально приспособленным, чтобы отгонять мух, и выронил изо рта перо. Я заметила, что сквозь гриву начинают пробиваться очень складные рожки. Да, скоро он станет совсем взрослым быком.

— Кто-то зовет меня?

У него был низкий, спокойный голос. Он будто говорил: «Не спеши, давай поболтаем. Наш разговор будет недолгим, но приятным».

Я вышла из-за деревьев. Эвностий быстро вскочил на копыта, одним прыжком пересек лужайку и по-мальчишески

обнял меня. Его восхищение всегда доставляло мне удовольствие: молодой человек поклоняется опытной женщине, которая, несмотря на свой возраст и все превратности судьбы, находится в прекрасной форме. А выглядела я действительно великолепно, в чем еще раз могла убедиться сегодня утром, когда перед зеркалом надевала платье из листьев водяной лилии, украшала свои запястья браслетами из позеленевшей от времени меди и, делая небольшую уступку приличиям, закрепляла в ложбинке на груди крупный турмалин[2].

— Тетя Зоэ!

Это было уважительное обращение, которое, по правде говоря, мне не особенно нравилось. Я вовсе не приходилась ему тетушкой, а была подругой его больной матери, которая и настояла на том, чтобы он меня так называл. (А когда-то, кажется, лет сорок тому назад, я была подругой и его отца.)

— Эвностий, мне надо отнести корзину с желудями Мирре и Коре, может, мы пойдем туда вместе? Этот хулиган кентавр Мосх стал доставлять мне массу неприятностей с тех пор, как мы с ним расстались, и лучше, если рядом со мной будет мужчина.

Я вовсе не боялась Мосха, мне даже нравились его заигрывания, и я собиралась возобновить с ним отношения, правда лишь после того, как отдохну и взбодрюсь с более молодыми мужчинами. (Вы понимаете, что когда я говорю «мужчина», я имею в виду любых взрослых особей мужского пола, а не только людей.) Но мне хотелось, чтобы Эвностий почувствовал себя сильным и мужественным. Уж год, как он осиротел и очень нуждался в поддержке и руководстве взрослой женщины.

После того как я произнесла имя Коры, самой красивой дриады в Стране Зверей, его уже не надо было упрашивать.

Мы отправились туда через лес. Эвностий, как настоящий разведчик, шел впереди, ударяя со всего размаху палкой с заостренным концом по тем кустам, которые казались ему подозрительными, и постукивая ею по земле, чтобы отпугнуть ядовитых змей. В другой руке он держал тростниковое перо и табличку из пальмового листа. (Да, у минотавров есть руки, копыта у них только на ногах.)

— Эвностий, о чем ты мечтал, когда я окликнула тебя?

— О Коре,— признался он.— Я писал ей стихи.

Он смутился, но лицо его при этом засветилось от счастья. У него были большие зеленые глаза, будто вобравшие в себя

цвет моря, хотя всю свою жизнь он провел в лесу и даже ни разу не выходил из него.

— О чем эти стихи?

— О любви.

— Что ты знаешь о любви, малыш?

Конечно, «малыш» было понятием относительным. К уже имеющимся шести футам роста должен был прибавиться еще как минимум один.

— Это и есть поэзия — писать о том, чего не знаешь. Неужели ты думаешь, что автор «Стука копыт в Вавилоне» когда-нибудь бывал там?

Он стал читать то, что было записано на пальмовом листе, который он нес:

> На копытах легких Минотавр влюбленный,
> Юную дриаду ищет он упорно,
> Что за ним следила из листвы зеленой,
> Поправляя томно локон непокорный.

— Ты, наверное, хочешь сказать — тяжелых?

— Нет, это копыто было очень изящным. Он посмотрел на свои собственные и легонько потопал ими по дерну.

— Звучит многообещающе,— заметила я,— но надо отшлифовать.— Что еще можно сказать подающему надежды поэту, если ты сам настолько не разбираешься во всем этом, что не можешь даже отличить подлинный шедевр от дешевеньких стишков?

— Почему это ты бегаешь от меня, девочка?

Кентавр преградил нам дорогу. Четыре ноги, две руки и всклокоченная седая грива — устрашающее зрелище. Но это был Мосх, а он не опаснее пустого бурдюка. Крошечный поросенок, розовый малыш, который еще не скоро превратится в борова, резвился у его ног.

— Вовсе не бегаю, Мосх, просто я слишком занята, чтобы прогуливаться с тобой по лесу. Я иду к Мирре.

— Кто говорит «прогуливаться»? Я всего-навсего хотел поболтать. И может, позавтракать вместе,— добавил он, покосившись на желуди. Кентавры любят их не меньше, чем дриады. Затем, оглядев Эвностия с ног до головы, он сказал: — Привет, парень. Ну, как у тебя дела с девицами, бегаешь к ним?

Эвностий вежливо кивнул, и внезапно оба они ощутили свою причастность к братству рогатых и хвостатых зверей,

хотя втайне кентавры считали себя существами высшего порядка по той причине, что у них не четыре, а шесть конечностей. А еще, и это вовсе не мои выдумки, между ними появилось молчаливое взаимопонимание мужчин, которые по-настоящему умеют ценить соблазнительную женщину, причем Мосх, временно потерявший меня, слегка завидовал, а Эвностий, обретший, хоть и в качестве тетушки, гордился.

— Будьте поосторожней в лесу,— крикнул Мосх нам вслед. От него пахло пивом.— Были дурные предзнаменования.

Предзнаменования? Какие? Как жаль, что я не вернулась и не расспросила его поподробнее. Дело в том, что Мосх был туповат и, вернись я, обязательно пристал бы ко мне со своими глупыми и занудными анекдотами.

— Надеюсь, он все же не наступит на своего поросенка,— пробормотал Эвностий.— Я только что сочинил новое стихотворение:

Поросенок,
Крошка нежный,
Весел ты всю жизнь свою.
Отчего же неизбежно
Вырастаешь ты
В свинью?

Мы отправились дальше. Из-за кустов смущенно поглядывала на нас молодая медведица Артемиды, голубая обезьяна весело кувыркалась в вершинах деревьев. В Стране Зверей повсюду кипела жизнь. В те времена еще не надо было ни от кого прятаться и нечего было бояться. Мы, звери, то есть существа вроде кентавров, минотавров и дриад, сочетающие в себе черты людей и животных, не убиваем друг друга и, несмотря на то, что употребляем в пищу птиц и кроликов, никогда не охотимся ради развлечения. Я не хочу сказать, что опасности вообще не существует — попадаются ядовитые змеи, летучие мыши-вампиры, можно повстречать и волка, да и паниски — козлоногие мальчишки — прославились по всему лесу своим воровством. Но все же истинная причина того, что медведицы Артемиды всегда прячутся за кустами и боятся оттуда выходить,— их редкостная застенчивость.

Наша страна, наш лес — особые. Дубы, кипарисы и вязы, тамариски[3] и кедры; небольшие рощицы, холмы и лужайки — все это встречается во многих частях Крита. Но мы, мы жили не в лесу, а вместе с ним и никогда не пытались поко-

рить его, нанести раны, подчинить себе. Мы не рубили деревьев, чтобы построить дом, а просто брали у густых вязов несколько веток или срезали тростник, росший на берегу реки, и строили жилище среди деревьев. Нам было жаль уничтожать растительность у себя под ногами, и поэтому узенькие тропинки заменяли нам специально проложенные дороги. Лес был нашим домом, но мы всегда оставались его гостями, а не хозяевами. В то время мы еще были счастливы.

Минотавр цветами разукрасил гриву,
С дерева спустилась юная дриада...

Он остановился:

— Какое слово рифмуется с гривой?

— Крапива,— сказала я, не задумываясь.

— Нет, это слишком мрачно и жгуче, ведь стихотворение очень радостное. Понимаешь, девушка готова ответить на его любовь.

— Прости, Эвностий. Я просто думала о предзнаменованиях, про которые говорил Мосх.

Я не сказала ему о том, что меня мучает предчувствие беды, а я никак не могу понять, откуда она может прийти. Дриады иногда предвидят будущее, это одновременно их счастье и проклятие, но видят они его неясно, будто вглядываясь со дна мутного ручья в туманные очертания на поверхности воды, пытаясь определить, что там — кусок скалы, улитка или рыба.

Первым дурным знаком стала внезапно налетевшая буря. Послышался удар грома — и небо, еще минуту назад безоблачное, обрушило на нас потоки дождя. Даже стоя под дубом, мы насквозь промокли. Вода скапливалась над нашими головами, а затем под ее тяжестью ветви дерева прогнулись, и струи хлынули вниз. Волосы у Эвностия спутались, прилипли к голове, и показались его рожки цвета слоновой кости с розоватым отливом. Мое платье из водяной лилии облепило тело, как холодная змеиная кожа, и готово было разойтись по швам, грозя обнажить мои пышные прелести.

— Ну, это еще не беда,— сказала я.— Мы обсохнем у Коры дома. Думаю, Мосх имел в виду погоду.

Но буря принесла не только дождь. Небо уже очистилось, а над нашими головами так и осталось висеть большое черное облако. Внезапно мы заметили, что оно состоит из отдельных

частиц или, скорее, живых существ. Нет, это было не облако, а нечто вроде стаи огромных птиц.

— Клянусь грудью Матери-богини[4]!..— воскликнул Эвностий.

Он набрался всяких богохульных клятв, когда, после смерти родителей, стал водиться с разгульной компанией. Но меня не шокировали его слова, ведь это была и моя компания тоже.

— На нас напали грифы.

— Нет,— сказала я.— Не думаю, что это грифы. Они не черные, во всяком случае, не все. Смотри, вон там синие, красные, зеленые. Похоже, на них одежда. Мне кажется, что... да, я знаю кто это.

— Кто? — спросил он, полагаясь на мой опыт, накопленный за триста шестьдесят лет.

— Трии.

— Пчелиный народ? — воскликнул он.— С материка?

— Да,— ответила я.— Яркие — это королева и трутни. Темные — работницы. Должно быть, из-за бури они сбились с пути. Или, может, ищут себе новый дом.

— Не очень-то они симпатичные, правда? — Хвост его подергивался, будто отгоняя мух.

— Я никогда не встречалась с ними сама, но кентавры говорят, что они воры и делают всякие мелкие гадости. Способны ли они на что-либо худшее — не знаю.

Трии кружили над нами, переговариваясь. Голоса королевы и трутней были высокими и мелодичными, речь работниц — монотонной и некрасивой. Они явно выбирали место, чтобы сесть. Вскоре рой разделился на шесть групп, в каждой была своя королева, и одна группа направилась прямо к нам. Я потащила Эвностия в заросли деревьев, но обернулась и взглянула прямо в лицо королеве, которая, как огромная стрекоза, зависла в воздухе почти над моей головой. Но смотрела она не на меня, а на Эвностия, словно увидев в нем, как бы это сказать, трутня для своего брачного вылета.

— Пойдем скорее, Эвностий,— быстро проговорила я, стараясь сделать так, чтобы он не оборачивался и не видел неприкрытую похоть на ее лице.— Какими бы они там ни были, к хорошему все это не приведет. Надо предупредить Мирру и Кору.

Мирра жила в стволе дуба, но, как и подобало дому дриады, чей покойный муж и большинство любовников были

кентаврами, он имел выход в небольшую пристройку — круглый домик из тростника, выкрашенный зеленой краской под цвет листьев. В нем было два окна с рамами из красной глины и очень высокий дверной проем, дверью же служили шкуры двух волков, так искусно сшитые вместе, что казалось, они принадлежат одному огромному зверю. Дом не закрывался, и только на зиму в окна вставлялись листы пергамента, защищавшие от порывов ветра и от ищущих пропитания летучих мышей-вампиров. Войдя внутрь ствола, надо было подняться по винтовой лестнице в верхнюю комнату, также сделанную из тростника и расположенную, подобно птичьему гнезду, среди ветвей, только гораздо более аккуратную и красивую.

Мирра сидела внизу за ткацким станком и работала над ковром, на котором в несколько приукрашенном виде был изображен ее покойный муж (предположительно отец Коры). По замыслам вдовы он воплощал все самые лучшие качества своего племени — силу, мудрость и страстность. Сама Мирра была хрупкой, но при этом довольно крепкой — тоненькая, грациозная стареющая женщина, чьи некогда зеленые волосы уже поседели, а уши были изящны, как раковина багрянки[5]. Удивительно, что, несмотря на такую деликатную внешность, у нее было больше любовников, чем у кого бы то ни было во всем лесу, конечно, не считая меня. Вероятно, секрет ее успеха заключался в том, что она говорила «да», когда, казалось, скажет «нет».

— Мирра, со мной гость,— объявила я громко.

— Зоэ и Эвностий! — прощебетала она.— Кора, спускайся скорее, к нам пришли.

Она жестом указала на скамью у стены, и я, опустившись на гору подушек, дала отдых своим уставшим ногам. (Вы, конечно, понимаете, что я не толстая, но тяжесть моей груди дает слишком большую нагрузку лодыжкам.)

— Я принесла тебе желуди,— сказала я. Она приняла мой подарок так, как если бы это были изумруды из страны желтолицых людей.

— Дорогая, мы устроим пир! Мое дерево почти не дало желудей в этом году. Мы поджарим их сегодня вечером. Но ты же промокла до нитки! И ты тоже, Эвностий. Надень одно из моих платьев, Зоэ, а я пока разотру Эвностия простыней.

Эвностий, конечно, ходил без одежды, как все молодые звери, да и многие старые.

— Трии,— объявил Эвностий, начиная согреваться от сильного массажа.— Прямо здесь, в лесу. Мы с Зоэ видели, как их принесла буря.

Мирра выронила простыню.

— Пчелиный народ! Не может быть!

Она начала рассуждать о вероломстве этого племени и о том, что теперь надо ждать беды. Мирра славилась своей болтливостью. Говорили, что, если ты хочешь что-то сообщить всему лесу, надо просто шепнуть об этом Мирре и взять с нее клятву, что она никому не расскажет.

В этот момент спустилась Кора. Она шла так тихо, что мы не услышали шагов, и только аромат дубовой коры и листьев сообщил о ее приближении. Она была высокой и стройной, но не худой и напоминала мне белый лотос. Красота ее успокаивала, а не возбуждала. Взглянуть на нее было все равно что опустить уставшие разгоряченные ноги в холодный ручей. Эвностий быстро подхватил простыню, подкатился кубарем к ногам Коры и бросил простыню ей. Она снисходительно улыбнулась, как улыбается молодая женщина пятнадцатилетнему подростку, и, стараясь не прикасаться к его голому телу, стала вытирать ему гриву.

— Мы всех видели — и королев, и работниц, и трутней,— рассказывал Эвностий, глядя на Кору с обожанием.

— Ну, на трутней можно не обращать внимания,— сказала Мирра.— Это никчемные лентяи, они вечно бездельничают в своих ульях или сидят под деревьями. Следить надо за женщинами. Я слышала о *них,* об этих королевах, от своего покойного мужа. Им только позволь — они станут выдергивать нитки прямо из ткацкого станка.

— Но трутни должны же делать *кое-что,*— высказал предположение Эвностий.— Иначе бы королевы их не держали.

Мирра укоряюще посмотрела на него. Подобно многим женщинам, ведущим себя весьма свободно, в присутствии дочери она становилась необычайно стыдливой.

— Я же сказала, что опасаться надо королев. Интересно, что им потребовалось в Стране Зверей? У нас почти нечего украсть.

— Думаю, их просто занесло сюда бурей,— сказала я.— Будем надеяться, что они здесь не задержатся.

Вскоре мы заговорили на другие темы, и все почувствовали себя очень хорошо и уютно, хотя обычно мне становится грустно, когда я прихожу в дом, где две женщины живут

одни, без мужчин. У Мирры все еще было много любовников, правда, не постоянных, но восемнадцатилетняя Кора была самой «старой» девственницей в стране и являлась источником бесконечных тревог для своей матери.

Так как я недостаточно молода для Эвностия, то решила уступить его Коре и стала работать над созданием их будущего союза. Эвностий был последним минотавром, и мне казалось, что Кора, избавившись от своей непорочности, могла бы родить ему хороших сыновей. Вы, конечно, понимаете, что отпрыски минотавра и дриады не являются гибридами. Сыновья — это минотавры, дочери — дриады. В Стране Зверей живет несколько племен, но они либо мужские, либо женские, за исключением кентавров, у которых есть свои собственные женщины, хотя им весьма нравятся и другие. Люди задают вопрос, для чего Великая Мать создала так много племен, состоящих из однополых существ, и, чтобы размножаться, они должны смешиваться? Ответ прост: она любит многообразие. Ей нравится, когда противоположности сближаются. Она хочет, чтобы ее многоликие дети ценили не только сходство, но и различие.

— А теперь мы выпьем вина и поедим медовых лепешек. Черничное вино подойдет?

— Лучше не бывает!

— И ты тоже можешь налить себе, Эвностий. Ведь ты уже совсем взрослый бычок! (Я не стала говорить ей, что Эвностий никогда не пил молоко, если мог получить вино, а вообще-то предпочитал пиво, и все это из-за того, что водился с дурной компанией.)

— Когда я закончу платье для Коры, мне надо будет сшить тебе набедренную повязку.

Она достала из шкафа кувшин и начала разливать вино по деревянным кружкам.

— Мой муж сам их вырезал,— сказала она,— и я ни за что не променяла бы их даже на серебряные.

Глиняная печь пылала жаром, по комнате растекался запах лепешек с изюмом; гостеприимство и радушие, казалось, принимали осязаемую форму и все время были рядом с тобой, как домашний поросенок кентавра. Я даже перестала обращать внимание на звук падающих капель водяных часов. Кто же знал, что мы вчетвером так мирно сидим вместе в последний раз?

— Эвностий, ты проводишь меня? — спросила я, когда сквозь пергамент на окнах уже больше не пробивались лучи солнца.

К этому времени Эвностий уже перешел к чтению стихов, которые Кора слушала с легкой одобрительной улыбкой, но у меня было странное чувство, что слушала она вовсе не его.

Глава II

У входа в дерево Коры стоял Эвностий и раздумывал, не стоит ли покричать, чтобы она вышла. Если он постучит в дверь — ответит Мирра и, прежде чем позвать дочь из верхней комнаты, обрушит на него свой нескончаемый поток речи. Рядом с Эвностием стоял его приятель, паниск Партридж, который все время давал советы. Ему было лет тридцать. Обычно козлоногие завершают свое умственное и физическое развитие годам к пятнадцати. Что же касается Партриджа, то по уму он тянул лишь на двенадцать. Это был толстый волосатый паниск, на его боках вечно болтались колючки, а из-за того, что он жил в норе, шерсть всегда была в песке. От него постоянно пахло луком, и даже сейчас он продолжал жевать перышки луковой травы. Но Эвностий любил его, так как Партридж считался чем-то вроде изгоя среди своих сородичей. Будучи слишком толстым, он не принимал участия в их грубых, хулиганских выходках, но, и участвуя, не получал бы от этого удовольствия — дело в том, что он был очень добрый.

Между Эвностием и Партриджем, глядя на дерево и ловя своими усиками колебания воздуха, съежившись, сидел тельхин Бион — восьминогое, напоминающее муравья существо, живущее под землей, обрабатывающее своими твердыми, как металл, передними лапками, похожими на клешни, драгоценные камни. Они делали кольца, браслеты, ожерелья, а также разную косметику, вроде краски для век или карминовых румян[6]. Все это обменивалось ими у дриад и девчонок-медведиц на фундук и пшеничный хлеб. Он был гораздо умнее обезьян и котов, но не столь умен, как звери. Как и Партридж, Бион был другом Эвностия.

— Ну, давай, позови ее,— уговаривал Партридж, продолжая яростно грызть свою луковую траву.

— Кора,— почти прошептал Эвностий.

— Эвностий, да крикни как следует, чтобы она услышала.

— КОРА, я пришел в гости! — Он помахал пучком фиалок и с отчаянием посмотрел на балкон, который огибал ствол и верхнюю комнату.

Кожаная занавеска с шорохом отодвинулась, и на балконе появилась Кора. На ней было зеленое льняное платье, вышитое белыми нарциссами, лицо тоже было белым, как чистейший, без единой прожилки, мрамор, залегающий в земле еще с тех пор, как Великая Мать жила на этом острове задолго до прихода людей и зверей. Волосы цвета плюща, освещенного солнцем, завитками ложились на плечи. Кора не носила ни колец, ни браслетов, и лишь на шее была подвеска — серебряный кентавр, который, как она считала, очень походил на ее отца. Но Эвностия привлекали не какие-то отдельные черты, его притягивала окружавшая ее атмосфера недоступности и чистоты. Она напоминала неисследованную пещеру или тихую подземную реку — скрытую, заманчивую и немного пугающую.

В свои восемнадцать Кора казалась Эвностию намного старше, и оттого становилась еще более привлекательной. Если бы она не была столь красива, ее, наверное, считали бы старой девой. (Да, у нас в Стране Зверей тоже есть эти несчастные, так же как и огромное количество беспутных холостяков.) Ее называли равнодушной, надменной, холодной, но никогда не говорили, что она никому не нужна. В действительности все было не так. Она просто ждала, но сама не знала, чего именно.

— Эвностий,— сказала она, выйдя на балкон,— ты пришел к маме?

— Я пришел к тебе,— впервые признался он, хотя в последние несколько месяцев часто бывал в их доме, делая вид, что навещает Мирру, несмотря на то, что та болтала без умолку, как воробей на рассвете.— Спускайся ко мне.

Его хвост так и ходил из стороны в сторону — он очень волновался.

Она ответила не сразу. «Наверное, слышала о моих похождениях»,— подумал он не без гордости. В пятнадцать лет приятно, когда тебя считают хитрым соблазнителем.

— Хорошо.

Эвностий был благодарен, что Кора не убежала кокетливо в свое дерево принарядиться или украсить волосы черепаховым гребнем. Казалось, она не осознавала своей красоты, а считала ее скорее помехой, из-за которой бесчисленные кентавры, начиная с подростков и кончая выжившим из ума Мосхом, постоянно стучались к ней в дом. И не успел еще светлячок промерцать шесть раз, как девушка вышла из двери внизу.

— Отдай ей цветы,— зашипел Партридж, настолько переживавший за своего друга, что ему можно было за это простить и запах лука, и колючки, повисшие на боках.

Конечно, он не отличался большим умом, но знал, что надо делать, когда дриада стоит в дверях. Эвностий тоже знал, как себя вести, но только с более доступными дриадами. Мой друг Миртл просветил его на сей счет еще в одиннадцатилетнем возрасте. В последний же год, осиротев, он болтался по всему лесу без присмотра, ночуя в пещерах и норах или прямо под деревьями, пустился во все тяжкие вместе с молодыми кентаврами и начал жить с дриадами, но каким-то образом умудрился сохранить хорошие манеры и внутреннее благородство, привитые ему матерью-дриадой и отцом-минотавром.

Эвностий протянул Коре цветы, и она взяла их. От волнения он с силой размахивал хвостом и переминался с копыта на копыто.

Фиалки начали вянуть — он слишком долго продержал их в своем разгоряченном кулаке, но Кора приняла букетик так, будто это были розы, хотя ничего не сказала — она вообще говорила редко. Молчание окутывало ее, как подвенечный наряд. (Когда звери ухаживали за ней, они думали о свадьбе, а не об оргиях, точно так же, как они думали об оргиях, а не о свадьбе, когда ухаживали за ее матерью или за мной.) Но вот Кора улыбнулась и ласково потрогала рога Эвностия.

— Дорогой Эвностий. Цветы чудесные.

Она была очень тактичной, ведь дриады не выносят, когда растения вырывают с корнем из земли, срезают или калечат каким-либо другим способом. Мы предпочитаем оставлять цветы на кустах, а кусты в земле. А если мы и едим желуди, то для того, чтобы они не достались белкам или чтобы запастись энергией на то время, пока мы находимся вдали от своих дубов.

Охваченный порывом чувств, Эвностий схватил Кору за руку и с силой увлек за собой. Фиалки упали на землю, ветер растрепал ее волосы, взметнул вверх длинное платье, и тут неожиданно она рассмеялась.

— Твой смех напоминает мне звон колокольчиков,— сказал Эвностий.— Тех, которые кентавры вешают у себя на окнах.

— Разве я смеялась? — спросила она.— Я даже не заметила.

Почему она не сказала: «Я смеялась от счастья, что ты рядом со мной»? Но такова была Кора — абсолютно бесхитростна и от этого еще более пленительна.

— Куда мы идем, Эвностий?

— Увидишь.

Бион отправился было следом — на восьми лапках нетрудно было угнаться за ними,— но Партридж остановил его громким окриком:

— А ты куда, идиот? У них свидание.

У Партриджа никогда не было женщины, но в его жирном теле таилась благородная, романтичная душа, и ему нравилось представлять своих друзей героями бесконечных любовных приключений.

Бион опустил свои усики и помрачнел. Тельхины понимают простейшие слова, и «идиот» застряло у него в голове. Партридж похлопал его по твердому боку.

— Я хотел сказать не «идиот», а «простофиля»,— извинился он.

Словарный запас Партриджа был невелик, и он считал, что «простофиля» означает «простой», а вовсе не «глупый». К счастью, слово было новым для Биона, и он успокоился. Они сели под дерево и стали ждать возвращения своего друга.

Эвностий повел Кору через кипарисовый лес и заросли, где прыгали в поисках еды голубые обезьяны, а из кустов выглядывали любопытные, никого не боявшиеся кролики. По дороге им попался паниск, который тыкал палкой в перевернутую черепаху. Эвностий выхватил у него палку, поставил несчастное животное на ноги и подождал, пока оно проковыляет в безопасное место.

Паниск, которого звали Флебий, выкрикнул какую-то непристойность, и Эвностий повалил его на траву ударом в живот.

— Несорванный виноград засыхает и превращается в изюм,— кричал им вслед Флебий, но Эвностий был слишком счастлив, чтобы задумываться над метафорой.

Девчонка-медведица, собиравшая ежевику, бросила свое ведро и пошла за ними следом. Ей не требовалась одежда или украшения, мех на голове был похож на маленькую круглую шапочку, из которой, как кокетливые перышки, торчали уши, мех на теле вполне мог заменить шубу, а круглый хвост напоминал большой орех. На шее у нее висели бусы из черных ягод гибискуса[7]. Эвностий, хотя ему и нравились девчонки-медведицы, не любил, когда они за ним увязываются в подобных обстоятельствах.

— В кипарисовой роще я видел свирепого медведя,— сказал он.

Этих слов было вполне достаточно, чтобы девчонка побежала прятаться. Хотя медведицы считали, что происходят от богини Артемиды и благородного бурого медведя, тем не менее они были убеждены, что современные медведи, забыв об этом достойном союзе, стали относиться к ним как к редкостному лакомству. (Правда, никто не мог припомнить случая, чтобы медведицу съел кто-нибудь другой, кроме волка. Надо иметь слишком крепкий желудок, чтобы переварить столько меха.)

Наконец они вышли на просеку, где стоял большой ствол некогда самого старого и огромного дерева. Это был дом Эвностия. Год назад в него ударила молния. Именно тогда Эвностий потерял своих родителей и, насколько мне известно, после их смерти уже не жил в этом грустном месте.

— Эвностий,— воскликнула Кора,— после того, как ты обрубил все обгоревшие ветви и оставил только нижнюю часть ствола, он стал похож на маленькую круглую крепость. Подумать только, это дерево уже росло, когда Крит еще населяли титаны[8]. Тогда все было таким большим. Ты живешь здесь сейчас?

— Нет еще,— сказал он таинственно.— Заходи.

Они вошли в дверь, державшуюся на деревянных петлях, и оказались внутри ствола. Он был полым, крыши над ним не было. В центре ствола стоял круглый бамбуковый домик, с одной стороны от которого Эвностий развел огород, где морковь выстроилась рядами, как королевская гвардия, и капуста лениво развалилась на грядках, напоминая толстых евнухов; цветы же, росшие с противоположной стороны — шиповник и водосбор,— были их королями и королевами.

— Как здесь хорошо! — сказала Кора.— Два сада и домик между ними.— Все вокруг было таким изящным, что Кора с трудом могла поверить, что этот вроде бы неловкий мальчик смог сам сделать островерхую крышу, вырезать окна, похожие на узкий серп луны, и дверь, напоминающую полумесяц.

В первой комнате в глиняном полу был сооружен бассейн. Из него бил фонтан, который освежал воздух, подобно ветерку, прилетевшему со снежной вершины горы Иды[9]. На песчаном дне лежали подарки Виона — драгоценные камни: сердолик, аметист, берилл[10] — и стояла маленькая крепость, сделанная из морских раковин, которые Эвностий выкопал из земли,— память о тех временах, когда на месте леса плескались волны Великого Зеленого моря.

— В крепости живет черепаха,— сказал Эвностий.

Он очень любил черепах,— они такие сдержанные и независимые, совсем как Кора, и так не похожи на него самого.

Но Эвностию не были чужды и повседневные заботы. Ведь минотавры не только отличаются сильно развитым чувством прекрасного, но и чрезвычайно трудолюбивы. (Можете, конечно, называть их не художниками, а ремесленниками, но тогда этот образ утратит присущие ему черты утонченного эстетизма). Рядом с фонтаном, но так, чтобы на него не падали брызги, стоял бамбуковый стул с перекрещенными ножками. На нем лежали подушки.

— Подушки вышила Зоэ,— признался он,— но набивал их я сам.

Он знал, что дриадам нравятся подушки, набитые мхом, хотя мох и портит их деревья.

— Есть еще кровать,— добавил Эвностий несколько неуверенно, боясь, как бы Кора не заподозрила его в дурных намерениях.— В соседней комнате.

Кровать представляла собой бамбуковую раму, закрепленную на высоких устойчивых ножках-копытцах. На раму была натянута волчья шкура.

— А еще есть плита из красного кирпича, и кастрюли, и — вот, посмотри, кладовая с запасами.

Он показал ей кувшин с жареными желудями, миску с улитками в оливковом масле, сыр из медвежьего молока, корзину с хрупкими воробьиными яйцами и пирог с мясом горностая.

— Этот пирог испекла Зоэ. Я не умею готовить. А ты, наверное, умеешь.

— Эвностий, мне очень нравится твой дом.

— Наш дом,— поправил он. «Конечно, она умеет готовить,— подумал он.— Зоэ наверняка научила ее».

Кора ничего не ответила. Она села на стул, уткнулась в подушку и заплакала. Плакала она тихо, но слезы текли рекой.

Эвностий, который не привык к этому и уж совсем не ожидал слез от всегда сдержанной Коры, встал рядом с ней на колени, откинул ее волосы и поцеловал в кончик острого ушка — у дриад это самое чувствительное место. Только тот, кто их любит по-настоящему, может позволить себе такую вольность.

— Тебе не понравился мой дом,— сказал он, но в его словах не было упрека.— Чересчур маленький и слишком

простой. Наверное, это потому, что я сирота и у меня плохой вкус.

— У тебя великолепный дом.

— Значит, дело во мне. Я кажусь тебе грубым. У меня грязные копыта и растрепанная грива.

Она посмотрела на него своими ярко-зелеными глазами, которые даже сквозь слезы казались кусочками малахита:

— Нет, Эвностий. Дело совсем в другом.

— Наверное, я слишком молодой и неопытный? Но я уже целый год живу один, а сироты взрослеют быстро. Мы,— нотка гордости зазвучала в его голосе, а грудь расправилась и стала шире дюйма на три,— мы с ребятами уже год как ходим к дриадам.

— Я знаю. Неужели ты думаешь, что мама мне ничего не рассказывает? Не нужно извиняться.

— А я и не извиняюсь,— пробормотал он.

— Я на тебя не сержусь. Что же еще делать молодому бычку, если у него нет своей семьи?

— Раз я не грубый и не чересчур молодой...

— Ты ничего не сказал о любви.

— Я же показал, как я к тебе отношусь. Разве это не одно и то же?

— Дриады любят, когда им об этом говорят.

— Я люблю тебя, Кора.

— Почему ты любишь меня, Эвностий?

— Потому что... потому что ты красивая.

— Через пятьсот лет я превращусь в уродливую старуху.

— А я стану старым маразматиком, как Мосх, и не замечу этого.

— У меня не такая грудь, как у Зоэ.

— Она будет развиваться.

— Как сильно ты меня любишь?

— Больше, чем свой новый дом. Больше, чем друзей — Партриджа и Биона.

— Надеюсь.

— Больше, чем всех остальных дриад в лесу.

— Даже больше, чем Зоэ? (Вот мерзавка! А я еще пекла для нее пирог и шила новые полотняные подушки.)

Он задумался.

— Я очень люблю Зоэ как тетушку и как друга. Но тебя я люблю больше. (Я вынуждена сказать это вместо него.)

— Продолжай.

— Я буду работать для тебя! Знаешь, в саду есть люк, который ведет в подземную мастерскую. Это там я сделал стул и кровать. Я буду делать разную мебель и зарабатывать этим на жизнь. Кора, я хочу стать столяром!

— Тебе это подойдет.

— А тебе?

— Столяр — звучит не очень поэтично.

— Возьми желуди,— сказал Эвностий с отчаянием, изо всех сил пытаясь придумать стихотворение. И тут ему на память пришли стихи, написанные уже давно для другой дриады. Конечно, слишком сентиментальные, но дриады и, как подсказывал ему опыт, вообще женщины, обожают все сентиментальное. Правда, стихи были о морской птице, а не о лесной, но для данного момента они могли подойти.

О Альциона[11], любовь моя,
Над морем в ясной вышине
Из шелка сеть раскинул я,
Но не слетела ты ко мне.

О Альциона, любовь моя,
Над морем в ясной вышине
Простер пустые руки я.
И прилетела ты ко мне.

— Дорогой Эвностий, никто никогда не посвящал мне таких очаровательных стихов!

— Значит, ты будешь жить со мной в моем доме?

— Ты действительно делаешь мне предложение?

— Мы устроим самую пышную свадьбу во всей стране. Зоэ будет играть на флейте, а Мосх поведет танец Питона. Мы позовем всех кентавров и медведиц Артемиды, а из паниксов только тех, кто, вроде Партриджа, не напивается. Как ты думаешь, Кора?

Она отвернулась от него, прошлась по кухне, оборудованной с любовью и вкусом, и опять вошла в комнату с фонтаном. Затем долго смотрела на воду.

— Не сейчас, Эвностий. Я все еще жду.

— Что же ты ждешь, Кора?

— Не знаю,— сказала она.— Понимаешь, у меня бывают видения. Я вижу то, что происходит вдали от Страны Зверей: дворцы, людей, корабли, носы которых украшены фигурами драконов, большие красивые повозки с разноцветными балдахинами. Их тянут животные, похожие на нижнюю часть кентавра.

— Это лошади.

Он читал «Стук копыт в Вавилоне».

— И здесь же, на Крите, я вижу дам в длинных, напоминающих колокольчики юбках и мужчин, которые состязаются с быками.

— Лично я,— сказал Эвностий,— не считаю, что это хорошо — состязаться с быками, держать их в загоне, а потом, может быть, вообще пустить на мясо.

— Критяне не убивают быков. Во всяком случае на арене. Мужчины и быки выступают вместе. Для животных, которые считаются священными [12], это большая честь, а мужчины очень храбрые и ловкие.

— Понятно,— сказал он, успокоившись насчет быков,— и тебе это нравится?

— Не знаю, надо сначала посмотреть.

— Ты собираешься отправиться в путешествие? Как кентавры, на плоту?

— Ты же знаешь, что я не могу далеко уйти от своего дерева.

— Но можно построить плот из дубовых бревен.— Это была не просто обмолвка, это было уже святотатство.

— И убить все эти деревья? Нет, ни за что. Мне придется ждать здесь, пока кто-нибудь из них не придет сюда сам.

— Ну, бык-то не придет, в этом можно не сомневаться. Во всяком случае тот, который выступает. («Какая же ты глупая, Кора,— подумал Эвностий и чуть не заплакал,— разве ты не видишь, что здесь, в доме, рядом с тобой уже есть бык?»)

— Пойдем в сад.

Эвностий не любил долгих бесед. Красноречие его проявлялось лишь в стихах на пальмовом листе. Когда же начинались разговоры, он становился таким же немногословным, как Партридж, и особенно в обществе Коры. Пора было предпринять следующий шаг. Фиалки завяли, но оставались шиповник и водосбор.

— Не надо, Эвностий,— закричала она, когда он наклонился, чтобы сорвать большой бутон, готовый раскрыться во всем своем малиновом великолепии.— Пусть растет. Так он проживет еще несколько дней. А, сорвав, ты убьешь его!

Он выпрямился. Руки его были пусты.

— Мне нечего тебе подарить.

Он хотел прочитать стихотворение, написанное специально для нее, но слова застряли у него в горле.

— Придется подождать, пока я вырасту. Когда мне будет шестнадцать, а тебе девятнадцать, мы уже почти сравняемся. Что бы ты ни говорила, разница в возрасте все-таки чувствуется.

Она дотронулась до его рогов, посмотрела на него с глубочайшей нежностью и улыбнулась:

— Я не могу заставлять тебя ждать, Эвностий.

— Мне это не трудно.— Он подумал об уступчивых, окутанных запахом листвы дриадах, мягких, как их похожие на гнездышки постели. Они шли к нему в объятия, вскрикивая от предвкушения, и покидали их со вздохами благодарности: «Эвностий, когда ты успел так много узнать? Моску четыреста лет, а он мог бы поучиться у тебя!» Податливые дриады. Благодарные дриады. Сможет ли он отказаться от всех этих удовольствий на целый год? Возможно. В пятнадцать лет все кажется осуществимым (а случайные прегрешения простительными).

— Понимаешь, милый, может быть, скоро я найду то, чего жду. И я буду ждать своего счастья.

Вдруг на землю упала тень — и сразу поблекли все цветы. Взглянув на небо, Кора воскликнула:

— Эвностий, кто эта красивая женщина с крыльями? Это, наверное, одна из тех пчелиных королев, о которых ты нам рассказывал?

— Мне она не кажется красивой — слишком тощая,— сказал он.— И вообще, она не имеет права шпионить за нами, даже если она и королева!

— Мне кажется, она шпионила за тобой,— сказала Кора после того, как королева, спикировав над ними, исчезла за краем ствола.— Она как будто оценивала тебя.

Уж не появился ли оттенок ревности в ее голосе? Во всяком случае, когда они вышли из ствола и направились к ее дереву, она держала Эвностия за руку. Такую вольность она не позволяла себе ни с одним мужчиной, кроме покойного отца. «Конечно,— думал Эвностий,— не исключено, что она относится ко мне, как к своему младшему брату. Но с другой стороны...»

Лес с удивлением наблюдал за ними, строя догадки. Девчонка-медведица вылезла из своего укрытия в корнях дерева, забыв про свирепого медведя, и с таким любопытством смотрела им вслед, что просыпала из ведра всю ежевику. Флебий, прятавшийся за платаном, понимающе ухмыльнулся: «Ну

что, сорвали виноград?» Партридж и Бион все еще болтались около дерева Коры. Ее мать приглашала их зайти и выпить чаю из котовника, или, как его еще называли, кошачьего хмеля, но она вываривала листья так долго, что хмеля-то в них и не оставалось, а без хмельного Партридж не согласен был выслушивать ее нескончаемые монологи. Он отклонил приглашение под «неоспоримым» предлогом, что не одет соответствующим образом.

— Ну, как? — закричал он, когда Кора была уже в своем дереве, а слегка ошалевший минотавр стоял рядом с ним.— Судя по тому, что она держала тебя за руку, вы нашли общий язык.

— Я буду ждать,— сказал Эвностий.

— Ждать! Сколько?

— Не знаю. Может быть, год.— Партридж с такой злостью топнул ногой, что на дерне остался глубокий след:

— Эти мне девственницы! Да я в любое время найду себе покладистую дриаду (Бедный Партридж. Когда дело касалось его, все дриады сразу становились непокладистыми.)

— Я с этим покончил,— сказал Эвностий, но в его голосе прозвучали грустные нотки.

Глава III

Кора проснулась, когда косой солнечный луч, нежный, как побег виноградника, погладил ее по лицу. Она спустила ноги на пол, покрытый мхом, нащупала сандалии и, подойдя к шкафу из кедрового дерева, вынула оттуда зеленое полотняное платье и накидку, будто сотканную из лепестков красных и белых роз. Затем она умылась дождевой водой, собранной с веток дерева в чашу. Ей не нужно было смотреться в зеркало, она знала, что волосы в порядке и можно не причесываться. Спала она всегда очень спокойно, даже когда видела сны.

Кора вышла на балкон и взглянула на ветви дерева, укрывавшие листвой ее комнату, как заботливые руки киклопа[13].

— Отец-дерево,— прошептала она.— Я хочу купить Эвностию подарок.

Она всегда разговаривала с деревом, прежде чем отправиться по своим делам. В этот раз дерево задрожало от удовольствия, как животное, которое погладили. Она получила

одобрение. Дереву нравился Эвностий. Кора вернулась в комнату и спустилась по лестнице, расположенной внутри ствола, вниз. Остановившись у постели спящей матери, она посмотрела на ее хрупкую фигурку. Мирра всю ночь развлекала кентавра и наверняка не проснется раньше полудня. Бедная мама. Она ни о ком не мечтала и довольствовалась весьма простым обществом.

Кора раскрыла объятия утру, своему единственному любовнику, его солнечным лучам, ароматам, траве, на которой, как кусочки слюды, поблескивала роса. Мечтания прервал стук над головой. Дятлы начали долбить ветви ее дерева. Пришлось запустить в нахальных птиц желудем. Она всегда радовалась, когда прилетали ласточки и соловьи, но дятлы своими грубыми клювами наносили раны дереву-отцу.

Ее очень растрогало то, что Эвностий сделал ей вчера предложение. Она не собиралась давать согласие или заставлять Эвностия и дальше ухаживать за собой. Но вместе с тем ей не хотелось его терять. Трудно было представить себе лучшего мужа, чем он. Нежный и сильный, в меру верный, столяр и в то же время поэт. Но хотела ли она стать женой минотавра, она, которая мечтала о городах, дворцах, о храбрых и ловких критянах, состязающихся с быками?.. Ей надо было подобрать Эвностию подарок, красивый, но не слишком интимный. Подарок сестры, а не любовницы. Но что?

Медведицы Артемиды славились своими ожерельями из черных ягод гибискуса, кроме того, они собирали на продажу малину; но как только она представила себе Эвностия с ожерельем, ей сразу стало смешно, а ягоды он мог набрать и сам. Беспутные паниски вообще ничего не изготовляли. Тельхины занимались чеканкой по металлу и делали украшения с драгоценными камнями как для мужчин, так и для женщин, но она не могла вообразить себе кольцо на толстом пальце Эвностия. Если бы он хотел иметь такое кольцо или серебряные наконечники для рогов, которые были очень модными во времена его отца, Бион давно бы их ему сделал. Оставались кентавры, практичные земледельцы, которые производили большую часть продуктов в стране: зерно, оливковое масло и молоко, а также весь сельскохозяйственный инвентарь — грабли, мотыги и плуги для быков. Раз у Эвностия есть сад, она купит ему мотыгу или тяпку (плуг для быка казался ей не совсем уместным подарком для минотавра и, кроме всего прочего, он был велик для маленького садика).

Но, вспомнив сон, который она видела прошлой ночью, Кора забыла об Эвностии. Сон? Нет. Она слишком ясно все видела и слишком хорошо все помнила. Теперь почти каждую ночь ее душа на время оставляла тело, и ей виделись картины ужасные и восхитительные. То, что предстало перед ней прошлой ночью, было действительно прекрасным, хоть и немного страшным: молодой принц стоял у бассейна с голубыми лотосами и серебристыми рыбками. Рядом с ним была девица с раскрашенными сосками (явно распутница). Они разговаривали. Затем он вышел из дворца, направился к тамарисковой роще и скрылся в ней, а девица пошла за ним следом.

Кора пыталась окликнуть принца, но не знала его имени. И все же, похоже, ее зов был услышан. Он страстно обнял тамарисковое дерево, а ее тело отозвалось сладостной мукой, названия которой она не знала.

— Кора!

Паниск встал на ее пути. Флебий. Он был самым крупным из паниско и выглядел лет на пятнадцать. У него были длинные крутые рога, а ноги обросли грубой рыжей шерстью.

— Куда ты идешь?

— В город кентавров,— ответила она не очень любезно. Правда, и вопрос был задан не слишком вежливо, но самого Флебия Кора даже жалела — жизнь его была бесцельной и бессмысленной.

— Почему бы тебе не зайти ко мне?

— Мне надо обменять эту полотняную накидку на мотыгу.

Паниски никогда не принимали ванну, не стриглись и не мыли копыт. Они выглядели так, будто только что вывалялись в куче мусора, выметенного из дома после большой уборки. Кора с удовольствием отмыла бы Флебия, но она знала, что паниски боятся воды примерно так же, как рыба суши. «Бедный маленький бродяга,— подумала она, стыдясь своего отношения к нему.— Неудивительно, что он так живет и так выглядит, ведь рядом нет никого из взрослых, кто мог бы им заняться». Она и не думала бояться его. Паниски никогда не делали ей ничего плохого, не считая двусмысленного высказывания Флебия о винограде, превращающемся в изюм.

Вдруг Флебий схватил накидку, но Коре удалось выдернуть ее у него из рук. Он ухмыльнулся:

— Я ведь тоже могу обменять. Отдай ее мне.

Кора ускорила шаг. Один паниск не представлял для нее опасности. Несмотря на кажущуюся хрупкость, она была

ловкой и подвижной, и ей нетрудно было увильнуть от его острых рогов. А если он приведет своих приятелей? Флебий, не торопясь, сошел с тропинки, и в тот же момент кусты вокруг нее затрещали. Послышались топот копыт, хлопанье хвостов и пошлые шуточки. Кора побежала. Дубовые рощи дриад остались далеко позади, и среди мертвенных конусов кипарисовых деревьев с их красновато-коричневыми листьями ей некому было помочь, не видно было даже ни одного кентавра.

Она буквально вылетела на поляну. Слава Зевсу, здесь деревьев нет. Они всегда были ее друзьями, но сейчас за ними могла скрываться засада. При ярком свете утреннего солнца среди маргариток и лютиков она уже ничего не боялась. Волки обычно прятались в темных местах, а летучие мыши-вампиры могли летать лишь в густой тени, и сами были похожи на тени. Однако, несмотря на солнце и яркие цветы вокруг, банда панисков — их было восемь — появилась из-за деревьев. Улыбаясь, медленно, но решительно они стали ее окружать. Да, это были дети, но дети, сбившиеся в банды, страшны. Они взялись за руки, и Кора оказалась в живой тюрьме.

— Что вам надо? — спросила она, пытаясь сдержать дрожь в голосе.

Смешки, блеянье, а затем тишина. Они начали кружиться вокруг нее, слегка раскачиваясь из стороны в сторону, будто исполняли какой-то ритуальный танец, посвященный Богине-Луне. Движения их все убыстрялись. У Коры закружилась голова.

— Тебе это нужно? — крикнула она и швырнула Флебию полотняную накидку.

— Да,— сказал он, поймав накидку на лету, нацепил ее на свои волосатые плечи и стал скакать по траве, как пьяная менада[14].

«Может быть,— подумала Кора,— удастся прорваться сквозь цепь в том месте, откуда он вышел».

— И это? — Она бросила ему свое кольцо-инталию[15], которое ей вырезали тельхины.

—Да.

Вырваться было невозможно. Теперь они расцепили руки, но только для того, чтобы схватить ее, шлепнуть или ткнуть в нее своими волосатыми пальцами.

— Что вам еще нужно, грязные мальчишки?

Флебий откинул голову назад и засмеялся. Казалось, будто одновременно заблеяло с десяток козлов. Дети так не смеются.

Паниски были слишком ленивыми, чтобы сооружать себе дома. Они пользовались тоннелями, норами и другими строениями, оставленными гигантскими бобрами, некогда жившими в этой стране и ставшими первыми жертвами Войны с Волками. А так как паниски были ворами, они тщательно закрывали вход в тоннели кустами и камнями, чтобы скрыться от своих преследователей.

Компания Флебия занимала домик, построенный из грязи и веток в середине небольшого озера, которое некогда перекрыли плотиной бобры. Во времена бобров в доме был сухой этаж и крытый бассейн, но паниски не любили воду и завалили бассейн землей, чтобы попасть в дом, им приходилось карабкаться по тоннелю, прорытому под озером и имеющему выход прямо в круглую комнату с низким потолком. Комната эта была неимоверно грязной. Первоначальные обитатели дома, народ простой, но аккуратный, пришли бы в ужас, увидев кучи гниющих листьев, служащих постелями, побитую молью волчью шкуру, расстеленную на куске дерева,— сооружение, которое с очень большой натяжкой можно было назвать столом, и грубые глиняные горшки, причем некоторые были опрокинуты и валялись в лужах сока, а от других отвратительно пахло давно скисшим молоком или прогорклым оливковым маслом. Все хорошие вещи были ворованными: платье украли прямо с ткацкого станка дриады, секатор пропал у Хирона из виноградника на прошлой неделе, драгоценные камни похитили из мастерской тельхинов. А там — что это за туника, сделанная из незнакомого поблескивающего материала, которую кто-то аккуратно разгладил и повесил на стену? Она явно не из шерсти и не из полотна.

Что касается самих жильцов, то там обитали двенадцать, нет, тринадцать панисков и четыре медведицы Артемиды — потерявшие всякий стыд девчонки, водящие компанию с козлоногими. Мальчики и девочки обычно завершают свое физическое развитие в возрасте от двенадцати до пятнадцати лет, а половая зрелость наступает у зверей в одиннадцать или двенадцать, и они нередко вступают в связь друг с другом, причем весьма недолговечную. Зачастую на несколько мальчишек приходится одна общая девица.

В результате этой связи появляется на свет потомство. Двое из четырех медведиц флегматично баюкали младенцев — малютку-медвежонка и панисенка.

Племя отказалось от этих девчонок. Они не обладали тонким очарованием своих более культурных сестер, живших в полых бревнах и честно зарабатывавших себе на жизнь, делая из ягод ожерелья. Руки у них были красными и грубыми, а мех длинным и неопрятным. Ожерелья, которые они носили, были не из черных ягод гибискуса, а из переплетенных разноцветных металлических проволочек и других ярких и безвкусных предметов, украденных, выкопанных из земли или найденных на дне ручейков. Это были развратные девчонки. Они посмотрели на Кору так, будто она пришла сюда, чтобы украсть их мужчин, и ее поразил этот опытный взгляд на молодых лицах. Ходили даже слухи, что они жуют листья растений, привезенных кентаврами из путешествия на восток, и наслаждаются экзотическими видениями или же впадают в наркотический ступор. И действительно, одна из девчонок валялась в углу, свернувшись калачиком, не обращая никакого внимания на своих друзей, и было похоже, что она полностью поглощена своими галлюцинациями. Кто-то заговорил с ней, но медведица даже не пошевелилась, и выражение ее лица ничуть не изменилось.

— Эйрина вырубилась,— сказала другая девчонка.

— Значит, пропустит ужин.

— Да на что он ей? Пожалуй, я к ней присоединюсь.

— Травка подождет. Сначала развлечение.

Похоже, развлечением была Кора. Флебий швырнул ее на середину комнаты, как охотник швыряет ногу оленя своим голодным товарищам. Коре даже пришла в голову мысль, что она предназначена на обед. Правда, известно было, что паниски предпочитают растительную пищу — траву, корни, нижние ветви деревьев, а еще лучше, если это овощи, украденные из сада кентавров, но они могут также съесть все, что попадет под руку, включая кожаные сандалии. «Ну что ж,— подумала она с тайной самоиронией, присущей ее размышлениям,— половина из них останется голодными. На тринадцать порций меня явно не хватит».

Но, как оказалось, есть ее не собирались. Пока не собирались. Компания томилась от безделья, поэтому дриада, попавшая к ним в дом, представляла особый интерес, ведь они были еще детьми, во всяком случае, существами весьма инфантильными и любопытными. Они разглядывали ее и тыкали в нее пальцами — она била их по рукам. Они стали щипать ее и толкать — она ударила одного из них ногой по голени и он, хромая, отполз в угол комнаты.

— Давайте макнем ее в озеро.

— Давайте повыдергаем все ее красивые волосы.

— Давайте разрежем ее на кусочки и попробуем, какая она. (Вот... начинается.)

Детская фантазия не имеет границ. Кора содрогнулась. Во рту появился горький привкус страха. Но чувство собственного достоинства не оставило ее. Она выпрямилась во все свои пять футов и, как ей казалось, величественно посмотрела на них сверху вниз, затем разгладила полотняное платье, которое они измяли, и, согнув ногу, поправила сандалию.

— Вы отвратительные дети,— сказала она.— Если вы меня не отпустите, Эвностий и кентавры потопят вашу жалкую хижину. В отличие от вас они умеют плавать.

— Потопят вместе с тобой? Они ведь даже не знают, что ты здесь,— сказал Флебий.

Компания отреагировала на его слова как на удачную шутку, мальчишки затопали копытами, а девчонки захлопали в ладоши:

— Даже и не знают, что ты здесь! — С этими словами они сорвали с нее платье, причем сделали это так неожиданно, подойдя к ней сзади, что она поняла, почему они столь преуспели в воровском искусстве. Затем настал черед поиздеваться над ее маленькой грудью, и все начали соревноваться, кто придумает оскорбление побольнее. («Да, я, конечно, не Зоэ»,— подумала Кора.)

Комната была темной и холодной, без окон и освещалась лишь отблесками огня из глиняной печки, стоявшей на полу, да несколькими огарками свечей, сделанных из пчелиного воска. Кора начала дрожать, чувствуя, что страх одолевает ее. Она присела на пол у печки, и только мысль об Эвностии (он обязательно нападет на след ее похитителей) помогла ей сдержать слезы и не сжаться в комочек, подобно замерзшей ласточке, пытаясь согреться и прикрыть грудь.

Детеныш паниска, чья мать, предаваясь веселью, по-видимому, забыла о его существовании, вскарабкался Коре на колени. От него пахло луковой травой и скисшим молоком. Кора попыталась поставить его обратно на пол, но он неожиданно улыбнулся такой чистой, обаятельной улыбкой, и рожки его, выглядывавшие из волос, так были похожи на маленькие поганочки, что она прониклась сочувствием к этому смелому и трогательному ребенку, к которому собственная мать была столь равнодушна.

«Какой чудный малыш,— подумала она,— и живет в таких условиях». Он потянулся к ее подвеске-кентавру, которую почему-то не сорвали вместе с платьем.

— Тебе нравится? — спросила она с нежностью.— Можешь поиграть с ней.

Но не успела Кора договорить, как он укусил ее за палец, сорвал подвеску с цепочки и бросился с добычей к своей матери.

— Молодец,— проворковала его мать, передразнивая Кору.

Вот теперь Кора заплакала, хотя боль от оскорбленного самолюбия была гораздо сильнее, чем от укуса. Зеленая кровь струилась из ее пальца.

— Ты что, овощ? — спросил Флебий.— Ребята, посмотрите-ка, рядом с нами сидит салат.

— А ты думал, что у всех кровь красная? — рассердилась она. От злости у нее даже высохли слезы.— Мы живем на деревьях и едим желуди. Почему наша кровь не может быть зеленой?

— Делайте что хотите,— сказал Флебий.— А мы будем с теми, у кого кровь красная, правда, ребята?

Ребята откликнулись дружным блеянием.

Медведицы Артемиды, которых никто не спросил, и чья кровь была, скорее, коричневой, чем красной, промолчали.

К счастью для Коры, паниски вскоре отвлеклись и забыли про зеленую кровь, да и про саму Кору тоже. Они вернулись к своим обычным занятиям — шумным играм и безделью. Одна из девчонок надела накидку Коры. Она была ей длинна и волочилась по полу, но, по крайней мере, скрывала ее покрытые мехом ноги. Она начала танцевать, топчась по всей комнате, изображая при этом пение (Коре оно скорее напоминало вой), а паниски отбивали какой-то дикарский ритм. Флебий снял со стены лиру, сделанную из панциря черепахи, и попытался аккомпанировать, извлекая монотонные звуки, похожие на писк летучих мышей. Правда, и слова были соответствующими:

Заклинаем пауков, крыс, нетопырей:
Выходите вы из недр мрачных поскорей,
Чтобы крылья навощить на лету пчеле,
Чтоб дриаду вниз стащить с дерева к земле!

Девчонка, одурманенная травкой, с трудом поднялась на ноги и стояла, раскачиваясь из стороны в сторону в такт музыке, все еще поглощенная своими видениями. Но не все пели и танцевали. Среди панисков и их женщин никогда не

было единства, чем бы они ни занимались. Некоторые сели есть. Они громко чавкали, облизывали пальцы и не обращали ни малейшего внимания на музыкантов. Им, по-видимому, было все равно, что это за еда — сырые немытые корни, тухлая рыба, личинки или поганки. Один из них швырнул какой-то кусочек Коре. Она поймала его, внимательно рассмотрела и с отвращением выбросила. Это был большой белый слизняк, находящийся в летаргическом сне, но живой.

— Зачем зря тратить на нее пищу? — недовольно проворчала мать воришки. Флебий с силой ударил ее прямо по губам.

— Ты каким местом думаешь? Ты что, не знаешь, что нам надо ее беречь? Не забывай про сделку.

Двое панисков схватили Кору за руки, а третий подобрал выброшенного слизняка и с силой засунул ей в рот.

— Эвностий найдет меня,— крикнула она, давясь и чувствуя, как слизняк проскальзывает в горло.

— Он слишком велик для нашего тоннеля. Ему придется извиваться, как змее, и прежде, чем он доползет, мы успеем размозжить ему голову. Кентавры же вообще не могут ползать, а если они попробуют доплыть, то мы встанем на плот и будем расстреливать их из рогаток.

— Что вы собираетесь со мной делать?

При упоминании имени Эвностия к Коре вновь вернулось если и не внутреннее самообладание, то хотя бы внешнее, и вопрос был задан с вызывающим спокойствием.

— А ты как думаешь? — спросил Флебий, этот пошлый мальчишка, глядя на нее с вожделением. Но вожделение быстро сошло с его лица, когда медведица, которую он ударил, и которая явно была его женщиной, с силой наступила ему на копыто.

— Подожди, увидишь,— мрачно сказал он Коре.— Ждать осталось недолго.

Пение стихло, губы перестали чавкать, кость с грохотом упала на пол. Затхлый воздух наполнился запахом пыльцы и меда. Кто-то приближался к дому по тоннелю.

Королева трий вошла в комнату и отряхнула грязь со своих прозрачных крыльев. Затем быстрым взмахом крыла велела компании разойтись и направилась прямо к Коре.

— Дорогая,— сказала она, помогая девушке подняться,— что они с тобой сделали? Платье у тебя украли, лицо все в грязных пятнах. Ну, ничего, со мной ты в безопасности. Меня зовут Шафран или Шафрановая, мы сейчас пойдем домой.

— Но как ты меня нашла? — всхлипнула Кора. Это была та самая королева, которая следила за ними над садом Эвностия.

— Если есть крылья, все видишь.

Никто даже и не подумал остановить Кору, когда она забирала назад свою украденную накидку и подвеску-кентавра. Набросив ее на плечи, девушка пошла следом за Шафран, подальше от этой дурно пахнущей комнаты, на воздух, в мягкие лучи заходящего солнца. Кто-то, правда, затянул бунтарскую песню «Оторви пчеле крыло», но послышался звук пощечины, и пение прекратилось. Оставалось надеяться, что Шафран не разобрала слов. Было ясно, что эта отпетая компания, ни в грош не ставившая никакие добродетели, испытывала благоговение перед подлинным величием.

Когда Кора оказалась на свежем воздухе, то почувствовала, что теряет сознание. Она раскачивалась, как деревце на ветру. Но Шафран подала ей свою маленькую, украшенную драгоценностями руку.

— Потерпи еще немного, дорогая, ты скоро отдохнешь, примешь ванну, поешь и опять станешь такой же красивой, как раньше.

Шафран взяла ее за руку и повела через поле.

— Но мое дерево в другой стороне.

— Ты погостишь у меня.

— Я вам очень благодарна, но сейчас мне нужно идти домой. Мама, наверное, умирает от волнения, и Эвностий тоже.

— Я им сообщу, что ты в полной безопасности. Эвностий придет и заберет тебя.

У кромки леса три мрачные работницы, неподвижные и бесцветные, как глиняные идолы, ждали возвращения своей королевы. По команде Шафран они с шумом поднялись в воздух, подлетели к Коре и схватили ее.

— Я думала, ты меня спасла! — воскликнула Кора, почувствовав, что отрывается от земли.

— Купила, моя дорогая. Причем отдала за тебя немало — шелковую тунику и пять серебряных ножных браслетов. (На самом деле они были оловянными.)

Глава IV

По пути к Коре Эвностий зашел ко мне выпить кружечку пива.

— Зоэ, почему ты такая грустная? — спросил он.— И почему ты на меня так смотришь, будто я чем-то тебя расстроил?

— Не грустная,— возразила я.— Просто задумчивая.

— Нет, грустная. Тебя тревожат трии?

Как мне было объяснить ему, что я думала вовсе не о триях (хотя, наверное, именно о них и надо было думать)? Мне было грустно оттого, что он вырос, и я, которая любила его, когда он еще был маленьким теленком, а потом мечтательным юношей, теперь могла бы полюбить его другой, не столь невинной любовью. Мои любовники называют меня веселой Зоэ. «Она любит нас, а затем оставляет без тени сожаления». Я стараюсь сохранить этот образ. Кому нужна любовница (а становиться женой я вовсе не собираюсь), у которой плохое настроение? Но и мне временами бывает тяжело.

Как я могла сказать Эвностию о своем предчувствии? Я знала, что ему, мягкому и ранимому, придется много страдать, даже в такой доброй стране, как Страна Зверей (мы все еще думали, что она такая), и у меня сердце разорвется от горя, потому что Кора станет причиной его страданий.

— Я думала о том времени, когда мне было столько же лет, сколько тебе сейчас,— перевела я разговор на другую тему.— Я была стройной, как молодой платан, и все кентавры умирали от любви ко мне. Твой отец появился на свет позже.

— Кентавры и сейчас любят тебя,— сказал он,— *все*, и старые и молодые. Ты такая заботливая, как мама.

Я чуть было не дала ему пощечину, но вместо этого улыбнулась, будто он сделал мне роскошный комплимент.

— Спасибо, дорогой. Но копыта уже не так часто стучат в мою дверь.

— Ты всегда мне говорила, что в прошлое надо смотреть только со смехом. Жизнь — шут, а не палач. Так ведь?

— Ты прав,— рассмеялась я.— И свою жизнь я не изменила бы даже за все жемчужины Великого Восточного моря.

— И я тоже,— сказал он.— Я имею в виду твою жизнь. Возьмем, к примеру, твой дом. У Мирры, перед тем как войдешь, надо обязательно вытереть копыта о половик. А у тебя все так...— он попытался подобрать нужное слово,— просто.

Да, это было тактичное слово. Он мог бы сказать — безалаберно. Я и не помню, когда в последний раз делала уборку в своем однокомнатном доме, поставленном на переплетении ветвей. В нем нет внутренней лестницы, как у Коры, и попасть в дом можно только с улицы, поднявшись по лестнице,

сделанной из виноградной лозы. Окна у меня во всю стену, без пергамента, так что комнату в основном убирают ветер и солнце. Мебели мало. Вместо кровати — груда волчьих шкур. Столом служит кусок дерева. Круглый буфет вырублен из пня. В нем сыр, хлеб и бурдюк с пивом. (Вы, конечно, понимаете, что когда дриада обзаводится деревянной мебелью, она сначала должна убедиться в том, что мебель сделана из деревьев, умерших естественной смертью — от удара молнии, засухи, старости, а не убито дровосеками.) В платяном шкафу висят туника и три длинных платья. Одно из них — в критском стиле, с открытым лифом, чтобы была видна грудь. Это подарок любовника-критянина. Свиток папируса с поэмой «Опрометчивость дриады» для легкого чтения в те редкие вечера, когда я бываю одна, подарил мне Эвностий. Это единственная поэма, которую я понимаю; она очень смешная и абсолютно не эпическая. Что еще нужно пользующейся успехом дриаде для того, чтобы развлечься самой и развлечь своих мужчин?

И всегда со мной мой друг — дерево, потрепанное и лохматое, как старый пес, и такое же любимое. Мы, дриады, живем вместе со своими деревьями и умираем вместе с ними, или умираем без них, если по какой-либо причине нас разлучают больше, чем на несколько дней. Если же мы умираем от несчастного случая, а дерево еще сильное и крепкое, на наше место приходят близкие родственники. Известны случаи, когда в одном и том же многолетнем дубе жило несколько поколений дриад. Мой дуб достался мне от матери и бабушки, и, думаю, ему сейчас около тысячи лет, а может, и больше. Не исключено, что он ровесник пирамид.

— Мне надо идти,— сказал Эвностий, но в его голосе слышалось: «Меня можно уговорить посидеть еще немного».

— С каких это пор Эвностий стал так следить за временем?

— Это из-за трий,— признался он.

— Ты думаешь, они могут что-нибудь натворить?

— Ты же сама сказала, что они воры. Я видел одну вчера, и она мне не понравилась. А Кора такая доверчивая.

— Да, я действительно это говорила, но они, наверное, уже вернулись на материк.

— Надеюсь. Все-таки лучше я сделаю дверь в доме Коры. Волчья шкура не спасет от воров.

— Об этом должна подумать ее мать. Ей могут поставить дверь кентавры.

— Мирра стала такой легкомысленной, и, потом, ей сейчас нечего дать в обмен, не то что раньше.

— Получается, ты должен взять на себя все ее заботы.

— Пока не должен, она меня об этом еще не просила. Хотя мне и не трудно. Я труднолюбивый.

— Ты, наверное, хотел сказать «трудолюбивый»?

— Да, именно это я и имел в виду.

— Но ты же занят своими стихами.

— «На копытах легких Минотавр влюбленный...» — начал он декламировать.— Я думаю, для поэзии всегда можно найти время. Но,— на его юном лице появился грустный взгляд немолодого человека,— из стихов двери не сделаешь. Я ведь даже не странствующий певец и не могу зарабатывать своей поэзией на хлеб. Конечно, если посмотреть на все это с практической точки зрения, то мне надо делать мебель.

Трии встревожили его больше, чем можно было предположить. Я уже жалела, что рассказала ему об их дурных наклонностях.

— Выпей еще кружечку пива, и пойдешь.

Старина Эвностий, мечтательный мальчик, почувствовал себя более уверенно и стал лениво потягивать пиво.

— Я придумал рифму к «гриве»,— наконец сказал он.

— Эвностий, что у тебя на уме?

— Но это же лучше, чем «крапива», и, уж конечно, намного лучше, чем «паршиво». Я не хочу, чтобы был плохой конец. Пусть она все-таки придет к нему в объятия. Она встала с постели, где ложилась...

— Лежала! Твоя мать вернется из Царства мертвых, если узнает, что такой невежественной дриаде, как я, приходится учить тебя правильно говорить.

— Я поэт, а не грамотей какой-нибудь. Но ты права.

С этими словами он вскочил на копыта, поцеловал меня в щеку и стал спускаться вниз по лестнице.

— Эвностий, не забывай меня.

— Хорошо, Зоэ.

— И в следующий раз оставайся подольше.

— Обещаю.

В лесу он подпрыгнул, щелкнув на лету копытами, пытаясь убедить себя, что так же счастлив, как и в тот день, когда лежал на поляне, заросшей желтыми цветами гусиного лука,

и сочинял стихотворение. До бури. До появления трий. Ведь он только что повидался со своим лучшим другом (так он меня называл). Но копыта тяжело опустились на землю, голова поникла, и строки стихотворения куда-то улетучились.

Подойдя к дому, Эвностий сразу же почувствовал неладное. На первый взгляд все было по-прежнему: та же тростниковая стена, окна, улыбающиеся своими красными рамами. Аккуратный, веселый домик, казавшийся естественным продолжением своего дерева. И тут он понял, в чем дело: из дома не доносилось ни единого звука. Он подошел к самой двери, но по-прежнему ничего не услышал. Мирра не переговаривалась с Корой и не напевала, готовя ужин. Неужели она отправилась в гости к кентаврам? Очень странно. Обычно в это время она жарила на глиняной сковороде яичницу из голубиных яиц.

Эвностий отодвинул волчью шкуру, без стука вошел в дом и оказался в полной темноте. Солнце уже село, но светильник никто не зажег. Комната освещалась лишь отблесками огня из очага, на котором сегодня никто ничего не готовил. На кровати, под похоронно-черным покрывалом, утопая в подушках, лежала Мирра.

Она повернула голову в сторону Эвностия. Лицо ее было бледным, как выцветшая на солнце раковина.

— Кора не вернулась домой.

— А куда она пошла? — Смысл сказанного не доходил до Эвностия.

— Гулять. И не вернулась домой. Ушла она перед завтраком.

Кора любила уединенные прогулки, но она никогда не покидала своего дерева больше чем на полдня, даже когда отправлялась в город кентавров. Было ясно, что Кора пропала. Эвностию показалось, что его окунули в ледяную воду. Сначала он оцепенел, а затем холод иглами стал пронизывать все тело.

— Ты искала ее?

— Да. И кентавры тоже. Весь день. Все, что мы нашли,— это кусок ее платья и следы копыт вокруг. Эвностий, мне кажется, она у панисков.

Известие о том, что Кора исчезла, всколыхнуло весь лес. Нам казалось, что у нее нет врагов, и поэтому все мы: ее подруги-дриады, кентавры и даже маленькие медведицы Артемиды — были смущены и напуганы тем, что не можем ее найти. Мирра была безутешна. Мосх принес ей пива, медве-

дицы Артемиды — несколько ведер ежевики, а я — копченого гуся и каравай хлеба. Она здоровалась со всеми, но, похоже, никого не узнавала, двигалась медленно и неуверенно и отвечала односложными бессвязными фразами.

— Где Эвностий?

Она не знала, куда он направился после того, как выбежал из их дома. Она вообще с трудом смогла вспомнить, что он заходил. От других толку было не больше. Вечером того дня, когда исчезла Кора, одна из девчонок-медведиц видела Эвностия на поляне, заросшей желтыми цветами гусиного лука.

— Кажется, за ним летели пчелы,— сказала она.— Он даже не поговорил со мной, а ведь он всегда такой вежливый.

Один из панисков, который, как и все его эгоистичные сородичи, весьма равнодушно отнесся к исчезновению Коры, вроде бы повстречал Эвностия у подножия горы Иды. С другой стороны, рассуждал он, было темно, и не исключено, что он принял за Эвностия кого-то из кентавров. Нет необходимости говорить, что я сама отправилась на его поиски, как только убедилась, что Мирра в надежных руках. Направленная паниском по ложному следу, я целое утро потеряла у подножия Иды, зато днем разыскала следы Эвностия, которые вели к известняковой гряде, отделявшей большую часть нашей страны от внешнего мира, населенного критянами. И там, в самой темной и труднодоступной пещере, я нашла его. Он забился в угол и так съежился, что стал похож не на минотавра ростом в шесть футов, а на маленького медвежонка.

— Эвностий.

Молчание. Затем, как из самого дальнего конца бобровой норы, донесся медленный, но вселяющий надежду ответ:

— Да, тетя Зоэ.

— Мой дорогой, с тобой что-то случилось?

— Это были паниски.

— Но как ты попал сюда?

— Не помню. Наверное, сам пришел, после того как они меня избили.

— А теперь мы вместе пойдем домой.

Следы драки виднелись на всем его теле, от копыт до кончика хвоста. Нельзя сказать, что его искалечили, но явно царапали, кусали, рвали когтями, бодали,— в общем, было видно, что над ним поработала компания трусливых панис-

ков. Я с трудом затащила его по лестнице к себе наверх и подвела к кровати. Он тяжело опустился на нее и уронил голову на руки. Мне стоило немалых усилий сделать так, чтобы он не скатился на пол.

— Мой бедный теленок,— проговорила я, отодвигая гриву с его глаз. На лбу у него была глубокая рана.— Что они с тобой сделали?

— Я пошел искать Кору. Я думал, она у панисков.— Тут он закашлялся, и по телу его пробежала дрожь.— Ты же знаешь, как они увивались за ней.

— И?

— У них ее не было, но Флебий, такой косоглазый, сказал, что хотел бы, чтоб была, и если я не знаю, что с ней делать, то он-то уж знает точно. Я стал бить его в живот и бил до тех пор, пока он не признался, что они действительно держали у себя Кору, но затем продали ее одной из пчелиных королев. И тогда его приятели налетели на меня. Я бы справился с тремя или четырьмя. Но с шестью одновременно! Что было потом, до того как ты нашла меня в пещере,— не помню.

— Ну, подождите, вот Хирон узнает об этом! — пробормотала я со злостью.— Трии еще пожалеют, что их принесло сюда. Он не сказал тебе, что это за королева?

— Нет. Я только знаю, что на той, которая шпионила за нами с Корой, была туника тигровой расцветки. Это может помочь?

— Да, и очень сильно. У каждой из них свой собственный цвет. А сейчас, Эвностий, больше не разговаривай. В таком состоянии ты Коре не помощник.

Мне удалось уложить его на своей кровати, правда, копыта свисали, но я подставила табурет. Лицо его я обтерла куском ткани, намоченной в розовой воде, а под голову подложила подушку.

— Пей,— сказала я, и он выпил несколько капель настойки, приготовленной из базилика, душицы и пижмы.— Боль стихнет.

Эта настойка была также успокоительным средством, от нее он должен был уснуть крепким, живительным сном.

Вскоре он перестал нервно подергивать хвостом и лишь слегка помахивал им. Глаза закрылись. Последнее, что он сказал мне: «Я найду эту королеву». И заснул. Но я твердо решила, что Эвностий выйдет из моего дома и пойдет искать эту пчелиную королеву, которая вряд ли примет его с распро-

стертыми крыльями, только после того, как восстановит свои силы. У меня была одна мысль. Я первая пойду к ней в улей. Пользуясь своими женскими хитростями и уловками, я узнаю всю правду о том, что произошло с Корой. Почему королева купила ее у паников? Что я могу сделать, чтобы освободить Кору, не навредив ей при этом? Если у меня ничего не выйдет, то я отправлюсь к Хирону и попрошу его собрать Совет Зверей и разработать на нем план действий. Хирон не только освободит Кору, но и выгонит этот лживый пчелиный народец из нашего леса. Хирон был старым и доверчивым. В последний раз он сталкивался с настоящей опасностью очень давно, еще во времена моего детства, когда велась Война с Волками. Как всякий кентавр, он особенно доверял женщинам. Но в то же время Хирон был справедлив и беспристрастен. И знал, что я никогда ни на кого не возвожу напраслину.

Я встала на колени рядом с кроватью, где спал Эвностий, и прошептала: «Дорогой мой, мой дорогой, я найду для тебя твою девочку. Поверь своей старой тете Зоэ».

Глава V

Я знала, что в лесу шесть ульев, где живут трии, каждый построен в своем собственном стиле и в каждом есть своя королева, работницы и трутни. Медведицы Артемиды, которые, несмотря на застенчивость, знают абсолютно все, направили меня к улью Шафран, королевы в тунике тигровой расцветки. Рядом с ульем, прислонившись к дереву, стоял трутень. Увидев меня, он начал нагло и двусмысленно ухмыляться. Правда, похоже было, что у этого соблазнителя при наличии богатого воображения полностью отсутствовала жизненная энергия. Мысленно он мог изнасиловать двадцать женщин подряд, но в реальности не стал бы добиваться любви и одной из них.

— Дорогая девочка,— сказал он,— я вижу, ты несешь подарки. Желуди и что там еще, запеченную куропатку? Как мило. Это все мне? Меня зовут Солнцеподобный.— В голосе его послышалось почти женское кокетство.

Его чересчур короткая набедренная повязка смутила бы даже критянина. Сам он был гладким, смуглым и мягким, а прозрачные крылья украшали черные и золотые полосы. Глаза были раскосыми и такими же золотыми, как эти по-

лосы. Я вспомнила, что трии происходят из страны желтокожих людей с раскосыми глазами. Местные жители изгнали их оттуда за воровство и похищение людей, однако произошло это только тогда, когда уже началось смешение племен. Солнцеподобный, без сомнения, был красив, но так, как бывают красивы полосатые змеи или тигры, с которыми сражались кентавры в далеких странах востока во время своих странствий.

— Подарки предназначены вашей королеве,— сказала я не очень вежливо.— Я пришла, чтобы приветствовать ее в Стране Зверей. Проводи меня к ней, пожалуйста.

Он лениво поднял руку, украшенную опалами и малахитом, и указал куда-то через плечо. Я заметила, что на ногах у него ножные браслеты с колокольчиками, звенящими каждый раз, когда он меняет положение своих скрещенных ног.

— Иди прямо, и ты увидишь ее. У нее большая грудь.

Явно обессиленный нашим разговором, Солнцеподобный прислонился к дереву и притворился, что закрыл глаза. Но я заметила, что он внимательно следит за мной. Красавчик, подумала я, но, несмотря на свой порочный вид, бесполый, вроде головастика. Такие, как он, для Коры опасности не представляют. Остальные трутни, проводившие время в полной праздности среди деревьев или уютно устроившись на траве, выглядели не менее развратными, но и не более активными. Если бы вавилонский царь вознамерился позвать к своему двору евнухов, то эти изнеженные мужчины идеально подошли бы для этой роли. Я поняла, почему королева совершала свой брачный вылет в сопровождении нескольких трутней — хорошо, если попадался хотя бы один, способный ее удовлетворить, не говоря уж об оплодотворении.

Я подошла к улью. Это был шестиугольник, слишком большой для дома, слишком маленький для дворца и слишком непрочный для крепости. Его каркас был сделан из тонких бревен. Работницы безжалостно повырывали деревья прямо с корнем, утешало лишь то, что это не дубы, а ивы. В настоящий момент они штукатурили стволы глиной, а там, где она высыхала, покрывали ее сверху материалом, похожим на воск. Несколько работниц подносили по воздуху глубокие чаши, наполненные глиной с берегов Бобрового озера. Остальные делали воск. Процесс этот был не очень приятным. Три работницы по пояс стояли в чане, напоминавшем огромный винный пресс, и с помощью черпаков перемешивали смоляную основу со своими собственными выделения-

ми — жидкостью без цвета и запаха, вытекавшую из их грудей, или просто сосков. Это жалкое подобие нельзя назвать грудью (Для того, кто поклоняется Великой Матери, как я, кажется немыслимым святотатством использовать грудь таким извращенным образом. Несчастные, наверное, это единственный знакомый им вариант материнства — давать жизнь строительным материалам.) Когда смола и восковые выделения были тщательно перемешаны, работницы стали покрывать этим веществом затвердевающую на стенах глину, где оно также застывало и превращалось в блестящую желтоватую глазурь, не менее красивую, чем тонкие алебастровые пластины, которыми критяне облицовывают свои дворцы. Когда работа будет закончена, здание заиграет, как многогранный топаз.

Сначала я наблюдала лишь за ходом работы, а затем стала разглядывать самих работниц, и мое первое впечатление о том, что это самые неженственные из всех женщин, подтвердилось. Они были серыми, мохнатыми, толстыми, с короткими крыльями, при помощи которых, казалось, невозможно даже оторваться от земли. Крылья непрерывно с шумом бились, но взлететь они могли, лишь прилагая огромные усилия. На их лицах присутствовало только одно выражение — раздражительность. Все были без одежды. Между ними летала их королева, отдавая неожиданно ласковым голосом строгие и точные приказы: «Добавь сюда воска», «Дай глине высохнуть», «Кто принес это гнилое бревно? Я же вам указала все деревья, которые нужно срубить». Она была красива, как феникс[16], даже когда хмурилась, а хмурилась она постоянно, но только до того момента, пока не заметила меня.

Тогда она улыбнулась, и ослепительная улыбка застыла на ее лице, чтобы уже больше не исчезнуть на протяжении всего нашего разговора. Я легко узнала ее по шелковой тунике тигровой расцветки. Сама она была маленькой и хрупкой, а ее ножка — вообще размером с мой большой палец. Тонкие крылья переливались, как переливается в лучах солнца капелька росы, упавшая на паутину. Глаза были такими же раскосыми, как у трутней, и поэтому казалось, что они не принимают никакого участия в улыбке, и только уголки губ слегка приподнимаются, обнажая ряд мелких, ослепительно белых зуба. Но сотворила ее не Великая Мать, а другая, чужая богиня. В ней не чувствовалось широты — я не имею в виду ее пропорции. Я говорю о душе. То, что было маленьким в ее теле, было мелким в душе.

— Моя дорогая соседка,— заговорила она, время от времени поглаживая что-то вроде лисьего хвоста, накинутого на шею,— твое появление — как восход молодого месяца над заиндевевшими деревьями. Я хотела бы бросить тигровые лилии к твоим ногам, я хотела бы омыть их настоем мирриса...[17]

Сама я женщина простая, и все ее тонкости мне быстро надоели. Я протянула корзину:

— Я Зоэ, дриада, принесла тебе желуди и куропатку.

— Желуди и куропатка,— воскликнула она, как мне показалось, с восторгом (а может, с насмешкой над неловкой деревенщиной, принесшей такие примитивные, грубые дары?),— это необычайная редкость.

Лисий хвост вздрогнул. Это было явно что-то живое, но не имело никакого отношения к лисе.

Я с трудом сдержала желание швырнуть куропатку ей прямо в лицо, чтобы нарушить невозмутимость этой фарфоровой куклы. Но одна вспышка гнева могла испортить все дело, надо вести себя, как Кора.

— Я пришла, чтобы приветствовать тебя в Стране Зверей.

— Само твое присутствие — уже подарок. Ценность же твоих даров не поддается измерению.

Интересно, что бы она сказала, если бы я принесла ей бриллианты или сапфиры?

— Как видишь, мое скромное жилище еще не закончено. Но есть одна комната, где мы могли бы поговорить и обменяться теми маленькими секретами, которые имеются у благородных женщин всего мира. Может, ты познакомишь меня с традициями своей страны, чтобы я могла вести себя соответствующим образом. У себя дома я была королевой. Здесь я гостья и могу, не желая того, кого-нибудь обидеть.

Так называемое скромное жилище представляло собой лабиринт, который мог бы посрамить даже знаменитого архитектора Дедала[18]. Стены, покрытые восковой глазурью, сверкали множеством зеркал, и за каждым поворотом мы встречали свои собственные отражения: неизменная улыбка Шафран и я, такая толстая, с красным лицом, казавшаяся в такой изысканной обстановке чрезвычайно грубой. Несмотря на все старания, лицо мое выражало вместо предвкушения чего-то приятного непреклонную решимость. Коридоры и комнаты сменяли друг друга. Канделябры, сияющие бесчисленными огнями свечей, сделанных в форме лилий, свисали с потол-

ков и изливали на нас потоки мерцающего света. В одной из комнат пчелы разливали нектар по серебряным сосудам, в другой — работник ковшом смешивал пыльцу с вином, причем делал это с энергией, сравнимой лишь с тем, как женщины-кентавры подметают пол. Наконец мы оказались в приемной Шафран. Она повторяла шестиугольную форму улья и находилась в самом его центре.

Шкуры леопардов толстым, в несколько дюймов слоем покрывали пол, их черные и золотистые пятна, бесконечно повторенные глянцевыми плитками стен, создавали ощущение, что ты находишься в джунглях, населенных прекрасными и жестокими животными. Плетеный стул, поддерживаемый серебристыми нитями, свисал, слегка раскачиваясь, с потолка. У него не было спинки, чтобы королеве было удобно расправлять крылья. В центре комнаты стоял каменный пьедестал, на котором явно не хватало статуи. Вероятно, он предназначался для фигуры какого-то крылатого божества, еще не вырезанной или не отлитой.

Шафран беспомощно пожала плечами:

— Из-за бури мы прилетели сюда почти без вещей. Ты должна извинить меня за бедное убранство комнаты. Нечего даже поставить на пьедестал. («Ничего,— подумала я.— Все, что тебе нужно, ты быстро украдешь».)

Она жестом пригласила меня сесть на шкуры, бросив неодобрительный взгляд в сторону стула:

— На нем тебе будет неудобно (она хотела сказать, что нити не выдержат моего веса).

Взмахнув крыльями, королева взлетела на стул и стала устраиваться на нем, слегка раскачивая ногами, затем внимательно посмотрела на меня. В этом взгляде странным образом соединились уважение и, может быть, насмешка. Или вызов? Я не могла понять, но отомстила, мысленно представив себе, что она попугай на жердочке во дворце египетского фараона, и этот потешный образ несколько успокоил мое ущемленное самолюбие.

— А молодой минотавр, твой благородный юный друг — я видела вас вместе в тот день, когда мы прилетели,— где он сейчас?

— Его зовут Эвностий, и он подрался, когда...

— Да?

Я решила рассказать ей всю правду и посмотреть, как она на нее отреагирует:

— Он подрался с бандой панисков из-за дриады. Он был уверен, что они ее похитили.

— Они действительно это сделали? — Она и глазом своим янтарным не моргнула.

— Да. Но, похоже, они ее продали. И никто не знает, кому.

— Жаль. Но этот Эвностий, он хорошо проявил себя.

— Он всегда такой,— сказала я с гордостью.— В этот раз он дрался с шестью панисками одновременно и всех покалечил — кому сломал рог, кому копыто. Сейчас он приходит в себя в моем дереве.

— Надеюсь, он скоро поправится? Никаких серьезных повреждений?

— Абсолютно никаких.

— Зверский бычок,— сказала она с восхищением, употребляя слово «зверский» в том значении, в котором употребляем его в своей стране мы. На человеческом языке это звучало бы «мужественный». Сама Шафран по нашим определениям тоже была зверем, хотя мне очень не хотелось ее так называть. И тут я увидела подвеску, серебряную подвеску Коры в форме кентавра, изображавшую ее отца. Вернее, я краем глаза заметила, как она блеснула из приоткрытой шкатулки для драгоценностей, где лежали ножные браслеты из янтаря с берегов северных рек, ожерелья из слоновой кости, сделанные в стране нубийцев, малахитовые булавки из местной мастерской тельхинов, наверняка украденные у них. С ее стороны было глупо принимать меня в этой комнате, раз здесь хранился предмет, доказывающий ее вину, или она просто забыла о нем. Может быть, мой визит застал ее врасплох. С другой стороны, королевы трий абсолютно уверены, что гладкие льстивые речи выведут их из любого затруднительного положения. Они считают всяческие предосторожности ниже своего достоинства.

Я старалась выглядеть совершенно невозмутимой, и, судя по ее неизменной улыбке, она не заметила моего открытия.

— Мне пора, я и так оторвала тебя от дела,— сказала я и, не удержавшись, добавила: — работницам нужны твои указания.

Она засмеялась:

— Да, действительно. У них есть два достоинства — сильные крылья и полное повиновение.

— А у трутней?

— В лучшем случае одно. Но надо пользоваться тем, что есть под рукой, ты не согласна?

Ее интерес к Эвностию становился понятным. Если то, что находилось под рукой, был Солнцеподобный, то почему бы не поискать чуть подальше?

— Надеюсь, ты будешь счастлива здесь, в Стране Зверей,— проговорила я как можно ласковее, хотя мой голос, отозвавшийся в комнатах и коридорах, напоминал скорее отзвук землетрясения.— Теперь твоя очередь прийти ко мне (а я-то уж угощу тебя беленой). Иди прямо по тропинке между кипарисами, затем, дойдя до скалы, похожей на критскую галеру, сверни, перейди через поляну с желтым гусиным луком и сразу увидишь мое дерево. Его легко узнать по наружной лестнице и густой листве.

— Но сначала, в знак благодарности за визит, я хочу кое-что преподнести тебе в дар,— сказала Шафран.

Я протестующе замахала рукой — еще один обмен любезностями, и я просто умру, но Шафран ударила ногой об ногу, браслеты зазвенели — и в дверях появилась работница.

— Принеси моей гостье напиток.

Не успела драпировка на двери подняться, как тут же опустилась, и работница влетела обратно, держа в руках кубок с вином янтарного цвета.

— Оно получается в результате брожения меда и пыльцы,— сказала Шафран.

— Никогда не пью до завтрака,— ответила я твердо. Любезно это или нет, но мне вовсе не хотелось, чтобы она меня отравила.

Шафран не ожидала этого, улыбка ее стала менее уверенной, но не исчезла.

— Тогда ты должна принять небольшой подарок, иначе я буду глубоко оскорблена.

Она закинула руки за шею и сняла с себя непонятное создание, при ближайшем рассмотрении оказавшееся чем-то вроде птицы или зверька. Сова? Кролик? Нет, и то и другое вместе, только очень маленькое, что-то вроде кролика с птичьими крыльями. Существо уютно свернулось калачиком у нее в руках.

— Это стриг. Он очень неприхотливый. Кроме семечек подсолнуха, ему ничего не надо. Почти все время спит, а больше всего любит, когда его оборачивают вокруг шеи. Он вполне заменит тебе лисий хвост, к тому же руки будут свободны.

Она обернула его вокруг моей шеи. Невозможно описать, каким он был теплым и мягким. Он тихонько мурлыкал, и я сразу его полюбила. Надо отнести его Эвностию. Он любит маленьких зверьков, и ему с ним будет все-таки веселее, пока мы не спасем Кору. Кроме того, если отказаться, королева может заподозрить, что я видела подвеску.

— Но, Шафран, я принесла тебе только желуди и куропатку, а ты отдаешь мне своего любимца!

— Ценность подарков в сердце дарящего, а ты разожгла во мне очаг дружбы.

Она помахала мне вслед и стала опять сновать между своими работниками, отдавая им приказы мелодичным, но не терпящим возражений голосом. Трутни улыбались вялыми и порочными улыбочками, а Солнцеподобный сказал:

— Я вижу, ты произвела такое впечатление на нашу королеву, что дело дошло до ее любимого стрига. Ну и повезло же тебе, девочка!

Я не могла удержаться, чтобы не сказать ему на прощание гадость:

— А днем ты когда-нибудь работаешь, мой мальчик?

Но мои слова прозвучали неожиданно тихо. Похоже, я потеряла силу голоса в обществе нежноречивой Шафран. Солнцеподобный вытянул шею, пытаясь расслышать, что я ему говорю, и мне пришлось повторить оскорбление. Он принял его с вежливой усмешкой:

— Если бы работал, то не разговаривал бы сейчас с тобой, правда?

Идя по лесу, я чувствовала себя победительницей. Я добилась своего и доказала вину Шафран. Сейчас я разбужу Эвностия и расскажу ему все, что узнала. Если он уже отдохнул, мы пойдем к кентаврам и разработаем с ними план спасения Коры. Но что за странное недомогание? Почему моя последняя фраза, сказанная Солнцеподобному, превратилась в шепот, а не прозвучала громко и оскорбительно, как я того хотела?

— Эй, Мосх,— позвала я, чтобы попробовать голос, хотя, к сожалению, Мосха нигде не было видно. Но если бы даже он и стоял за соседним деревом, то все равно не услышал бы моего слабого шепота. И тут я почувствовала неодолимую сонливость. Надо остановиться на минуту и перевести дыхание. Все эти приключения — опасность, подспудная борьба с этой коварной женщиной — вымотали меня. Я прислонилась к стволу кипариса, потом соскользнула на землю и изо всех сил попыталась

открыть глаза. Неужели Шафран опоила меня чем-то? Ведь я была такой осторожной и не притронулась к ее вину!

Маленькое существо у меня на шее стало тяжелым, как бронзовое ожерелье. Я попробовала поднять руку и снять его, но рука бессильно упала.

— Спи крепко, моя дорогая.

Последнее, что я запомнила, была склонившаяся надо мной Шафран. Рядом с ней стояли работницы и протягивали ко мне свои толстые, похожие на сучковатые палки руки.

— Нет,— с трудом выговорила я.

— Да,— улыбнулась она.

И я потеряла сознание.

Когда я пришла в себя, то увидела, что нахожусь в комнате со стенами из восковой глазури. В ней не было ничего, кроме двух леопардовых шкур. На одной из них лицом вниз, страдая от боли во всем теле, лежала я, на другой — Кора.

— Кора!

Хорошо, хоть голос вернулся.

Она судорожно зашевелилась, но даже не открыла глаза. Мертвенно-бледное лицо закрывали спутанные пряди золотисто-зеленых волос, губы посинели. Я знала эти симптомы. Ее не одурманили, она страдала от того, что слишком долго была оторвана от своего дерева. Жизненные силы постепенно иссякали.

Шафран в сопровождении двух работниц появилась в дверях.

— Сколько может протянуть твоя подруга? — спросила она.

— Ты имеешь в виду, без дерева? Пять или шесть дней. В лучшем случае семь. С каждым днем она будет все больше слабеть.

— Я полагаю, и ты тоже. Она у нас только три дня, а черты лица уже обострились. Ты, вероятно, продержишься подольше, потому что, как бы это сказать, в тебе есть что-то *коровье*.

— Если ты считаешь, что я слишком толстая,— так и скажи,— огрызнулась я.— Мои любовники называют меня пышнотелой, но тебе, с твоей худобой, этого не понять.

Я попыталась подняться, но сразу же бессильно опустилась обратно на шкуру.

— Почему ты не отпускаешь Кору? Ведь ее подвеска уже у тебя.

— А тебе не хочется узнать, как ты здесь оказалась?

— Ты, наверное, опоила меня чем-то. Я, правда, не понимаю как, ведь я не пила твоего вина.

— Нет, не пила, и поэтому мне пришлось одолжить тебе одного из моих друзей.

Я не сразу поняла, кого она имела в виду.

— Стрига?

— Конечно. Он освободил тебя от лишней крови. У него язычок, как тонкая игла. Он вонзил его в твою шею так, что ты ничего и не почувствовала, и высосал ровно столько крови, чтобы ты потеряла сознание. К счастью для тебя, мы сняли его раньше, чем он успел высосать свою норму.

— Почему же он не пьет твою кровь?

— Она желтая. А он любит зеленую или красную. Видишь ли, это особое существо, мой любимый малыш.

У меня накопилось много вопросов:

— А Кора, почему ты купила ее у панисков?

— Во-первых, они поймали Кору специально для меня. За вознаграждение, конечно.

— Но зачем?

— Это приманка.

— Для Эвностия! — Я содрогнулась.— Ты держишь ее здесь, чтобы заманить его в свой улей?

— Конечно. Я вела переговоры с главарем панисков Флебием, кажется, так его зовут? Но он сказал, что целым и невредимым Эвностия сюда привести не удастся, сделать это совершенно невозможно. И подал мысль, что Кору поймать гораздо легче, а результат будет тот же самый.

— Но что тебе нужно от безобидного теленка-минотавра?

Как будто я сама не знала!

— Я бы сказала, молодого бычка. Ты заметила, какие у него рога? Даже самый хороший трутень — никуда не годный любовник. Вспомни того, которого ты встретила, Солнцеподобного. Удовлетворил бы он тебя?

— Я бы лучше осталась девственницей, но ни за что бы не позволила ему даже попробовать.

— Совершенно верно. Если дриады могут общаться с минотавром, то почему не могут трии? Честно говоря, взрослый минотавр немного великоват для меня. В лучшем случае он просто сомнет мои крылья. Но в Эвностии только шесть футов. Интересно, какое потомство он произведет. Наверное, получится кто-то более живой и подвижный, чем работницы,

и, надеюсь, более мужественный, чем трутни. Может быть, крылатый бык, вроде тех, которым ставят памятники хетты[19]?

— Скажи, а правда, что трутень, который спаривается с королевой,— тут мой голос дрогнул,— обречен?

— Спаривание у нас происходит довольно бурно. И обычно дело кончается тем, что мы,— извини меня за грубость, но, думаю, *тебя* я не шокирую,— потрошим трутня.

Глава VI

Я немного пришла в себя от потери крови, высосанной стригом, и пока еще не начала чувствовать последствий отлучения от своего дерева. Поэтому я была хоть и не очень сильной и бодрой, но довольно подвижной. Кора же, бедняжка, вяла, как сорванная хризантема. Мраморная белизна кожи превратилась в нездоровую бледность, и солнечные искорки исчезли из ее волос. Движения ее стали медленными и сонными. Ей срочно требовалось усиленное питание.

Я начала стучать кулаком по восковым стенам. Они отозвались глухим звуком, но не треснули. Тогда я всем телом навалилась на дверь, запертую снаружи. Она заскрипела, но не подалась. Наша наскоро построенная комната была крепкой темницей. Значит, надо сделать так, чтобы они сами пришли сюда. Я топнула по глиняному полу ногой и заревела, как раненая медведица. Тут же послышался звук хлопающих крыльев, означающий, что к нам кто-то направляется.

В дверях появилась Шафран. Она злобно уставилась на меня. По обе стороны от нее стояли серые работницы. Моя буйная фантазия тут же превратила их в два куска пшеничного хлеба, а Шафран — в мед, которым они намазаны, и я представила, как киклоп пожирает этот двойной бутерброд.

— Ты что, старая корова, пытаешься своим мычанием разрушить стены?

— Я дриада, а не женщина-минотавр. Таких вообще в природе нет. Моя подруга голодна, и я тоже.

Работницы были вооружены бамбуковыми копьями, похожими на жало, со смертоносным острием на конце.

— Мед и чай из пыльцы? Впрочем, нет, дорогая. Наверное, лучше куропатку, которую ты мне принесла. Правда, не очень вежливо со стороны гостьи съедать свой же подарок. Кроме того, я уже съела ее сама, и она оказалась довольно

вкусной. Чего нельзя сказать о желудях, я чуть не сломала зуб о первый же из них.

— Может быть, еще остались... — начала было Кора.

Я тут же прервала ее. Стоит только Шафран заподозрить, что мы безумно хотим желудей, как она тут же скормит их белкам.

— Наверное, они были не очень свежими. Значит, мед и хлеб из пыльцы,— попросила я.

— Запасы продовольствия у нас невелики, все работницы заняты на строительстве улья. Зачем мне тратить пищу на временных гостей?

— Если мы слишком быстро умрем, ты не сможешь показать нас Эвностию, и у тебя с ним ничего не получится.

— У меня есть красота и хитроумие, этого вполне достаточно.

— Нет, недостаточно, если он узнает, что ты нас убила.

— Я просто скажу, что вы мои пленники, неважно, живы вы или умерли.

— Эвностий уже целый год живет самостоятельно, и его не так-то легко обвести вокруг пальца. Лучше тебе иметь нас под рукой на случай, если потребуются доказательства.

Она каким-то образом умудрилась нахмуриться так, чтобы не наморщить свой безупречный лоб. Уголки рта опустились, и он стал похож на перевернутую чашу.

— Ладно, думаю, мы сможем что-нибудь выделить вам.

Чаша приняла свое нормальное положение.

— Я пришлю вам специальный обед, перед тем как навестить вашего друга.

Специальный обед... Может быть, она хочет отравить нас?

— Ничего,— сказала я Коре, когда Шафран вышла из комнаты.— Эвностий найдет нас. Он прочесал весь лес после того, как ты исчезла. Из-за тебя его избили.

— Сильно? — воскликнула она.

— Нет, только синяки. Он сейчас отлеживается в моем дереве.

— Я недостойна его. Он видит во мне героиню своей любимой поэмы «Стук копыт в Вавилоне». Люди истолковывают мое молчание по-разному, но для Эвностия — это тайна и мудрость.

— Может, ты и недостойна его, Кора,— я была не только ее ближайшей подругой, но и самым непредвзятым критиком,— но все же более достойна, чем остальные. Он найдет

нас, а когда найдет, постарайся показать, что ты к нему неравнодушна.

— Думаешь, он сможет нас найти? — В ее голосе не чувствовалось уверенности.— Если бы у меня еще была моя подвеска-кентавр, я не пожалела бы ее, чтобы увидеть сейчас Эвностия.

— Ты никогда не позволяла ему надеяться, даже когда могла это сделать.

— Позволяла, но не так, как ты думаешь. Он казался мне маленьким, младшим братом, все время спотыкался о свои собственные копыта.

Стоило ли говорить, что хоть Кора и воспринимала Эвностия с высоты своих восемнадцати лет, но, так же как и он, была еще совсем ребенком, и похоже было, что она тоже скоро споткнется, только о свои мечты. Если, конечно, она их вовремя не оставит.

Разговор начал утомлять ее, но тишина была для нас еще страшнее. Откуда-то издалека доносилось жужжание крыльев и мелодичное попискивание Шафран, отдающей приказания работницам. Затем ее голос затих. «Она полетела к моему дереву»,— подумала я.

И тогда работники принесли обещанный обед. Шафран послала нам оставшиеся желуди.

Эвностий открыл глаза и увидел у себя над головой соломенную крышу. Вокруг него на стенах висели ковры с изображениями моих любовников. Сквозь сеть листвы в квадратные окна проникал свет. Он вдохнул запах коры и листьев. «Дом Зоэ,— подумал он.— Но как я сюда попал?» Наконец он вспомнил.

— Зоэ.

— Нет. Шафран.

Он узнал королеву, которая следила за ним в его саду.

— Как ты нашла этот дом? — спросил он сердито.

— Сама Зоэ объяснила мне, как сюда попасть. Она же оставила дверь незапертой. Правда, мне не нужна лестница, хоть она здесь и есть, и очень удобная.

Ее хваленая красота не произвела на Эвностия никакого впечатления. Конечно, очертания ее фигуры были очень хороши, как первоцвет или лютик. Да, кожа ее была гладкой и золотистой, как мед, а трепещущие крылья совершенно прозрачными. Она стояла около кровати и, глядя на него, улы-

балась с восхищением и ожиданием. «Она не такая высокая, как Кора,— сказал себе Эвностий,— и не такая пышная и роскошная, как Зоэ, и потом, на ней слишком много браслетов, а крылья такие тоненькие, что их может разорвать даже легкий ветерок». И в самом деле, он был абсолютно не способен заметить что-либо хорошее в женщине, по-видимому, виновной в исчезновении Коры.

— Ну, не сердись! — не оставляла его Шафран.— Ты так смотришь на меня, будто хочешь забодать. Я разбудила тебя, мой мальчик?

— Да.

— Ну, ничего. Когда я уйду, после того, как побуду с тобой немного, ты заснешь, как трутень.

Она села на кровать, прислонившись бедром к его ноге. Тело ее было таким же шелковистым, как тонкий шелк туники. Эвностий попытался отодвинуться, но двигаться было некуда, он и так почти вдавился в тростниковую стену. Что делать, иногда приходится мириться с судьбой.

— Ты такой молодой, а у тебя на груди уже так много волос,— заметила Шафран.— Знаешь, тебе это идет. У наших трутней волосы только на голове. Правда, они никогда не лысеют.

— Мы рождаемся волосатыми. Так теплее зимой. И мы тоже никогда не лысеем. Чего тебе надо?

— Пришла навестить тебя, как я уже сказала. Поговорить. Познакомиться с последним минотавром. Я не думаю, что ты так и останешься последним. У тебя будут сыновья, внуки, и когда-нибудь появится целое племя минотавров. Если ты, конечно, правильно выберешь себе пару — ее плодовитость должна соответствовать твоей мощи.

— Зоэ нет дома.

— Ты не слушаешь меня. Я пришла не к Зоэ, а к тебе.

— Я пытаюсь слушать. Но ты сидишь на моем копыте. А как ты узнала, что я здесь?

— От Зоэ. И от Коры.

— Значит, они твои пленники! — Эвностий со злостью размахнулся и одним ударом сшиб Шафран на пол.

Она опять села на кровать, на свое прежнее место, сделав вид, что упала случайно. Ее грустный смех напоминал звон колокольчиков, когда их дергают за медные язычки, нежный, но с металлическим отзвуком. Кора же смеялась, как колокольчик, раскачивающийся на ветру.

— Я вижу, с тобой можно говорить откровенно, мой дорогой. Да, я держу двух твоих друзей, моих невольных гостей, в своем улье, и в твоих силах их освободить.

Он внимательно посмотрел на нее:

— Что я должен сделать?

— Эвностий, я открою тебе грустную правду. Мои дочери — прилежные работницы, хоть не очень умны и изобретательны. Они уже семь дней строят улей, а он все еще не готов. Зато он благородного происхождения. Я могу проследить свою родословную, начиная с тех времен, когда желтокожие люди еще жили в грубых каменных жилищах, а критяне дрожали от холода в пещерах. Но мужчины моего племени, увы, не настоящие звери, так назвать их можно лишь с большой натяжкой, и даже самый лучший — Солнцеподобный, не исключение. Я даже не уверена, что в свой следующий брачный вылет буду оплодотворена, а такую королеву лишают трона.

— Иначе говоря, тебе нужен муж из другого племени.

— Совершенно верно.

— Ну, ты могла бы выбрать кентавра.

Она содрогнулась:

— Слишком большой. И слишком много ног.

— А паниски? Они как раз подходят тебе по размеру.

— От них плохо пахнет луковой травой, разве ты не знаешь?

— Тогда кого ты имеешь в виду? — Нетерпение промелькнуло в ее улыбке.

— Не будь таким глупым, мой мальчик.

— *Меня?!*

— Кого же еще?

— Совсем как племенной бык,— пробормотал он.— Как критский бык, которого специально выращивают для ринга.

— Племенной бык? Наверное, ты хочешь сказать — муж. Разве я не упоминала брачный вылет? Или любовник, если слово «брак» пугает тебя. Да, Эвностий, ты должен стать отцом моих следующих детей. Я заметила тебя еще с воздуха, когда мы только что прилетели, и ты показался мне таким же прекрасным, как стрекоза — росе. Как ночная бабочка — эхиноцереусу[20], цветущему ночью. Как...

— Это *все*, что я должен сделать, чтобы ты отпустила Кору и Зоэ?

— Да,— ответила Шафран резко. Трии терпеть не могут, когда прерывают их пышные речи.— У меня нет других причин задерживать их.

— Освободи их сначала.

Обиженно надувшись, она повернулась к нему спиной:

— Ты превращаешь все в обыкновенную сделку. Я, забыв про свою гордость, пришла к тебе, как какая-то заурядная маленькая дриада, а ты требуешь гарантий моей честности.

— Докажи мне хотя бы, что они и в самом деле у тебя.

Шафран торжествующе продемонстрировала Эвностию подвеску-кентавра.

— Если я не ошибаюсь, этот жеребчик — родственник твоей любимой?

Да, сомневаться не приходилось.

— Это действительно подвеска Коры. Значит, они и впрямь у тебя.

Эвностий и не думал требовать гарантий нашей безопасности. Ему даже в голову не пришло, что Шафран к этому времени могла уже умертвить нас или мы умираем сейчас. Простодушие не позволяло ему заподозрить женщину в коварстве.

— Ты ведь ничего не теряешь.

Действительно, он ничего не терял. Откуда ему было знать об обычной судьбе трутней?

— Я кажусь тебе некрасивой? — продолжала она.— Неужели мои крылья слишком грубы и цвет моей кожи тебе не нравится? Разве так в вашей стране принимают гостей?

— Была бы ты немножко пополнее, и потом, тебе, наверное, лет сто.

— Если ты считаешь, что я недостаточно хороша собой, пойди и посмотри на моих работниц. Они даже не умеют подкрашивать свои лица.

— Ты никогда не учила их этому?

— Не надо отвлекать их от работы. А что касается моего возраста, да, мне действительно ровно сто лет. А этой Зоэ, наверное, за триста.

— Да, ты действительно хорошо выглядишь,— согласился он.— Ты уверена, что я не разорву твои крылья?

— Уверена так же твердо, как в том, что земля плоская и держится на спине гигантской черепахи.— Она хорошо знала свое дело.

Шафран весьма решительно подтолкнула его, и он упал на спину. «О Зевс,— подумал он.— Смогу ли я после драки с панисками удовлетворить саму королеву пчел?» Вздохнув

поглубже, он напряг все свои мускулы и стал все сильнее и сильнее размахивать хвостом — той частью, которая свисала с кровати,— пока тот не защелкал, как хлыст. Бока еще болели, но лекарства Зоэ и сон сделали свое дело. Он должен быть на высоте и показать все, на что способен. Конечно, он обещал Коре ждать хоть год, но, с другой стороны, он делает это только ради нее, и она, конечно, поймет, одобрит и оценит его жертву.

Шафран села рядом и, взявшись руками за его рога, повернула его лицо к себе и внимательно посмотрела прямо в глаза. Затем своей маленькой рукой, не больше кленового листа, взъерошила гриву:

— Никогда не подстригай ее, мой мальчик, так тебе очень идет. А какие большие, красивые уши! Они светятся на солнце, как перламутр.

Ради Коры он пойдет на любые жертвы, а если потребуется, то и не раз.

Сначала она просто лежала рядом с ним. Затем оказалась в его объятиях, и ее крошечный язык затрепетал у самого его рта, а пальцы стали скручивать в колечки волосы на его груди. Что-то все же есть в худых женщинах.

Она звала, и пришло время принять ее приглашение. Когда женщина распахивает дверь и приглашает воспользоваться гостеприимством и теплом своего очага, неужели мужчина останется мерзнуть на снегу у входа? Он с готовностью вошел в дом и, будучи вежливым гостем, принес с собой подарки.

Улыбаясь, она приняла их и, продолжая улыбаться, укусила его за ухо. Он быстро приложил руку к уху и почувствовал на пальцах кровь. Наверное, это любовный укус. Но почему ее зубы впились в него с такой силой?

Она ударила его. Любовный удар? Вряд ли. Наверное, он ее рассердил. Может быть, обращался с ее маленьким, хрупким телом слишком грубо, как с пышущими здоровьем дриадами. Или она, невзирая на то, что говорила о своих трутнях, по привычке ожидала жеманных ухаживаний, а не крепких объятий? Его опыт общения с женщинами не распространялся на пчелиных королев.

— Шафран,— начал он извиняюще.— Я привык иметь дело с дриадами. Если ты мне скажешь, как...

Она плюнула ему в лицо. Перед ним было существо, напоминающее грифона, гидру и химеру одновременно[21]. Ее тело сжало его, как питон, руки превратились в щупальца,

а бедра отвердели, как панцирь морской черепахи. Они кубарем скатились с кровати на пол, и в какой-то момент он вдруг почувствовал, что поднимается в воздух. Шафран неистово махала крыльями в приступе безумной злобы или чего-то другого.

«Вот в чем дело,— подумал он.— Она хочет брачного вылета! Но я не могу взлететь».

Но и на этот раз он оказался не прав. После четвертого пинка терпение его лопнуло. За годы взрослой жизни Эвностию попадались страстные женщины, но Шафран неистовствовала не от страсти, а от злобы, от злобы и презрения к трутням, минотаврам, мужчинам — вообще всем существам мужского пола. Он не догадывался о причинах подобного коварства и тем более не способен был понять женщину, требующую себе подчинения, богиню, которой нужно принести в жертву бога, самку паука, пожирающую своего самца.

Эвностий, не задумываясь, стал сопротивляться, пустив в ход хоть и несколько поубавившуюся, но все же недюжинную силу. Им нельзя так просто попользоваться, как каким-нибудь мягкотелым трутнем. Она укусила его за ухо, он ее за руку, а его зубам могли позавидовать даже бобры. Она ударила его, он боднул своими рогами, сравнимыми по силе лишь с тараном. Она сдавила его, а он схватил ее за шею, и она забилась у него в руках, как цыпленок, которого сейчас отправят на кухню.

Короче, плененный гость, освободившись, сам взял даму в плен. Эвностий с силой оторвал от себя Шафран, швырнул ее на пол и сел на кровать, не спуская с королевы сердитого взгляда. Вид у Шафран был весьма потрепанный. Эвностий, возмущенный до предела, тяжело дышал, зато его не смогли ни выпотрошить, ни задушить. Правда, к синякам и ссадинам, полученным от панисков, прибавилось несколько новых.

— И это ты называешь любовью? Что же тогда бывает, когда ты кого-то ненавидишь?

Крылья у нее были помяты, клочки тигровой туники валялись рядом с ней на полу. Безупречная королева трий выглядела, как шлюха после уличной драки. Она посмотрела на него с изумлением, которое быстро сменилось яростью:

— Это нечестно. Ты сопротивлялся!

— А что мне было делать? Лежать и ждать, пока ты разорвешь меня на кусочки?

— Послушай, деревенщина. Я королева, и ты должен был умереть в моих объятиях. Так заведено.

— Хоть я и простой столяр, но у меня есть принципы.

Явно чувствуя боль, Шафран поднялась на ноги и, слегка покачиваясь, но сохраняя при этом королевское величие, направилась к двери.

Эвностий даже не пошевелился, продолжая с опаской смотреть ей вслед. Он боялся, как бы она еще чего не выкинула.

— Ты освободишь Кору и Зоэ?

— Конечно, нет,— взвизгнула она, уже выходя из дома, и, придерживая свои израненные крылья, слетела на землю.

Он топнул копытом. Ладно, он сам их спасет.

— Партридж, Бион! Мы идем воевать!

Глава VII

Партридж и Бион, как всегда, были рядом со своим другом Эвностием, а точнее, ждали его под деревом Зоэ.

— Мы увидели, что эта женщина-пчела проскользнула в дверь,— признался Партридж,— а она на все способна. Но я не хотел вмешиваться, пока ты сам не позовешь. Может, у тебя свидание.

— Ты ведь знаешь, что я обещал Коре,— пробурчал Эвностий.

— Ну, нельзя же ждать вечно,— сказал Партридж, снисходительно поглядывая на сильно помятую постель.

— Кстати, мы прямо сейчас идем спасать Кору.

— А...— сказал Партридж, который явно предпочел бы пастись на лужайке среди лютиков.

Зато более воинственно настроенный Бион замахал усиками и обнажил два мелких, но очень острых зуба.

В тишине дерева Коры, спрятавшись от шпионов трий, если таковые имелись, и от коварных паников, а паники были повсюду, они разрабатывали план действий. Несмотря на юный возраст, Эвностий был уже достаточно опытен, чтобы понять, что втроем, без посторонней помощи, даже принимая во внимание смелость своих друзей (а Бион явно не был трусом), они не смогут атаковать улей и спасти нас с Корой. Он читал о подобных операциях: мужественный минотавр из «Стука копыт в Вавилоне» освободил вавилонскую принцессу, похищенную гнусными летучими мышами. Ночью он ворвался в их пещеру и поверг их в полное смятение своим грозным мычанием. Но это был эпос, а Эвностий по возрасту

слегка не дотягивал до эпического героя, хотя эпическая героиня и ждала своего спасителя.

Он даже подумывал, не попросить ли Хирона со стадом кентавров напасть на трий. Кентавры с легкостью могли бы стереть с лица земли весь улей, вместе с его крылатыми защитниками и их бамбуковыми пиками, но не исключено, что в этой бойне погибли бы и мы с Корой. Эвностий уже знал, что такое приступ ярости у Шафран, и нимало не сомневался в том, что она скорее убьет своих заложников, чем допустит, чтобы их освободили. Требовалась стратегия. При помощи какой-нибудь уловки надо было отвлечь внимание Шафран, работниц и трутней, успеть за это время проникнуть в улей и спасти нас. Потом должны появиться кентавры, что даст возможность уйти от преследования. Сначала маневр, а после него нападение.

— Эй, там, наверху, привет,— послышался крик снизу. Это был кентавр Мосх.— Уж не забыла ли меня моя девочка?

Эвностий высунул голову из двери, и Мосх сразу помрачнел:

— Вижу, что забыла. Сегодня мир принадлежит молодым.

— Ты ошибаешься,— сказал Эвностий, спускаясь вниз по лестнице.

В дверях показался Бион, а за ним толстый, тяжело отдувающийся Партридж. Эвностий объяснил Мосху, в каком жутком положении находимся мы с Корой. Мосх, от которого, как обычно, сильно несло пивом, закричал, что надо срочно идти войной на улей, заржал, встал на дыбы, но Эвностий объяснил ему, что это дело требует особой осторожности.

— Скажи своим друзьям, чтобы они пришли в лес неподалеку от улья, но, понимаешь, они не должны быть похожи на воинов. Пусть все думают, будто они решили попастись среди лютиков. Кстати, Партридж, почему бы тебе не пойти вместе с Мосхом? — Надо было чем-то занять Партриджа, чтобы он почувствовал себя нужным и при этом не подвергал опасности ни себя, ни окружающих из-за своей полной непригодности к военным делам.

Партридж весь засветился от радости — ему дано важное поручение, и в то же время не надо воевать. Мосх был не столь счастлив. Его вовсе не привлекала перспектива выслушивать приказы от пятнадцатилетнего сосунка и к тому же быть поставленным на одну доску с этим жирным козлоногим.

— Партридж,— мрачно сказал он,— ты *можешь* не жевать луковую траву?

Так вместе они и отправились через дубовую рощу — кентавр шел впереди, а за ним пыхтел козлоногий.

А Бион... У Биона было самое важное задание. Эвностий говорил медленно, подбирая простые слова, чтобы тот мог его лучше понять. В знак того, что все ясно, Бион опустил усики и поспешил к своим друзьям в мастерскую.

Меньше чем через час Эвностий уже сидел внутри полого дерева со смотровым глазком, росшего на краю той поляны, где работницы Шафран заканчивали улей, вполне уверенный, что они не заметили, как он туда забрался. Их внимание полностью было поглощено строительством, а так как Шафран все время торопила с окончанием, они даже не выставили воздушную охрану. Теперь надо было ждать; заставить себя ждать. Для минотавра, чья дама сердца находится в руках бесчестной королевы пчел, это нелегко.

Перед его мысленным взором появился прекрасный образ, сотворенный любовью, весь состоящий из нежно-зеленых тонов жадеита [22] и алебастровой белизны. «Мой благородный Эвностий,— услышал он зов своей любимой.— Только ты можешь спасти меня из рук врагов. Верни меня в мое дерево, к его целительным стенам из коры. Ты заслужил награду!..» А рядом с ней Зоэ, его дорогая тетя Зоэ, которая для него как мать.

Перед его глазами зашевелились усики. Снаружи, у самого дерева, стоял Бион. Четырьмя ногами он стоял на земле, остальными же, как крючочками, цеплялся за дерево, пытаясь подтянуться настолько, чтобы его круглая головка оказалась на одном уровне со смотровым глазком.

— Все сделано, Бион? И друзья пришли с тобой? — Усики быстро задвигались.

— Ну, давай, дружище!

Эвностия буквально захлестнула волна любви к своему преданному товарищу, который давно уже значил для него гораздо больше, чем просто какое-то симпатичное существо, живущее рядом. Только ради Коры и меня он решился подвергнуть опасности жизнь своего друга.

Бион слез с дерева и не характерной для тельхина походкой — медленно, бочком, стал пробираться в самую гущу работниц, размешивавших воск и наносивших последние мазки на стены своего нового улья. Сначала они его не замечали — работать приходилось очень быстро и сосредоточенно,

ведь воск, вынутый из чана и нанесенный на стену, мгновенно затвердевал. Но вдруг одна из них бросила свой мастерок и радостно зажужжала. Такие эмоции у работниц Эвностий наблюдал впервые. Расчет его оказался верным. Летающие насекомые относились к насекомым, живущим на земле, хоть и с некоторой снисходительностью, но все же как к родственникам. У них было очень много общего: они таким же образом спаривались, у их королев тоже бывал брачный вылет и существовали особые насекомые — любовники.

Бион подошел к первой же обратившей на него внимание работнице и, как священный египетский кот, подставил ей спину, чтобы она его погладила. Когда ее жесткие пальцы прошлись по спине и остановились на голове, все тело его затрепетало от наслаждения. Наслаждение было притворным, но выглядело весьма убедительно.

— Девочки,— закричала работница,— у нас появился маленький дружок.

Бревно упало на землю. Никто больше не копошился в чане с воском. На некоторых лицах промелькнула тень улыбки, с других исчезло раздраженное выражение.

— Похоже, он принес нам подарок.

Бион полез в мешочек, висевший у него на шее, и достал оттуда зеркальце, сделанное в форме лебедя. Работница выхватила зеркальце из его передних лапок и стала разглядывать оборотную сторону, украшенную изображениями крылатых богинь-голубок, похожих на трий и красивых, как королева. Несчастная работница явно не знала, для чего существуют зеркала, и решила, что это просто безделушка, а красота, которую нельзя использовать, интереса для нее не представляла. Но, покрутив немного странный предмет, вдруг заметила на его полированной поверхности свое отражение. И тут выяснилось, что она такая же мрачная, неженственная и уродливая, как и остальные сестры. В ужасе она закрыла лицо руками. Одна из сестер подхватила упавшее на землю зеркальце, но сразу же отбросила его в сторону. Вскоре все двадцать работниц получили возможность полюбоваться своими прелестями в этом отвратительном подарке.

В какой-то момент казалось, что Биону пора уносить ноги. Но Эвностий предугадал ядовитую реакцию пчел на зеркало и посоветовал Биону заранее припасти противоядие.

Тельхин вытащил из мешочка баночку с карминовыми румянами, быстро снял с нее крышку, опустил свои усики в

крем красного цвета и щедро намазал им грубое серое лицо оказавшейся поблизости работницы. Пока он это проделывал, она стояла неподвижно, как каменный истукан, и, казалось, раздумывала, что ей делать — ударить его как следует или подождать немного и посмотреть, не окажется ли второй подарок получше, чем первый.

Бион поднес столь не понравившееся ранее зеркальце к ее лицу. Состроив гримасу, она попробовала выбить ненавистный предмет из его лап. Но подождите! Кто эта розовощекая незнакомка, гримасничающая ей в ответ? Работница взяла у него зеркальце дрожащими руками, долго и внимательно себя разглядывала и вдруг улыбнулась сияющей улыбкой женщины, случайно обнаружившей, что она не уродина, а просто не очень красива.

Сестры,— закричала она.— Посмотрите на меня!

Сестры посмотрели, и им очень понравилось то, что они увидели. Одна из них выхватила баночку из лап Биона, который в свою очередь ее с удовольствием отдал, и намазала щеки так сильно, что стала похожа на вавилонскую шлюху. (Кентавры рассказывали, что это самые блудливые из всех шлюх.) Баночка опустела, и восемнадцать работниц так и не успели стать красивыми. Бион куда-то указывал своими усиками.

Туда, туда, в можжевеловый лес, сразу за поляной!

Дело было забыто: работницы все как одна бежали, скакали, летели следом за тельхином, крича что-то своими грубыми голосами и, о чудо, обнаружили вдруг, что тельхин, как настоящий торговец, достает не одну, а сразу двадцать баночек с румянами и столько же зеркал, но, в отличие от торговцев, он все отдает бесплатно.

Трутни, лениво развалившиеся на краю поляны и до последнего момента делавшие вид, что их абсолютно не интересуют эти глупые женщины с их неуклюжим дружком, сразу оживились. Они поднялись на ноги и с деланным равнодушием направились следом за суматошной компанией. Может быть, и им что-то перепадет. Лишь Солнцеподобный задержался на минутку, чтобы поднять брошенное всеми самое первое зеркальце и полюбоваться собой.

— Что тут происходит? — раздался резкий и на сей раз абсолютно не мелодичный окрик. В дверях улья появилась Шафран.

— Что случилось с моими работницами?

Она налетела на них, как голодный коршун на цыплят.

Эвностий выбрался из своего дерева. Путь к улью был свободен.

Шафран, чья медовая кожа не нуждалась ни в каких румянах, начала раскидывать баночки, будто это были глиняные изображения запрещенных богов.

— Никому не нужное разукрашивание! — визжала она.— Стоит мне только отвернуться, как вы размалевываетесь, как шлюхи. Кто будет заканчивать улей?

Направо и налево Шафран раздавала своими маленькими кулачками тумаки. Она пиналась, ругалась, давила ногами баночки с румянами, погнула зеркальце, ударив его со всей силы о дерево. Досталось и трутням.

— Никто не заставляет работать вас, никчемных, но не отвлекайте от работы других!

Кто получил коленом в поддых, кто пощечину по пухлой щеке. Но что это? Вихрь утих, пыль осела. Раненые занялись своими ранами, остальные смогли перевести дыхание.

Похоже, тут не только румяна и зеркала. Как же она это просмотрела? Сундучок, доверху наполненный ожерельями, браслетами, кольцами и печатками. (В действительности она не просмотрела, просто Бион со своими приятелями быстро вытащили сундучок из кустов в то время, как она обрушивала потоки ругательств на головы своих работниц.) Не совсем понимая, что это все означает, она запустила руку в груду сокровищ и вынула оттуда ожерелье, состоящее из пяти нитей жадеита и розового кварца. Для пробы она надела его на шею, но тут в ней заговорило недоверие, присущее ее племени и положению, а также ее собственная алчность. Разве могут отдать, не потребовав ничего взамен? Такого не бывает. Что нужно от нее этому восьминогому существу? Воск? Мед? А может быть, *она сама,* для какого-нибудь варварского межплеменного брака?

Эвностий предвидел и это и подготовил тельхина к такому вопросу. Бион указал на ее ножной браслет, ничего не стоящий кусочек олова, имитирующий серебро. Так вот в чем дело. Он пришел торговать. Она сделала вид, что никак не может расстаться с браслетом. Затем, как бы нехотя, наклонилась, расстегнула его, сняла, покрутила в руках, отдала, забрала обратно и наконец отдала окончательно в обмен на ожерелье, за которое на невольничьем рынке в Фивах могла бы получить дюжину крепких нубийцев или двадцать цвету-

щих девушек. После этого она вновь полезла в сундучок и схватила уже тиару, украшенную аметистами и хризолитами[23].

Эвностий ринулся ко входу в улей. Крыша и стены его были полупрозрачными, и лучи солнца освещали все комнаты, даже те, в которых не было канделябров. Вопрос заключался в том, куда именно нужно идти. Он не знал, какой коридор выбрать, где свернуть, идти вперед или назад. Он знал только, что этот лабиринт был одновременно тюрьмой и домом, мастерской и кладовой и что одна из комнат была темницей, где томились мы с Корой. Эвностий тихо прокрался мимо помещения, где работница смешивала пыльцу с медом, успел вовремя выскочить из коридора, чтобы не столкнуться с двумя патрулями,— похоже, они его так и не заметили. При его шестифутовом росте очень нелегко было спрятаться в незнакомом месте, к тому же он все время задевал рогами о потолок, рассчитанный на трий, чей средний рост был четыре фута. А затем появился запах, сначала очень слабый. Эвностий любил и всегда помнил его — запах листвы и свежей темно-коричневой коры, пропитывавший не только одежду, но и кожу. Не забывайте, что мать Эвностия была дриада и он любил этот запах с самого детства. Эвностий побоялся окликнуть нас и шел туда, куда вел его нюх, а нюх у него был очень острый. Наконец ноздри задрожали — это означало, что он у желанной цели. Хвост неистово застучал по бокам, и громкое мычанье едва не вырвалось наружу. Ноздри сказали, а сердце подтвердило — лишь дверь отделяет его от любимой.

— Кора! — громко зашептал он.— Зоэ! — Казалось, мы находимся с ним в одной комнате — так близко звучал его голос.

— Говори тише, Эвностий, и отодвинь засов. Охраны нет.

— Есть.

Это уже был не Эвностий. Это было скрипучее жужжание охранницы. Звуки борьбы, шум бьющихся крыльев, мычание, громкие крики, похожие на кудахтанье. Затем мы услышали, как неистово сопротивлявшегося Эвностия поволокли по коридору. Потребовалось, наверное, не меньше шести человек — вся охрана, чтобы одолеть его.

— Зоэ, Кора, они схватили меня! Они накинули на меня сеть!

Съеденные желуди восстановили мои силы. Когда закричал Эвностий, я почувствовала себя волчицей, чей волчонок

попался в капкан охотника. Я стала самкой кита, за чьим детенышем гонятся акулы. Я превратилась в Мать Землю, потерявшую своих детей[24]. Я неистово лупила кулаками в дверь, я наваливалась на нее всем телом, я изо всех сил пыталась выбить ее. Наконец она заскрипела, и казалось, вот-вот подастся.

— Кора, помоги мне! — Но она и так уже была рядом, и с ее помощью — теперь я знаю, какая она сильная — мы сорвали деревянный запор и настежь распахнули дверь. Охранниц не было. Мы побежали на шум драки и оказались на улице.

Здесь нас ожидало новое испытание. Шафран, украшенная тяжелым ожерельем и тиарой из аметистов и хризолитов, возвращалась в улей. Размалеванные работницы покорно летели следом. Они были мрачными и недовольными. И тут Шафран увидела охранниц, увидела Эвностия, правда, не заметила Кору и меня.

— Немедленно киньте его в чан! — закричала она охранницам. Но Эвностий был слишком тяжелым и, несмотря на опутывавшую его сеть, все еще продолжал сопротивляться. Им приходилось прилагать неимоверные усилия, чтобы поднять его хотя бы на один дюйм. Земное существо, он боролся за то, чтобы остаться на земле. Крылья охранниц были разорваны в клочья, лица — все в синяках от ударов копыт.

Если вы считаете, что женщина моего телосложения не может быть легкой и подвижной, то глубоко ошибаетесь. Я ведь уже триста шестьдесят лет лазаю по деревьям — с помощью лестниц и без них, а пышность — это вовсе не тучность. В один миг я схватила Шафран прямо на лету и швырнула ее в чан, а пока она пыталась выбраться, залезла на край чана, схватила черпак и со всей силы стукнула ее по голове. От моего удара Шафран полностью погрузилась в жидкость.

— Отпустите Эвностия, или я утоплю вашу королеву,— закричала я шести охранницам.

Они смотрели на меня, не понимая, что происходит. Как только Шафран вынырнула, я тут же снова ударила ее черпаком.

Охранницы выпустили из рук сеть с Эвностием, и он шлепнулся на землю с высоты тех нескольких футов, на которые его успели поднять.

Все еще розовощекие работницы, летавшие кругами над чаном, больше не казались мрачными. Выражение испуга

исчезло с их лиц, у них появилась надежда. Ведь пока Шафран в чане, никто не отберет зеркальца.

Тем временем Эвностий высвободился из сети и стал карабкаться ко мне.

— Зоэ, прыгай на землю. Я встану к чану!

— Отведи Кору в безопасное место! — крикнула я.— Они меня не тронут, пока у меня в руках их королева. Но долго я не продержусь.

— И не надо,— закричал он.— Мосх! Партридж! Зовите кентавров.

Никогда раньше я не видела, чтобы эти полукони-полулюди неслись галопом столь величественно. Гривы развевались, копыта стучали в унисон. Что угодно можно говорить об их неверности (и не мне это делать), но воины они бесподобные. Вел их сам Хирон, старейший из зверей, за плечами которого пятьсот лет борьбы и странствий, мудрость и настоящий героизм. Если бы Шафран стояла во главе работниц, трии атаковали бы кентавров и обязательно победили. Они могли использовать бамбуковые копья, которые обычно кидают с воздуха, или, подобно орлам, камнем сверху упасть на кентавров и выцарапать им глаза. Но Шафран без сознания плавала в чане с воском. Я выловила ее оттуда черпаком и опустила на землю. Работницы, лишенные своей предводительницы, не стали оказывать сопротивления (а может, втайне были даже и рады такому повороту событий).

Я спрыгнула вниз и увидела, что Эвностий вместе с Корой разговаривают с Хироном. Говорили они недолго, а затем Хирон обратился к побежденным — триям. Он всегда был снисходителен к женщинам, и то, что нарумяненные работницы стали хоть немного походить на них, значительно облегчило его задачу. После долгих пространных рассуждений, переполненных пышными сравнениями и драматическими паузами, подобающими его высокому положению и вообще характерными для представителей его племени, он объявил, что ни работницы, ни трутни не будут наказаны, так как они всего лишь выполняли приказы своей королевы, но, тем не менее, они должны немедленно оставить лес.

— Но ваша королева останется здесь и предстанет перед судом зверей,— сказал он в заключение.— Она злая женщина, из-за нее чуть не погибли трое. Мосх, приведи ее сюда.

— Это невозможно.

— Мосх!

— Ну, если она нужна *в таком вот виде*...

Все обернулись и посмотрели туда, куда указывал Мосх. На земле лежала Шафран. Тело ее, как саван, покрывала тонкая восковая оболочка, затвердевшая на воздухе. Шафран была мертва. Вы, наверное, подумали, что я жестокая, но Шафран угрожала нам с Корой и велела утопить Эвностия в чане с воском. Я никогда не жалею тех, у кого нет сочувствия к другим, особенно если они умирают из-за своих дурных поступков.

— Я знаю, куда ее надо поместить,— сказала я, поднимая несколько отяжелевшее тело Шафран на руки и вновь входя в этот ненавистный мне улей.

В опустевшем улье, в центральной шестиконечной комнате, стоит пьедестал, который наконец-то обрел свою статую. Медведицы Артемиды и молодые кентавры нередко приходят сюда, чтобы полюбоваться на местную достопримечательность. Золотистая кожа Шафран сияет сквозь слои воска, и издали кажется, что фигура вырезана из янтаря. Она гораздо более красива, чем при жизни, несмотря на торчащие в разные стороны волосы и вытаращенные глаза. Ее называют Золотая Горгона[25].

Когда я вышла из улья, Эвностий объяснялся с Корой. Он стоял перед ней на коленях, этот несравненный минотавр с пышной гривой и прекрасными рогами, молодой, сильный и нежный, а она, как белый лотос, склонилась над ним и гладила его по голове.

— Ты выйдешь за меня замуж и будешь жить в моем дереве?

— Да, Эвностий. Ты спас мне жизнь.

Я заглянула ей в глаза, но не увидела там Эвностия. Я увидела ее мечту. И еще я увидела смерть.

Часть II
ЭАК

Глава VIII

Дерево Эвностия буквально ходуном ходило от приготовлений к свадьбе. Он хотел набрать цветов и увить ими свой дом, но передумал. Кора не любила, когда срывают растения. Все цветы остались на своих прежних местах: шиповник и водосбор — в саду, желтый гусиный лук — на любимой лужайке Эвностия. Но медведицы Артемиды все же повесили на окна гирлянды из черных ягод гибискуса, а из красных изготовили большое сердце и прикрепили его над дверью.

Эвностий сам приготовил пиршество, а я и несколько кентавров помогали ему. Столы ломились под запеченными сонями и жареными дятлами, медовыми лепешками и караваями пшеничного хлеба, посыпанными семечками подсолнуха. А несчастный жирный Партридж сделал вино из луковой травы. Эвностий принял его с благодарностью и тут же отставил в сторону, чтобы не перепутать с другими винами и пивом. Но в воздухе пахло не только яствами, стоящими на столе, из подземной мастерской тельхинов также неслись ароматы: легкий, тонкий — мирриса и сандарака, крепкий и пряный — лаванды, душицы и тимьяна[26].

Эвностий ждал. Все еще было впереди: придут друзья, жених вместе с ними отправится за невестой в ее дерево, Хирон совершит обряд венчания, и жених с невестой вступят в брачные отношения в бамбуковом доме, а мы, гости, будем бражничать в саду и громко выкрикивать неприличные шутки.

Эвностий ждал, а так как большинство женихов испытывают примерно такое же волнение, как дриада при виде топора, я ждала вместе с ним.

— Эвностий,— сказала я, заметив, как подергивается его хвост,— у тебя же большой опыт — королева пчел и все эти дриады. Тебе нечего бояться.

— Но Кора, она такая неземная,— ответил он. Я уже начала порядком уставать от неземных свойств Коры.

— Обращайся с ней как с обычной женщиной. Именно это ей и нужно.

— Эвностий, Зоэ, вы слышали новость? — Подбежавший к нам Партридж пыхтел даже больше обычного.

— Как мы можем тебе ответить, ведь ты нам еще ничего не сказал?

— Мужчина, критянин. Прямо здесь, у нас, в нашей стране. Попал сюда через проход между скалами. И еще — он ранен!

— Он нарушил договор,— сказала я.— Хирон придет в ярость.

— Наверное, он был в невменяемом состоянии,— предположил Эвностий, явно вспоминая свои недавние раны.— Зоэ, встреть моих гостей. Я пойду помогу ему.

— В день собственной свадьбы?

— А если бы ты не помогла, когда меня избили паники?

— Ладно,— проворчала я. На самом деле я не такая бессердечная, как кажется. Но мне вспомнились видения Коры.

В одном из внутренних дворов Кносского дворца[27] грустил Эак, брат критского царя Миноса. Он опустил руку в пруд с серебристыми рыбками. Пальмы склонили над ним тяжелые ветви, и листья их были похожи на огромных зеленых многокрылых птиц. Крокусы золотым руном покрывали землю. Египтяне живут прошлым. Они смотрят на пирамиды и тоскуют по утраченному величию. Ахейцы живут будущим. Они любуются своими колесницами, их бронзовыми колесами и мечтают о завтрашних битвах. А критяне живут настоящим. Они, как голубые лотосы, застыли в неподвижных водах времени, спокойные и радостные. Их не мучают воспоминания и не волнуют ожидания. Счастливые люди. Эак же был самым счастливым и красивым из всех. Он обладал всеми королевскими привилегиями, а бремя власти его еще не коснулось. Но сейчас Эак грустил, и придворная дама Метопа смотрела на него с удивлением. Она находилась в самом расцвете своей красоты, ей очень шла пышная, расши-

рявшаяся книзу юбка, а грудь ее, похожая на созревшие дыни, была обнажена и горделиво вздымалась.

— Эак,— сказала она,— сегодня вечером придворные дамы будут танцевать на берегу Кайрата танец Журавля. А потом они выберут себе любовников из числа мужчин, пришедших посмотреть на них. Ты придешь?

— Нет.

— Нет? — повторила она, не поверив.— Я тебе больше не нравлюсь?

— Мне сейчас никто не нравится.

— Жестокий Эак. Ты говоришь, как хетт, а не как критянин. Разве у меня появилась хоть одна морщинка с тех пор, как я в последний раз смотрелась в зеркало?

Он пристально взглянул на нее и заметил легкую сеточку морщин под глазами. Но теперь он уже заговорил как истинный критянин.

— Нет, дорогая Метопа. У тебя нет ни старых, ни новых морщин. Дело не в тебе, а во мне. Твое лицо такое же гладкое и розовое, как раскрытая раковина, только гораздо более нежное. Просто я был где-то в другом месте, далеко отсюда.

— Где, Эак? Где, кроме Кносса, ты можешь еще быть? В Фивах, Мемфисе, Вавилоне?..

— Не знаю.

— Приходи посмотреть на танец. Ты опять будешь вместе с нами. И вновь будешь смеяться.

— Хорошо, я приду.

Его не удивило ее приглашение. В Кноссе женщины так же смелы в любви, как и мужчины. Кроме того, он уже не раз был близок с ней и на лугу, заросшем златоцветниками[28], и на каменном ложе, устланном бесчисленными подушками, и даже, под влиянием вина, льстиво называл ее Матерью-богиней, вновь спустившейся на землю в облике смертной женщины.

Эак отогнал от себя грусть и засмеялся:

— Хорошо, я приду.

Она открыто, не смущаясь, смотрела на него, как смотрят женщины, привыкшие чувствовать себя равными с мужчинами.

— Тебе, Эак, очень идет смех, ведь твои зубы белы, как раковины на берегу моря. Глядя на тебя, я всегда думаю о щедрости и изобилии. Ты — как пышное гранатовое дерево, растущее в плодородной почве. Мы, критяне, невелики рос-

том — ты же кажешься огромным. Не потому, что бронзовый загар покрывает твою грудь, не потому, что твои щеки румяны, а смех мелодичен, как звук лиры, и руки, раздающие подарки детям, заботливы и добры, а потому, что ты сам — драгоценнейший дар. Знаешь ли ты, что тебя любят больше, чем твоего брата?

— Это несправедливо,— ответил он.— Мой брат — царь.

Эак вдруг почувствовал обиду за Миноса. И все же нельзя отрицать, что приятно, когда тебя любят. Именно тебя, всегда восхищающегося пурпуром багрянки, любующегося серо-голубым дельфином, испытывающего радость от смеха жнецов, идущих домой с ячменного поля. Тебя, который ненавидит уродство и набеги ахейцев на побережье Крита. Да, приятно быть любимым. Он грелся в лучах любви, как кот, уютно устроившийся на солнечном пятачке, прямо под световым колодцем, проделанным в потолке дворца.

— Твой брат — царь, но в нем есть что-то египетское. Он слишком много думает.

— А я?

— Ты — чувствуешь. Ты — настоящий критянин.

Он отодвинул локоны с ее лба и поцеловал. У нее была белоснежная кожа, которую она старательно оберегала от лучей жаркого критского солнца, спуская на лицо пряди волос, покрывая его толстым слоем косметики или прячась под зонтом.

— Я приду на танец Журавля.

Он посмотрел вслед ее удаляющейся в сторону дворца фигуре. Она была красива и вместе с тем нелепа — огромный движущийся малиновый цветок. Как только Метопа скрылась в дверях, по обе стороны которых стояли каменные быки, он тут же забыл о ней.

Эак вздохнул и стал спускаться по гипсовым ступеням, пересек второй двор, мощенный булыжником, стертым тысячами ног, миновал парадный въезд и пошел через виноградники, все дальше и дальше удаляясь от дворца. Позади осталась тропа, протоптанная козами среди оливковых деревьев. Он, не зная, куда и зачем бежит, внезапно остановился в тамарисковой роще, прислонился к дереву, пытаясь подавить подступившие к горлу рыдания, и прислушался.

Дерево говорило с ним. Это не были слова, оно обращалось прямо к его сердцу. Оно здоровалось. В те времена все еще помнили о том, что Великая Мать любила деревья, кусты и цветы не меньше, чем животных, и наделила даже самое

малое растение душой, иногда невидимой, а иногда и вполне осязаемой, такой же осязаемой, как, например, Метопа в юбке, похожей на мак. Эак, конечно, знал о существовании дриад и о том, что они — материализовавшиеся души деревьев, но он знал и то, что дриады живут в Стране Зверей, а ни один критянин никогда не проникал в это запретное царство минотавров, кентавров и других вселяющих ужас существ (именно такими мы виделись людям), которых иногда замечали крестьяне, подходившие к самой кромке леса.

Дриады жили только внутри дубов. И тем не менее этот тамариск что-то нашептывал на незнакомом, но отчего-то понятном языке, будто сладкоголосая дева с Туманных островов тихо рассказывала о чем-то, сидя над прялкой, и он почувствовал, что обращаются именно к нему.

— Дерево,— шепнул он.— Ты мне хочешь что-то сказать?

Дерево ничего не ответило, но вдруг перед его мысленным взором предстали совсем другие деревья, вековые кедры, росшие на склонах высоких известковых гор, ели, колючие, но не ранящие, и огромный дуб, распростерший свои ветви, как крылья.

— Брат!

Рядом с ним стоял сам царь Минос.

— Я увидел, что ты бежал из дворца, как раненая газель от охотника, и пошел за тобой следом.

Тридцатилетний царь выглядел очень молодо, лицо было гладким, совсем без морщин, но волосы белыми, как снег на вершине горы Иды. Несмотря на малый рост, свойственный всем людям его племени, в нем чувствовались сила и величие. Головной убор был украшен перьями, на ногах — высокие сапоги, сшитые из кожи египетской антилопы. От природы он был таким же веселым, как и его подданные, и всячески старался сберечь присущее критянам жизнелюбие. Однако у любого царя, даже если его народ счастлив, много забот. Он всегда с радостью участвовал в играх с быками и нередко приходил в театр посмотреть на дев, танцующих танец Питона; но нелегко стоять во главе огромного государства, чьи корабли доходят даже до Туманных островов и возвращаются оттуда, груженные оловом и красителями.

— Что случилось, малыш? — повторил он с нежностью старшего брата, для которого младший навсегда останется маленьким, хотя они уже давно сравнялись в росте. В его голосе слышались недоумение и мягкий упрек: — Ты прихо-

дишь в рощу один. Разговариваешь с деревьями, а ведь ты мог бы поговорить со своим братом и царем. Уж не тоскуешь ли ты от любви? Не было такого случая, чтобы дева отвергла самого красивого из мужчин.

— Нет, брат. Дело не в этом.

— В чем же тогда?

В чем? На этот вопрос ответа не было.

— Не знаю,— сказал он грустно.— Я вдруг почувствовал какое-то неопределенное желание.

— Каждое желание можно удовлетворить. Человек, которого мучит жажда, достает вино из ближайшего погреба, голодный ест омара, пойманного в Великом Зеленом море. Тот, которого оставила возлюбленная, находит другую — с опытом зрелой женщины и внешностью юной девушки.

Эак с трудом заставил себя улыбнуться:

— Как может мучить жажда, голод или отсутствие любви на Крите, столь богатом развлечениями? Я веду себя, как глупый мальчишка, который разбил свои таблички и позабыл все уроки. Если бы я только мог понять...

Царь, казалось, задумался.

— Может, это и не так глупо. Наши предки до того, как они поселились на Крите, были неугомонными людьми и немало побродили по свету. Наверное, один из них заговорил в тебе. Прошлой ночью ахейский корабль совершил нападение на побережье. Пираты сожгли три крестьянских дома. Наше патрульное судно протаранило их корабль и потопило. Но ахейцы ушли в глубь острова. Они могут принести еще немало бед, и я отправляю за ними поисковую группу.

— Я найду их. Я возьму несколько человек из дворцовой охраны.

— Только если ты сам этого действительно хочешь. Никто не может заставить принца помимо его воли рисковать жизнью, преследуя пиратов. Я уже подобрал группу, и начальник дворцовой охраны готов возглавить ее.

— Я сам ее возглавлю.

Царь улыбнулся. Солнечный луч пробился сквозь густые переплетения ветвей тамариска и упал на его белоснежные волосы, в одно мгновение превратив их в серебряный, воистину царственный головной убор.

— Хорошо, ты поведешь их. Твоя ловкость в играх с быками известна всем. Твой кинжал легок и подвижен, как стрекоза. Но будь внимателен. Помни, что ловкость и кин-

жал сильнее мускулов и мечей ахейцев, только если ты очень осторожен. Оставь свои вздохи во дворце, иначе вонючий хвастун пронзит твое сердце мечом еще до того, как ты успеешь вытащить кинжал.

— Со мной скучно последнее время, правда, брат?

— Да, действительно, тоскующий критянин не очень-то вписывается в веселое придворное общество. Если ты останешься в таком же настроении, то вскоре все дамы начнут плакать и по их щекам потекут реки из краски для век. Побродн по холмам и поищи свой потерянный смех.

Братья крепко обнялись, но это не было данью формальностям. Эак любил Миноса больше всех на свете. Он знал, что людям других племен — серьезным и важным египтянам, хвастливым и самовлюбленным вавилонцам — критяне кажутся легкомысленными и переменчивыми, не способными на долгую и глубокую любовь. Это происходит потому, что их похороны скорее напоминают праздник, а сами они очень редко проливают слезы. Но для критянина смерть — не забвение, а переселение в другую страну, где все, что они любят, и все, кого они любят, воскрешаются вновь и становятся бессмертными в лучах улыбки Великой Матери и ее Праведного Судии [29]. И если критяне влюбляются с такой же легкостью, с какой дети начинают вместе играть, а затем так же беззаботно расстаются друг с другом, то объясняется это не тем, что они никого не любят, а тем, и Эак с легкостью мог бы это доказать, что они любят слишком многих. У него у самого было тридцать друзей и множество женщин, и еще он любил детей, своего брата, себя, а больше всех что-то или кого-то, с кем пока еще не повстречался...

Погоня увела их далеко от побережья, от соленого морского ветра, к горам, торчавшим посреди острова, как выпирающий хребет. Сожженные дома крестьян, зарезанные овцы, непрерывно кукарекающий петух, залетевший от страха на верхушку оливкового дерева,— такие следы оставляли за собой мародеры. В последнее время набеги стали обычным явлением. У Крита было так много колоний, что не хватало времени охранять свое собственное побережье, а его извилистый берег с бесконечными мысами и бухточками представлял собой идеальное укрытие для пиратских кораблей. Но набеги ахейцев не вызывали серьезного беспокойства и вос-

принимались как мелкие неприятности. Считалось, что это необходимая плата за империю. А если кто-то и предвидел возможность крупномасштабного вторжения этих светловолосых, неуклюжих, вооруженных мечами варваров, то всячески старался скрывать свои «глупые домыслы» от царя. Мелкие неприятности, думал Эак, но не для рыбаков или крестьян, теряющих свои дома, а часто и саму жизнь, и не имеющих утешения в вере. Веру им заменяло бесформенное нагромождение суеверий, в которых Подземный мир представлялся мрачным обиталищем чудовищ и источником ужасных страданий.

Эак не часто задумывался о жизни рыбаков и крестьян. Они существовали где-то очень далеко, поставляли двору рыбу, мясо, овощи, фрукты, оливковое масло и шерсть. Они выполняли роль, отведенную им Великой Матерью. Любили ли они? Страдали ли они? Он почувствовал угрызения совести, что так редко вспоминал о них, а затем ему стало стыдно уже за свои угрызения совести — ведь он был любимым братом царя, отправившимся на поиски приключений. Вскоре он вообще отбросил все эти мысли — недаром он принадлежал к племени, которому не дано заниматься самоанализом.

Маленький мальчик бежал к ним через поле. На вид ему было лет пять, и он был очень худенький; он горько плакал. Поблизости дымился дом, а куры, вперемешку со свиньями, прятались в разоренном винограднике. Эак поднял ребенка на руки и почувствовал, как сильно бьется его сердце. Он терпеливо ждал, когда мальчик сможет заговорить.

— Мама и папа...

— Убиты?

— Да.

— Не плачь.

Странно и непривычно было видеть, как люди плачут. При дворе никто не плакал. Или просто никто не показывал своих слез.

— Мои люди похоронят твоих родителей как подобает, и те будут дожидаться тебя в Подземном мире. Праведный Судия будет добр к ним, поможет и спасет их.

— Действительно так и будет? — Ребенок посмотрел на него с удивлением.

Он был похож на обезьянку — некрасивый, смуглый и тощий. При дворе в Кноссе его уродство могло бы вызвать у Эака отвращение. Но не сейчас и не здесь.

— Я думал, он помогает только таким господам, как ты.

— Он помогает всем.

Эак говорил очень уверенно, но на самом деле он никогда раньше не задумывался, попадают ли крестьяне, подобно царям и придворным, в Подземный мир. Есть ли там место для них? Продолжают ли они и там служить своим земным хозяевам?

— Один из моих людей останется с тобой, а когда мы вернемся, то найдем тебе дом поближе к городу, где ты будешь в безопасности.

Ребенок так крепко, по-обезьяньи вцепился в Эака обеими руками, что тому пришлось с силой разнимать его пальцы. Делал он это нежно, но решительно, а затем передал мальчика одному из своих воинов. Эак с удовольствием остался бы в разрушенном доме, похоронил по всем правилам родителей ребенка (независимо от того, куда именно направились тени умерших), накормил бы его и рассказал много разных историй о веселых дельфинах и рыбах с собачьими головами. «Когда вернусь во дворец,— подумал он,— я женюсь, и у меня будет ребенок. Много детей. Может, я и тоскую именно по ним, по своим еще не родившимся детям». Дерево что-то прошептало.

В часе ходьбы от того места, где они оставили мальчика, на поляне, покрытой валунами и изрытой глубокими ямами, они наткнулись на ахейцев. Валуны вдруг ожили, из укрытий высыпали воины, и маленькие критяне были окружены прежде, чем успели выхватить свои кинжалы. Но, быстро выхватив их, они стали сражаться на равных, отбиваясь от огромных русоволосых разбойников так же ловко, как голубые обезьяны отбиваются от напавших на них собак. Они увертывались от ударов мечей, но сами непрерывно наносили удары кинжалами. Так продолжалось до тех пор, пока последний ахеец не убежал, прихрамывая, с поля боя.

Эак стоял один среди павших, слишком измученный, чтобы пуститься в погоню, едва державшийся на ногах и почти теряющий сознание от ран, хоть и не смертельных, но тяжелых.

Он взглянул на своих убитых товарищей, с удивлением огляделся вокруг и заметил, что находится совсем близко от двух огромных скал, в пространство между которыми клином вдается лес. До него донесся живительный аромат коры, дубового леса и тихое журчанье воды. Там, наверное, ручей,

где можно промыть раны, а затем он вернется и похоронит своих друзей. Но сможет ли он дойти?

И тут Эак наконец понял, что это за лес. Страна Зверей, куда ни один критянин не рисковал заходить, отчасти от страха, отчасти помня договор о том, что этот лес безоговорочно и навеки принадлежит зверям. Договор был заключен еще в те времена, когда не было письменности, и никто не фиксировал исторические события на глиняных табличках. Но деревья, ровные конусообразные кипарисы, будто вылепленные умелыми пальцами Великой Матери, и пышные дубы, чьи ветви так переплелись, что превратились в небольшие заросли, казалось, разговаривали с ним.

— Ты можешь нарушить договор,— шептали они.— Заходи поглубже в нашу тень. Узнай наши тайны, ведь и страшное бывает прекрасным.

Палящее солнце казалось раной, зиявшей на небе, а ветви предлагали Эаку успокоение и исцеление, хоть и пытались при этом схватить его.

Едва передвигая ноги, Эак вошел в лес.

Он лежал на земле с закрытыми глазами, не спал и не бодрствовал. Где-то рядом зашуршали листья кустов. Преодолевая боль, он с трудом открыл глаза и увидел юношу, нет, молодого бычка. А точнее, сильного и мускулистого человека-быка с блестящей рыжей гривой и рогами. Эак попробовал поднять руку. Юноша быстро отступил назад, явно встревожившись.

— Мне не встать,— сказал Эак.

Он лежал в луже крови и, скорее с любопытством, чем со страхом, думал, что, вероятно, умирает. Юноша обошел вокруг него, затем приблизился и, убедившись в том, что раненый абсолютно беспомощен, заговорил низким голосом на критском языке:

— Помочь тебе встать? — Эак не знал, что ответить.

— Боюсь, опять начнется кровотечение. Может, ты сначала перевяжешь мои раны?

— Разреши *мне* это сделать.

Она подошла так тихо, что ни Эак, ни минотавр (а это, конечно, был он) не услышали ее приближения. Трудно было сказать, откуда она появилась — из-за дерева или из дерева. Она сильно отличалась от критских женщин — высокая, и одета по-другому: вместо юбки-колокола и открытого лифа — свободное платье цвета листвы и ожерелье из оранжевых

ягод. Такие же зеленые, как платье, волосы собраны в узел и заколоты серебряной булавкой с кузнечиком на конце, а кончики ушей изящно заострены. Юноша посмотрел на нее с удивлением и недоумением.

— Мы можем отнести его ко мне домой,— сказал минотавр.

— Мой дом ближе, Эвностий. Но сначала я должна промыть его раны.— Она встала рядом с Эаком на колени и приложила к израненному плечу влажный мох. Облегчение наступило мгновенно, но он так и не понял, что именно помогло — мох или прикосновение ее рук.

— А *мне* что делать? — спросил минотавр, явно обиженный тем, что ему не дали поухаживать за раненым незнакомцем. Он понравился Эаку.

— Пусть раненый пока отдохнет,— сказала девушка,— а мы сделаем из палок и лозы носилки вроде тех, на которых охотники носят оленей, и осторожно перенесем его ко мне в дом.

— Как тебя зовут? — спросил Эак.

— Я Кора, дриада.

— А где ты живешь?

— В дереве, где же еще? — рассмеялась она.

Эак закрыл глаза. Теперь он был уверен, что не умрет. Он не стеснялся своей беспомощности, ведь добрым и заботливым людям всегда в радость помочь слабому. Вскоре носилки были готовы, Эак, покачиваясь на носилках в такт плавной, скользящей походке девушки и минотавра, когда они несли его в лес, в Страну Зверей, несмотря на свои раны, не стонал.

Глава IX

Пока Эвностий отсутствовал, я встречала его гостей и старалась сделать так, чтобы они чувствовали себя как дома. Партридж, как только пришел, сразу же направился к своему луковому вину и больше уже не подходил к остальной компании. Он не был большим любителем разговоров, и лексикон его ограничивался словами «хм», «не могу» и «не знаю». Бион неуверенно топтался у входа, не решаясь присоединиться к обществу, состоящему из зверей, принадлежащих к высшей расе, ведь некоторые считали его всего лишь домашним животным. Я посадила его за самый большой

стол, и вскоре он уже сжимал своими передними лапками кусок пшеничного хлеба и радостно потряхивал головой. Мосх же — с ним, я чувствовала, мне еще предстоит помучаться,— обычно приходивший навеселе и сразу начинавший свои заигрывания, сегодня явился и вовсе пьяным, к тому же привел с собой незваную гостью — неопрятную молодую дриаду лет пятидесяти, с которой Эвностий даже не был знаком.

— На одной-единственной пташечке свет клином не сошелся,— ухмыльнулся он в мою сторону, выбрал самый большой бурдюк с пивом, закинул его на плечо и вместе со своей подружкой отправился в сад.

— Совершенно верно, мои чокнутые птички,— крикнула я им вслед.

Компания молодых кентавров потребовала, чтобы им показали мастерскую Эвностия, но, так как лестница оказалась для них слишком трудна, пришлось довольствоваться разглядыванием мастерской издали, и они изо всех сил пытались различить среди теней верстак, инструменты, стул без ножек и заготовки для стола. Застенчивые медведицы Артемиды жались по углам, и вытащить их оттуда можно было лишь похвалами их редкостному умению делать ожерелья из ягод. Не буду утомлять вас перечислением гостей. У Эвностия было множество друзей, в их число не входили лишь паниски (за исключением Партриджа) и трии.

Тревога за Эвностия не оставляла меня. Я с нетерпением ждала его возвращения. Этот критянин, хоть он, конечно, и ранен, выбрал для своего появления в лесу самый неудачный день. Хирону непременно надо будет выставить его из страны, как только он поправится.

Когда уже начинало смеркаться, появился Эвностий. Он был взволнован и растерян. Коры с ним не было, да и сам он, казалось, позабыл, что сегодня день его свадьбы.

Гости встретили Эвностия радостными возгласами, как счастливого жениха, а затем стали расспрашивать о критянине. Некоторые успели уже взглянуть на него, но никто не осмелился заговорить. Считалось, что разговаривать с человеком опасно.

— Ты не боялся, Эвностий?

— А правда, что у него нет ни рогов, ни копыт, ни меха — вообще *ничего!*

— А он не пытался вкрасться к тебе в доверие, а потом всадить в бок нож?

— Он сильно ранен. Кора взяла его к себе домой, чтобы ухаживать.

Гости молчали, ожидая дальнейших подробностей; подробностей не последовало.

— Давайте не будем забывать о свадьбе,— воскликнула наконец я.— Пора забирать невесту из ее дерева.

— Она сказала, чтобы мы продолжали праздновать без нее и считали, что отмечаем праздник Великой Матери или какой-нибудь другой. Свадьбу придется отложить на день или на два. Иначе критянин может умереть.

Все заговорили разом: «Не будет невесты? Свадьба откладывается? Кора ухаживает за *человеком?!*»

— Замолчите и не портите вечеринку,— проржал Мосх из сада.— Когда Кора сможет, мы устроим другой праздник, в моем доме. (Не припомню, чтобы Мосх когда-либо приглашал к себе гостей, хотя сам неизменно присутствовал на всех сборищах.)

При первой же возможности я вывела Эвностия в сад. (Мосх и его подружка растянулись на земле среди овощей.) Эвностий выглядел очень странно: с молодым лицом совсем не вязался взгляд старика.

— Какой он, этот критянин?

— Невысокий, мужественный. Он весь изранен, но ни разу не пожаловался. Мне он понравился.

— На кого он *похож*, Эвностий?

— Я бы сказал, он похож на принца. На нем пурпурная набедренная повязка и серебряная пряжка на поясе. В его лице есть что-то царственное.

— Эвностий, побудь со своими гостями, хорошо? Я напилась и наговорилась на год вперед и просто ног под собой не чую.

Я ушла, а он так и остался стоять, положив руку на голову Биона.

Но я не пошла к себе в дерево, а отправилась к Коре. Мирра была внизу. В руках она держала яркое и веселое, как поле золотарника, подвенечное платье, в котором когда-то выходила замуж за своего кентавра. Сегодня специально для Коры она достала его из кедрового сундука и освежила мирисом. Увидев меня, Мирра тут же заговорила:

— Я сказала девочке, чтобы она спокойно выходила замуж. Я присмотрю за молодым человеком. Можно подумать, никто, кроме нее, не умеет лечить раны. Но она даже не

пустила меня туда. Сказала, что ему нужен спокойный сон и его нельзя тревожить женской болтовней. И все это мне приходится выслушивать от собственной дочери.

— Ничего, придется ему сейчас немного послушать женскую болтовню,— сказала я и, несмотря на протесты Мирры, решительно направилась к лестнице.

Он лежал на постели Коры. Глаза были закрыты, на губах блуждала легкая улыбка. Он крепко спал, и, судя по состоянию ран, сон ему действительно был нужен. Но в то же время он явно не умирал, и Мирра, которая, несмотря на свое легкомыслие, лечила очень хорошо, вполне справилась бы с этой задачей, хотя, конечно, ей пришлось бы пропустить свадьбу собственной дочери.

Кора сидела на полу около кровати. Она так и не начала одеваться к свадьбе — на ней была простая коричневая туника, перехваченная в талии виноградной лозой, а волосы, пожалуй, впервые были не уложены. Увидев меня, она приложила палец к губам. Я схватила ее за руку и вытащила на небольшую площадку на верху лестницы. Через крошечное окошечко, в которое не смог бы влететь даже дятел, пробивался тонкий лунный луч.

— Я не собираюсь будить твоего драгоценного друга,— сказала я,— но я хочу, чтобы ты хоть немного пришла в себя. Такое сказать своему жениху! Чтобы праздновали свадьбу без тебя! Если ты не доверяешь своей матери ухаживать за этим чужаком, то, может быть, доверишь мне? Я делала лекарства и составляла микстуры еще задолго до того, как ты родилась. Хоть у меня и большие руки, но очень ловкие и нежные. А тебе сейчас надо пойти к Эвностию и обвенчаться с ним.

— Нет.

Больше она ничего не сказала, эта молчаливая Кора.

— Что нет? Поясни, пожалуйста.

— Я нашла его, Зоэ. Я принесла его к себе домой. Я за него отвечаю.

— Мне казалось, мы говорили об Эвностий. А что касается твоего критянина, все это глупости. Первым его вообще увидел Партридж. Но это не значит, что Партридж за него должен отвечать. Критянину просто повезло, что за ним ухаживают. Ведь он нарушил договор.

— Это я позвала его сюда.

Мне показалось, что наступила холодная зимняя ночь, и в моем очаге погас огонь.

— Ты хочешь сказать...

— Я как-то говорила тебе, что видела во сне молодого критянина. Я звала его, но думала, что он не сможет услышать меня. А он услышал и пришел и, когда лежал раненый в лесу, *сам* позвал меня.

— Он так и сказал?

— Ему не нужно говорить это.— Я схватила ее за плечи и потрясла, как провинившегося ребенка, разорившего ласточкино гнездо:

— Лучше подумай, что ты скажешь Эвностию.

Хирон пришел, но, обнаружив, что невесты нет и венчать некого, с чувством оскорбленного достоинства ушел обратно. Медведицы Артемиды отправились к себе в полые бревна и легли спать. Мосх, буквально опутав свою новую пассию руками и ногами (назвать это объятиями было весьма трудно), храпел среди овощных грядок. Партридж, порядочно набравшийся лукового вина, мирно спал под одним из столов. Бион же подбирал с пола упавшие объедки, чтобы затем припрятать их на черный день в своей мастерской.

Эвностий погладил Биона по голове:

— Присмотри тут за всем, а я схожу к Коре, ладно, дружище?

Он приготовил ей корзину винограда. Бион вопрошающе посмотрел на него:

— Может быть, мне пойти с тобой? Я помогу тебе нести корзину.

— Нет, лучше я пойду один, а то мы потревожим критянина. Ведь ему нужен покой.

Он посмотрел на упавшие гирлянды, на раскачивающиеся фонарики, освещавшие спящих гостей, отгулявших свадьбу без невесты, и подумал: «Без Коры я сюда не вернусь».

Когда Эвностий подошел к дереву Коры, было уже раннее утро. Мирра сонно поздоровалась с ним. Она только что проводила кентавра, зашедшего к ней вчера вечером по дороге из гостей.

— Кора всю ночь просидела рядом с критянином. Она еще не спит, поднимись к ней в комнату.

Войдя, Эвностий увидел следующую картину. Эак проснулся. Кора подложила ему под голову подушку и кормила воробьиным бульоном, в котором развела отвар из фенхеля,

смешанный с молоком и вином. Услышав, что кто-то вошел, оба они одновременно обернулись. Эак улыбался. На левой ноге у него была глубокая рана, к которой Кора привязала мох; несколько шрамов было на груди и один — над правым глазом. Наверное, ему было очень больно, но он этого не показывал.

— Юный минотавр,— воскликнул Эак,— я хотел поблагодарить тебя, но спал.

Он попробовал было подняться с кровати, но Кора не позволила.

— Я принес виноград,— сказал Эвностий Коре,— и тебе тоже.

Она стояла рядом с кроватью и казалась теплым зеленым пламенем; щеки ее пылали, а волосы, обычно убранные в высокую прическу, свободно рассыпались по плечам. Она почему-то плакала. Рыдания не сотрясали ее тело, но слезы текли по щекам. Она была сиянием, на которое временами набегали тени.

«Наверное, она плачет из-за критянина»,— подумал Эвностий. Но Эаку вовсе не стало хуже с того момента, как они подобрали его в лесу. Наоборот, он выглядел гораздо лучше, чем накануне, и явно поправлялся, несмотря на свои многочисленные раны. Да и настроение у него было хорошим. Правда, заметив слезы на лице Коры, он сначала удивился, а затем испугался. Но когда Эвностий увидел, как Кора с неистовой тоской и страстью сжала пальцы Эака, взявшего ее за руку, он все понял. Она оплакивала его, Эвностия, потому что наконец встретила свою мечту. Он выпустил из рук корзину с виноградом и кубарем слетел по лестнице вниз.

— Эвностий,— Мирра окликнула его в тот момент, когда он уже отодвигал на дверях занавеску,— ты совсем не поговорил со мной. Скажи, критянин красивый? Эвностий...

После разговора с Корой я уже не стала возвращаться к гостям в дом Эвностия. Как я могла сказать жениху, что невеста оставила его ради человека? Кора должна объяснить все сама. Дома я легла и попыталась заснуть, но сон не шел. Я переворачивалась с боку на бок, вставала, подходила к окну, смотрела на освещенные луной дубы (дуб Коры едва виднелся вдали) и на поляну с цветами, где Эвностий писал стихи. Затем из-за верхушки деревьев показались первые

лучи солнца, цветы вновь стали золотистыми и я, наконец, забылась.

Кто-то дотронулся до моего плеча:

— Зоэ.

— Уходи. Я только что заснула.

— Зоэ, пожалуйста.

— Эвностий!

Он упал на колени и уткнулся лицом мне в грудь. Я погладила его по голове:

— Ты был у Коры?

— Да.

— И она сказала тебе?

— Что мне делать, тетя Зоэ?

— Жди, мой дорогой.

Я не знала, что ответить, на ум приходили лишь банальные утешения, но нежность к нему переполняла мое сердце, как кипяток критскую ванну, и, согревая, причиняла боль.

— Чего ждать?

— Другую Кору, более достойную.

— Я больше никогда не смогу полюбить.

— Все могут. Если хотят.

— Ты можешь, тетя Зоэ, но ты совсем другая: можешь не только влюбиться, но и разлюбить.

— Нет, не могу, просто к старой любви прибавляется новая, и я их вместе храню в своей душе. Ты сделаешь то же самое.

— Нет,— сказал он,— Кора одна.

Он не понимал, что, хоть чувство к Коре и доставляло ему такую же нестерпимую боль, как укус пчелы, но, как и укус, оно должно было пройти. Та Кора, которую он любил, жила лишь в его стихах. К несчастью, он полагал, что ее душа так же прекрасна, как и тело. Она и была такой, но ей было еще очень далеко до совершенства.

— Посмотрим, мой дорогой. А пока, если хочешь, оставайся здесь, со своей тетей Зоэ. Тебе совсем не обязательно возвращаться в пустой дом. Мы с Бионом там все уберем, и дом будет тебя дожидаться.

— Нет, я лучше пойду. Это единственное, что у меня осталось.

— Может, ты все же не так беден, как тебе кажется,— сказала я, но он уже вышел из комнаты.

Я услышала, как поскрипывают прогибающиеся под его тяжестью ступеньки, а затем копыта с глухим стуком ударя-

лись о землю и медленные, тяжелые шаги стали удаляться в сторону его дома.

Никто никогда не видел меня плачущей. Я умею выбирать время для слез...

Прошло три дня. Эвностий неподвижно сидел в своей мастерской рядом с верстаком. В руках он держал пилу, но не работал. Стул, начатый еще до несостоявшейся свадьбы, так и остался незаконченным. Бион, сидевший рядом, потрогал Эвностия усиками. Материал для стула принес Партридж в качестве свадебного подарка. Это была дубленая воловья кожа, которую оставалось только натянуть на ивовую раму. А Бион принес инструменты. Сейчас Партридж ушел поискать себе что-нибудь на обед, так как Эвностий не разрешал ему щипать траву и зелень в своем саду, Бион же решил не оставлять друга одного.

Эвностий погладил его по голове, но тот был так расстроен, что в ответ даже не пошевелил усиками. Эвностий, впрочем, этого не заметил.

Кто-то позвал его по имени. Его искали в саду, явно не зная, где находится мастерская. Вход в нее был искусно спрятан за кустом ежевики, чтобы обмануть панисков и трий. Пожалуй, лучше самому выйти навстречу гостю, а то незнакомец переломает все кусты шиповника. Эвностий поднялся по земляным ступеням наверх и вышел на солнечный свет. После тусклых фонарей мастерской солнце ослепило его, он зажмурился и только через некоторое время смог рассмотреть своего посетителя.

Перед ним стоял Эак.

— Я думал, ты ранен,— проворчал Эвностий.

— Был ранен и еще не совсем поправился. Я сегодня в первый раз вышел из дерева. Мне нужно поговорить с тобой.

Если бы Эак не хромал, Эвностий наверняка боднул бы его. Ему не хотелось разговаривать с ним. Не хотелось видеть эту ласковую улыбку, добрые фиолетовые глаза. Лучше бы Эак был самодовольным и высокомерным или надменным и хвастливым, тогда он обязательно боднул бы его, несмотря на хромоту. Но Эак вдруг начал задыхаться, и ему пришлось опереться на решетку, по которой ползли вверх молодые побеги шиповника.

— Ты сейчас уронишь мою решетку. Коре бы это не понравилось. Она говорит, что у цветов есть душа.

— Прости меня. Кора, конечно, права. Он попробовал стоять, не держась, но почувствовал сильную боль. Нога явно еще не зажила. Эвностий показал на дом:

— Там есть стулья.

— Твой дом похож на бамбуковую корону. Легкий, воздушный и изящный. Ты сам его построил?

— Да, а бамбук мне принесли кентавры.

Они молча сидели друг против друга. Эак перестал улыбаться. Он казался грустным и каким-то растерянным, хотя его маленькая загорелая фигурка в пурпурной набедренной повязке с серебряной пряжкой в форме зимородка по-прежнему сияла красотой.

Вначале они старались не упоминать имя Коры.

— Хирон сказал, что, наверное, позволит мне остаться в лесу,— начал Эак,— я ведь нарушил договор случайно. Но если я останусь, то должен забыть о Кноссе. Мне нельзя будет сходить туда и вернуться, ведь за мной следом могут прийти люди, и что тогда будет с договором?

— Ты принял его условие?

— Да,— в его ответе послышалась удивительная покорность. Он помолчал немного.

— Я узнал о том, что Кора пообещала выйти за тебя замуж только тогда, когда ты принес виноград,— сказал он, разглядывая фонтан, струящийся над замком из морских раковин.— Я думал, ты просто ее друг, вроде младшего брата. Мне хотелось, чтобы ты стал и моим другом тоже. Ты сразу *понравился* мне, еще когда я очнулся в лесу и увидел, что ты пытаешься мне помочь.

— Не верю.

— Почему же я тогда пришел сюда?

— Ладно, верю, и все равно ты мне не нравишься.

— Конечно, нет. Но, надеюсь, со временем ты станешь относиться ко мне иначе. Когда поймешь.

Почему все взрослые — люди и звери, и даже милая Зоэ — всегда говорят о понимании так, будто оно приходит с возрастом? В свои пятнадцать лет он уже все понял: он грубый и неуклюжий и Кора предпочла ему принца из прекрасного города. Он понял, но ему было очень больно.

С отчаянием он показал свой дом и сад:

— Я сделал все это для нее. Дом хоть и из бамбука, но построен внутри полого дуба, так чтобы она могла перейти из своего дерева сюда и жить вместе со мной.

Знаешь, дриады ведь могут менять деревья. А теперь я здесь совсем один.

Но тут Эвностий заметил стоящего в дверях Биона. Услышав его слова, тельхин так расстроился, что усики его совсем поникли.

— Я имел в виду вовсе не тебя,— воскликнул Эвностий, вскакивая на копыта и подбегая к Биону, чтобы провести его в комнату.— У тебя ведь есть своя мастерская и родственники. Я имел в виду, что некому быть рядом со мной все время.

— У тебя, наверное, очень много друзей,— сказал Эак.— Зоэ говорит, что ты самый хороший зверь во всей стране и мне уже здорово повезло, что ты со мной разговариваешь. Я думаю, любой с радостью согласится составить тебе компанию.

Он протянул руку, чтобы погладить Биона, но тот отскочил в сторону, убежал в сад и спрятался.

— Только не Кора.

— И Кора тоже. Она любит тебя, Эвностий, но не той любовью, какой тебе хотелось бы. Она ничего не может с собой поделать. Я должен был прийти к ней и должен остаться, особенно теперь, когда знаю, что тоже ей нужен.

— Ты полюбил ее всего за три дня? Я был рядом с ней всю свою жизнь.

— Я всегда любил ее и ждал встречи с такой, как она. Соединяет людей Великая Мать, а удел смертных или достойно пережить утрату, или с благодарностью принять дар.

— Я-то не очень достойный. Я неуклюжий и всегда наступаю на свой собственный хвост, как только опускаю его на землю.

— Кора говорит, что любит тебя больше всех, после меня, в целом лесу. Она рассказывала, что ты спас ей жизнь, что ты посвящал ей стихи и заставил почувствовать, что красота — это подлинная ценность, а не бесполезная оболочка. Я хочу... я хочу...

Эвностий не ожидал, что красноречивый критянин не сможет подобрать нужное слово. Он должен был ненавидеть или хотя бы просто не любить человека, который украл у него невесту, но Эвностий не мог долго сердиться, разве что на коварную и бессердечную Шафран. Похоже, Эак действительно не желал ему зла и совершенно искренне расстраивался из-за случившегося. Иначе зачем он, еще совсем слабый, встал с постели и прошел немалый путь через лес, чтобы извиниться перед ним?

— Ладно,— сказал Эак, с трудом поднимаясь на ноги.— Мне надо идти, и ты возвращайся в свою мастерскую. Но, обещаю, я скоро опять приду и буду приходить до тех пор, пока мы не станем друзьями.

Он покачнулся и стал падать. Эвностий подхватил его и посадил на стул.

— Не вставай,— приказал он, стараясь говорить как можно более грубо.— Я приготовлю тебе чай из котовника. Зоэ говорит, что им можно вылечить абсолютно все.

В соседней комнате он раздул в очаге огонь и бросил в котел с водой несколько сухих листьев.

— Чтоб ты провалился,— бормотал при этом Эвностий,— чтоб ты провалился! Великая Мать...

Он, который меньше всего хотел иметь критянина своим другом, вынужден ухаживать за ним, а ухаживать и одновременно ненавидеть — совершенно невозможно.

Когда чай закипел, Эвностий вылил его в большую глиняную чашу, похожую на панцирь черепахи, подсластил медом, попробовал, не слишком ли он горячий, и отнес Эаку. Эака так трясло, что ему пришлось держать чашу обеими руками. Похоже, у него началась лихорадка.

— Ты переночуешь у меня,— сказал Эвностий решительно.— Бион посидит с тобой, а я пока схожу к Коре и все ей расскажу. Если что-нибудь понадобится, попроси Биона. Но говори медленно, подбирай простые слова и следи за тем, чтобы он тебя слушал.

— Мне кажется, что он меня не любит,— сказал Эак не без некоторого опасения.

— Это из-за меня,— ответил Эвностий.— Тельхины очень преданы своим друзьям из зверей высшей расы. А поедают они только друг друга.

— Но я не зверь высшей расы!

— Нет, конечно, но все же достаточно высокого происхождения. Вообще-то он предпочитает более жилистое мясо. И потом, я оставил ему орехи в мастерской. А сейчас мы перейдем в соседнюю комнату, и ты ляжешь в постель.

С какой удивительной легкостью можно поднять на руки взрослого мужчину, если этот мужчина критянин, а поднимает его минотавр!

Вскоре Эак уже был в постели, в руках он по-прежнему держал чашу. Эвностий подложил ему под голову подушку, чтобы удобнее было пить, и накрыл одеялом. Он помнил, как

мама ухаживала за ним, когда у него болели копыта и горло — он заразился от кентаврят.

— Что-нибудь еще нужно? Поесть? Почитать? Я могу дать «Стук копыт в Вавилоне», «Опрометчивость дриады», «Песни кентавров».

— Можно мне почитать твои стихи?

— Я еще не собрал их вместе. Я хотел составить небольшой свиток из стихов, посвященных Коре, но пока они на отдельных пальмовых листах.

— Тогда ничего не нужно. Я просто полежу и полюбуюсь твоим домом. Ты назвал этот напиток чаем? У нас в Кноссе такого нет. Есть пиво, вино, а чая нет.

— Кентавры научились его заваривать, когда были у желтокожих людей.

— Он очень хороший. Мне сразу стало лучше.

— Я пойду.

— В твоем фонтане живет черепаха. У меня тоже была черепаха, пока мне не исполнилось пятнадцать лет. Она жила в бассейне с серебряными рыбками.

— И что с ней случилось?

— Она уползла. Во время землетрясения в стене, разделявшей дворы, образовалась щель. Я так и не заделал ее, все надеялся, что черепаха вернется. Но она не вернулась.

— Наверное, она знала, куда ползет.

— Соседний двор выходил прямо на улицу. Я надеялся, что ее нашли дети. По кносским улицам запрещено ездить в повозках, так что раздавить ее не могли.

— Ты очень скучал без нее?

— Да... Эвностий?

— Что?

Эак протянул ему руку, предлагая дружбу.

— Черт возьми,— пробормотал Эвностий, но, хоть и с большой неохотой, все же пожал ее. Рука была холодная, дрожащая, но крепкая. Случилось самое худшее. Он стал другом человека, который отнял у него невесту. «Кончится тем, что я подарю им на свадьбу свою черепаху»,— подумал он.

Глава X

Когда я услышала, что Эвностий и Эак стали друзьями, то подумала, что так будет лучше для Эвностия. Теперь он сми-

рится с мыслью, что Кора не его, и успокоится. Иллюзии исчезнут, он будет любить ее такой, какая она есть на самом деле, со всеми ее недостатками. Если твою любовь отвергли и ты навсегда расстался с любимым человеком, он часто становится для тебя еще дороже, ты во всем начинаешь винить себя и думаешь: «Если бы я был более достойным...» Но замужняя Кора, занятая обычными домашними делами, хоть и осталась так же красива и добра, но мало чем отличалась от других дриад из плоти и зеленой крови.

К чести Эвностия надо сказать, что он не стал рыдать над утраченной любовью подобно неразумному теленку. Ему было уже почти шестнадцать, и вел он себя как взрослый мужчина. Никаких восторженных взглядов, никаких комплиментов, нашептываемых тайком, лишь открытая грубовато-добродушная привязанность брата. Кора хотела этого и была ему благодарна. Она получила сразу и брата, и мужа. Вместе с Эаком она часто приходила к Эвностию в гости, объясняла ему, что надо сделать, чтобы цветы шиповника стали еще ярче, и поправляла молодые побеги, обвивающие решетку. Нередко она приносила жареные желуди, прибиралась в мастерской и соткала Эвностию в подарок точно такую же набедренную повязку, как та, в которой Эак впервые появился в лесу. Только у Эака ткань была пурпурного цвета, а у Эвностия — зеленого, а на пряжке вместо зимородка была изображена черепаха, но от этого наряд не казался менее роскошным.

В те дни Эак не ревновал; обожавшая его Кора не давала для ревности ни малейшего повода, и, кроме того, ему нравился Эвностий. Часто вдвоем они отправлялись в лес, где Эвностий показывал Эаку местные достопримечательности. Вот улей королевы пчел Эмбер — янтарной. (Остерегайся ее! Говорят, она еще коварней, чем Шафран, которая когда-то похитила Кору.) А вот берлоги медведиц Артемиды, сделанные из бревен. Найти их очень легко. Они огорожены живой изгородью из шиповника, не дающей настоящим хищным медведям подойти слишком близко.

Иногда, взяв лук или трубку для выдувания отравленных стрел, друзья отправлялись на охоту и приносили к столу дятлов, воробьев и кроликов: Эвностий объяснил Эаку, что крупных животных, вроде оленей и медведей, убивать нельзя.

— Они почти такие же, как мы. Убивать можно только маленьких зверьков, ведь надо же что-то есть. Или волков — потому что они сами охотятся на нас.

Эак же, в свою очередь, учил Эвностия пользоваться кинжалом — как лучше нанести удар, как увернуться, как ранить, а если надо, то и убить.

— Имея кинжал, ты можешь померяться силами с человеком, вооруженным мечом, который в два раза больше тебя. Если бы я, при моем росте, сражался с ахейцем мечом, у меня было бы столько же шансов, сколько у воробья, дерущегося с ястребом. Меч тянул бы меня к земле, и ахеец первым же ударом снес бы мне голову. Но когда у меня кинжал, я сразу становлюсь достойным противником. Пока он замахивается, я успеваю перебежать в другое место и всадить ему клинок между ребер.

Тактичный Эвностий не стал объяснять, что вряд ли встретит кого-нибудь в два раза больше себя и что все же предпочитает меч, а еще лучше обоюдоострый боевой топорик, которым пользовались еще его предки во время войны с кентаврами, задолго до того, как эти два племени стали друзьями.

Гибкий маленький критянин и крепкий, сильный минотавр с рыжей гривой — очень непохожими были эти два друга, живущие в мирном лесу.

Конечно же, Эвностий не забывал и о своих старых друзьях. Почти каждый день он заходил ко мне в дерево.

Однажды я спросила его: «Ты уже переболел ею?» Мы шли в город кентавров. Мне надо было встретиться с Мосхом (да, мы опять были вместе), а Эвностий сделал маленькую деревянную шкатулку и собирался обменять ее на семена и садовые инструменты, так как решил расширить свой сад.

Прежде чем ответить, он задумался.

— Нет. Я просто люблю ее по-другому.

— Какой же она тебе сейчас кажется, Эвностий?

— Вроде ткацкого станка. Она — часть своего дома, часть своего дерева, тихая и работящая.

— Уже не таинственная? Не богиня?

— Нет. Но это не имеет значения. Зато теперь я совсем не стесняюсь.

— А Эак? Какой она ему представляется?

— Я думаю, что он все еще видит в ней богиню. Понимаешь, когда он рядом, она все время молчит, и он может вообразить ее какой угодно.

Наверное, Эвностий и сам был таким, до того как Кора ушла от него.

— А для нее он все еще бог?

— О да.

— А для тебя он кто?

— Хороший друг. Мне нравится ходить с ним на охоту. Он убивает, только когда ему нужна еда, и никогда не охотится на больших зверей, вроде оленя или медведя. Он рассказывает мне о кносском дворце, о своем брате-царе, который сидит на троне, украшенном с двух сторон каменными грифонами.

— Эвностий, ты сегодня рассуждаешь, как старый, мудрый Хирон. Ты больше не пишешь стихи и не валяешься на лужайке среди цветов.

Но я подозревала и надеялась, что старый Эвностий, а точнее, юный Эвностий, все еще жив и лишь прячется под новым серьезным обличьем.

— Мне пришлось быстро повзрослеть,— ответил он.

— Надеюсь, не настолько быстро, чтобы не позволить себе хотя бы немного развлечься. Ты еще успеешь состариться. Могу поспорить, ты даже не заглядывал к дриадам с тех пор, как...

— Да, с тех пор, как я полюбил Кору. Но не беспокойся. Я ничего не забыл. Это все равно что считать на счетах. Никогда не забываешь.

Он вытянул руку, и большая желтая бабочка с черными пятнышками на крыльях села на нее, как на цветок.

— Вот,— сказал он.— Вот солнечный лучик для тебя. Только не смахивай пыльцу с ее крыльев.— Он пошевелил рукой, и бабочка полетела ко мне.

— Отнеси ее лучше Коре.

Его зеленые глаза широко раскрылись, и в них пробежали озорные искорки.

— Ей ничего не нужно, у нее теперь все есть.

— Почему не нужно?

— Потому что у нее будет ребенок!

— Ребенок? Как здорово!

На самом деле я узнала об этом уже давно от самой Коры, но мне очень хотелось, чтобы Эвностий подумал, что он первый сообщает такую важную новость.

— Конечно, мне не следовало разглашать тайну, но у меня вырвалось.

— И очень хорошо, что вырвалось. Знаешь, я ведь неплохая повитуха. Я родила несколько детей сама, без всякой помощи. А Мирре, видит бог, я не доверила бы принимать

роды даже у голубой обезьяны. Она так заговорит младенца, что он не захочет появиться на этот свет. Эак доволен?

Эвностий не знал, что ответить.

— Вообще-то он любит детей, но об этом ребенке ничего не говорит. Он теперь часто ходит в лес один. Я как-то встретил его на краю той поляны, где была битва с ахейцами. Он просто стоял и смотрел куда-то.

— Наверное, думает о предстоящих сложностях.

— Я считал, что дриады рожают очень легко. Мама рассказывала, что я родился так быстро, что за это время олень и ручей не успел бы перейти. А на следующий день она была уже на ногах и пекла пирог с дятлами.

— Я имела в виду политические обстоятельства. Ведь у брата Эака нет ни жены, ни детей. Это значит, что ребенок Коры будет прямым наследником кносского престола.

— Придется им поискать себе другого царя,— возмутился Эвностий.— Этот ребенок останется с Корой, ты же знаешь, что она не может уйти из леса. Она умрет без своего дерева.

— Вот об этом я и говорю. Все очень сложно.

Даже если Кора и предвидела трудности, она ни разу о них не упомянула, хотя часто говорила о ребенке. Как-то ранней осенью, когда гроздья винограда уже налились соком и кентавры устанавливали на подставках ивовые чаны для приготовления вина, она сидела за прялкой, а Эвностий держал пряжу. Эак ушел к Хирону, с которым подружился в последнее время, и компанию его жене составлял лишь Эвностий. Но Кора не работала, а разговаривала. Теперь, став замужней женщиной, она не могла отказать себе в удовольствии поболтать и с Эвностием чувствовала себя гораздо свободнее, чем с Эаком. Ее интересовало все, что происходит в лесу, все, что Эвностий и я видели сами или слышали от своих друзей: королеву пчел Эмбер поймали, когда она появилась в украденных сандалиях, и Хирон сурово ее наказал; еще две молоденькие медведицы Артемиды стали жить с компанией Флебия и тайком, ночью, при лунном свете собирали в лесу дурманящие травы.

Всю свою божественность Кора оставляла для Эака. А при нас она могла быть самой собой, такой, какой Эвностий ее и описывал: близкой, очень земной и хорошо знакомой — как домашний ткацкий станок. Неудивительно, что ей тяжело было с Эаком. Трудно оставаться чьей-либо мечтой после

свадьбы, да и разговаривать со своей собственной мечтой тоже нелегко.

Кора и Эвностий говорили о будущем ребенке:

— Если будет девочка, я назову ее Теей, в честь моей прабабушки. А если мальчик, отец назовет его Икаром — у критян это очень распространенное имя.

Кора сделала себе прическу в критском стиле. Локоны спадали на лоб, и кончики ушей были закрыты.

— А почему бы тебе не родить близнецов? Тогда потребуются сразу оба имени.

Кора рассмеялась. С Эвностием она часто смеялась.

— Нет, уж лучше по очереди. Ты можешь представить нас вчетвером в этой маленькой комнатке? Нам и вдвоем-то не всегда хватает места.

— Выдай мать замуж за одного из ее поклонников, и у вас появится дополнительная комната. Кстати, мне больше нравится, когда у тебя открыты уши.

— Эак говорит, что я выгляжу более загадочной, когда прячу их. Как будто там скрыта тайна, которую тянет постичь. Что касается замужества мамы, боюсь, надежды нет никакой, разве что я найду где-нибудь абсолютно глухого кентавра.

— Если родишь двоих,— продолжал Эвностий, помня, что у дриад часто бывают близнецы,— одного из них ты можешь отдать мне.

— Холостяк с ребенком? Эвностий, ты же не сможешь даже накормить его.

— Вначале он будет с тобой, а когда ты отнимешь его от груди, я его заберу. Он будет есть, ну, то же самое, что и я. Жареных воробьев. Яйца дятлов. Тушеную куницу.

— У него сразу же заболит живот, и он будет кричать все ночи напролет.

— Тогда скажи мне, чем его кормить. Я все запишу на пальмовом листе.

— Эвностий, я верю, что ты говоришь абсолютно серьезно.

— Да,— сказал он, смущаясь.

— А хочешь стать крестным — зевсовым отцом ребенка? Поможешь мне присматривать за ним, когда,— тут ее голос дрогнул,— когда Эак будет уходить по своим делам.

После этого разговора Эвностий всем говорил, что он зевсов отец будущего ребенка. Он пристроил к своему дому еще одну комнату («для моего крестника») и стал вместо мебели

делать в своей мастерской игрушки. Эак показал ему, как из ивовых прутьев можно смастерить планер, а Бион принес глину, чтобы лепить животных — медведя, волка и козерога. Воспользовавшись ткацким станком Коры, он сшил маленький остроконечный колпачок, украшенный пером дятла. Этот колпачок, по его словам, мог подойти и для девочки, и для мальчика. Конечно, ему хотелось мальчика, девочки слишком нежные, но он старался быть готовым и к такому варианту.

Эак же, наоборот, очень спокойно относился к своему будущему отцовству. Все знали, что он любит детей, телят, жеребят — всех маленьких и беспомощных детенышей. В этом отношении они с Эвностием были похожи. И никто не сомневался в том, что он будет любить своего собственного ребенка — даже я, хотя я никогда не испытывала к нему особой симпатии. Но сейчас в нем больше чувствовалась тревога, чем ожидание. Я не была уверена, действительно ли он хочет, чтобы его прекрасная дева, его богиня стала матерью. Так же, как и Кора, он любил образ, но образ менялся, приобретая материнские черты, и уже не вся любовь принадлежала лишь ему одному. Когда мужчина знает, что в любую минуту может уйти и вернуться в свою страну, то нередко предпочитает остаться. Но когда он связан детьми и женой, он становится раздражительным и начинает тосковать по дому. Критский принц, выросший во дворце, не был создан для жизни в лесу, в окружении зеленоволосого семейства.

Родилась девочка. Как Кора и говорила, ее назвали Теей. Мирра пребывала в таком волнении, что роды пришлось принимать мне.

— Не могу поверить, что я бабушка,— все время вздыхала она.— Как ты думаешь, это отпугнет моих поклонников?

Я велела ей ждать внизу вместе с Эаком и Эвностием, а сама обмыла ребенка отваром мирриса и подала девочку Коре. Какое серьезное у нее личико. Смотрит на незнакомый мир и уже что-то о нем думает! Слава Зевсу, эта малютка не будет еще одной молчаливой девой! Во всяком случае, выглядит она вполне сильной и здоровенькой.

— Поднимайтесь сюда,— крикнула я.

Эвностий и Эак быстро вскарабкались по лестнице, а следом за ними Мирра. В последний момент Эвностий сообразил, что отец и бабушка должны идти первыми, а зевсов

отец — после них. Пропустив их вперед, он стал с нетерпением ждать своей очереди, чтобы поздравить мать и новорожденную.

Кора счастливо улыбалась, глядя, как Эак берет на руки девочку. Роды были быстрыми и почти безболезненными.

— У нее твой рот, но мои уши,— сказала она гордо.

Замешательство, мелькнувшее на лице Эака, быстро сменилось улыбкой, но все же могло показаться, что заостренные ушки и зеленые волосы его дочери были для него неожиданностью. Будто он стал отцом хорошенького уродца. Поймите меня правильно. Он полюбил свою дочь с момента ее рождения и гораздо сильнее, чем Кору, но, по-моему, она заставила его окончательно понять, что он уже никогда не вернется в Кносс. По собственной воле он женился на женщине из племени зверей и поселился среди ее сородичей. Но имел ли он право растить свою дочь, как зверя, в дереве вместо дворца? У нее никогда не будет юбок, похожих на мак, она не будет прогуливаться под зонтом вдоль берега Великого Зеленого моря и не пойдет смотреть игры с быками. Она родилась принцессой и могла бы стать королевой — женщины нередко занимали престол в Кноссе. А здесь она будет жить среди существ с хвостами, с копытами и острыми ушами и, из-за своих ушек, считаться такой же, как они. Вы, конечно, понимаете, что все это мои домыслы. Эак никогда не откровенничал со мной. Но критян понять гораздо легче, чем египтян. Они бывают хитрыми, но редко — непостижимыми. Они могут улыбаться, когда им хочется плакать, или согласно кивать, вовсе не соглашаясь, но я могла читать в душе Эака, как в полуразвернутом свитке.

К счастью, никто, кроме меня, не заметил его замешательства. Эвностий и Мирра с восхищением смотрели на младенца — очаровательное, хоть и очень серьезное создание с густыми зелеными волосами (правда, ничего удивительного в этом не было, у всех новорожденных дриад есть волосы).

Эвностий больше не мог оставаться в тени:

— Дай мне подержать ее, Эак. Кора, можно? Я не уроню. Ты не забыла, что я зевсов отец?

Он взял ребенка на руки, покачал, и вдруг вся серьезность исчезла с ее личика, и она улыбнулась. Кто бы мог подумать, что этот большой, неловкий парень, у которого никогда не было ни братьев, ни сестер, сможет так нежно взять на руки девочку и что именно ему она подарит свою первую улыбку.

— Спи, малышка, спи, Тея,— прошептал он.— И ничего не бойся. Даже стрига. У тебя два папы, и они будут тебя защищать.— А потом он начал тихонько напевать колыбельную:

Спи-усни, дриада-крошка, ты на дереве своем.
Слышишь? Чисто, серебристо ветер песенку поет.

Эак не смотрел на ребенка. Он смотрел на Эвностия, и в первый раз почувствовал настоящую ревность.

Глава XI

Жизнь не стоит на месте даже в Стране Зверей, где время проходит так же незаметно, как незаметно падают одна за другой капли в водяных часах. В течение трех зим снег покрывал вершины гор, а весной сотни серебряных ручейков сбегали вниз, и казалось, весь лес окутан гигантской паутиной. Летом ручейки пересыхали, их русла сразу же покрывались травой, клевером и фиалками. В такой богатой стране все должно быть прекрасно.

Многое изменилось за это время и у зверей.

Эвностию исполнилось восемнадцать лет. Это был рослый и сильный молодой минотавр. Каждое утро с рассветом он отправлялся в свою мастерскую, где работал до самого вечера. Меня особенно радовало, что он вновь вернулся к своим прежним развлечениям, прерванным неудачным сватовством к Коре. Я же могла похвастаться шестью новыми любовниками. Пятеро из них были кентаврами, а один — не по годам развитой и удивительно воспитанный паниск. Мое дерево хоть и пострадало от дятлов, но по-прежнему тянуло свои могучие ветви к солнцу и не проявляло ни малейших признаков увядания. Бион окончательно переселился к Эвностию. В мастерской у него был свой стол, за которым он обрабатывал драгоценные камни. Помимо этого, он украшал сделанную Эвностием мебель мозаикой или тонкими узорами из меди и бронзы. Только Партридж не менялся — вечный подросток, жующий луковую траву и бегающий следом за Эвностием, который по-прежнему любил его и делал вид, что этот паниск — самый умный парень на свете.

Второй ребенок Коры — Икар — появился на свет меньше чем через год после рождения Теи. Эвностий просил разрешения усыновить его, однако получил отказ. Но ему так хоте-

лось быть с ним рядом, что он стал приходить в дом Коры еще чаще.

Кора по-прежнему была красивой, но красота ее стала иной. Она слегка пополнела, на алебастровых щеках появился легкий румянец, как отсвет красной розы на снегу. Она больше не казалась таинственной даже Эаку, зато стала уютной, очень домашней и совершенно неотделимой от своего ткацкого станка, колыбели и очага. Но никто не знал, что делается на душе у Эака. Он по-прежнему ходил на охоту с Эвностием, хотя гораздо реже, чем прежде. Может быть, он и не любил Кору-мать столь сильно, как Кору-деву, но неизменно был с ней ласков, и уже никто не сомневался в том, что он любит своих детей, особенно Тею, в которой буквально души не чаял, так же как когда-то души не чаял в ее матери. Он все чаще отправлялся на свои лесные прогулки, и я втайне желала, чтобы одна из них завершилась в Кноссе.

Как-то утром Эвностий с Корой сидели на балконе. Икар и Тея лежали рядышком в большой колыбели, сделанной Эвностием в своей мастерской. Сам он, тихонько покачивая копытом колыбель и краем глаза присматривая за детьми, рассказывал Коре новости. Пухленький, как снегирь, Икар радостно гукал, Тее же что-то не нравилось.

Эвностий целыми пригоршнями ел изюм, а когда Кора отворачивалась, совал несколько ягод и Икару, которому ничего не разрешалось давать. Но Эвностий лучше знал, что делать. Мать кормила его изюмом почти с самого рождения. Тея от его угощения отказывалась, скорчив недовольную гримаску.

— Вчера кентавры разгромили жилище Флебия,— делился Эвностий последними новостями, полученными от Партриджа.— Они подплыли на плоту и забросали крышу дома горящими факелами, так что паниски даже не успели вытащить свои рогатки. Конечно, дом сразу сгорел. Как кентавры и предполагали, все козлоногие и их девчонки успели спастись, но теперь им придется искать другое место, чтобы прятать краденое.

— Давно пора было так сделать,— сказала Кора.— Это самое грязное место в лесу, трудно даже себе представить, что там творилось.

— Я-то представляю,— сказал Эвностий,— я давно знаю Партриджа,— и тут же поспешно добавил: — Но *он* честный грязнуля.

Неслышно ступая мягкими сандалиями, на крыльцо вышел Эак.

— Я схожу к Хирону,— промолвил он, натянуто улыбаясь и ничего не объясняя. Придраться было не к чему: как всегда, он был безукоризненно вежлив. «Вряд ли он меня ревнует, ведь столько лет прошло,— подумал Эвностий.— Наверное, просто тоскует по Кноссу».

— Возьми с собой Тею,— предложила Кора.

— Ты же знаешь, она боится леса.

— С тобой она не будет бояться. А после двух-трех прогулок и совсем привыкнет. Ведь она ни разу не бывала дальше дерева Зоэ.

— Здесь ей лучше.

Эак вовсе не боялся испортить прогулку, взяв с собой ребенка. Дома они были неразлучны. Скорее всего, он не хотел, чтобы она узнала и полюбила лес. Эак вытащил Тею из колыбельки, положил себе на плечо и легонько пошлепал. Она смеялась очень редко, но тут обхватила его за шею руками и крепко обняла. Когда он положил ее обратно, она обиженно надулась. У Эвностия тоскливо сжалось сердце. Еще месяц назад девочка шла к нему на руки с такой же радостью, как к отцу, но вдруг начала его бояться. «Я что-нибудь не так сделал?» — спрашивал меня Эвностий. «Нет, просто у нее такой период»,— успокаивала его я, подозревая, что в действительности Эак незаметно, как это делают критяне, настроил Тею против Эвностия. Может быть, рассказал ей сказку о злом духе с рогами, копытами и рыжей гривой. Зато Икар не упускал возможности обнять Эвностия и явно предпочитал его отцу. Интересно, когда Эак начнет и ему рассказывать сказки?

— До свидания, малышка,— сказал Эак Тее.— Не скучай.

Затем он потрепал по голове Икара, поцеловал Тею в щечку и, ничего не сказав Эвностию, вошел в дом, спустился по лестнице и уже снизу помахал Коре. «Он ко мне слишком привык,— подумал про себя Эвностий.— Я для него как мебель».

— Кора,— вдруг сказал он.— Тее уже почти два года, а она еще не была у меня дома. Ты обратила внимание, что каждый раз, когда я звал ее, Эак находил причину, чтобы не пустить. И вы с Икаром в последнее время почти никуда не ходите. Ты вообще скоро превратишься в ткацкий станок.

— Эаку, наверное, не понравится, если мы пойдем к тебе,— сказала она неуверенно.

— Почему? Я зевсов отец этих детей, и если я не имею права ими заниматься, тогда кто же имеет? Я ведь сделал для

них специальную комнату. Там есть игрушки, те, которые я не успел еще принести сюда.

— Эаку кажется, что в лесу с Теей может что-то случиться. Похоже, он не забыл, как меня украли паниски и продали Шафран.

— Шафран давно умерла, а Флебия так напугал Хирон, что он уже больше ничего не натворит. И потом, опасность есть повсюду, даже здесь. Например, дерево может загореться.

— Хорошо, пойдем! — сказала она весело, будто задумав какую-то шалость.— Мы устроим настоящую экскурсию. Кого ты хочешь нести?

— Икара.

— Как тебе не стыдно, Эвностий. Ты пристрастен.

— Я люблю их абсолютно одинаково,— стал оправдываться он (и действительно любил почти одинаково, хоть и чувствовал себя несколько напряженным с Теей с тех пор, как она стала его побаиваться).— Но с Икаром мне легче. Я могу с ним разговаривать, как зверь со зверем. Знаешь, он все понимает, только не может ответить. А все-таки вчера он *назвал* меня «зевсов папа»!

— Эвностий, он просто гугукал. Он даже «мама» еще не говорит.

— А «зевсов папа» — сказал. Я ясно это слышал. И вообще *он для тебя слишком тяжелый*.

— Возьми колчан Эака, вынь оттуда стрелы и принеси его сюда. Икар любит в нем кататься.

Наконец все вместе они отправились к Эвностию в гости. Эвностий нес на спине колчан с Икаром, а Тея сидела на руках у матери. Икар расшалился и стал так крутиться, что чуть не выпал из колчана. Всю дорогу он радостно гугукал, и Эвностий утверждал, что несколько раз отчетливо слышал «зевсов папа». Тея же, едва выйдя из своего дерева, стала испуганно озираться по сторонам, а когда увидела медведицу Артемиды, перебегавшую тропинку, начала громко плакать и не успокоилась до самого дома Эвностия. Можно было подумать, что она одна из тех несчастных малышек, которых ахейцы бросают на съедение волкам, если у них рождается слишком много девочек. Лишь увидев стены дуба, увитые зеленым плющом, и, затем, войдя в дверь, похожую на широкую улыбку, она почувствовала себя в безопасности, а внутри дома даже начала гулить. Эвностию очень хотелось верить, что эти звуки обращены именно к нему. «Если приводить ее сюда почаще, она перестанет бояться меня,— подумал он».

— Может, лучше запереть ворота? — спросила Кора.

— Не надо, мои друзья могут прийти за овощами. Я разрешаю им пользоваться своим садом.

Кроме шиповника и водосбора теперь здесь росли еще незабудки, фиалки и гиацинты, а в огороде — морковь, редиска, кабачки, бутылочные тыквы и даже виноград, на котором уже появились первые сочные грозди. Эвностий посадил также три оливковых деревца, надеясь, что со временем они обеспечат его маслом. Во всяком случае, пресс он уже сделал.

— Скоро ты перейдешь на полное самообеспечение,— сказала Кора с восхищением.— Будешь и выращивать, и мастерить все сам. Эвностий, я горжусь тобой.

— Три года назад ты утверждала обратное. Столярное дело казалось тебе не очень-то поэтичным,— напомнил Эвностий.

— Это было три года назад. А теперь я вижу поэзию даже в хорошо сделанном стуле.

— Я хотел бы, — начал было он. Но нет. Нельзя ни говорить, ни даже думать об этом.— Пойдем в дом, Кора.

Икар не впервые попал в детскую комнату своего зевсова папы, поэтому тут же пополз к знакомому уже игрушечному планеру. Правда, еще в свои предыдущие посещения он сломал ему крыло и погнул хвост, но по-прежнему это была его любимая игрушка. Тея, которая уже ходила, хотя и не очень уверенно, направилась к терракотовой кукле [30] — маленькой девочке с нарисованными круглыми глазами, очень похожей на веселую Тею. Сходство не было случайным: делая куклу, Эвностий действительно взял за образец свою крестницу. Настоящая Тея села в уголок и стала качать игрушечную. Впервые за последний месяц она посмотрела на Эвностия так, будто его рога были совсем не страшными.

Дети занялись игрушками, а Эвностий предложил Коре пройтись по саду. Ему и в голову не могло прийти, что в его собственном доме детей может подстерегать опасность.

— Я хочу, чтобы ты посмотрела один куст шиповника.— Он повел ее между клумбами к гибнущему кусту.— Я поливаю его каждый день, а он вянет.

— Куст плохо питается. Сходи к кентаврам и возьми калийные удобрения. Для шиповника это то же, что для нас хлеб.

— Я был уверен, что ты сразу поймешь, в чем дело. Обязательно подкормлю его.

Осмотрев шиповник, они прошли к мастерской и спустились вниз поздороваться с Бионом. Тельхин полировал круп-

ный аметист. Он поприветствовал их, качнув усиками, но лапки его при этом ни на секунду не остановились. Он был очень старательным работником.

— Пойдем обратно к детям,— сказала Кора.— Как бы Тея чего не испугалась.

Первое, что они услышали, выйдя на улицу,— это чей-то тихий, явно не детский голос, доносившийся из дома. Вбежав в комнату, Эвностий с облегчением вздохнул. Это была всего лишь медведица Артемиды. Они очень хорошо обращаются с детьми.

Девчонка-медведица держала Тею на руках, тихонько покачивая, и что-то говорила ей. Заметив Кору и Эвностия, она сначала испугалась, а потом по-доброму улыбнулась. Но вид у нее был неухоженный, мех явно давно не знал гребня. Она была еще совсем ребенком.

Кора бросилась к ней и, как из пасти гидры, выхватила дочь из ее рук. Эвностий даже пожалел несчастную. Медведицы Артемиды всегда были желанными гостями в его доме, он разрешал им собирать виноград, и нередко в его отсутствие они приносили ему целые ведра ежевики.

— Эта девчонка из компании Флебия,— объяснила Кора.— Она немножко изменилась, но я все равно ее узнала, даже через три года. Лучше проверь, не пропало ли чего.

Одним прыжком, как кролик, девчонка вылетела за дверь. Руки у нее были пусты, одежды, где можно было спрятать украденное, на ней тоже не было, так что ловить ее не стоило.

— Она *хотела* украсть, но мы просто спугнули ее,— заявила Кора.

Эвностий вовсе не был в этом уверен.

— Наверное, после того, как их жилище сгорело, она вспомнила свой прежний дом в бревенчатой деревне. Ей туда нельзя идти, ведь девчонки Флебия объявлены вне закона, поэтому она пришла сюда, увидела ребенка, и в ней всколыхнулись материнские чувства.

— Если это та, которую я имею в виду, то у нее есть свой собственный ребенок, и, между прочим, жуткий вор.

— Не волнуйся, ничего страшного не случилось,— успокоил ее Эвностий,— но лучше все-таки пойти домой.

Едва они отправились в обратный путь, как заметили, что Тея не просто успокоилась, а заснула. Она раньше никогда не спала днем, а уж о том, чтобы заснуть в лесу, когда можно было покричать, и речи не было. Лицо ее вдруг раскрасне-

лось, будто она целый день провела на солнце или у нее высокая температура. К тому моменту, когда они пришли домой, Тея была уже совершенно неподвижна, и даже веки перестали подрагивать.

Эак поджидал их на верхней площадке лестницы. Он поздоровался, как всегда вежливо улыбнувшись. «Лучше бы как следует обругал меня,— подумал Эвностий,— я это заслужил, уведя детей в лес без разрешения отца». И чтобы освободить Кору от необходимости все объяснять, быстро добавил вслух:

— Кажется, Тея заболела.

Эак взял Тею из рук Коры, вынес на балкон и положил в колыбель. Затем встал рядом с ней на колени и стал внимательно вглядываться в ее лицо. Затем приложил руку ко лбу.

— Лоб у нее не горячий. Вы уверены, что она заболела? — спросил он скорее озабоченно, чем сердито.— Она спит совершенно спокойно. И, действительно, если судить по улыбке, ей снится очень интересный сон.

— Мы не можем ее разбудить,— сказала Кора. Озабоченность сменилась тревогой.

— Эвностий, беги к Зоэ.

Через несколько минут я уже стояла на коленях рядом с колыбелью. За долгие годы нашей дружбы с Хироном я научилась неплохо лечить и сразу узнала симптомы. Эак, в общем, не ошибся. Девочка не заболела, ее одурманили наркотиком.

— Что с ней произошло? — спросила я.

Эвностий рассказал, как они ходили к нему в гости и как в его доме неожиданно оказалась медведица Артемиды.

— Ты говоришь, одна из девчонок Флебия? А знаешь, что они обычно делают, когда хотят успокоить ребенка? Одурманивают его. Дают ему пожевать немного травки или заваривают ее в горячем молоке.

— Но зачем же этой девчонке потребовалось давать Тее наркотик?! — закричала Кора.— Она хотела увести ее с собой?

— Не думаю. Наверное, она пришла что-нибудь украсть у Эвностия. У них ведь все сгорело. Она узнала, что он никогда не запирает дверь, и вошла, надеясь, что никого нет дома. Может, она слышала, как вы разговариваете с Бионом в мастерской, подумала, что успеет схватить что-нибудь и убежать прежде, чем вы выйдете оттуда. В доме она увидела Тею, которая своим плачем могла ее выдать. Поэтому она успокоила девочку, дав пожевать травку. Вы, неожиданно

появившись в комнате, напугали ее, и она сделала вид, что просто качает ребенка.

— Тея придет в себя? — спросил Эак.

— Конечно, но когда проснется, возможно, будет вести себя довольно странно.

Странность выразилась в том, что у Теи началось бурное веселье. Не успела она проснуться, как сразу начала хохотать и хохотала почти целый час. Затем потребовала, чтобы ей дали обед, и налетела на него отнюдь не как воробушек, а как настоящий ястреб, и только после этого заснула спокойным сном. В общем, трагического ничего не случилось — просто неприятное происшествие, но с вполне благополучным и даже забавным концом. Во всяком случае, таким оно виделось Эвностию, и мне пришлось толкнуть его в бок, когда он предложил давать девочке травку каждый день. Кора сидела на полу и качала колыбель с Теей, улыбаясь Эаку и как бы прося у него прощение, но в то же время будто говоря: «Все не так страшно, правда?»

Но Эак не улыбался.

— Спасибо, Зоэ, что ты пришла,— обратился он ко мне. Затем, повернувшись к Эвностию, сказал: — А тебе лучше пока не приходить сюда.

Слова эти показались особенно ужасными из-за того, что были произнесены с подчеркнутой вежливостью и с абсолютно бесстрастным лицом.

Кора вскочила на ноги:

— Что он такого сделал? Он только хотел, чтобы дети посмотрели на свои игрушки. Его надо поблагодарить за это!

— За то, что он отвел мою дочь в лес, где ее могли убить?

— Но с ней же ничего не случилось.

— Могло случиться.— Впервые Кора возражала ему.

— Наша дочь — дриада. Она живет в лесу. Она должна знать свою страну. Неужели ты думаешь, что она все пятьсот лет проведет в этом дереве?

— Нет,— сказал он.— Я так не думаю.— Вскоре мы узнали, что в его словах заключалась жестокая правда.

Глава XII

Зоэ!

Я спряталась с головой под волчью шкуру. Было раннее утро. Только что ушел Мосх, на полу беспорядочно валялись

пустые бурдюки, от выпитого вина мысли мои путались, я засыпала.

— Зоэ, спусти, пожалуйста, лестницу.

Я узнала голос Коры. Будь это кто-нибудь другой, и не подумала бы вставать, но тут пришлось вылезти из-под теплого одеяла. Пошатываясь, я направилась к двери:

— Что, дорогая? (Совсем как критянин, который хочет нахмуриться, а вместо этого улыбается.)

— Можно мне подняться к тебе?

Кора была с обоими детьми. Тея сидела у нее на руках, а на спине в колчане удобно устроился Икар. На ней было красновато-коричневое платье, расшитое зелеными листиками клевера. Кора радостно улыбалась, и улыбка ее была настолько же естественной, насколько моя — вымученной.

Я спустила лестницу, более того, сама с трудом сползла вниз, мучительно чувствуя каждую ступеньку, и приняла у нее из рук Тею. Эта нежная крошка показалась мне такой же тяжелой, как Икар. Да, годы давали о себе знать. Оказавшись снова в комнате, я поскорее отдала Тею матери и растянулась во весь рост на постели. Сегодня я не могла вести беседу, у меня не было сил даже слушать. Но то, что сказала Кора, быстро заставило меня прийти в себя.

— Я иду навестить Эвностия,— проговорила она так, будто делала это каждый день,— мне одной не донести двоих детей, и я подумала, что ты, может быть, посидишь с Теей?

— А стоит ли это делать после того, что сказал Эак?

— Эак не знает. Он опять ушел на охоту. И потом, он запретил водить в лес только Тею.

— Ты прекрасно понимаешь, что он вообще не хочет, чтобы ты виделась с Эвностием.

— Это меня не волнует.— В ее голосе прозвучали металлические нотки.— Зато Эвностий хочет меня видеть.

— Конечно, хочет.

Как мне было объяснить ей, что видеться с ней и с Икаром так редко и тайком было для него еще тяжелее, чем не видеться вовсе. Он изо всех сил пытался по-новому построить свою жизнь, но теперь уж без нее и без своих зевсовых детей. За последние несколько недель он выточил для меня стул на трех ножках, чтобы я могла давать отдых ногам, Хирону сделал масляный пресс. Партридж получил рогатку, чтобы защищаться от задиристых панисков. Кроме этого, массу других полезных вещей он подарил друзьям или продал сво-

им знакомым. Партридж переехал к нему жить, а Бион давно уже обитал в его доме. Эвностий почти не бывал один, все время чем-то занимался и, лишь когда никто не мог его видеть, становился мрачным и задумчивым.

— Понимаешь, он опять стал интересоваться женщинами, и это очень хорошо, а твой визит может вновь вернуть его в прежнее состояние. Знаешь, не зря говорят: «Минотавр, не интересующийся женщинами,— больной минотавр».

— Рада это слышать,— сказала она решительно, хотя при этом лицо ее приобрело отнюдь не радостное, а скорее тоскливое выражение,— он пользуется успехом?

— Ошеломляющим. И раньше он был сильным и страстным, но неопытным, теперь же, как рассказывают мои подруги, он превратился в идеального любовника. К силе добавилась нежность. Он научился обращаться с женщинами с той обходительностью и лаской, которая заставляет нас почувствовать себя не только желанными, но и любимыми, пусть только на один вечер. Говорят, он побывал уже у всех дриад, независимо от их возраста, хоть двенадцати, хоть четырехсот лет, кроме нескольких упрямиц — верных жен кентавров.

— А у тебя, Зоэ?

Я взглянула на нее так, что даже у королевы пчел опустились бы крылья:

— Ты ведь знаешь, он всегда считал меня своей тетушкой.

— Извини,— сказала она быстро,— просто ты такая добрая и щедрая. Все же, я уверена, от моего посещения ничего не изменится. Я хочу, чтобы он повидался с Икаром. В конце концов, он его зевсов папа. А если говорить честно, чтобы Икар с ним повидался. Удивительно, как такой маленький ребенок может скучать без кого-то.

— Вовсе неудивительно, если этот кто-то — Эвностий. Кстати, я заметила, что за последние два месяца Икар слегка осунулся. И почти не гугукает. Он стал совсем,— я чуть было не сказала «как Тея»,— стал какой-то подавленный. Хорошо, ради тебя я посижу с Теей, но, вижу, ей уже что-то не нравится, как бывает всегда, когда она сюда приходит.

— Расскажи ей о медведицах Артемиды. Только о хороших, а не о тех, из компании Флебия. Я скоро вернусь».

— Если уж ты идешь, то побудь там подольше. Иначе Эвностий расстроится.— Но ее уже не было.

Кора миновала ворота, по обычаю не запертые, и остановилась перед куском плотной ткани, закрывавшей вход в дом. Слишком уж ей хотелось увидеть Эвностия. Может, если она тихонько повернется и на цыпочках выйдет из ворот... Но Икар издал радостный вопль, и ничего не оставалось, как войти в комнату. Эвностий стоял на коленях у фонтана и кормил черепаху, ту, которую он приобрел вместо подаренной Коре и Эаку на свадьбу. Увидев Кору, он вскочил и бросился встречать ее. Тарелка с печеными мухами упала в воду (он ловил их на кусок пергамента, смазанный медом). Эвностий смотрел на Кору и Икара с таким изумлением, будто, побывав пред очами Праведного Судии в Подземном царстве, они вновь вернулись в страну живых.

— Мне тяжело было нести двоих детей,— объяснила Кора,— поэтому Тея у Зоэ.

Эвностий вытащил Икара из колчана и так крепко обнял, что она подумала: «Он переломает ему все ребра». Но Икар в ответ изо всех сил обхватил Эвностия за шею и уже больше не сходил с его рук. На какой-то момент Кора даже позавидовала своему ребенку. Между ними существовало такое взаимопонимание и они так искренне любили друг друга!

Ее больно уколола мысль, которую она тут же поспешила отогнать: «Если бы не моя мечта, если бы...» А теперь нельзя даже обнять Эвностия. Ее жест может быть неправильно истолкован и всколыхнет то, что он так старательно пытался забыть.

— Два месяца прошло.— Она не упрекала, ведь во всем был виноват Эак. Она сожалела.

— Два месяца и два дня.

— Эвностий, давай посидим в саду. Поправился твой шиповник после подкормки удобрениями?

— Это теперь самый пышный куст.

Эвностий легонько пошлепывал Икара, которого держал на руках, и играя, лохматил ему волосы. При этом он смотрел на Кору с таким пылом, что принять все это за братскую любовь было совершенно невозможно.

Вокруг стульев с сиденьями из мха рос водосбор, а вьюнки так обвили их ножки, что можно было подумать, будто стулья тоже выросли в этом добром, уютном саду. Кора и Эвностий сидели рядом. Было теплое, солнечное утро. Но долгая разлука не давала им начать разговор, казалось, их разделяет закрытая калитка. Даже Икар ощутил повисшую в воздухе напряженность и тяжело вздохнул.

— Теперь, когда я не прихожу к вам, дома стало спокойно? Я имею в виду...

— Успокоился ли Эак? Не знаю, Эвностий, не думаю. Он ведь редко разговаривает со мной. Улыбается, кивает головой, качает Тею в колыбели, а потом уходит на охоту или к Хирону. А ты, ты счастлив со своими дриадами?

— Ну, довольствуюсь тем, что есть,— сказал он, смущенно ковыряя землю копытом.

— Ты приводишь их сюда?

— Нет,— ответил он без малейших колебаний.— Я построил этот дом для тебя. Затем, подумав немного, спросил:

— Ты все еще любишь его?

— Да, и хочу быть с ним всегда, даже когда он молчит, хотя и не понимаю, что означает его молчание.

Это действительно было так, но была и другая правда. Она не собиралась говорить об этом вслух, но, продержав это в тайне столько лет, вдруг не выдержала:

— Я и тебя люблю, и дети тоже!

— Разве что Икар.

— И Тея, просто ей не позволяют этого делать.

Она взяла его за руку. Большая, грубая рука, но какие тонкие пальцы! Неудивительно, что из дерева он мог сделать поэму, а стул или детскую игрушку превратить в элегию. «Я поступаю как сестра»,— пыталась успокоить себя Кора. Она ведь не обняла его, этого столяра с сердцем поэта. Она его никогда не обнимала, даже когда он спас ее от Шафран. Но сейчас всего лишь одно нежное рукопожатие заставило ее почувствовать, что перед ней уже не мальчик, а мужчина. И на какое-то мгновение, а может, не только на мгновение, она позавидовала этим легкомысленным дриадам, которым доставались его отнюдь не братские поцелуи. Прекрасно любить мечту, это все равно что пить из большого кувшина старое выдержанное вино и чувствовать, что вот-вот начнешь с легкостью перепрыгивать с одной верхушки дерева на другую. Но радостное оживление и легкость быстро исчезают, так же быстро, как испаряется с кленового листа капелька росы. Любить же минотавра — все равно что съесть ломоть пшеничного хлеба, щедро намазанного медом. Нет счастливого волнения, но есть ощущение сладости и долгой сытости.

— Икар совсем не вырос,— сказал Эвностий.— А за два месяца он должен был подрасти.

— Он плохо ест. Скучает без тебя. Нам пора, Эвностий.

Мысленно она уже изменила Эаку, нельзя было допустить худшей измены.

— Нет, подожди. Я должен найти Икару какой-нибудь подарок.

Он прижал ребенка к себе, будто пытался защитить его от порывов зимнего ветра или стаи волков.

— Он уже получил подарок. Повидался с тобой. А теперь хочет тебе что-то подарить сам.

Икар обеими руками ухватился за рога Эвностия и чмокнул его в щеку.

— Когда мы снова увидимся? — Вопрос был обращен и к Коре, и к Икару одновременно.

— Не знаю.

— А когда мне можно будет прийти к вам? Эак ведь не говорил «никогда».

— Этого я тоже не знаю, Эвностий.

Он сбегал в мастерскую и принес оттуда детскую шапочку, украшенную перышком. Он сделал ее для Теи, но ей она оказалась велика. Икару же она подходила — у него были такие густые волосы, что голова казалась раза в два больше, чем была на самом деле.

Эвностий махал им рукой, стоя в воротах. Икар в ответ помахал ему шапочкой и заплакал. Мать поспешила унести его в лес. Хорошо, что она знала все тропинки, и ей не нужно было смотреть по сторонам. Весь обратный путь она не отрывала глаз от земли.

Эак вернулся домой первым. Когда они пришли, он вешал на стену лук.

— Я убил медведя,— сказал он.— Если ты засолишь мясо, то у нас всю зиму будет жаркое.

— В Стране Зверей не едят медвежатину.

— Не смотри на других. Поступай, как тебе удобнее. Где вы были?

— У Зоэ.

— Я вижу, у Икара новая шапочка.

— Ее сшил Эвностий и оставил у Зоэ.

Поверил ли он? А если не поверил, то что почувствовал — досаду, злость, ярость? За все эти годы ей так и не удалось понять, что прячется за его бесстрастной улыбкой. Она знала, что по-своему он все еще дорожит ею. Но это была уже не любовь, а нежная и чуть снисходительная привязанность, более долговечная, чем быстро умирающая мечта.

Этой ночью он лежал рядом с ней, держал ее за руку и целовал в щеку.

— Кора, моя прекрасная дева. Я услышал твой зов, преодолевающий все расстояния, и пришел. Правильно ли я сделал? Знаешь, до сих пор я здесь чужой. Я ведь не зверь.

— Я хотела, чтобы ты пришел.

— Ты не жалеешь?

— Нет, Эак.

Она ответила, не задумываясь, но в глубине души была не столь уверена в этом.

— Тогда и я не жалею. Мы были счастливы эти годы. Мы не должны жалеть о них. И потом, ты подарила мне наследников.

Он замолчал. Рука его разжалась, казалось, он спит глубоким, спокойным сном. Она поцеловала его в прохладный лоб. Все-таки она его любила, хоть и совсем не знала. Он был ее возлюбленным и при этом оставался незнакомцем, он давал клятву Хирону, когда брал ее в жены, но так никогда и не стал ее настоящим мужем. Прекрасная дева превратилась в жену и мать, а мужчина остался чужеземцем и странником.

Когда Кора проснулась, Эака не было, дети исчезли вместе с ним.

К счастью, мне удалось застать Кору до того, как она успела уйти из своего дерева. Я уже знала, что случилось после ее визита к Эвностию, хотя до последнего момента и представить себе не могла, что последствия будут столь мгновенными и ужасными.

— До Кносса далеко,— сказала она,— нести тяжелый груз я не могу. Надо взять только еду — бутыль с вином и сыр. И желуди, чтобы продержаться неделю.

Она не плакала, плакать было некогда. Она даже не сердилась. Она была абсолютно потерянной.

— Целых три дня у тебя уйдет только на то, чтобы добраться до Кносса. Ты умрешь прежде, чем успеешь найти детей, не говоря уж о том, чтобы вернуться в свое дерево.

— Может, я догоню их на полпути. Ведь у Эака на руках двое.

— Даже если и догонишь, как ты его остановишь?

— Остановить я не смогу, но попрошу оставить детей. Пусть, если ему нужно, уходит, но вернет моих детей.

— Он даже не станет разговаривать с тобой, Кора. Я не отпущу тебя.

— Тебе легко это сделать,— сказала она.— Ты сильная. Но сначала придется убить меня. Ты согласна на это, Зоэ?

Впервые я прочитала на ее лице несокрушимую твердость дриады, слишком долго остававшейся девочкой и слишком быстро превратившейся в женщину, дриады, которая знает, что говорит. Я увидела безрассудную смелость, легко переходящую в безумие, если на ее пути встречается преграда.

— Я пойду за Эвностием. Дождись нас. Сделай это ради меня, и мы все вместе решим, как лучше поступить.

— Мне некогда ждать.

Будь прокляты эти ноги! Весь путь до дома Эвностия я, как богиня Артемида на охоте, пробежала, не останавливаясь, и рухнула на землю у самого входа.

— Эак забрал детей!

— Куда?

Он задал всего один вопрос. Известие, похоже, не удивило его. Но лицо исказилось от душевной муки, как от удара еловой веткой. Мне показалось, что он сейчас закричит.

— В Кносс,— ответила я,— беги за Корой. Я вас догоню, когда отдышусь.

Я настигла их уже на краю леса. Эвностию удалось задержать Кору до моего появления, но она по-прежнему пыталась вырваться от него и уйти одна — высокая, решительная, лишь с небольшой плетеной корзинкой в руках, направляющаяся в сторону Страны Людей.

— Послушай,— крикнула я ей вслед.— Как же ты доберешься до Кносса? Ты ведь всю жизнь провела в лесу и никогда из него не выходила.

Она остановилась и подождала, пока я догоню ее. Ей нечего было сказать мне в ответ, но мои слова заставили ее задуматься.

— Ты знаешь, как критские крестьяне относятся к зверям? Они их боятся. Они пугают непослушных детей рассказами о том, что мы питаемся людьми. Они поймают и убьют тебя.

Она была похожа на маленькую растерянную девочку.

— Уши и волосы можно спрятать, а если запачкать грязью щеки, то я сойду за крестьянку, идущую на рынок.

— Ты умрешь раньше, чем найдешь детей. Сколько времени ты сможешь прожить без своего дерева?

— Но я-то не привязан к дереву,— воскликнул Эвностий.— Я могу идти куда угодно и привести твоих детей, Кора.

— А как ты изменишь свою внешность, разве что замотаешься в саван? Наверху рога, внизу копыта! Ты рассуждаешь, как Партридж.

— Вовсе не надо менять внешность. Стоит мне только замычать как следует, и эти крестьяне бросятся от меня врассыпную, как медведицы Артемиды от дикого медведя.

— А что ты будешь делать в Кноссе?

— Критяне ведь не жестокие чудовища. Во всяком случае, не горожане. Говорят, что царь очень разумный человек. Я попрошу его, чтобы он заставил Эака вернуть детей.

— И ты думаешь, он послушает тебя? Отдаст тебе детей собственного брата, наследников престола?

— Не знаю. Можно, к примеру, разрешить детям полгода жить с Корой, а полгода с отцом. Надо же что-то делать, правда?

— Да мы и будем делать. Мы с тобой пойдем туда вместе, ты и я. Я, а не Кора, притворюсь крестьянкой и уж, не бойся, соображу, как протащить тебя в город. Ты прав, царь умный человек. Скорее всего, он откажет тебе, но не думаю, что сделает с тобой что-нибудь плохое. А если откажет, тогда наступит мой черед действовать. Я не буду спрашивать, а просто украду украденное.

— Но они же мои дети,— закричала Кора.— А вы строите планы, будто меня не существует.

Мне пришлось напомнить ей, что я почти в семнадцать раз старше, чем она:

— Я могу находиться вдали от дерева целых две недели, у меня даже голова не заболит. Кроме того, я люблю путешествовать. Я бывала на побережье вместе с ахейцами и даже плавала на одном из их кораблей. А однажды я взяла с берегов Бобрового озера умбру[31], выкрасила волосы в коричневый цвет, начесала их на уши и отправилась в Кносс с одним критским матросом, который был в меня влюблен. Целую неделю он водил меня по городу. Мы заходили в таверны, смотрели состязания с быками, были в театре, во дворце — повсюду. Когда я добралась до своего дерева, то уже почти теряла сознание, но ни на минуту ни о чем не пожалела. Если ты хочешь получить детей обратно, спрячь подальше свою гордость, и пусть этим занимаются те, кто умеет.

Может быть, было безнравственно с моей стороны ощущать бодрость и приятное возбуждение в то время, как Кора оплакивала своих потерянных детей, в чем, я ей искренне

сочувствовала. Но ведь я никогда не изображала из себя Великую Мать. Я всегда была лишь свободной дриадой, любившей всяческие приключения, как любовные, так и военные. И еще я любила Эвностия.

Итак, я стояла на пороге моего самого большого приключения, и вместе со мной был мой самый большой друг.

Глава XIII

Почти все звери собрались на краю леса, чтобы проводить меня. Вместе с Хироном пришли кентавры со своими женами и любимыми поросятами, которые непрестанно крутились у них под ногами. Медведицы Артемиды, забыв о стеснительности и безумно волнуясь, пытались засунуть в мешок с продуктами, висевший у меня на поясе, еще немного ягод, меда и котовника. Дриады — их было больше тридцати — по очереди утешали Кору, приговаривая, что Икар и Тея не будут страдать от долгой разлуки со своим деревом, ведь их отец — человек. В толпе провожающих можно было видеть несколько наиболее приличных паников и среди них Партриджа, который чуть не плакал, потому что Эвностий уходил в этот проклятый город без него; королеву пчел Эмбер, существенно пополнившую мои продуктовые запасы, и, конечно, Эвностия, рядом с которым находился верный Бион и еще три тельхина. Флебий и вся его компания отсутствовали. Пришла лишь одна из его девиц, демонстративно жевавшая травку. Кто-то слышал, как она пожелала, чтобы эти мерзкие дети вообще *никогда* не возвращались. Пусть бы их съели кноссцы, они это заслужили.

Всю ночь я не выходила из дерева, впитывая в себя его живительную силу, которая теперь пронизывала мое тело и согревала, как хорошее вино. Кроме того, мне надо было составить план действий и кое-что приготовить с собой. Я не смогла бы заснуть, даже если бы и легла.

И вот я наконец готова. Нелегко покинуть Страну Зверей. Я никогда раньше не уходила отсюда одна, а лишь в сопровождении своих любовников, и возвращалась обычно совершенно обессиленная, но обогащенная опытом. Нелегко оставить и свой дуб. В стране критян растут небольшие дубки, но это не деревья дриад, и, кто знает, смогут ли они хоть немного поддержать мои силы?

Кора отошла от группы дриад и, подойдя ко мне, крепко обняла. В глазах ее блестели слезы, но она не позволяла им течь по щекам.

— Мне кажется, я одна из тех женщин, с которыми постоянно что-то случается. А ты всегда сама распоряжаешься событиями. Найди моих детей, Зоэ.

Она была невероятно бледна и казалась совсем юной — преданная мать, неотделимая от очага и ткацкого станка, и мечтательница, лишившаяся своей мечты. Ее вид отрезвил меня от пьянящего предвкушения приключений.

— Я найду их, Кора,— дала я клятву.— Клянусь грудью Матери-богини, найду.

Былая уверенность вернулась ко мне, и я почувствовала, что мне все под силу, и в лесу, и в городе, кроме, может быть, одного — никогда я не стану благопристойной, благовоспитанной дамой (и никогда не полюбит меня тот, кто мне дороже всего).

Эвностий молчал. Слова были не нужны. Его улыбка говорила: «Мы вместе, тетя Зоэ, ты и я, кто теперь может остановить нас? Уж, во всяком случае, не тщедушные критяне». Он планировал отправиться в путь сегодня ночью и быстро нагнать меня.

Я взялась руками за его рога — этот сокровенный жест любви и доверия позволяли себе лишь его мать, Кора и Икар — и поцеловала в щеку.

— Будь осторожен. А уж смелым ты будешь наверняка.

Я покинула свою страну и пошла по полю, где три года назад Эак принял бой. Ноги мои утопали в мягкой траве. Я вспугнула стайку бабочек, похожих на крылатые лютики, и когда они дружно взлетели, мне показалось, что луг, заросший цветами, поднялся в воздух. «Добрый знак,— подумала я.— Воздух и земля стали едины, а земля — мой друг». Но предзнаменования бывают обманчивы.

Я подошла к крестьянскому домику с чувством... думаете, с чувством страха или волнения? Не буду притворяться излишне скромной. Я подошла с чувством абсолютной уверенности, что получу от крестьянина все, что мне требуется, или хитростью, или пользуясь своей звериной привлекательностью. А нужна мне была повозка с каменными колесами, в которую был впряжен вол.

На этой повозке крестьянин возил свой товар в Кносс, и в ней я собиралась спрятать Эвностия, этого великана с неизменяемой внешностью. Конечно, я знала свои недостатки. Сравнивать меня с Корой было бы все равно, что сравнивать глину с алебастром. Но таких женщин, как Кора, критские крестьяне никогда и не видели.

Я блистала, поражая своим великолепием, я извивалась, как змея-богиня. На мне было платье с открытым лифом, купленное когда-то в Кноссе моим бывшим любовником. А уж рядом с обычной крестьянкой в простой шерстяной одежде я смотрелась так, как смотрится чаша, покрытая тонкой глазурью, рядом с грубым глиняным кувшином. Честно говоря, было отчего крестьянину выронить мотыгу из рук.

Тот крестьянин, к которому я направилась, рубил дрова. Делал он это размеренно и неторопливо, как человек, привыкший собирать хороший урожай, а на Крите это не редкость. Его хозяйство к тому же ни разу не пострадало от набегов ахейцев. Повозка стояла у небольшого, почти не имевшего окон строения, выкрашенного в голубой цвет и крытого соломой. С натяжкой его можно было назвать домом. Вол пасся неподалеку, на лугу, заросшем маргаритками. Его не было видно из-за стогов сена.

О том, чтобы прямо сейчас украсть вола с повозкой, и речи быть не могло. Если делать это ночью, можно разбудить людей и, уж конечно, поднимут лай сторожевые псы, имеющиеся в каждом доме. Критские крестьяне очень осторожны и подозрительны, совсем как пчелиные королевы, только причины этого в другом. Питаются они хорошо, земли здесь плодородные, но у них почти ничего нет из имущества, а уж то, что есть, они стерегут с необычайным усердием, пользуясь при этом вилами, тяпками и ножами, не говоря уж о собаках, чьи предки жили в лесах и водились с волками. Нужно выбрать подходящий момент. Я дождусь ночи, когда Эвностий сможет незаметно выйти из леса, милях в трех отсюда, и мы с ним встретимся рядом с этим домом. А за это время мне надо очаровать, войти в доверие, а затем лишить возможности сопротивляться самого крестьянина, всю его семью и домашних животных.

Я явно произвела на крестьянина сильное впечатление. Топор выпал из рук, он впился в меня глазами, а ноздри стали жадно втягивать запах мирриса, которым я омыла лицо и груди. Правда, в его взгляде мелькала подозритель-

ность. Что делает здесь эта пышная женщина, не очень молодая, но вовсе и не старая, в юбке колоколом, расшитой раковинами и морскими звездами и — какая смелость! — с открытым лифом, который обнажает, нет, подчеркивает и обрамляет предметы ее гордости, ее сияющие плоды граната, полные луны с сосками, подкрашенными волнующим малиновым цветом, в тон ее губ? Но это еще не все. Я разорвала платье, будто пыталась вырваться из рук бандитов, покушавшихся на мою честь, и разорвала его в весьма пикантных местах, там, где можно было увидеть соблазнительное бедро и дразнящую ногу. Волосы мои, выкрашенные умброй в коричневый цвет, искрились от слюдяной пыли, уши были прикрыты, во всяком случае, их острые кончики, а мочки украшали большие серебряные серьги, которые одолжила мне Эмбер. Они были сделаны в форме улья и при ходьбе издавали такой звук, будто рой пчел вот-вот поднимется в воздух. Я подкрасила веки и нарумянила щеки ровно настолько, чтобы не казаться куртизанкой, а производить впечатление женщины опытной; не знатной дамы, но, конечно, и не крестьянки, может быть, купеческой жены, чей муж часто отлучается в дальние морские путешествия; короче, женщины немало повидавшей и имеющей на это средства.

Крестьянин ухмыльнулся и продолжал глазеть на меня. Он был весьма упитанным, почти толстым. Критская земля щедра, и крестьянам нет необходимости работать до изнеможения. На нем была длинная, доходящая едва не до колен набедренная повязка без всякой вышивки, а над ней уже начинал выпирать живот. Еще годик или два, и он превратится в толстяка. Приблизясь к дому, я сделала вид, что слегка хромаю, и исподтишка стала наблюдать за тем, как он, в свою очередь, тоже исподтишка разглядывает мою колеблющуюся грудь. Он подтянул живот и стал довольно привлекательным. Посмотрев на него, я решила, что не пожалею ничего, даже самого дорогого, что у меня есть, лишь бы получить повозку.

— Ахейские пираты,— зашептала я трагически.— Я ехала в гости к кузине в Гурнию. Экипаж украден. Слуги убиты. Брожу одна с самого рассвета.

Я слегка подалась в его сторону, и его вновь окрепшая рука легла мне на плечо и уверенно стала сползать к моим двум драгоценностям.

— Где?

Вопрос был задан властным, не терпящим возражений тоном. Это была его жена. Она буквально налетела на нас — маленькая, похожая на ласточку женщина с голосом дрозда. Рука застыла на месте.

— Где они напали на вас?

Мне потребовалось время, чтобы догадаться, о чем она меня спрашивает,— ее произношение сильно отличалось от моего. Критские крестьяне весьма вольно обращаются с языком, но я ради красоты своего повествования буду исправлять их ошибки.

— В трех или четырех милях отсюда. Там, за холмом.— Я сделала рукой неопределенный жест, охватывающий весь горизонт и, по крайней мере, с дюжину холмов. Я не могла назвать какое-то конкретное место, ведь единственное, что я знала, где находится Кносс.— Не волнуйся, они уже ушли к своим кораблям. Опасности больше нет.

Крестьянин тоже с трудом понимал меня. Язык у зверей и критян один, но звучит он по-разному. Голоса зверей довольно резкие, с хрипотцой, будь то дриада или минотавр, критяне же произносят слова нараспев, и ритм их мелодичной речи совершенно иной.

— Хлоя, достань пива,— приказал муж, хмуро взглянув на жену, и провел меня в дом. Жена ответила ему таким же неласковым взглядом — на Крите даже крестьянки не позволяют мужчинам командовать собой — и вошла следом за нами.

Дом состоял всего из одной комнаты с очагом посредине, дым от которого выходил в окно. На полу валялся соломенный тюфяк и стоял низкий столик. Стульев не было. А еще в комнате жил огромный, непривычно чистый боров. На самом деле, удивляться особенно нечему, свиньи — очень аккуратные животные, и если они грязные, то винить в этом надо их хозяев. Жена неохотно достала из деревянного буфета бурдюк с пивом. Я должна отметить, что хоть вещей в доме было мало, но содержались они в идеальном порядке. Кругом ни пылинки, и даже не чувствовалось запаха дыма. Буфет был расписан раковинами, переливающимися всеми цветами радуги, а главным украшением его являлась простая, но сделанная с исключительным вкусом чаша в стиле камарес[32]. Таков Крит, где даже крестьянские дома сверкают чистотой, а их хозяева умеют ценить настоящее искусство.

— Я не могу вам заплатить, они отобрали у меня все,— сказала я.

Во взгляде Хлои появилась враждебность. Хрупким телосложением и маленькими круглыми укоряющими глазками она напоминала птицу. Правда, не исключено, что у нее могли быть и когтистые лапки. Она уставилась на мой кожаный мешочек, довольно большой и тяжелый. Вероятно, ей показалось, что он набит золотом и драгоценностями.

— Остались только серьги,— добавила я,— с трудом уберегла свою честь, защищая их.

Тут я бросила быстрый понимающий взгляд на крестьянина, будто говоря: «Но не такая уж я недоступная». В мою задачу входило соблазнить его и вкрасться в доверие к ней.

— Они из настоящего серебра. Старинные. Египетские. Знаете, я ведь родилась в Египте. (Мне надо было объяснить им происхождение своего акцента, который они, наверное, принимали за иностранный.)

Я расстегнула серьги и подарила их женщине.

— Принеси ей немного сыра, Тихон,— пропищала она гораздо более доброжелательно. Дрозд превратился в ласточку.— Кто же мы такие, чтобы не приютить бедняжку?

Она уже надевала серьги, которые были для нее слишком большими и почти лежали на плечах. Но, увидев свое отражение в начищенном до блеска бронзовом котелке, она, по-видимому, осталась довольна, так как пригладила волосы и гордо посмотрела на мужа, ожидая комплиментов.

— Прелестные серьги, правда? — сказала я, пытаясь перевести его внимание на жену.

— Да,— не отрывая взгляда от меня, сказал он, будто сожалея о том, что серьги уже не там, где были раньше.

— Он не очень разговорчивый,— заметила Хлоя.— Как ты думаешь, может..— Она показала на свое серое бесформенное платье из овечьей шерсти, точнее, на ту его часть, которая скрывала грудь, если там вообще было что скрывать.

Я предложила:

— Давай заколем рукава наверху так, чтобы они спадали пышными складками, и вырежем побольше спереди, до сих пор.

Приговор мужа был кратким и не подлежащим обсуждению:

— Нет.

Ласточка вновь превратилась в дрозда:

— Нет, видите ли, будто я плоская.

— Приготовь ужин для дамы.

Не скрывая своего раздражения, Хлоя начала готовить, только теперь она сердилась не на меня, а на мужа. И оба исподтишка посматривали в мою сторону. Его взгляд говорил: «Серьги идут тебе, а не ей», а ее — «Эти мужчины не терпят ничего нового».

Ужин был хоть и не роскошным, но сытным и аккуратно приготовленным. Пшеничный хлеб, выпеченный из хорошей, не плесневелой и не зараженной червяками муки, свежий овечий сыр, перец и сладкие бобы с рожкового дерева, росшего у них во дворе. Пока я ела, мои хозяева и боров с восторгом разглядывали меня. Крестьянина волновала моя красота, его жене понравился мой подарок, а борова привлекал запах мирриса. Но все трое задавались одним и тем же вопросом: что еще мне нужно, кроме еды и временного пристанища? Попрошу ли я Тихона отвезти меня в город? Или, может, обращусь к Хлое с просьбой пожить у них, пока мои друзья не получат весточку и не приедут за мной? Придется ли борову по кличке Здоровяк есть поменьше, потому что появился дополнительный рот?

— Если бы вы позволили мне переночевать у вас... Мне даже не нужна постель, а завтра я уйду...

— Пешком?

— Я люблю ходить.

— До самого Кносса?

— Встану пораньше и наверняка на дороге встречу кого-нибудь из крестьян, едущих на рынок.

— Я могу тебя довезти.

Я поспешила опередить Хлою:

— Не нужно. Дома много дел. Кроме того, твоя жена слишком хороша, чтобы оставлять ее одну, если существует хоть малейшая опасность нападения ахейцев. (Кое-чему я научилась, пока была пленницей коварной королевы пчел.) Они уведут ее с собой.

— Передай даме пиво, Тихон. И дай глоток Здоровяку.

Я приложила бурдюк к губам (горлышком служила овечья ножка) и стала причмокивать, изображая чрезмерное удовольствие. Пиво действительно оказалось неплохим. У Моска бывало и похуже.

— Прекрасное пиво,— воскликнула я, наблюдая за тем, как Тихон льет его прямо на пятачок борову.

— Муж сам его делал,— заметила Хлоя, играя новыми сережками и наполовину прося, наполовину требуя похвалы.

— Красивые.

Рука ее вопросительно потянулась к груди.

— Нет. Такое лучше не выставлять.

Это была его самая длинная речь.

Наступил подходящий момент для следующего шага. Оказывается, можно получать удовольствие и от воровства. Неудивительно, что пчелы так увлекаются этим искусством.

— Мне удалось спасти еще кое-что,— сказала я, развязывая свой мешочек, сшитый из самой прочной кожи. В нем было проделано множество крошечных дырочек. Знаете, что я оттуда вынула? Двух стригов! Да, я взяла их у Эмбер. У той самой Эмбер, которую Хирон наказал за кражу сандалий. Теперь она пыталась помириться с ним и, конечно, ей было известно, что Хирон мой старый добрый друг.

— Клянусь пупом Матери Земли! — воскликнула Хлоя.— Это еще кто такие?

— Мои любимцы,— ответила я.— Спокойные, послушные и очень ласковые. Сейчас я покажу их вам.

Они обменялись взглядами, будто говоря: «Мы, конечно, будем начеку, но пока, вроде, ничего страшного нет», и позволили мне, хоть и не очень охотно, набросить им на шеи стригов.

Тихон хмыкнул и расслабил живот:

— Щекотно.

Если бы он не был так похож на овцу, я, может, простила бы ему даже выкатившееся брюшко, в конце концов, я сама тоже не девочка и талия у меня давно уже не осиная.

— Как кусочек меха,— заметила жена, внимательно изучавшая свое отражение в стенке котелка, пытаясь выяснить, идет новая деталь туалета к серьгам или нет. То, что она увидела, ей понравилось. Я вполне могу претендовать на изобретение нового женского украшения, хотя в последующие годы модницы все же предпочитали, чтобы оно не было живым.

Тихон зевнул.

— Слишком много работает,— заметила Хлоя.— Уж не мальчик. Тихон! Отдай тюфяк ей.

Но Тихон, растянувшись на своей соломенной постели, уже захрапел.

Она пожала плечами:

— Много трудится. Крепко спит. Ну, ничего. Зато языком не болтает.

Дело шло к задушевным беседам. Наверняка мне придется обсуждать с ней городские моды и придворные сплетни. Припомнив свои кносские впечатления и рассказы Эака, я готова была отвечать на самые разные вопросы, вплоть до ложных слухов о неблагоразумном поведении царя и жены эмиссара египетского фараона.

Неожиданно Хлоя показала на мою грудь и спросила:

— Красишь соски?

— Да, всегда. Нам ведь никто не запрещал улучшать природу. Ненакрашенный сосок — как зеленое яблоко. Неаппетитно.

— Чем ты это делаешь?

— Кармином.

— Слишком дорого для меня.

— А ты не пробовала овощной сок? Я как-то красила даже соком лесной земляники.

Но она тихо и неслышно, как платье, упавшее с вешалки, соскользнула на пол.

Помня свои собственные неприятные ощущения от знакомства с этими зловредными существами, я сняла стригов до того, как они успели вдоволь насосаться крови, и водворила их обратно в мешочек. Теперь надо было заняться самым главным. Я не смогла сдержать улыбку. «Зоэ, старушка,— сказала я себе,— похоже, ты действительно выполнишь обещание, данное Коре». Темнота подкралась незаметно, как воровская компания Флебия. Ночь стала моей союзницей и помощницей во всех приключениях, пока довольно безопасных, хоть проходящих и не совсем гладко. Без особого удовольствия я обменяла свой изысканный наряд на какую-то бесформенную серую гадость, которую нашла — где бы вы думали? — в буфете. Зато теперь, когда я приеду в Кносс на повозке, меня примут за крестьянку, а Хлоя, поплакав для приличия, станет владелицей модного платья, которое, уж не знаю, хорошо это или плохо, выпустит на волю то, что ее муж предпочитает держать взаперти. Я встала рядом с Хлоей на колени, чтобы вынуть из ее ушей серьги, хотя с радостью оставила бы их как плату за повозку. Но Эмбер не подарила их, а дала на время, и мне нужно было вернуть серьги вместе со стригами (которых, будь моя воля, я с удовольствием задушила бы).

Но я недооценила борова.

Он выставил свои клыки и мгновенно превратился из ласкового домашнего животного в злобного стража.

В лесу он вполне сошел бы за дикого вепря. Я поняла, почему у Тихона не было сторожевого пса. Здоровяк медленно, но решительно направлялся в мою сторону. Он явно еще не решил, что лучше — задрать меня или затоптать. Я быстро вскочила на ноги. Раз я забираю повозку, пусть уж у Хлои останутся серьги. Впрочем, повозка в данный момент тоже находилась под вопросом. О том, чтобы поместить стрига борову на спину, и речи быть не могло. Придется действовать подкупом,

Я только что наблюдала, как Здоровяк с наслаждением прикладывался к семейному бурдюку. Быстро я вылила все оставшееся пиво в котелок, служивший Хлое зеркалом, и подтолкнула его к самому пятачку борова.

Здоровяка стали одолевать сомнения. Действительно ли я была опасна? В конце концов, платье, которое я взяла, намного хуже, чем то, которое оставила, серьги я не украла, а просто потрогала. Более того, не было никаких оснований связывать мое поведение с внезапным, но вполне естественным сном, одолевшим его хозяев. Он понюхал угощение, попробовал — сначала немножко, а затем, войдя во вкус, набросился на него. Я сделала шаг в сторону двери. Здоровяк сразу перестал пить. Он еще явно не доверял мне.

Я остановилась. Здоровяк опять уткнулся мордой в котелок.

Пьяному борову еще труднее угодить, чем, скажем, пьяному Москву. Здоровяк допил пиво, потом уверенно, совсем не качаясь, подошел к тюфяку своего хозяина, удобно устроился рядом с Тихоном и тоже захрапел. Соблазн взять серьги был велик, но я побоялась разбудить Здоровяка. Придется потом что-нибудь дать Эмбер взамен. Теперь же пришла пора забирать вола и повозку. Вол стоял под навесом рядом с домом. Я отвязала его, но он даже не пошевелился. Я его уговаривала, толкала, раз двадцать поминала Великую Мать, но сдвинуть его с места мне так и не удалось. Я чувствовала себя, как бобер, нашедший дерево, оказавшееся ему не по зубам, или, если подобрать сравнение, более подходящее для меня, как пересаженный дуб, так и не сумевший прижиться на каменистой почве.

К вящему моему позору на горизонте в этот момент появился Эвностий. Он сгибался в три погибели, пытаясь как-то уменьшить свой семифутовый рост, но даже издалека было видно, что это минотавр. Правда, крестьяне, окажись они рядом, могли бы принять его еще и за демона из Подземного мира.

— Зоэ! — воскликнул он.— Надо с ним просто поговорить.

Он повернулся к волу, пробормотал что-то совершенно мне непонятное, и, представьте себе, тупое неповоротливое животное медленно двинулось в сторону повозки, стоявшей у другой стены дома, поглядывая при этом с презрением на меня и с обожанием на Эвностия. Еще несколько фраз, пара быстрых уверенных движений — и вол уже впряжен и все готово к поездке в Кносс.

— Что ты сказал ему, Эвностий?

— Я пригласил его отправиться вместе с нами в путешествие.

— Но он должен тащить повозку, а из твоих слов следует, что он будет сидеть в ней.

— Я знаю, но у него тоже есть гордость. Пусть он почувствует себя равным.

— Я и не подозревала, что ты говоришь по-воловьи.

— Ты, наверное, забыла, что мы дальние родственники. У нас общие предки. Кроме того, в его языке всего-то слов сто, не больше.

— Эвностий, ты чудо.— Он крепко обнял меня:

— Это ты чудо, тетя Зоэ. Надо же, как ты ловко управилась с крестьянином!

Я зашикала на него, прижав палец к губам:

— И еще с его женой и боровом. А теперь быстро в повозку, они могут проснуться.

— Можно я буду править, пока темно?

— Нельзя, даже пока темно.

— Но ведь все крестьяне спят.

— Зато не спят их сыновья и дочери. Запихнуть его в повозку было так же немыслимо трудно, как втиснуть тритона в панцирь омара[33].

— Оставь мне дырочку, чтобы дышать,— взмолился Эвностий.

Он лежал на спине, подтянув к животу колени, подбородок был прижат к груди, а руки вытянуты по швам. Сверху я засыпала его сеном.

— У тебя над головой сена не больше, чем один фут. Надо же спрятать рога. Так что ты не задохнешься.— На уговоры времени не было.— Только не чихай,— предупредила я, стряхнув на него с вил последний пучок.

Заняв место возницы, я обратилась к волу:

— Ну, дружище, поехали в Кносс.

Вол не реагировал.

— Ну, мой хороший зверь, трогай.

Его неподвижность переходила уже в высокомерие. Из-под сена послышался какой-то странный звук, похожий на ворчание.

— Никогда раньше не слышала такого примитивного языка,— буркнула я,— он нам *не ровня,* хоть мы и называем его зверем.

Тем не менее повозка тронулась.

Глава XIV

Мы ехали уже три дня, питаясь лишь ежевикой, грибами и раками, которых Эвностий ловил в речках, разбухших от таявшего в горах снега.

Как-то, разыграв перед одной доверчивой крестьянкой повредившуюся умом вдову, я получила козьего молока и яиц. Пока я проделывала это, Эвностий прятался в своем укрытии из сена. Каждую ночь, когда мы останавливались на ночлег, и все мое тело мучительно болело от дневной тряски, я ела желуди, хранившиеся в мешочке, и почти не вспоминала о своем дереве. Эвностий с легкостью, свойственной лишь молодости, разгибался и, свободно растянувшись, спокойно спал под повозкой. Рога и копыта мы прикрывали сеном или заворачивали куском старого полотна, оторванного от платья, которое я позаимствовала у Хлои. В последнюю ночь перед Кноссом Эвностий выкупался в пруду и смыл с себя дорожную пыль. Пока он плавал, я стояла на берегу в зарослях папируса[34], и следила, не идет ли кто. Затем мы поменялись местами, и я окунулась в ласковую, освежающую воду, стараясь при этом не мочить волосы, чтобы они не стали опять зелеными.

Я не смею считать счастливым то время, когда лишившаяся детей Кора ждала нас в Стране Зверей, и ее напряженное бледное лицо непрестанно стояло перед нашими глазами. Но ожидание, риск, надежда — а к концу пути мы почти уверовали в успех — все это еще больше сдружило нас, как солдат, вместе подвергавшихся опасности, и породило нежность, возможную лишь между юношей и взрослой женщиной, которая могла бы быть ему матерью (а если бы они не разминулись во времени, то и возлюбленной).

Наутро четвертого дня перед нами открылся фантастический вид Кносса.

— Эвностий,— позвала я.— Мы почти приехали. Но нас не должны видеть вместе. Когда мы доберемся до рыночной площади, я уйду, а ты вылезай не сразу, дай мне хотя бы несколько минут. Ты сам сообразишь, что надо делать.

Из сена высунулась голова:

— Смотри, будто радуга опустилась на землю! — Я быстро запрятала его обратно и получше прикрыла рога:

— Пока еще нет, дурачок.

Но он был прав. Казалось, радужный город вот-вот поднимется в небо. Я закрыла на секунду глаза и вновь открыла их. Это был волшебный город, но в такую минуту нельзя было поддаваться колдовству. Чтобы сбросить с себя чары, я стала припоминать слова моего критского любовника о том, что августейшим египтянам не нравится Кносс. Улицы, вместо того чтобы расходиться прямыми линиями, извиваются. Кровельные балки торчат, будто строители, вдруг, побросав все как есть, отправились к своим возлюбленным. Плоские крыши топорщатся неуместными фронтонами. Этажи беспорядочно громоздятся один на другой, и кажется, что их пристраивали уже после того, как все работы были закончены. Маленькие голубые домишки стоят бок о бок с багряными виллами, многочисленные окна которых затянуты ярко-оранжевым пергаментом. Такое буйство красок — признак безвкусицы, считают египтяне. Где благородство серых и коричневых тонов, приятного песочного цвета пирамид? И потом, каждый строит то, что ему вздумается,— это неразумно. Где величественные храмы с пилонами[35] у входа и обелиски, вздымающиеся к небу, как древки копий?

На это критяне лишь посмеиваются, вовсе не собираясь оправдываться за свою спустившуюся на землю радугу:

— Вам кажется, что мы слишком вольно обращаемся с цветом,— взгляните на весенний луг. Неужели цветы оскорбляют ваш взгляд тем, что в каждом из них можно насчитать десятки разных тонов? Вы говорите, наши дома стоят неровно. Посмотрите на лес. Разве деревья растут рядами? Разве их ветви образуют над стволом идеальную сферу? Кроме того, не мы, а Зевс строил наш город. Когда он был еще совсем маленьким, Великая Мать сказала: «Сынок, ты не должен сидеть без дела. Спускайся с горы вниз, в долину, и построй такой город, чтобы мое сердце возликовало». Ребенок послу-

шался и отправился в долину, взяв с собой камни с горы, глину с берега ручья, еловые бревна из леса и еще радугу с неба. В его маленькой головке не было никакого плана, но он хорошо знал, что будет строить, и всего за одно утро вырос город. И тогда Великая Мать сказала: «Но улицы в нем вовсе не прямые, они, извиваясь, бегут куда-то». На что малыш ответил: «Как ручейки»,— и мать улыбнулась его словам.

— Зоэ, я думал, мы уже приехали, сейчас я чихну.

— Мы действительно приехали,— сказала я, подгоняя вола, который наконец-то научился понимать мои команды.— Я просто немного передохнула. Ну, а теперь за дело.

Из всех великих городов только Кносс не был укреплен. Крепостные стены ему заменяли корабли, носы которых украшали фигуры быков. Но, хотя в городе не было ни форта, ни ворот, ни даже стражи, за исключением гарнизона дворцовой охраны, ни одна крестьянская повозка или военная колесница не смела туда въезжать. Крестьяне торговали виноградом, оливковым маслом, дынями — всем, что созревало в данное время года, на большой открытой площадке, окруженной виноградниками и оливковыми рощами. Или же отправлялись пешком в город, чтобы купить товары, продающиеся на лотках, стоящих под холщовыми навесами, трепещущими на ветру, как бабочки, или в торговых рядах, где торговки, демонстрирующие свои обнаженные груди, были такими же развеселыми и вызывающими, как те гончарные изделия и небольшие глиняные фигурки, что они продавали. Пока крестьяне отсутствовали, никто не трогал их повозок, потому что в Кноссе, в отличие от деревень, воровства не было. Но город этот вовсе не отличался добродетелью — он потреблял немыслимое количество пива и вина и славился своими многообразными и обильными сексуальными развлечениями, но суть грехов (с точки зрения египтян), или наслаждений (с точки зрения кносссцев), заключалась в том, чтобы принимать во всем участие самому, а не отнимать что-либо от других. Крестьяне, приехав в Кносс, забывали о своей осмотрительности и расслаблялись, окутанные братской и разной другой любовью. Конечно, они торговались, спорили о ценах, повышая голос, и даже не на шутку сердились, но чтобы украсть в Кноссе? Такого не случалось. В городе не было ни сторожевых псов, ни каких-либо других собак, там жили только египетские кошки. Они дремали на крышах или разгуливали по чисто выметенным улицам и вовсе не вспомина-

ли о своей родине. Ведь кошки, как и критяне, больше всего ценят свободу и ненавидят всяческие правила.

Знатные дамы и господа путешествовали по извилистым улочкам на носилках, которые несли слуги или рабы, а все остальные жители ходили пешком, ведь Кносс, в отличие от громадного Вавилона, был довольно маленьким городом с маленькими зданиями, построенными специально для маленьких людей, и громоздкие повозки или грохочущие колесницы были здесь столь же неуместны, как слон в винограднике.

Я поставила повозку у края поля, в тени оливкового дерева, чтобы бедный Эвностий не изжарился под своей соломой.

— Эвностий, я ухожу,— шепнула я, стоя рядом с волом, будто разговаривая со своим любимым животным. Поблизости никого не было, и некому было подслушать, что именно я говорю.— Я буду наблюдать за тобой издали. Как только ты войдешь во дворец, я сразу пойду в условное место. Если ты не вернешься до того времени, как зажгутся огни, значит, ты в темнице, и я приложу все силы, чтобы освободить тебя. А если вернешься..

— Только с детьми. Или дети придут без меня. Если случится именно так, забирай их и вези в нашу страну, не пытаясь освободить меня. Обещаешь, Зоэ?

Ему я пообещала, но про себя сказала: «Великая Мать, *тебе я* этого не обещаю».

Я не торопясь отошла от повозки и смешалась с толпой крестьян, кивая им и улыбаясь, но, стараясь помалкивать, чтобы не выдать себя звериным акцентом. Вокруг меня все болтали без умолку — покупатели с продавцами, продавцы с покупателями. Но вдруг разговоры стали затихать, и вскоре толпа смолкла. Будто ветер с шумом пронесся по ячменному полю и улетел. Это Эвностий вылез из повозки. Я видела, как он отряхнул с себя солому и направился через поле к мощеной дороге, ведущей во дворец.

«В городе он будет в безопасности,— подумала я,— даже суеверные крестьяне с ним ничего дурного не сделают, хотя наверняка попытаются напугать или станут потешаться». Но я ошиблась. Они смотрели не со страхом, а с благоговением на этого высокого, в семь футов, рогатого и хвостатого демона, который... откуда же он взялся? Из повозки? Скорее всего, возник прямо из воздуха. Они не швыряли в него камни, не смеялись, они расступились и дали ему дорогу,

будто не он, а они пришли к нему в город и находятся там с его молчаливого согласия. Они видели не демона, а бога; может, на них подействовала его смелость или в нем действительно было что-то божественное. Вот он уже дошел до дороги, догнал крестьян, идущих на аудиенцию к царю. Навстречу ему попалась группа благородных горожан, направляющихся на рыночную площадь. Внутри крытых носилок послышалась напевная речь, носильщики остановились, занавески раздвинулись, и оттуда выглянули дамы в платьях с открытыми лифами. Дети выбегали на крыши домов, размахивали руками, показывали на Эвностия пальцами, но не смеялись. Один маленький мальчик спросил высоким нежным голоском:

— Мама, это минотавр?

— Да, сынок. Наверное, это последний минотавр.

— Он пришел сюда, чтобы сделать нам что-нибудь плохое?

— Я думаю, он пришел, чтобы принести нам удачу. Посмотри, он так похож на бога, которому мы поклоняемся. У него точно такие же рога![36]

Эвностий шел, выпрямившись во весь рост, глядя прямо перед собой. Сегодня он ни разу не споткнулся. Его рыжая шелковистая грива переливалась на солнце, рога казались мощным, но не грозным оружием. Он подошел к портику дворца и поднялся по ступеням, а благородная цель придавала смелости. Стражники вышли ему навстречу, но не схватили, а пригласили войти, и, сопровождаемый ими, Эвностий скрылся между красными, сужающимися книзу колоннами и оказался во дворце царя Миноса, его брата Эака и их наследников Теи и Икара.

Эвностий испугался. Ему казалось, что он тонет в чаше с медом. Слишком красивый дворец. Слишком ласковая встреча. Одни улыбки — и никакой опасности, как у королевы пчел. Он мог сразиться с чудовищами и, конечно, с солдатами. Молодость и отсутствие красноречия не помешали бы ему поспорить с грозным и хитрым соперником. Но неумолимая доброжелательность, тирания вежливости — это было выше его сил. Он совершенно растерялся.

Сначала радужный город с игрушечными людьми, а теперь здесь, прямо перед ним,— маленький царь в головном уборе, украшенном тремя перьями, восседающий на своем

троне из гипса, по обе стороны которого стоят каменные грифоны, величественные, но такие же нестрашные, как те — зеленые, красные и голубые, которые смотрят с настенных росписей, уютно устроившись в зарослях тростника рядом с водоплавающими птицами.

Но где же пики, преграждающие путь? Этих мальчиков с тонкими талиями, почти его ровесников, совсем непохожих на стражников, Эвностий мог бы раскидать в разные стороны одним движением руки!

Но они не стерегли его, а сопровождали, будто он был послом.

Царь устраивал прием и давал аудиенцию. Крестьяне стояли рядом с придворными, запах земли смешивался с ароматом нарда и сандарака[37]. Перед царем все равны — и тот, кто пришел искать защиты или просить о милости, и тот, кто принес дары. Эвностий в замешательстве остановился у входа. Он едва передвигал ноги, казалось, его копыта были отлиты из бронзы. Голова кружилась от многообразия цветов и костюмов. Мужчины выглядели великолепно в своих изысканных набедренных повязках, правда, фасоны их не сильно отличались друг от друга, за исключением двух: одна доходила почти до колен, другая едва прикрывала часть тела, давшую ей свое название.

Здесь можно было увидеть все — и шерстяную одежду крестьян, и льняные наряды придворных. Но женщины... Каких только юбок не было — похожие и на колокол, и на перевернутый цветок шафрана, и на многоярусную корону, и, представьте себе, там даже была женщина в... как же это называется? Даже мужчины этого не носят, только в некоторых восточных странах. Шароварах.

Царь улыбнулся и жестом показал Эвностию, чтобы тот приблизился к трону. Собравшись с силами, Эвностий прошел сквозь толпу просителей, миновал праздных зевак, рассевшихся на расположенных вдоль стен каменных скамьях, и, подойдя к трону, встал, как я и учила его, на колени, ожидая, когда на него обратят внимание.

— Поднимись и говори.

— Я пришел из Страны Зверей,— начал он.

— Я знаю, сын мой.

У Миноса было молодое лицо, но волосы белые, как морская пена. Что за птица, может быть, феникс, дала ему перья для головного убора? Какие ныряльщики собрали среди ко-

раллов и морских анемонов[38] раковины багрянки, чтобы окрасить пурпуром его набедренную повязку? Браслеты из лазурита, коралловое ожерелье, похожее на стайку морских коньков,— женские украшения, но женственности в этом мужчине не было вовсе.

Минос подошел к Эвностию. «Он величественнее Эака, значительнее многих окружающих его людей,— подумал Эвностий.— Сильнее и добрее. Он бы, излечив свои раны, не остался в Стране Зверей, чтобы похитить сердце юной дриады, а если и остался, то никогда не покинул бы свою любимую».

— Ты Эвностий, последний минотавр. Брат рассказывал мне о тебе. Ты был его другом. Я уже послал за ним.

Эак вошел в зал и, увидев там Эвностия, вовсе не удивился, а сразу направился к нему. Будто они, как в старые добрые времена, встретились, чтобы вместе поохотиться. В лесу он казался прекрасным чужеземцем. Его красота не потерялась и здесь, только среди этих стен, расписанных веселыми танцующими дельфинами, и в окружении таких же веселых людей он был своим, он был дома. Эак не носил никаких украшений, кроме серебряного обруча на голове. Он не нуждался в них. Цвет его кожи был благороднее цвета бронзы, а волосы сами ложились изысканным узором, будто сотканным искусной мастерицей.

Эвностий вдруг остро ощутил свою нелепость. Какой-то он растрепанный. Какая на нем некрасивая — из серой домотканой шерстяной ткани — набедренная повязка. Клочки сена пристали к рукам и ногам. А копыта, эти ужасные копыта, которые не спрячешь ни в одни сандалии мира! Но никто не смеялся над ним, а Эак, как показалось Эвностию, смотрел на него с непонятным изумлением и даже восторгом.

Эак протянул руку. Это был уже знакомый Эвностию дружеский жест, на который он теперь не ответил. Красивые и губящие. Кора и Эак. Стоит им улыбнуться, и враги их бросают свои кинжалы или теряют головы. И никто, кроме таких же, как они, не способен причинить им боль. А я, простой, грубый и некрасивый, посмел ступить в это святилище красоты.

Эак быстро опустил руку и слишком поспешно сказал:

— Я любил твою подругу, Эвностий. Я и сейчас по-своему люблю ее. Но своих детей я люблю еще больше. Разве можно

лишить их этого? — Он обвел рукой зал, но его жест охватывал все пространство — дворец, и город, и весь остров. Великая морская Минойская Империя, сравнимая лишь с перевернутым отражением кита, держащего на своей спине океан (и никто даже не догадывается, как близко уже подошли к этому киту убийцы-акулы).

— Пусть у них будет и то и другое,— воскликнул Эвностий.— И лес, и город.— Его слова были как запах серы, внезапно появившийся в медвяном воздухе: — Кора в отчаянии. Она умрет без детей!

— У нее есть друзья, Эвностий. Ты, Зоэ и многие другие. Хорошие друзья. Я с радостью забрал бы ее в Кносс. Но она погибнет в городе, вдали от своего дерева. И ты знаешь это не хуже, чем я. Если бы не дети, я никогда не оставил бы ее. Но они — наследники. Неужели ты действительно думаешь, что я могу отпустить их обратно в лес, где живут волки, козлоногие воришки и королевы-убийцы?

— Ты увидел лес таким? И больше ты ничего не заметил? — Это было одновременно и обвинением, и плачем.

— Я говорю не о тебе, Эвностий. Тебя я полюбил с самого первого дня, когда ты хотел излечить мои раны, и никогда не переставал любить, даже когда запретил приходить в мой дом.

— Я действительно люблю Кору. Но я никогда не стал бы отнимать ее у тебя и не смог бы этого сделать.

— Я не боялся, что ты отнимешь у меня Кору.

— А кого же?

— Моих детей. Особенно сына. На самом деле, я уже потерял его, и мне надо приложить все силы, чтобы вернуть Икара обратно и научить управлять государством. Я боялся тебя, Эвностий, потому что чем ближе ты ему становился, тем труднее было увести его из леса. И поэтому он не должен уйти с тобой.

— Но тебе нечего меня бояться,— протестовал Эвностий.— Я всего лишь простой столяр, путающийся в своих собственных копытах.

— Ты прост, но благороден; свободен, но связан бронзовыми узами любви, ты притягиваешь к себе всех, кого встречаешь на своем пути. Есть два леса, Эвностий. Я слегка побаивался леса волков и воров. Но твой лес и ты сам поселили в моем сердце ужас. Я знал, как бороться с первым опасным лесом. Но я не знал, как спастись от колдовских чар второго, и решил бежать.

— Я не хотел, чтобы ты боялся. Наверное, Икар меня действительно любит, но я никогда не помышлял о том, чтобы отнять его у отца. Тебя они все любят гораздо больше. Во всяком случае, Кора.

— Даже Кора вернулась к тебе. Мысленно, в душе. Так что на самом деле я не бросил ее, а оставил с тобой.

Эак одурманивал его своими странными похвалами. Но разве можно верить человеку? Сладкоречивый Эак наверняка опять лгал!

Эвностий обратился к царю с последней, отчаянной просьбой

— У ахейцев есть богиня, которую похитил владыка Подземного мира. Не добрый Праведный Судия, а жестокий тиран Гадес. Ее мать — я не знаю, наша ли это Великая Мать или какая-то другая богиня — оплакивала свою дочь и бродила по всему свету, пытаясь найти ее. Зевс сжалился над матерью и позволил дочери по полгода проводить на земле[39]. Даже в Стране Зверей известно, что ты мудрый царь.

Ты справедлив и к крестьянам, и к придворным. А как же звери? В давние времена мы дружили с людьми. Не знаю, что разъединило нас. Объедини нас вновь! Стань для нас Зевсом, великий царь. Пусть дети будут рядом с Корой половину года. Великая Мать вознаградит тебя за это.

Минос ответил не сразу. Это был не Эак. Слова не слетали бездумно с его языка.

— Богиню, о которой ты говоришь, похитил чужой бог. А отца невозможно обвинять в том, что он украл своих собственных детей. Они мои наследники, Эвностий. Ты видишь, что я в славе восседаю на троне. Ты слышал о моем флоте, который держит в страхе ахейцев. Мы дружны с Египтом и не боимся Вавилона, чья мощь клонится к закату. Мои корабли не только доходят до Туманных островов, но и огибают огромный темный остров к югу от них. То, что ты видишь, знаешь, слышишь,— все это правда. Сейчас. Этот отрезок времени называется «сейчас».

Я богат и могуществен, флот мой силен. Но могущество не долговечнее дождя. Неизбежно на смену ему придет засуха. Я должен подобрать заклинания, чтобы не дать дождю уйти, я должен бороться, чтобы удержать власть и передать ее в надежные руки. Мой брат не солгал тебе, хотя он поступил опрометчиво, женившись на твоей подруге. Кора должна пожертвовать собой, чтобы великая империя получила достойного правителя. Видишь ли, Икар и Тея должны учиться

управлять государством, а не бегать дикими и свободными по лесу, как большинству из нас хотелось бы. Ты думаешь, мне нравится сидеть на троне и делать вид, что я бог, осуждать этого человека, награждать того и посылать в бой свои корабли? Нет, Эвностий, я с радостью пошел бы с тобой на охоту, выпил пива с Зоэ и отправился бы с Хироном в одно из его путешествий. Но я следую воле богини, давшей мне в награду и в наказание царскую власть.

— Но ведь наследников двое. Разреши мне вернуть матери одного из них. Хотя бы ненадолго.

— Сейчас их двое, но будет ли их двое тогда, когда придет время принимать бразды правления? Великая Мать посылает смерть даже в веселый Кносс. Корабли, возвращаясь из дальних стран, завозят в город чуму, а с севера дует ледяной ветер. В детстве меня самого поразил демон чумы и навсегда лишил возможности иметь детей, а мог бы лишить и самой жизни. Нет, сын мой. Дети останутся в Кноссе.

Минос вынес справедливое решение, и это было самым мучительным. Эвностий понимал, что на месте царя поступил бы так же.

Но он еще поборется! Его союзниками были надежда, смелость и в общем не свойственная ему хитрость, которой могла бы позавидовать даже королева пчел.

— Можно мне попрощаться с детьми?

Как легко было лгать ради Коры! Он не чувствовал ни малейшего смущения. Никто даже не догадывался, как многому научился этот ранее бесхитростный простак у критян.

Эак помрачнел:

— Зачем это, Эвностий? Икар и так скучает и плачет каждый день. Не заставляй его вновь терять тебя.

— Но я же должен сказать матери, что дети здоровы. Она волнуется, как бы они не заболели вдали от своего дерева.

— Успокой ее. Сам Хирон говорил, что они не нуждаются в дереве, хотя он, конечно, не догадывался о моих планах.

— Я разрешаю тебе увидеться с ними, Эвностий.

Это был царский приказ.

Эак повернулся к нему с искаженным от гнева лицом:

— Но, брат...

Минос прервал его:

— Эвностий рисковал жизнью, чтобы вернуть детей матери. Я думаю, Великая Мать хочет, чтобы он повидался с

ними. В нашем домашнем святилище мы поклоняемся ее сыну в образе быка. Эвностий ближе к божественному, чем ты и я.

— Можно, я буду ждать их в саду, где бассейн с серебряными рыбками?

Эак забыл о своем гневе:

— Ты помнишь, что я тебе рассказывал! Но это было три года назад!

— Ты в детстве играл там, твой рассказ был таким красивым, что мне захотелось посмотреть на этот сад. И еще: я хочу встретиться с детьми не в помещении, а на улице, будто мы опять в лесу.

Он ждал их у пруда. Серебряные рыбки прятались среди раковин и кораллов. Голубые лотосы поникли на ярком солнце, напоминая утомленных жарой девушек, вошедших в прохладную воду. Вокруг пруда росли пальмы, привезенные из Ливии, длинные тонкие листья олеандра[40] расходились в разные стороны от венчающих их белых и красных соцветий, виноград вился по прикрепленной к стене решетке, голубая обезьяна пробежала среди цветов, бросив презрительный взгляд на Эвностия. Для Коры это была мечта, для Эака — повседневная действительность.

Икара Эак нес, а Тею вел за руку. Охранников с ними не было — через такую высокую стену все равно никто не перелезет. Тея смело приблизилась к Эвностию. Похоже, за пределами леса она его совсем не боялась. Может, он лишь недолго казался ей рогатым демоном, а запомнился очень любящим и добрым. Она не обняла его, а просто улыбнулась, слегка коснувшись его руки.

Он погладил ее по голове и случайно отодвинул локон, скрывавший острое ушко. Тея старательно вернула локон на прежнее место и направилась к отцу.

Икар тем временем боролся со сном. Он часто моргал, глаза были красными, будто он долго плакал. Но вот мальчик узнал Эвностия и так закричал, что обезьяна поспешила спрятаться в кустах олеандра, а серебряные рыбки заметались по бассейну. Икар стал вырываться из отцовских рук, Эвностий поймал его и, упав на колени, обнял, смеясь, а сердце его при этом разрывалось от тоски и любви, будто это был его собственный сын.

— Поговори с ним, Эвностий. Постарайся объяснить, почему он должен остаться здесь, со мной. Я знаю, он любит тебя больше, чем меня. Но он должен остаться.

— Он вряд ли поймет мои слова.

— *Тебе не нужны слова. И никогда не были нужны.*— Эак повернулся и вместе с Теей быстро скрылся во дворце. Эвностий крикнул ему вслед:

— Подожди, пусть она тоже побудет.

Но за дверью было темно, и никто ему не ответил. Он знал, что потерял девочку навсегда, и утрата была горька, как аконит[41], но Тея никогда не любила лес. Наверное, это было справедливо, хоть и больно для Коры, что один ребенок останется с отцом и будет воспитываться как наследник престола.

Но надо было срочно спасать Икара. Времени на рассуждения не оставалось, следовало как-то отвлечь внимание стражников, если таковые скрывались за дверью.

— Где-то здесь есть черепаха,— сказал Эвностий,— давай поищем ее в винограднике.

Икар радостно закивал головой, он был заранее согласен на все, что предложит Эвностий, даже если бы тот вдруг решил бросить его в бассейн. Эвностий неторопливо подошел к дальней стене и, постукивая копытом, что-то переворачивая и раздвигая виноградные листья, стал искать. Да, оно было по-прежнему там — отверстие, через которое черепаха, принадлежавшая Эаку, уползла когда-то в соседний двор, выходящий на тихую улочку, и которое Эак не позволил заделывать ни булыжником, ни гипсом. Эвностий быстро раздвинул ветви, чтобы расширить пролом в стене. Очень маленькое отверстие, но все же Икар в него пролезет, несмотря на обилие волос.

— Зоэ,— шепнул он.

— Да, Эвностий. Я здесь, с другой стороны. Во дворе никого нет, и с улицы меня тоже не видно.

— Тея остается. Позови Икара.

— Икар, это твоя тетя Зоэ.

— Иди к ней, Икар.

Ребенок, казалось, спрашивал: «А ты пойдешь со мной?»

— Да, я тоже пойду с тобой.

Он поцеловал его в зеленую копну волос и протолкнул в отверстие. Он впервые обманул мальчика. Даже в счастливом Кноссе наверняка есть тюрьмы для тех, кто захочет украсть сына принца. Наверное, существует даже смертная казнь. Но

все это не страшно, лишь бы Зоэ и Икар успели убежать из города.

Эак вернулся в тот момент, когда Эвностий уже поднялся на ноги и направлялся к бассейну.

— Но ведь ты только что привел его,— сказал он спокойно.— Мы играем в прятки. Он спрятался где-то в олеандрах.

— Позови его. Тебе уже пора идти в лес. Кора должна как можно скорее узнать, как обстоят дела. Передай ей... передай ей, что для меня она по-прежнему останется прекрасной девой.

— Я передам ей.

— Но где же Икар?

Эак прошелся по саду, заглядывая во все кусты.

— Он ведь не мог никуда уйти. Из сада можно выйти только через эту дверь. Иначе ты меня не оставил бы с ним. Кроме...— Эак внимательно посмотрел на разорванную виноградную лозу.— Ты помнишь больше, чем я думал. Стража!

Сад мгновенно заполнился гибкими и ловкими молодыми критянами. Лица их были напряжены, руки они держали на кинжалах.

— Моего сына украли! Кто это сделал, Эвностий? Кто пришел с тобой и ждал по другую сторону стены?

— Я пришел один.

— Не верю тебе. Ты слишком любишь Икара, чтобы выпустить его без присмотра в город. Это не Кора. Она не выдержала бы такое путешествие. Это Зоэ. Я прав? Да, это она. У нее хватает и смелости, и силы.— И он быстро объяснил стражникам, как она выглядит: — Довольно крупная. Красивая, но несколько поблекшая. Вероятно, волосы выкрашены или скрыты под головным убором. Наверняка на ней крестьянское платье. Постарается спрятать Икара под своей одеждой. Поднимите весь гарнизон и не выпускайте из города ни одного человека.

Тысячи кносских женщин подходят под это описание, а гарнизон маленький, и вокруг города нет стен. Зоэ действительно смелая и сильная, дорог же, заполненных крестьянскими повозками, которые тащат ослики и волы, очень много, и расходятся они во все стороны.

Но вдруг послышался такой знакомый и любимый звонкий голосок:

— Зевсов папа!

Икар через дыру в стене вернулся в сад и, смеясь, бежал к Эвностию, не подозревая, что в действительности он стре-

мительно удаляется от него, неумолимо приближаясь к кносскому трону, охраняемому грифонами.

Глава XV

Эвностий и я молча ехали на той же самой крестьянской повозке, которая привезла нас в Кносс, только теперь уже в сопровождении царских стражников, скакавших на хеттских боевых конях. Эвностию больше не нужно было прятаться под соломой. Вся страна знала о минотавре и дриаде, которые пришли в Кносс, чтобы украсть детей принца, и семь дней провели в тюрьме, пока царь, вопреки протестам Эака, не отдал приказ отвезти их обратно в лес. Он сказал, что мы не преступники и пришли сюда, чтобы вернуть детей матери и, согласно лесным законам, правда на нашей стороне.

Но если мы когда-нибудь вновь появимся в Кноссе, то, уже согласно критским законам, будем заключены в тюрьму, а затем казнены.

Эвностий даже не упрекнул меня за то, что я выпустила Икара из рук и он вновь вернулся в сад через пролом в стене.

— Я спрятала его под платьем и все время прижимала к себе. Но не успели мы выйти на улицу, как он выскользнул у меня из рук,— пыталась оправдаться я.— Наверное, испугался темноты и еще боялся потерять тебя.

Я не сказала Эвностию того, в чем не признавалась даже самой себе: мне хотелось, чтобы Икар убежал, и я инстинктивно не стала удерживать его, лишь бы не уезжать из города одной, без Эвностия. Я надеялась, посмела надеяться, что царь отдаст Эвностию обоих детей или пообещает отдать их позже и что Эвностий приведет их ко мне в пустынный двор, и все вместе мы отправимся к Коре. Но когда Икар пролез через отверстие в стене, а Эвностий прошептал: «Тея остается», я поняла, что Эвностию тоже придется остаться во дворце, и почувствовала, что с радостью обменяла бы Икара на своего любимого друга. Но я не корила себя. Икар вернулся потому, что любил Эвностия. Наверное, я позволила ему вернуться по той же причине. Нельзя не принимать во внимание любовь.

— А теперь идите,— сказал капитан стражников, маленький человечек с крошечными, как ракушечник, ушами, ехав-

ший верхом на огромном грубом животном, проявлявшем по отношению к нему такое же презрение, какое вол проявлял ко мне. Издали их двоих можно было принять за кентавра. Все шестеро стражников смотрели, как мы вылезаем из повозки и идем по поляне, за которой начинается лес. Капитан окликнул нас:

— Как там, в лесу, хорошо? Я имею в виду дриад, домики на верхушках деревьев, подземные мастерские. Глядя на вас, я думаю, что это райское место.

— Райское или нет — не знаю, это просто наш дом,— ответил Эвностий.— Хотя, действительно, мы всегда жили счастливо. Я с радостью пригласил бы вас, но Хирон не позволит этого сделать. Спасибо, что вы привезли нас сюда. Вы ведь вернете вола хозяину?

— Обязательно. Жаль, что дети не с вами.

Он натянул поводья и хриплым голосом приказал своим людям возвращаться в Кносс, заехав по дороге к Тихону.

— Эвностий,— сказала я,— у меня больше нет сил. Я уже две недели живу без своего дерева и семь дней без желудей. Прежде чем идти к Коре, я должна отдохнуть.

Он встревоженно посмотрел на меня. Взгляд его был усталым и нежным. Я нечасто жаловалась.

— Конечно, тетя Зоэ.

— Эвностий, Зоэ, а где дети? — Это был Партридж.— Я каждый день прихожу сюда и жду вас.

Он бросился на шею Эвностию, даже позабыв про свою луковую траву:

— Что случилось в Кноссе?

— Нам их не дали,— сказал Эвностий, благодарно обнимая его в ответ,— царь не отпустил их. Они будут жить с отцом и учиться управлять страной.

— Ничего, зато я по-прежнему с тобой.

— Да, дружище, ты со мной. Я рад, что ты меня ждал. Сейчас я провожу домой Зоэ, а с тобой мы увидимся попозже, с тобой и Бионом. Я вам все расскажу.

Я ощущала такую усталость, что не могла передвигаться без помощи Эвностия. Как будто стриг высосал из меня кровь. Руки были потными, влажные пряди волос падали на лицо.

— Как только ты доведешь меня до дерева, иди к Коре и все ей расскажи.

— Хорошо, Зоэ.

Он помог мне подняться по лестнице, уложил в постель и накрыл волчьей шкурой. Меня трясло. Я была уверена, что он пойдет к Коре один. По-видимому, я заснула и проснулась примерно через час. К этому времени дерево уже частично восстановило мои силы, хотя и не улучшило настроение. Эвностий по-прежнему сидел рядом с кроватью.

— Я же сказала, чтобы ты шел один. Кора должна узнать обо всем именно от тебя. Будет хуже, если Партридж сообщит ей новости.

— Мне не хотелось оставлять тебя надолго. Тебя лихорадило. Теперь, кажется, стало лучше. На, поешь желудей.

Пока я спала, он развел в очаге огонь — наверное, уголь пришлось занять у соседей — и поджарил желуди.

— Я съем их по дороге.

— Ты уверена, что можешь идти?

— Конечно, могу. Это ведь была не лихорадка, а то, что называется «тоска по дереву». И потом, Кора живет не так уж далеко.

Эвностий помог мне спуститься вниз, будто я была совсем старой. Я чувствовала, что начинаю на него сердиться за то, что он оттягивает это невыносимо тяжелое дело — разговор с Корой. Но как сказать матери, что у нее больше нет детей?

Выйдя на поляну, мы заметили дым и сразу же побежали.

Дерево Коры было охвачено пламенем, ветви его корчились в огне. На мгновение мне показалось, что дерево — это сама Кора и что я... увижу средь пылающей листвы ее искаженное лицо и услышу ее крик. Но нет, это было всего лишь жуткое завывание горящей древесины.

Мы прибежали последними. Партридж, Бион, несколько дриад и Мирра — все были там. Мирра только что вернулась от кентавров; в тот момент, когда загорелось дерево, Кора была дома одна. Эвностий бросился к этому пылающему погребальному костру.

— Нет! Нет, Эвностий! — Крик всегда такой спокойной Мирры будто ужалил нас. Эвностий застыл на месте и слушал ее, не отрывая взгляда от горящего дерева.

— Дерево погибло. Кора мертва или умирает. Даже если ты вынесешь ее из пламени, то только продлишь агонию. Дай ей достойно умереть той смертью, которую она выбрала.

Никогда больше я не посмею назвать ее глупой, легкомысленной женщиной.

Эвностий смотрел то на Мирру, то на дерево. Ветка с треском упала на землю, и Партридж стал затаптывать ее, пытаясь хоть чем-то помочь. Теперь дерево горело ровным, слегка колышущимся пламенем. К счастью, оттуда так и не раздалось ни единого звука, ни единого всхлипывания. Молчаливая Кора не изменила себе.

— Разве ты не понимаешь? Кора сама подожгла его. Это не было случайностью.

Эвностий опустился на колени и протянул руки, будто заклиная огонь погаснуть или умоляя Кору не умирать. Партридж подбежал к нему, приговаривая: «Это я сказал ей, Эвностий, это я виноват. Я хотел сделать как лучше, чтобы освободить тебя от этого. Это все из-за меня».

— Никто не виноват,— ответила я Партриджу,— кто-то должен был сказать ей. Возьми Мирру и отведи ее к кентаврам, а я посмотрю за Эвностием.

В последний раз я взглянула на дерево. И вновь мне показалось, что я вижу Кору, только теперь она уже не в своей зеленой одежде, а убрана в цвета осени и удивительно спокойна. Она без сожалений отказывается от лета и не боится зимы в ожидании встречи с неувядающими златоцветниками Подземного мира.

Эвностий укрылся в своей известняковой пещере. Я не пыталась остановить его. Бион приносил ему туда орехи, Партридж — луковую траву и, пытаясь развлечь его, рассказывал последние лесные новости: Флебий поссорился с Эмбер из-за кражи, Мирра переехала в новый дуб, поближе к городу кентавров. Я каждый день приносила ему молоко — от пива он отказывался, и иногда оставалась посидеть с ним, правда, то, что я говорила, он не слышал, хотя кивал головой и даже изредка улыбался. Мысленно он бродил по золотистым лугам своей безвозвратно ушедшей юности. Как редко мы вспоминаем, что минотавры — эти сильные, рассудительные существа, отличные столяры, ремесленники и крестьяне,— еще и поэты. А вечное бремя поэтов — забывать, что в жизни, кроме весны, бывает еще и лето.

В конце третьего дня Эвностий пришел ко мне и сел на пол. Он был жутко уставшим. Тело покрывала известковая пыль, а в гриве запутались колючки. Я села на кровать, взяла деревянный гребень (Эвностий не любил черепаховые,— он

считал, что нельзя отбирать у черепахи панцирь) и стала расчесывать его гриву.

— Тетя Зоэ, ты когда-нибудь теряла абсолютно все?

— Иногда мне казалось, что это так.

— Я знаю твердо, что потерял все. Я смог бы научиться жить без Коры. Я уже почти научился. Когда-нибудь я смирился бы и с ее смертью, раз она сама выбрала ее. Но дети, Икар...

— Ты уверен, что никогда больше не полюбишь? Тебе ведь только восемнадцать. А что же будет в оставшиеся пятьсот лет?

— Почти девятнадцать. Да, абсолютно уверен. Три года назад я был счастлив, тетя Зоэ. Так счастлив! Мне казалось, у меня есть все, кроме родителей, но я знал, что им хорошо в Подземном мире.

— В планы Великой Матери не входит давать живому существу все, что оно просит. Если бы мы имели все, нам не нужна была бы богиня, а даже богине хочется быть нужной. Счастливчики получают половину. Но чем выше твои устремления, тем больше становится та половина, которую ты можешь получить. Я, наверное, похожа на Моха, когда тот, набравшись пива, начинает философствовать. Но я точно знаю, что это так. Ты потерял не все. У тебя остались друзья. Не забывай их.

— Но Кора и дети...

— Кора умерла. Ты не можешь вернуть ее из Подземного мира, но я не сомневаюсь, что Праведный Судия добр к ней и что Подземный мир намного лучше нашего. А дети ее живы, и с ними рядом любящие их отец и дядя.

— Но я-то никогда больше их не увижу.

— Никогда? Ну, дружок, так только циники рассуждают. Я не претендую на то, чтобы считаться пророком, но, как и большинство моих сородичей, я порой вижу очертания будущего. Я верю, даже уверена в том, что ты еще встретишься со своими детьми. Сегодня ночью моя душа покинула тело и отправилась странствовать, как часто делала душа Коры, только странствовала она не в настоящем, а в будущем. И я увидела очень красивую молодую девушку и юношу с копной зеленых волос. Знаешь, где я их видела?

— Где?

— Огромная птица несла их по небу и опустилась прямо в нашем лесу!

— Но ведь это был всего-навсего сон. Если я попытаюсь увидеться с ними, Минос прикажет меня убить.

— Они сами придут к тебе. Кора мечтала о принце и позвала его в лес. Конечно, он принес ей горе. Но факт остается фактом. Люби Тею и Икара, и они, возможно, услышат тебя. Не забывай, что лес у них в крови. И он их тоже позовет.

— Я не Кора. Я не могу жить мечтой.

— И не надо. Кое-что я понимаю в жизни и должна тебе сказать, что просто мечта — это детская забава. Но если мечтаешь, борешься и ждешь — тогда ты можешь все, тогда пигмеи побеждают гигантов, а из простых булыжников создаются прекрасные города. Сильные руки, мечта и терпение воздвигли Вавилон, да и Кносс был выстроен вовсе не Зевсом.

Я погладила его по мягкой гриве, взяла за рога и поцеловала в открытое, нежное лицо, единственное место, где не росли волосы.

— У меня не много достоинств. Былая красота, от которой что-то, может, и осталось, если не обращать внимания на морщинки. Мудрость — это по части Хирона. Но если тебе хочется поплакать, то лучшего места ты не найдешь.

— Я недостоин твоей любви, Зоэ. Я всего лишь последний минотавр, а, может, это не так уж и плохо.

— Последний — или лучший?

Он положил голову мне на колени. Потом взглянул на меня немыслимо зелеными глазами, в которых отражалась вся его душа, и сказал:

— Зоэ, я знаю, что ты любила многих зверей и людей, а потом эта любовь проходила. Но был ли кто-нибудь, кого ты любила больше всех и потеряла его, и тебе казалось, что ты умираешь?

— Да, Эвностий. Нельзя сказать, что я его потеряла, потому что он никогда по-настоящему не был моим.

— Не могу поверить, что кто-то мог не любить тебя.

— Он и любил, по-своему. Но не так, как я.

— И что ты сделала?

— Помучилась, помучилась, а потом испекла пирог с мясом!

— И ты со временем его забыла?

— Я не хотела забывать его. Он был мне слишком дорог. Я просто сделала небольшую перестановку в своей памяти. Что-то забыла, а что-то вспомнила.

— Я не умею так.

— Научишься за следующие сто лет.

— И ты не жалеешь ни о чем?

— Ни на минуту. Я не жалела ни об одной своей любви. И меньше всего о той, которая доставила мне больше всего горя.

— Ты мне скажешь, кто это был?

— Когда-нибудь скажу, дорогой.

День Минотавра

Предисловие

В 1952 году, когда молодой криптограф Майкл Вентрис объявил о том, что он частично расшифровал надписи на глиняных табличках, найденных среди развалин Кносса, специалисты-археологи, лингвисты и просто любители восприняли его заявление с энтузиазмом и надеждой. Со времени раскопок, которые в начале века производил сэр Артур Эванс, остров мифических морских царей будоражил воображение своими змеями-богинями, играми с быком, лабиринтами и Минотавром-человекоубийцей. Но на табличках оказалась не критская Илиада, а обычный список дворцовой мебели и продуктовых запасов и лишь иногда встречалось название какого-либо города и имя бога или богини. Одним словом, они подтверждали общеизвестные факты — критяне жили с комфортом, добросовестно поклонялись богам и вели подробные записи. Тот, кто надеялся обнаружить эпическое, драматическое или историческое повествование, короче говоря, литературное произведение, которое могло бы поспорить с достижениями критян в области архитектуры и фресковой живописи, был жестоко разочарован.

Однако в 1960 году американская экспедиция из Мидлендского университета, штат Флорида, раскопала пещеру, на южном побережье Крита, недалеко от древнего города Феста, и обнаружила длинный свиток папируса, надежно спрятанный в медном сундучке от посягательств воров и от непогоды. Я сам возглавлял эту экспедицию и написал статью, в которой объявил о нашей находке широкой публике. Когда я работал над статьей, мы еще только начинали расшифро-

вывать свиток, и я, поторопившись, назвал его древнейшим романом, фантастической историей о войне между людьми и монстрами. Но чем дальше мы продвигались в расшифровке, тем больше нас поражала историческая точность, подробное описание флоры и фауны и правильность мельчайших деталей при изображении костюмов и обычаев. Мы задумались, что же это такое — роман, искусная подделка или фантастика? В прошлом году в той же самой пещере один из моих коллег обнаружил перстень с печаткой-инталией из лазурита с изображением поля крокусов, голубой обезьяны и молодой девушки, наделенной строгой, изысканной красотой. Эта находка приостановила нашу работу, идентичное кольцо было описано в свитке, и обезьяна и девушка, о которых там упоминалось, принимали участие в так называемой Войне Зверей.

Мои коллеги и я — ученые, люди беспристрастные, вовсе не склонные к романтике и признающие лишь факты. Нам не свойственно делать экстравагантные заявления. И все же мы действительно полагаем, что эта рукопись является не древнейшим романом, а одним из первых исторических повествований, подлинной летописью нескольких месяцев, относящихся к позднеминойскому периоду, около 1500 г. до н. э., когда на Крите росли пышные дубовые и кедровые леса, населенные племенем Зверей. Мы сознаем, какие ошеломляющие последствия может повлечь за собой наше предположение, и не исключено, что со временем оно станет причиной полного пересмотра классической мифологии, так как многие из наших так называемых мифов, вероятно, в действительности являются исторической реальностью. Более того, фольклористы, возможно, обнаружат в свитке прототипы героев известных сказок, которые, согласно существовавшим до сих пор теориям, появились лишь в средние века. Итак, с огромными сомнениями и с не свойственным ученым волнением, мы представляем вам первый английский перевод рукописи, которую мы назвали «День Минотавра». Там, где это было возможно, для удобства широкого круга читателей мы придали именам и названиям более современное звучание.

Т. И. Монтаск, доктор философии,
доктор естественных наук,
доктор юридических наук.
Мидлендский университет, штат Флорида.
29 июля 1964 г.

Глава I
ДЕРЕВЯННЫЕ КРЫЛЬЯ

Я расскажу вам историю о принцессе Тее, племяннице великого царя Миноса, о ее брате Икаре, названном в честь несчастного сына Дедала[1], утонувшего в море, когда у его планера отвалились крылья. Мы, минотавры,— поэты и ремесленники, а не историки, но я занимался изучением исторических летописей Египта и попытаюсь воспроизвести их сжатый, беспристрастный стиль. Но вы должны простить меня, если время от времени я буду отходить от него и пускаться в пышные сравнения, столь свойственные моему племени. Наша поэзия всегда была простой, и я, последний в роду, сохранил вкус к ладно скроенной фразе и изящному (и даже цветистому) эпитету.

Тея и Икар были единственными детьми критского принца Эака, брата царя Миноса. Эак исчез после того, как в стычке с ахейскими пиратами был разбит возглавляемый им отряд, посланный Миносом, чтобы изгнать пиратов с побережья. Три года о нем ничего не было известно. Когда же он наконец вернулся в Кносс, то привел с собой не пленных пиратов, а двух маленьких детей. Во дворце он сказал, что это его дети. От кого? От дамы, которую он встретил за это время. И где же? В Стране Зверей, в кипарисовых и кедровых лесах, спрятанных от остального мира за высоким известняковым хребтом, отходящим от горной цепи Иды. Циники пришли к заключению, что Тея и Икар — дети простой крестьянки, у романтиков же вызвало сомнение, как простая крестьянка могла произвести на свет детей, отличающихся такой необычной красотой, с аккуратными острыми ушками и с отливающими

зеленью блестящими каштановыми волосами. Тея старательно прикрывала уши локонами, но не могла скрыть цвета волос. Икар, наоборот, выставлял свои уши на всеобщее обозрение со смешанным чувством смущения и гордости; он тщательно следил, чтобы ни один волосок не закрывал кончиков ушей, при этом его голова больше всего напоминала небольшой лужок, заросший зеленоватыми кудряшками.

Обстановка при дворе, где росли дети, была неспокойной. Мощь островного государства таяла, подобно убывающей луне. Сильнейшие землетрясения разрушили города с их многочисленными дворцами. Одни корабли некогда знаменитого флота ветшали, раскиданные волнами вдоль берега, на других команды набирались из египтян. Медный робот Талос[2], страж побережья, валялся, ржавея, невдалеке от Великого Зеленого моря, и никто не мог вспомнить, каким образом можно его починить. Как брат царя Эак большую часть времени проводил в царском дворце в Кноссе, а после смерти Миноса занял трон. Будучи правителем мудрым, хотя порой и чересчур суровым, он понимал, что варвары-ахейцы, живущие на материке к северу от Крита в каменных крепостях Пилоса, Тиринфа и Микен, строят корабли, чтобы напасть на его страну. Ахейцы поклонялись Зевсу-громовержцу и Посейдону — колебателю земли, а не Великой Матери; в военном искусстве они добились огромных успехов, и когда глубокой ночью на прибрежный критский город обрушивались десятки кораблей, носы которых украшало изображение орла, это уже напоминало не просто набег, чтобы награбить золота и увести рабов, а небольшое вражеское нашествие.

Предвидя возможное падение Кносса, Эак отправил детей — Тее тогда было десять лет, а Икару девять — во дворец Ватипетро, который находился в десяти милях к югу от Кносса. Он был хоть и небольшим, но хорошо укрепленным и обеспечен всем необходимым. В нем, кроме всего прочего, имелась печь для обжига кирпича, пресс для получения оливкового масла и ткацкая мастерская. На крыше стояла катапульта, и на ней лежал один из планеров, созданных покойным ученым Дедалом. На случай осады слугам был дан приказ поместить детей на этот летательный аппарат, сделанный в форме рыбы, и ударить по бронзовому спуску. Катапульта сработает, и дети улетят в относительно безопасное место в центре острова.

Через шесть лет после переезда в Ватипетро, когда нашествие уже стало реальностью, и огромный дворец в Малии

был захвачен противником, Тея собирала в Северном дворе крокусы[3]. Ярко-желтые цветы, которые поэты сравнивают с золотым шитьем, как волнистое руно покрывали землю, лишь в одном месте финиковая пальма придавила их изогнутым стволом, сгибающимся под тяжестью сочных плодов. Из соседнего двора доносились звуки работающего пресса. Тяжелый кусок гранита измельчал черные оливковые ядрышки, потом кашицу раскладывали по мешкам и придавливали деревянными досками, на которые для тяжести клали камни. Но теперь не слышалось обычных восхвалений Великой Матери. Рабочие — старики и подростки, которых не взяли в армию, защищающую Кносс, были не веселы. Сборщиков не хватало, плоды слишком долго оставались на деревьях, и масло из них получалось грубым и невкусным.

На Тее была бледно-лиловая юбка, собранная на талии в сборку, и блуза, вышитая по вороту аметистовыми бусинами. Ей не нравились платья с открытыми лифами, которые носили дамы при дворе, хотя у нее, молодой шестнадцатилетней девушки, была высокая красивая грудь. Пять каштаново-зеленых локонов, искусно уложенных служанкой Миррой, спадали на лоб, и еще по три локона скрывали каждое ухо, подобно тому, как виноградная лоза прячет поддерживающую ее решетку. Она походила на свежий цветок, но не на полевой или лесной, а на заботливо выращенный в дворцовом саду; она была нежна, как лепестки крокуса, и стройна, как стебель высокого египетского лотоса. Но ни один земной цветок не мог соперничать с зеленовато-каштановым оттенком ее волос и смуглостью ее кожи. Лишь в Подземном мире, где Праведный Судия восседает на своем троне из оникса[4], возможно, есть сады с такими цветами, как Тея.

Не только внешность ее была прекрасна. Хрупкость сочеталась в ней с твердостью. Подобно раковине-багрянке, дающей пурпур, она, казалось, вышла из морских вод, омытая ими и благоухающая, фиолетовый цвет багрянки был цветом ее глаз, а тело было крепким, как сама раковина. Сандалией можно раздавить цветок, но не раковину.

Тея собирала крокусы для своего отца, потому что верила — он придет к ней из Кносса. Его образ предстал перед ее мысленным взором: Эак — воин и царь. Для критянина он был высоким, с широкими плечами и узкими бедрами, его можно было бы принять за юношу, если бы не морщины у глаз, тонкими ручейками сбегающие к боевым шрамам:

V-образный след от стрелы и след от боевого топора. Ей нужна была его сила, чтобы заглушить страх перед нашествием, ей нужна была его мудрость, чтобы лучше справляться с Икаром, который иногда вел себя так, будто ему не пятнадцать лет, а пять, и любил исчезать из дворца и отправляться в таинственные путешествия, говоря «я уползаю».

Голубая обезьяна спрыгнула с дерева, схватила крокус и бросила его в плетеную корзинку, стоявшую у ног Теи. Та засмеялась и обхватила обезьяну руками. Хотя Тея стала уже совсем взрослой девушкой, она не расстраивалась, что ее единственными друзьями по-прежнему оставались обезьяна, служанка и любимый, хоть и несносный брат, а вместо игр с быком, акробатических соревнований и танцев при лунном свете на берегу реки Кайрат она развлекалась тем, что пряла лен и красила полотняную одежду. Вырвавшись из ее рук, обезьяна, которую звали Главк, схватила корзинку и утащила ее на пальму. На верхушке дерева Главк спугнул пчелиный рой, а затем помахал корзинкой, демонстрируя свою добычу.

Тея показала ему кулак и, притворившись рассерженной, покачала дерево и зарычала, как сердитый лев. Это было частью их игры. Но она все же оставалась Теей, не ощущая в себе ничего львиного. Когда Икар превращался в медведя, он ревел, ходил крадучись, и ему по-настоящему хотелось меда, ягод и рыбы. А рассудительная Тея даже в раннем детстве не любила притворяться кем-нибудь другим.

— Зачем же мне притворяться, что я дельфин? — однажды спросила она у своего товарища по играм.— Я — Тея.

Это нельзя было объяснить самодовольством или недостатком воображения, это было что-то вроде невысказанного признания, спокойной благодарности за дары Великой Матери.

Раньше Главк всегда бросал корзинку к ее ногам и она, с радостью переставая быть львицей, вознаграждала его фиником или медовой лепешкой. Но сегодня Тея упала на землю среди цветов, будто сорвавшись с дерева, съежилась и заплакала. Это уже не было частью их игры. Она слышала разговоры слуг и заметила, как они перешли на шепот при ее приближении и внезапно замолчали, когда она попыталась с ними заговорить. Она видела, как напряжен был ее отец, когда он в последний раз приходил из Кносса. Он был неестественно бледен, и шрамы казались открытыми ранами. «Если отец придет,— подумала она,— я не отпущу его обрат-

но в Кносс. Я оставлю его в безопасности здесь, с нами, в Ватипетро. Если он придет...»

Главк слез с дерева, поставил корзинку Тее на колени и, приветливо бормоча, обнял за шею. Тея посмотрела на него с удивлением. Хотя ей было только шестнадцать, она привыкла утешать всех сама. Она быстро вытерла слезы голубым льняным платком с летучими рыбками на кайме и вновь стала собирать цветы.

— Это для моего отца,— сказала она Главку.— Как тебе кажется, они понравятся ему?

— Если стену проломят,— сказал отец в прошлый раз,— идите с Икаром к катапульте. Тебя Мирра пристегнет ремнями к доске, вырезанной в форме кефали[5], а Икар прижмется к твоей спине и будет держаться. Во время полета вы сможете изменять направление, подниматься или опускаться, меняя положение тел. Направляйтесь к горам. Что бы ни случилось, постарайтесь не приземляться в Стране Зверей.

Он замолчал. Было произнесено вслух запретное название — та часть острова, где он когда-то встретил их мать. Непонятно, сказал ли он это со страхом, с мучительной тоской по давно утраченному или с боязнью, что его дети, как и он, обретут и потеряют.

— Приземляйтесь только после того, как перелетите лес. Если всем телом податься вперед, можно посадить аппарат. Там живут добрые люди, они вас примут.

Тея посмотрела в ту сторону, где за крышами северной части дворца виднелись пологие склоны горы Юкты, преграждавшие путь на Кносс; с моря они напоминали спящее божество. Ахейские захватчики пойдут с моря и обогнут гору. На западе были холмы, покрытые оливковыми рощами и виноградниками, постепенно переходящие в горную гряду Иды, и Страна Зверей — леса, о которых никто не упоминал без содрогания и куда никто не заглядывал; кухарка, сторож и садовник говорили, что там живет минотавр — бык, который ходит, как человек. «Постарайтесь не приземляться в Стране Зверей». Она не забудет предупреждение отца.

Мирра стремглав вбежала в сад. В ту же минуту Тея услышала под стенами шум. Топот ног, бряцанье оружия, уверенные голоса мужчин, казалось, стремившихся всем объявить о своем приближении.

— Ахейцы,— задохнулась от ужаса Мирра.— Нужно идти к планеру.

Мирра была чернокожей ливийкой, рабыней, родившейся на Крите, и боялась всего на свете: обезьян, змей, летучих мышей, незнакомых людей. Ну а уж что касается ахейцев — то, по ее мнению, это великаны, которые варят своих пленных в оливковом масле и съедают их до последней косточки. Тея не знала, сколько ей лет, и вряд ли это знала сама Мирра. Пятьдесят? Шестьдесят? Лицо ее было гладким, как у девочки, и только когда ее охватывал ужас, оно покрывалось морщинами, глаза вылезали из орбит и, казалось, готовы были лопнуть, как перезревшие фиги[6].

Мирра схватила Тею за руку, будто желая успокоить, но получилось так, что более мужественная Тея стала успокаивать ее саму:

— Стены крепкие. Может быть, нам не понадобится планер.

Но про себя она подумала: «Ахейцы идут с моря и из Кносса. Была битва, отца, наверное, уже нет в живых».

Тея быстро поднялась по ступенькам на крышу и оглядела оливковую рощу, расположенную между домом и горой Юктой. Серебристые ветки деревьев, которые сгибались под тяжестью плодов, блестели на солнце, как крылья стрекозы. Но блестели не только деревья. Воины (их было около сотни) двигались через рощу. Защищенные кожаными туниками, бронзовыми кирасами и шлемами с гребнем, со щитами из бычьей кожи, они несли мечи и копья, а бороды их были такими жесткими и острыми, что, казалось, сами могли служить оружием. Свирепые, ощетинившиеся русобородые убийцы. К счастью, дом окружала стена, и он мог выдержать осаду. Ворота были срублены из кедра, а из боковых башен можно было в относительной безопасности отбиваться от нападающих.

Но оказалось, что в башнях никого нет. Рабы и слуги стали убегать из дома и потянулись по мощеной дороге к оливковой роще. Они несли дары завоевателям и сгибались под тяжестью амфор с вином, желтых сыров на блюдах из чеканного золота, плетеных корзин, доверху наполненных льном и шерстью. Первым порывом Теи было побежать за ними, назвать каждого по имени и приказать вернуться — Тисбе, которая соткала ей юбку, привратнику Сарпедону, называвшему ее «зеленокудрая», Андрогее... Они, конечно, послушаются, ведь они, наверное, любят ее, и она их тоже. Нет, времени больше нет. Надо успеть найти Икара.

Она побежала по коридорам со стенами из отесанного пористого камня, вдоль которых стояли расширявшиеся квер-

ху, как перевернутые деревья, красные колонны, поддерживавшие свод. Ее сандалии громко стучали по плиткам из бурого железняка. Она бежала, пока не попала в Комнату Змея. В комнате не было ничего, кроме низкого столика на трех ножках, в крышке которого было сделано спиралевидное углубление, заканчивающееся в центре, где стояла небольшая чаша. Края сосуда находились на одном уровне с поверхностью. Здесь он мог лежать и есть из чаши. Но сейчас Пердикса, змея-хранителя дворца и, по мнению Икара и слуг, перевоплотившегося в этой жизни предка, не было на столике, не было его и там, где он обычно спал — в терракотовой трубке с прикрепленными с обоих концов чашами.

Он лежал на руках у Икара.

Медленно и лениво Икар направился к ней — пятнадцатилетний мальчик, худой, но коренастый, большеголовый, с всклокоченными волосами и огромными, цвета фиалки, глазами, взгляд которых был невинным, лишь когда он подсовывал Мирре в ткацкий станок Пердикса или объявлял Тее, что проглотил ядовитый гриб. Спешил он, только убегая из дома.

Тея пылко обняла его. Он неохотно позволил ей сделать это, стараясь не тревожить змея. Его сестра была единственной женщиной, которой было разрешено его обнимать. Даже в раннем детстве он отталкивал протянутые руки Мирры и кносских придворных дам. При обычных обстоятельствах, к примеру, оставаясь при дворе, он вряд ли сохранил бы невинность до пятнадцати лет. Он был бы уже женат или, во всяком случае, помолвлен. Но последние пять лет его товарищами по играм были не мальчики и девочки, а лишь животные. Рождение ягненка, спаривание быка и коровы — все это были хорошо знакомые и отнюдь не шокирующие его события повседневной жизни. Но он упорно не хотел признавать, что люди размножаются таким же образом.

— Пердикс заболел,— объяснил он.— Я даю ему листья бадьяна[7]. Они помогают коровам при отеле. Наверное, помогут и змею при несварении.

— Ахейцы пришли,— задыхаясь, быстро проговорила Тея.— Они у дворца. Надо идти к планеру. В этот момент подбежала Мирра. Глаза Икара расширились, но не от страха.

— Я останусь и буду сражаться с ними. А вы с Миррой идите.

Тея услышала шум драки во внешних покоях, возгласы критян, крики ахейцев: «Посейдон!», «Афина!» Оказалось,

несколько слуг все же предпочли сопротивление. Кто-то закричал, и крик перешел в стон. Такой звук она слышала, только когда ее кота Радаманта раздавило каменным колесом крестьянской повозки.

Она с трудом подавила приступ тошноты, сжавший ее горло:

— Их слишком много.

— Я возьму Пердикса,— сказал Икар. Категоричность его тона не допускала возражений. Мальчика и змея связывали прочные узы. В течение трех лет Икар тискал и бросал его, но ни разу не вызвал ответного гнева. Мальчик утверждал, что Пердикс — его перевоплотившийся в этой жизни прапрадядя, который некогда обогнул на корабле огромный материк Ливию[8] и вернулся домой с шестью питонами и самцом-гориллой.

— Да. Он принесет нам удачу.

А голубая обезьяна Главк? Как же она могла бросить его в саду? Она такая легкая, что не повлияет на скорость.

Они преодолели последние ступеньки и сразу оказались в ярком солнечном свете, как ныряльщики, поднявшиеся со дна моря. На катапульте, такой же, какой пользуются при осадах, лежал готовый к полету планер. Он был похож на чудовище с Туманных островов. Его крылья из ивовых прутьев, обтянутые парусиной, напоминали альбатроса, деревянное тело походило на рыбу с взметнувшимся кверху хвостом и круглыми нарисованными глазами. Когда по спуску катапульты ударяли молотком, пучок туго скрученных овечьих жил начинал разматываться и выталкивал аппарат сначала вверх по желобу с наклоном в половину прямого угла, а затем в воздух. Он мог взять двух пассажиров, если один ляжет поверх другого.

Страх душил Мирру. Она начала бормотать какие-то заклинания на своем родном языке, скорее всего, это были мольбы, обращенные к богам джунглей.

— *С Икаром полетишь ты,*— сказала Тея, касаясь плеча женщины.— Я ударю по спуску.

Но Мирра отрицательно покачала головой, и страх постепенно исчез с ее лица. Она подняла девушку на руки (критяне невысокие, и, хотя Тея уже достигла своего полного роста, в ней не было и пяти футов) и пристегнула ее к планеру, закрепив кожаные ремни на руках и лодыжках. Другим, более длинным ремнем она привязала Икара к спине Теи.

— Держись за сестру,— сказала она непривычно властным тоном.— Ремень может лопнуть.

— А как же я буду тогда держать своего змея?

Она взяла змея, которого смертельно боялась, и аккуратно уложила в мешочек, висевший у Икара спереди на набедренной повязке.

— Он подумает, что это его трубка,— успокоила она мальчика.

Они не услышали свиста летящей стрелы. Мирра разговаривала с Икаром, затем беззвучно опустилась на крышу и, казалось, прилегла отдохнуть. Стрела была очень маленькой и почти незаметной в складках одежды. Перья на конце делали ее похожей на птичку, которая просто села к Мирре на грудь.

Икар освободился от ремней, и они с Теей соскользнули с планера. Он встал рядом со своей няней на колени и в первый и последний раз в жизни поцеловал в щеку. Лицо ее приняло свое обычное выражение растерянности и нерешительности. Тея не позволила себе заплакать. Времени больше не было. Она рывком поставила Икара на ноги. Он полетит в безопасное место один, она ударит по спуску.

Поняв, что она собирается сделать, он запротестовал:

— Нет, я мужчина. Это ты должна лететь.

Ее всегда удивляло, когда брат приказывал, обычно от него этого никто не ожидал. Он подтолкнул ее к планеру.

Она быстро закрыла ему рот рукой и крикнула:

— Ты хочешь, чтобы мы оба погибли? Делай, как я говорю. И запомни, нельзя приземляться в Стране Зверей.

Путь им преградил великан. Ахеец, но не лучник-убийца. Из-за края крыши торчал верхний конец его приставной лестницы. Бронзовый шлем, украшенный павлиньими перьями, скрывал лоб, но она заметила, что у него светлые брови и нет бороды — совсем юный. Его руки были забрызганы кровью, кровь была и на мече, поднятом над головой. Он шагнул в ее сторону, и она почувствовала запах кожаной туники. С неожиданной быстротой и ловкостью воин отбросил меч и крепко обхватил детей своими ручищами. Они забились, подобно попавшему в сети тунцу, и, выскользнув из его объятий, упали на пол, ловя ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег.

Он встал рядом с ними на колени и легким движением убрал с ушей Теи волосы. Ее передернуло от его прикосновения.

Он усмехнулся.

— Острые уши,— сказал воин на своем сочном ахейском языке, который она выучила при дворе — неожиданно ме-

лодичный язык для воинственного племени.— Вы вовсе не критяне. Наверное, вы пришли из леса, и теперь вам самое время туда вернуться.

Глаза его были голубыми, как перо гнездящегося на море зимородка, окрашенное цветом волн, а щеки припорошил легкий янтарный пушок. Тея подумала, неожиданно почувствовав прилив нежности, что он пытается отпустить бороду и стать похожим на своих щетинистых товарищей. Несмотря на рост и силу, доспехи ему не шли.

Ахеец поднял детей на планер и крепко пристегнул ремни:

— Лучше улетайте отсюда. Мои приятели — грубый народ.

Он ударил по спуску рукояткой меча. Тее хотелось верить, что его товарищи не рассердятся на него за это.

У нее перехватило дыхание. Тело брата налилось тяжестью и, казалось, было отлито из бронзы. Они неслись все вверх и вверх, в яркий солнечный свет и лазурь, где когда-то парили Дедал и тот, другой Икар, в честь которого назван ее брат, пока он не потерял свои крылья и не рухнул в море, как подбитый альбатрос.

Тея открыла глаза. Невидимые сети воздуха перестали резать лицо. Она чувствовала себя то участницей игр с быком, пролетающей над смертоносными рогами, то дельфином, резвящимся от счастья, что над ним солнце, под ним море, а воздух обволакивает, как прохладный шелк.

И тут она увидела, куда они направляются.

— Наклоняйся,— закричала она Икару.— Мы летим к берегу.— Молчание.

— Икар, послушай меня. Не бойся. Помоги мне направить аппарат к горам!

— Боюсь? — обиделся он.— Я не испугался. Я думал о птицах. Теперь я знаю, что они видят с высоты!

— Наклоняйся,— закричали они хором, отдаваясь радости полета, от которого захватывало дух.

— НАКЛОНЯЙСЯ!

Внизу, под ними, как гигантская мозаика, мерцал захваченный дворец, черно-голубые черепицы крыш, мощенные красными гипсовыми плитками дворы с садами и фонтанами и все увеличивающиеся, похожие на грибы столбы дыма, выходящего отнюдь не из кухонного очага. Тут и там сквозь черноту дымовой завесы начинали пробиваться алые языки пламени. «Вот так, наверное, сгорел и кносский дворец»,— подумала она. Ахейцы захватывают дома и дворцы, грабят и

поджигают. А ее отец? Она была не в силах представить его среди пламени.

Тея от горя обратилась в кусок льда, как вода в пруду, а высоко в небе застыло время, будто все водяные часы замерзли, а тени солнечных перестали двигаться. И все же сами они не остановились. Застыли время и боль, а далеко внизу проплывали деревни с каменными домами, стоящие у больших дорог, на смену им пришли маленькие деревушки, соединенные узкими тропками, потом появились виноградники и оливковые рощи, переходящие в пастбища с редкими островками деревьев и пастушьими хижинами, и так все выше и выше, слегка покачиваясь, поднимались они к горам Иды. Горная вершина, как рассерженный кит, внезапно надвинулась на них.

— Наклоняйся!

Они обогнули заснеженные утесы, и их, как снопом брызг, обдало ледяным ветром.

А потом появился зеленый лес, будто спрятанный в ладонях у старой седой горы, соединяющейся с остальным миром лишь узкой тропой, ведущей на юг к плодородной Мессарской долине и великому городу Фесту.

Страна Зверей.

Они медленно, но неуклонно стали снижаться к лесу. Кипарисы, кажущиеся бронзовыми в лучах полуденного солнца, старые кедры, помнящие еще то время, когда малютка Зевс подрастал в этих горах, сосны, ели и незнакомые деревья пониже, источающие странный аромат, доносившийся даже до них, сладкий и острый одновременно (миррис? сандарак?), зеленое море деревьев с заросшими травой просеками и изумительная, малахитового цвета, речка, а там, там — что это, город или всего-навсего низкорослые деревья, похожие на дома, и канавка, напоминающая защитный ров? Ни один человек, кроме их отца, не бывал в Стране Зверей. Пастухи, бродя со своими овцами, подходили к южным границам и видели, как среди теней мелькают козлоногие юноши, крылатые девы с широко раскрытыми золотистыми глазами и настоящий минотавр — бык, который ходит, как человек.

— Тея, давай приземлимся в лесу,— прошептал Икар, стараясь не показывать, как ему этого хочется.

— Нет,— закричала она с неожиданной силой.— Ты знаешь, что сказал отец.

— Но ведь с ним ничего не случилось. И там наша мать.

— Наша мать умерла. Давай, наклоняйся.

Она перенесла вес своего тела на левую сторону, но Икар продолжал смотреть на лес и не шевелился.

— Икар!

— Да? — сказал он спокойно.— Да, Тея?

Верхушки деревьев, издалека казавшиеся мягкими, теперь тянулись к ним своими сучковатыми пальцами, пытаясь проколоть крылья планера, но совместными усилиями им удалось провести аппарат над лесом и направить его к поляне, покрытой травой и ранними златоцветниками. Удар был таким сильным, что ремни лопнули, и они кубарем покатились на землю. Похожие на лилии златоцветники смягчили их падение.

— Тея, смотри,— зашептал Икар,— кто-то следит за нами.

Она посмотрела на кромку леса и увидела лицо.

— Ее уши,— произнес Икар громко, забывая про шепот,— такие же, как у нас.

— Нет,— быстро ответила Тея.— У нее они покрыты шерстью. А наши просто острые. И потом, у нее руки больше похожи на лапы!

Лицо скрылось за деревьями.

— Мы ее спугнули,— вздохнул Икар.

— Что-то другое напугало ее.

Ахейцы. Около десятка их вышло на поляну.

— Мы тоже можем спрятаться,— воскликнул Икар.

— Нет,— сказала Тея.— Лучше ахейцы, чем звери.

Глава II
МИНОТАВР

Его шлем поблескивал в лучах солнца, проникавших через окна, расположенные под самым потолком. Бронзовая кираса спускалась ниже бедер. Кряхтя, он с облегчением освободился от наголенников[9]. Мощные волосатые ноги, как бревна, торчали из сапог, сшитых из сыромятной кожи. Тее он показался старым, ему, наверное, было около сорока. Затем он снял шлем — волосы были спутанные и потные — и повернулся к юным пленникам, ожидавшим решения своей судьбы в одном из залов захваченного особняка, принадлежавшего ранее знатному критянину. Воина звали Аякс. Это его солдаты поймали Тею и Икара рядом с планером.

С фресок, украшавших стены, смотрели голубые обезьяны, резвившиеся на поляне, заросшей крокусами. Красные, рас-

ширявшиеся кверху колонны заканчивались округлыми капителями, поддерживавшими крышу, а гипсовые плиты пола соединялись друг с другом полосками красной штукатурки. Буйство цвета, движение, свобода и веселье были немыслимо чужды грубым завоевателям с их щитами и мечами. И они, казалось, чувствовали свою неуместность и робко стояли на белом, как пена, гипсе, опасливо поглядывая на обезьян, будто боясь, что те вот-вот обрушат на них поток насмешек.

Тея нащупала руку брата и почувствовала его ответное пожатие. Нежность, будто теплота, исходившая от раскаленного очага, обогрела ее, но на смену ей пришел озноб раскаяния, словно очаг внезапно погас. Это из-за нее они попали в плен, она предпочла знакомых варваров незнакомым зверям.

Аякс вздохнул и плюхнулся на стул со спинкой, украшенной резными грифонами. Для такого человека, подумала Тея, война — не работа, а *сама жизнь. Он не герой, а сильное*, тупое, в меру храброе животное, воюющее потому, что ему лень сеять хлеб или вести корабль.

На лбу у Аякса рдела небольшая клиновидная ранка.

— Это вы, критяне, постарались,— сказал он, показывая на нее.— Хоть и маленькие, а коготки у вас острые. Вот, полюбуйтесь на работу хозяйки этого дома.— Он засмеялся: — Она была наказана за это. Жестом он приказал Тее и Икару подойти. Икар вышел вперед:

— Я не позволю тебе обижать сестру.

— Обижать? Никто и не подумает это делать, если она развлечет меня как следует,— проворчал он довольно миролюбиво, продемонстрировав при этом отсутствие переднего зуба. Голос его был высоким и тонким и совершенно не подходил к громоздкой фигуре, казалось, что лев запищал, как котенок. Но жестикулировал он и раздувал ноздри так, будто был самим верховным богом Зевсом.

— Мои люди заметили ваш корабль, когда он стал снижаться. Вы чуть не оказались в Стране Зверей.

— Жаль, что не оказались,— сказал Икар.

— Ты так думаешь? — засмеялся Аякс.— Ты хочешь, чтобы твоя сестра досталась минотавру? А знаешь, что он сначала забавляется с девицами, а потом сжирает их братьев? Такого мальчишку, как ты, он проглотит и не почувствует, разве что голова в глотке застрянет.

— Он живет в лесу, где мы приземлились? — спросил Икар, абсолютно не испугавшись.

Молодой воин, оба уха у которого были обрублены, как грибы, под самый корешок, опередил своего начальника:

— Его пещера чуть западнее. Местные жители носят ему ягнят и телят, чтобы он не трогал их детей. Когда мы ворвались в этот дом, хозяева проклинали нас его именем.

Брань Аякса заставила воина замолчать:

— К Гадесу все это! У критян проклятья такие же беспомощные, как и их богини. А теперь отведи детей в комнату с дельфинами и проследи, чтобы девчонка могла принять ванну и переодеться.

Он взглянул на растрепанные волосы Теи, и она инстинктивно поспешила прикрыть уши.

— Да у тебя острые ушки! — Он явно заметил это впервые.— И у твоего брата тоже. Вы что, из леса?

Тея сердито поправила свои локоны:

— Мы критяне, а не звери. У зверей кончики ушей покрыты шерстью.

— Ну, моя девочка, у которой ушки без шерсти, я загляну к тебе через часик. И оденься, как женщина, а не как ребенок, а то ты напоминаешь мне дочь.

Комната с дельфинами, подобно большинству комнат в просторных критских дворцах, была небольшой, уютной и веселой. Еще не зажженные терракотовые светильники в стенных нишах напоминали примостившихся на ветке птиц, от складных стульев, сделанных из цитрусового дерева, исходил приятный аромат, а на приподнятой каменной платформе высились горы подушек, набитых гусиным пером. В одном конце комнаты между двумя колоннами открывался выход в световой колодец, где высилась черная деревянная колонна в честь Великой Матери. С противоположной стороны в помещении с более низким уровнем пола была установлена небольшая глиняная ванна, снаружи украшенная рисунками, изображавшими нахальную мышь, преследующую испуганного кота. В центре комнаты стоял сундук, вокруг которого, подобно морским сокровищам, выброшенным волной на берег, валялось его содержимое. Здесь были золотые подвески с целым роем янтарных пчелок, голубые лайковые сандалии, одежда из шерсти и кожи, а также льняные платья с пышными, расширяющимися книзу юбками. Безухий Ксанф указал Тее на платья и замер в ожидании, явно надеясь, что она начнет раздеваться прямо при нем. Из-за того, что критские женщины не прячут свою грудь, их иногда считают бесстыдными.

Но, несмотря на наглое поведение Ксанфа, Тея не могла обойтись с ним так строго, как он того заслуживал. Голова без ушей выглядела совсем голой, и от этого он казался каким-то жалким. Тея вежливо улыбнулась и легонько подтолкнула его к двери. Одного прикосновения было достаточно, чтобы Ксанф сдвинулся с места и пошел перед ней, как корабль, подгоняемый ветром.

Оставив Икара любоваться дельфинами на фресках, Тея залезла в ванну, повернула краны, сделанные в форме лягушек, и с наслаждением опустилась в горячую воду. В больших особняках на крышах были установлены резервуары для дождевой воды, которая затем подогревалась и по терракотовым трубам подавалась в ванную комнату. Критским водопроводом восхищались даже в Египте. Тея задремала и больше уже не оплакивала прошлое и не боялась будущего. Тревога сошла вместе с пылью, потом и следами травы и цветов.

Она проснулась оттого, что кто-то громко лакал воду.

— Пить хочет,— сказал Икар.

Он стоял около ванны на коленях и держал пьющего Пердикса, чей раздвоенный язычок мелькал прямо у руки Теи.

Тея отпрянула в противоположную сторону. Она не стеснялась брата — они часто вместе купались раздетыми,— но ей вовсе не хотелось быть укушенной своим прапрадядюшкой. Хотя критские змеи и не были ядовитыми, но некоторые, в том числе и Пердикс, обладали очень острыми зубами.

— Неужели его нельзя попоить в другое время? — воскликнула она.

— Ты же знаешь, что он любит горячую воду. Она напоминает ему подземные источники.

Когда Пердикс напился, Икар поднял его от воды. Обращался он с ним небрежно, как с куском веревки или с цепью.

— Я выбрал для тебя платье,— продолжал он.— Мойся быстрее и иди одеваться, а то вода остынет. Мы с Пердиксом тоже хотим выкупаться.

Икар и Пердикс заняли освободившуюся ванну. Слива в ней не было, и, чтобы наполнить ее вновь, слугам Аякса пришлось бы вычерпывать воду. Пока Икар плескался, сетуя на медлительных сестер, из-за которых приходится мыться в холодной воде, Тея рассматривала платье, которое он для нее выбрал. Оно было очень смелым — малиновая юбка, расшитая золотыми головами Горгон, на пышных рукавах змеи, а открытый лиф обнажает грудь. Тея улыбну-

лась, подумав о том, какой у ее брата вкус, и выбрала более скромный наряд. Грудь прикрывала тонкая прозрачная ткань. Рукава шафранового цвета доходили до локтей, а юбка, поддерживаемая обручами, расширялась книзу, как аметистовый колокол.

— Он будет разочарован,— заметил Икар, входя в комнату.— Он ведь просил, чтобы ты оделась, как женщина.

— А я как одета?

— Ты прекрасно понимаешь, что он имел в виду. Ему хочется посмотреть на твою грудь. Мирра всегда говорила, что твои груди, как дыни, а если они будут расти, то превратятся в тыквы. Он, наверное, почувствовал себя огородником.

— И так все видно.

— Да, но так они кажутся меньше. Может, тебе покрасить соски кармином?

— Ты хочешь, чтобы я выглядела, как девица из Моабитского храма? — запротестовала она, хотя на Кноссе принято было красить соски не только в храмах.

— Чего не сделаешь, чтобы успокоить его,— заметил практичный Икар.

Она вдруг подумала: «Он даже не подозревает, что в действительности нужно от меня Аяксу. Он до сих пор считает, что женщина доставляет мужчине удовольствие, лишь показывая ему грудь и иногда разрешая поцеловать себя».

— Понимаешь,— продолжал он,— если ему понравится твое платье, он, может быть, не заставит тебя целовать его.

— Если ему понравится мое платье, он как раз заставит меня целовать его.

Икар выглядел крайне удивленным.

— Ну, это уж слишком. Нельзя же все получить сразу.

— Ахейцы жадные. Поэтому они и пришли на Крит.

— Тогда ты права, что прикрываешь грудь.

Он нашел в сундуке янтарную подвеску и надел ее Тее на шею. От этого грудь будет казаться еще меньше.

Она заколола локоны медными булавками с маленькими совами на концах, нарумянила щеки охрой[10] и подтемнила веки. Это было не тщеславие, а требовательность. Она одевалась не для того, чтобы быть красивой, а чтобы соблюсти обязательный ритуал, которым подчеркивала всю глубину и строгость древней культуры. Она пользовалась косметикой, чтобы восстановить порядок, который из-за землетрясений и ахейцев грозил рухнуть и превратиться в хаос.

Не успела она закончить свой туалет, как появился Ксанф. В руках он держал огромное блюдо с виноградом, фигами и гранатами. Оставив его, он вышел и вернулся с медным кувшином вина и двумя чашами, которые поставил на каменный столик с тремя ножками. Затем с помощью углей из переносного очага он зажег льняные фитили глиняных ламп и отправился за своим хозяином.

— Ксанф,— сказал Аякс, входя в комнату с видом мужчины, готового насладиться женщиной и вызывающего этим зависть у всех остальных,— встань вместе с Зетесом у двери и следи, чтобы нас никто не беспокоил.

Уходя, Ксанф так плотоядно посмотрел на Тею, что она тут же перестала жалеть его, несмотря на изуродованные уши.

— Ты ляжешь спать там,— сказал Аякс Икару. Он протянул мальчику подушку и указал на пол рядом с ванной.— А мы с твоей сестрой пообедаем.

— Я не хочу спать,— ответил Икар.— Еще рано, и я проголодался.

— Возьми фрукты, но есть их будешь в ванной.

Икар без всякого энтузиазма посмотрел на фрукты, а затем перевел взгляд на сестру, будто надеясь получить от нее какой-нибудь знак. Было ясно, что у Аякса на уме поцелуи. Что же теперь им делать?

Но Тея ничем не могла ему помочь. Она онемела от страха. Неприятное происшествие перерастало в катастрофу. Аякс без малейших усилий мог переломать ей все кости.

— Знаете,— храбро продолжал Икар,— я не столько хочу есть, сколько побеседовать с вами. Мой прапрадядюшка говаривал: «Хорошая компания стоит жареного фазана, кувшина с вином и целой горы медовых лепешек».

К Тее вернулся дар речи:

— Икар хотел бы посидеть с нами за столом. Понимаешь, он никогда не был знаком ни с одним воином, кроме своего отца. Покажем ему, как обращаться с кинжалом.

— Да,— сказал Икар, протягивая руку к бронзовому кинжалу с хрустальной рукояткой, заткнутому у Аякса за поясом.— Такого большого я раньше никогда не видел. Даже дикий вепрь...

Не успел он закончить предложение, как Аякс обхватил его своими огромными ручищами и швырнул на пол ванной комнаты. В этой сцене было что-то почти семейное. В объятиях гиганта коренастый критянин казался крошечным мальчу-

ганом, которого рассерженный, но любящий отец пытается уложить спать. Тея вспомнила, что Аякс упоминал о дочери.

К тому моменту, как Аякс вернулся в комнату, захлопнув за собой дверь, укрепленную на вертикальном деревянном стержне, у Теи уже готов был план. Еще в одиннадцатилетнем возрасте, до того, как они с Икаром переселились из Кносса в Ватипетро, она научилась отвергать ухаживания влюбленных в нее мальчиков; на солнечном Крите молодые тела созревают так же быстро, как сочные финики, и любовь приходит очень рано.

Улыбнувшись, Тея предложила Аяксу сесть.

— Он очень одинок,— сказала она, указывая на закрытую дверь, за которой — в этом она ни на минуту не сомневалась — стоял на коленях Икар и подслушивал.— Ему так не хватает мужского общества. Дело в том, что нашего отца три года назад убили пираты.

— Ахейцы?

— Да,— сказала она со вздохом.— Они напали на корабль, на котором он плыл в Закрое,— придумать трогательную историю было нетрудно.— Нас вырастили женщины. Не мать — она умерла, когда родился Икар,— а служанки и тетушки. И всегда вокруг были только женщины. Как нам не хватало мужчины!

Тея протянула Аяксу чашу с вином. Он с большой осторожностью пригубил ее, будто боясь, что вино отравлено. Затем она подошла поближе и приложила свою ладонь к его лбу.

— Разреши мне омыть твою рану,— сказала Тея.— Представь, что я твоя дочь. Когда отец был жив, я всегда лечила его мазями и расчесывала его спутанные волосы. Как и ты, он был воином и нередко возвращался домой весь израненный.

Но Аякс грубо и отнюдь не по-отцовски схватил ее за запястья и усадил к себе на колени.

— Юбка тебе идет,— сказал он, залпом опустошив чашу.— А блуза — нет.

Одним неожиданно ловким для такой массивной и тяжелой руки движением он сорвал прозрачную ткань, прикрывавшую грудь Теи. От него воняло кожей и потом. Наверное, он не мылся неделями, а может, и месяцами, снимая с себя только доспехи и оставаясь в той же тунике, в которой сражался (и не в одной битве, подумала Тея; она была насквозь пропитана кровью, грязью и пищей). И еще, все его тело заросло волосами: ноги, руки, даже из сандалий торчали

волосы. Он походил на огромного волосатого козла и, как козел, казался не страшным, а глупым. Она еще не знала, что сильный дурак — самый опасный.

— Ты, наверное, хочешь еще вина,— сказала Тея, пытаясь высвободиться.

Может, ей удастся напоить его. Известная всем пословица, по-разному излагаемая критянами, египтянами и вавилонцами, гласит: от вина желание растет, а возможность его удовлетворить уменьшается.

— Не вина, а этого.— Он впился в ее губы, и поцелуй его сильно отдавал луком.

Тея вспомнила, что ахейские солдаты действительно жевали его во время марша. У нее появилось ощущение, будто тяжелые мужские сапоги безжалостно давят нежные дары, приносимые в святилище Великой Матери, стоящее на самом берегу моря,— ракушечник, багрянку и морские звезды. В отличие от богобоязненных женщин Израиля — далекой страны, где живут древние племена пастухов,— Тею не пугало бесчестье. Будучи трезвомыслящей критянкой, она понимала, что для нее нет ничего позорного в том, что Аякс намерен взять ее, свою пленницу, силой. Но его грязное, уродливое, волосатое тело вызывало у нее отвращение, и ее оскорбленная женская гордость (не забывайте, что ее предки больше всего почитали Великую Мать-богиню) восставала против насилия. Ее заставляли делать то, что ей казалось даже не безнравственным, а уродливым и унижающим достоинство, и это было самым большим нарушением существующей гармонии.

Поцелуи Аякса становились все более страстными. Тея крепко стиснула зубы, пытаясь увернуться от его ищущего языка. Отвращение поднималось в ней темной горечью болиголова.

— Мой змей уполз,— раздался вдруг из-за двери громкий и решительный голос.

Аякс вскочил на ноги, и Тея, внезапно оказавшись на полу, ощутила его приятную прохладу. Поднявшись на колени, она заметила приближавшегося змея. Он был небольшим и совершенно безобидным, но быстро мелькавший раздвоенный язычок делал его похожим на одну из тех ядовитых гадюк, которые живут в пустынях Египта. Аякс схватил стул и принял позу солдата, защищающего от вражеской армии мост.

Икар успел предотвратить эту встречу.

— Не пугай его,— сказал он, запихивая змея обратно в свой мешочек,— а то укусит.

— Стража!

В дверном проеме со стороны светового колодца появился Ксанф. На его лице застыло ожидание, он явно рассчитывал посмотреть на оргию.

— Ксанф, возьми этого щенка вместе с его змеей, затолкай в ванную и не давай им оттуда высунуться, даже если придется их утопить.

На сей раз дверь за ними окончательно захлопнулась.

— Вы, критянки,— ухмыльнулся заросший волосами Аякс, угрожающе надвигаясь на Тею,— дразните, кокетничаете, показываете свои груди, а потом вдруг заявляете: «Нет, старый, волосатый варвар, не трогай меня». Мы варвары, да? Ладно, пусть так, зато мы-то уж знаем, что надо делать с женщинами.

— Отец убьет тебя, если ты посмеешь хотя бы дотронуться до меня.— Ее слова острыми льдинками пронзили воздух.

— Да? Он вернулся от Гадеса? Того, кто ускользнул от Персефоны, действительно стоит бояться.

Несмотря на золотистую бороду, Аякс казался воплощением всего темного и злого, как черный смерч, несущий огонь и камни. Запах, исходящий от его тела, щипал ноздри Теи, как вулканическая пыль. Чувствуя свое бессилие, она в отчаянии сжала кулаки и в этот момент вспомнила про булавки, которыми были заколоты ее волосы...

Ахейцы, несущие зажженные факелы, удалялись все дальше и дальше, подобно рыбачьим лодкам, уходящим в ночное море, и наконец Тея и Икар остались в полной темноте, которая, как черный шерстяной саван, накрыла их и притупила все их чувства. В воздухе противно пахло летучими мышами. Икар сжал руку сестры, отчасти от страха, отчасти пытаясь ободрить ее. Она была очень напугана, гораздо больше, чем он, так как Икар познакомился со всеми грозными ликами природы — пещерами, скалами, бурными реками — уже давно, во время своих вылазок из дворца в Ватипетро.

— Если бы ты ударила его в другое место, он, может, и не рассердился бы так,— сказал Икар, но упрека в его голосе не было.

— В другое место — не остановило бы его.

— Да, его, конечно, надо было остановить,— согласился Икар.— Я слышал, как он кричал на тебя. И, потом, все эти поцелуи.

Сейчас не время было растолковывать Икару то, что он так упорно отказывался понимать еще тогда, когда ему пыталась объяснить это Мирра. Похоже, они находились в пещере минотавра.

Тея крепко прижала к себе брата, а он положил ей на плечо свою большую голову.

— Прости меня,— сказала она.— Прости меня, мой маленький братишка.

— Я ведь хотел оказаться в Стране Зверей,— напомнил ей Икар. Он, конечно, был напуган, но все же не настолько, чтобы позволить себе эти телячьи нежности.— Вот мы и оказались в *ней*.

— Но ты не хотел попасть к минотавру.

— Пердикс принесет нам удачу.

— Но не спасет от минотавров. Они слишком большие.

— Может, как раз этот сейчас вышел из своей пещеры пообедать.

— Боюсь, он обедает дома. Тсс...— шепнула вдруг Тея — послушай.

Они услышали топот ног (а может, копыт?), а затем низкое, протяжное мычание, постепенно усиливающееся и наконец переросшее в рев разъяренного быка, от которого стыла кровь. Тошнота своими волосатыми паучьими лапками сдавила горло Теи.

— Мать-богиня, он идет! — простонал мальчик.

— Мы должны разойтись в разные стороны,— сказала Тея.— Иначе он поймает нас обоих. Попробуем в темноте проскользнуть мимо него, встретимся у входа в пещеру.

— Думаешь, он не заметит нас? Это ведь его собственное логово. Он здесь все знает.

— Нельзя гнаться сразу за двумя.

— Пусть сначала ловит меня. Если он ест медленно, у тебя появится шанс на спасение.

— Он сам выберет.

Тея надеялась, что это будет она. Если у минотавра не только бычьи, но и мужские инстинкты, он предпочтет девушку.

Тея отпустила руку Икара, и тот, чуть помешкав, порывисто обнял ее и скрылся в темноте, громко шаркая сандалиями по земляному полу пещеры. Она хотела позвать его, но вовремя остановилась. Не надо привлекать внимание минотавра. Держась за стены, Тея ощупью стала продвигаться вперед. Капли влаги стекали по ее рукам, как кровь. Она

споткнулась и рассекла о сталагмит колено — на ней была уже не пышная длинная юбка колоколом, в которой она встречала Аякса, а ее обычная короткая. Воздух был наполнен смрадом — сладковатым запахом разлагающейся плоти и засохшей крови. Тея часто останавливалась, чтобы перевести дыхание. Страх высосал из нее все силы, она чувствовала себя так, будто, пытаясь войти в бурное море, была выброшена сильной волной на берег вместе с обломками деревьев и раковинами. Постепенно глаза ее привыкли к темноте, и она стала различать длинные сталактиты, свисавшие с потолка, как морские водоросли, которые видит ныряльщик у себя над головой.

«Почему я боюсь минотавра больше, чем Аякса и его головорезов?» — вдруг подумала Тея. В Кноссе она часто смотрела игры с быками, и однажды у нее на глазах погиб юноша, но бык не был в этом виноват. Юноша пытался перепрыгнуть через него, но, делая сальто, не рассчитал и напоролся прямо на рога. Бык вовсе не выглядел кровожадным, он, скорее, казался удивленным и даже опустил голову, чтобы легче было снять с рогов тело.

Где-то далеко послышались неясные, приглушенные звуки (может, это голос Икара?), а затем вновь протяжный устрашающий рев.

Бык, который ходит на двух ногах,— вот это и есть самое страшное. Он хитер, как человек, и так же расчетливо жесток. Человек-зверь — ужасное, злобно ревущее чудовище с безжалостным сердцем.

Острая тоска по Икару вытеснила страх. Тея вспомнила, какой он быстрый и подвижный, и всегда куда-то бежит, как шустрая лесная мышь. Из-за копны густых волос голова его кажется чересчур большой, и он, в отличие от сестры, никогда не прикрывает волосами свои острые уши. А его детские игры и отнюдь не детская смелость! Ей пришлось прикусить язык, чтобы не выкрикнуть имя брата. Она обернулась и увидела глаза смотрящего на нее минотавра и его огненно-рыжую спутанную гриву.

Я был страшно голоден, когда вошел в пещеру. Раз в неделю крестьяне, живущие неподалеку от леса, приносят мне освежеванные туши животных. Чтобы поддержать свою репутацию, я издаю громкий рев, а затем забираю домой мясо и готовлю его в своем саду. Они называют меня минотавром — быком, который ходит, как человек.

И хотя мой рост семь футов, я вовсе не какое-то чудовище, а последний из старого и славного рода, поселившегося на острове задолго до того, как критяне пришли с востока. Если не обращать внимание на острые уши (а это отличительная черта всех зверей), на короткие рога, почти скрытые волосами, и не очень бросающийся в глаза хвост, то можно сказать, что во мне гораздо больше человеческого, чем бычьего, хотя мои густые рыжие волосы, незнакомые с гребнем, иногда принимают за гриву.

Как уже было сказано, я пришел в пещеру ужасно голодным. У меня выдался трудный день. Тельхины, мои гранильщики драгоценных камней, поссорились, а потом и вовсе разодрались, наставив друг другу синяков своими инструментами, и, в довершение всего, опрокинули чан с только что забродившим пивом. В животе у меня урчало от предвкушения жирненького, аккуратно освежеванного барашка (а может, и двух), который вскоре окажется на вертеле в моем саду.

Едва я вошел, как сразу же услышал шум. Я тут же остановился. Неужели на сей раз принесли не убитый и не освежеванный обед? Возмутительно! Похоже, когда стемнеет, придется мне отправиться в деревню и как следует попугать этих ленивых крестьян.

Но нет. Это были человеческие голоса. Крадучись, я продвигался вперед по извилистому коридору, получившему название Пещера минотавра, хотя правильнее было бы назвать его кладовой. Затем я остановился, внимательно огляделся и втянул носом воздух. Сильно пахло человеком. Засада? Но с чего бы им устраивать минотавру засаду? Я хорошо вижу в темноте, а нюх у меня ничуть не хуже, чем у медведя. Осторожным, но уверенным шагом я отправился дальше Я...

Бах!

Камень упал прямо мне на копыто. Я взревел от боли, подпрыгивая на одной ноге. Вот тут-то я и заметил того, кто напал на меня. Он притаился на выступе скалы под самым потолком и уже держал наготове следующий камень.

Это был мальчишка лет пятнадцати, вполне симпатичный, с копной зеленоватых волос и острыми ушами. Судя по ушам, не говоря уж о волосах, он был звериной породы. Во всяком случае, наполовину. Мне понравились обе его половинки. Хорошо иметь такого брата. Вместе с ним вырезать лук из кедровых веток и ловить рыбу гарпуном, сделанным из заостренного ивового прута, а когда придет время, позна-

комить его с дриадой Зоэ и ее веселыми друзьями, которые научат, как вести себя с девчонками.

— Давай, слезай оттуда,— крикнул я.— Ты ведь не голубая обезьяна. Я тебя не трону.

— Ой,— удивился он.— Ты разговариваешь, да еще по-критски.

— А ты что думал, я замычу или заговорю по-хеттски? На самом деле, это твои предки переняли язык от моих несколько сот лет назад.

— До сих пор я слышал только твое мычанье.

Он уже слезал вниз со своего выступа.

Я подхватил его и, решив подшутить, неожиданно изо всех сил замычал. Он, конечно, задрожал, но продолжал смотреть мне прямо в глаза.

— Не надо было так быстро слезать,— пожурил его я.— Может, я хочу тебя подманить и съесть.

— Но ведь ты обещал, что не тронешь.

— Нельзя верить всему, что тебе говорят. Если бы я был киклопом, я бы улыбался, льстил, а потом запихнул тебя в котел.

— А что мне надо было делать?

— Немного поспорить, потребовать доказательств, что я не причиню тебе вреда, вообще выяснить мои намерения.

— Но ведь ты меня не съел, а я сэкономил время и не задавал ненужных вопросов. Я хочу познакомить тебя с моей сестрой.

Сердце у меня упало, и я почувствовал, что иду ко дну, как рыбачья сеть, которую тянут вниз грузила. Сестра такого мальчика наверняка благородная дама. Должен вам сразу объяснить, в чем дело: легкомысленным девицам я всегда очень нравился, но благородные дамы не пускали меня даже на порог. Я наверняка напугаю ее, и она скажет (или, будучи воспитанным человеком, подумает), что я грубый дикарь. Она захочет, чтобы я причесывался, сбривал с груди шерсть и подравнивал кисточку на хвосте. Она будет испуганно вздрагивать, когда я ругаюсь, и сердито смотреть в мою сторону, как только я попытаюсь выпить кружку пива, и, конечно, ей не понравятся мои друзья — Зоэ, ее подруги-дриады, Мосх и другие кентавры.

— Не уверен, что она захочет познакомиться со мной,— ответил я.

— Она будет просто в восторге. Она думала, что ей придется развлекать и тебя тоже.

Мы пошли к ней, а по дороге Икар рассказывал мне о своих приключениях. Эта встреча изменила всю мою жизнь.

Глава III
ОБЛОМАННОЕ ДЕРЕВО

Знаете ли вы, что такое керамическая посуда в стиле камарес? Стенки ее тонки, как яичная скорлупа, и сплошь покрыты изображениями морских существ — анемонов, летающих рыб и извивающихся осьминогов.

Кажется, одно лишь прикосновение — и она разлетится на мелкие кусочки, но даже через сотни лет такую чашу еще можно будет наполнить вином, медом или поставить в нее цветы. Такой же была и Тея. Волна нежности захлестнула меня, как только я увидел, какая она миниатюрная и хрупкая. Но в то же время я заметил и ее силу. Стройная, словно пальма, с тонкой талией, но пышной, как у Матери Земли, грудью, она держала перед собой маленькие, крепко сжатые кулачки, готовая защищаться. Икар побежал вперед и взял ее за руку:

— Не бойся, он хочет стать нашим другом,— и добавил с гордостью: — Несмотря на то, что я здорово ударил его камнем.

Я неуклюже переминался с копыта на копыто, судорожно думая, что же мне такое сказать, чтобы успокоить ее.

— Он прав. Действительно, мне хочется стать вашим другом, а тебе вовсе не нужно меня развлекать,— неожиданно ляпнул я, заикаясь, и тут же умолк.

Сказать такое даме — верх бестактности, да еще моя физиономия, на которой вот уже двадцать шесть лет написано, что я неотесанный деревенщина. Понятно, что я ожидал увидеть недовольно поднятые брови, холодную улыбку, а затем получить звонкую пощечину.

Но она взяла меня за руку, точнее, за лапищу, так как ее маленькие пальчики не смогли бы обхватить даже мое запястье. В ответ я очень осторожно, будто сжимая хрупкое яйцо дрозда, пожал ее руку.

— Мы явились к вам незваными гостями. Если вы позволите нам остаться, мы будем очень благодарны,— сказала она.

— Я живу вовсе не здесь,— воскликнул я в ужасе.— У меня прекрасный дом в лесу.

Если бы на ее месте была Зоэ, то слова сыпались бы, как фрукты из рога изобилия, и от собственного красноречия я при-

шел бы в отличное расположение духа. Но сейчас я был очень напуган и пытался прикрыть свой страх напускной сердитостью.

— Можно нам...— начала было она.

— Идите за мной,— проворчал я, затем повернулся к ним спиной и зашагал к выходу из пещеры.

Но вскоре, не слыша за собой шагов, я остановился и оглянулся. Они, спотыкаясь и падая, с трудом перебирались через острые сталагмиты. Тея расшибла колено, и Икар взял ее за руку. Тогда я вернулся, поднял Тею на руки, а Икару велел забраться ко мне на спину.

— Можно, я возьму к тебе на спину своего змея? — спросил он.

— Змеи,— ответил я,— символы плодородия и семейного очага. Они приносят хороший урожай и удачу в семейной жизни. Кроме этого, они всегда чьи-нибудь предки.

— Это наш прапрадядюшка,— сказал Икар. Он замахал руками и крикнул:

— Но-о!

— С двумя седоками я могу лишь бежать вприпрыжку, а если ты хочешь скакать галопом, то для этого придётся поискать кентавра. Пригни голову, а то ударишься.

— Гораздо лучше, чем из гусиных перьев,— пробормотал мальчик, сооружая из моих волос подушку, а Тея лежала у меня на руках доверчиво и спокойно, как спящий ребенок. Меня вдруг осенило, что отправлялся я в пещеру за своим обедом, а нашел там семью. Это накладывало на закоренелого и довольно беспутного холостяка, коим я являлся, огромную и такую пугающую ответственность.

Выйдя из пещеры, я посадил их на мох и перевел дыхание.

— Какие громадные! — закричал Икар, разглядывая окружавшие нас деревья, похожие на высокие египетские обелиски.— В таких ветвях можно даже дома строить.

— Или в стволах,— сказал я.— Дриады живут именно в них.

Вокруг стояли кедры, покрытые пучками иголок и маленькими, торчащими кверху шишечками, мощные, усеянные желудями дубы, кора которых потрескалась, как старая сброшенная змеиная кожа, и кипарисы, гибкие и женственные, с матово поблескивающими в лучах солнца листьями.

— Какие они грустные,— сказала Тея, указывая на кипарисы.— Как все женщины, познавшие муку деторождения или безответную любовь, бьющуюся, как ласточка в клетке.

— И все же,— ответил я,— они идут на это и переносят испытания с достоинством. В них не только грусть, но и смелость.

— Да, конечно,— согласилась она.— Прости мне мое мрачное настроение. С тех пор, как мы лишились дома, я будто попалась в сети тоски, из которых мне никак не выбраться.

Я понимал, что ей нужно. Ей необходим был дом, где она могла бы спрятаться от леса, ахейцев и — кто знает? — может, и от минотавров тоже. Ей хотелось иметь теплый очаг, отца и, наверное, мужа (ведь она уже вполне созрела для замужества).

— Пойдем,— обратился я к ней.— В моем доме мы будем в полной безопасности. И ты избавишься от чувства одиночества.

Она улыбнулась мне, и в ее улыбке были нежность и доброта, пришедшие еще из тех времен, когда не было Вавилона и пирамид в Гизе, хранящих мумии египетских фараонов. Лучи вечернего солнца коснулись ее волос, и они вспыхнули нежным дымчатым сиянием. «Почему лес для тебя остается чужим? — подумал я.— Ведь цвет твоих волос — это коричневый цвет плодородной почвы, на которой взрастает ячмень, и зеленый цвет нежных побегов, тянущихся к солнцу; это листья, трава и еще незрелый виноград. Коричневый и зеленый. Два цвета Земли. Почему ты боишься леса?»

Сквозь голубую дымку времени я увидел себя совсем еще подростком. В ветвях большого дерева показались плачущая девочка и маленький смеющийся мальчик, размахивающий розовым кулачком, и дриада, их мать, расчесывающая в лучах солнца свои волосы. И он, не зверь, а человек.

К моему дому мы направились по тайной тропе, которую можно было найти по опознавательным знакам: гнезду дятла, муравейнику, сложенному рыжими лесными муравьями, камню, похожему на кулак, и пню, помеченному черной краской. По дороге мы познакомились поближе, и Тея с Икаром рассказали мне о себе и о том, как попали в лес. Временами мы шли почти в полной темноте. Ветви, плотно сплетенные над нашими головами, не пропускали свет, и лишь изредка сквозь них пробивались отдельные золотистые лучики. Было душно и сыро, воздух давил на нас, и казалось, что мы передвигаемся по дну моря. Где-то высоко, как рыбы, мелькали голубые обезьяны, перелетающие с дерева на дерево, и только их крики напоминали о том, что вокруг нас деревья, а не кораллы или голотурии [11]. Тея, весело помахав им рукой, подозвала обезьяньего вожака и усадила к себе на плечо, обернув его хвост вокруг своей шеи наподобие ожерелья.

— У меня в Ватипетро была обезьяна.— Тея улыбнулась: — Они не принадлежат лесу. Они совсем ручные, как египетские коты.

— Слишком ручные,— заметил я.— Поэтому они нередко попадаются в лапы к медведям, и те их съедают.

— Смотрите-ка,— вдруг закричал Икар.— Целое море цветов, а в середине маленькая коричневая крепость.

— Цветы называются гусиный лук,— сказал я и скромно добавил: — А крепость — мой дом.

Раньше это был не дом, а просто дуб, огромный, как кносская арена для игр с быками, но после того, как в него ударила молния, остался лишь ствол высотой в двадцать футов, служивший теперь деревянной стеной, в которой наверху были проделаны узкие амбразуры на случай осады. Внутрь вела широкая дорожка. Я подошел к двери и позвонил в прикрепленный к ней овечий колокольчик. За дубовой стеной, выкрашенной в красный цвет, послышалось быстрое топанье тельхина, спешившего отодвинуть задвижку. В лесу всегда нужно держать дверь на запоре. Как говорится в старой пословице — где нет замков, там есть трии. Застенчивый тельхин сразу же убежал, даже не поздоровавшись с нами. Он, как и все его соплеменники, боялся чужих. Однако в своей компании тельхины не такие уж тихони. Они любят похвастаться, бегают к девицам и обожают померяться друг с другом силой.

Я выбрал всю сердцевину дуба, и получилась стена, окружающая сад. Там я поставил складной стул, сделанный из цитрусового дерева, большой тростниковый зонт, похожий на те, с которыми критские дамы прогуливаются вдоль берега моря, и вертел для жарки мяса, глиняный очаг, чтобы печь хлеб и медовые лепешки. Кроме того, я соорудил фонтан, в который подается вода из горячего источника. В нем я принимаю ванну, а также мою посуду. Вокруг фонтана посажена тыква самых разных сортов, чечевица, по решетке вьется виноград, а рядом растет маленькое стройное фиговое деревце, дающее очень крупные плоды. А между очагом и зонтом — мои любимцы, маки с алыми лепестками и черными сердцевинками. И пусть только какой-нибудь сорняк посмеет закрыть от них солнце или же вороны решат поклевать бутоны — не поздоровится ни тем, ни другим, и даже сам Зевс им уже не поможет.

Я всегда считал, что не надо исправлять природу, а сад — ее естественное продолжение. Я никогда не сажал цветы ря-

дами, и нередко мои инструменты были разбросаны в живописном беспорядке по всему саду, будто упавшие с дерева ветви. Но Тея привыкла к аккуратным дворцовым дворикам. Почувствовав на себе ее укоряющий взгляд, я поспешил поднять грабли, бормоча при этом: «Не понимаю, как они здесь оказались», хотя, конечно, я сам положил их сюда еще три недели назад и каждое утро старательно переступал через них.

Мы спустились вниз, в мое находящееся под садом жилище, по винтовой лестнице, которая своей формой напоминала сердцевину раковины. Один из тельхинов зажег лампу, свисавшую с потолка на цепи, сделанной из сплава золота и серебра. Она раскачивалась от потоков воздуха, попадавших сюда с улицы. Стенами этого убежища служили скрученные корни, закрепленные так, чтобы получилась ровная поверхность, а более крепкие из них, напоминавшие слегка изогнутые сучковатые колонны, делили комнату на укромные уголки. Можно сказать, я отвоевал для себя небольшой кусочек леса. Нет, не отвоевал, никогда не любил я это слово. Довериться лесу, вручил свою жизнь переплетающимся корням, удерживающим толстый слой почвы у меня над головой и под ногами, охраняющим меня и дающим мне силу. В них и красота, и польза. Подобно тому, как кусок дерева, долго пролежавший в воде, попадая в огонь, окрашивается в разные цвета, мои коричневые корни отливали в свете глиняной лампы малахитом, янтарем и лазуритом — цветом моря, леса и неба. Так же как волосы Теи, ведь коричневый цвет не простой, в нем живет много разных оттенков, их надо только пробудить к жизни нежным прикосновением луча света.

Мертвые корни были абсолютно сухими, на полу лежали циновки из тростника, два открытых очага давали приятное, ровное тепло. В комнате было уютно, как в беличьем гнездышке. Много ночей провел я здесь со своими друзьями. Мы потягивали пиво, беседовали, и вскоре начало казаться, что корни над нашими головами шевелятся, превращаясь в больших добрых змей, и духи-покровители предлагают нам свою поддержку и защиту. Но любил я и просто почитать. Самым дорогим для меня предметом был низкий цилиндрический сундучок, в котором хранились свитки: «Блаженны ли Блаженные острова?», «Песни кентавров», «Стук копыт в Вавилоне». Я читал это, чтобы хоть отчасти компенсировать недостаток личных впечатлений — я ведь совсем не путешествовал и почти не выходил за пределы леса. Как сказал бы прапрадядюшка

Икара, «не путешествовавший минотавр — это голодный минотавр, и чтение заменяет ему пиво и медовые лепешки».

Но уютные комнаты не всегда бывают чисто прибраны, и утром, вовсе не ожидая гостей, я сложил в кучу рядом с ручной мельницей кухонную посуду, блюдо с остатками хлеба и треножник, на котором я готовил жаркое из ласточкиного гнезда. В мельнице я мелю зерно, и как раз сегодня я совершенно случайно просыпал на пол муку.

— Пойду поищу что-нибудь на ужин,— сказал я.

Вы, наверное, помните, что в моей пещере не оказалось мяса, а хищные тельхины скорее превратятся в каннибалов, чем начнут есть овощи.

— Но сначала покажу вам вашу комнату. Я устроюсь здесь, а вы можете занять мою спальню.

Она находилась у самой лестницы — круглая и уютная, как нора кролика, маловата для меня, но достаточно большая для Теи и Икара. Пол был устлан мхом и пуховыми подстилками из птичьих гнезд. Из мебели там были только стул на трех ножках и сундучок, в котором я держал тунику на случай холодной погоды и круглые сандалии, специально сшитые по форме моих копыт. В них я ходил в карьер собирать драгоценные камни.

Икар бросился на пол и издал радостный вопль, сравнимый лишь с криком осла, с самого раннего утра тащившего тележку и наконец с заходом солнца вернувшегося домой, к своей соломенной подстилке.

— Мягко, как на клевере,— сказал он, устраиваясь поудобнее и вынимая из кармана Пердикса, чтобы тот сам нашел себе место.

Но Тея, как я заметил, не разделяла его восторга. Честно говоря, я ждал, что она похвалит комнату. Вместо этого она пошевелила ногой птичий пух, проверяя, достаточно ли он чистый. И тут я понял, что жилище мое абсолютно непригодно для женщины.

— Завтра мы найдем для тебя все необходимые туалетные принадлежности,— пообещал я.— У одного моего друга есть вавилонское зеркальце. Оно имеет форму лебедя, а лебединая шея служит ручкой.

— У тебя чудная комната,— сказала она, всячески пытаясь скрыть свою неискренность.— Извини меня, я, наверное, слишком привередлива, но я очень устала.

— Я принесу тебе корыто с горячей водой.

Поднимаясь по лестнице, я вдруг вспомнил, как одна капризная дриада (это была не Зоэ) сказала, что мне надо подстричься: состричь волосы со всего тела. Да, я косматый, нечесаный и неряшливый, и дом у меня такой же.

В саду я нашел корыто, в котором обычно мыл овощи, поставил его в фонтан под струю воды и стал думать, что же приготовить на обед. В огороде есть фиги и тыквы, можно испечь хлеб, набрать грибов, яиц дятла и сделать омлет. Но чем заменить мясо? Может, я еще успею до темноты подстрелить несколько зайцев...

И тут я услышал крик. Порой женский крик означает следующее: «Мне нужна твоя помощь, но спешить не обязательно. *Я просто пытаюсь таким образом привлечь к себе* внимание и подчеркнуть свою беспомощность». Но в крике Теи слышался совершенно искренний ужас; он растекался по всему пространству, как яд болиголова. В два прыжка я подскочил к лестнице, буквально слетел вниз, почти не касаясь ступеней, и сразу понял, в чем дело. На полу, сжавшись в комок, сидел тельхин, от ужаса едва поводя своими усиками. Неподалеку от него, угрожающе размахивая стулом, стояла Тея и громко кричала: «Прочь, пошел прочь!»

Это была ее первая встреча с тельхином, небольшим существом трех футов роста, наделенным почти человеческим разумом. Благодаря своим ловким лапкам, тельхины являются самыми искусными гранильщиками драгоценных камней, и ни один человек, каким бы хорошим мастером он ни был, не может сравниться с ними в умении обрабатывать камни и вставлять их в оправу. Но Тея заметила лишь огромную шарообразную голову, глаза, состоящие из множества граней, и черный панцирь.

— Оно сползло с лестницы,— зашептала она.— А потом, шевеля своими усами, направилось ко мне.

— Он искал меня, ты ему не нужна,— ответил я довольно резко, делая ударение на *он*, так как заметил, что презрительное оно сильно обижает тельхина.

— Он понимает каждое твое слово и совершенно безопасен. Опасность он может представлять только для другого тельхина.

Я погладил его усики. Тельхин стал успокаиваться и передал это благодарным жужжанием, колебания от которого я ощутил своими пальцами. В этот момент проснулся Икар. Он поднялся на ноги и, ни минуты не сомневаясь, направился прямо к все еще дрожавшему тельхину. Встав на колени, он склонил голову к самому панцирю.

— Как его зовут? — спросил он.

— Тельхины скрывают свои имена. Они известны только их ближайшим родственникам. Зови его Бион.

— Бион,— сказал Икар,— я хочу, чтобы ты познакомился с Пердиксом.

Довольное жужжание превратилось почти что в рычание.

А Тея тем временем начала плакать.

— Не плачь,— сказал я.— Он тебя уже простил.

— Но я-то все еще боюсь. Я всего боюсь здесь, в лесу!

— И меня?

Она долго не отвечала.

— Сначала, в пещере, боялась. Даже после того, как Икар сказал, что ты наш друг. А сейчас — нет. Я перестала бояться, когда увидела твои цветы, а лес по-прежнему пугает меня. Я думала, что буду здесь в полной безопасности, но, когда появился Бион, мне показалось, что лес преследует меня повсюду.

— Это действительно так,— сказал я,— но сейчас ты видишь лучшее, что есть в нем. Лес, как человек или зверь, бывает очень разным. Бион скорее съест своего брата, чем сделает что-нибудь дурное моим гостям. Так ведь, Бион?

— Я ужасная трусиха, Эвностий.

— Ты была очень смелой, когда, увидев меня в пещере, стала размахивать кулаками прямо перед моим носом.

— Это только так кажется, на самом деле сердце у меня ушло в пятки от страха.

— Неважно, где у тебя сердце, если при этом у тебя не дрожат колени. За последние два дня произошло достаточно событий, от которых сердце может уйти в пятки. Вы лишились дома, потерпели крушение на планере, попались в лапы к Аяксу, встретились в пещере с минотавром. Но все это уже позади.

— Да.— Она улыбнулась.— Ты защитишь меня. Теперь я уверена в этом.

Она была первой настоящей дамой, искавшей у меня защиты и покровительства. Но я даже не подозревал, что она надумала заняться моим воспитанием и все переделать в моем доме.

Глава IV

КАК МЕНЯ ПРИУЧАЛИ К СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ

Она никогда не говорила: «Эвностий, ты должен причесаться» или «Сделай себе новые сандалии». Всегда это звуча-

ло следующим образом: «Может быть, ты...» или «Как ты считаешь...» Иногда она действовала через своего брата. Прошло недели две после того, как они появились в моем доме, когда он тихонько сказал мне:

— Тея, конечно, не жалуется, но я думаю, что ей очень тяжело жить без критского водопровода.

— Но у нее ведь есть горячий душ,— запротестовал я,— можно принести корыто. Что же ей еще надо?

— Ей нужен туалет,— поделился своим секретом Икар.

Известно, что на всем побережье Зеленого моря не сыщешь водопроводчиков искуснее, чем критяне. Они не только подают воду в свои дворцы, но и строят известняковые туалеты с деревянными сидениями и, чудо из чудес, с рычажками, регулирующими слив. Я, подобно своим предкам, немного изобретатель, и мне не составило труда отвести часть воды из ручья, текущего в саду, в нужную мне сторону. Тея, со свойственной ей деликатностью, не стала обсуждать мое нововведение, но в знак благодарности сшила мне новые кожаные сандалии. Они так жали копыта, что я ощущал себя мулом, на которого надели цепи. Но чтобы не обидеть ее, мне приходилось, во всяком случае дома, постоянно носить их.

Уходя в лес, я с облегчением скидывал их и, оставив под деревом, бежал по делам. Крестьяне перестали приносить мне в пещеру свою еженедельную жертву — наверное, вместо минотавра они теперь кормили захватчиков,— и я каждый день отправлялся на охоту, чтобы добыть для своих гостей мясо. Однажды во время такой охоты и произошло событие, по сравнению с которым жмущие сандалии показались сущим пустяком. Я первой же стрелой уложил дикую свинью и, перекинув тушу через плечо, направился домой.

— Эй, привет,— из-за деревьев послышался голос кентавра Моска. Он скакал галопом, и клубы пыли взвивались из-под его копыт. Крепкий малый этот Моск, несмотря на возраст. Бока блестят от оливкового масла, мощные мускулы играют, а каштановые волосы гривой спадают на спину. Конечно, они уже не такие густые, как раньше, ведь ему не меньше двухсот лет. Он застал еще те времена, когда звери жили на побережье и щедро делились своими знаниями с очень сообразительными и в те годы вполне дружелюбными критянами. Но возраст украшал Моска, как он украшает дубы и кедры. Во всяком случае, внешне он хорошел, но сообразительностью никогда не отличался: ум стал слабеть у него еще до моего рождения.

Не стоило, обманувшись благородным обличьем, ждать от него мудрых речей. Кроме девиц, похабных анекдотов да игры на флейте, его ничто не интересовало. А заведя разговор на другие темы, он без конца повторялся, надоедая избитыми фразами.

— Слышал про твоих ребят,— сказал он.

— Да? — ответил я уклончиво. Мне вовсе не хотелось знакомить его с ними. Тея явно не придет в восторг от развязного поведения старого кентавра.

— Теперь ты у нас папаша. Хотя, говорят, девчонка уже не ребенок (гм...).

— Да, она взрослая, но ведет очень замкнутый образ жизни,— ответил я несколько высокомерно.

— Тогда самое время устроить пирушку. Сегодня можешь?

— Занят. Буду дубить кожу.— Я указал на свинью, которую держал на плече.

— А завтра вечером?

— Буду камни обрабатывать.— В его прищуренных лошадиных глазах мелькнуло недоверие.

— Я думал, это делают твои работники.

— Слишком много камней, не хватает помощников.

— А послезавтра?

— У тебя дома? — Я вздохнул, чувствуя, что сопротивляться бесполезно.

— Лучше у тебя. Попросторнее и пива больше. Мы с Зоэ придем, когда стемнеет.

— С Зоэ?

— С кем же еще? Мы ведь опять вместе.— И, громко заржав, предвкушая развлечение, поскакал галопом в лес.

Я застонал. Дриада Зоэ и кентавр Мосх. Я искренне любил их, но когда они вместе — оргии не миновать.

Вновь надевая, перед тем как идти домой, сандалии, я напряженно думал, как сообщить Тее о вечеринке.

Тея была в мастерской вместе с моими тремя работниками. С помощью Икара, а также кусочков сырого мяса она завоевала доверие тельхинов — во всяком случае перестала быть для них чужой — и теперь часто приходила посмотреть, как они работают. Они были не только гранильщиками драгоценных камней, но и кузнецами, ткачами, красильщиками, сапожниками и дубильщиками. Множество самых разных инструментов — ткацкий станок, кузнечный горн, наковальня, разнообразные чаны и столы — придавали моей мастерской вид богатого рынка. Тея очень удивилась, решив, что

всю работу выполняют лишь трое, но я объяснил ей, что четвертый работник — это я сам. Подобно своим ныне уже вымершим предкам, я за день делаю столько же, сколько могут сделать четыре человека или два тельхина. И это не хвастовство, а просто констатация факта.

Мастерская освещалась шестью большими светильниками-ладьями, у которых были рыбьи хвосты. Они плыли по воздуху, раскачиваясь на своих цепях. Один из работников стоял у горна, держа над пламенем согнутый кинжал, другой, сидя за столом, счищал с камней грязь и глину, а третий внимательно рассматривал большой сердолик, плоский и округлый, как печать, и покачивал головой в явном недоумении.

Тея наблюдала, как он вновь и вновь вертит камень в своих лапках. В комнате от раскаленного горна было душно и жарко, но Тея в своем пышном шафрановом платье чувствовала себя прекрасно. Насколько я мог заметить, она вообще никогда не потела. Три тщательно уложенных локона спускались на лоб, как подвески в форме улиток.

— Эвностий,— поинтересовалась она.— Ты когда-нибудь видел такой камень?

На его дымчато-серой поверхности сияло маленькое созвездие из шести огоньков, шести светильников, которое бесчисленными россыпями звездочек отражалось в многогранных глазах тельхина, внимательно его разглядывавшего.

— Хочешь кольцо из него? — спросил я.

Она была похожа на ребенка, которому только что предложили подарить дельфина или редкого, с белым оперением, грифона.

— Конечно, но разве тебе не надо обменять его на что-нибудь у других зверей?

Еще раньше я объяснил ей, что каждый зверь вносит свою долю в обеспечение леса всем необходимым. В обмен на семена для сада я отдаю кентаврам камни, дриады мастерят деревянные сундучки и получают за них у трий мед, который те держат в своих огромных шестиугольных хранилищах, и даже маленькие медведицы Артемиды нанизывают на нити черные ягоды гибискуса и выменивают их на кукол.

— Этот камень останется у меня,— сказал я.— Мы можем вырезать на нем все что угодно. Что бы тебе хотелось?

Тея задумалась.

— Голубую обезьяну.— Мысленно она была далеко отсюда, во дворце в Ватипетро, с его аккуратными садиками и,

конечно, рядом со своим отцом, по которому очень тосковала.— Это возможно?

— Голубую обезьяну и...— шепнул я тельхину. Понимающе кивнув, он принялся за работу.

— Можно, я посмотрю? — спросила Тея.

— Нет. Пусть это будет для тебя сюрпризом,— ответил я, а затем как бы мимоходом добавил: — К нам зайдут мои друзья, дня через два, вечером после ужина.

Она ответила не сразу:

— Сколько их?

— Двое. Кентавр и дриада.

— Зоэ,— сказала она.— Ты уже упоминал ее имя несколько раз.— Это прозвучало почти как обвинение.

— Старый друг,— объяснил я.

— Старше тебя?

— Давай посчитаем. Раз в четырнадцать старше.

— Значит, действительно старая.

— Вовсе нет. Дриады выглядят так же, как их деревья, а дуб Зоэ в прекрасном состоянии.

Она подавила вздох:

— Но хватит ли у нас вина?..

— Пива,— сказал я.— Они пьют пиво. Оба.

— Женщина тоже пьет пиво?

— Она может перепить даже меня! — А затем добавил уже более спокойно: — Я варю его из ячменя прямо здесь, в мастерской. Ты обязательно должна попробовать.

Она улыбнулась мне великодушной улыбкой:

— Может, попробую. Значит, ты занимаешься пивом, а я испеку медовые лепешки.— И, немного помолчав, сказала: — Хорошо, что я успела закончить для тебя новую тунику.

— Тунику? — закричал я от неожиданности.

Весной и летом ни один зверь мужского пола не ходит в одежде. Для чего она нужна? Воздух, поступающий к нам с жаркого ливийского континента, теплый и сухой, а женщины-звери обращают на неприкрытую мужскую плоть не больше внимания, чем критские мужчины на обнаженные груди своих женщин.

— Да,— сказала она, своими ловкими пальчиками доставая тунику из глубины корзины.— Тельхины сделали ткань, а я выкрасила ее и сшила.

— Узнаю твою работу. Цвет лаванды и вышитые рукава.— А почему не набедренная повязка?

— Она больше подходит Икару, но не тебе. Понимаешь, ты уже не юноша.— Она внимательно посмотрела на мою заросшую волосами грудь, будто подумывая о ножницах.— Померяй ее сейчас. Я хочу посмотреть, хорошо ли она сидит.

Туника жала мне не меньше чем в семи местах. Я ощущал себя змеей, засунутой обратно в старую, сброшенную кожу.

— Мне не пошевелиться,— сказал я.— Я не могу дышать, я вот-вот задохнусь. И кроме того,— добавил я очень осторожно,— ты забыла сделать отверстие для хвоста.

— Перестань. К ней просто надо немного привыкнуть. Поноси ее.— Она похлопывала по мне, щипала, дергала, будто я не живое существо, а кусок мяса.— Если бы гости пришли через неделю, а не через два дня, ты успел бы за это время похудеть.

— Вечеринку перенести нельзя,— сердито ответил я.— И потом, я вовсе не толстый, а мускулистый. — Я приложил ее руку к своему твердому, как кокосовый орех, животу.

— Да, ты прав. Одни мускулы. Придется немного выпустить в талии.

Я заметил перемены сразу же, как только пришел домой. С появлением Теи исчез беспорядок — гора немытой посуды уже не стояла рядом с мельницей, да и сама мельница, из которой всегда сыпалась на пол мука, перекочевала к фонтану. Но если раньше что-то исчезало, то на сей раз — появилось. Только что зажженный светильник освещал три вазы в форме голубок, примостившихся среди корней, В них были воткнуты маки. Грустные личики моих любимцев укоризненно глядели на меня изо всех углов комнаты. В каждой голубке было по пять маков.

— Ты убила их,— закричал я.— Ты перерезала им горло.

— Приютила, а не убила. В саду никто не замечал их.

— Я замечал. Каждый день. Здесь они — как в тюрьме.

— Постараюсь быть добрым тюремщиком,— улыбнулась Тея, поправляя цветок.

Услышав слово «тюремщик», я подумал, что туника для меня — та же тюрьма. Мне не стало в ней удобнее после всех переделок, к тому же Тея так и не прорезала отверстие для хвоста. Плотно прижатый, он безжизненно висел, как засохший тростник. Как только Тея отвернулась, чтобы поправить еще один цветок, я поскорее набрал полную грудь воздуха,

надеясь, что от этого пояс лопнет и туника разойдется по швам. Но не тут-то было. С завистью смотрел я на Икара, щеголявшего в новой набедренной повязке — зеленой, без всякой вышивки. Она была нарядной и удобной. Сама Тея надела длинную голубую юбку, состоящую из двух полотнищ, уложенных воланами и расшитых золотыми листьями. Волосы ее спереди, по обыкновению, были зачесаны так, чтобы спрятать уши, а сзади спадали на спину тремя волнистыми ручейками. Они были цвета осенней листвы, и лишь отдельные зеленые искорки напоминали об ушедшем лете. Средний палец украшало кольцо, недавно законченное тельхином. На нем, кроме голубой обезьяны, была молодая девушка-критянка, в которой легко можно было узнать Тею. Она брала из рук своего любимца крокус. Художник блестяще воспроизвел сцену, хотя я всего лишь шепнул ему, как выглядит сад в Ватипетро. Вырезав фигуры, он заполнил их крупицами лазурита. Кажется, просто веселая сценка, но строгий голубой камень придал ей благородство и грусть — ведь только в камне счастливые минуты застывают навечно.

— Великолепное кольцо,— сказала Тея, поглаживая его, будто амулет, наделяющий плодородием. Она подошла ко мне поближе, встала на цыпочки, взялась за мой рог и поцеловала в щеку: — Дорогой Эвностий, ты для меня как брат. Я так рада, что могу в знак благодарности подарить тебе тунику. Иначе я никогда не приняла бы от тебя такой драгоценный дар.

Колокольчик, зазвеневший над нашими головами, возвестил о приходе гостей.

— Надо открыть дверь,— заметила Тея.

— Я один их встречу. Мосх занимает так много места, что всем нам не поместиться на лестнице.

На самом деле мне вовсе не хотелось, чтобы Тея слышала, как они будут язвить по поводу моей туники.

Но тельхин, жаривший в саду мясо, опередил меня, и Зоэ уже входила в дом. Спускаясь, она подняла такой грохот, будто с лестницы летел мешок с кокосовыми орехами. Следом за ней появился Мосх. Он долго топтался на месте, пытаясь управиться со своими четырьмя ногами, и при этом чуть не скатился кубарем вниз. Сойдя с последней ступеньки, Зоэ крепко стиснула меня в объятиях. Я не сопротивлялся, но и не ответил на них. Нет, я вовсе не против дружеских объятий. Не раз мы с Зоэ резвились до самого утра в ветвях

ее раскачивающегося от ветра дерева. Но сейчас на нас холодно, не мигая, смотрела Тея.

— Тея,— сказал я,— познакомься, это мои друзья, Зоэ и Мосх.

— Тея, крошка,— закричала Зоэ, бросаясь обнимать ее с таким энтузиазмом, что я испугался, как бы она не переломала ей все ребра.

Едва улыбнувшись, Тея протянула Зоэ руку:

— Эвностий рассказывал мне о тебе.— Зоэ внимательно посмотрела на нее, будто начиная узнавать:

— Твои уши, они?..

Тея сделала вид, что не слышит вопроса.

— И о Мосхе тоже,— продолжала она и, подойдя к нему, помогла преодолеть последнюю ступеньку.— Я рада, что вы пришли.

— Какой красавчик,— воскликнула Зоэ, очень кстати заметив Икара и скрывая своим возгласом смущение, вызванное холодным приемом Теи.— Что же ты мне ничего не сказал, Эвностий? Я надела бы сандалии.

По своему обыкновению, она пришла босая, а платье на ней было таким выцветшим и грязным, что больше походило на старый бурдюк. Когда она протянула руку Икару, ее браслеты, сделанные из раковин, зазвенели, словно оловянные побрякушки, привезенные с Туманных островов. Но Икар, не обращая внимания на протянутую руку, крепко обнял ее. Лицо Зоэ расплылось в счастливой улыбке, и стали видны все три золотых зуба — прощальный подарок ее трехсотого любовника, зубного врача из Вавилона. Она погладила мальчика по голове.

— Голова меньше, чем я думала.— Обнаружив, что волосы легко приминаются под ее пальцами, она засмеялась.— Но места для мозгов достаточно.— Она подмигнула мне:— Хотя кое-чему я могла бы научить его, а, Эвностий?

Икар был в полном восторге; он не мог оторвать взгляд от ее пышных грудей, возвышавшихся, как скалы, и, казалось, он ждет, что вот-вот произойдет обвал.

— Я хороший ученик,— ухмыльнулся он. Затем Зоэ переключилась на меня:

— Эвностий, ты что, растолстел?

— Нет, конечно,— ответил я. (На самом деле с появлением Теи я даже потерял шесть фунтов.)

— Тогда почему ты прячешь свой живот под этой, как ее, туникой?

— Лавандового цвета,— заржал Мосх.— Вышитой (ха-ха!).

— Это подарок,— вступила в разговор Тея.— От меня.

— Такие, наверное, в городе носят,— сказала Зоэ.— Конечно, хорошо идти в ногу с модой. Но, знаешь, Эвностий, мне больше по душе, когда видна твоя крепкая широкая грудь.

Вскоре выяснилось, что Зоэ и Мосх не единственные гости в нашем доме. Кто-то маленький и неприметный, как тень, сидел под лестницей. Я узнал Пандию, одну из медведиц Артемиды.

— Мы встретили ее в лесу, и она захотела пойти с нами,— извиняющимся тоном сказала Зоэ.— Она совсем не пьет, так что вы ее и не заметите.

Медведица была четырех футов роста, с короткими волосами — точнее, это был мех, но так аккуратно подстриженный, что его можно было принять за войлочную шапочку. Свою тунику из перьев дятла она подпоясала кроличьей шкуркой, на ногах были лайковые сандалии, изготовленные в моей мастерской. Голову украшал венок из шиповника, а на шею она надела ожерелье из зеленых желудей. Из небольшой дырочки, проделанной сзади в тунике, торчал хвост-обрубок. Говорят, еще до появления человека богиня Артемида посетила Крит и влюбилась в жившего там медведя. Таким образом, Артемида стала родоначальницей короткохвостых медведиц, а от Пана пошли маленькие козлоногие паниски, и два эти племени, чьи детские фигурки не меняются на протяжении всей их долгой жизни, стали смешиваться и, начиная с четырнадцати лет, давать потомство. Пандии же сейчас было не больше десяти, на которые она и выглядела.

— Можно, я побуду здесь? — спросила она тихим хриплым голосом.— Мне рассказал о вечеринке один из твоих тельхинов. Я пришла просто посмотреть. Ты ведь знаешь, я совсем не пью.

— Она пришла, чтобы составить мне компанию,— сказал Икар, хотя он-то явно намеревался выпить.— Мы уже видели друг друга, правда, издали. В тот день, когда наш планер потерпел крушение.

Можно было предположить, что пятнадцатилетнему парню вовсе не захочется находиться в обществе маленькой девчонки, но для Икара никогда не существовало разницы в возрасте. Он обладал потрясающим умением сделать так, чтобы маленькие почувствовали себя взрослыми, а старики — молодыми. Пожертвовав величественными скалами Зоэ, он

повел Пандию к скамье, на которой лежали подушки, набитые мхом.

— Отсюда мы все увидим, и при этом никто нас не будет толкать.

— Когда планер упал,— рассказывала Пандия,— я решила, что вы погибли, и пошла отогнать ворон от ваших тел. А потом появились солдаты и потащили вас к себе в лагерь.

Гости как-то примолкли. После весьма неловкого обмена приветствиями разговор не клеился. От бурного веселья Зоэ осталась лишь вымученная улыбка, а Мосх, неправильно истолковавший помощь Теи, уставился на нее своим неподвижным похотливым взглядом.

— А теперь давайте выпьем,— громко объявил я на правах хозяина и показал на большой просмоленный бурдюк с пивом. Козлиная ножка, служившая горлышком, торчала кверху. Я протянул Зоэ чашу и поднял бурдюк.

— Ты же знаешь, что чаша мне не нужна,— ответила Зоэ, беря у меня бурдюк.

Закинув голову, она поднесла ко рту ножку и одним большим глотком чуть не опустошила его. Тоненькая струйка пива зажурчала у нее в горле и затерялась где-то между грудей, как ручеек между двумя горами.

— Послушай, оставь хоть немного Мосху,— сказал я наконец.— Он просто умирает от жажды.

Перемежая глотки с одобрительным покрякиванием, Мосх выпил свою порцию и отложил бурдюк в сторону.

— Тея, ты будешь? — спросил я.

— Почему бы и нет?

Она тщательно вытерла льняным носовым платком горлышко, налила немного пива в чашу и залпом его выпила. Проделала она это так грациозно, словно птичка, пьющая росу с листка.

— Похоже на хорошее старое вино,— сказала Тея, пытаясь не морщиться.

— Вино? — ухмыльнулся Мосх.— Это, дорогуша, пиво, к тому же совсем свежее.

Чтобы выручить Тею из неловкого положения, я схватил бурдюк и тоже стал пить.

— Мосх, сыграй,— попросил я между глотками.

Он вытащил флейту, которую всегда держал за поясом, сшитым из волчьей шкуры — больше он ничего не носил,— и заиграл. Флейта была очень простой — неровный цилиндр,

грубо сделанный из панциря черепахи, но Мосх извлекал из нее дикие и нежные мелодии, в которых слышались самые разные голоса: стонущее поскрипывание пальмы, раскачивающейся на ветру, шум набежавшей на берег волны, переходящий в тихий шорох, уханье совы и завывание волка, вышедшего на охоту. Зоэ махнула Икару рукой, приглашая его потанцевать.

— Иди,— сказала Пандия.— Я не танцую.

Обхватив Икара, Зоэ повела его в танце. Казалось, они движутся по бесконечно извивающейся тропе, время от времени высоко подпрыгивая и издавая гортанные возгласы «Эвоэ! Эвоэ!».

— Это же танец Питона! — вдруг воскликнул Икар, узнав движения.— А где же сама змея?

Он вырвался из рук Зоэ и исчез. Бормоча что-то о причудах юности, Зоэ стала искать себе нового партнера. Я уже готов был занять место Икара, когда он появился, держа в руках Пердикса.

— Вот наш питон!

— Дуй в свою флейту! — крикнула Зоэ и с силой откинула голову назад, так что ее зеленые, с легкой проседью, волосы зашевелились, как змеи Горгоны.

Ей было триста шестьдесят девять лет (и каждый год, по ее утверждению, приносил нового любовника). Кожа ее не была гладкой, а цвет лица не был нежным, будто она, как и ее дерево, не раз отражала нападение дятлов и выстояла не одну бурю. Но красота сохранилась — цветущая красота Матери Земли, на чьи пышные колени преклоняет голову любовник, и чьи щедрые груди могут вскормить с десяток детей. Она волновала мою кровь, как молодое пиво.

— Теперь моя очередь,— произнес я. Кто-то крепко ухватился за мой пояс.

— Моя,— сказала Тея.

— Я буду наступать тебе на ноги,— запротестовал я, пытаясь подойти к Зоэ.

— В моем танце не будешь.— Она не отпускала меня.— Мы называем его танец Журавля.

Взявшись за руки, мы стали величаво и гордо вышагивать, подобно девам, танцующим на берегу реки Кайрат, хотя звучавшая музыка гораздо больше подошла бы для одурманенных опиумом служительниц культа Великой Матери, когда, доведя себя до экстаза, они начинают кататься по земле и яростно сдирать с деревьев кору своими зубами.

— Твои друзья,— она остановилась, подбирая слова,— слишком полны сил. Боюсь, они утомят брата.

— Похоже, он вовсе не устал,— сказал я, глядя, как мальчик и его партнерша, чье тело, будто потеряв вес, стало легким, как пушинка, изображают змей, ползущих по земле, и птиц, летящих по воздуху, и подскакивают при этом с восторженными возгласами «Эвоэ! Эвоэ!»

— Эвностий,— спросила Тея,— тебе понравился мой танец?

— В нем чувствуется достоинство.

— Да, но иногда вы, мужчины, предпочитаете нечто более грубое, животное.

В ее голосе чувствовалось сожаление. Она казалась младше своих шестнадцати лет — совсем маленькая девочка, чье знание мужчин сводилось к отцу, брату и нескольким дворцовым слугам. Я крепко сжал ее руку.

— Я думаю,— сказала она грустно,— невинность привлекает большинство мужчин лишь тем, что ее можно превратить в искушенность.

— Физическая невинность — да,— ответил я.— Мы любим изменять это состояние, ведь, в конце концов, оно всего лишь незнание. Но невинность сердца встречается столь же редко, как и черные жемчужины из страны желтолицых людей, и ни один достойный зверь не покусится на нее, так же как никто не бросит жемчужину в бокал с вином, чтобы посмотреть, как она растворится.

— Но сердце заключено в теле. Когда пало тело, о каком достоинстве сердца можно говорить?

— Если тело пало — нельзя, но если оно принесено в дар, как гордый город благородному королю, тогда оно становится еще богаче и открывает в твоем сердце новые глубины.

Слова, которые мы выкрикивали, заглушались лихорадочной мелодией, выводимой флейтой. Они казались странно отчужденными и оторванными от нас. Когда же музыка стихла, затихли и слова.

— Все,— сказал Мосх, вытирая губы и запихивая флейту обратно за пояс из волчьей шкуры.— Музыкант хочет выпить.

Но когда он направился к Тее, на лице его отражалась не та жажда, которую можно утолить пивом. Тея высвободила руку и поспешила в сад, к очагу. Мосх пристально посмотрел ей вслед:

— Резвая кобылка, а, Эвностий?

Тея вернулась с большим блюдом, на котором горой лежали лепешки. Она сделала их в форме разных птиц. Кого тут только не было: совы, дятлы, ласточки, орлы, куропатки. Изысканный аромат, исходивший от лепешек, приятно щекотал ноздри. Тея была очень горда своей выпечкой.

— Мне не надо, дорогуша,— сказала Зоэ, направляясь к бурдюку с пивом.— Когда пью, я не ем. Еда портит все удовольствие.

— И я не буду,— проговорил Мосх, шлепнув проходившую мимо Зоэ по заду.

Улыбка исчезла с лица Теи. То, что она приготовила, оказалось никому не нужным.

— А ты, Пандия? — спросила она неуверенно.

Пандия вскочила на ноги и, подбежав к птичкам, с неимоверной скоростью стала запихивать их себе в рот. Блюдо опустело в одно мгновение, будто вся стайка разом поднялась в воздух.

— Понимаешь, почему я не пью,— сказала Пандия, слизывая последние крошки с коротеньких, похожих на обрубки пальцев.— От выпивки вся пища размокает.

Вот теперь только и началась настоящая пьянка. Шесть раз я наполнял бурдюк, а Тея, идя за мной следом, вытирала капающее на пол пиво. Мосх наблюдал за ней и шепотом делился своими размышлениями о том, что молодежь не испытывает совершенно никакого почтения к возрасту.

— Она смотрит на меня, как на старую развалину,— бормотал он.

Икар положил свою голову на колени Зоэ. Одной рукой она вливала ему в рот пиво, а другой гладила его острые уши.

— Хитрый маленький звереныш,— хрипло прошептала она.— Почему ты так долго не возвращался в лес?

На минутку приподняв между глотками голову, Икар встретился взглядом с Пандией и спросил:

— Все в порядке, Пандия?

Пандия быстро закивала головой. Она была похожа на ребенка, который застал своих родителей за выпивкой, но в ее широко раскрытых внимательных глазах не было упрека, она просто ждала дальнейшего развития событий.

Будучи хозяином, я все больше и больше волновался. Прихлебывая пиво, я с тревогой посматривал на Тею, наблюдавшую за всем происходившим с таким выражением лица, что сама Горгона пришла бы от него в смятение. И тут не-

ожиданно я возмутился. Это мой дом, мои друзья, и Тея не имеет никакого права считать наши невинные шалости недостойным поведением. Мосх, с его немного грубоватыми шутками, Зоэ, ведущая себя вовсе не развратно, а просто изливающая на нас свою щедрую материнскую любовь, веселящийся Икар и Пандия, с удовольствием глазеющая на наш праздник. Что в этом дурного? Я сел на коврик рядом с Зоэ и обнял ее за округлые плечи. Стараясь не потревожить Икара, она обняла меня той рукой, которой раньше гладила его уши.

— Мосх, и для тебя найдется местечко,— слегка переоценивая свои возможности, позвала его Зоэ.

— Тея,— промычал я,— принеси еще пива! Гости хотят выпить.

Струя холодного пива с силой ударила мне в лицо.

— Ты пьян,— гневно выкрикнула Тея,— и Икар тоже! — А затем, повернувшись к Зоэ, добавила: — Ты в этом виновата!

Зоэ ответила очень спокойно:

— Дорогая, твоему брату уже пятнадцать, ему пора учиться пить. А что касается Эвностия, то он еще и не начинал. Посмотрела бы ты на него, когда он выпьет несколько бурдюков.— Затем она глубоко вздохнула: — Впрочем, пора идти. До моего дерева далеко, а ночью можно наткнуться на стригов, не говоря уж о вороватых триях.

Все так же неторопливо, медленным и уверенным движением матери, укладывающей своего ребенка в кровать, она сняла голову Икара со своих колен и опустила ее на подушку.

Сквозь сон он разочарованно пробормотал:

— Твои колени мягче.— Она подмигнула ему:

— Мальчик, когда тебе захочется полежать не на подушке, а на женских коленях, приходи в мое дерево. Это королевский дуб. Эвностий знает дорогу!

Я проводил их до выхода из сада. В лунном свете фонтан был похож на серебряную, слегка раскачивающуюся пальму, пестрый зонт возвышался, как шелковый шатер восточного царя, и даже такой обыденный предмет, как очаг, приобрел туманные и таинственные очертания, и казалось, на нем надо было курить фимиам, а не печь хлеб. Но обезглавленные маки, даже покрытые белой, скрывающей все недостатки лунной пеной, являли собой жалкое зрелище.

— Зоэ, Мосх,— сказал я,— вы не должны на нее сердиться. Она не привыкла к нашему образу жизни.

— Ты думаешь, дело в этом? — улыбнулась Зоэ.— Неопытность, невинность и все такое? Да она просто ревнует.

— Икара?

— Тебя.

Глава V
КОРА

Меня разбудило пение. Тея пела в саду песню о тигровом мотыльке:

Он весь, как крыльев цвет его, двояк:
То злато дня, то чернь глухих ночей.
И то, что в нем от тигра, любит мрак,
А что от мотылька — огонь свечей.

Я вылез из-под груды волчьих шкур, зевнул во весь рот и стал карабкаться наверх, чтобы выяснить причину столь необычайного веселья. В тот момент, когда я вышел в сад, Тея как раз извлекала последнюю морковку из ее земляной норки. Меня даже в дрожь бросило от этого зрелища. Конечно, я выращивал морковь, чтобы ее есть, но после того, как были обезглавлены маки, я приходил в ярость от любого покушения на мое заметно поредевшее хозяйство. Голубые обезьяны сидели на стенах и наблюдали за тем, что делает Тея. Один смельчак спрыгнул на землю, быстро подскочил к ней и получил морковку. Я злобно посмотрел ему вслед, но от этого его аппетит не уменьшился. Тея поднялась с колен и улыбнулась:

— Мы отправляемся на пикник. Завтрак сейчас будет готов.

— В чем же мне идти? — спросил я. (Я еще не был одет.)

— Так и иди,— ответила она.— Во время пикника все должны чувствовать себя свободно.

Взяв с собой яйца дятла, сваренные вкрутую, жареные каштаны, сыр из молока волчицы, сырую морковь (последних представителей дружной семейки с моей грядки), медовые лепешки и оплетенную ивовыми прутьями бутыль с вином, мы двинулись в сторону поля Драгоценных Камней. Когда мы выходили из дома, Икар был совсем сонным. Прямо перед уходом я вытащил его на улицу, отнес к фонтану и подержал под струей, но теплая вода не смогла разбудить его до конца, и он еле передвигал ноги. Тея и я болтали, а

когда речь зашла о триях, этих неисправимых воришках, Икар стал прислушиваться.

— Их женщины очень красивы,— сказал я,— если не обращать внимания на золотые глаза и трепещущие без остановки крылья. Но не вздумай влюбиться в такую.

— Почему? — спросил он.

— Потому что...— начал я, но тут мы пришли на поле Драгоценных Камней, и Икар так и не получил ответа на свой вопрос.

Представьте себе поле, вспаханное титанами. Оно похоже на бурное море — борозды глубоки, как впадины между вздымающимися волнами, и как корабли, поднятые на их гребни, торчат огромные валуны. Но это не великаны изувечили землю, а землетрясения, и растения — трава, кусты шиповника и алые маки, крепко цепляющиеся за стены глубоких провалов и ползущие вверх по каменистым уступам,— лишь немного облегчают ее страдания, но не могут излечить раны. Тее очень понравились маки, она даже сорвала один, но дикая картина, открывшаяся перед ней, повергла ее в ужас.

— Земля сердится,— сказала она.— Это сделала не Великая Мать, а кто-то из северных богов, может быть, Плутон. Наверное, он выбрал это поле местом своих забав.

— Зато здесь нас никто не видит,— заметил я,— и мы в полной безопасности. Знаешь, любимое развлечение панисков — поиздеваться над теми, кто пришел на пикник. Один из козлоногих отвлекает их внимание своим кривляньем, а в это время остальные, схватив приготовленный завтрак, убегают.

Я стер с одного из камней грязь и предложил Тее сесть:

— Это халцедон[12]. После пикника я возьму его с собой, и работники сделают тебе из него ожерелье.

Здесь можно найти любой камень — сердолик, агат, яшму[13].

Но только я опустил корзину на траву, как из-за ближайшего валуна показалась маленькая войлочная шапочка. То есть не шапочка, а прическа Пандии.

— Я почувствовала запах лепешек,— сказала она,— и мне показалось, что их больше, чем вы можете съесть.

— Иди к нам,— пригласил ее Икар, проявив благородство, правда, без особого энтузиазма, так как на самом деле лепешек было гораздо меньше, чем требовалось. Тея еще не поняла, какой у минотавра аппетит.

— Слишком много есть — вредно,— объяснила Пандия.— Одна моя знакомая, к счастью, не очень близкая, съела

столько, что сама стала сладкой, и голодный дикий медведь, прятавшийся за деревом, проглотил ее целиком, ни кусочка не оставил. Представляете? Свою собственную кузину!

Перед едой, как обычно, Пандия привела себя в порядок. Она расчесала хвост, вычистила лайковые сандалии и аккуратно, чтобы концы были одной длины, завязала пояс из кроличьего меха.

— Я сочинил о медведях стихотворение,— сказал я.— Оно начинается так:

Медведи любят -ники все:
Брус-, чер- и земля-нику.
Забудут вмиг о колбасе,
Наткнувшись на клубнику.
Но любят более всего
Отведать сладкой булки,
Ну, той, что мы берем с собой
На дальние прогулки.

А вот еще одно, о страшном медведе, который съел твою знакомую:

Косматейший, бурейший,
Толстейший, голоднейший —
Из всех медведей он.
Наверно, медведейший!

— Мне очень нравятся твои стихи, Эвностий,— сказала Пандия.— Они почти такие же красивые, как твой хвост, а он такой элегантный. Но от всех этих разговоров о медведях мне так захотелось есть, что я даже не могу воспринимать поэзию.

Икар протянул ей наши медовые лепешки, которые были завернуты в льняной платок.

— В округе нет ни одного дикого медведя,— заметил он.

Мы и оглянуться не успели, как Пандия проглотила почти все, что было в платке, а оставшиеся кусочки быстро спрятала в свою тунику.

— Мы будем собирать камни? — спросил Икар.— Тельхины из них что-нибудь сделают для нас. Камни можно складывать в корзину.

— Мне бы хотелось иметь амулет от стригов,— сказала Пандия и пошла следом за Икаром на каменную гряду. По дороге она выуживала из туники кусочки лепешек и клала их себе в рот.

Тем временем Тея ела морковку. Она откусывала ее так аккуратно, что совсем не было слышно хруста. Легкий ветерок сдувал волосы с ее ушей, а она свободной рукой снова прикрывала их локонами.

— Тея,— сказал я,— ты похожа на испуганного кролика.

Она улыбнулась и наморщила нос:

— Только усов не хватает.

А затем Тея вновь превратилась в женщину, и волосы ее были такими мягкими, а руки такими маленькими и изящными, что я чуть не заплакал, и мне безумно захотелось, чтобы она утешила меня, прижав к груди, как маленького, обиженного мальчика.

— Тея,— прошептал *я*.

— Что, Эвностий?

— Тея, я...

— Хочешь морковку?

— Нет.

— Что ты делаешь, чтобы она была такой хрустящей и желтой?

— Удобряю,— сказал я.— Главным образом рыбьими головами.

И в этот момент, как теплый луч солнца, внезапно пробившийся сквозь тучи в пасмурный и холодный день, в меня вселился то ли бог, то ли демон,— я взял из рук Теи морковку, а затем крепко ее обнял. Я сделал то, что казалось мне совершенно естественным, таким же естественным, как принять душ в фонтане или встать на колени, рассматривая бутон мака. Но, повинуясь богу (или демону), я совершенно забыл о своей недюжинной силе. Наверное, я был чересчур груб, и, конечно, Тея не ожидала от меня ничего подобного. Она лежала в моих объятиях, как пронзенный стрелой фавн. Я сломал ей позвоночник, мелькнула у меня страшная мысль. Сокрушил своей звериной силой это нежное создание, будто крепко сжал в руке хрупкое яйцо ласточки.

— Тея,— простонал я, разжав руки, но все еще поддерживая ее.— Тея...

С достоинством она отвергла мою помощь и сказала:

— Эвностий, мне стыдно за тебя. Ты ведешь себя, как Мосх.

Лучше бы она отругала меня, ударила, но не наказывала, как нашкодившего ребенка или гуляку-кентавра. Да еще к тому же сравнила с Мосхом!

Я сердито выпалил:

— Он целует всех подряд. А ты прожила в моем доме целый месяц, и до сегодняшнего дня я даже ни разу не прикоснулся к тебе. Но я не евнух.

— Я же говорила, что ты для меня — как брат.

— Я не хочу быть твоим братом. У меня нет к тебе никаких братских чувств. И потом, у тебя уже есть Икар. Я хочу быть..

— Отцом? Действительно, ты на десять лет старше меня.

— Нет, это еще хуже. Мне не нравится твой отец.

— Не нравится? Но ты же никогда его не видел. Он такой красивый и гордый!

— Я знаю его! — ответил я.— Мне не хотелось тебе говорить, но я был знаком с ним еще до твоего рождения.

У Теи перехватило дыхание.

— В лесу?

— И я знал твою мать, дриаду.

— Я не хочу о ней ничего слышать.

— Нельзя рассказать об отце, не упомянув мать.— И я громко крикнул: — Икар! Пандия!

Они появились из-за гряды. Руки у них были грязные. Вдвоем они тащили полную корзину камней.

— Медведи? — прошептала Пандия, глядя на меня округлившимися от ужаса глазами.— Нас сейчас съедят?

— Нет, медведей нет,— сказал я.— Мне просто нужно вам что-то показать.

В миле от поля Драгоценных Камней, на маленькой, заросшей мхом и папоротником просеке, стоял обгоревший пень, который когда-то был величественным дубом. Сквозь разрушенные стены виднелись остатки лестницы, которая спиралью поднималась вверх и обрывалась в пустом пространстве.

— Это дерево вашей матери.— И я рассказал им об Эаке, их отце.

— Когда он пришел в лес, я был еще мальчиком.

Мой отец построил в тамарисковой роще дом из тростника, где мы жили с ним вдвоем после смерти моей матери — ее убило молнией. Густые деревья закрывали солнечный свет и скрывали нас с нашим горем. В доме я только ночевал, а все дни проводил в лесу, где мы с матерью когда-то собирали каштаны, и где я слушал ее рассказы о том, как наш народ

переселился сюда с Блаженных островов. Именно в лесу я впервые увидел Эака. В руке он сжимал кинжал, безбородое лицо было в крови, а глаза — совершенно пустыми, как у того, кто стал жертвой стрига. Позже я узнал, что он оказался в горах, преследуя со своим отрядом ахейских пиратов. Он и его люди догнали их и разбили у самого леса. После жестокой схватки в живых остался только Эак, раненый, почти без сознания, он вошел в лес, но силы оставили его, и он опустился на колени, как убийца перед судьей, кинжал выпал у него из рук, он смотрел перед собой, но ничего не видел.

Я осторожно вышел из-за кустов, где прятался, и спросил:

— Помочь тебе встать?

Подойти к нему ближе я боялся, ведь это был человек, а человек всегда опасен.

— Он не может говорить.— Рядом со мной стояла дриада Кора.

— Твое платье соткано из солнечных лучей! — воскликнул я.

— Из солнечных цветов подсолнухов,— улыбнулась она.— Каждое утро я тку его заново, ведь лепестки живут только один день. Как любовь.

— А твои волосы как зеленый водопад. Он струится по плечам и поет свою песню.

— Может, он научился этой песне у дерева, в котором я живу, слушая, как переговариваются в ветвях дятлы и маленькие птички и как шумит листва. Но мы должны помочь нашему другу,— сказала она.

— Это человек,— прошептал я. Казалось, она не понимает, как это опасно.

— Тем более он заслуживает сочувствия.

Его прекрасные темные волосы, откинутые назад, стягивала лента, бледное и гладкое лицо казалось сделанным из алебастра — материала, из которого критяне вырезают своим царям троны. Такое лицо, безупречное и неподвластное времени, могло выйти из-под резца бога ремесел Гефеста, создавшего его в своей подземной мастерской.

Мы с двух сторон взяли человека под руки и привели в дерево дриады. Она не пригласила меня войти и улыбнулась, заметив мое разочарование. Я много слышал о чудесах, творившихся в деревьях дриад,— о винтовых лестницах, вырезанных внутри ствола, потайных дверях, за которыми находятся освещаемые светлячками комнаты, о балконах, спрятанных среди

ветвей,— там дриады расчесывают свои длинные волосы, а солнечные лучи нежно поглаживают их по голове.

— Не входи ко мне. Я привела в свой дом горе, а у тебя своего достаточно.

— Он причинит тебе зло?

— Может быть.

— Зачем же ты взяла его к себе?

— Я слишком долго жила в лучах солнца.

Ни один человек не мог войти в лес незамеченным — звери сразу поднимали тревогу. Все, даже нечистые на руку трии и легкомысленные паниски, по очереди несли дежурство рядом с узким проходом, образовавшимся в высоких скалах, непреодолимой стеной окружавших нашу страну. Только этот проход соединял лес с миром людей (я не говорю о своей пещере, но туда никто не решался даже заглянуть). Мы не единственные заметили Эака, и в то время, как Кора вела его к себе домой, дежурные трубили тревогу в большую морскую раковину. На следующий день Хирон, повелитель кентавров, пришел к Коре, чтобы поговорить о пришельце.

— Я собираюсь родить от него ребенка,— сказала она. Хирон был ошеломлен этим известием. Отец — человек, а мать — зверь! Кем же тогда будет ребенок, человеком или зверем? И, встряхнув гривой, он ушел, предоставив глупой дриаде самой разбираться в том, что она натворила.

Сначала родилась ты, Тея, а через год на свет появился Икар, и первое, что он сделал,— рассмеялся. Высоко в ветвях дерева, где вы жили, был балкон с бамбуковыми перилами, огибавший весь ствол. На нем стояла скамья. Я часто приходил к вашему дому и ждал внизу, когда Кора появится на балконе, держа вас на руках.

— Эвностий, иди к нам,— позвала она меня однажды.

— Мне можно войти в дверь? — спросил я, надеясь, наконец, посмотреть, что делается там, внутри ствола.

— Поднимайся по наружной лестнице.

Я с тревогой заметил, что волосы ее потеряли свой блеск и безжизненно висели, как сломанный папоротник, а платье было соткано не из ярких лепестков подсолнуха, а из темно-коричневых листьев. Она протянула мне дочку.

— А я ничего у нее не сломаю? — спросил я робко.

— Нет, если, конечно, не уронишь на землю.— Она засмеялась.

Сначала ты расплакалась.

— Наверное, ее напугал цвет моих волос,— сказал я.

— Она боится леса и всегда плачет, когда я выношу ее на балкон.

Я прижал твою маленькую ручку к своему рогу и сказал:

— Смотри, они совсем не страшные. Как две морковки. Ты заснула прямо у меня на руках.

— Дай мне подержать и Икара тоже,— попросил я у Коры.

— По одному младенцу на каждую руку. Они будут друг друга уравновешивать.

Такого пухленького малыша я никогда раньше не видел. Когда никто не держал тебя на руках, ты лежал в своей колыбельке, сделанной матерью из панциря черепахи, и весело агукал, глядя на дятлов или просто на небо. Ты напоминал мне птенца, постоянно объедающегося насекомыми, который стал таким толстым и тяжелым, что ему вовсе не хочется летать. Он сидит в своем гнезде и ждет, когда опять принесут поесть.

Я не говорил Коре о том, что очень полюбил вас: Тею — потому, что она всегда была грустной, а Икара — потому, что он был пухленьким и веселым. Иногда Кора оставляла меня с вами одного, а сама уходила в лес вместе с Эаком (у нее, наверное, сердце разрывалось от горя, когда она видела, как Эак подходит к кромке леса и с тоской глядит на крестьянские домишки, стоящие на другом конце поляны).

Я выжимал из цветов жимолости нектар и поил им вас, а потом рассказывал разные истории, в которых я обязательно спасал вас от злых медведей или кровожадных волков. Вы слушали внимательно и никогда не засыпали, не дождавшись конца, хотя, наверное, понимали далеко не все — ведь вы были еще совсем маленькими.

Время шло. Икару исполнился год. Однажды, поднимаясь на балкон, я увидел, что Кора плачет. Мой отец часто плакал после смерти матери, и я знал, что слезы взрослых гораздо более соленые, а скорбь более глубокая, чем у детей. Я начал спускаться вниз на землю, но Кора остановила меня:

— Останься, Эвностий. Побудь с детьми в последний раз. Ты их больше никогда не увидишь.

Едва не потеряв равновесие, я остановился на середине лестницы и, опершись подбородком о край балкона, спросил:

— Ты меня больше не пустишь в свой дом?

— Они уходят отсюда.

— Как же ты пойдешь с ними?

Я знал, что дриада, покинув свое дерево, может прожить всего несколько дней. Оно дает ей жизненные силы, так же как соленая вода дает жизненные силы дельфину.

— Отец забирает их в Кносс, а я остаюсь.

— В город людей! — воскликнул я испуганно.

Не забывайте, что дети зверей и людей боятся друг друга одинаково. Я сразу представил себе жуткую картину, как вас обоих, младенцев, закалывают, а потом подают к праздничному столу или, в качестве наживки для акул, насаживают на огромные рыболовные крючки.

— Отец не даст их в обиду,— сказала Кора,— но они будут очень скучать без нас, правда, бычок?

— А дети могут жить вдали от дерева?

— Эак считает, что могут. Он говорит, что они еще не стали такими же зависимыми от дерева, как я. Поэтому он хочет увести их именно сейчас.

И она обняла меня, будто я был одним из ее любимых детей.

— Не грусти,— сказал я, хотя это было самое худшее из всего, что случилось со времени смерти моей матери. Я прижался рогами к груди Коры и вдохнул исходящий от нее сладкий аромат листвы.

Мы не слышали, как на балкон поднялся Эак. Он не рассердился, увидев нас, ведь причин для гнева не было, но выражение его лица сразу изменилось, и он стал похож на каменную статую египетского фараона. Он вырвал меня из объятий Коры и подвел к лестнице. Пальцы его были твердыми, как коралл, но он не сделал мне больно. Спускаясь вниз, я прокричал:

— Ты не должен отнимать детей у матери!

Шесть дней подряд я приходил к вашему дереву, прикладывал ухо к стволу и слушал доносившийся изнутри плач Коры. Но никто не появлялся на балконе, и никто не приглашал меня подняться наверх, а когда на седьмой день я постучал в дверь, вышел Эак и, увидев меня, захлопнул дверь прямо перед моим носом.

На следующий день я встретил его в лесу. Вы когда-нибудь видели двойные корзины, которые кладут ослу на спину? Обычно в них привозят с рынка продукты, а из леса — хворост. Эак сделал такие же корзины для вас. Несмотря на то, что у Теи над головой шумели густые ветви деревьев, туго обвитые виноградной лозой, она чувствовала себя прекрасно и улыбалась, Икар же горько плакал, наверное, впервые в жизни.

Я выскочил из-за деревьев, как козлоногий бог Пан, пугающий путешественников:

— Куда ты уносишь моих детей?

Мне хотелось, чтобы эти слова разнеслись по лесу оглушительным ревом. Но я был еще слишком мал, к тому же питался кореньями и ягодами, потому что отец мой лишь изредка вспоминал о том, что надо сходить на охоту. Вместо рева получился писк. Эак посмотрел на меня отсутствующим взглядом, будто перед ним была какая-то поганка, и пошел дальше. Тогда я наклонил голову и боднул его, одновременно приготовившись поймать вас на лету, если вы выпадете из своих корзин. Он пошатнулся, но удержался на ногах. Затем, повернувшись в мою сторону, схватил меня за рога и со всей силы швырнул в кусты. Я не ожидал этого.

Через несколько секунд, а может, и минут, мне трудно сказать, сколько прошло времени, я открыл глаза и увидел рядом с собой волосатые ноги и раздвоенные копыта. Паниск, выглядевший лет на двенадцать, хотя на самом деле ему могло быть и сто, лил мне на лицо кокосовое молоко. Я вскочил и, даже не поблагодарив его, стал озираться по сторонам в поисках Эака.

— Ты видел его? — крикнул я.— Человека, пришедшего к нам из города?

— Никого я не видел, кроме белок.

Паниск был явно обижен тем, что я не проявил должной благодарности, ведь он оживил меня и к тому же пожертвовал для этого своим кокосовым орехом.

Я бегом побежал к дому Коры, чтобы узнать, известно ли ей о том, что Эак забрал вас. В какой-то момент у меня даже мелькнула эгоистическая мысль: может, теперь я смогу занять ваше место, но я тут же устыдился своего позорного желания.

Вокруг дерева стояла толпа зверей: испуганные дриады и среди них Зоэ, Мосх с двумя кентаврами, паниски, медведицы Артемиды и даже трии, всегда слетающиеся на несчастье, как на мед. Дерево пылало. Нижние ветви трещали, от них в разные стороны летели искры, похожие на рой светящихся пчел. Следом за ними вырывались языки пламени, и звери, прикрывал головы руками, подались назад. Балкон сморщился, как мертвое насекомое, и стал отделяться от ствола. И все же те ветви, которые еще оставались зелеными, продолжали храбро бороться с подступавшим огнем, ведь по срав-

нению с остальным лесом это дерево было совсем молодым и сильным. Три раза после удара молнии оно вновь оживало и покрывалось свежими побегами.

— Мы должны спасти Кору! — закричал я, подбегая к лестнице.

Ее мать остановила меня:

— Она сама подожгла дерево. Дай ей достойно умереть той смертью, которую она выбрала.

— Эак уходит из леса вместе с ее детьми!

— Пусть уходит. Он так и не стал зверем.

— Но дети ведь наполовину звери.

— Дети, наверное, вернутся, когда поймут, кто они.

Когда я закончил свой рассказ, Икар крепко обнял меня:

— Эвностий, мы вернулись. Мы опять с тобой.

— Да,— сказал я,— теперь-то уж я не отпущу вас.

Я взглянул на Тею, ожидая упрека: она наверняка на стороне своего отца. И вдруг я рассердился, вспомнив, как она весело смеялась, когда этот ненавистный мне человек уносил ее из леса.

Наконец она сказала:

— Мы не должны обвинять отца в том, что он тогда ушел. Он думал о нас.

Икар сердито посмотрел на нее:

— Но он бросил нашу мать.

— Она всегда знала, что он уйдет от нее,— ответила Тея. Но глаза ее были полны слез, и я догадался, что оплакивала она не отца.

— Тея,— сказал я.— Я не...

Внезапно Пандия схватила меня за руку:

— Кто-то следит за нами!

— Медведь? — улыбнулся я.

— Разве медведи носят шлемы?

Глава VI

ЛЮБОВЬ КОРОЛЕВЫ НЕСЕТ СМЕРТЬ

Смерть, которую встречаешь в конце жизни в своей теплой постели, в окружении любящих детей, несет успокоение и отдых вместо мрака неизвестности. Такой смерти не надо

бояться. Но медленное, мучительное умирание во цвете лет страшит человека и пугает даже богов. Именно такой конец и был уготован нашему лесу, хоть он мог бы пережить еще тысячу суровых зим и тысячу раз воскреснуть весной, затягивая раны целительными фиалками и вновь ожившим шиповником.

Еще никто не знал, что предсмертные судороги начались в ту минуту, когда Пандия увидела шлем. Я задавал себе вопрос: как мог воин проникнуть в лес, не будучи замеченным стражами? Почему раковина не протрубила тревогу? Тея даже предположила, что Пандия приняла рога паниска, шпионившего за нами, за кабаньи клыки на шлеме. И все же сама вероятность появления ахейцев в лесу отбила у нас охоту продолжать пикник. Мы вернулись на поле Драгоценных Камней, забрали корзину и молча отправились домой.

На следующее утро мы почти не вспоминали об открытиях и тревогах вчерашнего дня. За завтраком, состоявшим из хлеба, сыра и стручков рожкового дерева[14], Тея ни словом не обмолвилась ни о моих объятиях, ни об истории своих родителей. Она отдала мне со своей тарелки несколько самых хороших стручков и ушла в мастерскую посмотреть, как тельхины вырезают инталии. Я остался в саду, раздумывая, что же посадить вместо моркови. Может, тыквы, большие и добрые, как домашние поросята кентавров. День был прекрасным. Голубая обезьяна вскочила на стену и стала ждать, когда Тея даст ей морковку. «Тебе придется долго ждать»,— подумал я.

В сад вышел Икар. Его длинные волосы, всклокоченные после сна, были похожи на мышиное гнездо, в котором неплохо порезвился маленький мышонок.

— Эвностий,— сказал Икар.— Мне надо с тобой поговорить.

У него была физиономия пятнадцатилетнего мальчугана, но голос разочарованного в жизни человека.

— Ты скучаешь без Пердикса? — спросил я, желая утешить его.

Мне казалось, я знаю причину такого настроения. Накануне пикника Икар неожиданно объявил о том, что отпускает Пердикса на волю, и отнес его в лес к рожковому дереву. «Чтобы Пердикс нашел себе подругу»,— объяснил он.

— Нет. Пердикс — это детская забава, а я уже мужчина,— ответил Икар.

Слово «мужчина» значило для Икара просто «взрослый», а не «человек». Мы сели на каменную скамью, стоявшую под зонтом. Тонкие лучи солнца пробивались сквозь щели между стеблями тростника и покалывали наши плечи.

— Я ведь мужчина, правда?

— Мужчина должен быть сильным,— сказал я,— и сила делает его добрым, но не деспотичным. Мужчина смел не потому, что не боится, а потому, что умеет побеждать страх. Да, Икар, ты, конечно же, мужчина, и такой, которого я с гордостью называю своим братом.

— Того, что ты говоришь, недостаточно,— с нетерпением заметил Икар.— Даже если в этом я и такой, в чем я, кстати, не уверен, то кое в чем я совсем еще мальчишка. С женщинами.— Он перешел на шепот, будто наделял женщин такой же тайной силой, какую приписывали им в те времена, когда еще пользовались каменными орудиями, задолго до того как узнали, что муж тоже имеет отношение к рождению ребенка: — У меня нет опыта.

Я внимательно посмотрел на него и заметил, что он очень повзрослел с тех пор, как стал жить в лесу,— загорел, окреп, на щеках появился пушок, и я понял, почему Зоэ смотрела на него не только с нежностью, но и со страстью. В нем все перемешалось: взрослая мужественность и детская невинность, но он уже был готов узнать свою силу и жаждал это сделать.

— Думаешь, я могу тебе помочь?

— Я знаю, что можешь. Ведь вы с Зоэ больше чем друзья?

Я кивнул, самодовольно улыбнувшись.

— И с другими женщинами тоже. У тебя, наверное, их было больше сотни? Такие, как ты, им очень нравятся. Настоящий мужчина!

Моя грудь от этих слов расправилась, я стал бить хвостом, и мне очень захотелось гордо пройтись перед ним.

— Да, действительно, я нравлюсь определенному типу женщин. Веселым, не обремененным условностями.

— Одной особе такого типа ты явно нравишься. Хотя втайне в тебя влюблены все. Посмотри хотя бы на Тею.

Тема разговора заинтересовала меня.

— Ты говоришь, Тея?

— Не может глаз от тебя оторвать. Но, честно говоря, такие, как сестра, меня не очень привлекают. Я уже вырос и на долгие, утомительные ухаживания больше не способен. Поэтому я хочу, чтобы ты взял меня к своим женщинам.

— К женщинам,— повторил я, и множество вариантов, как стая куропаток, пронеслось у меня в голове.— А что, если мы зайдем к Зоэ и попросим, чтобы она пригласила для тебя свою юную соседку.

— Мне не нравятся молодые,— заявил он решительно.— Мне нужно набраться опыта. Понимаешь,— он замолчал, окончательно смутившись,— я ничего не умею. Во дворце в Ватипетро ничему нельзя было научиться. Что, к примеру, надо говорить в подобной ситуации?

— Делать комплименты, один за другим, будто нанизываешь жемчужины. Что-нибудь подарить, безделушку или интимный предмет туалета — ленту для груди, например, а затем без конца повторять, как она ей идет. С моей мастерской и работниками это вообще не проблема. У меня есть все, что нравится женщинам: драгоценности, сандалии.

— Но нельзя же все время разговаривать,— сказал Икар мрачно.— Когда мы были в плену, Тея пыталась поговорить с Аяксом, но ему это быстро надоело. Он прижал ее к стене, и пришлось воспользоваться булавкой. Он не очень разговорчивый, такой же, как я.

— Ты сам удивишься, как легко и естественно происходит все остальное, если ты правильно выбрал подарок и сказал нужные комплименты. Конечно, при условии, что имеешь дело с подходящей женщиной.

— Вот именно такая женщина мне и нужна. Помоги мне найти ее. И еще одно. Когда я думаю о женщинах, я чувствую — ну, будто огонь пробегает по всему моему телу. По рукам, груди, животу. Кажется, по тебе ползет огненная улитка, если ты понимаешь, что я имею в виду.

— Проблема заключается в том,— сказал я,— чтобы найти вторую такую улитку. Завтра мы сходим к Зоэ и попросим ее...

— Эвностий! Икар! — крикнула Тея, поднимаясь по ступенькам.

— Потом все обсудим,— заговорщически шепнул я Икару, как обычно делают мужчины, беседующие на свои любимые темы и старающиеся, чтобы их за этим не застали.— Идет проверка.

— Эвностий, посмотри, какую я вырезала инталию! — сказала Тея, появившись передо мной во всем своем великолепии.

Она надела желтую тунику, соперничавшую по яркости с самим солнцем, в которой сразу стала похожа на юную гиб-

кую охотницу, волосы уложила на затылке узлом, а пикантные острые ушки открыла. Не хватало только лука в руках и колчана за спиной. Она с гордостью продемонстрировала мне большой агат, на котором был вырезан грифон с телом льва и головой орла. Когда-то критяне держали этих страшных на вид, но ласковых и послушных зверей в своих дворцах.

— А где Икар? Я хотела, чтобы он тоже посмотрел. Икар уже успел уйти?

— Не знаю,— сказал я, стараясь говорить как можно более убедительно, хотя я довольно неумелый врун. Но у меня были подозрения, что он отправился к некой даме, живущей в дереве. Вот хитрец! Ему нужна взрослая, опытная женщина, а не какая-то молодая соседка! Я думал, что Зоэ рассказала Икару, как найти ее дом.

— Ему не следует ходить по лесу одному. Если Пандия видела воина...

— Невозможно держать его под присмотром целый день. Ты же знаешь, что он отнюдь не домосед.

— Да, ты прав. В последнее время Икар стал каким-то *беспокойным*. Может, ему действительно нужна хорошая прогулка по лесу. Позови меня, когда он придет домой, ладно, Эвностий? А сейчас меня ждут в мастерской.

— Тея,— окликнул я ее.— Твои уши...

— Что? — Она улыбнулась.

— Очаровательны.

Икар, как потом выяснилось, отправился к Зоэ. Не зная дороги, он стал искать Пандию, думая, что она проводит его. Обнаружив, что медведица не отвечает на крики и свист, он придумал следующее: набрал ежевики и, шагая по лесу, стал ее есть, а часть ягод бросал на землю. Пандия не заставила себя долго ждать и тут же появилась, привлеченная запахом ежевики. Нет, она не могла сказать наверняка, где стоит дерево Зоэ, ведь в лесу живут десятки дриад, но она знала, что где-то неподалеку от большого улья, в котором часто брала мед. Она отведет Икара к улью, а по дороге они наверняка кого-нибудь встретят, и он укажет им дорогу. На том и порешили. Пандия взяла Икара за руку, боясь, что по лесу бродят дикие медведи.

— У тебя рука липкая,— заметил Икар.

— Ой, я пропустила несколько пальцев,— сказала медведица и, слизав с них последние зернышки ягод, вновь взялась за его руку.— Знаешь, тебе нужно носить набедренную повязку,— неожиданно объявила она.

— Ты так думаешь? — спросил Икар и покраснел. Торопясь поскорее уйти из дома, он забыл одеться.

— Чтобы скрыть отсутствие хвоста. У тебя сзади так пусто.— И, сказав это, она перешла к более важным темам: — Ты будешь пить с Зоэ пиво?

— Может быть,— ответил Икар.

Ему пришла в голову мысль, что согревающее тепло пива развяжет язык и вдохновит его на блестящие комплименты. Он шел без подарка и поэтому чувствовал себя не очень уверенно.

— Интересно, есть ли у нее медовые лепешки?

— Нет,— сказал Икар тоном, не терпящим возражений.— Она вообще их никогда не делает, и поэтому тебе незачем к ней идти. И ждать меня тоже не надо.

Втайне он надеялся задержаться у Зоэ на несколько дней, обследовать потайные ходы, скрытые листвой балконы и получше разучить танец Питона. У него появилось непривычное и волнующее ощущение безграничной свободы. От сладостного предвкушения взросления аппетит разыгрался, как от жареного миндаля. Он уже представлял себе, как Тея с Эвностием приходят к дереву Зоэ, а он, удобно устроившись на перилах из коры, кричит им сверху: «Не ждите меня. Я останусь здесь на всю ночь».

Икар и Пандия вошли в заросли бамбука. Стройные, будто составленные из многих звеньев, побеги скрывали их почти с головой. Светло-зеленые листья, о которые задевали их тела, шуршали, как папирус. Пандия рассказала, что кентавры-земледельцы, не имеющие себе равных, еще во время давних странствий завезли сюда из страны желтолицых людей семена бамбука.

Выйдя из зарослей, они заметили невысокого юношу с удлиненными крыльями, который, похоже, поджидал их.

— Вы, наверное, ищете мою сестру? — спросил он. Икар обратил внимание на его тело. Оно было не толстым, но совершенно без мускулов, и казалось, если до него дотронуться, рука войдет в мягкую плоть, как в живот морской собаки[15]. Но, несмотря на это, молодой человек отличался весьма приятной внешностью — его руки и щеки покрывал золотистый пушок, будто их присыпали пыльцой, круглые глаза

были немыслимо золотыми, а крылья — черными в крапинку, как плавник акулы.

— Икар, не слушай его,— злобно прошипела Пандия, стараясь при этом говорить как можно более отчетливо, чтобы молодой человек все понял.— Он из племени трий. Может, он собирается нас обокрасть.

— Что у тебя можно украсть, кроличий пояс? — Слова его сопровождались презрительной улыбкой.— Сегодня я не беру, а даю. Хотите знать что?

Икар вовсе не собирался спрашивать. Он был глубоко оскорблен замечанием о кроличьем поясе Пандии.

— Что? — спросила медведица.

— Сестер,— ответил он.— Вернее, одну сестру. Разве ты не это ищешь, Икар? Мужчины всегда понимают друг друга. Твой взгляд говорит: мне надоело охотиться, работать в саду, все время находиться в обществе мужчин. Мне нужны мягкие губы и дразнящий аромат мирриса, нежные руки и шелковистые волосы.

— Я иду к дриаде Зоэ,— сказал Икар. (Интересно, откуда этот тип знает, как меня зовут?) — Ты можешь показать мне ее дом?

— Я могу показать абсолютно все.

Он взял Икара за руку и повел мимо высоких рожковых деревьев, с ветвей которых свисали такие же стручки, как те, что Тея ела на завтрак. Пандия тащилась сзади. Она не отрывала глаз от юноши, боясь, как бы он все же не оказался вором и не украл ее пояс из кроличьей шкурки (или, об этом даже подумать страшно, ее собственную шкуру). Икару, конечно, бояться было нечего.

Они вышли на луг. Море цветов и над ним жужжание пчел. Стройными колоннами возвышаются над землей стебельки, но стоит подуть ветру, как по лугу пробегает зеленая волна. Пчелы колеблющимися черными и золотыми нимбами висят над цветочными головками, а затем, как искры от подожженного молнией дерева, в одно мгновение разлетаются в разные стороны и, опустившись вновь, проникают сквозь алые стенки маков к их черным сердцевинам, в лимонно-желтые цветы гусиного лука и в любимые богами гиацинты, чей пурпур богаче пурпура самой багрянки. Из такого вот сада, подумал Икар, когда еще не было людей, пчелы, перелетные птицы и быстрый ветер принесли на землю все цветы, даже такие, как скромные крокусы, росшие в

Ватипетро. В центре луга на увитых виноградной лозой шестах, напоминавших корабельные мачты, возвышался над землей почти невесомый шестигранный дом. Стены его были сделаны из тростника, крыша покрыта высушенными стеблями водяной лилии, а окна затянуты матовым вощеным пергаментом. Первая же буря разрушит такие стены и сорвет крышу. Летний дом, не более долговечный, чем цветок, но такой же красивый, построенный, чтобы любоваться им, а не жить в нем долгие годы.

— Вот этот дом,— сказал проводник.

— Но Зоэ живет в дереве.

— Это дом моей сестры.

Тростниковая занавеска раздвинулась, в дверях появилась девушка. Она смотрела на Икара, и взгляд ее говорил: «Скоро ты обязательно будешь моим гостем».

— Икар,— укоряюще сказала она наконец,— что же ты так долго не приходил?

— Откуда ты знаешь, как меня зовут? Я твоего имени не знаю.

— В лесу уже все слышали, что в доме у минотавра Эвностия поселился красивый мальчик. И его сестра, строгая Тея, которая глаз не спускает с обоих мужчин. А она знает, что ее маленький братишка задумал шалость?

Икар рассердился:

— Это ее не касается.

— А что она сказала бы обо мне? Развратная Эмбер, соблазняющая невинных мальчиков?

— Она бы сказала, что ты очень красивая.

Действительно, кожа у девушки была гладкой, а красота яркой, как тигровая лилия из страны желтокожих людей. Золотые с фиолетовыми крапинками глаза не меняли своего выражения, даже когда губы расплывались в улыбке, и были похожи на голодные рты. Когда она заговорила, Икар заметил, что у нее длинный тонкий язык в таких же золотых, как ее глаза, крапинках. Она была даже меньше Теи. Икар подумал, что длинные крылья с легкостью поднимают в воздух такое крошечное тело. Это была не девушка, а крылатая лилия, обладающая кошачьей грацией, но почему-то у него вдруг перехватило дыхание, и огненная улитка поползла по его телу.

— Хочешь посмотреть мой дом? — спросила девушка.— Тебе нужно отдохнуть после прогулки в лесу.

— Я иду к Зоэ,— вновь повторил Икар, но с гораздо меньшим энтузиазмом, чем в первый раз. Она засмеялась:

— Ты, наверное, боишься меня. И вообще всех женщин, кроме маленьких медведиц и толстых старух, вроде Зоэ. Может, тебе больше по душе мой брат? Мне рассказывали, что в городах людей любовь между мужчинами не редкость. То же самое и среди трутней, вроде моего брата. У трий мало королев, а работницы не более привлекательны, чем ишаки. Что еще остается делать несчастным трутням, как не утешать друг друга? Говорят, они в этом преуспели.— Она повернулась к своему брату: — Тебе нравится Икар, мой дорогой? Он как зрелая фига, и мне кажется, пчелы еще не побывали в его улье.

Ее брат продолжал улыбаться. Его золотой язычок мелькал меж влажных губ, и ему не было надобности разговаривать.

— Я передумал,— сказал Икар девушке.— Как мне подняться к тебе?

Она спустила лестницу со ступенями из воловьей кожи.

— Когда ты попробуешь мой мед, тебе покажется, что у тебя выросли крылья, и лестница тебе больше не понадобится.

Едва Икар встал на первую ступеньку, как Пандия схватила его за руку:

— Я с тобой.

— Пандия, у нее нет медовых лепешек.

— Она сказала «мед», ведь правда?

— Она, наверное, имела в виду гостеприимство.— Пандия чуть не плакала:

— Мне вовсе не нужны лепешки. Я просто боюсь, что она сделает тебе что-нибудь плохое. Она нехорошая женщина. Посмотри, как у нее подрагивает язык.

Смех Эмбер зазвенел, как серебряный колокольчик:

— Ты считаешь меня нехорошей, Икар? Может, это и так. Иначе откуда же я знаю столько способов получать удовольствие?

Преодолевая ступеньку за ступенькой, Икар поднялся наверх. Эмбер подала ему руку и помогла войти в дом.

С потолка на тонких стеклянных цепях свисали плетеные стулья. Сквозь шелковые драпировки, сотканные пауками, виднелись тростниковые стены. Но самым главным украшением комнаты были цветы. Они лежали повсюду, целыми охапками, как горы награбленных драгоценностей, которые

побросали в египетской пирамиде воры, застигнутые на месте преступления. Одна стена была отделана полированным воском, и комната, отражаясь в ней, казалась таинственным садом, а лицо Эмбер — прекрасным бутоном. «Среди цветов со мной ничего не может случиться»,— подумал Икар, посмотрев на пчел, собирающих вокруг него нектар.

И все же он был пленником в этом саду, закрытом даже от солнечных лучей; Эмбер быстро убрала лестницу.

— Ты застал моих друзей за работой,— улыбнулась она, показывая на пчел, кружащихся над охапкой нарциссов.— Сначала они собирают нектар в свои сумки, где под воздействием сока, выделяемого их телами, он превращается в мед. Затем они извергают его в восковые лотки и выпаривают из него воду, подогревая крыльями. Получается чистый мед, который я обмениваю на шелк, драгоценности и золото. Твой Эвностий иногда дает мне за него браслеты. Но не подумай, что я тоже работаю. Я королева.— Она произнесла это с такой гордостью, что, казалось, на ее голове засверкала корона, а на плечах заколыхались пурпурные одежды.

— А что делает королева? — Икару хотелось, чтобы ее ответ был таинственным и волнующим, и он не разочаровался.

— Она живет, как цветок, только ради удовольствий. Она наслаждается нежностью ветерка и теплом солнца, любовью бабочек и бражников и всем тем, что составляет приятное и праздное существование растений. Но ей дано одно наслаждение, не известное цветам.

Икар с нетерпением ждал, что это за редкостное наслаждение.

— Это дар мужских объятий,— сказала она наконец, выговаривая каждое слово с такой осторожностью и любовью, будто они были сделаны из бесценного, тончайшего шелка.— Хочешь, я расскажу тебе о твоей красоте? И буду перечислять твои мужские достоинства до тех пор, пока перед твоим мысленным взором не предстанет прекрасный юный бог?

— Ты это действительно сделаешь? — спросил он. Это был лучший способ обрести уверенность в себе.

— Голова благородных пропорций в ореоле роскошных волос. Тело подростка, уже готового стать мужчиной, но пока еще его мужская сила скрывается под нежным пушком юности.— Эмбер внимательно смотрела на Икара, и в ее взгляде были и расчет, и страсть.— Дорогой, мне надоели бабочки. Я жажду диких безумств шмеля.

— Боюсь, тебе нужен не я, а Эвностий,— сказал Икар.— Думаю-то я, как шмель, но пока еще не научился жужжать.

Эмбер усадила его на один из подвешенных к потолку стульев, подала блюдо с цветочной пыльцой, подогрела над маленьким очагом вино в медном сосуде и влила в горячую жидкость мед.

— Выпей,— сказала она.— Наслаждение разольется по твоему телу с первой же каплей. Сильные крылья начнут биться у тебя за спиной.

Икар одним глотком осушил чашу. Что это? В тонкие тростниковые двери ворвался свежий ветерок? Или это биение его сердца раскачало стул, на котором он сидел, и освободило его из этой медовой комнаты, а заодно и из собственного тела? А может, все оставалось на своих местах и ему это просто почудилось?

Эмбер взяла его за руку, поставила на ноги и уверенно повела к груде цветов.

— Не бойся сломать их,— сказала она.— Они уже отдали свое золото и стали совершенно бесполезными.

Икару казалось, что он отлит из бронзы. Легкость исчезла, он вновь чувствовал свой вес, стебельки цветов вдавились в его обнаженное тело, и по нему поползла огненная улитка. Эмбер прикоснулась к его груди, рука ее обжигала, как горящий факел.

Но от гипнотического взгляда золотых глаз по всем его членам растекалась сонливость, и жесткие стебельки стали ласкать его, как маленькие холодные язычки. Он знал, что должен стиснуть Эмбер в своих объятиях и завладеть ее губами, как алчный Аякс. Он должен стать шмелем, а не бабочкой. Но он засыпал. Зоэ, подумал Икар с тоской, заставила меня танцевать, а Эмбер усыпила. Может, я в этом и не виноват.

Ее лицо приблизилось к нему — голодная золотая луна, которая поглотила его, унося в свои небеса...

Колокольчик звенел так настойчиво, ни на минуту не замолкая, будто висел не на двери, а на шее у коровы. Как только я открыл дверь, Пандия схватила меня за руку. Пояса на ней не было, сандалии совсем развалились.

— Эта женщина заманила его в свой улей,— прошептала она как раз в тот момент, когда к нам подошла Тея.

— Ты имеешь в виду трию?

Я даже не сразу понял, в чем дело. Королевы слишком миниатюрны для объятий кентавра или минотавра, а маленькие волосатые паниски не пользуются у них успехом. Но мальчик вроде Икара — почему же я не предупредил его? Почему не ответил на его вопрос в тот день, когда мы шли на пикник?

— Да. Он поднялся по лестнице к ней в дом и велел мне уходить.

— Покажи нам этот дом,— воскликнула Тея, и Пандия, глубоко вздохнув, храбро побежала перед нами, указывая путь.

Мы стояли под ульем. Он был плотно закупорен, и, казалось, попасть в него было так же невозможно, как достать черепаху, спрятавшуюся в свой панцирь. Лестница была поднята, дверь и окна закрыты. Вот тут-то и пригодился мой рост. Я ухватился за узкий выступ у самой двери и, подтянувшись, забрался на порог. Откинув в сторону тростниковую занавеску, я ворвался в дом. По комнате, как сироп, льющийся из чаши, растекался сладкий аромат. Он дразнил и расслаблял. Однообразное гуденье пчел напоминало жужжание мух, кружащихся над мертвым телом. Я обратил внимание на свернутую и брошенную у входа лестницу, а затем увидел бледного, как пена, Икара, лежащего в объятиях трии.

Я кинулся к нему, наступая на груды цветов. Пчелы с гудением разлетались передо мной в стороны, а затем, возвращаясь, жалили в ноги. Но я ничего не чувствовал и, схватив королеву за крылья, с силой оторвал ее от моего друга, как отрывают вцепившегося в рыбу краба. Она захныкала, но не стала защищаться. В ней было что-то глубоко отвратительное и хищное, нет, хуже, не хищное, ей не хватало смелости хищника, она охотилась лишь на беспомощных мальчуганов.

— Слишком поздно.— И она улыбнулась.— Я вдохнула смерть в его легкие.

— Опусти лестницу,— с трудом выговорил я. В моем голосе были гнев и мука.

Королева направилась к двери. Но, догадавшись, что она собирается удрать, я одним прыжком опередил ее и сам бросил лестницу Тее и Пандии.

— Следите за ней,— сказал я им, когда они забрались наверх.

Увидев Икара, Тея побледнела и с трудом сдержала крик. Но она не стала биться в истерике, а приказала Эмбер:

— Помоги моему брату, или я оторву тебе крылья.

— Есть только один способ помочь ему,— сказал я.— Мне нужно высосать яд из его легких.

— Я сделаю это сама,— заявила Тея.

Ее решимость объяснялась не хладнокровием, проистекающим от недостатка чувств, а смелостью, порожденной страхом. Она боялась и ненавидела лес, но сейчас спокойно и без волнения готова была ответить на его самую коварную угрозу.

— Эвностий, разреши мне. Он мой брат.

— И мой друг,— заметил я.

— Ты можешь умереть?

— Да.

Я прижался губами к бескровным губам Икара. Подобно охотнику, отсасывающему змеиный яд из ранки, я всасывал в себя губительный воздух, который вдохнула в мальчика Эмбер из своих пропитанных отравой легких. Он не обжигал, а обманчиво, будто это струя густого меда, перетекал в мое горло.

Каким маленьким показался мне Икар, слабым, бледным и почти без признаков жизни! Мне вдруг представилось, что это мой сын от Теи, и, целуя его, я целовал ее; а потом я увидел, как мы, смеясь, идем по лесу, и Икар держит нас с Теей за руки; затем он превратился в малыша, уцепившегося за нас своими ручонками и весело раскачивающегося, того малыша, которого я так любил, когда он жил в дереве Коры. Икар, сынок, вдохни свой яд в мои легкие, ведь я тебе как отец, а отец должен ночью защищать своего сына от стригов, а днем от пчелиных королев, подставлять свою грудь под пущенную в него стрелу, закрывать его собой от летящего камня и раздирающих тело когтей. Ведь любовь — это бронзовый щит. Моя голова бессильно опустилась рядом с его щекой, и сон, похожий на осенний листопад, одолел меня. Поток света хлынул в комнату. Я увидел, что Тея встала на мое место рядом с Икаром, но прежде она разорвала пергамент и впустила свет и свежий воздух.

— Тея,— прошептал я.— Теперь мы оба отравлены.

— Нет, мы просто поделили яд пополам,— ответила она.— А это уже совсем другое.

Икар открыл глаза и сонно проговорил:

— У меня в легких был мед. Он такой сладкий. От него мне хотелось спать.

И, как ребенок, лежащий в теплой постели и обнимающий свои любимые мягкие игрушки, он притянул нас к себе.

— Тебе нельзя сейчас спать,— сказал я.— В твоем теле еще остался яд.

Я помог ему встать на ноги. Он сделал первый неуверенный шаг, ухватился за меня, а затем, хоть и с трудом, но уже самостоятельно добрался до противоположного конца комнаты.

— Со мной теперь все в порядке,— сказал он.

Тея наблюдала за ним с гордостью, будто это она научила его ходить. Но как только он остановился, сразу же укоризненно спросила:

— Икар, как ты оказался в этом доме?

— Я шел к Зоэ и заблудился.— Он не собирался оправдываться.

Тея вспыхнула, как еловый факел:

— Это твоя подружка, Эвностий! Он шел к твоей подружке! Разве не ты направил его к ней?

— Нет,— сказал я,— но действительно думал пойти вместе с ним на следующий день.

— Вы собирались спать с ней. Оба. С этой шлюхой!

Подумать только, Зоэ, добрейшая из женщин,— шлюха! Гнев развязал мне язык и сделал жестоким:

— Она теплая, щедрая и женственная. Действительно, она отдает свое тело. А ты не отдаешь вообще ничего. Твое тело такое же холодное, как сугроб. Я был счастлив, пока ты не появилась здесь. У меня были друзья, дом, сад, и никто не требовал, чтобы я вел себя, как евнух. А ты что сделала? Оскорбила моих друзей, перевернула все вверх дном в моем доме, сорвала цветы. Зоэ, несмотря на своих любовников, в тысячу раз лучше, чем ты. Она, во всяком случае, женщина, а ты — холодная ханжа.

Не успел я закончить, как получил пощечину. Сгоряча я толкнул Тею, и она, издав удивленный возглас, опустилась на пол, да так и осталась сидеть на большой груде маков, похожая на изображение Великой Матери, только не такая величественная и невозмутимая.

— Икар! — закричала она, плача, будто хотела сказать: «Подай мне руку и защити свою сестру от этого грубого животного».

Но Икар не подошел к ней, а проговорил решительно:

— Мы все-таки пойдем к Зоэ.

— Следите за трией,— предупредила нас Пандия.— Она что-то задумала.

Перебрасываясь обвинениями, мы совсем забыли, из-за чего началась ссора. Пандия оказалась более бдительной.

— Я не спускаю с нее глаз,— сказала она, стоя у самой двери с большими щипцами в руках.— Пусть только попробует подойти, я сразу огрею ее. Смотрите, она плачет! Наверняка задумала какую-нибудь хитрость.

Действительно, Эмбер сидела среди цветов, над которыми больше уже не кружились пчелы, и слезы, похожие на крупные бриллианты, катились у нее по щекам.

Икар подошел к ней:

— Не бойся, мы тебе ничего не сделаем.

— Ты думаешь, я плачу от страха?

— Неужели от раскаяния? — спросил я.— Не поздновато ли?

— Я плачу от жалости к себе, к своему жестокому сердцу,— ответила она.— Он лежал в моих объятиях, испуганный и нежный, невинный мальчик с телом мужчины. Такой милый и такой беззащитный. И все же я не смогла полюбить его. Я не смогла пожалеть его. И когда я увидела, как вы трое пытаетесь сделать друг другу больно, а боль — та же любовь, я почувствовала к вам зависть. Это мои первые и последние слезы. Я живу в доме из цветов, но собираю их только ради меда и никогда не сожалею о смятом лепестке или сломанном стебле. И всегда мне нужен будет только мед. Мед или золото.

— Золото? — спросил я подозрительно.— Кто-то заплатил тебе, верно? Ведь не любовь же заставила тебя разыскивать Икара. Тебе заплатили за то, что ты убьешь его своими поцелуями!

Эмбер засмеялась:

— Что я получу за то, что скажу тебе, кто мне заплатил?

— Жизнь.

Она взглянула на мои увесистые кулаки и сильные копыта.

— Ахейцы. Не только мне, но и моим людям. За то, что мы пропустили в лес их разведчиков.

— А человек по имени Аякс? — воскликнула Тея.— Он был среди них?

— Да. Он дал нам браслеты и пообещал тому, кто убьет вас или приведет к нему живыми, черепаховый панцирь, полный золота. Вас всех — тебя, Икара и Эвностия. Ради этого он не остановится ни перед чем и готов даже начать вторжение в лес.

Глава VII
ВТОРЖЕНИЕ

Мы добрались до города кентавров, когда уже начинало темнеть. Мосх и его соплеменники были не только земледельцами, но и воинами, самыми сильными из шести звериных племен, а их вождь Хирон считался некоронованным королем леса. Мы пришли к ним, чтобы рассказать о предательстве трий. В мирное время каждое из племен старательно оберегало свою независимость, но когда наступала опасность, все обращались к Хирону. Так случилось, например, в ту морозную зиму, когда волки спустились с гор и стали похищать нашу дичь и наших детей.

— Выжмите сок из корней волчьего яда (так мы в лесу называем аконит) и смажьте им концы ваших стрел,— велел Хирон.

После первой же атаки волки ушли из леса, а Мосх был награжден за свою храбрость поясом.

Мы перешли через оросительный канал и оказались сначала в винограднике. Твердые зеленые ягоды, свисающие с лозы, вьющейся по решетке, обрастут сладкой пурпурной мякотью, и, привлеченные ароматом, со всех сторон, даже из дальних домов трий, будут слетаться к ним пчелы. За виноградником начиналась оливковая роща. Серебристые листья деревьев в лучах заходящего солнца утратили свой блеск и приобрели благородный оттенок старинных драгоценностей. Заросли финиковых пальм, некогда тоненькими саженцами привезенных из Ливии и благодаря тщательному уходу превратившихся в пышные, дающие обильный урожай деревья, напоминали роскошный оазис в пустыне. Мы обошли стороной загоны для скота, окруженные изгородью из острых кольев, которая надежно оберегала животных от ночных визитов медведей и дерзких набегов волков, порой спускавшихся с гор и проникавших в ничем не защищенный город кентавров, и оказались у заполненного водой рва.

Я подошел к его краю и стал внимательно вглядываться в изгородь, ощетинившуюся своими острыми, похожими на зубы барракуды[16], кольями. Конечно, это понадежнее, чем любая стена, подумал я, содрогнувшись от самой мысли о войне. И все же такая преграда не остановит хитроумных ахейцев. Я знал, что у них есть тараны, и если составить два из них вместе, получается неширокий мост. У самого рва росла группа

оливковых деревьев. Она могла стать хорошим прикрытием для врага, вознамерившегося перейти через ров под покровом ночи.

— Хирон,— громко закричал я, и самый высокий и величественный кентавр, отделившись от группы приятелей, поскакал галопом в нашу сторону по дороге, посыпанной ракушечником.

— Эвностий,— заржал он с противоположного берега, вставая на дыбы.— Не часто мы слышим твое мычанье. Я вижу, ты привел своих новых друзей и крошку Пандию, наверняка голодную.

Хирон вошел в небольшую деревянную башню с плоской крышей и сразу же узкий, с перилами, подъемный мост беззвучно, как огромный орел, опустился на бронзовых цепях. (Сделан он был по моему проекту.) Мы встретились, и там же, на мосту, я рассказал Хирону о триях.

Он помрачнел;

— Это меня не удивляет. Они способны на любую подлость. Надо принимать меры.

Мы вошли в город вместе с Хироном. Грива его напоминала сугроб только что выпавшего и еще совсем мягкого и пушистого снега. Широко расставленные немигающие глаза будто вобрали в себя голубизну одного из чистых и прозрачных озер на Туманных островах в те редкие дни, когда там нет тумана. Он видел все, во взгляде его мелькал гнев, но в нем не было злобы. Он понимал, порой осуждал, но никогда не обвинял. Конечно, Хирон не был аскетом. Тот, кто подобно кентаврам близок к земле, растит хлеб и ухаживает за скотом, всегда несет в своей крови частицу земли, и всегда в его лице есть что-то, отличающее его от других. Это крестьянин, а не философ. Но та земля, которую нес в себе Хирон, была очищенным до белизны и тщательно просеянным песком кораллового острова.

В бамбуковых домах кентавров мерцали огоньки. Они представляли собой длинные, красивые, открытые с обоих концов строения с остроконечными крышами. Над каждым порогом висел светильник, затянутый оранжевым пергаментом. Кентавры называли его фонарем. Рядом с фонарем они обязательно вешали ивовую клетку с поющим сверчком — символом удачи (не забывайте, что некогда кентавры посетили страну желтолицых людей). Ночью они спали стоя, прислонившись к стене, которую, чтобы дать отдых своим чувствительным бокам, затягивали шелковыми драпировками, сотканными дриадами. Под копыта подкладывали ковер из

клевера. Каждое утро, когда мужья уходили в поле, работящие жены меняли ковер.

Сейчас, вечером, некоторые мужчины-кентавры принимали ванну. Сами ванны были из терракоты, имели удлиненную форму, соответствующую их длинным телам, и заканчивались специальными подставками для головы и рук. Кентавры пофыркивали, били по воде ногами, а когда мимо случалось пройти кому-нибудь из их приятелей, смеясь, пытались его обрызгать. Женщины разводили огонь перед домом, чистили мотыги и грабли, принесенные мужьями с поля, или кормили маленьких, жирных и очень аккуратных поросят, которых кентавры держали в своих домах подобно тому, как люди держат собак или обезьян.

Мой старый приятель Мосх вылез из своей ванны весь в пене (он мылся копией — смесью щелока с золой) и поскакал к нам, чтобы поприветствовать. Он едва кивнул Тее, по-отечески улыбнулся Икару и стал пожимать мне руки. Мосху хотелось пригласить нас к себе, но Хирон опередил его, сообщив новость.

— Труби в раковину, Мосх,— сказал он.— Пора собирать совет.

Мосх дул в раковину с такой же силой, с какой он обычно дул в свою флейту, и властный зов океана, вобравший в себя шум набегающего на берег прибоя, шорох пенящейся волны и печальные стоны утонувших моряков, разносился над всей страной. Кентавры бросали свои инструменты, вылезали из ванн и в сопровождении поросят направлялись следом за нами к театру, расположенному в самом центре города. Это была круглая открытая арена, окруженная горящими факелами, вверх от которой поднимались двенадцать каменных рядов. Именно здесь кентавры разыгрывали свои драмы в честь Великой Матери, которую они называли Пшеничной Богиней, и ее сына, Божественного Младенца, и здесь звучали их голоса, распевающие дифирамбы[17].

За кентаврами пришли другие звери: вылезшие из нор паниски, рассерженные тем, что их потревожили раньше, чем они успели украсть себе что-нибудь на ужин; медведицы Артемиды, уже заснувшие было в своих полых бревнах и теперь трущие спросонья глаза и расчесывающие на ходу шерсть черепаховыми гребнями; высокие и стройные, как их деревья, дриады, источающие аромат коры и нежных весенних бутонов. И, конечно, *трии, будто не ведающие ничего о*

предательстве Эмбер. Прилетело три роя: трутни, перебрасывающиеся шуточками и по-женски подергивающие крыльями; мрачные, неулыбчивые и тяжелые, будто закованные в доспехи работницы и, наконец, три королевы (четвертая, Эмбер, не явилась), чьи величавые движения несколько сковывали массивные, непрестанно звенящие золотые браслеты. Хирон, повелитель кентавров, спустился вниз по рядам и вышел на арену. Стоило ему только поднять свою благородную голову, как вокруг воцарилась полная тишина. Сразу стало слышно блеяние овец, доносившееся из загонов для скота, и, совсем рядом, непрекращающийся визг поросят, которых хозяева пытались успокоить ударами хвостов.

Хирон заговорил. Его слова прозвучали, как трубный глас:

— Были выдвинуты серьезные обвинения и сделано предупреждение о серьезной опасности. Сейчас мы послушаем нашего уважаемого друга Эвностия.

Примолкшая толпа повергла меня в смущение, ведь я всего лишь простой садовник и ремесленник, и у меня нет никакого навыка в ораторском искусстве (ну разве что чуть-чуть, как у поэта). Зверей собрали, ничего им не объяснив, и они чувствовали себя так, будто забежали сюда на минутку. Я должен был вовлечь их в разговор, убедив в его серьезности. Мои друзья стояли у края арены. Тея пыталась поддержать меня своей улыбкой и ободряющим жестом. Пандия делала вид, что ей очень интересно, хотя на самом деле предпочла бы сейчас поужинать, а не слушать речи. Зато Икар смотрел на меня, как на бога. Он готов был с восторгом принять все, что я ни скажу.

Я начал:

— Мы жили в мире и довольстве с тех пор, как ушли в лес от людей. Каждый из нас делал свое дело и вносил свою лепту в общее благополучие. Каждый делал то, что было предназначено ему Великой Матерью. Принявшие нас сегодня кентавры обеспечивали всех продуктами, производимыми в их прекрасных хозяйствах. Дриады в своих деревьях ткали шелк. Трии, медведицы Артемиды, паниски — да есть ли необходимость говорить об их мастерстве и предназначении? — (Так же как не было необходимости говорить и о том, что трии не только работали, но и всегда воровали.) — В прошлом мы гордились тем, что ни от кого не зависим. Самообеспечение было нашей целью и нашим достижением. Этого больше нет. Одно из племен соблазнилось чужим золотом.

Я замолчал, но не ради драматического эффекта, как обычно делают кентавры, когда распевают дифирамбы, а для того, чтобы перевести дыхание и подобрать слова для заключительной части своей речи. Я привлек внимание зверей. Теперь надо призвать их к действию.

Я указал пальцем на пчелиных королев:

— Виновные перед вами. Они предали нас за золото. Я услышал из уст их четвертой королевы, что она и ее люди обещали передать моих друзей в руки ахейцев. И ради этого они готовы помочь им осуществить вторжение.

ВТОРЖЕНИЕ! Возглас удивления и потрясения пронесся по рядам, как ветер по пальмовой роще. Ни разу за долгие годы, прожитые в лесу в полной изоляции от людей, нам не угрожало их вторжение — такой ужас наводили звериные рога, копыта и хвосты. Лишь Эак с молчаливого согласия всех провел рядом с нами несколько лет, а затем вернулся в Кносс. Но то, что он рассказал или же, наоборот, скрыл, только способствовало сохранению сложившейся о нас легенды. Однако Хирон и другие старики помнили, что раньше мы жили у моря и однажды на берег с кораблей, украшенных фигурами Горгон, высадились пираты и стали сжигать наши дома и забирать зверей в рабство. Старики не забыли, как разлетались в щепки двери, как красный огненный дракон лизал своим языком тростниковые хижины, как кричали маленькие паниски, попавшиеся в сети, и как тащили за волосы дриад по горящим оливковым рощам. Хорошо запомнилось им и то, как надменно улыбнулся критский царь, когда оставшиеся в живых звери пришли к нему искать справедливости:

— Защищайте себя сами. Я не отвечаю за случайные набеги пиратов.

А затем было принято мучительное решение оставить людей, с которыми бок о бок мы прожили столько веков, и уйти в безопасный лес. Крестьяне, рассерженные тем, что теряют помощников, пытались остановить нас, и Хирон поставил перед ними жестокое условие: «Если вы не дадите нам уйти, Синяя Магия уничтожит все ваши посевы». Ночью кентавры чем-то густо засыпали поля, и на месте пышных виноградников остались лишь черные стебли. Когда мы уходили, напуганные крестьяне, пытаясь задобрить нас, подносили молоко и сыр, уйдя же, мы превратились в легенду — не люди и не звери, а четвероногие демоны с раздвоенными копытами, которые могут своим злым колдовским взглядом уничтожить посевы.

Хирон подошел к краю арены и сурово посмотрел на трех королев:

— Что вы можете ответить на обвинение, выдвинутое Эвностием?

Одна из королев, самая старшая, спустилась вниз на арену и расположилась там, как у себя на троне. Это была умудренная жизнью женщина с морщинистым лицом и большими золотистыми глазами. Руки со звенящими на них браслетами она спрятала за спину.

Голос ее был сладок как мед, но в нем была и немалая порция соли:

— Новые друзья нашего дорогого Эвностия — люди — околдовали его. Что бы мы здесь ни обсуждали, виноваты во всем они — эта девушка и ее брат, а мы, бедные трии, как всегда, стали жертвами. Я не знаю ни о каком золоте, полученном от ахейских солдат, разве что оно попало в руки к маленькой колдунье Тее и ее большеголовому брату.

— А это? — спросил я, указывая на браслеты, украшенные миниатюрными изображениями погребальных масок микенских царей.— Неужели они сделаны в моей мастерской?

Королева взглянула на свои запястья:

— Где же еще? Твои работники отдали их мне за шесть кувшинов меда.

— Ни один тельхин не мог их сделать,— сказал я,— ни в моей мастерской, ни где-нибудь еще в лесу. Тельхины способны лишь копировать, а погребальные маски можно увидеть только в Микенах или в Тирине.

Королева вздрогнула. Но трии легко находят что сказать и становятся особо наглыми, когда их уличают во лжи. Даже не шевельнув крыльями, она проговорила:

— Допустим, мы действительно взяли у ахейцев несколько браслетов за то, что отдадим им человеческих детей. Если мы позволим твоей Тее и Икару остаться в лесу, они наверняка навлекут на нас беду, как сделал их отец. Может, ты забыл о том, что их мать Кора сгорела в своем дереве? Мои люди и я просто мечтаем выдворить из леса этих опасных чужеземцев. Мы вовсе не хотим, чтобы в лес пришли захватчики. Но если ты действительно боишься вторжения, отдай детей нам, а мы, в свою очередь, передадим их ахейцам, и опасность будет устранена,

— Она называет нас человеческими детьми,— запротестовал Икар. Он говорил громко и убедительно.— Это нас оскорб-

няет. Из ее собственных слов следует, что наша мать — дриада Кора. Посмотрите на мои уши и скажите, человек я или зверь!

— Не отдавайте детей! Они принадлежат лесу не меньше, чем я.

Это была Зоэ. Как мне захотелось обнять ее! А Мосх повторил:

— Не отдавайте детей!

НЕ ОТДАВАЙТЕ ДЕТЕЙ!

Сотни глоток выкрикивали эти слова, просьба превратилась в приказ, властный, требующий исполнения. Старая королева захлопала своими выпуклыми глазами, готовясь ответить, но Хирон не позволил ей ничего сказать.

— Мы, конечно, не отдадим детей. И будем защищать их от захватчиков. А тебе,— тут он гневно взглянул на королеву,— тебе и твоему народу я запрещаю отныне присутствовать на наших советах и жить в нашем лесу. Уходите к людям, которые купили вас за золото. Скажите им, пусть атакуют, если не боятся.

Королева улыбнулась, и ее пухлые губы скривились и стали бесформенными, как медузы.

— Разве у вас есть щиты, чтобы прикрываться от ударов боевых топоров? — спросила она.— Или, может, у вас имеются наголенники, нагрудники и шлемы? Я думаю, мы скоро вернемся сюда вместе с завоевателями. Откормите-ка получше своих поросят, чтобы нам было чем отпраздновать победу.

Кентавры быстро попрятали поросят между копытами, и тут же им пришлось втянуть головы в плечи, так как, оттолкнувшись изящным движением от земли и взволнованно переговариваясь, все трутни одновременно взмыли в воздух и пролетели прямо над их головами. Следом за ними двинулись работницы, уже не просто мрачные, а разъяренные до предела. И последними, легко и изящно, будто поднявшись по ступенькам дворцовой лестницы, исчезли в лабиринте ночи три гордые королевы.

Глава VIII

БЫК, КОТОРЫЙ ХОДИТ, КАК ЧЕЛОВЕК

Перед боем все мелочи обычной мирной жизни начинают казаться чрезвычайно значительными. Зажженные светиль-

ники освещали заботливо распростершиеся над нашими головами корни моего логова, которые, казалось, говорили: наслаждайся, пока возможно, пикантным мускусным ароматом яичницы из яиц дятла и веселым янтарным пивом, разливаемым по чашам из бурдюков. Вкус обостряется, цвет становится ярче, и любовь, как добрый змей, доставшийся тебе от предков, оставляет свой след и в твоем доме. Тея и я поссорились в улье Эмбер и обрушили друг на друга град тумаков и жестоких слов. Но сейчас мы не думали о том, какие мы разные. После войны мы, может, вернемся вновь к своим обидам и ущемленному самолюбию и придем к выводу, что, действительно, надо было выговориться, но все же мы сказали друг другу слишком много. А сейчас, когда лес доживал свои последние спокойные дни, я понял, что так страстно люблю Тею, как только может любить мое некогда весьма непостоянное сердце. Говорят, когда Великая Мать была девушкой, стройной и невинной, она жила в доме, сделанном из ивовых ветвей, и звери приносили ей пищу и склоняли свои рогатые и безрогие головы, чтобы она могла дотронуться до них рукой. Как бы я хотел, чтобы Тея положила свою руку на мою спутанную гриву. Она ни разу не коснулась меня, но иногда ее рука, потянувшись в мою сторону, застывала в воздухе, и казалось, еще чуть-чуть — и она опустится на меня, как усталая бабочка. Не только застенчивость не позволяла мне дотрагиваться до Теи, но и страх, что, однажды позволив себе это, я полюблю ее так, что приду от этой любви в полное отчаяние, а может, и погибну.

Каждое утро мы встречались в мастерской. Икар вырезал из липовых ветвей стрелы, а Тея надевала на них острые наконечники из кремня. Работники вместе со мной ковали для Икара щит.

— Я должна сдаться,— сказала Тея однажды.— Ахейцы хотят заполучить меня, а не тебя с Икаром. Это я разгневала Аякса и ущемила его самолюбие. Если пойти к нему сейчас, он забудет о вторжении.

— Он воин,— ответил я,— и любит битву. Любую битву. Его ущемленное самолюбие лишь предлог для начала нового похода. Ахейцы всегда говорят об ущемленном самолюбии, когда хотят развязать войну. Они держат его у себя над головой, как зонт, но стоит только упасть капле дождя, тут же начинают возмущенно размахивать мечом. Даже если ты придешь к Аяксу, это ничего не изменит. Ведь, кроме нашего золота, за нас

можно получить еще целое состояние на рынке рабов. Давно уже паниски не появлялись при дворе египетского фараона.

— А минотавр,— вмешался в наш разговор Икар.— Ахейцы, наверное, заставят тебя услаждать свою королеву. Ты стоишь раза в два дороже, чем сестра.

— Но даже если бы ты и могла предотвратить войну,— быстро продолжил я, обратившись к Тее,— я все равно не отпустил бы тебя. Я хочу сказать, не отпустил бы к ахейцам, а не вообще из леса.

— Я и сама не хочу уходить.— Она наконец-то дотронулась до моей руки.— На что мы можем рассчитывать, Эвностий? Я видела этих ужасных ахейцев. Больше всего в жизни они любят воевать. Они очень сильные, безудержно храбрые и с ног до головы закрыты доспехами — наголенники, кирасы, шлемы,— до их тела не добраться

— Кентавры тоже отважные воины,— сказал я.— Работа на земле помогает им поддерживать форму. Они лучше всякой кавалерии — конь и наездник одновременно. Вихрем налетают на противника и дерутся сразу и руками, и копытами.

— Мне кажется, нас мало. Сколько всего кентавров?

— Сорок мужчин.

— Ахейцев вместе с Аяксом не меньше сотни, и все вооружены до зубов. А у кентавров только дубинки и лук со стрелами.

— Не забывай о панисках и не принимай их всех за детей. Среди них немало взрослых, и они очень коварны. Их, наверное, около пятидесяти (паниски слишком не любят показываться на глаза, так что на самом деле пересчитать их невозможно).

— А сколько трий?

— Пятьдесят, но часть из них трутни, их не стоит принимать во внимание. Я думаю, королевы покажут ахейцам все потайные тропинки. Устроить засаду нам не удастся, разве что в самых густых зарослях, куда не могут залететь трии.

— Но у нас есть ты,— проговорил Икар с гордостью.— Ты стоишь целой армии ахейцев. И я буду сражаться вместе с тобой.

— Со временем будешь,— сказал я.— Со временем мы будем сражаться рядом, как два старых товарища. Но сейчас я хочу, чтобы ты остался с Теей и тельхинами сберегать наши запасы и охранять дом. Если мы с кентаврами проиграем первый бой, мне потребуется место, где я смогу зализать свои

раны, а ты ведь знаешь, что это дерево надежно, как крепость.

Икар тяжело вздохнул, но не стал спорить. «Он действительно превращается в воина»,— подумал я.

— Я буду охранять твой дом,— сказал он,— и сберегу все в полной сохранности.

— Посмотри, какой щит сделали для тебя тельхины! — сказал я, глубоко тронутый его клятвой.

Щит имел форму восьмерки и был украшен изображениями приносящих удачу золотых змей, прообразом которых явно послужил Пердикс. С таким щитом цари шли в битву, чтобы превратить свое имя в легенду. Икар принял подарок из двух передних лапок Биона, а затем, вытянув руку со щитом, другой рукой стал угрожающе размахивать, вообразив, что у него есть еще и меч.

— Хо,— кричал он,— хо! — Отступал и делал выпад, увертывался от удара и наконец пронзил мою грудь несуществующим мечом. Затем он вспомнил, что так и не поблагодарил тельхина. Он потрепал его по голове и сказал: — Щит очень красивый.

На тельхина его слова не произвели никакого впечатления.

— Это самый устрашающий и смертоносный щит, который я когда-либо видел,— продолжил Икар.— С его помощью я убью дюжину воинов и окроплю золотых змей их кровью. Я назову его в честь тебя — Бион.

Тельхин закивал головой, глядя на Икара с безграничной преданностью.

И тут появилась Пандия, сообщившая, что Хирон трубит в раковину, собирая свою армию, чтобы выступить против ахейцев.

Они вышагивали по полю, держа линию, хоть и не очень ровную. Их кожаные сапоги давили цветы гусиного лука и с хрустом ломали ивовые ветви, из которых был сделан наш планер. Они приближались к деревьям, как движущиеся столбы пламени, их бронзовые доспехи желтым огнем горели в лучах солнца, из-под гребней сияющих шлемов виднелись русые бороды. Пчелиные королевы, и среди них Эмбер, деловито кружили над солдатами. Мрачные работницы пока еще не появились, а трутни расположились на противоположном конце поля, вне досягаемости наших стрел. Хотя

сами они едва виднелись, их оживленная болтовня доносилась до нас и казалась непрерывным жужжаньем.

Мы притаились среди деревьев. Тяжелые и грубые щиты из воловьей кожи, наскоро сделанные кентаврами в последние мирные дни, лежали у наших ног, как животные. По сигналу Хирона мы вышли из-за стволов, неторопливо прицелились и выпустили стрелы. Королевы трий осыпали нас угрозами и насмешками. Они трясли своими маленькими кулачками и мелодичными голосами выкрикивали непристойные ругательства. Эмбер, самая молодая из них, старалась больше всех, понося «вонючих лошадей» и «похотливого минотавра». Около сотни ахейцев быстро сбежались в круг и, упав на колени, подняли над головами свои большие щиты, став похожими на гигантскую черепаху. Наши стрелы со звоном ударили в этот огромный панцирь, не причинив никакого вреда. И вновь послышался скрип липовых луков и свист стрел, направляемых зелеными перышками дятла. И опять тот же непроницаемый, прочный панцирь. Шесть раз мы выпускали стрелы. Наконец некоторые из них проникли в щели между щитами и сначала один, а за ним другой, третий упали на землю, будто невидимый гигант наступил на черепаху и раздавил часть ее панциря. Но в наших колчанах оставалось уже мало стрел.

— Хватит,— сказал Хирон.— Позволим им войти в лес, там и атакуем.

Оказавшись среди деревьев, ахейцы стали продвигаться вперед маленькими группами, но ветви над их головами так плотно обвивал дикий виноград, что трии уже не могли помогать им, показывая, где мы прячемся. Правда, в таком месте и нам нельзя было пользоваться стрелами: кентавры с их вытянутыми телами и высокий минотавр не имели возможности проявить себя в полную силу. Зато среди плотно растущих деревьев незаменимыми воинами оказались подвижные паниски. Их маленькие волосатые тела полностью сливались с растительностью. Они проползали там, где не могли пройти кентавры, отступали, наступали, окружали и непрерывно стреляли из больно бьющей пращи. Они целились в незащищенные доспехами места — лицо, руки, бедра. Камни летали с такой скоростью, что казалось, это какие-то большие, не издающие ни единого звука насекомые. Но оттого, что они не убивали, а только выводили из строя, боль, испытываемая ранеными, не была слабее.

Первый же залп, данный панисками, был встречен изумленными возгласами. Ахейцы хватались руками за свои раны и тут же отдергивали их, заметив струящуюся между пальцами кровь.

— Это дети! — завизжал Аякс (я узнал его по описанию Теи).— Они послали своих детей воевать с нами!

— Да, как же, дети, Гадес их забери! — крикнул Ксанф, тот самый, который был без ушей.— Это козлы!

Он попытался увернуться от взметнувшегося в воздух копыта и тут же получил по зубам.

— Берегись копыт!

Один из ахейцев, доведенный панисками до полного изнеможения, остановился под дубом, чтобы перевести дыхание, и прислонился к его стволу. Слабый звук, доносящийся из дерева, встревожил его и заставил внимательно вглядеться в густую листву. Уж не прячутся ли в ветвях эти проклятые пращники, кто бы они там ни были — дети, козлы или демоны? В этот момент петля из лозы туго сдавила его горло, и он почувствовал, что отрывается от земли. Он бил ногами, размахивал руками, но закричать не мог. Когда товарищи вынули его тело из петли, они увидели, что он прокусил себе язык. А над их головами звенел женский смех, но никого не было видно — зеленые волосы полностью сливались с листвой.

Хитрые паниски и храбрые дриады не сумели остановить наступление. Последняя надежда была на нас с кентаврами. Но мы могли выиграть бой только на открытом месте, когда ахейцы выйдут из леса на просеку. Мы внимательно следили за тем, как неуверенным шагом, пошатываясь, выбираются они на поляну, выносят раненых и убитых, и только под лучами щедрого солнца к ним возвращается прежняя смелость. Мы подсчитали их потери: трое были убиты стрелами, четверо покалечены пращами панисков и еще троих вздернули на деревья дриады. Теперь настал наш черед.

По своей природе я не воин, а ювелир, немного садовник, в общем, тихий и мирный сельский житель и еще поэт. Но кто может спокойно работать или писать стихи, когда вооруженные захватчики топчут твою землю, насилуют женщин? Нельзя одновременно воевать и работать в саду, и все звери, не задумываясь, сменили свои мотыги на мечи. Конечно, мне милее мотыга, но никогда меня не пугал меч.

— Насильники! — закричал я во все горло.— Поджигатели, воры и мародеры, проклятые Зевсом северяне!

Ахейцы с ужасом ждали нашего наступления. От страха челюсти у них отвисли, будто сломанные, а широко раскрытые голубые глаза утратили всякое выражение. Им было от чего побледнеть. Сорок скачущих кентавров производят гораздо больше шума и грохота, чем сотня колесниц. Но затем я понял, что они смертельно испугались не кентавров, а меня, минотавра, быка, который ходит, как человек. При моем приближении воины побежали врассыпную, как цыплята от волка. Они готовы были отбиваться от копыт Мосха или Хирона, лишь бы не попасть в руки минотавру. Стоило мне один раз махнуть топором, как вокруг образовалась пустота. Двоих я уложил точным ударом, а остальные разбежались. Хватит. Зачем мне утомлять себя, бегая за ними.

— Аякс,— *проревел я,— во имя принцессы* Теи вызываю тебя на смертельную битву.

Ни один настоящий воин, и уж тем более ахеец, не оставит без внимания вызов на бой, а Аякс, несмотря на свое невежество, распутство и грязь, не был трусом. Он откликнулся мгновенно, хотя не собирался нападать на меня первым и, пропищав «Минотавр, я здесь!», приготовился защищаться.

Я атаковал его. Все мое вооружение состояло из боевого топора и щита. Щит из воловьей кожи был ненадежным прикрытием, зато топор, отлитый и заточенный в моей мастерской, являлся грозным оружием. С ним было не так легко управляться, как с мечом, зато, если уж я наносил удар, он был смертельным. Сражаясь топором, не надо делать резких движений, будто ты рыбак, прокалывающий гарпуном рыбу, а следует размахнуться и, описав рукой большой полукруг, ударить сплеча, сверху вниз или справа налево. Аякс отступал, тыча перед собой мечом, а я наступал, *размахивая* топором. Увидев, что его крепкий щит выдерживает мои удары, я отшвырнул в сторону бесполезное сооружение из воловьей кожи и стал быстро наседать на него. Он тоже бросил свой щит и схватился за меч обеими руками. Мои мускулы, которые когда-то привели в восторг Тею, напряглись и заиграли, перекатываясь под кожей, как крепкие и быстрые клешни краба. Знаете, в доме я кажусь очень неловким — задеваю за ковер, спотыкаюсь о ступеньки, могу опрокинуть кувшин с вином, а когда ем, роняю кости себе на колени. Но сейчас меня захватил яростный ритм боя, и я наносил удар и отражал его, наносил и отражал, продвигался на шаг вперед и удерживал эту позицию, еще продвигался и

снова удерживал. Лязг металла звучал, как музыка, которая заставляла ноги, руки и все тело пуститься в воинственный пляс. Аякс начал уставать. Резким движением головы он стряхнул пот, застилавший ему глаза; он задыхался, подобно ныряльщику, вступившему в схватку с осьминогом.

— Ксанф, Плутон, на помощь! — крикнул наконец Аякс, и двое из его когорты, дравшиеся в это время с раненым кентавром, подскочили к своему командиру. Обратите внимание! Трое людей против одного минотавра. Когда мой топор описывал смертоносную дугу, Ксанф метнул мне в ноги свой меч. Он попал выше лодыжки. Я издал такой рев, что над полем боя воцарилась тишина. Ахейцы и кентавры замерли, так и не нанеся друг другу удары, и повернулись в мою сторону, кто с радостью, кто с тревогой. Все ждали, что зверь, который ходит, как человек, вот-вот рухнет на землю.

Пока Ксанф поднимал свой меч, Аякс и Плутон попытались атаковать меня. Они наверняка считали, что теперь я хромой и беспомощный. Но мой рев означал гнев, а не беспомощность. Топор впился в шею Плутона, и по топорищу мне передались его предсмертные судороги. Времени вынуть топор уже не было. Аякс шел на меня, зажав в руке смертоносное оружие. Он был похож на голодного сфинкса. Вонь ударила мне в лицо.

— Аякс, тебе надо вымыться,— крикнул я ему, а затем, пригнув голову, со всей силы боднул. И тут я услышал голос Хирона:

— Отступаем, отступаем в лес!

Отступаем? Невероятно. Ведь мои предки говорили: «Никогда не поворачивайся хвостом, пока у тебя еще целы рога».

Но я быстро понял причину такого приказа. На поле вышла еще одна армия.

Глава IX
СТРЕЛЫ И МЕД

Сто ахейцев, полных сил, появились на поле. Возможно, они пришли с побережья, соблазнившись золотом и рабами, обещанными Аяксом. Кентавров можно впрячь в колесницы, а панисков продать на рыночной площади в Пилосе. Отступили мы быстро, но организованно, оставив за собой пять убитых кентавров. Они лежали в некрасивых, неестественных позах, которые придала им смерть, но глаза были все еще открыты,

и взгляд казался живым и осмысленным, будто они рассматривают новые оросительные каналы или постигают тайны желтолицых людей. К счастью, отряд подкрепления не стал заходить в лес. Ахейцы сочли достаточным, что помогли спастись своим уже весьма побитым товарищам, потерявшим от копыт и боевых топоров пятую часть войска.

— Мы уходим к себе в город и будем его защищать,— сказал Хирон, когда проклятое поле осталось за рощей рожковых деревьев.— Эвностий, забирай своих друзей и приходи к нам. У нас хватит продовольствия, чтобы выдержать длительную осаду. Помнишь, как мы целых три недели отбивались от волков?

— И принеси несколько бурдюков с пивом,— шепнул Мосх, идущий за мной по пятам.

— Если я останусь в своем доме,— объяснил я,— ахейцы должны будут разбиться на два отряда. Дом небольшой, но осаду выдержать может.

Я не хотел говорить, что их город, несмотря на ров и ограду из кольев, казался мне совсем не защищенным.

— Как хочешь,— сказал Хирон, хотя Мосх громко заворчал, услышав это.— Надеюсь, твои маленькие друзья смогут натянуть тетиву лука.

— Они оба хорошие воины. И, конечно, винят во всем происшедшем себя. Тея хотела пойти и сдаться Аяксу.

— Неплохая идея,— пробормотал Мосх, но Хирон одним взглядом заставил его замолчать.

— Передай им, что они не виноваты. Раньше или позже люди все равно напали бы на нас. Мы слишком отличаемся от них не только телами, но и сердцами. Мы всегда видим в природе друга, хотя порой сердимся на нее или не можем понять. Для них, несмотря на все разговоры о поклонении Великой Матери, она либо служанка, либо хозяйка. Они чувствуют себя в безопасности, только когда могут заковать ее в цепи.

Я решил по дороге домой зайти к Пандии. Дело в том, что город, в котором она жила, был совсем не укреплен, и я хотел предложить ей укрыться в моей крепости. Собственно, это был даже не город, а небольшая деревушка, состоящая из дюжины полых бревен, расположенных вокруг тщательно возделанного ягодника. Ежевику ели, а из медвежьей ягоды[18] готовили бодрящий вяжущий напиток. Весь ягодник был испещрен узкими тропинками, и почти на каждом шагу попадались столбы с деревянными крючками для корзин.

Сюда же были повернуты своими открытыми концами все бревна, чтобы хозяйки могли гонять налетающих в сумерки жадных ворон.

Я перешел через извилистый ручей, стекающий со снежных горных вершин, от которого всегда веяло прохладой. Никто не приветствовал меня, никто не бежал мне навстречу. Остановившись у низкого, обвитого колючими растениями забора, я, стараясь шуметь как можно громче, отодвинул задвижку и открыл калитку. Обмазанные глиной и покрашенные умброй наружные концы бревен смотрели на меня, будто неприкрытые веками глаза. Я прошел между двумя из них и оказался на внутренней площадке, куда выходили двери. Все бревна были достаточно широкими, чтобы медведицы могли встать в полный рост. Каждый дом состоял из двух комнат с закругленными, обтесанными и отполированными до блеска стенами. В первой обычно устраивали кладовую, на открытых полках которой хранилось множество кувшинов с медом, мисок с ягодами и лотков со свежекопченой рыбой, чей резкий запах был для носа минотавра не слишком приятным. Вторая комната, скрытая за шторой из сухих черных ягод гибискуса, нанизанных на шелковую нить, служила спальней, или, как ее называли девчонки-медведицы, опочивальней. Одна из обитательниц города, сонно передвигаясь по ягоднику, собирала в ведро ежевику.

— Где Пандия? — спросил я сразу, опуская предварительный обмен любезностями. Она указала на одно из бревен:

— Спит. Сейчас ведь послеобеденный отдых. Я тоже спала, но мне приснился обед.

Согнувшись вдвое, я вошел в указанный дом, отодвинул штору и увидел спящую Пандию, накрытую одеялом из кроличьих шкурок. На столе рядом с ее кроватью стоял горшок с желтыми и фиолетовыми цветами, называемыми на Крите медвежий хвост.

— Пандия,— позвал я.— ПАНДИЯ.— Она не шелохнулась.

— Медведи,— произнес я громко. Пандия сбросила одеяло и чуть не опрокинула цветочный горшок.

— Медведи?

— Люди-медведи. Ахейцы. Они выиграли первую битву и вошли в лес. Пойдем ко мне. Там мы будем вместе с Икаром.

— Хорошо.

— Может, твоим друзьям лучше уйти к кентаврам? В их городе они будут в большей безопасности, чем здесь.

— Мы не любим свиней. И потом,— добавила она,— ахейцы, наверное, нас не тронут. Им нечего здесь взять.

Пандия расчесала волосы черепаховым гребнем, наскоро, даже не выровняв концы, повязала кроличий пояс и, с сожалением взглянув в последний раз на ягодник, вместе со мной ушла из своей деревушки.

— Знаешь, что такое война? — спросила она со вздохом.— Это когда уходишь от ягодника ради того, чтобы убивать мечом людей.

— Если мы не уйдем от ягодника, то потеряем Тею и Икара.

— Ты прав,— согласилась она.— Икар стоит всех ягод, вместе взятых. Он сам как ягода. Приятно посидеть с ним за столом или на кухне. Сладкий, но не приторный. Только шипов нет.

— Он учится их отращивать. Они ему очень нужны.

Мы быстрым неслышным шагом шли по лесу. Как всегда, когда опасность где-то неподалеку, я инстинктивно опустил голову и выставил вперед рога — свое самое грозное оружие. Пандии нетрудно было поспевать за мной — я сильно хромал из-за раны на ноге. Иногда она даже обгоняла меня, так ей хотелось поскорее оказаться рядом с Икаром. Ее короткий хвост дрожал от страха и волнения.

Увидев наконец свой дом, обнесенный коричневым валом, я почувствовал огромное облегчение. Издали он казался высоким островом. Но затем я внезапно остановился. Дом был осажден триями! Около дюжины угрюмых работниц, демонстративно отсутствовавших в начале битвы, кружились над стволом и своими нежными голосами выкрикивали: «Топи Икара!», «Жги Тею!» (Удивительно, даже речь работниц отличалась сладкозвучием, хотя, казалось, они должны были громко басить, подобно командирам, отдающим приказы на поле боя.) Из ствола с шумом вылетели стрелы, направляемые зелеными перышками, будто стая дятлов поднялась в воздух. Одна из трий внезапно застыла на месте, так и не докричав свой приказ, и камнем упала на землю. Отлично! Значит, Тея и Икар защищаются, стоя на стене. Но как же мне, с моей хромой ногой, попасть в дом?

— Пандия, хочешь вернуться в свою деревню? Там сейчас спокойнее.

— Пока эти гарпии[19] не отстанут от Икара, я никуда не уйду.

Я взял ее на руки, прикрыл своим телом и вышел на ставшую теперь опасной поляну. Мы прошли уже треть расстояния до дома, когда были замечены триями. Они тут же построились клином, как гуси, и, подлетев, стали ловко швырять в нас камнями, лежавшими в их колчанах. Над полем стоял непрерывный гул, создаваемый биением крыльев. Камни были маленькими, но с острыми гранями. Моя широкая согнутая спина представляла собой идеальную мишень, не говоря уж об огненно-рыжей голове. Впервые я порадовался, что у меня такая густая и спутанная шевелюра, только поэтому трии не смогли проломить мне череп. Но когда камень попал прямо по кончику рога, и тело мое закачалось, как язык звонящего колокола, я поклялся Гиппосом — богом коней, что не сносить им проклятых голов, если что-нибудь случится с моими рогами.

А затем в стволе отворилась дверь и выпустила троих работников. Множество лап подхватило Пандию, и следом за ними одним прыжком влетел в ствол и я, задев при этом за косяк, отчего колокольчик неистово зазвенел. Оказавшись внутри, на порожке, идущем вдоль стены, я помахал Икару и Тее. Вдруг боль из ноги разлилась по всему телу, дошла до головы, я почувствовал, что падаю и одновременно засыпаю. Теплая трава показалась закутавшим меня льняным покрывалом.

Проснулся я в Элизиуме [20]. Моя голова лежала на коленях у Теи, от которой, как обычно, пахло миррисом и майораном [21]. Ее маленькая прохладная рука гладила мой разгоряченный лоб. Только что я видел прекрасный сон: моих губ коснулось нежное пламя (а может, это был не сон?). Я закрыл глаза, чтобы все повторилось вновь.

— Ты уже открывал глаза, Эвностий, я видела. Просыпайся и скажи, как ты себя чувствуешь.

— Сначала ты расскажи, что здесь произошло.

— Эти ужасные женщины напали на нас за час до вашего появления. Они уже улетели, но своими камнями полностью уничтожили сад.

Куски виноградной лозы валялись на земле, как мертвые змеи. Зонт был изорван в клочья, глиняная печь осталась без двери, а фиговое дерево стояло совсем голым, будто его листья сожрала саранча. Все это скорее напоминало заброшенную каменоломню, чем сад.

Я сел, потрогал ушибленный рог — он был цел; расправил израненные камнями плечи и обнаружил, что Тея сделала примочки из оливкового масла, которые облегчили боль; по-

пробовал ступить на раненую ногу — она выдерживала вес моего тела.

— Мы должны быть готовы к тому, что ахейцы пойдут в наступление по всему лесу,— сказал я и сообщил Тее о вновь прибывшем отряде.— В первую очередь надо принять меры против огня. Как насчет небольшого дождика?

Взяв один из камней, заброшенных к нам триями, я уложил его в отверстие фонтана так, что струя превратилась в водяной гриб, состоящий из множества мелких капель, почти тумана, который смачивал изнутри весь ствол.

— Дерево пропитается водой,— объяснил я,— и его будет нелегко поджечь даже горящими стрелами.

Пандия подставила руки под разлетающиеся брызги.

— А радуги нет,— сказала она, вздохнув, и пошла в дом, намереваясь вздремнуть.— Чтобы потом лучше сражаться,— оправдывалась она, спускаясь по ступеням.

Тея, Икар и я заняли место на стене. Тельхины охраняли вход, причем все шесть лап каждого находились в полной готовности, будто на них уже был нацелен боевой таран.

Икар первым заметил противника:

— Ахейцы. Кажется, всего несколько человек. Наверное, основная часть направилась в город кентавров. У них какое-то неизвестное оружие!

На просеке появилось нечто огромное, похожее на высокую палатку. *Оно передвигалось, хотя колес не имело.* С минуту я смотрел в полной растерянности, а затем узнал гармамаксу — большую повозку, крытую парусиной, изобретенную в Малой Азии. Вероятно, это был трофей, захваченный ахейцами в одном из их многочисленных дальних походов. В Вавилоне в такую повозку обычно впрягали лошадей, но животные беззащитны перед стрелами, и эту гармамаксу тащили на себе люди. Пол и колеса они сняли, вошли внутрь и, взвалив ее себе на плечи, стали продвигаться вперед. Таким образом, они были полностью укрыты, из-под гармамаксы виднелись только ноги, обутые в толстые кожаные сапоги. Если утром мы могли наблюдать неподвижную черепаху, то сейчас перед нами была черепаха движущаяся, и хотя перемещалась она медленно и тяжело, зато была совершенно неуязвима. Прицелившись прямо в парусиновую крышу, мы выпустили через амбразуры поток стрел. Они, не причинив никакого вреда, воткнулись в ткань, и черепаха превратилась в дикобраза. Я взглянул на Икара, вставлявшего в лук очередную стрелу, на

его мускулистое загорелое тело, прикрытое лишь зеленой набедренной повязкой, и подумал, что, несмотря на силу, он по-прежнему остается трогательным маленьким мальчиком, пытающимся стрелой остановить надежно защищенного великана Аякса. Затем я перевел взгляд на Тею, и мы поняли друг друга без слов. Мы будем защищать Икара, драться за него и, если надо, умрем. Всегда получалось, что чистый и наивный Икар, а не Тея, нуждался в защите. Говорят, чистота — самое сильное оружие. Это верно, но только тогда, когда вокруг богобоязненные люди или благочестивые звери, а не ахейцы.

— Чтобы атаковать нас, им все равно придется вылезти оттуда,— сказал Икар. Он переживал, что никак не удается остановить черепаху.— Тогда-то мы и перестреляем их, как диких свиней.

— Но они сумеют подойти к самой стене,— возразил я мрачно.

— Эвностий,— вдруг воскликнула Тея.— Твои работники открыли дверь и выходят из крепости!

О Зевс! Неужели они предали нас? Может, я невольно обидел их чем-то?

— Бион! — позвал я, и в этот момент услышал неистовое гуденье, означающее на языке тельхинов боевой клич. Они вовсе не предали, а пошли защищать нас. Ахейцы остановились. Гармамакса, застыв на месте, тяжело покачивалась из стороны в сторону.

Атака!

Как злые собаки, тельхины набросились на видневшиеся из-под нее ноги ахейцев и вцепились в их кожаные сапоги своими мощными клешнями. Ахейцы, стараясь удержать в руках гармамаксу и, не видя нападающих, пытались отбиваться, но твердые панцири делали их удары неощутимыми для тельхинов. Гармамакса стала раскачиваться все сильнее и сильнее, будто пара обезумевших жеребцов тащила ее за собой по ухабистой дороге, и наконец завалилась на бок. Двадцать пять напуганных воинов выскочили из-под нее и разбежались в разные стороны, спасаясь от клешней.

Однако, оказавшись на свободе и увидев, хоть и решительно настроенных, но весьма небольших по размеру противников, ахейцы осмелели. Я услышал, как их командир приказал:

— Ребята, бейте по сочленениям!

Прикрываясь от наших стрел щитами, они принялись наносить удары по шевелящимся, похожим на тонкие ко-

решки конечностям тельхинов. Остро заточенные лезвия мечей стали попадать по сочленениям. Последствия были хоть и неизбежны, но все равно ужасны. Вскоре тельхины, совершенно беспомощные, корчились на траве, а воины продолжали рубить мечами по плотным, но все же уязвимым перепонкам, соединявшим половинки их тел, до тех пор, пока те не отделились друг от друга и не стали биться в предсмертной агонии. Так погибли мои любимые друзья, преданные, как собаки, но гораздо более умные, искусные творцы и смелые воины.

Икару стало плохо от этого зрелища, а я — я сбежал вниз по лестнице, размахивая луком и выкрикивая все пришедшие мне на ум проклятия: «Мясники! Волчьи прихвостни! Северяне!» Я хотел тут же, без щита, бежать на поле и отомстить за гибель друзей.

Стрела вонзилась в землю у моих ног, и я остановился.

— Именно это им и нужно,— крикнула Тея, опустив лук.— Выманить тебя на открытое пространство и зарубить до смерти. Закрой дверь и возвращайся на стену!

В ее голосе слышалась суровая решимость амазонки[22], но по щекам лились слезы, и походила она больше на девочку, потерявшую куклу. Ярость в моей душе уступила место нежности к этой смелой девушке, которая, несмотря на горе, спасла мне жизнь. Я запер дверь и вернулся на стену. Ахейцы уже успели забраться в свою гармамаксу и вновь двинулись в сторону нашей крепости. На поле остались десять их товарищей, погибших от стрел и клешней тельхинов.

Икар, прикрыв глаза ладонью, посмотрел на небо и указал рукой на запад. Едва видневшиеся там точки выросли и превратились в девять пар трий. Каждая пара несла ветку, на которой висело большое ведро. Над самым нашим домом они стали опрокидывать ведра и выливать содержимое прямо нам на головы. Янтарные, коричневые и желтые струи, как тяжелые канаты, падали на нас сверху, но это было не масло — оно не такое густое,— это был мед. Раскаленный мед шипел, соприкоснувшись со струей воды, бившей из фонтана, и, не успев остыть, разлетался в разные стороны брызгами или лентами; они опускались на нашу кожу, как огромные жалящие москиты. Несмотря на ожоги, мы все же старались поточнее прицелиться из лука, но образовавшийся туман не позволил нам это сделать, и трии, опорожнив ведра, скрылись из поля зрения, так и не понеся потерь.

Тем временем гармамакса добралась до самой стены и будто приросла к двери, как большой древесный гриб. Послышался сильный стук топоров, от которого земля под нашими ногами задрожала. Ахейцы проделали в парусине отверстия и, не выходя из-под прикрытия, взламывали нашу дубовую дверь. Теперь, когда из-за гибели их товарищей внутри стало свободнее, они могли сильно размахнуться топорами.

— Икар,— попросил я,— помоги мне поднять печь на стену.— Глаза его заблестели.— Мы сбросим печь им на головы!

Мы подтащили ее к стене, поставили вертикально, подняли по лестнице наверх и установили прямо над гармамаксой. Печь была хоть и пустая, но весила немало.

— Давай!

Крыша из парусины, сдержавшая десятки стрел, провисла под тяжестью печи. Глухой удар. Стоны искалеченных. Суетливая толкотня, скрытая деформированной, однако не разорвавшейся тканью. А затем вновь хруст дерева, в которое, подобно голодной кунице, вгрызается топор, и с каждым разом укусы его становятся все более жадными, а насыщение наступит, лишь когда дверь распахнется настежь.

Печей больше не было, и я стал думать, что еще можно предпринять. Осыпать их градом стрел, когда они сорвут дверь? Выйти навстречу с боевым топором? Но внезапное возвращение трий разрешило все сомнения.

— Отступаем,— закричал я.— Нельзя драться сразу с двумя противниками.

Мы кубарем скатились с лестницы и, ежась от боли каждый раз, когда на спины нам падали раскаленные капли, побежали к успокоительной прохладе моего дома. Перед тем как спуститься вниз, я обернулся и взглянул сквозь туман на свой разоренный сад, на разорванный в клочья зонт, валяющуюся на земле лозу и голое фиговое дерево. Любовь к саду у зверей так же сильна, как любовь к себе подобным, ведь сад для них — живое существо. Кто знает, может, мак мечтает о бабочках, окруженных аметистовым облачком, а фиговое дерево боится появления прожорливых пчел, выедающих отверстия в его плодах, может, виноград радуется солнцу, а когда ему становится жарко, дремлет в добравшейся до него тени зонта? У них свои мечты, страхи, радости, отдых и, конечно, любовь, всегда любовь. Вместо тела — стебли и листья, но те же сердце и мозг, личность и индивидуальность. Для того чтобы любить, не обязательно передвигаться.

Во рту у меня появился горький вкус утраты.

Спустившись вниз, я нащупал под лестницей рычаг, который заставил сработать тщательно спрятанную наверху панель, завалившую землей вход в дом. Египетские фараоны, стараясь сберечь от воров мумии, саркофаги и катафалки-ладьи, используют подобный механизм для защиты своих гробниц. (Как вы думаете, от кого египтяне узнали этот секрет? Конечно, от моих предков.)

— Они могут откопать нас,— сказал я,— но вряд ли у них есть лопаты. Ахейцы воины, а не землекопы.

— А если попытаются?

— Тогда мы уйдем через запасной выход.

— Запасной выход? — хором воскликнули Тея и Икар.

— Да,— сказал я и, чтобы произвести больший эффект, замолчал.

Всегда приятно при трагических обстоятельствах раскрыть подобный секрет.

— Неужели вы думаете, я стал бы жить в доме, имеющем только один выход? Помните мою пещеру? Там две двери. Здесь то же самое. Сейчас я вам покажу.

В дальней стене спальни между корнями виднелся большой, шириной с мои плечи, серый камень, ничем не отличающийся от всех остальных. Я сильно ударил по нему копытом, камень, внутри которого находился стержень, повернулся и открыл узкий проход — минотавр мог в него войти, лишь встав на четвереньки.

— Подземный тоннель прорыт под полем и выходит на поверхность в лесу. Завтра или послезавтра я выберусь из дома и посмотрю, ушли ли ахейцы из нашего ствола. Не останутся же они здесь навсегда. На Крите столько богатств, надо успеть награбить как можно больше. Когда вернусь, я постучу шесть раз, и тогда вы можете открывать.

— Пора ужинать,— сказала проснувшаяся Пандия, вставая с подстилки из мха, точнее, вставая вместе со мхом. В таком виде она стала похожа на ходячий куст.— Вы уже разбили врага? — Я рассказал ей о нашем отступлении.

— Надеюсь, у нас есть продуктовые запасы?

— Да, но не очень много.

— Придется посидеть на диете.

Мы приготовили скромный обед. Корни, обычно такие добрые и уютные, сегодня, освещенные одним-единственным светильником, выглядели мрачными и угрожающими, будто

они сейчас упадут на нас и обовьются, как тугие кожаные веревки, вокруг шеи. Обед состоял из сыра, гуроса — хлеба с чечевичными добавками, и бурдюка с пивом. Для Пандии мы поставили чашу с водой. Ей захотелось сладкого, и Икар принес из мастерской кувшин с мятой, но вид кузнечного горна и столов, лишившихся своих работящих хозяев, так расстроил его, что он не мог ничего есть.

— Эвностий,— попросил он,— скажи что-нибудь в память о Бионе и остальных тельхинах.

— Попробую,— ответил я и быстро сочинил небольшое стихотворение, весьма несовершенное, но написанное с любовью.

Некому теперь наш кров охранять,
Некому теперь грибы собирать,
И недоена коровушка-тля...
Пухом будь тебе, друг-тельхин, земля.

Мы долго молчали, а затем попытались завести разговор. Я дотронулся до руки Теи и сказал:

— Мы здесь в полной безопасности. Чтобы попасть сюда, им придется долго нас откапывать, мы услышим шум и успеем уйти через потайную дверь. Даже если они перекроют фонтан, высушат стены и подожгут их, все равно корни не пропустят огонь в наше укрытие.

Тея попыталась улыбнуться:

— Ты говоришь, корни. Мне кажется, они стали ядовитыми и следят за нами.

— Под землей тебе нечего бояться, во всяком случае, здесь. Бояться надо того, что на поверхности.

— Ахейцы и эти злые трии. Все это из-за меня, Эвностий. Если бы я не отвергла домогательств Аякса, ничего бы этого не случилось. Он сделал бы меня своей наложницей, отвез в Микены — говорят, ахейцы очень хорошо обращаются с женщинами у себя дома — и воспитал бы Икара как своего сына.

— Но тогда ты никогда бы не попала в лес. И не узнала бы о своей матери.

— И не познакомилась бы с тобой, Эвностий. Я вовсе не жалею о том, что попала в лес. Я жалею о том, что привела сюда за собой людей. Я раскрыла двери.

— Лес — как змея,— сказал я.— Время от времени ему надо менять кожу, ему нужны перемены. Иногда эти перемены связаны с временами года, а сейчас он меняет кожу по-другому, более мучительно, но делать это необходимо. Ему

надо избавиться от своего благополучия и спокойствия, чтобы оно не превратилось в загнивание. И в новом обличье он наверняка будет сильным и прекрасным.

— Твои слова добры, но не совсем верны,— сказала Тея.

Пандия, похоже, задремала. Глаза ее закрылись, а рот слегка приоткрылся. Остальные пытались разговаривать, чтобы отогнать от себя тревожные мысли.

— *Мне кажется,— сказал Икар,— ахейцам нужны не* только мы, но и твоя мастерская. Я имею в виду золото.

— Да,— ответил я.— Чтобы переплавить его у себя дома. Знаешь, они отличные ювелиры, если не обращать внимания на отвратительные сюжеты. Ты бы видел погребальные маски, которые они делают.

— Погребальные маски,— сказала Тея печально.— И мертвые корни над головой. Добрые змеи умерли. Или кто-то убил их.

— Глупости. Это такое освещение. Мы все кажемся мертвыми. Посмотри на Пандию. А вообще-то пора ложиться спать.

Тея и Икар встали.

— Возьмите этот светильник,— предложил я им.— Я зажгу другой.

Пандия по-прежнему оставалась на своем месте.

— Пандия, проснись,— сказала Тея.— Ляг в постель. Там тебе будет удобнее.

Она поднесла светильник к самому лицу медведицы. Круглые глаза, как сжатые кулаки, были плотно закрыты, губы полностью утратили цвет.

Мы сразу поняли, в чем дело, увидев у нее на шее маленький темный комочек. Я сдавил его между пальцами, и тонкие косточки сразу захрустели, по пальцам потекла кровь, кровь Пандии. Меня передернуло, и я швырнул его на пол. Стриг-вампир. Пандия подняла голову и попыталась открыть глаза. Она потерла шею:

— Мне снились медведи. Они гнались за мной, и я очень устала. Не могла сделать больше ни шагу. Я чувствовала у себя на затылке их горячее дыхание.

Я показал на раздавленное тельце. Она вскрикнула и прижалась к Икару:

— Стриг?

— Да, но мы вовремя его обнаружили. Утром ты уже полностью придешь в себя. Наверное, он проник сюда, пока мы дрались в саду с триями. Конечно, это они подкинули его

нам. Крысы, бабочки и все летающие ночные существа — их друзья. Может, здесь еще есть стриги.

Мы обыскали весь дом, перетрясли мох на полу в спальне, заглянули под столы в мастерской. Встав на скамью и взяв в руки светильники, внимательно осмотрели потолок и действительно нашли второго стрига. Он спал между корней, свернувшись клубком. Мягкий, покрытый коричневыми перьями, он казался таким же безобидным, как крольчонок, но я знал, что он питается только кровью, которую высасывает так незаметно, что его жертва может умереть, не догадавшись о его присутствии. Если вы находите в лесу мертвое животное, погибшее неизвестно от чего, поищите у него на шее следы двух маленьких клыков.

Тея была потрясена. Она обняла Пандию за плечи и прошептала:

— Дорогая, теперь все в порядке. С тобой больше никогда этого не случится.

— Да,— сказал я,— все в порядке, но будет лучше, если мы ляжем спать в одной комнате.

Мы все легли рядом — Икар, Тея, Пандия и я, и всех нас согревала только надежда, ведь эти холодные, кажущиеся нескончаемыми ночные часы проходят так же, как пиры, игры и любовь. Пандия держалась за мою руку, пока не заснула, а я по-прежнему продолжал сжимать ее пальцы, похожие на лапу, чувствуя, что она мне очень дорога (хотя вряд ли стоит говорить о том, как я желал, чтобы на ее месте оказалась Тея). Я устал, на душе было тяжело, я сильно тосковал по своим погибшим друзьям-тельхинам, а раненая нога не переставала пульсировать, будто осьминог то сжимал, то разжимал разрубленную плоть. Мох, всегда казавшийся таким мягким, больно давил на ушибы и раздражал ожоги на спине.

Проснулся я ночью. Дрожащий огонек в светильнике был совсем слабым. Это означало, что масло почти кончилось. Теи не было. Я понял: она ушла сдаваться ахейцам.

Глава X
ВОЛЧИЙ ЯД

— Я верну ее,— повторял я, тряся Икара и Пандию за плечи, пытаясь их разбудить. Они хлопали глазами и жмурились, глядя на пламя догорающего светильника.

— Я верну ее и убью этого проклятого Аякса. Он коварный и злой, а его люди как волки, но им не удастся уйти из леса вместе с Теей.

Я ощущал себя каменистым руслом ручья, высохшим и растрескавшимся под жарким летним солнцем, засыпанным тонкой пылью, принесенной ветрами из Ливии. Я чувствовал себя брошенным и никому не нужным.

— Я иду с тобой,— сказал Икар.

Я отрицательно покачал головой, торопливо объяснив, почему они с Пандией должны остаться дома: она — чтобы находиться в безопасности, он — чтобы защищать ее.

— Я смогу пройти туда, куда ты не сможешь,— возразил он мне.

Икар был тем солдатом, который чувствует тот редко выпадающий момент, когда надо ослушаться своего командира.

— Твои рыжие волосы видны за целую милю, кроме того, как ни сгибайся, ты все равно останешься таким же большим, как грифон. А я умею тихо прокрадываться куда угодно. У меня это хорошо получается. Я научился незаметно выскальзывать из дворца в Ватипетро, когда мне было шесть лет. И с тех пор постоянно занимался этим.

— Я тоже пойду,— сказала Пандия.— Я не умею прокрадываться, зато могу кусаться.— И она обнажила свои маленькие, но весьма многочисленные зубы.— Они приспособлены не только для ягод, но и для рыбьих голов.

— Кто-то должен остаться,— стал объяснять я ей,— чтобы впустить нас с Икаром обратно в дом. С тобой здесь ничего не случится. А через запасной выход уходи, только если услышишь, как откапывают дверь.

Пандия согласилась на это так неохотно, что я, вспомнив о ее зубах, не рискнул повернуться к ней спиной и подвергнуть риску свой хвост. К счастью, Икар успокоил ее, поцеловав в голову. Мы надели набедренные повязки, взяли кинжалы и, согнувшись, вошли в подземный ход.

От лука и стрел пришлось отказаться, поскольку коридор был слишком узок. Встать в полный рост в нем было невозможно, а иногда он сужался до таких размеров, что приходилось ползти, и мы пробирались вперед, обдирая о корни и камни голые ноги и грудь. Мне пришлось вспомнить, что тельхины прорыли этот тоннель для своих собственных путешествий, а не для семифутового минотавра и пятифутового сына дриады.

— Икар,— позвал я, и голос мой в узком земляном коридоре загремел, как голос рассерженного бога-быка, насылающего землетрясение.— Мы приближаемся к ручью, который вытекает на поверхность. Я пойду первым и, если наверху все спокойно, приплыву за тобой. Если же меня не будет в течение некоторого времени, возвращайся домой.

Подземный источник был таким же холодным, как тающий снег, дающий ему начало в горах. Я нырнул, проплыл через дыру размером с дверь и вынырнул на поверхность того самого ручья, который протекал через деревушку Пандии. По воде пошли легкие круги, дошедшие до берега, где у входа в нору панисков сидела и смотрела на меня большая водяная крыса, а ветка дерева, склонившегося над ручьем, покачивалась в струях воды, как зеленые волосы утонувшей дриады. Я вернулся за Икаром, и мы оба, сильно дрожа, вылезли на берег и стали приплясывать, чтобы согреться.

— Эвностий,— сказал он, пытаясь сдержать дрожь.— П-помнишь, ты мне с-сказал, что когда-нибудь мы, как старые друзья, б-будем вместе сражаться?

— Да.

— Так и вышло. Мы друзья, хоть и не старые. Я хочу, чтобы ты знал: куда ты, туда и я. Я буду рядом с тобой в бою, а на отдыхе стану охранять твой сон. Помни, у тебя есть друг.

Я считал, что люблю двоих — девушку, которая захотела стать мне сестрой и поэтому сломала меня, как надтреснутый коралл, и мальчика, который захотел стать мне братом и этим принес моей душе успокоение, подобно тому, как мох, на котором я сплю, приносит успокоение моему телу. Если бы я умер до того, как они пришли в лес, моя душа осталась бы похожей на змею — добрую, но некрасивую и ползающую по земле. Теперь же она стала бабочкой, и никакой ветер не сможет удержать ее от того, чтобы ринуться в опасные бездны облаков или опуститься в ярко-желтые сады из лепестков подсолнуха.

Наконец, согревшись, мы поползли к краю поля, на котором стоял мой дом. Из сада поднималась тонкая струйка дыма, похожая на бобовый побег, решивший взобраться на небо. Донесшийся аромат жареной дичи защекотал ноздри.

— Свиньи,— прошептал Икар,— обжираются, сидя в твоем доме.

— Да,— ответил я,— хорошо хоть не спалили его.

— Представляешь, какую уборку нам придется делать после того, как они уйдут отсюда,— вздохнул Икар.— В фонтане кости. На скамье — виноградные шкурки. И еще,— зашептал он совсем тихо,— они наверняка не будут утруждать себя, пользуясь туалетом.

Когда мы отвернулись от дома, решив, что теперь пора приступить к осуществлению задуманного плана, то обнаружили Пердикса, свернувшегося кольцом у наших ног.

— Дядюшка! — воскликнул Икар, пытаясь подавить свой радостный вопль и превратить его в шепот. Он схватил змея и, произнося слова как можно более отчетливо, совершенно серьезно сказал ему: — Ты знаешь, что Тея в плену?

Пердикс раскрыл рот, и его раздвоенный язычок затрепетал.

— Он сказал, что все понял,— пояснил Икар.— Мы можем общаться с ним только таким образом, я ведь не выучил змеиный язык, но он действительно меня понимает. Не все, конечно. Самое трудное для него — это прилагательные. Если говорить медленно, он легко улавливает существительные и глаголы. Знаешь, когда Аякс приставал к Тее, еще в тот раз, до того как мы пришли в лес, это я попросил Пердикса вползти к нему в комнату, чтобы разозлить как следует. Пердикс наверняка поможет нам и сейчас.

Икар поместил змея на его обычное место — в мешочек, прикрепленный к набедренной повязке. Я не был уверен в том, что Пердикс сможет нам помочь, но не осмелился высказать свои сомнения вслух, находясь в непосредственной близости от его зубов.

Икар теперь обращался со змеем не как ребенок со своим домашним любимцем, а как воин с преданным ему союзником — конем или собакой,— с доверием, уважением и достоинством. Втроем мы направились к городу кентавров, туда, где были сосредоточены основные силы ахейцев, и куда почти наверняка ушла Тея, чтобы сдаться.

Подойдя к деревушке Пандии, мы обнаружили, что Аякс здесь уже побывал. Все дома были прочесаны грабителями, а бревно Пандии еще к тому же и разрублено пополам. Черепки битой посуды и несколько копченых рыбин, явно не пришедшихся по вкусу мародерам, вот и все, что осталось от ее некогда богатой кладовой. Цветок был вытащен из горшка, по-видимому, в нем искали спрятанные монеты, но хуже всего было то, что ахейцы превратили ягодник в пустырь, населенный только хрипло каркающими воронами. Выдер-

нутые из земли столбы валялись среди оборванных ягодных кустов. Самих медведиц Артемиды нигде не было видно, похоже, их взяли в плен и увели с собой.

Икар посмотрел на ворон и запустил в них ручкой от кувшина.

— Хорошо, что Пандии нет с нами,— сказал он,— у нее бы сердце не выдержало этого зрелища.

— Или желудок,— сказал я и отправился дальше с твердым намерением отомстить и нещадно при этом поработать своими копытами.

Мы побоялись сразу подойти к фермам кентавров — осаждавший город Аякс мог выставить охрану, чтобы обезопасить свои тылы. На самом краю леса, за которым уже начинался виноградник, Икар залез на дерево, решив посмотреть, где находится враг. Сам я не приспособлен для лазания по деревьям (за исключением дубов, где живут дриады). Ветви обычно прогибаются подо мной, а хвост застревает среди листвы. Но Икар забрался наверх с такой ловкостью, что ему могли бы позавидовать даже представительницы племени его матери, а затем, все рассмотрев, спустился вниз так тихо, что ни один лист не шелохнулся.

Он стал похож на пирата — паутина закрыла ему один глаз,— а когда начал рассказывать о том, что увидел, в голосе его послышалась ярость.

— Они не осаждают,— сказал он.— Они уже захватили город. Я не смог разглядеть все подробности — это слишком далеко, но заметил, что люди в шлемах разгуливают по улицам, как у себя дома. Я подойду поближе и рассмотрю все как следует.

— Дождись ночи. Тогда мы пойдем вместе.

Темнота — это не то, что наступает, а то, что уходит,— это отсутствие света, а не появление летучих мышей, воронов, мелькающих саванов, или что там еще из причудливых образов обычно приходит нам, поэтам, на ум, когда мы описываем ночь? Но ухода можно ждать с неменьшим нетерпением, чем появления, и дневной свет, который мы возненавидели за ту жуткую картину, которую он нам показал, стал меркнуть, подобно светильнику, в котором кончается масло, и оставил нас вместе с добрым другом — ночью. Мы миновали виноградник, чьи зеленые ягоды в безлунную ночь стали совсем неразличимыми на фоне листвы, и обошли стороной загоны для скота, чтобы не потревожить животных. Вдруг

мы услышали чьи-то шаги, а затем увидели двух караульных. Они уже давно начали праздновать победу и до сих пор продолжали выпивать. Делая обход, они смеялись или пели, а встречаясь, вновь начинали приветствовать друг друга. Под ремнем у каждого было по небольшой фляжке, они обменивались ими, а затем, поднеся ко рту, причмокивали от удовольствия. Пройти мимо них труда не составляло. Даже если бы они и заметили нас, то наверняка приняли бы за пальмы с широкими стволами, только без веток.

Мы подошли к оливковым деревьям, растущим у самого рва, которые я приметил еще раньше. Одно из них выглядело таким крепким и густым, что я рискнул забраться на него и посмотреть, что делается в городе. Большинство ахейцев собралось в театре на пиршество. Они разожгли на арене костер и, используя мечи в качестве шампуров, стали готовить угощение. Тея, наша дорогая, сдавшаяся врагу Тея, сидела на одном из рядов и, казалось, не замечала ни людей, ни огня, ни еды. Безухий Ксанф показал рукой на костер, будто спрашивая ее: «Будешь пировать вместе с нами?» Она отрицательно покачала головой. «Тея,— хотелось мне крикнуть,— прими его приглашение. Вчера весь твой ужин состоял лишь из тонкого куска хлеба с сыром. Ты сама пришла к ахейцам и должна есть их пищу, чтобы поддерживать в себе силы». Но затем я понял, почему она отказывается. Ахейцы жарили не только домашних свиней, принадлежавших кентаврам, но и лесных голубых обезьян. Освежеванные и насаженные на мечи тушки было нетрудно узнать, когда повара, толкаясь, вращали их над огнем. Голубые обезьяны. Любимицы Теи. Она называла их смехом леса. Я представил себе, что Тея чувствовала, когда ей подносили их на шампуре или на блюде.

Те, кто не готовил, пили из рога или бурдюка и горланили непристойные песни о привезенных из походов женщинах — сухопарых израильтянках, которые могут вонзить тебе в спину нож, едва ты закрыл глаза, смуглых египтянках, хвастающихся своими сфинксами и пирамидами, отчего ты чувствуешь себя рядом с ними абсолютным дикарем, и критянках с обнаженной грудью, которые, разыграв сопротивление и отдав дань самолюбию, становятся прекрасными любовницами. Один из солдат пел балладу о знаменитых грудях критянок и сравнивал их то с муравейниками, то с могильными холмами, то со шлемами. Все сравнения, на мой взгляд, были крайне неудачными (впрочем, будучи поэтом, я, вероятно,

слишком придирчив). Грубый смех прервал песни, и появился Аякс, самодовольный победитель. Он ходил среди своих людей, пил их вино и снимал самые нежные куски мяса с их мечей.

А побежденные в это время лежали на улицах. Неподвижные, окоченевшие тела кентавров, этих грациозных земледельцев, разрушенные дома, сломанные светильники и разорванные драпировки — все свидетельствовало о том, что ожесточенные бои шли в самом центре города. Я заметил, что оставшихся в живых кентавров заперли в загоне для скота вместе с их овцами и волами. Охрана состояла из небольшого количества солдат. Большинство дежурили у ворот, а двое ходили вдоль высокой ограды из колючих растений, через которую перелезть было практически невозможно. Все кентавры-мужчины погибли, и в плен были взяты несколько их женщин и детей, несчастные медведицы Артемиды и три паниска. Увидев это, я почувствовал себя так же, как в тот момент, когда у меня на глазах зарубили работников-тельхинов, а может, даже и хуже, ведь кентавры — существа более высокого порядка, не менее преданные, но более добрые и умные. Хирон, безупречный повелитель, Мосх, симпатяга, хоть и зануда,— их лица, их благородные гривы стояли у меня перед глазами, а в ушах звучал громкий топот копыт. Но слезы — непозволительная роскошь для воина, готовящегося к битве. Я запрятал горе в самый дальний угол своей души и позволил гневу разгореться, подобно горну Гефеста, бога-кузнеца, когда он раздувает его в своей кузнице. Гнев заставляет тело наполниться мужеством, а ум хитростью и лукавством.

Икар слез с дерева, и мы шепотом стали обсуждать план дальнейших действий.

— Бедные кентавры и голубые обезьяны. Интересно, как ахейцам удалось их поймать? — сказал Икар.

— Они очень доверчивые. Аякс мог заманить их, пообещав угощение. А может, сами пошли следом за Теей.

— Хорошо бы и нам попасть в город с такой же легкостью, как это сделали обезьяны.— Я задумался.

— Если мы сами не сможем пробраться туда, то отправим к ахейцам наше секретное оружие.

— Секретное оружие?

Гармамакса произвела на Икара очень сильное впечатление. Но оружие, которое имел в виду я, было не таким заметным, зато гораздо более коварным.

— Помнишь, я рассказывал тебе о войне с волками и о том, как Хирон придумал угостить их аконитом, или волчьим ядом? Это довольно безобидные на вид корни, похожие на морковь, только темные. Обезьяны любят разные корешки. Если нам удастся накормить их волчьим ядом и отправить в город до того, как они умрут...

— То ахейцы съедят обезьян и отравятся, а Тея не станет их есть!

— Совершенно верно.

— От этого яда всегда умирают?

— Да, когда получают определенную дозу, а меньшее количество действует как снотворное. В любом случае враг будет выведен из строя, и за это время мы успеем освободить пленных и занять город.

Ночь мы провели в моей пещере, прижавшись спиной к спине и согревая друг друга в сыром, холодном воздухе: два товарища, вспоминающие о своих утратах, два воина, обсуждающие план мести и мечтающие о победах.

Наконец Икар сказал:

— Эвностий, я очень замерз, тепло только спине.

Я взял его на руки, обнял и держал так, пока он не заснул. Ему не хотелось вновь становиться ребенком, но было приятно ненадолго расслабиться и почувствовать себя не воином, а, как раньше, по-детски зависимым, а мне было не менее приятно по-отечески заботиться о нем и оберегать. Умиление молодостью, слабостью и беззащитностью — одно из проявлений любви.

Когда солнце протянуло в пещеру свои желтые усики, мы отправились на поиски волчьего яда. Это растение трудно найти на теплом Крите. Его любимое место обитания — холодные горы в северной части материка, где солнце — редкий гость, а не полноправный властитель.

— Пердикс поможет нам,— заявил Икар.— Змеи знают все корни. Они живут среди них. Он вытащил Пердикса из своего мешочка и ласково сказал ему: — Ты ведь поможешь, правда?

— А он понимает, что значит волчий яд?

— Это видно из названия.— И, обратившись к змею, Икар отчетливо произнес: — ВОЛЧИЙ ЯД. КОРЕНЬ, УБИВАЮЩИЙ ВОЛКА.

Змеиный язычок затрепетал, как мне показалось, подтверждая понимание, но одновременно выражая и недоволь-

ство, ведь с ним говорили так, будто его язычок не умел улавливать колебания человеческого голоса. Наклонившись, Икар выпустил Пердикса на землю, и едва тот коснулся ее, как тут же исчез. Мы поспешили за ним следом.

— Наверное, он ищет самку,— прошептал я, когда от быстрого бега пот градом полился у меня со лба.

— Нет, он старается ради Теи. Ведь она же его прапраплемянница. Хотя,— признался Икар,— мне кажется, меня он любит больше. Я никогда не наступал ему на хвост.

Также являясь обладателем хвоста (хоть и не настолько длинного, чтобы на него можно было наступать сандалиями), я прекрасно понимал, почему змей отдает предпочтение Икару. Примерно через час Пердикс привел нас к неприступной зубчатой скале, расположенной на восточной границе леса. В тени этой скалы под большим рожковым деревом мы обнаружили заросли волчьего яда. Подобно своим четвероногим тезкам, это растение предпочитает тень. Я знал, что в конце лета на нем появятся яркие, но довольно зловещие голубые, желтые, алые или белые цветы, по форме напоминающие шлем с опущенным забралом, но сейчас его листья тянулись кверху, как длинные тонкие руки. Взявшись за стебли, мы выдернули несколько растений и отряхнули землю с их толстых клубней. Выглядели они не очень аппетитно, правда, морковь, сырая рыба или ощипанный цыпленок кажутся не более привлекательными.

Найти стаю голубых обезьян труда не представляло. Это были самые жизнерадостные животные и, наверное, самые разговорчивые. Их болтовня слышна была еще издали и звучала, как довольно приятная музыка, в которой тонули отдельные резкие выкрики. Веселые и доверчивые, они сразу узнали меня и Икара и стали высматривать, нет ли у нас в руках угощения. Одна из обезьян прыгнула ко мне на плечо и, уцепившись ногами за мою шею, потянулась к корешкам. Я тихо пробормотал что-то, как мне казалось, похожее на обезьянью речь, и показал рукой на город кентавров, будто говоря, что покормлю их.

Взглянув на Икара, я заметил у него на глазах слезы.

— Мы убиваем их ради Теи,— напомнил я ему.— Чтобы спасти ее от этих негодяев.

— Я знаю,— сказал он,— но предательство все равно остается предательством. Если это не так, почему же ты плачешь?

— Я не плачу,— ответил я так резко, что обезьяна соскочила с моего плеча.— Я пытаюсь утешить тебя.

— Ты всегда пытаешься кого-нибудь утешить — Тею, Пандию, меня, и тебе это хорошо удается. Ты самый лучший утешитель. Но иногда нужно, чтобы кто-нибудь пожалел и тебя самого. Мне кажется, как только ты освободишь Тею, тебе надо сразу на ней жениться.

Он ни на минуту не сомневался, что у нас все получится, а также верил в то, что после своего спасения Тея тут же выйдет за меня замуж. Когда такой мальчик восхищается тобой, это вдохновляет и придает силы, а сердце становится огромным и, кажется, занимает все тело.

Толпа обезьян шумной рекой текла за нами следом, и оставалось только надеяться, что ни один ахеец не встанет сейчас на нашем пути. Из ветвей своего дома выглянула дриада. Ее лицо на фоне листвы казалось водяной лилией, покоящейся на зеленых водах пруда. Раньше она всегда насмехалась надо мной, но сейчас прошептала своим хрипловатым голосом:

— Эвностий, будь осторожен. От тебя зависит судьба леса.

На опушке среди деревьев мы накормили обезьян. Трогательно пытаясь не укусить и не оцарапать нас, правда, весьма безуспешно, они выхватывали из рук корни и так быстро поедали их, что даже не успевали ощутить горечь. А затем мы притворились разъяренными и, размахивая кинжалами, налетели на ничего не подозревавших животных. Сначала они приняли это за игру и попытались отнять у нас оружие.

Пришлось ударить некоторых обезьян кинжалами, конечно, плашмя, чтобы заставить их поверить в нашу враждебность. Никогда не забуду их удивленные, полные недоумения крики. Они, по-прежнему гурьбой, поскакали через виноградник, и вид у них был скорее удрученный, чем напуганный.

Мы не могли при свете дня отправиться в поле следом за ними, но Икар залез на дерево и оттуда наблюдал за тем, как встретились обезьяны и ахейцы, которые, услышав шум, вышли из загона узнать, в чем дело. Яд, действующий безболезненно, сначала возбуждающий, а затем притупляющий все чувства, уже давал о себе знать, и обезьяны стали вялыми. Ахейцы закололи их своими мечами и ушли обратно в загон. Они не знали, что обычно обезьяны очень живые и подвижные, поэтому состояние животных не вызвало никаких подозрений. Товарищи поздравили их с хорошей добычей, и все вместе они стали думать, надо ли делиться своими трофеями

с теми, кто находился в городе, или нет. Неизвестно, что сыграло решающую роль — природная щедрость или страх перед Аяксом, но, оставив себе самых жирных обезьян, они перевязали остальных веревками и, взяв их, отправились в город.

Когда отсутствие света, называемое ночью, скрыло нас, мы перешли через поле и, не встретив ни одного патрульного, добрались до своего наблюдательного пункта в ветвях деревьев, растущих у самого рва. Языки пламени двух костров извивались в темноте, подобно оранжевым кальмарам в мрачных глубинах моря: один был разожжен в театре, другой в загоне для скота. Мое внимание привлек тот, пламя которого многочисленными щупальцами колебалось на арене театра.

Сегодня ахейцы не испытывали недостатка в женщинах. Похоже, весь день они охотились в лесу, и три измученные дриады, чьи длинные волосы были спутаны, а местами и вырваны с корнем, представляли их добычу. Я порадовался, что среди них нет Зоэ. Четыре пчелиные королевы и несколько трутней также пришли на пиршество, но не как пленные, а как гости, работницы же, мало пригодные для праздничных оргий, отсутствовали. Королевы расхаживали по арене с важным видом, будто это они, благодаря своей отваге и доблести, покорили лес. Количество браслетов, звенящих на их руках, значительно увеличилось. Наверняка они были украдены из разоренных домов кентавров. Позже я узнал, что королевы своим предательским поведением действительно очень помогли ахейцам. Они неожиданно напали на кентавров и, захватив башню, опустили подъемный мост. У меня вдруг мелькнула надежда, что трии в порыве ликования забудутся и станут раздавать смертоносные поцелуи своим союзникам, но они предпочли сохранить королевское достоинство — улыбались, принимали поздравления, выслушивали комплименты, но не снисходили до любовных заигрываний. Трутни же, наоборот, подобно куртизанкам жеманно кокетничали с грубыми, неотесанными ахейцами, которые, как и критяне, отличаются склонностью к самым разнообразным любовным утехам, а брат Эмбер даже заработал себе небольшое состояние из подвесок и колец.

Ахейцы любят получать все удовольствия сразу. Они могут одновременно есть, пить и развлекаться с женщинами. И сегодня они, не откладывая, стали вместе с рыбой, олениной и последними домашними поросятами кентавров готовить голубых обезьян. Даже обнимая бурдюк с вином, трутня или

дриаду, они продолжали подносить ко рту и с наслаждением рвать зубами отравленное жаркое. Окорока передавались из рук в руки, пока каждому не досталось хотя бы небольшая порция нежного мяса и, как я надеялся, достаточное количество яда, чтобы если не убить, то хотя бы одурманить. Один хитрый малый спрятался в тени на самом верхнем ряду и собирался полакомиться целой обезьяной, но трое его товарищей поднялись к нему с арены, разделили тушку, и ему в итоге досталась только голова, которую он безропотно съел. Вегетарианцы трии не притронулись к мясу, как и дриады, а когда Аякс протянул Тее небольшой жареный окорочек, она швырнула его прямо ему в лицо. Он ударил ее, и Тея упала на каменные ступени. Аякс поднял окорочек и, впившись в него зубами, одним движением оторвал мясо от кости.

— Поганый варвар,— пробормотал я,— я проткну тебе глотку этой костью.

— Тсс...— предупредил Икар.— Ты слишком повышаешь голос. Можешь протыкать этой костью все, что тебе вздумается, но только после того, как мы освободим Тею.

Когда мужчины выпивают море вина, по которому могла бы проплыть галера, и съедают такое количество мяса, что, погрузи его на торговое судно, оно пошло бы ко дну, их начинает одолевать сон. Но тот неожиданный сон, который сморил ахейцев, был как дурман, поднимающийся из недр Сицилии вместе с ядовитыми испарениями и охватывающий путников, покинувших свои носилки, чтобы напиться из придорожного источника. Ахейцы попадали прямо на ступени, растянулись на арене, мечи зазвенели о камни, а чаши с вином выпали из рук. Тот, кто съел меньше, дольше сопротивлялся сну и какое-то время с удивлением смотрел на своих товарищей, но затем, также обессилев, валился на них сверху.

Трии не могли понять причину странного сна своих хозяев. Отравлены? Одурманены? Изможденны тяжелыми боями? Они засуетились над распростертыми телами, и в их певучих голосах стали появляться резкие нотки. Трии кричали, тыкали в ахейцев пальцами, унизанными драгоценностями, королевы требовали к себе внимания, а трутни — нежностей и ласк. Три дриады тихо подошли к Тее, собирающей кинжалы ахейцев, и стали ей помогать.

Эмбер, стоявшая на коленях рядом с одним из воинов и пытавшаяся растормошить его, подняла голову и увидела прямо перед собой полную решимости вооруженную Тею,

которая схватила ее за прозрачное крыло и ударила со всей силы, отчего голова трии дернулась, будто по ней попало резко развернувшимся парусом. Трутни и остальные королевы поднялись в воздух, а самая старшая из них, та, у которой была морщинистая кожа и выпуклые глаза, стала швырять в Тею один за другим свои браслеты, пока девушка не выпустила из рук крыло Эмбер. Разъяренная Эмбер присоединилась к своим сестрам и оттуда злобно выкрикнула Тее:

— Дорогуша, надеюсь, стриг высосет всю твою кровь до капли, а зеленые мухи будут глодать твои кости!

Трии вились над ареной, срывая с себя браслеты и швыряя ими в противника. Хотя одна королева была старой, а все трутни — женоподобными трусами, тем не менее Тее и трем измученным дриадам вряд ли удалось бы отбить нападение.

— Трии,— заорал я во все горло,— мы идем на вас со своей армией.

Я заколотил по дереву, зашумев, как небольшой ураган, а моя армия, состоявшая из одного человека, издала рев, свидетельствующий о том, что в ее жилах течет кровь минотавра.

Трии стали отступать с такой поспешностью, что два трутня столкнулись друг с другом и чуть не упали на землю, пытаясь расцепить свои крылья, а затем, с сожалением взглянув на лежащие на земле мужественные тела своих друзей, последовали за королевами.

Говорят, королевы, трутни и работницы улетели в страну ахейцев, поселились на горе Парнас и стали прорицателями, правда, весьма сомнительного качества, зато им достались почести, воздаваемые божествам. (Если бы это была не историческая правда, а вымысел, то, будьте уверены, у меня они не перелетели бы через море, а утонули подобно несчастному сыну Дедала, тезке нашего Икара.)

Тея и дриады закончили собирать оружие ахейцев. Некоторые из них были уже мертвы или умирали, некоторым вскоре предстояло проснуться безоружными, страдая от ужасных болей. Ошеломленный Аякс, стоявший на коленях рядом со своим другом Ксанфом, с трудом поднялся на ноги, сжимая в руках свой огромный меч и преграждая им путь девушке, которая стала причиной его крушения.

— Волчица,— прорычал он,— я убью тебя!

Как всякий дурной человек, он видел свои пороки, свою волчью сущность в тех, кто противостоял ему. Медленно, с трудом, будто вынимая его из толщи воды, он поднял над

головой меч. Тея не стала дожидаться, пока он опустится на нее, и всадила Аяксу между ребер кинжал. Меч выпал у него из рук и со звоном упал на камни. Аякс продолжал стоять и смотреть на Тею со все возрастающим уважением.

— Богиня,— произнес он наконец и рухнул к ногам Теи, прижавшись своей русой бородой к ее сандалиям.

Тея смотрела на его тело, оцепенев от ужаса. Даже с большого расстояния я увидел, что руки у нее онемели, а глаза широко раскрылись. Тея не заплакала. Она убила человека, и это потрясло ее, но такова была воля богов. Она наклонилась и вынула кинжал.

Икар и я слезли с дерева. Первым делом мы вошли в загон и, разоружив одурманенных и убитых ахейцев, освободили пленных. Никто не произнес ни слова, да и что можно сказать, если победа пришла слишком поздно и далась ценой слишком больших потерь. Наконец я объявил:

— Сейчас мы пойдем в город и перенесем в охраняемый загон всех оставшихся в живых ахейцев.

Гордые и скорбные, вышли следом за мной звери. Панискки, хитрые и скрытные, исчезли в ночи, поспешив вернуться в свои норы на берегу ручья. Я подумал: «Медведиц Артемиды можно накормить тем, что осталось после пиршества ахейцев — рыбой и олениной, а потом вместе с осиротевшими детьми кентавров уложить спать под открытым небом».

— Тея,— крикнул я, стоя на противоположной от нее стороне рва.— Опусти, пожалуйста, мост.

Она шла ко мне по той же дороге, по которой незадолго до вторжения шел Хирон,— женщина, в свои шестнадцать лет оставившая далеко позади детство, на которое еще в Ватипетро зрелость отбрасывала свою мрачную, как совиное крыло, тень. За ней с благоговением следовали дриады. Теперь она стала не только такой же, как они, но и самой сильной из них.

— Тея,— прошептал я, когда она, будто выйдя из пламени костра, направилась в темноту — саламандра, феникс, богиня, освещающая собой непроглядную ночь и мое сердце.

Глава XI
ЗВЕРИ УХОДЯТ

Из ахейцев в живых остался двадцать один человек. Те, кто находился в театре, судорожно метались в бреду, громко

стеная и мотая головой, будто пытаясь отделаться от терзавших их демонов. Мы быстро перенесли этих солдат в загон и положили рядом с остальными.

— Они отказались уйти из леса даже после того, как я сдалась им,— рассказывала нам Тея, когда еще не пришедшие в себя воины, державшиеся за животы или трущие руками глаза, были помещены за надежную колючую изгородь.— Аякс сказал, что я доставила ему очень много хлопот и он должен возместить их, получив все богатства леса. Он обещал отпустить меня, если я покажу ему подземный ход, ведущий в твою мастерскую. Конечно, я ничего не показала.

— Что он собирался с тобой сделать? Взять с собой в Микены?

— По-моему, просто хотел убить. Я чем-то пугала его. Он называл меня Принцессой Зверей.

— Знаешь, он был прав.

На следующее утро Икар по подземному ходу отправился в мой дом, чтобы забрать оттуда Пандию, а я с группой паников подошел к самому краю поляны и во весь голос стал окликать солдат, засевших в стволе. Паники были вооружены пращами, я — боевым топором, а на веревке мы тащили за собой красноглазого Ксанфа, который должен был подтвердить сообщение о нашей победе. Ахейцы не заставили себя долго ждать и сразу появились по ту сторону стены. Через амбразуры виднелись их блестящие шлемы.

— Мы выиграли войну,— закричал я,— и убили вашего предводителя Аякса. А ваши товарищи, оставшиеся в живых, стали нашими заложниками. Если вы хотите спасти их и себя, сдавайте оружие и уходите из леса до захода солнца.

Ахейцы ответили на мои слова взрывами иронического смеха. Чувствуя себя в захваченном убежище в полной безопасности, они продолжали пировать с самого рассвета вплоть до наступления темноты. У них были весьма веские причины, чтобы с презрением отнестись к моему ультиматуму. Мы вытащили нашего пленника из-за деревьев и продемонстрировали им его постыдное поражение.

— Прислушайтесь к его словам,— стал убеждать своих друзей Ксанф.— Аякс действительно мертв, а мы все отравлены их колдовскими чарами.

В подтверждение своих слов он схватился за живот:

— С вами будет то же самое, если вы не сделаете, как он говорит!

Смех утих, и ахейцы стали советоваться, а затем вместо взволнованных голосов послышался скрип отодвигаемых бревен, служивших дверью. В проеме появился прикрывающийся щитом воин. Его высокомерное поведение все же не могло скрыть страх:

— Пришлите к нам Ксанфа, и мы сами допросим его.

Чтобы подтвердить правоту своих слов, мы могли отдать им этого пленника. Один из нетерпеливых панисков подтолкнул его своей пращей, и безухий Ксанф, таща за собой веревку и все время боязливо оглядываясь через плечо, неуверенным шагом направился к своим друзьям.

Днем ахейцы во главе с Ксанфом покинули мой дом, а на следующее утро мы выпустили их товарищей, сидевших в загоне. Они должны были встретиться уже за пределами леса. Я отобрал у них оружие, доспехи и туники и заставил грубыми бронзовыми бритвами сбрить бороды, зная, что у ахейцев борода считается признаком доблести и мужества. От этого их щеки стали красными, как редиска. Владыки и завоеватели, они пришли сюда, чтобы унизить нас, а ушли подобно колонне рабов, которых ведут на печально известный рынок в Пилосе.

Вновь лес принадлежал зверям, но для тех, чьи герои мертвы, а города лежат в руинах и каждую минуту грозит еще одно нашествие, вкус победы горек, как болиголов.

Через две недели после того, как мы прогнали ахейцев, паниски, сторожившие вход в лес, схватили критянина, пытавшегося попасть в нашу страну, и, весьма грубо обращаясь с ним, притащили в город кентавров, где Тея, Икар и я помогали женщинам-кентаврам восстанавливать их дома. Он был черноволосый, худой, с тонкой талией и очень походил на тех крестьян, что живут в тростниковых хижинах на берегу Нила. Критянин испуганно озирался. Казалось, будто он только что вышел из еще продолжающихся долгих и жестоких боев. Конечно, его послал Эак.

— Тея,— позвал я, втайне желая только одного — спихнуть рогами этого критянина в ров,— принеси, пожалуйста, нашему гостю кокосового молока.

Больше нам предложить было нечего. Ахейцы выпили все вино, а виноград еще не созрел. Я оставил критянина вместе с Теей и Икаром в бамбуковом домике, заново отстроенном

и украшенном одной из тех немногих драпировок, которые не были затоптаны сапогами мародеров или использованы для чистки оружия.

Я перешел через мост. Каждый вечер, обычно вместе с Теей и Икаром, мы возвращались в свой дом, чтобы поработать там и заночевать. Женщины-кентавры охраняли ров и сторожили оставшихся в загоне животных — двух коров, быка и семь овец.

— Он пришел за твоими друзьями? — спросила Рода, дочь благородного Хирона.

До войны она обычно носила в волосах белую лилию. В тот день, когда погиб ее отец, она обрезала волосы, и в них уже больше не мог удержаться цветок.

— Да, Рода.

— Тея и Икар уйдут с критянином?

— Не знаю.

— Всегда кто-нибудь будет нарушать наш мир. Нас больше никогда не оставят в покое, разве не так, Эвностий? Не пора ли нам уйти из леса и вернуться на острова?

Она имела в виду Блаженные острова — землю, расположенную в Западном море, откуда мы пришли еще до появления людей, прекрасную солнечную страну, где нет никакой опасности, но не бывает и приключений.

— Боги дадут нам знать,— ответил я,— мне кажется, это случится скоро.

Я ждал Тею и Икара в своем саду. Желтый свет луны делал колеблющиеся струи фонтана похожими на мокрую от дождя пальму, касающуюся земли своими листьями. Я вырыл новый вход в свой подземный дом, а до мастерской и других комнат ахейцы не добрались. Зонт во дворе был уничтожен, фиговое дерево они вырвали с корнем и сожгли вместо дров. Решетка, по которой раньше вились растения, была пуста, а новые семена еще не дали всходов. Сад оставался голым.

— Кносс до сих пор держится,— взволнованно объявила Тея, когда они с Икаром вернулись домой,— и отец по-прежнему сражается. Он узнал от Ксанфа, который находится у него в плену, что мы с Икаром здесь, в лесу. Отец не мог прийти сам, потому что город в осаде. Но он послал гонца и просил передать, чтобы мы оставались на месте, пока не кончится война. Вот что сказал отец, но...

— Но ты хочешь уйти к нему. Ты считаешь, что сможешь ему помочь.

В ее голосе больше не было энтузиазма.

— Мне совсем не хочется уходить,— сказала она печально.— Мне хочется остаться здесь, с тобой и нашими друзьями. Но он — мой отец, а критяне раньше были моим народом. Несмотря на свои недостатки, они лучше ахейцев. Если Кносс падет, нам всем будет плохо.

— А что вы с Икаром можете сделать, чтобы спасти его?

— Ты сам научил нас сражаться.

В саду вновь стало тихо, слышно было только журчанье фонтана и частое дыхание Икара, смотревшего на меня с обожанием, как мог смотреть только мальчик, ждущий, что одним решительным поступком, одной точной командой будут разрешены все его сомнения.

— Я не хочу возвращаться к отцу,— сказал Икар.— Он всегда был как тень. Он приносил с собой мрак.

— Грусть,— ответила Тея,— а не мрак.

— Как ни называй, все равно это был холод. Знаешь, до него невозможно дотронуться. Он всегда отстраняется, будто боится, что твое прикосновение запачкает его одежду. Я люблю тебя, Эвностий. Разве я не стал зверем?

— Ты всегда им был,— сказала Тея,— чтобы ощутить себя зверем, тебе не нужно было приходить сюда. Но, чтобы почувствовать себя человеком, хотя бы отчасти, возможно, тебе следует вернуться.

— Тея хочет сказать,— пояснил я,— что у тебя, Икар, и у меня в сердце лес. Может, теперь нам надо срубить несколько деревьев и построить там город.

— Или спасти город,— сказала она,— Кносс. Ты пойдешь со мной, Икар? Ненадолго?

«Ненадолго? Навсегда...» — подумал я.

— Эвностий, мне идти?

— Ты будешь нужен Тее,— ответил я, будто выдергивая из своего сердца стрелу.

Я обнимал его в последний раз. Я обнимал молодой лес, пока еще наполненный пеньем птиц, еще тянущийся вверх, я обнимал живущих в нем фавна и кролика, медвежонка и хитренького паниска с раздвоенными копытцами и хвостом, похожим на вьющийся усик лозы, теплого птенца дятла, прячущегося в своей крепости из прутьев,— все маленькое, беззащитное, все, что живет надеждой и мечтает вырасти. Но я не мог остановить движение этой коварной ящерицы — времени.

— Икар,— проговорил я. Это был не крик и не мольба, я просто в последний раз произнес имя, которое любил. Когда он уходил из сада, я не смотрел в его сторону.

Мы с Теей сидели у самого фонтана, будто он мог смыть всю боль и придать ей нереальность лунного света. Лунный свет полон грусти, хотя ты и не ощущаешь ее. Звезды тоскуют от одиночества, и луна, наверное, самая одинокая из всех богинь. Но все они страшно далеко, и утраты, о которых они повествуют, видятся нам как прекрасные и романтичные предания о юности Великой Матери или старинные песни, которые поют дриады, вращая ручки своих мельниц, перемалывающих ячмень на муку. Грусть дома и сада иная, она совсем рядом с тобой, она так же близка к тебе, как раскаленный кусок угля, жгущий твою руку, или запутавшаяся в твоих волосах летучая мышь, с криком пытающаяся вырваться оттуда.

— Мне хотелось увидеть,— сказала Тея,— как новая лоза обовьет решетки в твоем саду.— Моя рука чувствовала прохладу ее пальцев.

— Эвностий, трагедия человека или зверя в том, что две любви могут позвать его в противоположные стороны. Идя за одной, он вынужден оставить другую. Я говорю оставить, а не утратить. Любовь никогда не исчезает бесследно. Она лишь меняет свою форму, как вода,— из озера превращаясь в реку, из реки в облако, а когда мы чувствуем себя опустошенными, будто став безжизненной пустыней, она проливается на нас с неба живительным дождем.

— Не знаю, как там насчет дождя. Я ведь никогда не был философом и больше уже не поэт. Но если ты должна уйти, то я пойду вместе с тобой. Я буду охранять тебя, пока ты не доберешься до отца, а затем стану сражаться в его войске. Ты ведь знаешь, я умею воевать. Ты видела, как я управляюсь с луком.

— Нельзя оставлять свой народ. Ты их единственный предводитель. Понимаешь, дорогой, у тебя тоже две любви. Как бедны те, у кого только одна! У Аякса — война, у трий — золото. Мы же обладаем сокровищами фараонов.

— Я не чувствую себя фараоном. Я похож на пустую пальму, оставшуюся без единого кокосового ореха.

— Они еще будут у тебя. И голубые обезьяны вновь вернутся в твои ветви. Сейчас я уйду. Закрой глаза. А то ты смотришь и смотришь на меня и просишь то, чего я не могу дать.

Она вышла из сада, и сандалии ее прошли по земле так же бесшумно, как копыта фавна.

Эак не забыл зверей, давших приют его детям. Он прислал второго гонца, который, ослабив пояс, стягивавший его тонкую талию, пил из кокосового ореха молоко, сидя в одном из домов кентавров, и рассказывал мне о войне. Ахейская армия подошла к самым воротам дворца, вокруг которого, в отличие от таких материковых твердынь, как Микены или Тирин, не было крепостных стен. Обитатели дворца поспешно заваливали вход бревнами, булыжником и даже каменными ваннами, взятыми из царских покоев. Сам Эак был тяжело ранен и почти умирал, а его обессиленные солдаты, среди которых был Икар, вышли через украшенную резьбой арку в воротах, чтобы принять свой последний смертельный бой. В садах и внутренних дворах с колоннами еще не смолк женский плач, когда принцесса Тея появилась на дворцовой стене и обратилась к своим воинам, призывая их победить во имя Великой Матери и Минотавра. Осаждавшие ахейцы застыли от изумления, увидев ее красоту: малиновая юбка, повторявшая форму шлема, была расшита узором из черных, как смоль, муравьев; обнаженная грудь, казалось, своей жизненной силой бросала вызов смерти, которую несет война; золотые змеи обвивались вокруг ее запястий; острые уши и зеленоватые развевающиеся волосы придавали ее точеному лицу пьянящее очарование дикарки. Лучники забыли про свое оружие, солдаты упали на колени и подняли над головой, подобно талисманам, мечи.

Тишина... А затем громкие возгласы:

— Волшебница!

— Богиня!

— Принцесса Зверей!

И тогда навстречу им вышел мальчик Икар со своим щитом — Бионом. Они увидели его острые уши. Они знали, что он брат Теи. Ахейцы пришли воевать с маленькими, слабыми купцами, матросами и надушенными придворными, а не с этими великолепными, ничего не прощающими детьми из Страны Зверей.

— Принц Зверей!

Сначала они изумленно смотрели, затем побросали оружие и стали отступать к морю, вытаптывая виноградники и

распугивая стада овец, разбегавшихся по невысоким холмам, заросшим красными маками. Они все бежали и бежали, подальше от детей из Страны Зверей. Они бежали к своим деревянным кораблям, карабкались по их корпусам, подобно жадным крабам, поднимали черные паруса и с нетерпением ждали, когда они наполнятся ветром и унесут их от этих берегов, усеянных брошенным оружием, и от мальчика, размахивающего щитом и посылающего им вдогонку проклятие Минотавра.

— А затем,— закончил гонец, взволнованный своим рассказом,— от гекатомб[28] густым лесом стали подниматься к небу столбы дыма. Это приносились жертвы богу войны, а в пещеры Великой Матери несли миррис и сандарак. На освобожденных от захватчиков полях собирали цветы — маки, розы, фиалки и златоцветники — и плели из них гирлянды, чтобы надеть их на шею победителям — Тее Прекрасной и Икару — Принцу-воину. Самого Эака вынесли на улицу, чтобы он мог наблюдать за их чествованием. Эак не забыл о вашей доброте к его детям и о том, какие потери вы понесли, сражаясь с ахейцами. Я пришел сюда по его приказу и прошу тебя принять от него в дар два корабля, на которых вы сможете вернуться на свою родину — Блаженные острова, где вас ждут покой и безопасность. Корабли поведут его матросы. Нет такой страны, куда они не могли бы доплыть. Оба корабля ждут вас в порту города Феста. Когда вы придете туда, на них погрузят запасы продовольствия.

В руках у меня была лишь ивовая корзина, с которой мы вместе с Икаром и Теей ходили на пикник. В нее я положил свою зеленую тунику, флягу с пивом, несколько медовых лепешек, тростниковое перо и листы папируса (дело в том, что к этому времени я уже начал работу над летописью). На плече я нес мотыгу. Сады будут существовать всегда. Мы с друзьями встретились в городе кентавров. Пандия привела медведиц Артемиды, которые так и не вернулись к разграбленным бревнам и погибшим ягодным кустам. Она прославилась своим героизмом, и, несмотря на юный возраст, ее стали считать кем-то вроде амазонки. Идя навстречу мне по подъемному мосту во главе процессии, состоявшей из медведиц, Пандия гордо улыбалась, обнажая зубы. Самой старшей медведице можно было дать не больше двенадцати. Они вели за

руки своих дочерей и внучек, которые вполне могли бы сойти за их сестер.

— Икар, наверное, гордился бы мной,— сказала Пандия.

— Да, не меньше, чем я.

Затем подошли дети кентавров. Некоторые были еще совсем маленькими и неуклюже тыкались в разные стороны. За ними шли их матери. К спинам они привязали то немногое, что уцелело: светильник, ивовую клетку для сверчка (пустую) и одеяло, чтобы согреваться на море в холодные ночи. На краю леса в крытых носилках нас поджидали дриады. Носилки были сделаны из их деревьев. Они будут защищать их, давая жизненные силы, а добравшись до Блаженных островов, дриады найдут себе новые деревья. Паниски предложили им свою помощь. Это были уже не те проказливые козлоногие мальчишки, что раньше. Они подняли носилки на свои волосатые плечи и понесли их через лес, не пытаясь при этом пугать своих пассажирок или обгонять друг друга. Я возглавил шествие.

— Эвностий,— позвала меня Зоэ из своих носилок.— Пожалуйста, иди рядом со мной.

Неужели это та самая соблазнительница, которая танцевала танец Питона и несколькими глотками опустошала бурдюк с пивом? Она больше не волновала меня, но наполняла мое сердце глубокой нежностью и болью. Зоэ взяла меня за руку:

— Ты не тот Эвностий, которого я раньше любила. Ты, как бы это сказать?.. Вырос.

— Стал больше ростом, но не поумнел.

— У того, кто по-настоящему умен, хватает скромности, чтобы не признаваться в этом вслух. Если бы я не состарилась, пока ты взрослел, я любила бы тебя сильнее всех остальных любовников.

Деревья дриад, лишенные большинства своих ветвей, из которых сделали носилки, сбросили листья, будто к ним неожиданно пришла осень. Вороны, налетевшие на деревню медведиц, как лесной пожар, окончательно опустошили бревна и ягодник, а норы паниксов достались водяным крысам, которые при помощи прутьев и грязи старательно закрывали широкие входы, уменьшая их до собственных размеров.

Знаете ли вы, что лес был когда-то богом, юным, как солнце, встающее утром из моря? Он правил землей, а когда пришла Великая Мать, добровольно ушел к подножию хол-

мов, чтобы в течение многих веков предаваться воспоминаниям. Если это правда, то сейчас, я думаю, он утомился от них.

Наши корабли стояли на якоре — двухмачтовые, сделанные из крепкого кипарисового дерева, с нарисованными на корпусах алыми лунами. Вымпелы, имевшие форму дельфинов, красовались на их изогнутых носах. Сегодня на борт будут подняты последние пифосы[24] с оливковым маслом, бочонки с водой и вином, сыры, специально выпеченный хлеб с твердой корочкой, изюм, финики и сушеные фиги. Все это привезено по приказу Эака на повозках, запряженных мулами. А завтра, если боги пошлют попутный ветер, мы отплывем к Блаженным островам и начнется долгое путешествие, полное опасностей: чудовищ с собачьими головами и зубами, длинными, как кинжалы, волн высотой с трехэтажный дворец. Но критские корабли плавают, как дельфины, ныряя с гребня волн вниз и вновь взлетая вверх. Они обогнули огромный континент Ливию и, я думаю, сумеют добраться до наших Блаженных островов.

Вечером, сойдя на землю и заглянув к Пандии, рисующей на носу корабля крупные буквы И-К-А-Р, я в последний раз отправился в пещеру — давно заброшенное святилище Великой Матери, которое назвал для себя Обитель голубых обезьян. Мое повествование, старательно записанное на папирусе, подходило к концу. Я скрепил все листы вместе, сделав свиток наподобие знаменитой египетской Книги мертвых. Этот свиток я помещу в медный сундучок и оставлю его людям будущего. Думаю, в тех мифах, которые появятся после нашего отплытия, мы предстанем перед ними в не слишком хорошем свете. Кентавры превратятся в варваров — врагов людей и их прекрасных городов, и с грохотом понесутся по полям сражений, а минотавр — бык, который ходит, как человек,— что скажут о нем? Хвост его раздвоится, рога станут ветвистыми, как у оленя, а мрак его темной пещеры будет страшить детей и юных дев. Слово «зверь» превратится в синоним «животного», а слово «зверство» будут употреблять лишь в рассказах о дикарях и убийцах.

Люди будущего, войдите в эту пещеру, возьмите мой свиток и прочтите, что мы не были богами, но не были и демонами; не были невинными, но не были и грешниками. Души наши были такими же, как ваши, только порой добрее; нам

были знакомы и честь, и жертвенность, и любовь. Подумайте, может, звериная сущность не так уж далека от человеческой. Прочтите, поймите нас и простите за то, что когда-то мы победили вас, а автора не обвиняйте в том, что горечь его собственных утрат омрачила это повествование.

На сем я, Эвностий, минотавр, заканчиваю свой рассказ о том, как ушли звери.

Эвностий,
Минотавр.

Только я закончил писать своим размашистым почерком имя, как почувствовал, что чья-то рука коснулась моего плеча.

— Дорогой Эвностий,— сказала она,— я не прошу разрешения прочесть то, что ты написал. Если все соответствует действительности, то я в твоем повествовании выгляжу не очень привлекательной.

Пучок света, проникший в пещеру через вход, осветил ее алую, стянутую поясом юбку и золотых змей, обвивавшихся вокруг ее запястий.

От ее близости я потерял дар речи, будто выпил глоток волчьего яда. Наконец я проговорил:

— Как дела в Кноссе? Ахейцы не вернулись?

— Нет еще. Когда-нибудь, я думаю, они покорят нас. Но не скоро. А сейчас мы должны отвоевать для себя еще немного времени.

— А как Икар?

— Он настоящий герой. Все девушки Кносса влюблены в него.

— А он в них?

— Ни в одну.

— Ты пришла попрощаться. Как ты добра ко мне, Тея.

— Попрощаться? Мой бедный, глупый минотавр, я пришла, чтобы уплыть с тобой, и вовсе не из-за своей доброты.

— Но море коварно,— воскликнул я,— разве ты не знаешь, какие опасности поджидают мореплавателей за Геркулесовыми Столпами? Чудовища с собачьими головами, водовороты, сталкивающиеся скалы[25].

— Я сама выбирала корабли для вас. Это самое лучшее, что имеется в отцовском флоте, во всяком случае из того, что осталось от него.

— И ты бросишь своего отца?

— Я всегда любила его. Но я слишком поздно полюбила мать. Теперь ее народ позвал меня.— Я взял ее руку и с почтением поднес к губам:

— Я твой друг до конца своих дней!

— Друг? Я поеду с тобой только как жена или любовница. Как еще можно нам обрести друг друга, если не через плоть? Душа должна видеть глазами и ощущать пальцами тело, иначе она слепа и бесчувственна.

— Ты говоришь, что тела наши встретятся. Но ты красива, а я — зверь.

— Да, зверь, как и моя мать, и намного благороднее, чем любой из людей, которых я когда-либо знала! Ты не догадываешься, почему я пыталась облечь тебя в одежды? Потому, что ты вызывал у меня чувства, которым не было места в моем аккуратном садике с крокусами.

Она сняла с пальца перстень-печатку, который я подарил ей в лесу, и, с нежностью взглянув на него, решительно положила рядом со свитком.

— Это моя самая любимая вещь. Я оставляю ее богине в память о моих друзьях — голубых обезьянах. Обретя своего минотавра, я могу расстаться с кольцом.

С суровой простотой она опустилась передо мной на колени:

— Любовь была восхождением для меня, Эвностий. Теперь я поднялась так высоко, что могу преклонить пред тобой колени.

— Нет, нет,— умолял я.— Поднимись!

Я поднял ее с земли, взял на руки, и она поцеловала меня так нежно и пылко, будто была одной их тех дриад, что познавали секреты любви три сотни лет. Я держал ее на руках, испытывая бесконечную нежность, без всякого стеснения или стыда, и чувствовал, что любовь не бушующее пламя, как ее называют поэты, а огонь очага, действительно обжигающий, но только ради того, чтобы обогреть и осветить его холодные глубины.

— Если бы,— воскликнул я,— Икар тоже пришел!

И, конечно, он пришел. Вместе с Пердиксом.

Зеленый Феникс

ЧАСТЬ I

Глава 1

«*Эней должен умереть*».

Эти слова были приказом и одновременно взаимным уговором. Эней, троянский убийца, соблазнитель женщин, вторгшийся в Вечный Лес, должен умереть, и она, Меллония, дриада семнадцати лет, которая плакала, если нечаянно наступала на пчелу или разрывала паутину, была связана этой клятвой так же прочно, как и ее королева Волумна. Если все, что рассказывалось об Энее,— правда, а достоверность этих рассказов подтверждали воины, моряки и амазонки, Меллония должна подчиниться клятве и, если выпадет на ее долю, убить его, чтобы спасти свой народ и сохранить Вечный Лес.

Была ночь. Еще днем, когда солнце сидело на верхушках деревьев, как феникс в своем гнезде, Эней для нее был не больше чем произнесенное шепотом имя, которым пугают расшалившегося ребенка.

Сегодня голодный медведь разорил ее пчелиный улей, но ему не удалось отведать меда. Пытаясь улизнуть от жалящих его пчел, он убежал сквозь заросли ежевики к спасительным водам Тибра, но улей был разрушен, пчелы остались без меда и без дома. Она нашла для них новый пень недалеко от своего дерева, где после гибели матери во время грозы вот уже год жила одна в окружении пчел и животных, хотя порой ей бывало очень одиноко.

Сейчас она показывала королеве пчел этот пень. Пчелы понимали жесты Меллонии, но почти не понимали ее слов, а она понимала, что означает рисунок их полета, хотя не

разбиралась в жужжании. Конечно, это был не очень совершенный способ общения, но лучше уж такой, чем никакой. Королева, выписывая в воздухе зигзаги, явно благодарила ее. Трутень, любимец Меллонии, которого она назвала Бонус Эвентус или Счастливая участь, сел ей на плечо передохнуть.

Ее друг кентавр Скакун вылетел галопом из леса и проскакал несколько раз вокруг пня, около которого стояла Меллония. Подобно своим соплеменникам, любившим щегольнуть, вызывая восторг окружающих, он стал бить по земле копытом и встряхивать гривой, будто где-то поблизости учуял пшеницу. Вначале она решила не обращать на него внимания. Ей не нравилось, как он смотрит на нее, а в последнее время Скакун все чаще стал бросать в ее сторону довольно нахальные взгляды, будто уши ее перестали быть острыми или зеленые волосы выбились из-под ленты.

Меллония принадлежала к роду дриад, называвших себя дубовницами. Они считали, что не нуждаются в мужчине, чтобы зачать ребенка. В то время как подруги оставались в другом конце леса, дриада, достигшая возраста, позволявшего иметь детей, укрывалась в Священном Дубе Румина[1], пила священный напиток, экстрагированный из маковых головок, и засыпала полным приятных, а иногда тревожных видений сном. Если ей везло, то она просыпалась уже с новой жизнью в своем чреве.

Меллонии нравился Скакун. Он был молод и тоже лишился родителей. Хотя в свои семнадцать она считалась еще подростком — ведь дриады живут столько же, сколько их дубы, то есть около пятисот лет,— ей нравилось опекать его. Другие дриады нередко дразнили ее, говоря, что Меллонии не надо идти в Священный Дуб, она и так уже является матерью для половины лесных пчел, волчат, фавнов и их детенышей — весь список занял бы большую глиняную табличку. Поэтому, несмотря на смущавшие ее взгляды Скакуна, она отвернулась от благодарно кружившейся королевы и, посмотрев на него, улыбнулась.

— Столько хлопот с этим ульем,— проворчал он.

Его голос был глубоким, мелодичным и хорошо поставленным. Меллонии было приятно его слушать. Знаменитые путешествия кентавров хотя и сделали их немного тщеславными, но превратили в умелых ораторов.

— Я люблю их мед.

— Даже если бы они делали отраву вроде волчьего яда, ты все равно любила бы их. Ты любишь все вокруг.

— Нет,— быстро поправила она его,— только доброе и растущее. Но есть то, что я ненавижу.

Это было правдой. На ее руке до сих пор виднелись следы от зубов льва, который растерзал ребенка дриады. Случилось это, когда Меллонии было четырнадцать лет. Она выследила убийцу в его логове и напала на него совершенно неожиданно — ведь дриады пахнут дубовой корой, а ходят тихо, как лани. Меллония убила его дубинкой, не испытывая ни малейших угрызений совести. Скакун, несомненно, помнивший об этом, сделал несколько шагов назад и чуть не споткнулся о свои собственные копыта.

— Ты права,— согласился он.— Только не смотри на меня так. Я не лев.

— Я нашла для них новый дом,— стала объяснять она, показывая на пчел.— Этот грубиян-медведь...

— Одна из пчел ползет по твоей груди.

— Это трутень. Они не любят работать.

— Я завидую ему.

— Ты ведь тоже никогда не работаешь, разве что расчесываешь гриву.

— Я совсем не об этом. Я завидую тому, что он на твоей груди.

Кентаврам очень нравилась женская грудь, и они отдавали предпочтение людям или дриадам, а не своим женщинам именно по этой причине. Но Меллонию учили, что грудь существует только для того, чтобы вскармливать новорожденных, поэтому интерес, проявленный Скакуном, ее озадачил.

— Кстати, о работе: мне надо кое-что передать тебе.

— Что?

Скакун был молод и очень ухожен. Дело в том, что кентавры, занимавшиеся сельским хозяйством, расплачивались с фавнами овощами со своих огородов, а те выполняли вместо них всю домашнюю работу: подметали бревенчатые, с остроконечными крышами домики, чинили увитую колючими растениями изгородь, огораживавшую их деревню. Поэтому у кентавров оставалось время заниматься физическими упражнениями и следить за своей внешностью. Они также гордились умением вести изящную беседу на любую тему. Золотисто-коричневый торс Скакуна и его многочисленные конечности — четыре ноги и две руки — были гибкими и

стройными; он любил чистоту и часто купался в Тибре. Лицо — если вы понимаете толк в мужской красоте — имело правильные черты, золотистые глаза сияли, кожа была розовой и чистой — он не носил бороду; грива, похожая на сад, заросший буйной золотой растительностью, спадала на плечи.

Меллония снисходительно улыбнулась:

— Скакун, ты еще совсем жеребенок.

Единственными знакомыми ей поцелуями были те невинные поцелуи, которыми обменивались дриады. Она легко коснулась губами его щеки, подобно тому, как когда-то нежно целовала свою мать.

— Теперь моя очередь.

— Мы не договаривались, что ты тоже меня поцелуешь.

— Но с тобой же ничего от этого не случится.

Она чинно подставила щеку. Какая глупость! Губы приблизились к ней, и Меллония почувствовала его дыханье, от которого исходил приятный аромат майорана, но, неожиданно миновав ее щеку, он впился ей прямо в губы. Она вспыхнула, и огонь, охвативший не только рот, но и тело, был непривычным и не таким уж неприятным. «Клянусь молоком Румины[2], он решил меня задушить». Вот и руки обвились вокруг ее тела, подобно шеям гидры!

Сделав усилие, Меллония высвободилась. Кентавры — прекрасные скакуны в открытом поле, но удивительно неуклюжи в ограниченном пространстве.

— Если ты не передашь мне то, что тебе велели, пятьдесят пчел ужалят тебя,— сказала она, поднимая руку, будто собираясь отдать им команду.

— Хорошо, хорошо,— ответил Скакун, испуганно поглядывая на пчел, но пытаясь сделать вид, что совершенно спокоен.— Расчеши сначала мою гриву. Ветер растрепал ее.

Он достал из кожаной — это была кожа льва — сумки, висевшей у него на шее, черепаховый гребень.

— Обещай, что больше не будешь меня целовать.

— Обещаю. Сегодня.

— Никогда.

— Никогда,— вздохнул он.

Меллония провела гребнем по гриве, хотя все волоски были на своих местах. Скакун скреплял их смесью смолы и мирриса. Затем она по-дружески похлопала его по боку и неожиданно почувствовала, как он задрожал.

— Какая ты стала красивая! Как гиацинт.

Красивая? Цветы бывают красивыми. Ласточки. Бабочки. Разноцветные камушки на дне ручья. Но никто никогда не говорил так о ней. Она с трудом сдержалась, чтобы не спросить: «Почему я красивая? Тебе нравится зелень моих волос? Но она небезупречна. В ней мелькают золотые солнечные нити...»

Меллония быстро отдернула руку и сказала:

— А что ты должен мне передать?

— Волумна собирает всех на совет в зале под Смоковницей Румины[3].

— Что случилось? — воскликнула Меллония. Такое бывало не часто и означало, что речь пойдет о чем-то серьезном.

— Наверное, опасность.

— Какая?

— Не знаю,— ответил Скакун, и Меллония поверила ему.

Серьезные события не обсуждают с мужчинами, особенно с кентаврами, достаточно того, что их просят что-нибудь передать.

Она спешила к Смоковнице, Фикусу Руминалису, росшему в полумиле от ее дома. На ней не было ни ботинок, ни сандалий, ни тяжелой одежды, лишь ножной браслет из красных ягод и зеленая полотняная туника, которая блестела на солнце, как листва. Шею украшало ожерелье из зеленых желудей. Только лань могла бы догнать ее. Конечно, кентавру это было не под силу, разве что они оказались бы на ровном, открытом месте. Удаляясь, она чувствовала на себе его взгляд и думала, почему он задрожал от ее прикосновения. И все эти разговоры о поцелуях! Они ведь выросли вместе. Он был единственным мужчиной, которому ее мать позволяла находиться рядом с их деревом. Но мысли о совете и опасности заставили ее забыть о нем.

Это была одна из самых высоких смоковниц с ветвями, усеянными маленькими зелеными ягодками, которые вскоре превратятся в зрелые плоды, но ни одна пчела не посмеет притронуться к ним, пока они не упадут на землю. Между пчелами и дриадами существовало полное взаимопонимание, ведь это дерево было их Богиней Матерью, а плоды, так же как и дриады,— ее детьми.

В получасе ходьбы отсюда стоял Дуб зачатий — Дуб Румина, божественного супруга Румины, менее почитаемого, чем

она, поэтому ему было отведено не столь завидное место в Вечном Лесу.

Помещением для советов служила пещера, специально вырытая под смоковницей. Тонкие корешки свисали с потолка, как приползшие туда змейки. Дриады сделали пещеру глубоко под землей и копали очень аккуратно, чтобы не повредить главные корни — артерии их матери. В нишах, устроенных в земляных стенах, ровно горели смоляные факелы — воздух в пещере был совершенно неподвижным; стоявшие полукругом деревянные скамьи поднимались рядами кверху. По образцу этих сооружений, изобретенных еще критскими дриадами в незапамятные времена, критяне построили арены для игр с быками. В пещере находилось около пятидесяти дриад, женщин и девочек. Когда дриада рожала мальчика, его сразу же бросали в лесу. Если он не доставался льву, то какая-нибудь добросердечная мать семейства кентавров забирала его, чтобы вырастить вместе со своими детьми, или же фавн — а все фавны были мужчинами — разрешал ему примкнуть к своему тощему, сильно пахнущему веселому выводку. Одного из таких мальчиков Меллония спасла, когда ей было четырнадцать лет, решив воспитать как брата, но ее мать быстро отнесла ребенка на прежнее место.

— Таков закон Румины,— сказала она.

На следующее утро Меллония обнаружила там, где был оставлен младенец, следы льва, красноречиво свидетельствующие о том, что здесь произошло, и именно с этим зверем она расправилась при помощи своей дубинки. Целую неделю Меллония не разговаривала с матерью. Наконец та сама подошла к ней, и Меллония простила ее, получив разрешение дружить со Скакуном.

— Эней высадился в устье Тибра.

Все дриады были маленького роста, фута четыре или около того, но Волумна казалась высокой. Это впечатление создавалось благодаря прямой осанке, сильному голосу, напоминавшему трубный звук раковины, и высоко зачесанным зеленым волосам, заколотым медными булавками. Ее открытые острые уши походили на еловые дротики, которыми фавны пользуются, охотясь на львов. Меллония испытывала к ней уважение. Она почти любила ее.

«Эней высадился...» Этим было все сказано, больше ничего не требовалось говорить. С ранней юности дриады знали,

что даже лучших из мужчин можно терпеть, лишь когда используешь их в качестве гонца, обмениваешься с ними товарами или вместе сражаешься против тех, кто вторгся в Вечный Лес.

А Эней — самый худший из мужчин. Всем была известна его история: лет пятнадцать назад — точность этой цифры зависела от рассказчика — он бросил свою жену в разоренной, охваченной пламенем Трое, предпочтя спасти маленького сына Аскания и престарелого отца, гнусного лгуна, заявлявшего, что он был близок с самой богиней Венерой. После долгих странствий Эней высадился в Карфагене, воспользовался гостеприимством царицы Дидоны, склонил ее к браку ради того, чтобы заполучить на свои корабли продовольственные запасы, а затем коварно оставил. Она умерла, взойдя по своей воле на погребальный костер, а ее мстительная сестра Анна последовала за ним в Италию (куда, по его словам, он направился по воле богов), чтобы поведать всем о его злодеяниях. Теперь же, после долгих скитаний, соблазнив без сомнения еще многих, так как говорили, что, несмотря на свой зрелый возраст, он очень нравится женщинам, Эней высадился там, где Тибр впадает в море, в нескольких милях от рощи дриад-дубовниц.

— Он мужчина,— тихо сказала Сегета, тетушка Меллонии,— более того — человек. У границы Вечного Леса жили люди, вольски, но правила ими все-таки женщина, Камилла[4], и они не трогали обитателей леса — фавнов, дриад, кентавров и всех остальных. Но чужеземцы — это значит дороги, города, войны. И хуже всего — *мужчины.* Такое даже страшно себе представить.

— Из наших деревьев они сделают галеры и построят укрепления.

— А мы,— сказала Волумна,— станем их добычей, и они овладеют нами.

— Овладеют? Не понимаю,— сказала Меллония. Ее мать умерла, так и не успев рассказать ей обо всех пороках мужчин.

— Они заберут нас в свои дома.

— И превратят в слуг?

— Хуже.

— Будут целовать нас? В губы?

— Заставят рожать им детей.

— Как после сна в Священном Дереве?

— Мы должны будем спать *с ними*. Словно животные.

Меллония вырастила немало овец и ланей и знала, что, перед тем как произвести на свет потомство, они спариваются. Кентавры были слишком деликатными, чтобы заниматься любовью при посторонних, зато фавны, голые и бесстыжие, запросто позволяли себе это в тени деревьев дриад. Меллония как-то закидала одну такую парочку желудями и в ответ получила от фавна по кличке Повеса наглое предложение занять место его партнерши. Это происшествие оскорбило ее и вызвало глубокое отвращение. Она знала также, что некоторые дриады были вынуждены вступать в связь с мужчинами. У тех дриад, которые жили к северу от них, не было Священного Дуба, и они выбирали себе мужей среди фавнов. Но мужчина — человек! Начнутся поцелуи в губы. И даже хуже. Это будет бесчестье и унижение, сравнимое лишь с пламенем, готовым истребить дерево. (Грешная мысль проникла в ее голову, как пчела проникает в зрелый плод: не всякое пламя истребляет. Тепло доставляет удовольствие — как очаг или костер в лесу поздней осенью, перед Белым Сном.) Она вспомнила об Энее и заставила себя содрогнуться.

— Он должен умереть,— сказала Волумна.

— Должен,— повторила Сегета.

— Должен,— эхом отозвались дриады. Их лица в неясном свете факелов походили на маргаритки, голоса были нежными, как миррис, но слова падали, как капли ядовитого сока олеандра. Девочки зачарованно кивали головами в молчаливом согласии.

— Может, он уплывет отсюда,— высказала предположение Меллония.— Здесь нет для него ничего привлекательного.

Ей не хотелось убивать, неважно, кто это будет — обитатель Вечного Леса, животное или человек, если только это не жестокое существо, подобное льву. Мысль об убийстве Энея была для нее почти так же неприемлема, как мысль о его объятиях. Она слышала достаточно много, чтобы невзлюбить его; она была уже готова поверить всему и осудить, но сначала требовались доказательства его вероломства.

— Он привел свои корабли в устье Тибра. Его люди осматривают побережье и ищут место для нового города. И, конечно, им нужны женщины. С ними странствуют несколько троянок, но годы были безжалостны к ним. Людям Энея нужны молодые девушки, вроде тебя.

— Если он великий воин и мужчины не могут убить его, что можем сделать мы?

— Понимаешь, с мужчинами он держится настороже. Фавнам или кентаврам не подойти к нему. Даже если бы они и смогли — что такое праща против меча? Но женщины — он так уверен в своей власти над ними. Он ждет, что они сами будут падать в его объятия. Именно это мы и сделаем — та из нас, которая первая его встретит. А когда он снимет свои доспехи...

— Я никогда не убивала человека,— сказала Меллония.

— Ты убила льва,— ответила Волумна,— это то же самое. Только Эней более опасен, потому что более умен.

— Какой он?

— Фавн, который видел, как они сходят на берег (это был, конечно, Повеса), не знает. Он боялся, что его заметят. Думаю, Эней похож на всех троянских воинов. Жестокий, с острым, холодным взглядом, колючей, как куст ежевики, щетиной, руки похожи на дубины, и, должно быть, старый. Пятнадцать лет странствий наверняка не прошли для него даром.

— *Я слышала, что, когда он покинул Трою,* ему было около двадцати пяти, и Дидона нашла его неотразимым.

— Он приплыл в Карфаген лет пять назад, Дидона была вдовой, и ее легко было покорить. Сорок лет для нас — небольшой возраст, но для воина, сражавшегося в Трое, для моряка, прошедшего сквозь штормы, посланные Нептуном,— уже преклонный. Думаю, тебе он покажется таким же видавшим виды, как мой дуб.

Волумна торжественно посмотрела на присутствующих:

— Сестры, соедините ваши руки. Повторяйте за мной: «Здесь, под Священной Смоковницей Жизни, мы клянемся убить человека, который несет смерть на нашу землю. Он пришел к нам как воин, и мы тоже встретим его как воины, мы, любящие весну, цветущие деревья и птиц, вьющих гнезда, мы, умеющие держать в руках дубинку и не боящиеся выйти навстречу свирепому льву, сокрушающему деревья, разоряющему гнезда».

Волумна вынула из волос булавку — медную пчелу с длинным жалом — и хладнокровно проколола свою руку. Она передала булавку и небольшую серебряную чашу дриаде, стоявшей рядом с ней, и каждая женщина и девочка — Меллония тоже — прокололи кожу, выдавили каплю своей зеленой крови и вернули чашу Волумне.

— Сильван[5], бог ночных ужасов, убийца фавнов и кроликов, мы взываем к тебе: одолей своими кошмарами нашего общего врага. Вот кровь Энея.

А затем, перевернув чашу, произнесла:

— Так будет с Энеем.

Глава II

Воды Тибра, дымчато-серебристые от отражавшихся в них старых, как сам Сатурн[6], дубов, покрытых мхом, катились к морю, туда, где стояли корабли троянцев. Асканий лежал на берегу и смотрел, как Эней, его отец, плещется в воде вместе с Дельфом — дельфином, плывшим за ними от Сицилии. Эней и Дельф играли с деревянной палкой. Эней кидал ее, а Дельф, поднырнув, толкал палку своим длинным носом обратно к Энею, производя дыхательными отверстиями или ртом — Асканий точно не знал чем — звук, удивительно похожий на человеческий смех.

Павшие города, покончившие жизнь самоубийством царицы, бури на море, пятнадцать лет странствий... Тракия... Делос... Крит... Карфаген... Италия. Но сейчас Эней смеялся, как Дельф, будто позабыв и горе, и вину, которые шли за ним по пятам, как фурии[7]. Седовласый Эней с лицом юноши. Если смотреть на него сзади, можно подумать, что это старик. Но когда он оборачивается, ему не дашь больше двадцати пяти — нежный и проницательный взгляд голубых глаз, белые ровные зубы, безбородое румяное лицо без морщин или шрамов, и лишь небольшая вмятина на подбородке (след от топора Ахилла[8]). Легенда гласит, что матерью Энея была богиня Афродита, или Венера, как ее называют здесь, в Италии. Бессмертная мать и смертный отец[9], юность и старость, встретившиеся в одном богочеловеке. Возможно, все это ложь и родила его просто служанка. Но все равно, это был Эней, больше чем человек, а для Аскания — больше чем бог.

— Ты будешь еще купаться? — крикнул Эней.

— Я устал. Я уже переплыл реку три раза.

— Почему не переплыть четыре?

— Потому что я не Эней. Выходи на берег и посиди со своим лентяем сыном.

Эней раздвинул тростник, росший на берегу, и появился в лучах солнца во весь рост. Он был высок, во всяком случае

для дарданца, ставшего впоследствии троянцем[10], хотя рядом с Ахиллом он выглядел бы Гарпократом, египетским богом-ребенком[11]. Асканий быстро обернулся, посмотрел на дубы и лежавшие под ними набедренные повязки, колчаны и стрелы. Несмотря на молодость, он был опытным воином и совершенно не одобрял то, что они оставили свои корабли, друзей и доспехи в устье Тибра, в незнакомой стране, населенной, как говорили, варварами и людьми, похожими на зверей. Но Эней вел себя, как ребенок, который еще до Троянской войны, когда человечество пребывало в беззаботном, младенческом возрасте, собирается на пикник: вот медовые лепешки, а ягоды наберем.

— Мы вместе осмотрим берег, потом выкупаемся в Тибре и полежим на солнце. На обратном пути поохотимся.

— И попадемся в сети или получим по стреле в сердце. Ты ведь видел сатира, который прятался в зарослях. Он, наверное, уже поднял на ноги весь лес. Помнишь, как нам досталось, когда мы дрались с гарпиями? А они всего-навсего женщины, только с крыльями и когтями. Я не собираюсь терять своего отца из-за какого-то вонючего козлоногого.

— Если мы будем вместе, Феникс, то сможем защитить друг друга.— Эней называл его Фениксом (Асканий — длинно, а Ас — слишком уж неблагозвучно).— Или мне лучше пойти одному?

Конечно же, Асканий пошел вместе с ним. Эней всегда добивался своего. Он почти никогда не приказывал, он предлагал, и люди принимали его предложения не потому, что он царь, а потому, что редко встречаются такие, как Эней. Он был добрым и нежным, но не слабым; сильным, но не жестоким; воином и одновременно поэтом, короче, мечтателем-реалистом.

Они загорали, а Дельф дремал, как это обычно делают дельфины, почти полностью погрузившись в воду и лишь время от времени поднимаясь на поверхность, чтобы взглянуть, нет ли поблизости акул или коварных тритонов.

— Где мы будем строить? В устье Тибра?

— Нет, я думаю, подальше от моря. Чтобы не бояться карфагенских галер. Сначала надо встретиться с Латином и купить или получить у него землю.

Латин был самым могущественным царем земель, называемых Лаций[12]. Именно земель, а не страны, потому что те немногие города, которые там имелись, были малы, неза-

висимы и отделены друг от друга почти непроходимыми лесами.

— Не забудь о пророчестве: мы должны строить там, где найдем белую свинью с тридцатью поросятами. А теперь давай-ка просто полежим на солнце и не будем искать никаких свиней.

Только во время отдыха на лице Энея появлялась грусть, и она казалась еще более глубокой из-за того, что лицо было совсем юным. Он лежал очень спокойно, расслабив мускулы, но широко раскрытые глаза будто всматривались в охваченную пламенем Трою, где он видел, как его жена Креуса[13], мать Аскания, падает среди толпы у него за спиной, а он несет на своих плечах престарелого отца и ведет за руку пятилетнего Аскания. Он останавливается, чтобы помочь ей.

— Нет! — Креуса пытается перекричать шум толпы, стук топоров о деревянные колонны, шипение пламени, пожирающего дворцы и храмы.— Я догоню тебя. Отведи нашего сына на корабль!

Они больше никогда ее не видели...

Асканий попытался отвлечь отца от воспоминаний. Однажды он убил человека, сказавшего, что Эней бросил свою жену. Он готов был убить любого — будь то мужчина или женщина, который оскорбил бы отца или посмел ему угрожать; он готов был умереть смертью Гектора[14], лишь бы избавить Энея от боли. Асканий сжал руку отца.

— Я сегодня счастлив,— сказал он.

В отличие от сдержанных и холодных победителей-эллинов, дарданцы были добросердечными и открытыми людьми. Мужчины почитали своих жен как равных, отцы и сыновья не смущаясь обнимали друг друга. Когда Дардания пала под натиском эллинов и оставшиеся в живых воины отправились сражаться в Трою, их стали называть «ласковыми убийцами». Счастливы были их друзья-троянцы, но Зевс покровительствовал их врагам.

— Почему, Феникс?

— Потому, что мы пришли сюда. Мы вдвоем. Ты можешь отдохнуть и на какое-то время перестать быть легендой, а я буду охранять тебя.

— Легендой! — засмеялся Эней.— Карфагеняне или эллины сказали бы — демоном.

— Верно. Но для твоих людей, для всех, кто тебя знает, ты — герой. Или легенда, и не отрицай этого. Разве есть хотя

бы одно место на побережье Великого Зеленого моря, где никогда не слышали об Энее и его странствиях, его мечте построить новую Трою на новых землях. Ты так же знаменит, как Одиссей.

— Он все-таки вернулся домой,— произнес Эней с завистью,— я же до сих пор скитаюсь. Правда, он странствовал один, а со мной сын.

— Знаешь, что я думаю, отец? Ты, конечно, легенда, но в глубине души...

— Кто?

— Веселый мальчуган. Тот, которым ты так и не успел побыть. Почти сразу же после того, как дед привез тебя из своего таинственного похода, во время которого он встретился с бабушкой,— тебе было тогда месяцев шесть,— из тебя стали делать принца, а затем царя. Но мальчуган до сих пор жив. И при первом же удобном случае появляется и начинает играть с дельфином; и тогда я чувствую себя *его* отцом. Если бы боги сказали: «Мы выполним одно твое желание», я попросил бы «Освободите мальчугана. Не заставляйте больше Энея вести за собой людей и строить города. Пусть он кидает диск, плавает в Тибре, никогда не взрослея и не старея; и еще: дайте ему брата — меня».

— А вот мое желание: я хочу построить город, вторую Трою, но только если Асканий освятит землю, на которой он будет стоять.

— Я выполню твое желание.

— Говори тише, Феникс. Некоторые боги очень ревнивы. Вдруг Посейдон или Гера услышат тебя.

— Не бойся. Они ничего нам не сделают. Разве ты не сын Афродиты? Чем ты собираешься заняться после того, как построишь город?

— Передам трон тебе, а сам стану сочинять эпическую поэму.

— О своих странствиях?

— О Гекторе. Он был действительно великим. Ахилл лучше сражался, но Гектор умел любить.

— Ты ведь всегда хотел быть поэтом? Но боги заставили тебя участвовать в эпосе, а не писать его.

— Думаю, еще будет время и на то и на другое.— А затем, не понижая голоса, сказал: — Я слышу в лесу какие-то звуки, Феникс. Как только я подам сигнал, вскакивай и хватай лук.— *Давай!*

Быстро, словно птица, именем которой был назван Асканий, они оказались на ногах, крепко сжимая оружие, но по-прежнему обнаженные. Их не обсохшие после купанья в Тибре тела блестели на солнце. Они смотрели в сторону леса, готовые выстрелить в зверя или броситься бежать от вооруженных людей. Молодая женщина — а может, богиня? — стояла под деревьями, нерешительно, но без страха глядя на них. Она казалась почти бесплотной, будто Великая Мать создала ее в своих мечтах из солнечных лучей и тумана. Она заговорила на латыни, которую Эней и Асканий выучили в Карфагене, городе, посещаемом купцами из портов Италии:

— Вы, наверное, люди Энея.

Ее голос не разрушил впечатления нереальности. Он звучал, как соловьиная песнь, только в нем не было ее щемящей тоски.

— Она моя бабушка? — спросил Асканий шепотом.

— Нет, она просто девушка. Афродита не имеет возраста. Но может, это Геба или Ирида[15].

— Да, мы его люди,— сказал Асканий громко.— Наши имена Феникс и... Зимородок. Эней остался рядом с кораблями.

— Когда я увидела тебя,— обратилась она к Энею,— то подумала, что ты и есть Эней. Ты стоял в воде спиной ко мне. Я видела только седые волосы, свидетельствующие о годах и странствиях. Но затем ты обернулся, и я поняла, что вы — братья. Феникс и Зимородок. Птица жизни и птица мира.

— Зачем тебе нужен Эней? — спросил Асканий.

Он не доверял этой девушке. Конечно, она не была амазонкой, подобно поклявшейся убить Энея царице вольсков Камилле, чей народ вступил в союз с Карфагеном. Но существуют женщины, чьим оружием является хитрость, как, например, Елена[16].

— Чтобы приветствовать его,— сказала она. Затем быстро (как показалось Асканию, слишком быстро) добавила: — Я никогда раньше не видела обнаженных мужчин. Вольски всегда носят туники или доспехи. Даже если бы и не носили, все равно, смотреть особенно не на что. Ими ведь правят женщины. Конечно, я видела фавнов, но они, скорее, козлы, чем люди. Мне всегда говорили, что мужчины отвратительны. Колючая щетина и грязь на всем теле. Но мне кажется, вы оба очень красивы. Это слово подходит для мужчин? Гораздо красивее, чем женщины. Я хочу сказать, мне нра-

вится ваша кожа бронзового цвета и твердые мускулы.— Она показала на свою грудь: — Наверное, вы считаете, что мне не повезло. В том месте, где вы плоские, я выпуклая.

Асканий рассмеялся:

— Это как посмотреть.

Она подошла к ним.

— Ты нас не боишься? — спросил Асканий.

— Почему я должна бояться?

— Мы — воины. А ты беззащитная женщина.

— Разве мне надо защищаться от вас?

— От меня — да!

Он был глубоко взволнован этой таинственной юной незнакомкой, излучавшей женственность, хотя по-прежнему не доверял ей. Как и большинство воинов, он нередко силой овладевал женщинами в захваченных городах, а несколько городов уже сдались Энею и его товарищам, уцелевшим после взятия Трои. Мало что может сравниться с удовольствием овладеть женщиной, которая умело разыгрывает сопротивление, но знает, когда пора уступить. Асканий потерял им счет, начиная со своей первой победы в уже довольно зрелом пятнадцатилетнем возрасте. Некоторые сдавались сразу, другие сопротивлялись, но в конце каждая из них ощущала удовлетворение. В *городах Эллады* — Тирине, Микенах, Афинах и даже в менее суровых Трое и Дардане — насилие не всегда воспринималось как оскорбление, но нередко как проявление внимания. Лишь совершенное в храме, как это сделал Аякс, овладев там Кассандрой [17], оно считалось преступлением. Хотя и сам Зевс нередко показывал подобные примеры.

— Ты хочешь сказать, что убьешь меня?

— О нет. Это была бы невосполнимая потеря!

— Тогда, наверное, ты собираешься меня поцеловать. И — как это говорят — владеть мной?

— Нет, не владеть, а овладеть.

— Для меня это звучит одинаково. Однажды меня уже целовали, и если то, что следует за этим, еще сильней, я не знаю, что со мной будет.

— Все зависит от того, кто это делает. Я очень нежный.

Совершенно невозмутимо она вынула из зачесанных наверх волос медную булавку. Булавка была очень острой, верхушку ее украшала пчела. Совсем как маленький меч.

— Я заколю одного из вас, а затем убегу от другого. Могу поспорить, что ни один троянец не догонит меня.

— Тебе не потребуется защищаться от нас своим крошечным оружием,— сказал Эней.— Отвернись, пожалуйста, мы наденем набедренные повязки.

— Я никогда не поворачиваюсь спиной к незнакомцам,— ответила девушка.— Это или неприлично, или небезопасно. И потом, я уже все, что можно, видела. Когда вы оденетесь, вы поговорите со мной еще немного?

Она сидела на камне, покрытом мхом, и улыбалась им обоим, Энею немного больше. Зеленые волосы, красиво отливающие золотом, острые уши, миниатюрная фигурка — наверняка дриада, кто же еще? Уже несколько веков, как они исчезли с восточного побережья Великого Зеленого моря, а затем с Крита, острова, имеющего форму корабля. Но здесь они по-прежнему живут и, похоже, процветают, а может, даже и правят.

— Ваш зверь не злой? У него хитрые глаза. Я плохо знаю дельфинов. Они не часто заплывают в Тибр, а я редко хожу к морю. Оно слишком далеко от моего дуба.

— Вообще-то он добрый,— сказал Асканий.— Но только не с теми, кто хочет сделать что-нибудь дурное моему... брату и мне.

Он все еще не доверял ей, и не доверял тем больше, чем сильнее она волновала его каким-то новым чувством, большим, чем просто желание, хотя он страстно желал ее. Так или иначе, он ощущал, что от нее исходит какая-то угроза.

— У меня тоже есть друг. Видите?

Она показала на пчелу, лениво кружащуюся над ее головой:

— Я зову его Бонус Эвентус, потому что он приносит мне удачу. Он, правда, трутень и не может жалить. Но зато сообщает все новости. А теперь расскажите мне о вашем предводителе. Мы столько слышали о нем. Правда, то, что говорят, не всегда верно. Нам рассказывали, что он предал свой город и помог эллинам захватить его, а затем оставил в горящей Трое свою жену.

В голосе Аскания зазвучал металл:

— То, что ты слышала,— ложь. История о его предательстве выдумана теми, кто завидует его смелости. Эней — великий герой. Он любил Креусу и был ей преданным мужем. Он оставил ее, чтобы отвести своего маленького сына и хромого отца на троянские корабли, стоявшие у берега. Он вернулся за ней, но так и не смог найти. Она была красивой и доброй женщиной, и он не перестает горевать о ней.

Девушка смотрела на него, и ее глаза были зелеными, как молодые желуди.

— Я верю, что ты рассказываешь то, что знаешь. Но в то время ты был еще совсем маленьким, Феникс.— Ему польстило и одновременно встревожило, что она сразу назвала его так, как обычно называл отец.— Ты не можешь знать, что произошло в действительности.

— Поверь мне, я знаю.

— А Дидона? Разве он не оставил ее?

— Он повиновался велению богов и уплыл из Карфагена, чтобы основать новую Трою. И звал ее с собой. Она отказалась.

— И убила себя из-за любви к нему?

— Из-за ущемленного самолюбия и жалости к себе.

Асканий никогда не любил царицу Карфагена. Ее приступы ярости, лихорадочный смех, даже сумрачная красота отталкивали его. Она напоминала ему пантеру.

— Нет,— тихо сказал Эней.— Я думаю, она действительно его любила. Но не смогла бросить свой народ и не могла остаться с ним без Энея. Эта женщина знала в своей жизни *слишком* много утрат. Что касается Энея, то он любил ее почти так же, как Креусу и своего сына. Он до сих пор скорбит о ней и молит богов, чтобы ее блуждающая тень нашла успокоение в Элизиуме.

Девушка в замешательстве покачала головой. Локон выбился из ее прически и упал ей на ухо. Энею захотелось убрать его. Ему нравились ее острые уши. Их кончики казались такими же мягкими и нежными, как мех молодой антилопы.

— Ваш рассказ так не похож на то, что я слышала. Я должна сама посмотреть на него. Если он действительно добр, почему...

— Я не встречал человека добрее,— с жаром заявил Асканий.

— Ты любишь его потому, что он твой предводитель. Я люблю Волумну, свою королеву. Даже если они ошибаются, мы не должны замечать их ошибок. Спасибо, Феникс и Зимородок. Мне пора идти.

— Но как тебя зовут? — воскликнул Асканий.

— Меллония.

— Повелительница пчел,— сказал Эней,— ты питаешься медом?

— Да,— засмеялась она,— и у меня есть жало. Но не для тебя и не для твоего брата. В особенности не для тебя. Ты очень молчалив, но мне кажется, твои мысли — добрые.

И она исчезла, а вместе с ней и Бонус Эвентус.

— Она слишком красива, чтобы быть такой доверчивой,— промолвил Асканий («или чтобы доверять ей» — пробормотал он чуть слышно).— Знаешь, мы могли бы поймать ее, несмотря на ее оружие.

Эней смотрел ей вслед.

— Ты был так *молчалив* с ней, отец. Теперь ты молчалив со мной. О чем ты думаешь?

— Она чем-то похожа на твою мать.

— Ты видишь черты моей матери в каждой красивой женщине. А я увидел в ней самую хорошенькую любовницу, которую можно найти по эту сторону Олимпа.

— Феникс, с этой девушкой не должно случиться ничего плохого.

— Отец, я и не думал обижать ее. Разве женщинам не нравится, когда с ними ложатся в постель? Все женщины на наших кораблях мечтают, чтобы ты позвал их к себе. А я что, разве уродлив или груб? — Эней весело рассмеялся и обнял Аскания. Приятно было вновь услышать его смех, ощутить, как он перекатывается в его груди, глубокий, мужественный и в то же время детский, неожиданно хлынувший откуда-то из укромного уголка, куда нет доступа грусти, где каждый день происходят чудеса и боги живут с людьми в мире, а не воюют.

— Некрасивый? Даже Дидона заглядывалась на тебя, хотя тебе было всего пятнадцать. Как ты думаешь, Асканий, почему я назвал тебя Фениксом?

— Из-за моих светлых волос.

Большинство дарданцев темноволосы, но Эней, до того как он поседел в ту ночь, когда пала Троя, был золотоволосым. Такого же великолепного цвета были волосы и у Феникса. «Золото Афродиты» — говорили люди.

— И еще потому, что множество женщин сгорели в твоем огне.

— Мне приходится наверстывать за своего отца, который первый в бою, но последний в постели. Который за всю жизнь знал только двух женщин, и обе были его жены. Это же позор.

— Оставляю пылкие страсти тебе. Но не Меллонию. Я уверен, что она еще невинна. Соблазнить ее — все равно, что совершить насилие. Можно только жениться.

— Не бывает девственниц старше пятнадцати, кроме тех женщин, которые никому не нужны. Вроде Кассандры. Несчастная худышка, ни один мужчина не мог вынести ее воплей. Если бы она хоть ненадолго замолчала, могла бы найти себе любовника. Аякс изнасиловал ее только потому, что умудрился застать между двумя завываниями, когда она молилась Афине.

— Тем не менее ты не должен притрагиваться к Меллонии.

Эней говорил тихо, но это был тот редкий случай, когда он в первую очередь был отцом, а потом уж другом.

— Хорошо, отец.

— Конечно,— задумчиво добавил Эней,— она может стать твоей женой. На наших кораблях семнадцать женщин, и самой молодой далеко за тридцать! Если ты вообще намерен жениться, то твоя жена должна быть уроженкой здешних мест. А Меллония взволновала тебя, правда ведь? Я хочу сказать, вызвала не только желание. Я видел это по твоим глазам.

Асканий, удивившись силе собственных чувств, ответил:

— Да, действительно. Она не надоест мужчине за одну ночь или даже за месяц.

— И даже за всю жизнь,— тихо произнес Эней.

— Отец, почему бы тебе не жениться на ней? Я видел твои глаза тоже.

— Я уже убил двух женщин, женившись на них.

— О Гадес! Что ты имеешь в виду? Мою мать убили эллины, а Дидона убила себя сама.

— Из-за меня

— Отец, иногда этот маленький мальчишка, живущий в тебе, бывает настолько глуп, что мне хочется его отшлепать. Пойдем домой.

Эней встал на берегу на колени и, говоря очень медленно и сильно жестикулируя, попросил Дельфа следовать за ними по реке. Дельфин ответил звуками, напоминавшими Асканию щелканье костей по изразцовому полу при игре в бабки.

— Что он сказал? — спросил Асканий, который так и не удосужился выучить язык дельфинов.

— Он говорит, что обгонит нас и будет ждать у кораблей.

Вскинув на плечи луки, они тоже направились к кораблям.

— Людям нужно свежее мясо,— сказал Эней.— Хлеб заплесневел, наш сыр не едят даже крысы. Мой желудок больше не выдержит такой пищи. Но где же все животные?

— Мы распугали их своими разговорами.

— Тогда полная тишина!

Ждать пришлось недолго. В лавровой роще среди ароматной, похожей на птичьи перья листвы и желто-зеленых цветов мелькнули чьи-то бока, и в зарослях папоротника застучали копыта. Асканий выпустил стрелу раньше, чем Эней успел сдержать его.

— Отец! Я убил оленя! Почему ты пытался остановить меня?

— Я не уверен, что это олень.

Они раздвинули ветви и увидели свою добычу. Он лежал среди фиалок. На нем не было одежды, и издали, сквозь листву, из-за четырех ног и шелковистых боков его с легкостью можно было принять за оленя. Но руки и грудь у него были человеческие, а лицо будто создано для улыбки. Асканий и Эней склонились над ним. В сумке из кожи льва, висевшей у него на шее, они нашли черепаховый гребень и маленький алебастровый флакончик с приятно пахнущей смолянистой жидкостью. Он, несомненно, был мертв. Асканий всегда попадал в цель. Эней сам учил его стрелять, и на стрелах его были перья гарпий. Над телом уже слышалось жужжание. Эней, махнув рукой, отогнал насекомое. Но это была не муха, а пчела, которая быстро исчезла в лесу.

— Отец, что я наделал! Я думал... я думал...

— Я знаю, Феникс. Ты никогда раньше не видел кентавров. Я должен был успеть остановить тебя. Мы оба виноваты. Мы не охотники, а убийцы.

Глава III

Погруженная в свои мысли, Меллония шла домой. Она рассеянно сорвала нарцисс и, оторвав лепестки, тут же бросила его на землю, даже не обратив внимания на сигналы боли, исходящие от стебелька. Она думала: «Мне уже семнадцать. Пора посетить Священное Дерево. И родить ребенка. Я попрошу Волумну дать мне разрешение».

Большинство ее подруг уже побывали в Дереве, но она все откладывала и не обращала внимания на разговоры Волумны о том, что племени очень нужны девочки, которых они будут воспитывать, а не мальчики, которых приходится оставлять в лесу. («Нас становится все меньше. Придет день, и мы

вынуждены будем брать себе мужей, подобно нашим обесчестившим себя сестрам, живущим на севере. Пусть молния поразит меня раньше, чем я доживу до этого».)

Меллония расспрашивала своих подруг. Но нет, никто не помнил, что происходило с ними в Дереве. Они входили в дубовую дверь и ложились на пушистые листья; спали и видели сны. Какие сны? Иногда мрачные и пугающие: злой бог — карлик Сильван — приходил к ним в кошмарах, такой страшный, что они даже боялись его вспоминать. А порой просто тревожные, но совсем не страшные. «Золотая боль» — так говорила Сегета, рассказывая о том, как Бог впервые пришел к ней. «А когда я поняла, что во мне ребенок, я забыла про боль, и золото окутало меня, как осенняя листва».

Но Меллония все откладывала. Она с удовольствием проводила время с подругами, собирала с ними грибы, а когда оставалась одна — работала в саду, ткала, готовила и читала папирусные свитки, хранившиеся в шкафу. Хоть она и не была столь счастлива, как в раннем детстве, но и не мечтала ни о чем ином. Она довольствовалась настоящим, с грустью вспоминая о том времени, когда жила с матерью, но воспоминания эти не мучили ее. Она не любила думать о будущем. Достаточно было настоящего.

Но сейчас все изменилось, и эта перемена озадачила и взволновала Меллонию. Ее всегда влекли тайны. Мужчины порочны или только грубы и невежественны? Почему у Румины был муж — бог Румин, а ее смертным дочерям нельзя выходить замуж ни за человека, ни за обитателя Вечного Леса? Она любила тайны, но только не в самой себе. Ее сердило появление необъяснимых чувств и собственные непонятные поступки. Меллония только что убила нарцисс. По сравнению с розами, которые содрогались, даже когда их нюхали, нарциссы были не столь чувствительны. Она все же ощутила боль цветка, и эта боль ее не взволновала. Еще вчера она не стала бы срывать его. Сегодня Меллония решила посетить Священное Дерево. Еще вчера она не чувствовала потребности заснуть, рискуя увидеть страшные сны, а затем родить ребенка, который может оказаться мальчиком.

Может, перемены как-то связаны с незнакомцами — Фениксом и Зимородком? Конечно, все это имеет какое-то отношение к ним.

«Это потому, что они мужчины,— решила Меллония,— и они понравились мне. Теперь я не буду бояться родить сына.

Я попрошу у Волумны разрешения вырастить его в своем дереве и, надеюсь, он будет таким же, как Зимородок. Дриады, живущие к северу, не бросают своих сыновей. Почему же я должна это сделать? Я поговорю с Волумной».

Меллонии понравились оба незнакомца. Феникс чем-то напоминал Скакуна. Приятно было смотреть на его красоту и можно было немного подразнить. Он был совершенно земным. Да, именно земным, а со всем земным ей было очень легко. Как и Скакун, он не отрывал от нее взгляда и, казалось, хотел поцеловать, но она не сердилась на него (все мужчины только и думают о поцелуях).

Зато его брат Зимородок ни капельки не походил ни на Скакуна, ни на Феникса. Серебристые волосы казались снегом на ветвях зеленеющего дерева. Она чувствовала в нем затаенную грусть, которая была намного старше его молодого лица, и в то же время пытающиеся вырваться наружу искорки детства. Она не понимала, почему ее так тянуло к нему. Ей хотелось... чего? Дотронуться до его волос. Прикоснуться к щеке губами. Как дочь, хотя он не такой старый, чтобы быть ее отцом. Как сестра, но он мужчина, а говорят, все они коварны и жестоки. Правда, он показался ей добрым. Раньше она всегда понимала свои чувства. Они то пронизывали ее насквозь, как холод первой весенней грозы, то грели, как огонь очага, или обжигали подобно раскаленным углям, вывалившимся из опрокинутой жаровни. Сейчас она дрожала от холода, попав под дождь, и одновременно грелась у очага. Хорошо хоть, не обжигалась об угли.

Лес вдруг показался Меллонии враждебным. Ей захотелось домой, в свое дерево. Львы встречались здесь редко; зато проказливые фавны — довольно часто, но их приставания были не опасны. Возможно, она ускорила шаг вовсе не из страха, а просто потому, что место было слишком пустынным и необитаемым. Дубы, мирты [18] и вязы. Заросли ежевики и поляна, поросшая травой. Она ощущала, что от них исходит холодок, как от дуновения ветра. Здесь, во всяком случае, в этой части леса, у нее не было врагов, но не было и друзей. Ей хотелось увидеть струйки дыма, поднимающиеся от очагов кентавров, но дома их стояли на севере, слишком далеко отсюда. Ей хотелось услышать пение дриады, расчесывающей волосы, но в этих дубах никто не жил; да деревья и сами не желали этого. Ей хотелось, чтобы рядом были друзья — Скакун или Бонус Эвентус, но больше всего ей хотелось оказаться в Священном Дубе.

Вот наконец и ее дуб. Он стоял чуть в стороне от других деревьев, но все же в границах Круга дриад. У его корней росли трава и маргаритки, а в небольшом огородике, разбитом рядом,— чечевица и салат. Меллония назвала свой дом «Соловей», в честь своей любимой птицы, простой коричневой птахи, из клюва которой неслось пение более нежное, чем звуки лиры. Дерево было таким же старым, как и сам лес, а ствол столь широким, что в нем мог бы разместиться небольшой домик. Ее мать, бабушка и сколько еще прабабушек жили в этом дереве еще с тех времен, когда Сатурн правил этой землей и женщины брали мужчин в мужья, а не враждовали с ними; когда здесь не было львов и никто не знал войн. Она будет жить, пока живо дерево, если только ее не убьет молнией, как случилось с матерью, или она не попадет в лапы ко льву, или не станет жертвой кровососа-стрига, либо, как часто предостерегала Волумна, мужчины-человека. Если она умрет, дерево не засохнет до тех пор, пока в нем будет жить и любить его кто-нибудь из членов их рода, но если дерево погибнет, умрет и она сама.

Меллония отворила красную деревянную дверь, выкрашенную кошенилью, и вошла в ствол. Дерево вовсе не было полым, как думали те, кто никогда не заглядывал внутрь, оно было живым, а чтобы жить, ему требовался достаточно толстый слой древесины, по которой от корней к ветвям поступал сок. Но дерево было таким большим, что первая из его обитательниц прорезала в нем узкий, напоминавший колодец проход, идущий через весь ствол к ветвям, и сделала в его деревянных стенах ступени. Большие, крепкие деревья не ощущают подобных перемен в себе, а если и ощущают, то, покачавшись немного, быстро привыкают и даже радуются тому, что внутри них теперь появилась жизнь и будут расти дети. (Разве они не похожи на дриад, посетивших Священный Дуб?) По другую сторону двери в стенной нише всегда горел масляный светильник, освещавший ступени, ведущие в сам домик, устроенный в ветвях и напоминавший большой улей. Он был сделан из ивовых прутьев, а концы их, собранные наверху в пучок, служили крышей. Окна его, а их была целая дюжина, на зиму, на время Белого Сна, закрывали пергаментом, а весной его снимали, и врывавшийся в них ветерок приносил шепот нарциссов и жалобы травы, которая, с трудом пробившись сквозь землю, наконец-то тянет свои стебли к солнцу. В единственной комнате, благоухаю-

щей резедой, бергамотом[19] и другими цветами, которые можно срывать, не причиняя им боли, стояла кровать, представлявшая собой деревянную раму с натянутой на нее львиной кожей, ткацкий станок и шкатулка из кованого серебра, в которой хранились драгоценные камни — топазы, порфиры[20], моховые агаты,— найденные на дне пересохших ручьев или среди деревьев. Их Меллония обменивала у кентавров на зерно и овощи. Кроме этого, в комнате находились три маленьких круглых столика на невысоких ножках, вырезанных из древесины умерших вязов. Они очень походили на большие грибы. За одним столиком Меллония ела, на другом лежала разноцветная пряжа, из которой она ткала туники и накидки, а на третьем стояла чаша в форме водяной лилии, и в ней росла маргаритка. Еще у Меллонии был сундучок с тремя круглыми углублениями, сделанный специально для хранения ее любимых папирусов на греческом, латыни, египетском — кентавры, неутомимые путешественники и лингвисты, выучили эти языки и привезли с собой из дальних странствий свитки с текстами. Меллония все поняла, когда братья заговорили между собой на дарданском — одном из диалектов греческого, и Зимородок сказал Фениксу. «Я слышу в лесу какие-то звуки». (Она чуть не крикнула: «Если вы хотите, чтобы вас не понимали, лучше говорите по-ассирийски».) Сама Меллония была ограничена в своих путешествиях. После дня разлуки с деревом она бледнела и становилась вялой, а через пять дней начинала чахнуть и могла даже умереть. Но она путешествовала при помощи свитков. Из греческого папируса, написанного очевидцем, она узнала о падении Трои, у нее был экземпляр египетской Книги мертвых, а ее собственный народ славился своими плачами и хвалебными песнями — пеанами, которые также были записаны на свитках. В плачах рассказывалось о приходе зимы, о смерти листьев, о скорби матери, когда у нее вместо девочки рождается мальчик; в пеанах — о пробуждении от Белого Сна и о том, как хорошо бежать босиком по свежей траве навстречу подругам.

Но сейчас ей не хотелось читать — ни стихи, ни исторические хроники — ничего.

Меллония лежала на кровати, и ей казалось, будто она опускается на нагретые солнцем листья и начинает видеть сны наяву. Колокольчики из горного хрусталя, висящие среди ветвей вокруг дома, нежно звенели, покачиваясь на ветру, и

душа ее перенеслась в сердцевину Священного Дерева, таинственную и загадочную, но теперь уже не страшную. Кто-то наблюдал за ней, стоя рядом с деревом. Дриада? Это был мужчина. Зимородок. Он сделал движение в сторону двери, лицо его было добрым и грустным. «Нет,— хотелось крикнуть ей.— Мужчинам запрещено сюда входить! Сюда нельзя входить даже дриадам, когда одна из них ждет Бога». «Да,— хотелось крикнуть ей.— Рискни войти, ведь твои глаза такие же голубые, как оперенье зимородка, приди ко мне в Дерево вместо Бога, лица которого я никогда не видела!»

О, таким сладким и грешным снам разрешено приходить незваными гостями лишь по ночам, но она не потерпит их днем. Меллония вскочила на ноги, взглянула в одно из окон, вдохнула чистый, напоенный ароматом листьев воздух и ощутила доброту, исходящую от ее дерева. Было ли это видение предчувствием? Дриады порой обладали благословенным или проклятым даром предвидения. Нет, такого быть не может! Всего лишь минутная фантазия, и ни в коем случае нельзя ей потворствовать. Сейчас она принесет из кладовой, расположенной среди корней, сыр и вино, испечет для Скакуна в маленькой кирпичной печи лепешки с черникой».

В одно из окон, кружась по спирали, влетела пчела.

— Бонус Эвентус! — воскликнула Меллония, невообразимо обрадовавшись появлению своего маленького друга. Для фавнов и кентавров, да и вообще для всех непосвященных, пчелы различались лишь по размеру, но они не могли распознать, кто это — медоносная пчела, шмель или оса. Бонус Эвентус был трутнем из семьи медоносных пчел, но в отличие от других трутней очень миниатюрным, почти как пчела-работница, и совсем не мохнатым. Особенно он гордился своими большими прозрачными крыльями. От него всегда исходил запах мирриса, и когда он садился Меллонии на грудь, это доставляло ей даже некоторое удовольствие. Был ли он тщеславен? Конечно. Бонус Эвентус не сомневался, что во время своего следующего брачного вылета королева предпочтет всем остальным именно его. Был ли он ленив? Несомненно. Он спал в цветках мирриса, вместо того чтобы собирать с них нектар. Но он умел быть преданным другом, и Меллония любила его так же, как Зимородок любил своего дельфина Дельфа, и ее страшило то, что его короткая жизнь, начавшаяся совсем недавно, этой весной, должна закончиться осенью.

— Ты как раз вовремя. Я собиралась принести тебе из кладовой меду.

Иногда из-за того, что он был трутнем, суровые работницы лишали его ужина.

— Как ты думаешь, я красивая? Скакун сказал, что очень.

Но Меллония сразу поняла, что Бонус Эвентус прилетел вовсе не для того, чтобы в обмен на комплименты получить мед. Он не выписывал в воздухе дуги, означавшие удовольствие или благодарность, а вычерчивал неровные пирамиды: «Пойдем. Будь осторожна. Опасность». Она дотронулась до волос и между безобидных украшений — малахитового бражника и порфировой стрекозы — нащупала смертоносную, похожую на крошечный меч булавку, смазанную ядом большого мохнатого паука-попрыгунчика. У него были зеленые глаза и острые челюсти. Эта булавка — опасное оружие, пострашнее стрига.

— Львы?

Быстрая спираль вниз: «Нет». И он поспешно вылетел в окно. Какая бы ни была опасность, Меллония обязана следовать за ним.

Казалось, Скакун спит на солнце. Он перенял кое-какие привычки от лентяя Бонуса Эвентуса и любил вздремнуть среди дня. Не было заметно никаких следов насилия. От травы не пахло ни львом, ни волком, и она не была влажной от крови. Меллония встала рядом с ним на колени и заметила, что его глаза закрыты более плотно, чем во сне, губы перекошены от боли, а глубоко в груди сидит предательская стрела с перьями гарпий на конце. Меллония не знала, кто из братьев убил Скакуна, для нее их вина была равной. Разве они не вместе охотились? Не столь важно, кто именно поднял лук.

Бонус Эвентус опустился ей на щеку, легкий, как слеза.

Ее мать была убита молнией, и Меллония десять дней кряду от восхода до заката сидела за ткацким станком и пела старинный плач «Лишь ночь приносит облегчение». Каждый год перед тем, как природа погрузится в Белый Сон, она оплакивала опавшие листья и увядшие цветы. Но все это составляло часть естественного хода вещей на земле и в лесу и отвечало божественному плану Румины. Здесь же было злодейское нападение, убийство. Волумна сказала ей о муж-

чинах правду, и особенно справедливыми оказались ее слова о людях Энея. А что же тогда сам Эней? Старый, весь в шрамах, и наверняка накопил за свою жизнь столько преступлений, что из них, как из желудей, можно составить целое ожерелье.

Гнев полоснул ее по горлу подобно ветке, покрытой ледяной коркой. Меллония поцеловала Скакуна прямо в губы.

— Это мой предпоследний дар,— сказала она,— но приношу я его слишком поздно.

Оставался еще один — последний. Нужно было только дойти по берегу Тибра до кораблей троянцев.

Пять кораблей с открытой палубой, на которой, кроме самодельной крыши из натянутой парусины, ничего не было, стояли, повернувшись своими носами — драконами с бронзовой пастью — к берегу, причаленные к деревьям. Поднятые из воды весла лежали вдоль палубы. На борту каждого корабля красовалось по пятнадцать нарисованных охрой лун, означавших их долгие годы странствий. Некогда белые, а теперь грязные и разорванные ветрами, паруса были спущены. Все это, скорее, напоминало скитающихся по морям пиратов, чем остатки некогда могучего флота, охранявшего вход в Черное море и защищавшего поля пшеницы, которые сравнивали с Золотым Руном. Этим людям можно было бы посочувствовать, если бы Меллония не узнала их подлинную сущность. Был ли Эней так же жесток, как два коварных брата, которых следовало бы назвать Коршун и Сокол?

Меллония встала на колени и прислушалась. Она оставляла уши открытыми не из кокетства, а ради того, чтобы лучше слышать приближение льва или человека. Троянцы раскинули свой лагерь на берегу. Они ходили между палатками из рваной парусины, среди них находилось несколько женщин, несчастных, измученных существ в длинных, до самых лодыжек, платьях, некрасиво висевших на них, как мертвые коричневые листья (где же знаменитые юбки колоколом, как говорят, позаимствованные троянками у своих критских предшественниц?). Большинство мужчин были бородатыми, в шрамах и весьма зрелого возраста, если не сказать пожилыми. Одеждой им служили набедренные повязки из овечьей кожи, и лишь у двоих, охранявших лагерь, имелись помятые, изношенные доспехи. В руках они держали погнутые копья, но выглядели такими усталыми, что вряд ли смогли бы найти в себе силы метнуть их. Возле них болтался фавн Повеса,

который сообщил дриадам о появлении Энея. Сейчас он пытался вкрасться в доверие к троянцам: почесывал свой живот, топал копытом, заставляя их кататься от смеха, и, без сомнения, сплетничал о дриадах.

Братья, конечно, находились тут же. Они стояли в стороне от остальных мужчин и что-то очень серьезно обсуждали. С такого расстояния она могла уловить лишь отдельные слова. Они убили кентавра... Нужно вернуться и похоронить его...

Сердце в страхе забилось у нее в груди, как летучая мышь. Они наверняка собираются привязать Скакуна за копыта к палке, принести в лагерь и зажарить на костре! Они будут пировать — пить вино и есть плоть ее земли, а наутро изможденные копьеносцы, один из которых зарос щетиной, как кабан, а другой еще безбородый юнец, проснутся с новыми силами и отправятся в лес за добычей для следующего пира. Ее удивляло, что Повеса до сих пор цел, а не угодил в котел. Возможно, они хотят сделать из него шпиона.

— Эней! — крикнул безбородый копьеносец. Услышав это имя, Меллония вся обратилась в слух. Зимородок-Эней повернулся к окликнувшему его мужчине:

— Да, Эвриал.

— Тебе нужна моя помощь?

Меллонии показалось, что Эвриал ее ровесник. Когда пала Троя, он, вероятно, был совсем маленьким. Румянец на его щеках напоминал внутреннюю часть раковины Тритона.

«За красивыми лицами скрывается коварство»,— подумала она.

Меллония вышла из-за деревьев.

— Эней,— позвала она.

Зимородок-Эней взглянул на нее с удивлением. Не знай она его жестокого сердца, то решила бы, что глаза его светятся радостью.

— Меллония. Ты пришла в наш лагерь. Я верил, что ты придешь. Ты исчезла так быстро, что я не успел спросить, где ты живешь.

— Я думала, тебя зовут Зимородок.

— Я специально так сказал,— поспешил объяснить Аскаций-Феникс.— Мы чужие на этой земле. Я не хотел, чтобы ты узнала, кто мой отец, пока мы не узнаем, кто ты. У него много врагов.

— Теперь вы знаете меня. Твоя любовь к отцу заслуживает похвалы. Куда вы идете?

Сердце ее билось, как мотылек, угодивший в сети паука. Она не умела лгать. Но у нее был хороший учитель.

Меллония не сдвинулась с места, когда Эней направился к ней. Она могла убежать, у него не было в руках лука. Она с легкостью могла увернуться и от копья, пущенного одним из охранников.

— Меллония, мой сын и я совершили ужасную ошибку. Мы приняли кентавра за оленя и...

— Я убил его,— сказал Асканий.— Это только моя ошибка, отец здесь ни при чем.

— Сын никогда не видел кентавров. А я в последний раз видел их, когда был совсем маленьким. Конечно, я должен был его остановить. Теперь мы собираемся похоронить кентавра.

Похоронить? Содрать шкуру — это больше походило на правду!

— Я отведу вас к нему,— сказала она.— Вы можете заблудиться в лесу. Но только вас двоих. Если пойдет еще кто-нибудь, это будет проявлением неуважения.

— А его друзья,— спросил Асканий,— что, если они рассердятся и попытаются расправиться с нами? — Он обернулся к отцу.— Мне кажется, надо взять с собой Ниса и Эвриала.

— Я объясню кентаврам, что произошло. Они — добрый народ. Они все поймут, если будет соблюден должный обряд.

Эней и Асканий подошли к ней.

Какое хладнокровие и хитрость! Они даже изобразили на своих лицах страдание. Во всяком случае, Эней. Асканий больше волновался о безопасности, чем горевал об убитом кентавре. Но Эней будто сокрушался о потерянном друге. Наверное, именно с таким выражением лица он стоял перед Дидоной, когда собирался бросить ее.

«Они попытаются поймать меня,— подумала Меллония.— Может, даже убить. Но они сильны лишь на море, на своих кораблях. В лесу они чужие.

На мою долю выпало убить Энея».

Глава IV

Меллония пыталась опередить их, но Асканий, несший на плече лопату, все время шел с ней рядом. Время от времени он поглядывал на ее бледное, суровое лицо, которое еще

совсем недавно было веселым и цветущим, как лотос. Ему нравился лес, когда они с отцом купались в Тибре, играли с Дельфом, разговаривали о сожженных городах и о тех, которые будут построены, когда вдруг среди деревьев появилась Меллония — девушка с зелеными волосами и острыми ушами, любопытная, как Пандора[21]. Он подумал: наконец-то отец нашел землю, где можно построить новую Трою, выполнить свое предназначение и исполнить волю богов, а потом можно будет отдыхать и воспитывать вместе со мной молодежь. Возможно, он нашел себе жену, которая поможет забыть ему длиннолицую Дидону. Даже Орест в конце концов избавился от фурий[22].

Но все же его одолевали сомнения. Меллония была не просто девушкой — она жила в дубе, говорила загадками и скрывала не меньше, чем произносила вслух. Разве не Пандора открыла ящик, несчастья из которого разлетелись по всему свету?

Сейчас сомнения уступили место страху, не часто овладевавшему Асканием. Это не была осторожность, это был именно страх, пронизывающий его до мозга костей. Он не особенно раскаивался в том, что убил кентавра, считая, что кентавры, будучи наполовину и конями, отличались ограниченным умом и неразвитыми чувствами. Асканий убивал многих людей, преднамеренно, в битвах. Почему же надо горевать о смерти полуконя-получеловека, которого он по ошибке принял за оленя? Но он почти физически чувствовал боль, испытываемую отцом. Любить Энея больше всех на свете, больше женщины, больше бога было и даром, и проклятием Аскания. Что касается его самого, то он всего лишь воин, не больше и не меньше, и любит воевать. Он не был жестоким, но и не переживал, когда приходилось убивать, ему даже нравилась кочевая жизнь, и временами казалось, что он рожден пиратом, а не добропорядочным гражданином. Во всяком случае, Асканий никогда не сожалел о городах, которые ему пришлось поджигать. Но так уж получилось, что эти безжалостные богини-фаты[23] сплели нить его судьбы с нитью судьбы Энея; обрезали их общую нить, и на того и другого обрушились одни и те же несчастья. Они могли родиться Кастором и Поллуксом[24] — братьями, а не отцом и сыном. Стоило только отцу попросить, и он построил бы даже какую-нибудь нелепую египетскую пирамиду (правда, не без помощи нескольких тысяч рабов).

Но одно он отказывался делать — позволить Энею подвергаться опасности из-за смущавшей душу девчонки, которая жила в дереве и, несмотря на свой невинный вид, возможно, кувыркалась в траве со всеми кентаврами подряд, стоило им только позвать ее. Он был слишком молод, чтобы защитить отца от Дидоны, этой хитрой царицы с горящими черными как смоль глазами, вскрикивающей подобно тропической птице, вспугнутой львом. Добрый, но несгибаемый Эней провел троянских изгнанников через столько опасностей, сколько не выпало даже на долю Одиссея, а защищаться от беспомощных или только кажущихся беспомощными женщин, увы, в отличие от Одиссея, так и не научился. Он вел себя как человек, пытающийся отбиваться от амазонок, кидая в них желудями. Теперь Асканий был на пять лет старше и опытней, чем в то время, когда они жили в «логове Дидоны», как он любил называть ее дом. Он знал о женщинах все, для чего они, не считая, конечно, его матери, нужны: чтобы услаждать глаз и согревать постель; и когда их надо остерегаться (все время, особенно если они плачут, улыбаются или стараются не смотреть на тебя).

Молчание леса становилось невыносимым. Асканий был равнодушен к цветам. Мимоходом он замечал, что открытые поляны усеяны маргаритками, но ни за что не вспомнил бы название высоких алых цветов на колючих стеблях, росших среди них. Зато он мгновенно реагировал на звуки, следы и признаки опасности. Сейчас ничего не было слышно, кроме шагов по траве. Меллония была босой, они с отцом в сандалиях из кожи египетской антилопы. Тишина казалась зловещей. Пока они шли по берегу Тибра и со стороны леса шла Меллония, Асканий чувствовал себя относительно спокойно, но когда они свернули от реки в лес и стали пробираться между покрытых седым мхом дубов, похожих на обросшие ракушками остовы затонувших кораблей, мускулы его напряглись, зрение обострилось, и он стал следить за Меллонией подобно тому, как баклан следит за рыбой, но временами ему начинало казаться, что бакланом была она, а они с отцом — рыбой (впрочем, здесь, в лесу, можно было заменить эти образы на орла и зайца).

— Отец,— заметил Асканий,— мы отошли от своих кораблей уже на две мили. Предоставим Меллонии и ее друзьям самим похоронить кентавра.

Выбившиеся пряди волос упали Меллонии на уши, туника разорвалась, причем в весьма соблазнительных местах

(одна грудь оказалась почти открытой). Асканий подумал, что эта дриада слишком умело демонстрирует свое горе.

— Это недалеко,— быстро сказала Меллония.— Сразу за зарослями вязов.

— Как кентавры хоронят своих мертвых? — спросил Эней. Голос его был грустным и тихим. Он с такой нежностью смотрел на Меллонию, что Асканию захотелось хорошенько встряхнуть эту противную девчонку, чтобы она не смела играть на чувствах его отца.

— В земле, как же иначе? (И еще всыпать за наглость.)

— Я хочу сказать, складывают ли они погребальный костер, чтобы сначала сжечь тело?

— Нет. Они выкапывают яму и выкладывают ее травой. Придают телу позу спящего и кладут рядом предметы, которые могут пригодиться во время путешествия в Подземный мир.

— Какие молитвы они читают?

— Каждый раз разные. Они хорошие поэты и находят нужные слова.

Тело Скакуна никто не трогал. Если бы не искаженное от боли лицо, могло показаться, что он просто заснул на солнце. Эней встал на колени и разгладил вокруг его глаз и рта гримасу боли.

— Он был совсем еще мальчик. Как его звали, Меллония?

— Скакун.

— Как ты нашла его тело?

— Меня привел сюда Бонус Эвентус.

— Скакун верил в Элизиум?

— Я не знаю этого слова. Он рассказывал о поляне и дубовой роще, где никогда не бывает Белого Сна, и где дриады живут в браке с кентаврами. Однажды он сказал, что хотел бы жениться на мне. Я подумала, что он меня просто дразнит.

— Неужели женщины твоего племени никогда не выходят замуж за кентавров? Кентавры ведь такие благородные.

(Благородные! Конечно, в конях, везущих боевую колесницу есть благородство, как, например, в Ксанфе — жеребце Ахилла[25]. Но кому придет в голову выходить за них замуж?)

— Никогда.

— Прости меня. Он, наверное, любил тебя.

— Однажды он меня поцеловал. Не знаю, что он имел в виду, но, похоже, ему это понравилось.

— А ты любила его?

— Любила? Когда он был рядом, мне хотелось бежать по траве и плавать в реке. Я начинала задумываться о начале начал. Однажды я пошла вместе с ним посмотреть на его новорожденного брата. Он пытался встать на свои тонкие, слабые ножки. Я была так рада, когда он научился стоять. Я кормила его медовыми лепешками, и мне захотелось иметь своего ребенка. Даже если это будет мальчик с рожками. Вот и все, что я знаю. Иногда я сердилась на него, но быстро прощала.

— Если вы не выходите замуж за кентавров, кто же отцы ваших детей? Я никогда не слышал о существовании мужчины-дриады.

— Мы идем в Священное Дерево и ждем там своего бога Румина. Но, пожалуйста, не будем сейчас об этом говорить.

Они прошли через поляну, и она подвела их к небольшому песчаному участку земли.

— Здесь мы выкопаем могилу. Вокруг растут цветы, а это место пустое. Сюда ударила молния. Мы никого не убьем, кроме нескольких кустиков травы.

Меллония стояла в стороне и наблюдала, как они работают, со смешанным чувством ожидания и тревоги. Ждала ли она, что они сдерут с кентавра кожу и сделают из нее одеяло? Асканий в свою очередь исподтишка следил за ней. Он был настороже, как человек, который всю жизнь воевал или плавал по бурному морю. Булавка, украшенная пчелой, поблескивала в растрепавшихся волосах девушки. Он следил за ее руками.

Они выстлали могилу ароматными травами и аккуратно опустили на них тело.

— Осыпьте его фиалками. Они красивые, но не очень чувствительные и не ощущают боли, когда ломаешь их стебелек. Он любил фиалки. А сумка пусть останется на нем. Он никогда не расставался с гребнем и флаконом.

Эней снял с пальца кольцо — большую жемчужину, доставшуюся ему от отца, которую тот в свою очередь получил от Афродиты. Она была Энею очень дорога — размером с кусочек угля, дымчато-серая, излучающая на солнце мягкий, глубокий свет.

— Чтобы заплатить Харону[26],— пояснил он.— В Трое, перед тем как положить тело на погребальный костер, мы кладем умершему под язык монету.

— Это очень красивое кольцо,— сказала Меллония,— как жаль, что у Скакуна не было такого при жизни. Он очень

гордился тем, как выглядит. Я подшучивала над ним: «Ты так заботишься о себе».— «Да,— отвечал он,— я хочу тебе нравиться».

— Можно, я прочту молитву?

— Да.

— Персефона, ты тоже была похищена с освещенной солнцем земли и перенесена во мрак. Когда Гадес унес тебя в Подземный мир, тебе, наверное, было столько же лет, сколько Скакуну. И ты тоже любила фиалки, гиацинты и водосбор. Побудь рядом со Скакуном в начале его одинокого пути. Покажи ему другие цветы — златоцветники. Сплети из них гирлянду и надень ему на шею.

Меллония не прервала, а скорее продолжила молитву, хотя и назвала богиню латинским именем:

— Прозерпина, расчеши ему волосы. Ему не дотянуться самому до конца гривы. Прощай, Скакун. Спи и не забывай меня, я приду к тебе в твоих снах, принесу фиалки и поцелую в губы.

— А если ты увидишь нас с Фениксом,— добавил Эней,— то знай, что хоть мы по ошибке и причинили тебе непоправимое зло, но в действительности хотели бы быть твоими друзьями.

Затем он шепотом прочел стихи, которые, как почти все сочиненные им, нравились Асканию, но были ему непонятны:

Пурпурно то, что вдали.
Гиацинты холмов,
Мурексы тирские.
Пурпурно только далекое.
Вянут фиалки в руке.

Эней отвернулся от могилы и, будто оцепенев, беззвучно зарыдал. В детстве Асканий видел, как плачет его отец. Это было, когда Креуса исчезла среди развалин Трои, когда, уплывая из Карфагена, Эней увидел дым, поднимавшийся от погребального костра Дидоны, и еще когда в бою погиб его друг.

Асканий обнимал его, утешая, будто маленького ребенка:

— Успокойся, мой дорогой. Не надо плакать из-за моей глупости.

Эней в ответ обнял сына, крепость его рук заставила вспомнить, как он силен. От других мужчин пахло кожей и бронзой, от Энея исходил запах моря — пены и свежего соленого ветра. Даже его седые волосы, которые Асканий чувствовал

на своей щеке, были жесткими от соли. Асканий знал, что Эней плачет не из-за смерти кентавра; горести его скапливались, как скапливается в стужу лед на палубе корабля, и сейчас он оплакивал утраченную молодость мира, великий город, пораженный огнем, тех, кто любил его и кто ушел к Персефоне. В такие минуты можно лишь обнять и попытаться защитить своим теплом от холода воспоминаний.

На какой-то момент Асканий перестал следить за Меллонией. А когда вновь вспомнил о ней, то увидел, что Меллония вытащила из волос булавку и стояла неподвижно, будто дерево, в котором, по ее словам, она жила. Могло показаться, что она выросла прямо из земли, а не рождена матерью-дриадой. Даже протянутые вперед руки застыли в воздухе, как тонкие ветви.

Он подскочил к ней сзади, грубо обхватил обеими руками и с такой силой сдавил запястья, что она выронила булавку. Злоба своими рачьими клешнями оцарапала его душу. Ему хотелось свернуть Меллонии шею.

— Кого из нас ты собиралась заколоть?

— Сначала Энея. Затем, если получится, тебя.

Она не просила пощады, не сердилась, не была напугана. Он мог с легкостью раздавить ее, всего лишь сжав посильнее. Она была такой маленькой! Такие тонкие косточки, и так тихо и часто бьется сердце — непонятно, как оно могло поддерживать жизнь даже в таком крошечном существе. А волосы... будто спрядены из листвы и лучей солнца. И тем не менее она собиралась убить их обоих.

— Но ты ведь не сделала этого,— сказал Эней.— Почему ты не сделала, Повелительница пчел?

— Сначала я решила, что вы убили его ради добычи или развлечения. Но затем вы выкопали могилу и набрали фиалок. В твоих глазах была видна душа, переполненная болью, и я пожалела тебя.

— А моего сына?

— Он тебя любит и поэтому он — это ты. Я не могла причинить ему зло.

— Отпусти ее, Феникс.

Асканий неохотно разжал руки и тут же поспешил поднять смертоносную булавку.

— Я бы убил *тебя* не задумываясь,— сказал он,— если бы знал, что ты замышляешь что-то против моего отца.

Она улыбнулась ему:

— Но это ведь тоже проявление любви, разве не так? Я не могу сердиться на тебя, Феникс. Мы очень похожи. Мы готовы убить ради тех, кого любим.

— Будем друзьями, Меллония? — спросил Эней.

От таких предложений Энея никто еще не отказывался. Асканий тяжело вздохнул. Только в одном он завидовал отцу — тот с легкостью одерживал победу улыбкой, а затем отказывался от завоеванного; ему же, несмотря на красивую внешность,— а Асканий был дружен с зеркалами — приходилось добиваться своего подарками и комплиментами. Меллония взяла Энея за руку и прижала ее к своей щеке. В этом жесте не было кокетства. Она сделала это просто и естественно, как Асканий, когда он обнимал своего отца.

— Какая маленькая рука, несмотря на то, что ты великий воин. Она даже моложе, чем твое лицо. Рука мальчика,— сказала она.— Скакун был бы недоволен, что ты долго грустишь о нем. И я тоже.

Она отпустила его руку и решительно покачала головой. Локон, похожий на усик виноградной лозы, задрожал над ее ухом.

— Я не могу быть твоим другом, хоть и хочу этого.

— Но почему?

— Дриады поклялись убить тебя. Тебе нельзя здесь оставаться. Возвращайся к своим кораблям и никогда не приходи сюда один, без своих воинов. Никогда не плавай в Тибре без Дельфа. И остерегайся дубов. Тех, которые будто прислушиваются.

Эней взял ее за плечо:

— Меллония, ты ведь не собираешься опять убежать?

— Я должна.

— Как нам найти тебя?

— Мне нужно поговорить с Волумной, но я думаю...

— Что, Меллония?

— Что она не изменит своего решения и скажет, что я глупая девчонка и мне пора посетить Дерево.

— Чтобы зачать ребенка?

— Да. Волумна говорит, что ребенок излечивает мать от детских фантазий. Если это мальчик — она укрепляет свой дух, как дерево укрепляет ствол, если девочка — учится самопожертвованию, подобно кусту, отдающему свои ветви птицам.

— Я не понимаю насчет Дерева. Ты говоришь, что там к тебе придет бог?

— Он придет ко мне во сне, и я рожу ребенка.

— Но боги приходят отнюдь не во сне, если хотят, чтобы им родили ребенка. Так же как и богини, намеревающиеся стать матерью. Когда Афродита пришла к моему отцу, она была очень реальной. Он часто рассказывал о ней. Волосы цвета лазурита[27], мерцающее платье, будто сотканное пауком. И еще, такие специфические подробности и так много, что их просто нельзя было выдумать.

«Отец поскромничал,— подумал Асканий.— Эти «специфические подробности» представляли собой настоящий учебник любовных приемов, которые только богиня любви или очень опытная куртизанка могла освоить сама и научить им других».

— Она даже подарила ему кольцо, которое я надел Скакуну на палец.

— Наш Бог другой. Можно сказать, он вдыхает ребенка в чрево. А сейчас отпустите меня. Вы оба подвергаетесь серьезной опасности. Здесь нет деревьев дриад — слушающих дубов, но Волумна часто собирает на этом лугу фиалки.

Эней больше не удерживал Меллонию:

— Тогда приходи опять к кораблям.

Но дубовые листья уже сомкнулись за ней, будто она открыла и вновь закрыла дверь.

Эней двинулся за ней следом, когда Асканий грубо схватил его за руку — своего отца, сына богини! — и преградил ему путь:

— Нет, отец. Разве ты не слышал, что она сказала? Тебя убьют и ее тоже, а мне придется вырубить весь этот забытый Зевсом лес, чтобы найти ту сукину дочь, которую она называет королевой!

В глазах спокойного, рассудительного Энея вспыхнул огонь от охватившего его гнева.

«Сейчас одним ударом он сломает мне челюсть,— подумал Асканий.— Во всяком случае, это остановит его. И он не сможет побежать за Меллонией. Придется нести меня в лагерь, а там, чувствуя свою вину, он будет сидеть у моей постели, пока не убедится, что я поправляюсь».

— Есть другой способ,— уговаривал его Асканий, впрочем уже вполне смирившийся с перспективой сломанной челюсти.— Мы все выясним о Дереве у Повесы. И о Волумне тоже. Вот тогда, что бы ты ни решил, я пойду с тобой.

Асканий почувствовал, что отец немного расслабился.

— Ты ударил бы меня, Феникс, ведь правда? Чтобы спасти от опасности.

— Во всяком случае, попытался бы. Закинул бы тебя на плечо, как оленя, и понес в лагерь. Конечно, если бы мне удалось ударить первым, в чем я не уверен. Или тебе пришлось бы нести меня, вернее, то, что от меня осталось.

— Наверное,— сказал Эней,— впервые в жизни я благодарен тому, кто захотел, чтобы я потерял сознание. Нет, во второй. Помнишь, когда Ахилл чуть не убил меня? Перевернул мою колесницу и пытался меня переехать?

— Мне еще не было пяти, но я все помню. Как я могу забыть? Весь город следил за вами со стены, и мы с мамой тоже.

— На следующее утро я должен был вновь встретиться с ним, в разбитой колеснице, запряженной усталыми лошадьми. В эту ночь твоя мать поцеловала меня и поднесла вино. «Редкий сорт,— сказала она.— Удивительно, что это вино сохранилось в Трое во время такой долгой осады. Оно поможет тебе заснуть». В вино был подмешан дурман. Я проспал три дня. За это время Ахиллу в пятку попала стрела.

— Похоже, я унаследовал от матери эгоизм. Мне не хочется терять тебя.

Вернувшись в лагерь, они нашли там Повесу, развлекавшего людей танцами и такими сладкозвучными напевами, что казалось, будто в его флейте прятался соловей. Танцы представляли собой странное сочетание прыжков и вращений, но исполнял он их с неожиданной для его косматого тела и раздвоенных копыт грацией. Он волновал кровь, ноги сами начинали двигаться в такт его музыке, тела — жаждать женщин, никогда не виданных ранее,— нереиду[28], прячущуюся в волне, богиню, обитающую среди облаков.

Царицы шествуют во мраке ночи.
Слышишь?
Вот под сандалиями их из кожи ланей
Травы немолчный шелест умолкает.
Забудет ли Елена, онемев,
Волос своих измятые нарциссы,
В венок не свитые?
Царицы
Во мраке ночи шествуют.

Эней тоже поддался этой магии. Музыка всегда опьяняла его, как вино, и нередко он вел за собой участников старинного танца Журавля, пришедшего еще от древних критян...

— Повеса,— окликнул он его наконец, встряхивая головой, чтобы избавиться от наваждения,— зайди ко мне в палатку.

Повеса кинул флейту Эвриалу и, волоча ноги, потащился следом за Энеем и Асканием. Голова его свесилась на сторону, в шерсти, покрывающей козлиные бока, запутались колючки, с лица не сходила блудливая ухмылка. Музыка превращала его в полубога, сейчас же он был клоуном. Тем не менее, Асканий считал, что фавн не столь глуп, как пытается казаться.

— Повеса,— спросил Эней,— правда ли, что в Италии нет женщин-фавнов?

Повеса угрюмо опустил голову. От него пахло потом и тухлой рыбой (фавны ловили в Тибре угрей сетями, сделанными из кожи животных).

— Нет, мой царь.

Никто не называл Энея царем, хотя, не будь Троянской войны, он восседал бы на гипсовом троне, правя Дарданией. Ему не нравилось это обращение. Он сразу вспоминал ту, которая должна была быть его царицей.

— Но вам, наверное, нужны женщины. В тех местах, откуда я родом, твои соплеменники — мы называем их сатирами — известны как большие любители женщин. Или вы подобно ахейцам — Ахиллу и Патроклу [29] — довольствуетесь друг другом?

— Только если не хватает женщин.

— Где вы их берете, чтобы хватало?

— В стране вольсков женщины правят своими мужьями. Но в лесу они не прочь немного поразвлечься, и тогда ими командуем мы.

Трудно было представить себе такую женщину, которая прельстилась бы Повесой. Наверное, временами он источает привлекающий мускусный запах [30], решил Асканий. Если прибавить к этому его музыку, богатую одаренность — завидную черту его племени — и то, что большинство женщин жаждут близости не меньше, чем мужчины, то можно предположить, что его хвастовство имеет под собой реальную основу.

— А еще? Мне кажется, вольски живут довольно далеко. Король Латин со своим народом еще дальше.

— Дриады! Они самые лучшие. Сладкие, как соты с медом!

— Но Меллония говорила, что они никогда не берут себе ни мужей, ни любовников.

— Зато мы берем *их*.

— Вы насилуете их?

— Можно и так назвать. Когда они спят в своем полом Дереве. Оно стоит на полпути между лагерем и Кругом дриад. Надо дойти по берегу Тибра до сожженного молнией пня, а там свернуть от реки, и на расстоянии летящего копья увидите Дерево. Оно, конечно, мертвое. Кривое и корявое. Похоже на большую серую гадюку, стоящую на хвосте.

— Они, должно быть, спят очень крепко.— Лицо Повесы расплылось в улыбке, и стали видны мелкие и, как ни странно, чистые зубы.

— Да, очень. Трое или даже четверо из нас успевают побывать у одной и той же дриады. Понимаешь, они одурманивают себя маковым соком.

— Разве другие дриады не пытаются остановить вас?

— Поблизости никого нет. Это одна из их традиций. Дриада, которая хочет ребенка, приходит в Дерево одна, входит внутрь и запирает за собой дверь на тяжелый засов. Но мы уже давно прорыли между корней подземный ход, ведущий прямо туда, где она будет спать. В Дереве темно. Даже если она проснется, то не увидит, как мы входим или выходим; такое со мной случалось пару раз. Я слишком перестарался и разбудил ее.

— И они рожают от вас детей, благодаря за это Румина.

— Который вдыхает их им в лоно,— тихо проговорил Асканий.

— Да, и похоже, им это нравится, даже во сне. Они часто возвращаются туда снова. Дриады ведь живут столько, сколько их деревья, и нередко рожают по двадцать детей. Если это девочка, ее оставляют, так как девочки похожи на своих матерей. У них острые уши. А у мальчиков — хвост, копыта и заросшие шерстью бока; их бросают в лесу, потому что они похожи на нас, правда, мамаши не догадываются почему. У них есть глупая легенда о том, что давным-давно одна из дриад согрешила с фавном. Это проклятие легло на весь их род и повторяется в каждом мальчике. Они оставляют их под деревом на съедение львам. Некоторых мы спасаем, забираем к себе и растим как своих сыновей.

— И никто из дриад не подозревает об этом?

— Не знаю. Волумна вообще-то не дура. Но даже если она и знает, то никому не говорит. Мой отец спал с ней. И дед тоже. Они рассказывали, что она весьма хороша. Может, теперь она дожидается меня?

— Ты знаешь дриаду по имени Меллония?

— А как же. Мы зовем ее Повелительница пчел. Бедняжка до сих пор еще девица и боится идти в Дерево. Но Волумна скоро заставит ее. Я подслушал, как она разговаривала с Сегетой, тетушкой Меллонии. Я тебе все рассказал, что ты хотел узнать?

— Да.

— Дай мне кинжал.

— Твои копыта лучше любого оружия.

— Тогда набедренную повязку.

— Зачем она тебе с твоей шерстью? Ты родился в набедренной повязке.

— Женщины-кентавры смеются над моей наготой и не пускают в свою деревню.

— Ладно.

— И флейту. Моя сделана из дерева, а у Эвриала есть черепаховая. Его мне больше нравится.

— Я поговорю с Эвриалом.

— И золотые кольца для рогов.

— У нас их нет. Мы очень бедны.— Повеса пожал плечами:

— Тогда накорми ужином. Только не корнями, а ягодами или яйцами дятла.

— Попроси людей. Нис даст тебе лепешек. И еще одно, Повеса.

— Да, царь Эней.

— Если ты притронешься к Меллонии,— он сказал это таким тоном, что даже Ахилл задрожал бы,— ты или твои друзья, я убью тебя, а из шкуры сделаю ковер и положу его в своей палатке!

Улыбка исчезла с лица Повесы. Когда он уходил, то уже не казался таким неловким. На земле остались следы копыт, а в воздухе запах рыбы.

— Придется сжечь в нашей палатке несколько лавровых веток[31],— улыбнувшись, сказал Эней, а затем добавил очень серьезно: — Мы должны предупредить Меллонию. Я не доверяю Повесе. И его друзьям тоже.

— Как нам найти ее?

— Мы уже знаем, где стоит Дерево. А Повеса, несомненно, выяснит, когда Меллония будет там «дожидаться Бога». Похоже, он осведомлен абсолютно обо всем происходящем. Ты обратил внимание, какие у него большие уши? Я пойду один и буду поджидать ее.

— Ты никуда не пойдешь один. Дриады, возможно, наблюдают за нами. В этих местах даже пчелы этим занимаются. Я пойду с тобой и встану у начала подземного хода.

— А если я попрошу тебя остаться в лагере?

— Нет.

— А если я прикажу?

— Нет.

— Чтобы не быть сбитым с ног и не висеть у тебя на плече, как олень, придется мне согласиться.

— Это очень разумно с твоей стороны, отец. Но так ли уж страшно, если фавн овладеет Меллонией? Надеюсь, не все они такие, как Повеса. А ей хочется иметь ребенка. Если бы не фавны, их род прекратил бы свое существование.

— Ни одно живое существо не возьмет ее силой, будь то фавн или кто-нибудь другой!

— Отец, я тебя не помню таким со времен Дидоны. Ты доставляешь мне столько хлопот со всеми твоими женщинами. Ты видишь в них богинь и забываешь, что даже у обитателей Олимпа есть недостатки. Бабушка ведь не была верной женой, правда? Она вышла замуж за Гефеста, но это вовсе не помешало ей любить еще и Ареса, и Зевса, и дедушку. Не знаю, как мне удастся довести тебя до спокойной старости.

— Не волнуйся, Феникс. Я берегу ее не для себя и не собираюсь взять ее в жены.

— Почему бы и нет? Меня, правда, не очень привлекает перспектива иметь мачехой дриаду, тем более что Меллония слишком красива. Но для нее это была бы большая честь.

— Я в два раза старше, чем она.

— Тебя всегда принимали за моего брата, не веря, что ты мой отец. А скоро и вообще за отца будут принимать *меня*. Тебе ведь еще очень далеко до последней переправы через Стикс[32].

— Да, но будет ли так считать Меллония, если выйдет за меня замуж?

Глава V

Дубы дриад росли неровным полукругом среди буков и вязов. Посторонний, попавший туда, мог принять мелодичный шум ткацких станков за гуденье насекомых, двери — за

трещины в коре. Маленькие, похожие на улья домики были спрятаны среди ветвей, и с земли лишь иногда виднелось что-то коричневое, казавшееся частью дерева.

Случалось, в Круг дриад забредал чужестранец; чаще же — кентавр, Повеса или какой-нибудь другой фавн, который, несмотря на свое бесстыдство, мог быть чем-нибудь полезен, или же дева из страны вольсков. Чужестранец, если он к тому же мужчина и человек, слышал шум — но это был шум уже не ткацких станков — и ощущал уколы крошечных стрел, не больнее, чем укус пчелы, но через несколько секунд он падал замертво, отравленный ядом паука-попрыгунчика. Или же на него нападали настоящие пчелы и жалили до смерти, правда, при этом погибали сами, так что дриады пользовались их помощью только в случае самой серьезной опасности.

Меллонии показалось, что Волумна, вышедшая из своего дерева, никогда еще не была такой спокойной и величественной. Можно было подумать, что она жила в одном из знаменитых критских дворцов, теперь лежащих в развалинах, где царицы восседали на тронах, украшенных по бокам грифонами, и купались в мраморных ваннах с серебряными кранами. Завитки зачесанных наверх серебристо-седых волос, до сих пор отливающих зеленью, напоминали тронутые инеем листья. Тело, скрытое под зеленой туникой, было стройным, как у юной девушки, и источало аромат мирриса.

Она правила дриадами почти три сотни лет и заставила других обитателей Вечного Леса бояться и почитать их. Она выполнила все, что сама назначила себе в жизни, и в ее походке чувствовалось спокойствие и уверенная сила.

Эней и Волумна хоть и были врагами, но имели много общего: и он и она были вождями, оба уже достигли зрелых лет, поседели, но все же сохранили молодость. Но различались они так же сильно, как море и лес. В Энее не было спокойствия. Его все еще терзали сомнения; в этих душевных страданиях, по мнению Меллонии, и заключалось его величие. Ни один вождь не может обрести спокойствие, если те, кто его окружают, испытывают муки. Скакун умер; Эней, а не Волумна оплакал его, и не только потому, что его сын выпустил ту роковую стрелу.

(«Все умирают,— сказала Волумна.— В конце концов, он был всего лишь кентавром и к тому же мужчиной».)

— Дочь моя, я рада, что ты решила посетить Дерево. Ты оделась достойно своей матери. Бог будет доволен.

Обычно Меллония ходила в простой тунике и иногда надевала сандалии, но сегодня она приготовилась к встрече с Богом: ножные браслеты из малахита — дымчато-зеленого камня, будто родившегося в глубине лесных зарослей, куда едва проникают солнечные лучи, не имеющие силы разогнать густую тень; браслеты с изумрудами и хризопразами[33] на руках; на голове серебряный обруч, украшенный порфировыми соловьями; на шее подвеска — халцедоновый зимородок.

«Да,— подумала Меллония,— но ты не обрадовалась бы, узнав, что я хочу родить мальчика, а не девочку и не позволю оставить его в лесу; что я обязательно пошла бы на корабль к Энею и рассказала ему о своих планах, если бы не боялась, что меня выследят, поймают, а он окажется из-за этого в опасности. Более того, я собираюсь дать своему сыну имя Зимородок.

(«Ты любила Скакуна?» — «Не знаю... я задумывалась о начале начал и о вечности».) Люблю ли я Энея? Не знаю. Мне хочется коснуться его волос и поцеловать в щеку и... да, я действительно хочу поцеловать его в губы. Странно, что соприкосновение губ, всего лишь мысль об этом, так волнует меня. Будто добрые пчелы, перебирая своими лапками, ползут по моему телу. Я как роза. Когда мотылек спускается из своего небесного сада, роза дрожит в страхе перед его приближением (я слышала ее вскрикивания) и все же с радостью позволяет ему погрузиться в свой нектар и пытается удержать его, не давая вернуться на небо (я слышала ее плач).

— Левана, Сегета! Мы идем в Священный Дуб.

Голос Волумны, как звук трубящей раковины, раздавался среди деревьев. Двери отворились. Две дриады вышли им навстречу. Остальные наблюдали за ними из своих домиков, спрятанных среди ветвей. Волумна была спокойна, но лицо ее сияло. Маленькие сандалии почти не приминали траву, казалось, она плыла над землей, будто утренний туман. («Она ждет девочку, чтобы пополнить наше племя»,— подумала Меллония.)

Левана и Сегета, родившие уже много дочерей, стали обсуждать радости материнства.

— Моим первенцем был сын,— сказала Сегета, содрогнувшись. Волосы ее были темно-зелеными, как мох, голос хриплым и глухим, будто раздавался откуда-то из-под корней дерева. Она родила семь дочерей и трех сыновей и приближалась уже к своему двухсотлетию.— Отвратительный

был ребенок. Рога, копыта, шерсть. Я с радостью бросила его в лесу. Но когда родилась моя первая дочь, я принесла в жертву Румине соты с медом.

— А что было в Дереве? — спросила Меллония.— Какие сны ты там видела?

— Я тебе уже сто раз говорила, что не помню.

— Ни разу ничего не запомнила?

— Ни разу. Какая-то тень двигалась в темноте. Я испугалась. Во всяком случае, в первый раз я почувствовала острую боль, но когда проснулась и вышла на свет, то ощутила умиротворение. А меньше чем через месяц я уже знала, что во мне ребенок Бога.

— А ты, Левана?

— В первый раз ко мне пришел не Румин. Это был злой бог — карлик Сильван. Он терзал меня, пока я спала. Проснулась я вся в синяках и в луже крови.

— А как он выглядел?

— У него были рога, но гораздо более страшные, чем у фавнов. Изогнутые и покрытые мхом, как ветви старого дерева, и все то, что есть у мужчин, было у него очень большим; мне было противно смотреть на него.

— Тише, Сегета. Он теперь редко приходит, и только к тем, кто в немилости у Бога. Я вспоминаю, что до твоего первого посещения Дерева ты дружила с мальчиком из племени вольсков.

— Мы всего лишь играли в бабки на берегу Тибра.

— Этого достаточно. Меллония, я думаю, не прогневила Бога. Я права, моя дорогая? А что касается Дерева, могу только сказать, что это тайна. Кто, кроме Румина, знает, как Бог совершает свое чудо? Мне же довелось увидеть его лицо, гладкое и нежное, как кора молодого деревца, и я не испытывала ни страха, ни боли. Вы ведь знаете, я была в Дереве больше двадцати раз и подарила племени одиннадцать девочек.

(«И бросила в лесу десять мальчиков. Почему ты говорила мне, что мужчины — все мужчины — зло и что Эней должен умереть?»)

— Теперь иди, Меллония. Мы останемся у края поляны. Когда ты проснешься, тебе уже не надо будет расспрашивать о тайне. Твоя мать была моей самой близкой подругой. Твою дочь я буду считать своей внучкой. («А моего сына?»)

— Нам нужны храбрые женщины, чтобы защищать наш лес от варваров вроде Энея.

— Может,— сказала Меллония,— его корабли уплывут отсюда.

— Может быть. Но обрати свои мысли к Богу. О демонах подумаю я.

На шее у Волумны висел на цепочке флакон из полированного янтаря. Она вынула пробку:

— Выпей это, Меллония.

Жидкость была темной и сладкой, как виноградный сок с медом, но в ней чувствовалась острота дурманящего макового настоя. Три дриады наблюдали за тем, как Меллония пересекла поляну и подошла к Дереву. Ей хотелось крикнуть: «Подождите», но она не успела. Дриады повернулись и исчезли среди деревьев. Еще открывая деревянную дверь, укрепленную на старинных кожаных петлях, Меллония почувствовала, как сонливость растекается по ее телу, напоминая забытье, в которое впадает замерзающий в снегу. Она опустилась на мягкие, сухие листья и стала смотреть на тонкий ободок света вокруг двери. Что находилось рядом с ней, в Дереве, разглядеть было невозможно. Почувствовав жжение в глазах, она закрыла их, и у нее остались лишь одни ощущения — теплые листья, приятный запах коры, шуршащая где-то рядом мышь-полевка, устроившая здесь теплое гнездышко, и, наконец, Божественный дух. От него исходило тепло, как от очага. Она поняла, почему ее подруги говорили, что он убаюкивал их своим теплом. Казалось, он обнял ее, и впервые она увидела его лицо. Румин. Отец. Бог. В прошлом это были для нее пустые слова. Дриады никогда не рисовали и не вырезали скульптурных портретов, но теперь она хорошо представляла себе его лицо и тело и не была удивлена, что он походил на Энея, сына богини, самого божественного из людей.

«Что со мной, я сплю или бодрствую? Во сне не бывает таких чудесных видений.. Я сплю и жду прихода Бога.

Но мне страшно. Где-то вдали слышен треск сухих листьев, звук нарастает, усиливается. Дерево содрогается. Крики, удары. Бог и Сильван спорят из-за меня».

(«У Сильвана рога, но гораздо более страшные, чем у фавнов...»)

Она была в комнате не одна. Кто-то пришел к ней из темного подземелья. Она чувствовала жар его тела, слышала его дыхание, а затем ее видение обрело материальную форму, и она отчетливо увидела его в темноте. Это был Бог, это был

Энея. Счастье расцвело в ее груди. «Бог победил. Я рожу сына, я рожу сына...» Она позвала его сквозь сон: «Румин, дай мне сына похожего на тебя, на Энея. Я выращу его, и он станет повелителем леса!» Бог встал на колени и она ощутила его тепло, тело жаждало его рук, но он даже не коснулся ее.

Казалось, холод стал разделять их.

«Этого недостаточно. Он посетил меня, но не вдохнул в мое чрево новую жизнь. Он счел, что я недостойна его любви. Я не рожу ребенка — ни мальчика, ни девочку. И это самое страшное. Страшно не тогда, когда на тебя покушается Сильван, а когда тебя отвергает Бог».

— Пожалуйста, пожалуйста,— закричала она,— чем я прогневала тебя?

От собственного крика Меллония проснулась.

Она лежала на теплых листьях, продолжая ждать, но от того холода, который возник в ней, мог защитить лишь один огонь.

Кто-то медленно приближался к ней со стороны двери, обведенной ободком света. Она не могла различить силуэт и даже не слышала его дыхания, пока он не оказался рядом с ней. Румин или Сильван?

— Кто ты? — И вновь, с неожиданным гневом: — Кто ты? Ты отверг меня?

Тишина окутала ее, будто засыпав опавшими листьями.

— Сильван?

Рука ее нащупала в волосах булавку. Чувствуют ли злые боги боль?

— Меллония.

В голосе слышалась сила бьющегося о берег прибоя и нежность морской птицы, кличущей подругу над неподвижной гладью моря.

— Зимородок,— воскликнула она,— я приняла тебя за Сильвана.

Она потянулась к нему, взяла за руку, и когда он опустился рядом с ней, положила голову ему на плечо. Он обнял ее, и объятия его были нежными и ласковыми, как нагретый на солнце мох, но от него пахло морем — морской солью и пеной. Ему не было нужды рассказывать о том, как он плавал по морям и доходил до самых Блаженных островов, и о битвах, в которых люди были героями, а не демонами... Высоко на равнинах Трои, где гуляет ветер... Горе от исчезновения Бога показалось ничтожным по сравнению с радостью от появления Энея.

Но ребенок... ребенок...

— Зимородок, Бог, кажется, посетил меня, но не оставил мне ребенка. Я знаю, я уже знаю это. Я чувствую боль пустоты.

— Меллония, того Бога, который приходит к вам в Дерево, не существует. Боги живут на Олимпе, под землей или в море, иногда они действительно приходят к нам, чтобы благословить или проклясть. Но, я думаю, Румин никогда не приходит к твоему народу, во всяком случае сюда.

— Если не Бог... Зимородок, что ты говоришь? Кто-то ведь является отцом наших детей. Или Румина одна вдыхает жизнь нам в чрево?

— Нет, Меллония.

— Тогда кто?

— Фавны.

Правда, как скользкий краб, выползший из воды на берег моря, сдавила клешнями ее душу. Дриады, живущие на севере, любительницы фавнов, падшие и презираемые,— неужели то же самое происходит и с ее народом? Конечно, то же самое. Почему она не догадалась об этом раньше? Ее нежелание идти в Дерево, оказывается, объяснялось тайными сомнениями.

— Такие, как Повеса?

— Да.

— И один из них пытался прийти ко мне, пока я спала. А ты защитил меня. Этот шум я и слышала во сне.

— Их было трое. Но Асканий помог мне сломать пару рогов. Он сторожит вход, пока мы здесь.

— Они овладели бы мной во сне, один за другим. Как животные.

— Да. Как животные. Но животные тоже умеют любить. В детстве я видел, как волчица умерла от горя, когда охотники убили ее волка. Фавны взяли бы тебя похотливо, без любви. А Скакун? Он ведь наполовину животное. И все же любил тебя. Разве это так ужасно, если бы вы с ним были еще и близки?

— Когда он меня поцеловал, я сначала рассердилась и испугалась. А потом мне захотелось, чтобы ты меня тоже поцеловал.

— Мне хотелось не только целовать тебя. Прикоснуться губами — это проявление любви, но губы только малая часть любящего тела. Даже в Подземном мире наши души заключены в оболочки и могут соприкасаться друг с другом. Когда я женился на Креусе, мне не было еще и двадцати, а ей

только что исполнилось пятнадцать. Мы оба были невинны. Искушенный в военном искусстве, я все еще не знал ни дружбы, ни ласки девушки. Когда мы, неопытные и напуганные, вошли в спальню, родственники стали смеяться над нами и выкрикивать разные шутки. Неловко и неумело, мы стали любить друг друга, стыд исчез, и наши души и тела слились. От этого союза родился Асканий. Разве мог родиться такой хороший парень, если бы то, что мы делали, было грешным?

— Я знаю, как он любит тебя,— сказала она тихо,— и как вы оба тоскуете по Креусе. Он хороший сын.

— Ты считаешь, что мы с Креусой были животными, неспособными любить?

— Нет, Зимородок.

— А Дидона? Я любил ее жадно и страстно, в этой любви было мало нежности и много боли, но не было ничего дурного.

— Ты оказал ей честь своей любовью. Ты предложил жизнь, а она избрала смерть. Она была грешницей.

— Нет, просто несчастной женщиной, ошибочно принявшей лето за весну, пытавшейся остановить падающие капли в водяных часах и удержать на месте тени, движущиеся по солнечному циферблату. Мне надо идти, Меллония. Подожди немного, а затем выходи из Дерева. Ты можешь сказать подругам, что позабыла все свои сны. Ты не единственная, у кого не будет ребенка после встречи с Богом.

— Но я больше никогда не вернусь сюда, и меня возьмет в темноте какой-нибудь Повеса.

— Тогда отдайся при свете дня тому, кто сначала покорит твое сердце и лишь потом попросит тело. Ты еще встретишь другого Скакуна.

— Он был мне братом. Теперь я это понимаю.

— Ты встретишь мужчину, а не брата. Может, это будет мой сын?

— Нет!

— Меллония, ты несправедлива к нему. Ты ему очень нравишься.

— Мне он тоже нравится. Но думать я буду всегда о другом.

Эней смущенно вздохнул. Она не видела его в темноте, но могла представить, как он в нерешительности морщит лоб. Когда дело касалось женщин, он вел себя, как ребенок. Семнадцать лет тяжким грузом лежали у нее на плечах. За то время, пока утренняя заря раскрывает лепестки, чтобы пред-

стать во всем своем великолепии, она узнала правду о Дереве и правду о том, что было в ее сердце, и все же не она, а Эней не мог найти нужных слов. Мудрый Эней, прекрасно знающий своих людей, долгие годы ведущий их за собой сквозь все опасности, разбирался в тайнах девичьих сердец не лучше, чем какой-нибудь фавн.

— Глупый, глупый Зимородок. Я люблю тебя!

— Боже! — воскликнул он, и в этом возгласе слышалась бесконечная мука.— Креуса любила меня. Дидона любила меня. Они обе обратились в пепел. Я несу смерть женщинам, которых люблю. Возможно, это проклятие Афродиты, наказывающей за то, что мой отец раскрыл тайну их свидания в лесу.

— Ты оставил свое проклятие в Карфагене, или же оно упало в море во время бури. Ты потерял его где-то, и я ни капельки не боюсь обратиться в пепел. Да, мою мать действительно убило молнией, но ей было девяносто семь лет, а мне семнадцать.

— Я должен построить город. А ты должна жить в Дереве.

— Построй его в устье Тибра и, конечно, окружи высокой стеной, чтобы ни один лев не перелез через нее, а я буду приходить к тебе, когда смогу.

— И вызывать этим гнев Волумны?

— Чтоб Сильван взял Волумну! Ей пошло бы это на пользу. Зимородок, ты отвергаешь меня? Я не рассержусь, если это так. Ты ведь никогда не просил моей любви. Всю свою жизнь я прожила в Вечном Лесу. Что могу я предложить герою Трои, легендарному мореплавателю, кроме сотканной моими руками туники или ковра? Могу починить паруса. Покрасить корпус корабля. Я играю на флейте лучше Повесы, а пою так же нежно, как соловей, только не так грустно. Я даже читаю свитки, египетские и греческие, не говоря уже о латинских. Ты знал об этом, Эней? Я быстро освою то, что жена должна уметь в первую очередь.

(Он выглядел озадаченным; это не трудно было заметить.)

— Я имею в виду, конечно, постель. Все те маленькие хитрости, которые заставляют мужчин предпочитать ее любой другой мебели.— Она читала об этом в своих свитках, но обычно быстро пробегала эти места; надо будет вернуться к ним и как следует изучить.— Я не могу соперничать с твоими царицами — Креусой, матерью твоего сына, и Дидоной, с горящими черными глазами. Но Скакун говорил, что я красивая. Я красивая, Зимородок?

— Красивые — можно сказать о маргаритках. Ты — роза, чудо, появившееся из земли с помощью нежных рук Персефоны.

— Я люблю маргаритки. Они гораздо более нежные и чувствительные, чем ты думаешь. Но я понимаю, что ты намеревался сделать мне комплимент. Поцелуй меня, Зимородок. Я хочу сейчас же начать учиться, а то мы можем столкнуться носами.

— Если я поцелую тебя, я забуду о возрасте и о проклятии. Я буду любить тебя и как животное, и как человек. Ты видела нас с Асканием, когда мы плавали в Тибре. Тогда ты сказала, что наши обнаженные тела не напугали тебя. Это правда?

— Вы показались мне красивыми, такими, как я и сказала. Мне понравилось, что вы другие, и понравилось то, чем вы, мужчины, так любите хвастаться.

— В Дардании есть поговорка, которой меня научил отец. Он сказал, что узнал ее от Афродиты. Любовь — это мотылек. Ты знаешь, что это значит, Меллония?

Почему этот любимый, сводящий ее с ума мужчина, все произносит и произносит свои красивые фразы, когда губы созданы для поцелуев? Ладно, она будет отвечать ему тем же, пока он не устанет от поэзии и не вспомнит, что не поэмы создают любовь, а любовь создает поэмы.

— Это значит, что она приходит внезапно и неожиданно.

— И так же быстро может исчезнуть.

— Все исчезает,— ответила Меллония,— и возвращается вновь. Когда я ложусь, чтобы погрузиться в Белый Сон, я твердо знаю, что проснусь с появлением первых почек. Когда я лягу, чтобы уснуть последним сном, то буду ждать пробуждения в том месте, которое ты назвал Элизиумом. Там меня встретят мать и Скакун. И ты. Сказать тебе, что ты для меня значишь?

И она запела:

Альциона, лунная птица,
Прилетевшая издалека,
От морей, что слюдой сверкают
За эбеновой бездной ночи!
Ты слети ко мне, альциона,
И осыпь ты меня, пролетая,
Обитателя темного тверди,
Серебром твоей лунной пены.

Это, конечно, не мои стихи. Меня научила им мать, я только заменила «чайку» на «зимородка». Но довольно по-

эзии, мой любимый Зимородок. Давай притворимся, что мы плывем в Тибре.

Она сняла через голову тунику и бросила ее на листья. За ней последовали булавки, ножные браслеты, подвеска. Оставался лишь обруч, украшенный порфирами. Она небрежно швырнула его, будто увядший венок.

— Ты готов плыть, Зимородок?

— Да,— прошептал он.

Неожиданно она с такой силой толкнула дверь, что та слетела с кожаных петель, солнце хлынуло в Дерево, и прекрасное нагое бронзовое тело Энея засветилось в его лучах.

— Меллония, нас увидят!

— Глядя на нас, мой народ многое поймет. И фавны тоже.

— Но сын...

— Ты думаешь, он не знает, как появился на свет? Он вряд ли верит в Священные Деревья.

Утомленная роза, вырвавшись из темной подземной крепости и раскрыв наконец свои лепестки, спит, когда на нее опускается роса и мечтает, когда ее освещает солнце. Спать и мечтать... спать и мечтать... Что еще нужно?

Но, тише! Слышен трепет крыльев...

Глава VI

Асканий сидел рядом со старым пнем, источенным муравьями, который вместе с лозой дикого винограда скрывал спуск в подземный ход, ведущий в Священное Дерево. Он ждал своего отца, ушедшего туда, и немного ему завидовал. Какая блестящая возможность сыграть роль фавна!

— Я только удостоверюсь, что с ней все в порядке,— сказал Эней.— В темном дереве довольно страшно, если ты ждешь появления Бога, а у него другие планы.

— Но, отец, у Меллонии никогда больше не будет такой прекрасной возможности заиметь ребенка. Почему же не родить принца, если можно это сделать?

— Феникс, это будет насилие!

Его негодование все же не могло скрыть того, что он испытывает искушение. Асканий читал душу отца, как глиняную табличку. Несмотря на свою сдержанность, Эней был подвержен соблазнам не меньше, чем другие мужчины, а когда влюблялся, то даже и больше.

— Называй как хочешь, но ты этим сделаешь Меллонии доброе дело. Если же она проснется невинной девушкой, то наверняка очень расстроится.

— Когда она проснется, я расскажу ей всю правду.

— Может быть, *я* ей расскажу? — усмехнулся Асканий.

— Нет, твоим методам я не доверяю.

— А жаль,— пробормотал Асканий, держась за свою ушибленную челюсть, и начал устраиваться поудобнее среди смятой и обломанной в неравной стычке виноградной лозы: фавнов было трое, они были мускулистые, но дрались не только рогами, но также дубинками и ножами. Усаживаясь, Асканий настороженно оглядывался, не появились ли муравьи, пчелы-шпионы или хитрые дриады.

— Грешно не воспользоваться. Бабушка была бы недовольна...

Но вот, пошатываясь, из подземного хода, будто из Подземного мира, вышел его отец. Нет: если судить по его лицу, он спустился с Олимпа. Наверное, так выглядел Анхис после свидания с Афродитой. Казалось, ему даже не двадцать пять, а всего лишь двадцать. Глаза его были такими же голубыми, как волосы его матери, у которых он позаимствовал цвет искрящейся морской волны.

— Отец, не нужно ничего объяснять. Ты ей все сказал.

Эней опустился на землю рядом с сыном. Он смотрел и улыбался; казалось, он видит нечто, доставляющее ему огромное наслаждение.

— Я ей понравился,— будто выдохнул Эней.— Феникс, я ей понравился.

— Я сразу понял, что ты хочешь сказать, хоть ты и бормочешь нечто невразумительное. Она тебя любит.

— Да, наверное. Она так сказала. Она очнулась от своего кошмара и обняла меня. Что мне еще оставалось делать, как не попытаться утешить ее и рассказать все о «Боге»? Мы долго разговаривали и... и она захотела родить от меня ребенка.

— А ты сделал вид, что удивлен. Я это сразу понял, еще когда мы встретили ее на берегу Тибра. Ей нужен был не *мой* ребенок и не ребенок Бога. Придется мне привыкать к мысли о маленьком братишке или сестренке с зелеными волосами. Знаешь, вначале я буду ревновать. Я уверен, ты его ужасно избалуешь.

— Разве я избаловал тебя?

— Ужасно.

— Может, у нее не будет ребенка. Я давно этим не занимался. После Дидоны прошло пять лет.

— Это не забывается. Все равно, что стрельба из лука. Кстати, как она? Невинна и все такое? Она *действительно* была невинна?

— Конечно!

— Да, для девственницы семнадцать лет — весьма немалый возраст. Наверное, ее слишком опекала мать. Кстати, ты получил удовольствие? Иногда они визжат и дергаются в самый неподходящий момент, и единственное, что приходит на ум,— по крайней мере я облегчил жизнь следующему.

— Да лишит тебя Румин дара речи за такие слова, Феникс!

Но Асканий не принял это всерьез. Он хорошо знал, когда отец сердится по-настоящему. Случалось это не чаще, чем раз в пять лет. А сейчас отцу безумно хотелось поговорить о Меллонии, но сдержанность и чувство порядочности не позволяли ему вдаваться в интимные подробности.

— А вот и не лишил. Так же как и не пришел к Меллонии. Пойдем, отец, нам пора к кораблям, а пока идем, ты, может, перестанешь быть таким скрытным. После того как я столько времени прождал, мне хочется услышать *хотя бы немного о* твоей победе. Надо делиться угощением с голодными, по крайней мере со своим преданным изголодавшимся сыном; у меня, между прочим, не было женщин уже целых три месяца.

— Это был свадебный пир,— спокойно ответил Эней.— Хотя ты прав в одном. Лучше нам не встречаться с дриадами. Они могут вернуться сюда, чтобы отвести Меллонию в ее дерево.

— Ей не угрожает опасность? Можно не сомневаться, что фавны, которых мы отколошматили, расскажут обо всем Повесе, а тот этой горгоне Волумне.

— Я собираюсь известить ее о том, что Меллония — моя невеста и если только с ней что-нибудь случится — дереву Волумны не избежать топора.

— Ты ее уже известил об этом, Эней, троянский убийца, соблазнитель женщин. Я повторю вопрос твоего сына. Как тебе понравилась девственница?

Волумна стояла на тропе, преграждая им путь, неподвижная, как дерево, грозная, казавшаяся раза в два выше своего

небольшого роста. Асканий никогда раньше не видел эту страшную женщину, но сразу узнал по описанию Меллонии. Она не пыталась вынуть из волос смертоносную булавку-пчелу. В самой позе и взгляде было достаточно угрозы.

— Как вы, наверное, догадались, я вернулась сюда, чтобы узнать, почему задерживается Меллония. И я получила ответ.

Эней больше не был мечтательным и слегка опьяневшим от счастья влюбленным. Это был царь, и ни одна деревенская королева не могла запугать его, даже в своем лесу.

— Она моя невеста, и я взял ее с ее согласия,— ответил он спокойно, хотя его голубые глаза стали от гнева серыми, как Эгейское море при звуке рога тритона.— Я буду встречаться с ней, когда захочу, и она будет приходить ко мне на мой корабль, но если ты что-нибудь с ней сделаешь — впрочем, ты уже слышала, что тебя ждет. Это не пустые слова. Чтобы защитить Меллонию, я могу сжечь город. Я сжег уже парочку, хотя причины для этого были не столь серьезны.

— Свалить несколько деревьев — пустяковое дело для троянцев,— добавил Асканий. Ему не нравилась эта женщина. Такую сильную неприязнь он испытывал только к Дидоне.— Хоть мы и странствуем, но топоры наши остры. Боевые топоры. Некоторые доски в корпусах наших кораблей начали гнить. Как ты смотришь на то, чтобы заменить их новыми, сделанными из твоего дуба? Или сделать из его ветвей весла?

В ней было что-то паучье, вызывающее недоверие, казалось, она сейчас плюнет ядом. Она смотрела не мигая своими зелеными глазами, щеки ее начали раздуваться, будто она примеривается, накапливая во рту яд.

— Пусть эти весла приведут ваши корабли в обиталище осьминогов и акул! Ты знаешь, что мы умрем без своих деревьев.

— Но начнем мы не с этого,— сказал Асканий.— Сначала мы позабавимся с тобой и с твоими дриадами. Пятьдесят троянцев, изголодавшихся без женщин. Подумай об этом, Волумна. Грубые, возбужденные существа, которым подойдет любая, хоть двенадцатилетняя, хоть пятисотлетняя, а потом они поменяются ими со своими приятелями. Наши женщины, скитаясь по морям, утратили свою привлекательность, но вы, дриады, сохраняете красоту до конца жизни; разве я не прав? Даже ты, Волумна, хотя тебе наверняка лет триста. Впрочем, ты мне, пожалуй, подойдешь. Я всегда любил женщин постарше. Они более опытные.

— Пойдем, Феникс. Мы рассказали ей о своих намерениях. Я думаю, Меллония теперь в безопасности.

— Еще одно, отец.— А затем, обратившись к Волумне: — Ты ведь давно все знала о Дереве?

Оцепенев, она смотрела на него. На какое-то мгновение он почти пожалел ее.

— О подземном ходе, о фавнах,— настаивал он.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь. Бог приходит...

— Да, в образе косматого фавна.

— Зачем ты святотатствуешь? Бог поймает тебя ветвями и задушит твоими собственными волосами.

— Не разыгрывай невинность, Волумна. Повеса все рассказал нам о Дереве. Он сам много раз ходил туда, а его отец и дед были там вместе с тобой. Тебе наверняка приятно услышать, что ты хороша даже во сне. Если ты действительно спала.

Волумна стала похожа на побитое морозом дерево. Три столетия тяжелыми сугробами опустились ей на плечи. Теперь она казалась даже ниже своих четырех футов. Она покачнулась и чуть не упала. Эней попытался поддержать ее, но она вырвалась из его рук. («Она единственная женщина,— подумал Асканий,— которая не позволила отцу дотронуться до себя; она глупее киклопа, если такое возможно».)

— Я расскажу тебе одну историю,— сказала Волумна, и голос ее прозвучал, как ветер, зашуршавший в сухих листьях.

— Правдивую? — спросил Асканий.

— О да.

— Отец, я не доверяю ей. Она, наверное, пытается задержать нас, пока не подойдут ее подруги.

— Клянусь грудью Румины, что я пришла одна, и никто не шел за мной следом.

— Рассказывай свою историю,— сказал Эней.

— В давние времена мой народ счастливо и безбоязненно бродил по этим лесам, смешиваясь с племенами фавнов. Золотой век ушел с нашей земли вместе с Сатурном, и серебряный век опустился на нас [34], будто вечерний туман. Но серебро тоже прекрасно. Тогда фавны еще не превратились в таких грубых и бесстыжих существ, как сейчас. Да, бездельники, но веселые, а если хотели, то нежные и ласковые. Они были единственными мужчинами в этих краях, кентавры еще не вернулись из своего путешествия на Восток, и мы, хоть и не выходили за них замуж, но брали в любовники. Я была еще

совсем маленькой и не знала о таких вещах, как похоть и деторождение. Единственной известной мне опасностью была молния.

Тогда львы еще не пришли сюда. Волки и медведи всегда водились в нашем лесу, но мы с ними жили в мире и никогда на них не охотились. У нас не было ни дротиков, ни ядов. Мы ловили в сети мелкую дичь, выращивали в садах овощи, а когда пищи становилось мало, засыпали Белым Сном.

Однажды ночью мы собрались среди наших деревьев на праздник в честь Румины и Румина. Была весна, и в воздухе растекался запах клевера и бергамота. Мы танцевали танец Пробуждающейся Весны, и плач флейты заглушал все остальные звуки. Неожиданно они оказались среди нас — величественные существа с кожей песочного цвета и благородными гривами — львы. Мы никогда не видели их раньше. Спустились ли они с луны, чтобы присоединиться к нашему празднеству? Или поднялись из царства Прозерпины? Мы готовы были разделить с ними наше угощение — вино и сыры.

Но они пришли за другим угощением. Моя мать и я стояли рядом со своим деревом. Один из них сбил ее с ног, и она упала на землю. Она была очень сильной и к тому же боялась за меня. Используя свою флейту вместо кинжала, она всадила ее льву в горло. Он взревел от боли и убежал, а мы спрятались за дубовой дверью. Другим дриадам меньше, а может быть, больше повезло. Ни одна из них не спаслась. Даже моя мать, разбившая спину во время падения, прожила всего год. Вместе с ней мы ходили к фавнам (они защищались от львов при помощи частоколов и пращи) и выменивали драгоценные камни на пищу. Мать научила меня ткать, читать свитки и чувствовать запах льва за сотню ярдов. А затем она умерла и оставила меня, все еще девочку, в бесконечном одиночестве — единственную дриаду и единственную женщину в Вечном Лесу. Я хотела умереть. Я подумывала о том, чтобы убить свое дерево. Но фавны, казалось, пожалели меня. Они продолжали приносить мне пищу. У меня был друг по имени Космач. Ему было около трех лет. Если перевести это на ваш или на мой возраст, то восемнадцать. Фавны стареют не так, как мы с вами, а как козлы, на которых они похожи. Он научил меня многому, чего не знала моя мать,— как извлекать яд из пауков и вооружаться дротиками или булавками.

— Космач, ты такой хороший друг,— сказала я однажды,— чем я могу отплатить за твою доброту? Соткать туни-

ку? Но ты никогда их не носишь. Или сделать серебряные наконечники для рогов?

Он засмеялся:

— Скоро узнаешь, малышка, подожди.

Прошел еще год. Мне исполнилось тринадцать.

— Теперь ты можешь мне отплатить,— сказал он.— Жди меня в Священном Дубе Бога, которого вы называете Румин, а мы зовем Фавном. Закрой за собой дверь, чтобы туда не забрались львы.

Я ждала в темноте, сидя на листьях. Он пришел через подземный ход.

— Космач,— воскликнула я,— мне было так страшно без тебя. Я думала о львах и пауках, и мне хотелось открыть дверь и выбежать на солнце!

— Не бойся,— сказал он.

Он рассмеялся и взял меня прямо на листьях. Он был очень сильный, и от его мускусного запаха у меня закружилась голова. Я сопротивлялась. Руки мои были в синяках и ссадинах. Но тщетно. Он взял меня без единого поцелуя.

— Вот теперь ты отплатила мне,— сказал он.— А скоро увидишь, какой я тебе оставил подарок.

Через некоторое время у меня появился ребенок — дочь. Я решила убить ее. Но Богиня пришла ко мне во сне и сказала: «Разве ты хочешь уничтожить свой род? Твоя дочь должна родить ребенка. Презирай фавнов, но используй их для своих целей, как они использовали тебя».

Я сама отвела дочь в Дерево и дала ей маковый настой, чтобы притупились чувства.

— К тебе придет Бог,— солгала ей я.

Мне не хотелось, чтобы она знала правду. Ты можешь это понять, Эней, убийца? Никто из нашего племени не знает правды.

— Было бы лучше,— сказал Эней,— если бы они узнали ее и сами смогли выбирать.

— Кого можно выбирать среди фавнов? Они все одинаковые. Похотливые животные, которые ходят, как человек.

Эней ласково коснулся ее плеча:

— Существует не только похоть, но и любовь. Некоторым из моих людей нужны жены.

— Я лучше отдамся фавну...

Асканий сидел вместе с отцом и троянцами. Костер освещал прижавшихся друг к другу бородатого Ниса и безбородого Эвриала, не обращавших никакого внимания на женщин, с томлением поглядывавших на них. В тридцать пять женщины выглядели на шестьдесят, потому что не могли забыть деревянного коня, колонн, похожих на огненных драконов, убитого царя и уведенную в рабство царицу[35]. Мужчины постарше с легкостью сошли бы за пиратов — кожа у них потемнела и растрескалась, как старая парусина, но их отличало особое сияние глаз, позаимствованное у Энея за пятнадцать лет совместных странствий.

Повеса кружился вокруг костра, его раздвоенные копыта были изящны, как ноги танцующей девушки, а соловьиная флейта пела нежную, тонкую мелодию. Неожиданно он остановился перед Энеем:

— Мой царь!

— Что, Повеса?

— Спой для нас. В твоей груди песня. Нельзя прятать ее.

Асканий живо поддержал просьбу Повесы. Он тоже видел песню, и ему очень хотелось присоединиться к той мелодии, к которой его сегодня не допустили.

— Да, отец. Ты не пел с тех пор, как мы приплыли в эту страну. Знаешь, я настроил твою лиру. Эней улыбнулся и покачал головой:

— Это очень личная песня.

— Она о любви? — спросил Эвриал.

— Да.

Эвриал и Нис посмотрели друг на друга и в один голос сказали:

— Спой нам.

Эней поднялся и взял из рук Аскания лиру. Он начал играть, так легко пощипывая струны, что они оставались почти неподвижными. Казалось, он освобождает заключенную в них мелодию, а не заставляет их исполнять свою. Затем он запел, и люди смотрели на него с таким восхищением, как можно смотреть лишь на бога, и верили ему, сыну Афродиты, но они восхищались бы им не меньше, будь он сыном простой кухарки. Асканий любил Энея и тоже восхищался им, но так, как может восхищаться лишь близкий человек: он видит в нем сначала друга, а затем отца; отца — и лишь затем бога; такую любовь не часто знают и редко понимают молодые люди.

Гранат кровавый, алый альмандин,
Агаты, сердолик и хризопраз,
И малахит, и дымчатый топаз,
И серпентин
Она носила[36].
Красных, как заря,
Птиц из порфира — волосы скрепить.
И грелась у нее на шее нить
Медовоцветных бусин янтаря.
Нарциссы, маки, ирисы, акант[37]
И гиацинтов пурпур или синь,
Медвяный клевер, водосбор, полынь
И амарант[38]
Она растила.
Розы пышный цвет,
Лаванду, мяту — чтоб свои покои
Наполнить ароматом. И левкои,
И хрис — медово-желтый златоцвет.

Все молчали. Что могли сказать смертные о песне бога? Закаленные в боях воины, не скрывая своих слез, плакали, стоя рядом с кипами корабельных парусов. Тень былой красоты промелькнула по изможденным лицам женщин, когда-то знавших не такие залы и иные цветы.

Но Эней не грустил. Он спел хвалебную песнь, а не плач. Она была о настоящем, а не об ушедшем. На лице его блуждала спокойная улыбка, он больше не нуждался в воспоминаниях.

Будто вызванный песней дух, Меллония вышла из леса и ступила в освещенный огнем круг.

Эней подошел к ней и, взяв за руку, подвел к своим друзьям. Она пошла за ним без стеснения и стала слушать, что он говорит:

— Пятнадцать лет вы следовали за мной; некоторые из ваших друзей погибли за меня, и впереди нас ждет еще немало испытаний. Но я прошу, чтобы вы, мои друзья, стали друзьями Меллонии, моей любимой и моей невесты.

Люди поднялись со своих мест и стоя приветствовали Меллонию. Она прошла среди них, оставляя за собой аромат коры и бергамота. Даже на лице Повесы ненадолго появилось благородное выражение. Один из двух неразлучных друзей, Эвриал, сказал:

— Повелительница пчел, любимая человеком, которого мы любим почти как друг друга, Нис и я вверяем тебе наши жизни.

Старуха, морщинистая, как высушенный на солнце кирпич — бывшая служанка царицы Гекубы,— проговорила:

— Троя обрела вторую царицу.

— Мне кажется,— ответила им Меллония,— самое прекрасное в этом лесу, в мире, по которому вы странствовали, а также за его пределами, это то, что мужчина и женщина или два друга могут соединиться и телами и душой, будто обратившись в пламя на жертвеннике Богини.— А затем, повернувшись к Энею: — Любимый, нам надо поговорить.

Асканий хотел отойти от них, ведь он в конце концов был отдельным пламенем, но Меллония позвала его:

— Ты тоже должен пойти с нами, Феникс.

Они дошли до устья Тибра, где он, расширяясь, впадал в море. Дельф медленно описывал в воде круги, наблюдая, не появятся ли акулы или карфагенские галеры.

— Здесь нет акул, Дельф,— обратилась к нему Меллония. Услышав ее голос, он перестал кружить и заснул своим прерывистым сном.

— Мне холодно,— сказал Асканий. Хотя ночь была теплой, костры были разложены лишь для того, чтобы отпугнуть львов и запечь в глиняных очагах рыбу.— Я принесу плащ.

Но Эней усадил их обоих рядом с собой на траву.

— Мы с Асканием построим наш город не на самом берегу, а поглубже. Чтобы до твоего дерева было так же близко, как до этих кораблей. Выйдя из него, ты сразу сможешь прийти ко мне. Волумна не посмеет остановить тебя.

Меллония посмотрела на посеребренную луной поверхность Тибра и на Дельфа, спящего всегда настороженным сном.

— Правда, Меллония?

— Да, Зимородок.— Асканий поднялся на ноги.

— Луна составит вам компанию.

— Пожалуйста, Феникс,— сказала Меллония,— останься с нами.

Ее лицо выражало настойчивую просьбу. Если эта гарпия, Волумна, посмела угрожать его отцу...

— Феникс, ты мне сначала не понравился.

Он почувствовал облегчение, будто кто-то коснулся его щеки холодной ладонью. Наверное, ее тревожило желание излить душу.

— Я знаю, Меллония. Мы очень разные — ты и я. Я не такой, как отец. Он бог, а я — пират.

— Мы похожи больше, чем тебе кажется,— сказала она.— Ты действительно напугал меня сначала, но не поэтому я так к тебе относилась. Я ревновала. Любовь отца к тебе столь велика, что казалось, для меня не останется места. Знаешь, Феникс, я полюбила его сразу же, как только он обернулся ко мне, купаясь в Тибре.

Она говорила о нем так, будто он был в Карфагене или Трое, а не сидел рядом с ней, все больше удивляясь и получая удовольствие от каждого ее слова.

— О, он увидел меня не сразу. Я хорошо спряталась среди деревьев. Но я полюбила его молодость. И его старость. Его веселье. И его грусть. И еще я ревновала. Теперь я люблю тебя как его сына и как своего друга. Ничего, что я сначала ревновала, Феникс? Я столько испытала за такое короткое время! Как цветок, который в один день ощутил и дождь, и ветер, и снег, и солнце, а еще бабочку, шмеля и мотылька.

— Все верно, Меллония. Ты не понравилась мне, вероятно, по той же причине, хоть я и утверждал, что просто не доверяю тебе.

— Это в прошлом,— воскликнул Эней,— а сейчас ночь!

Он вскочил на ноги и, потянув за собой, поднял их с земли, обхватил руками и стал кружить под звуки флейты, пока они, смеясь и задыхаясь, не прижались к нему, ища опоры, а он, как мощная колонна, казалось, мог выдержать и топор, и огонь.

— Я люблю вас, я люблю вас, я люблю вас,— смеялся он.— Моего сына и мою невесту. И никто — ни гарпии, ни воины, ни королевы дриад — не сможет нас разлучить.

— Ты забыл о времени,— сказала Меллония.

— Я бросаю ему вызов!

— И все же мне пора идти.— Он посмотрел на нее с тревогой:

— Идти?

Она натянуто улыбнулась. Она не умела лгать, и ей не удалось обмануть Аскания. Если она и обманула отца, то только потому, что опьянила его своим приходом.

— Лишь на ночь, мой любимый.

— Я думал, ты проведешь эту ночь со мной.

— Я тоскую по своему дереву. Завтра, когда я отдохну и наберусь у него сил...

— В лесу львы. Мы с Фениксом проводим тебя.

— Нет, одна я в большей безопасности. От меня пахнет дубовой корой, а от вас — свежим мясом. Феникс проводит меня до леса. Мне нужно ему кое-что сказать.

— То, что не должен знать я?

— Да, потому что я люблю тебя.— Она взяла Аскания за руку и потащила против его воли за собой:

— Он скоро вернется к тебе.

Асканий заметил на лице отца некоторое замешательство и в то же время бесконечную радость. Мальчишеское лицо, освещенное оранжевой луной. Его коснулись сомнения и грусть зрелости, но оно по-прежнему осталось мальчишеским и выражало неиссякаемую способность верить: ночь исцеляет, солнце возрождает и несет надежду.

— Я не вернусь,— сказала она Асканию, когда они отошли настолько, что Эней не мог ничего услышать. Их скрывали от лагеря стройные вязы, похожие на танцующих в лучах света дриад.— Я не могу вернуться. Волумна пригрозила сжечь мое дерево.

— Убить тебя! — воскликнул Асканий.

— Да. Она подошла к моему дому со своими подругами и позвала меня: «Принеси свой ткацкий станок, Меллония». А затем заставила смотреть, как они обкладывают мой дуб хворостом. «Стоит мне только высечь огонь, и дерево превратится в огненный столб».

— Ты можешь найти себе другое дерево?

— Нет. Дерево, в котором я родилась, умрет вместе со мной, или я умру вместе с ним. Но Волумна дала мне обещание.

— Какое, Меллония?

— Не высекать огонь, если я тоже дам ей обещание. Покинуть Энея. И никогда больше с ним не видеться.

— Ты обязательно будешь встречаться с ним,— уверенно произнес Асканий, нащупывая кинжал и ощущая себя воином и сыном.— Мы захватим рощу и спасем твое дерево. Мы даже можем сделать тебя королевой!

— Кто-нибудь из ваших людей обязательно погибнет. У нас ведь есть яды. И мы знаем всякие хитрые уловки. А дриады скорее умрут, чем отдадут свои деревья. Да, наверное, вы захватите рощу. Фавны, без сомнения, помогут вам. Они никогда не любили нас, разве только когда мы спим. Но жить мне придется среди мертвых. Неужели ты думаешь, Феникс, что я дам согласие на гибель своего племени? Если бы у меня была такая же, как у вас, красная кровь, я ушла

бы отсюда с радостью. Но я никогда не смогу приговорить к смерти других дриад.

— Они не заслуживают ничего лучшего.

— Ты их не знаешь. Некоторые — мои подруги. Они мне дороже Скакуна и ни в чем не повинны. Ты и их хочешь убить?

Да, он хотел их убить! Ему казалось, что существует два типа дриад — Меллония и Волумна, а так называемые подруги Меллонии — такие же, как их королева, иначе почему они позволяют ей править? Но он знал, что в этом и заключается его слабость: мгновенный гнев, скорый суд и неспособность отделить янтарь от водорослей.

— Ты хочешь этого?

— Нет,— ответил он не очень уверенно.

— Скажи отцу, скажи, что... О, Феникс, он так любит красивые слова, а мне ничего не приходит на ум. Я счастлива, что он привел свои корабли в нашу страну и пришел ко мне в Священный Дуб. Он говорил о проклятии. Он боялся, что причинит мне боль. Да, так и вышло. Но я не жалею. Ты когда-нибудь видел крупные, шелковистые лилии, которые кентавры выращивают в своих садах? Они заботливо ухаживают за ними, поливают, прикрывают мхом во время бури. Лилии довольно красивы, изящны, как гиацинты, но в них нет настоящего чувства. Срежь один цветок, и что подумает тот, что растет с ним рядом? Хорошо, что не меня.

Я тоже причинила боль твоему отцу. Его мучили старые раны. Может, со временем воспоминания обо мне станут для него не раной, а целительной мазью из базилика и шандры [39], которая сначала обжигает, но затем снимает боль.

Она обняла Аскания и поцеловала его в щеку. Они стояли, обнявшись, соединенные чистой любовью к одному человеку. Хотя, не будь Энея, они могли бы полюбить друг друга.

— Насколько приятнее целовать мужчину, чем женщину. Особенно своего пасынка. А теперь иди к отцу. И не давай ему горевать обо мне. Обними его, будто маленького ребенка. Ты знаешь, как это сделать. Скажи, что его горе очень меня расстроит. Я не такая, как эти изнеженные лилии. Больше не такая. И ни за что не позволяй ему идти за мной. Волумна сама отпустила меня отсюда. Она будет его поджидать.

Сладкими были ростки любви, пробивающиеся в душе Аскания, и горькой, как аконит, мысль о том, как велика утрата Меллонии. У отца оставалась мечта о второй Трое, а у нее?..

— Где Бонус Эвентус?

— Наверное, спит в каком-нибудь цветке. Он разбудит меня утром.

— Ты говорила, он умрет осенью. Тебе не будет одиноко без него, без Скакуна... без моего отца?

— И без тебя, Феникс. Белый Сон немного смягчит боль утрат. И потом, я умею ждать. А сейчас иди к отцу. *И не выпускай его из лагеря.*

— Сегодня я ему ничего не скажу. А завтра добавлю в его вино дурман. А если нужно, сяду на него верхом, возьму дубинку и не слезу, пока он не поймет!

Она окликнула его:

— Я рожу ему сына.

— Ты не можешь этого знать, еще слишком рано.

— Мне сказала Богиня.

В первый раз он поверил в ее богиню. Может, Румина — еще одно имя Афродиты?

— Феникс!

Он остановился у края рощи:

— Что, Повелительница пчел?

— Я буду жить очень долго. Когда ты превратишься в старика, а твой отец уже умрет, я все еще буду такой же, как сейчас. Город, который он собирается построить, не станет тем самым городом — второй Троей, предопределенной богами. Но со временем такой город появится, и, мне кажется, я увижу, как он будет строиться. Кто знает, может быть, мне доведется освятить землю или заложить первый камень! Я буду внимательно следить за твоими прапраправнуками и могу тебе сказать, что им не придется бояться леса — ни львов, ни мстительных королев.

А затем она произнесла последнюю загадочную фразу:

— Я знаю, что сказать твоему отцу.

— Что, Меллония?

— Любовь — это мотылек.

ЧАСТЬ II

Глава I

Он не тронет тебя,— рассмеялась его мать. Она смеялась редко, и смех ее казался Кукушонку таким же нежным, как звон раскачивающихся на ветру колокольчиков. Но даже этот смех не придал Кукушонку смелости. Сидя на стуле в своей комнате с огромным количеством окон, она выдавливала из челюстей большого мохнатого паука яд, необходимый для оружия дриад — булавок, которые они втыкали в волосы, и дротиков[40], которые они держали в мешочках, прикрепленных к поясу.

Тетушка Сегета, сидящая рядом с матерью, улыбалась своей отчужденной улыбкой, и голос ее звучал будто бы издалека, как если бы она находилась в соседнем дереве; Кукушонок любил ее, но ему всегда казалось, что на самом деле ее нет в комнате. Говорят, души спящих покидают ночью свои тела и бродят по пустынной земле Ночных Кошмаров или по Элизиуму Сновидений. Кукушонок думал, что лишь малая часть души Сегеты возвращается утром в ее тело, а остальная душа остается в том счастливом месте, где у дриад есть мужья, а у детей — отцы.

— Кукушонок больше мужчина, чем дриада,— сказала Сегета,— поэтому он не любит пауков.

Она была одной из тех немногих дриад, которые произносили слово «мужчина» без содрогания.

— Паук знает это,— сказал Кукушонок,— и с удовольствием укусил бы меня.

По своей природе пауки были довольно миролюбивые, хоть и ядовитые существа, но еще в давние времена дриады

приучили их кусать мужчин и защищать женщин. Ничто не могло сравниться с их умением наскакивать на движущийся предмет — то есть на мужчину. Яд их был смертельным и действовал быстро.

— Мальчик должен быть похожим на отца,— сказала Меллония,— и вырасти настоящим мужчиной, но я, к сожалению, не могу научить его тому, чему научил бы его отец.

Она никогда не называла имени отца; Кукушонок знал только, что он троянец, воин, поэт и отличается величием и благородством, делающим его похожим на бога.

— Даже если отец был троянцем? Из-за таких вот высказываний ты и стала изгнанницей в своем собственном племени. Если бы ты признала свою вину, Волумна простила бы тебя. Ты ведь знаешь, как она любит, когда раскаиваются. Но, похоже, ты даже гордишься своим злосчастным романом. Волумна же сердится, даже когда я тебя просто навещаю, хоть ты и моя племянница.

— Я хочу уйти,— неожиданно заявил Кукушонок.

— Я уже кончила,— ответила мать,— яда достаточно, даже лев от него свалится замертво. Сегета отнесет паука обратно к его друзьям в пещеру под деревом Волумны. («Они шевелятся в основном ночью,— часто говорила Волумна.— Их шуршание помогает мне заснуть. Иногда я оставляю их у себя в комнате»)

Меллония опустила паука на пол, и Сегета несколько раз тихо свистнула. Не спуская глаз с Кукушонка, он боком пополз через комнату. Сегета быстро взяла его в руку.

— Дело не в пауке,— сказал Кукушонок,— я просто... я хочу уйти.

Он не мог признаться, что его одиннадцатилетнее сердце буквально разрывается от того, что его мать — изгнанница. Волумна не держала ее взаперти в дереве, но когда Меллония выходила, никто не шел с ней рядом, кроме Сегеты и Кукушонка. Во время советов она всегда сидела одна на самом верхнем ряду, а Кукушонок, такой же одинокий, как и мать, сидел с детьми — один мальчик среди тридцати девочек. Нельзя сказать, что племя не любило Меллонию. Произнесенное шепотом приветствие, улыбка, подаренные плоды граната — все это свидетельствовало о том, что подруги детства не забыли и не осудили ее. Но Волумна часто повторяла, что с той, которая будет дружить с Меллонией, произойдет то же, что и с ней,— она потеряет честь и доброе имя. Гнев Волумны

да и просто ее неодобрение делали невозможной открытую дружбу с Меллонией. Королева дриад не имела права казнить своих подданных ни за какие грехи, даже за любовь к мужчине, но могла надолго или даже навсегда заточить их в дереве. Иногда она похвалялась своей чрезмерной снисходительностью по отношению к Меллонии, говоря, что делает это ради ее покойной матери, своей «дорогой подруги».

— Хорошо, Кукушонок. А я займусь твоей новой туникой. Сегета принесла мне пряжу от кентавров.

Он поцеловал мать в щеку и она, быстро и крепко обняв, подтолкнула его к двери.

— Принеси мне бузины,— крикнула она ему вслед.

— Я найду что-нибудь поинтересней.

— Что?

— Моего отца.

— Амазонка! — крикнул фавн, опустив голову и приготовясь бодаться, но когда камень, пущенный Кукушонком из пращи, ударившись о его рога, отлетел в сторону, он передумал и скрылся в зарослях вязов. Кукушонок, четырех футов роста, держал оборону, как кентавр, и расслабился только тогда, когда стук копыт его обидчика полностью слился с песней дрозда и шорохом листвы — негромкой непрекращающейся музыкой леса, затихающей лишь ночью или при появлении льва. Когда он был маленьким, фавны звали его девчонкой из-за гладкой кожи и чистоплотности. Теперь, когда он вырос, но, в отличие от фавнов, лицо и тело его по-прежнему были без шерсти, они придумали новое, более обидное, по их мнению, прозвище. Хотя фавны и амазонки иногда занимались любовью, но всегда недолюбливали друг друга. (Настоящее его имя — Зимородок — знала только мать. «Это тайное имя твоего отца. Он был великим воином — самым великим. Но дриады ненавидели его. Лучше не произносить это имя вслух, если мы не одни».) Все остальные звали его Кукушонком. Им казалось, что он так же уродлив, как эта птица, кроме всего прочего откладывающая яйца в чужое гнездо, а этот Кукушонок родился явно не там, где надо.

Он вздохнул и опустил пращу. Несколько камней выпало из мешочка, прикрепленного к поясу туники. Он не стал поднимать их. Из скрытых вязами дубов доносились звуки работающих ткацких станков и пение дриад. Он услышал

голос матери, самый нежный из всех, и с новыми силами отправился выполнять задуманное.

— Лес — твой друг,— часто повторяла она, но он вовсе не чувствовал дружеского отношения к себе всех этих дубов, вязов и лавров. Не то чтобы он боялся. Когда в течение одиннадцати лет тебя бодают фавны и обходят стороной дриады, уже ничего не боишься. Просто деревья не дружили с ним, как дружили с его матерью. Это были обычные деревья — одни красивые, другие корявые и страшные, но ни они, ни цветы, ни травы никогда не разговаривали с Кукушонком. Он любил животных. Старого седого медведя, иногда подходившего к ульям дриад, чтобы украсть немного меда. (Рассерженные хозяйки обычно закидывали его камнями, и Кукушонок приносил ему мед в берлогу, положив его в чашу, которую сам сделал из листьев лилии.) Дельфина Дельфа, такого же старого, как и медведь, покрытого шрамами от трезубца тритона, порой заплывавшего в Тибр. И даже беззубого льва, жившего в той части леса, которая называлась рощей Сатурна.

Молодая дриада показалась среди вязов. Она двигалась так медленно и неторопливо, что создавалось впечатление, будто она не вышла из-за стройных деревьев с зелеными в белую крапинку листьями, а выросла прямо из ствола. Ее звали Помона, в честь богини плодов, и она напоминала Кукушонку смоковницу, покрытую зрелыми и сочными плодами. Но это было дерево, в котором гнездятся осы. Помона была младшей дочерью Волумны. Она всегда говорила правду, даже ту, которая причиняет боль, а иногда говорила ее именно поэтому, и замечала в первую очередь пауков, а не мотыльков.

— Дорогой, я все видела,— заявила она,— и очень горжусь тобой.

Кукушонок приготовился выслушать оскорбление, которое непременно следовало у нее за похвалой.

— Эти бесстыжие фавны! Лучше бы они сидели в своих грязных домишках и не пачкали весь лес. До сих пор в воздухе пахнет рыбой.

(А вдруг, обратив гнев на фавнов, она оставит его в покое?)

— Может, я и похож на амазонку,— сказал Кукушонок,— но говорить это Драчуну все равно не позволю.

— Дело не в том, похож ты на амазонку или нет, хотя, конечно, похож — такой же долговязый, а в том, что ты уродлив. И все же Драчуну не стоило напоминать тебе об этом.

— Да. Иногда я смотрюсь в ручей и вижу, что я действительно невесть что. По половинке от каждого из родителей. Волосы ни зеленые, как у матери, ни темные, как у фавна.

— Желтые,— содрогнулась от отвращения Помона,— и еще серебром отливают. Ни у кого нет такого цвета. Ты обязательно должен носить этот дурацкий амулет? Никогда не видела такой птицы.

— Это зимородок. Морская птица.— Амулет дала ему мать.

— *Морская?* Как я не догадалась! Ведь твой отец приплыл по морю. Наверное, пират.

— У меня же острые уши.

— Да, но кончики все-таки круглые. И слух не такой острый, как у нас. И потом, ты слишком большой и неуклюжий. Хоть ты и носишь тунику, но все равно кажешься голым, потому что видны ноги, а ты почти весь состоишь из ног. Ты на целых две ладони выше меня, а я как раз такого роста, какого и должна быть дриада в моем возрасте. Так говорит мама.

— Я знаю язык пчел. Лучше, чем ты.

— Зато ты не слышишь, что говорят цветы, топчешь маргаритку и не замечаешь, что она плачет.

Помона была права. Часто, не замечая этого, он наступал на маргаритки, будто они были такими же бесчувственными, как нарциссы, пока одна из дриад не напомнила ему о разнице, существующей между ними, положив охапку сломанных цветов у входа в дерево его матери.

— Скоро ты станешь таким большим, что не будешь помещаться в материнском доме. Тогда тебе придется уйти из племени.

— Но без моего дерева...

— Ведь твой отец был пиратом, верно? Значит, и ты сможешь жить на корабле. А вдруг у тебя и под ногами, и над головой окажется древесина одного и того же дерева, хоть и не твоего.

Вероятно, она права. Наверное, он сможет жить без своего дерева. Но в тот раз, когда он убежал на берег моря, чтобы поискать пиратский корабль, он чуть не умер.

— Во всяком случае,— добавила она,— это будет для нас не большая потеря.

— Чтоб Сильван взял тебя! — огрызнулся Кукушонок и пошагал в лес. Он не понимал смысла этого ругательства, но знал, что оно грубое, так как научился ему у фавнов, и знал также, что слово «взял» означает не только «схватил». По-

мона оставалась невозмутимой. Она устроила себе из мха уютное гнездышко и, не обращая никакого внимания на то, что ломает маргаритки, улеглась в него погреться на солнце, крикнув вслед Кукушонку своим ласковым, но довольно резким голосом:

— Жонкилии[41] — желтые. Пыльца — желтая. Но чтобы волосы! Это уже ни на что не похоже. Как бесхвостый тритон. Наверное, твоим отцом был Сильван, а не тот пират, о котором рассказывает твоя мать.

Его мать никому не говорила о пирате, кроме Кукушонка. О нем рассказала всем Волумна. Именно она сообщила племени, что Меллония, не сумев родить ребенка после посещения Священного Дерева, отдалась одному из троянских изгнанников, тех самых, которые позже, объединившись с королем Латином, разгромили вольсков и рутулов[42] и построили на севере город Лавиний. Во главе их стоит человек по имени Эней.

Кукушонок не стал понапрасну тратить время на оплакивание своей несчастной судьбы. Почти каждый день его либо бодали, либо обижали, и он приучил себя к тому, что, несмотря на оскорбления, нужно заниматься своим делом — тренироваться в обращении с пращой, сажать косточки граната в саду около материнского дерева. А сейчас он должен набрать ягод бузины. Мать клала ее в пироги. Он знал, что она растет у небольшой речки Нумиции...

... Сначала он решил, что мужчина, лежа на животе, пьет из реки. Кукушонок никогда раньше не видел настоящего воина, но мать часто рассказывала о героях в сверкающих доспехах, а Помона говорила, что они «убийцы и насильники, способные перехитрить даже фавнов».

Любопытство стало жалить Кукушонка, как рой пчел. Но затем он понял, что мужчина мертв. Эта мысль вызвала у него вспышку беспричинного гнева и одновременно беспричинного горя. Найти воина и убедиться, что он мертв! Кукушонок умел справляться с гневом — сердце начинало биться сильнее, и он ощущал прилив сил. От горя же, наоборот, холод и оцепенение растекались по всему телу. И еще видения... В палатке сидит женщина и плачет, рядом с ней ее сын. Кукушонок напомнил себе, что это всего лишь плод его фантазии. И все же ему было жаль их, невыносимо жаль, ведь воин никогда не вернется в их дом.

Он ухватил утопленника за ноги, вытащил на берег и перевернул на спину. Шлем с мокрыми, но по-прежнему величественно возвышающимися перьями скрывал лицо. Виднелись только закрытые глаза. Будто лицо заключено в темницу. Шлем был сделан из бронзы, а щеки защищали прикрепленные к нему кусочки кожи. Когда Кукушонок попытался снять с головы шлем, один из них упал на землю, и стала видна гладкая кожа щеки. Когда же открылось все лицо, у Кукушонка перехватило дыхание.

Мужчина был очень бледен. Наверное, он умер от потери крови — в боку виднелась рана (след кинжала, решил Кукушонок, для копья она слишком маленькая и чистая, но глубокая, очень глубокая). Если бы не полная неподвижность, мужчина казался бы просто спящим. Волосы его были седыми, будто голову его покрывал снег, как во время Белого Сна. Но по лицу невозможно было понять, молод он или стар,— оно не имело возраста. Дриадам он не показался бы красивым, разве что его матери. Они считали, что не существует красивых мужчин, и не делали изображений своего Бога. Но Кукушонок понял, каким бы он хотел стать (будто уродливый мальчик с желтыми волосами мог превратиться в великого воина!).

Он долго смотрел на это лицо и думал, что же делать с воином. Если оставить его у реки, дриады привяжут к телу камни и сбросят в воду, или фавны украдут доспехи, или растерзает лев. Надо выкопать могилу. Но у него нет лопаты. Лопаты есть у кентавров. Они хоть и посматривали на него свысока, но относились неплохо. Кентавры живут на другом конце леса, а времени нет. Придется рыть руками.

Земля у реки была довольно мягкой. В сезон дождей в Апеннинах река выходила из берегов, и плодородная почва покрывалась ковром из травы и клевера. Кукушонок встал на колени и начал яростно рыть землю, подцепляя палкой попадающиеся время от времени камни. Когда работа была закончена, он был почти без сил. Ободранные руки кровоточили. Кукушонок растянулся на земле и лежал так, пока вдруг не понял, что отдыхает не потому, что устал, а потому, что не хочет отдавать тело воина червям, а душу его — Гадесу. Может, лучше погребальный костер. Ахилл... Гектор». Мать рассказывала ему об этих героях и о том, как быстрый огонь уберег их тела от медленного пожирания землей. Нет, огонь может привлечь врагов. Он снял свой амулет — халцедонового зимородка — и надел на шею воина. Пусть это будет

даром Харону. Кукушонок знал, что халцедон не столь ценен, как янтарь или сердолик, но он любил свой амулет, и, может быть, мрачный перевозчик Харон оценит его не в деньгах, а по тому, как он был дорог дарящему.

Кукушонку очень хотелось взять себе шлем. Но друзья воина могут отправиться на его поиски. Нужно оставить шлем на берегу, чтобы они нашли его могилу и увидели, что он погребен по всем правилам. А может, они принесут шлем в палатку, где жена и сын горюют о нем. (Эти страшные фантазии кажутся такими реальными!) Конечно, шлем могут украсть и фавны; одного прогнать не трудно — просто метнуть в него камень, но с целой компанией ему не справиться. Он побудет здесь до наступления темноты, вдруг все-таки придут друзья воина.

Кукушонок стал перекатывать тяжелое от доспехов тело к могиле. На какое-то мгновение глаза воина открылись, и он будто посмотрел на мальчика. Голубые глаза. Как перо зимородка. Но они открылись всего лишь от сотрясения тела, и как только оно легло на спину в узкую могилу, веки сами сомкнулись, будто в тяжелом сне. Кукушонок стал собирать фиалки. Его мать любила эти цветы — она положила их в могилу, когда хоронила любимого трутня Кукушонка, убитого прошлой осенью рабочими пчелами; и сейчас Кукушонок осыпал ими тело, а сверху забросал свежей землей. Он не знал, какие молитвы надо читать над умершими, и произнес только: «Мать Земля, прими его». Затем он незаметно скрылся в роще и там по скользкому стволу забрался на вяз. Устроившись в его кроне, он стал ждать.

Солнце огромным бронзовым диском стояло высоко в небесах, когда Кукушонок заступил на свой пост. Солнце пряталось в верхушках деревьев, когда он услышал, а затем увидел мужчину, идущего по берегу реки. Большого мужчину. Без доспехов. В одной лишь набедренной повязке и сандалиях. Сбоку у него висел кинжал. А лицо — он не знал, с чем сравнить голубизну его глаз, сияющее золото его волос, которые, казалось, были незнакомы с гребнем. Кукушонок сразу подумал о фениксе. Однажды ему довелось увидеть эту птицу на другом берегу Тибра. Она поднялась с земли, как пламя, оставив после себя лишь золотое перо и боль в сердце мальчика — ведь *его* собственные золотые волосы были такими уродливыми, все говорили ему об этом, но он, в отличие от птицы, не мог оторваться от земли и леса.

Кто был этот мужчина — друг или враг? Он шел будто во сне, как дриада, только что покинувшая Священное Дерево, но не скользил по земле, а ступал гордо, по-военному чеканя шаг. Он чуть не споткнулся о шлем. Поднял его, стер грязь и надел на голову, а затем, быстро сняв, упал на колени на мягкую землю могилы. Может, он собирается выкопать тело? Что, если он — враг, ищущий, чем поживиться? Забрав шлем, он захотел получить и доспехи? Кукушонок вложил в пращу камень.

Он никогда не слышал, как плачут мужчины. Он слышал плач дриады, когда ее подругу убил лев. Тонкие, высокие причитания. Он слышал, как всхлипывает его мать, думая, что он уже заснул в своей кровати из львиной шкуры в их маленьком, похожем на улей домике высоко в ветвях. Но рыдания мужчины — *этого* мужчины — вырывались из груди, как бурлящая вода, прорвавшая земляные плотины, построенные бобрами. Так мог плакать только тот, кто не плакал, наверное, с самого детства. Конечно, воины не должны себе этого позволять! И все же его мать говорила: «Настоящий мужчина не стыдится проявлять чувства. Ахилл оплакивал своего друга Патрокла. Твой отец и его первый сын — твой брат — не стесняясь, обнимали друг друга в присутствии воинов. Настоящая мужественность не боится, что ее примут за женственность».

Плотина рухнула, поток унесся, и все стихло. Упав ничком в траву, мужчина тихо лежал рядом со своим безмолвным другом. Кукушонок слез с дерева и пошел к нему. Он даже не подумал, что это надо сделать тихо и незаметно. Под его ногами громко хрустели листья, но мужчина не слышал его шагов. Он заметил его, только когда мальчик встал рядом с ним на колени и дотронулся до его плеча. Мужчина дернулся, будто от прикосновения раскаленного клейма — кошмарного бронзового приспособления, которым метят рабов,— и вскочил на ноги, глядя на все еще стоявшего на коленях мальчика, как рассерженный киклоп. Кукушонок смотрел на него снизу вверх и почему-то не испытывал страха.

— Я похоронил твоего друга,— сказал он,— ты, наверное, не будешь сердиться. Я не хотел, чтобы его съели львы. Понимаешь, это их любимое лакомство.

Гнев сменился на лице мужчины удивлением. Голубые глаза широко раскрылись, в них была боль. Наконец он заговорил, и его голос зазвучал, как низкая, чуть резкова-

ая музыка. Это было так не похоже на сдержанную, размеренную речь кентавров или на гортанное бормотанье фавнов.

— Ты правильно сделал, что похоронил его.

— Я не прочел молитву. Я не знал, какая молитва подходит воину.

— Я и сам не очень разбираюсь в молитвах. Да он и не нуждается в них.

— Он был твоим другом?

— Он был моим отцом.

Кукушонок знал, что значит потерять отца.

— Моя мать разучила со мной стихи,— сказал он неуверенно.— Я не очень понимаю, о чем они, но для него они могут подойти. Прочесть их?

— Да.

Пурпурно то, что вдали.
Гиацинты холмов,
Мурексы тирские.
Пурпурно только далекое.
Вянут фиалки в руке.

Мужчина не произнес ни слова и стоял совершенно неподвижно. Может, он был недоволен? Звенящая тишина становилась все более напряженной.

— Мне нечего было ему дать, чем бы он мог расплатиться с Хароном. Только амулет из халцедона. Это была птица.

Кукушонок по-прежнему стоял на коленях, начиная ощущать в них боль, но теперь он уже боялся подняться — боялся впервые. Он ничего не мог прочесть в этих голубых, внимательно смотрящих на него глазах. Но ему и не нужно было вставать. Руки подхватили его, и он взлетел вверх, будто поднятый внезапно набежавшей волной. Он подумал: «Я прочел над его другом не те стихи и оставил ему не тот дар. Он собирается принести меня в жертву Харону». Но мужчина не убил его, а обнял. Кукушонка никто никогда не обнимал, кроме матери. Может, у мужчин так принято? У фавнов — да, но они не настоящие мужчины. Хорошо, что его не будут убивать. Хорошо, что кто-то захотел обнять его — большого, неуклюжего мальчишку, хотя рядом с этим великаном он казался всего лишь карликом. Кукушонок, несмотря на то, что у него уже почти трещали ребра, крепко обнимая мужчину, прижался к его лицу — не бородатому, но заросшему колючей щетиной, и вдохнул запах земли, смешанный с запахом моря.

А затем услышал свое тайное имя:
— Зимородок.

Глава II

Эней был мертв, Асканий не хотел жить. Неужели действительно нет иных богов, кроме безжалостной, коварно усмехающейся Фортуны? [43] Каждая битва неизбежно должна быть проиграна, города построены лишь затем, чтобы их сожгли, а герои рождены, чтобы умереть, будто простые крестьяне, и вечно бродить среди теней?

Годы тянулись за ним, как тянутся водоросли за старым кораблем...

Падение Трои, смерть матери в огне кровавой бойни. Море, как сладкоголосые сирены [44], завлекающее изгнанников порывами ветра и пенящимися волнами; море, носившее их целых пятнадцать лет вдоль суровых берегов, подгоняя штормами. Повелительница пчел, встреченная так поздно и потерянная так быстро, как Бонус Эвентус, которого она любила. Поражение, изгнание, потери. Но всегда рядом Эней...

Было и хорошее — надежда, как феникс, восстающая из пепла. Щедрость короля Латина, мудрого старца, ныне умершего, почерпнувшего мудрость в лесах, называвшего Энея своим приемным сыном.

— Если ты поможешь мне победить моих врагов, то получишь воинов, половину земель и мою дочь в жены.

Войны с Турном и его необученными, но упорными рутулами, с Камиллой, царицей вольсков, и ее быстроногими амазонками (а также с хитрыми дриадами, приносившими им копья, сделанные в Вечном Лесу). Эней, с помощью богов, торжествующий победу. Строительство Лавиния — «второй Трои». Да, город небольшой, но он будет расти. И всегда, в бою или на пиру, с ним рядом отец, не имеющий возраста мечтатель, победитель, поэт и воин.

До вчерашнего дня...

— У ворот ждет фавн.
— Он пришел с просьбой?

В мегароне [45] стоял алебастровый трон, на котором сидел Эней. Стоявшие в большом очаге бревна напоминали дере-

вянную палатку, но воздух уже был напоен весенним запахом бергамота, и от невидимого присутствия Персефоны, вернувшейся из Подземного мира, разливалось тепло. Ласточки строили гнезда под остроконечной крышей, а дятлы долбили круглые деревянные колонны.

— С просьбой о помощи, мой царь.— Эней любил фавнов. Он не обращал внимания на их грязь и хитрости.

— Пусть войдет в зал.

Повеса опустился перед ним на колени. Он был очень стар — двенадцать лет для него равнялись шестидесяти.

— Чем я тебе могу помочь?

— Царь Эней, с севера пришли рутулы. Они украли наши сети и уже подходят к частоколам.

— Их много?

— Нет. Но они хорошо вооружены и после зимнего отдыха полны сил.

— И мы тоже. Мы прогоним их.

Меч показался Асканию невесомым. Арес, бог войны, взволновал его кровь. Хватит строительства, довольно ждать! Зима с ее скудными снегами, не очень суровая, но достаточно холодная, для того чтобы держать рутулов в Ардее, спящих дриад в их деревьях, а троянцев в Лавинии, закончилась.

Они застали мародеров за устройством стоянки. Их палатки походили на сидящих на земле птиц, вот-вот готовых взлететь. Ограда из колючего кустарника защищала от львов. Это была даже не битва, а стычка с обычными мальчишками-рутулами (неужели *они* сражались с Ахиллом? Наверное, даже не знали, как его зовут!). Троянцы разгромили их в одно мгновение, за которое можно лишь опустить парус или повесить на стену щит.

— Отец! — позвал Асканий, поднимая забрало шлема и ища Энея.— Отец, мы быстро разделались с ними. И без единой потери.

Юный Мелеагр, брат Эвриала, подошел к нему и встал рядом, бледный и молчаливый.

— Что, Мелеагр?

— Твой отец...

— Ранен?

— Убит.

— Как?

— Ножом в бок. Я не видел, кто ударил его.

На молодом лице глаза старика. Он видел смерть, угнетающую своей бессмысленностью. Эвриал и Ние погибли во

время войны с Турном[46]. Мелеагр, тогда ему было шесть, помнил их головы, насаженные на колья.

— А его тело?

— Унесла река.

Темнело. У них не было факелов. Где-то совсем рядом начинался Вечный Лес. Глупо и бесполезно искать тело в этих зарослях, населенных дриадами, после наступления темноты.

— Надо отнести раненых в город. Утром я найду его.

Всю ночь Асканий слышал плач женщин, то превращающийся в резкие вскрикивания, то затихающий и переходящий в тихие стоны. Голос Лавинии выделялся среди хора голосов ее служанок. Кто-то, кажется Мелеагр, принес ему настой из маковых головок.

— Он поможет тебе уснуть.

— Сон — короткая смерть. А в моей жизни их и так достаточно.

Рассвело. Серые каменные стены, отделанный деревом мегарон, мазанки — все окрасилось утренней зарей и стало мраморно-розовым. Асканий дернул за ремень, на который запиралась дверь в комнату Лавинии, находящуюся в помещении для женщин. Она лежала на складной кровати, по кирпичному полу были разбросаны клочки шерсти вперемешку с ее отрезанными и вырванными волосами. Женщины, сгорбившись, сидели вокруг кровати, как сидят собаки рядом со своим больным хозяином. Асканий разглядывал комнату, стараясь отодвинуть тот момент, когда придется посмотреть на Лавинию и произнести слова сочувствия, а не презрения. Стул с тремя ножками, сундук из ароматного кедрового дерева. Висящая на вешалке грязная накидка. Ткацкий станок с натянутой на нем основой, рассчитанной на женский рост, а рядом веретено, ручная прялка и чесаная шерсть. Ивовая корзина на колесиках, полная разноцветной пряжи. Аскaнию никогда не нравилась эта комната. Он любил свою — с подставкой для копий у двери, со щитом из волчьей кожи на стене. После того как построили город, он заходил сюда лишь дважды и каждый раз думал: «Лавиния сидит, сгорбившись у своего ткацкого станка, как мастеровой у печи для обжига. А станок Меллонии, наверное, приводится в движение ее пением, и из шерсти она ткет золотое полотно».

Лавиния смотрела на него покрасневшими от слез глазами. Трудно было поверить, что двенадцать лет назад она была застенчивой, хорошенькой девушкой, отчаянно хотевшей выйти замуж за предводителя троянских изгнанников, который сражался с Ахиллом и пировал с Геленом[47]. Эней не смел отказать ей. Это означало бы разорвать союз с Латином, потерять друзей в Италии и не построить Лавинии. Он жалел ее, пытался полюбить, был неизменно вежлив и никогда не говорил с ней о Меллонии, только с сыном.

— Я иду искать тело,— сказал Асканий.

Она молчала и смотрела на него, будто осуждая за то, что он не обрезал волосы и не плакал. Действительно, горе его было спрятано глубоко внутри, как вода в промерзшем ручье. Он превратился в одну из безмолвных теней, которым не дано переправиться через Стикс и которым суждено вечно блуждать по преисподней[48].

Возможно, когда он найдет тело отца, то опустится рядом с ним на погребальный костер и горе его обретет дар речи, в то время как языки пламени будут окутывать его объятиями забвения и душа его поспешит следом за душой его отца.

— А если ты не найдешь его?

— Найду.

Как быстро латинянки грубеют и утрачивают стройность! Какими скучными они становятся с их кухонными разговорами о ценах на шерсть и хлеб, с пересудами о служанке, забеременевшей не от мужа. Даже в их скорби есть что-то животное. Он вспомнил Андромаху[49], окаменевшую от горя после смерти Гектора, вспомнил Меллонию, когда она уходила от отца. («Я не такая, как эти изнеженные лилии... Больше не такая...») Лучше сейчас не думать о ней, о Повелительнице пчел, или о ее сыне, его брате. Повеса рассказывал ему о мальчике. («На кого он похож?» — «На Энея».)

— Ты никогда не любил меня, Асканий. И твой отец любил меня меньше, чем тебя. Ты думаешь, я не знаю? Ты считаешь меня глупой, ты, высокомерный троянец с холодными голубыми глазами. Но я вынашиваю его ребенка. И ты не посмеешь причинить мне зло.

Даже аромат цветов, стоящих в комнате — роз и водосбора, не мог заглушить идущий от нее запах кислого козьего молока.

Он нежно коснулся ее плеча. Легко быть снисходительным к слабостям тех, кого уже нет в живых.

— Лавиния, я никогда не намеревался причинить тебе зло. Приказать, чтобы принесли маковый настой? Он поможет тебе заснуть.

— Иди, найди его тело и похорони как подобает.

Погребальный костер походил на густые заросли деревьев, внезапно выросшие в наружном дворе: вязы, буки и кедры были уложены друг на друга, рядом стояли животные — овцы и быки, приготовленные для жертвоприношения (их жир будет использован при пеленании тела перед тем, как его положат на костер), и бронзовая урна для праха (в этой варварской стране почти не было золота).

Как быстро Лавиний уменьшался у него за спиной, когда он уходил! Неприметный — вот слово, подходящее к этому проклятому городу, стоящему на двух холмах посреди поля, окруженного лесом, но по-прежнему боящегося его. Вторая Троя? Сейчас он казался ему просто деревней, построенной детьми. Детьми, которые помнили Львиные ворота в Микенах и неприступные стены Трои. Они строили на этой чужой земле из жалких материалов — дерева, лозняка и мелких серых камней, вместо огромных валунов. Эти низкие холмы, известные как «Две Черепахи», были окружены стенами высотой всего в два копья. Наружный двор был беспорядочно заполнен лотками под парусиновыми навесами и круглыми лачугами, так что едва нашлось место для погребального костра. Единственным достойным помещением внутри крепости был мегарон с остроконечной крышей, но все равно оставалось ощущение убогости из-за находящихся тут же мастерской, конюшни, огорода и дома, где жили женщины. Вторая Троя? Тень Трои. («Город, который вы собираетесь построить, не станет тем самым городом...»)

Сегодня время призраков.

— Ты не должен идти один, Асканий,— сказал стражник, стоящий у ворот, маленький шустрый человечек, умевший видеть в темноте. Те, кто еще помнил привезенных из Египта в Трою котов самой разной масти, нежившихся на берегу прудов, заросших лотосами, называли его Котом. Победители-эллины убили всех котов вместе с их хозяевами.

— Я должен,— ответил Асканий.

Но ему не суждено было остаться одному. Что это за старик тащится к нему через поле? Будто движущаяся тень... старый фавн.

— Царь Асканий.— Это был Повеса. Он чуть не ударил старика. («А ведь он прав,— подумал Асканий.— Я теперь царь вместо отца».)

— Это я во всем виноват,— неуверенно пробормотал Повеса.— Это я позвал его...

Конечно, фавн пришел, чтобы войти в доверие к новому царю. А может, и из сочувствия, затерявшегося в его расчетливом сердце. Как кусочек янтаря в грязи.

— Нет, Повеса. Его позвала храбрость. А ты был только гонцом.

— Мне пойти с тобой на поиски тела?

— Нет.

Он пошел вниз по течению Нумиции от того самого места, где была битва, от изрытой ногами земли, мусора, оставшегося от недостроенного и наскоро брошенного лагеря, валяющихся палаток и раскиданных колючих кустов.

Он не заметил, как деревья будто облачились в саваны, как просто лес сменился Вечным Лесом, где из охотника ты можешь превратиться в добычу.

Он продолжал тупо смотреть на поверхность воды, и в какой-то момент ему показалось, что он видит мужчину с белыми как снег волосами, играющего с дельфином; но другие снега накрыли его, а дельфин, если даже его пощадили возраст и тритон, уплыл далеко отсюда.

Он чуть не споткнулся об отцовский шлем. Фиалки, свежая земля — кто-то побывал здесь раньше, чем он. Погребальный костер в Лавинии был больше не нужен.

Горе вырвалось наружу, как вырывается из-под льда, согретого лучами весеннего солнца, река. Будто подкошенный, упал он на могилу, царапая руками землю.

— Зимородок.

— Откуда ты знаешь мое имя? — спросил мальчик.

— Ты только что рассказал мне о подарке для Харона. О зимородке. Это хороший подарок. И хорошее имя для тебя.

— А,— сказал мальчик разочарованно,— мне казалось, я не говорил, что это была за птица. Может... хотя, конечно, ты узнал об этом именно так. Никто, кроме матери, не зовет меня Зимородком. Все зовут Кукушонком.

— Ты совсем не похож на кукушонка. Скорее на зимородка.

Мальчик смотрел на него так, будто Асканий смеется над ним. Слишком большие глаза на худеньком личике, серьезные, голубые, как далекое Эгейское море, омывающее берега Трои.

— Но зимородок быстрый и красивый.

— Я знаю. С твоими длинными ногами, наверное, можно обогнать оленя.— Он дотронулся до волос мальчика: — От кого у тебя такие волосы?

Нельзя, ни в коем случае нельзя говорить ему: «Я твой пропавший брат, но мы не можем встречаться с тобой. Это опасно. Если Волумна увидит нас вместе, она отомстит твоей матери».

— Наверное, от отца. Он был великим воином. И немножко пиратом, но грабил только нехороших людей.

— А твоя мать — дриада. Я вижу по твоим ушам. Она молодая?

— По-моему, старая. Ей около тридцати. Но очень красивая. Фавны зовут ее Повелительница пчел. Она будто из меда. Я не похож на своих родителей.

Будто из меда... Его отец любил такие фразы.

— Не старайся быть вежливым. Я знаю, какой я урод. Мне вообще-то все равно. По крайней мере, никто из обитателей леса не пристает ко мне.

— А тебе нравится быть одному?

— Мне нравится быть рядом с теми, кого я люблю. Но это только моя мама. Конечно, этого недостаточно. В нашем дереве не хватает мужчины. Чтобы учить меня. Мама научила меня читать. Рассказала об Ахилле, Гекторе, Аяксе — и, конечно, об Энее. Я умею отличать хорошие грибы от ядовитых. Знаю, какие цветы самые чувствительные, хоть так и не научился их слышать. «Но я не могу объяснить тебе, как вставить в лук стрелу,— сказала мне мама,— или построить лодку и выковать бронзовый шлем. Это все мужские ремесла».

Зеленая туника доходила ему до колен, сандалии из кожи антилопы свободно болтались на ногах, за пояс была заткнута праща, а в мешочке, висевшем сбоку, лежали камни. Он в самом деле рос слишком быстро и, казалось, состоял только из ног и рук. Грудь и плечи узковаты, но в лице чувствовалась сила. Если бы он не был таким худым и почаще улыбался, его можно было бы назвать красивым. Подолом своей туники Асканий стал счищать грязь с отцовского шлема, пока тот не засиял, как бронзовое зеркало.

— Посмотри на свое отражение.

— Не хочу.

— Посмотри! Что ты видишь?

— Ни то ни се, вообще непонятно что.

— Глупости. Ты наслушался дриад. Ты считаешь меня уродливым? У меня светлые волосы.

— У тебя они красивые. А в моих волосах еще эти дурацкие серебряные пряди, и к тому же они никогда не лежат на месте.

— А мои — лежат?

— Нет. Но, кажется, будто так и должно быть.

— Почему не позволить твоим волосам вести себя так же?

— Дриады говорят, что аккуратность — один из главных законов Румины.

— Существует еще богиня по имени Афродита.

— Венера? Нам нельзя поклоняться ей.

— Тебе бы следовало. Я думаю, ей понравились бы твои волосы.— Он чуть не сказал: «Как ей нравились волосы твоего дедушки».— И мне нравятся. А теперь я должен идти, Кукушонок.

Действительно, надо было быстро уходить, пока он окончательно не решил украсть мальчика, чтобы увести его в Лавиний, и, оторвав от дерева, подвергнуть опасности из-за той части его натуры, которая была от дриады, или пока не объявил о том, что он его брат.

— Не уходи,— воскликнул Кукушонок в отчаянии.— Мы только что встретились. Расскажи мне о сражениях, в которых ты участвовал. Сколько ты спас принцесс?

«Как он похож на отца,— подумал Асканий.— Я бы спросил: „Сколько человек ты убил?“».

— Но мне надо сообщить друзьям, что я нашел отца и что он похоронен подобающим образом.

— Конечно,— вздохнул мальчик.— Ты, наверное, больше не придешь сюда? А может, я приду в твой город? Это, должно быть, Лавиний, где живут воины вместе со своим царем Энеем.

— Я слышал о твоей королеве Волумне. Она не любит воинов. Она очень рассердится, если узнает, что ты со мной встречаешься.

— Никому нет никакого дела до меня, кроме моей матери, а она говорит, чтобы я был мужчиной и поступал, как считаю нужным. Волумна, наверное, была бы счастлива, если бы меня съел лев, хотя я как-то умудряюсь уживаться и

с ней, и со всеми остальными. Но если бы *ее* съел лев, я пришел бы в восторг. («И на меня тоже немного похож»,— подумал Асканий.) Когда я был маленьким, я пустил под ее дерево крота, чтобы он подгрыз корни. Она стыдила мою мать перед всем советом, называя ее любительницей мужчин.

— А что случилось с кротом?

— Она убила его, как только он отгрыз первый кусочек. Она решила, что он сам пришел. Теперь у нее в дереве есть коврик из шкурки крота.

— Может быть, мы *сможем* опять встретиться.

— Завтра!

— В то же время?

— Я буду ждать тебя. Но я не знаю, как тебя зовут.

— Мое настоящее имя — такой же секрет, как и твое. Придумай к завтрашнему дню какое-нибудь имя и для меня.

Он наклонился и обнял Кукушонка, не задумываясь о том, любят ли сыновья дриад, когда их обнимают незнакомые высокие воины. В ответ тонкие руки крепко обхватили его.

— Скажи маме, что она может гордиться своим сыном.

— Я скажу ей, что повстречал бога. Ведь ты бог? Мама говорит, что у Аполлона золотые волосы.

— Я знал бога. Я недостоин даже произнести его имя.

— Ты, наверное, имеешь в виду своего отца. Увидев его, я тоже подумал об этом. Но существуют разные боги.

— Я не отношусь к ним.

— Мне кажется,— сказал Кукушонок,— бога делают люди, которые ему поклоняются. Даже один человек, если он его достаточно любит.

Асканий неожиданно рассмеялся. Мальчик был таким серьезным, как философ, представляющий свою новую концепцию мироздания: «Земля круглая, а не плоская. Существует не четыре составляющих элемента, а пять». Он ни разу даже не улыбнулся.

— В душе я пират, вот я кто.

— Иногда дружить с пиратами лучше, чем с богами. С ними можно поговорить, им не надо поклоняться. Не забудь про меня, когда ты будешь набирать себе следующую команду.

— Мне кажется, из тебя выйдет неплохой рулевой. Ты все подмечаешь.

— Мне надо еще многое узнать о набегах и грабеже.

— Потренируйся на дереве Волумны. Прощай, Зимородок.

Асканий смотрел, как тоненькая угловатая фигурка удаляется, скрываясь среди зелени. Кукушонок оглянулся, помахал ему рукой и в первый раз робко улыбнулся. Асканий удивленно подумал: «На какой-то момент я даже позабыл о своем горе, Я как моряк, потерявший в бурю корабль, но нашедший дельфина».

Глава III

Дубы дриад взволнованно гудели, как огромный улей,— жизнь в маленьких ульях, стоявших под деревьями, и в самом Круге дубов в точности повторяли друг друга.

В отличие от фавнов или кентавров, дриады редко утрачивали свое олимпийское величие. Они шли или бежали, но в любом случае казалось, что они плывут, едва касаясь ногами земли, а руки трепещут у них за спиной, как крылья. Сейчас же от их грации не осталось и следа, они были взволнованны и возбуждены, но, похоже, не от страха. Мать сказала Кукушонку, что точно так же они выглядели, когда вооружали Камиллу и амазонок, выступивших против Энея. («Будто, умирая от голода, вдруг увидели жареных куропаток».)

Волумна даже не взглянула на Кукушонка. Ее никогда особенно не интересовал сын человека. А сейчас она его просто не замечала. Другие дриады обходили его стороной, будто он был сорняком или муравьиным гнездом, все, кроме Сегеты, которая, увидев его, улыбнулась своей далекой улыбкой.

— Иди к маме,— сказала Сегета глубоким, будто доносившимся из-под земли голосом, но не успел он спросить, в чем дело, как она, словно тонкая струйка дыма, исчезла вслед за Волумной.

Слава Юпитеру, Помона никогда никуда не спешила.

— Что случилось, львы ушли из Вечного Леса? — крикнул он ей.

— Нет, гораздо лучше. Мы идем на праздник в Зал советов.

Такой пышной и роскошной Помона выглядела не часто. Она достигла янтарной спелости, и, наверное, несмотря на молодость, ей действительно пора было посетить Дерево.

«Гораздо лучше!» Ее «лучше» наверняка окажется для него хуже. Матери нигде не было видно. Неужели ее собираются изгнать из Круга?

— Что же это? — Он обязательно должен спросить, хотя очень боится ответа.

— Эней мертв. Повеса сообщил нам об этом,— бросила она через плечо, присоединяясь к толпе дриад и плавно плывя вслед за взрослыми, а за ней летел рой пчел, почему-то больше похожих на ос.

Сначала он не связал имя Энея с тем воином, которого похоронил на берегу Нумиции. Горе дротиком вонзилось в его сердце, но горевал он не о близком человеке, а о том, кем восхищался, но никогда не видел, о великом герое, сражавшемся с Ахиллом, а позже поселившемся в Италии и основавшем Лавиний, который он тоже никогда не видел. Город этот, построенный троянцами, казался мальчику, ни разу не покидавшему пределы Вечного Леса, таким же далеким, как сама Троя.

— Всадили кинжал прямо в живот,— радостно добавила Помона, будто только что вспомнила об этом.

С каким удовольствием он запустил бы камнем *ей* в живот! Эта мысль удивила, но вовсе не смутила его. Перед ним был выбор — либо стать совсем неприметным, либо хулиганом. Хулиганом было интереснее.

И вдруг он все понял. Его затрясло, будто в морозный день на него обрушился с дерева целый дождь ледышек. Человек, которого он похоронил, был Эней, сын богини. Разве не приходила ему в голову мысль, что перед ним убитый бог?

Он поднялся наверх по узким, вырезанным внутри материнского дерева ступеням и оказался в похожем на улей домике с множеством круглых окон, открытых для весеннего воздуха, за которыми сновали пчелы. Уходя, Кукушонок оставил мать за ткацким станком.

Сейчас она сидела на своей скамеечке с тремя ножками, на коленях у нее лежал наполовину развернутый свиток папируса. У него были пожелтевшие, обтрепанные края, и Кукушонок сразу догадался, что это воспоминания очевидца Троянской войны. Но мать не читала, она сидела неподвижно, будто вырезанная из дерева, из светлого бука. Зеленые волосы, упавшие на плечи, еще больше подчеркивали ее бледность. Она не взглянула на него. Кукушонок вспомнил, что Эней был ее любимым троянским героем, которого она ставила даже выше Гектора и всегда жалела, что троянцы проиграли войну. («Гектор умел сражаться и любить, но Эней умел еще и мечтать. Он был поэтом, а не только воином и супругом».) Кукушонок встал рядом с ней на колени.

— Ты не идешь на совет, мама?

Волумна требовала обязательного присутствия всех дриад, за исключением тех случаев, когда на дуб нападала какая-нибудь болезнь, поражавшая не только дерево, но и его обитательницу.

— Нет, Зимородок.

— Волумна рассердится.

— Она всегда сердится.

— Мама, как жаль, что Эней умер.

Он обнял ее за плечи и подумал, не стоит ли рассказать о похоронах, о том, как он прочел ее стихи и положил в могилу дар для Харона. Наверное, лучше сделать это потом.

— Он не думал, что умрет так,— сказала мать.

— Он был великим воином. И должен был погибнуть в сражении.

— Я не это имела в виду, Зимородок. Он был равнодушен к славе. Просто он столько еще хотел сделать.

— Но случилось и хорошее.

Она грустно посмотрела на него, будто говоря: «Что сейчас может случиться хорошего?» Кукушонок чувствовал, что почти боится сообщить ей новость.

— Я нашел друга...

Мать старалась слушать то, что он говорит, и ободряюще пожимала ему руку. Но голос ее звучал глухо и тоскливо, будто доносился из-под груды сгнивших коричневых листьев.

— Он не сказал, как его зовут, но мне кажется, это сын Энея.

Кукушонок быстро рассказал ей о встрече на берегу реки, а затем она заставила его повторить все сначала, подробно останавливаясь на всех деталях. Как он догадался, кто этот человек? Какого цвета были у него волосы и глаза? Казался ли он добрым и одновременно сильным?

— Мы договорились встретиться утром. Ты тоже должна пойти.

Они вышли из дерева, когда голубоглазые совы ухнули в последний раз, а на горизонте появились первые отсветы алой зари. Из деревьев дриад не доносилось ни звука. Не было слышно ни голосов, ни шороха помешиваемого угля в очаге, на котором жарятся фазаньи яйца, ни вздохов ткацких станков, управляемых ловкими пальцами, ульи были тихими, как заброшенные пни, и дятлы еще не приступили к своему разрушительному труду. Дриады крепко спали после

сборища в Зале советов. Конечно, они устроили в честь случившегося пир. Пение их доносилось даже до Смоковницы Румины, росшей в полумиле от Крита. Хотя дриады и испытывали отвращение к оргиям фавнов, но во время своих празднеств опустошали порядочное количество бурдюков крепкого ежевичного вина, зревшего в бочках среди корней, и не одна дриада, заблудившаяся по дороге домой, попадала к фавнам, а затем рожала ребенка. Меллония была первой дриадой в Вечном Лесу, родившей не от Бога, а от смертного, но такие случаи стали происходить все чаще и чаще со времени ее падения, как не уставала напоминать ей об этом Волумна. Ходили даже слухи, что несколько дриад добровольно уступили вонючим, косматым любовникам.

Они молча сидели на берегу Нумиции, скрытые высокими, в три человеческих роста, кустами ежевики, плотно усеянными белыми овальными цветами, которые летом превратятся в маленькие черные ягоды. Стрекоза повисла над речкой, что, тихо и нежно журча, бежала по камням и корням. Мать Кукушонка не отрывала глаз от берега и следов, оставленных на траве незнакомцем. Она крепко держала сына за руку, и он с гордостью понял — а гордость он ощущал нечасто, и чувство это было приятным,— что стал больше и сильнее матери (его единственной твердой опоры в этой лишенной любви жизни) и способен быть ей не только другом, но и защитником. И еще об одном он догадывался, но не смел у нее спросить. Эней был знаком ей не только как один из бесчисленных героев свитка о далекой войне, а гораздо ближе. Может, она бывала в Лавинии? Может?..

— Кто-то идет,— сказала она.

Сначала он слышал лишь шум воды, воркование голубя, тоскующего по своей голубке в ветвях кипариса, а затем сердце его забилось, как попавшая в сети куропатка,— он услышал шаги по траве.

— На нем нет доспехов,— сказала мать.— У него легкая поступь. Он забыл об опасности.

И вот наконец он показался. Да, это был новый друг Кукушонка, сын Энея. Его звали Асканий. Кукушонок узнал это имя от Помоны, а она от фавнов. («Эней и его распутный сынок,— с очаровательной улыбкой произнесла Помона,— хорошенькая парочка — убийца и насильник».)

Вчера Асканий шел как во сне, подавленный своим горем, сегодня он был оживлен, в нем чувствовалось нетерпеливое

ожидание, и лишь осторожность сдерживала его. Он внимательно следил, нет ли рядом врагов, но губы его были готовы расплыться в улыбке. «Это из-за меня, Кукушонка, он радуется,— подумал мальчик.— Может, во мне действительно есть то, что никто, кроме матери, не замечает. И я не просто неуклюжий и лохматый урод с огромными ногами. Меня может полюбить даже великий сын великого царя».

Кукушонок встал с травы, и воин улыбнулся ему как своему боевому товарищу.

— Мама, это мой друг,— начал он.

Она тоже вышла из своего укрытия и теперь ждала. Впервые Кукушонок увидел, что перед ним не только любящая мать, но и женщина, совсем не простая, таинственная и непонятная, как лес, полный света и теней, укромных уголков и открытых полян, заросших травой. Женщина, способная любить не только своего сына, но и других, любить любовью, непонятной ему.

Какая же она все-таки? Не стоит пытаться это понять, надо просто принимать ее такой, какая она сейчас есть. Умеющей защитить и утешить. Вчера он сказал, что она будто из меда, лишь потому, что его попросили описать ее, и он попытался вспомнить и подобрать нужные слова. Сегодня он увидел ее глазами другого человека. Прекрасный, богоподобный Асканий смотрел на нее, как на богиню.

Действительно, она была достойна поклонения. Зеленая туника с каймой из алых гиацинтов. На шее ожерелье из нанизанных на нить малахитовых чаек. Пряжки на сандалиях из позеленевшей от времени меди. Одежда почти такая же, как у всех остальных дриад, только камешки ожерелья были в форме морских, а не лесных птиц; но сама она другая — гордая, но не надменная, сильная, но не жестокая, грустная, но не испытывающая жалости к себе. Она походила на гиацинт, вышитый на тунике, который охраняют пчелы. Лепестки для друзей. Жала — для врагов. Второй такой не сыскать во всем Вечном Лесу.

Но в ней появилась какая-то холодность, грозившая перерасти в отчужденность. Многозначительная тишина окутала ее и Аскания, оставив Кукушонка наедине с самим собой. Неужели они так и будут стоять молча и не вспомнят о нем? «Они забыли обо мне,— подумал он,— а ведь это я привел их сюда, к реке. Свою мать и своего нового друга». Будто он нашел на берегу сокровище, янтарную шкатулку и коралл из

морской пещеры нереиды, а неожиданно нахлынувшая волна унесла их в море.

Казалось, они тянутся друг к другу, избегая прикосновений, еще не решив, как это сделать и стоит ли делать вообще. Наконец Асканий упал на колени и прижался своей золотой, как рог изобилия, головой, к ногам Меллонии, она подняла его и поцеловала в щеку. Кукушонок все понял и удивился, как давно он знал, не зная, не осмеливаясь знать, что он, жалкий уродливый Кукушонок,— сын великого воина и царя, а Асканий — его брат.

Теперь Кукушонку было особенно обидно, что он оказался ни при чем. Зачем нужен брат, который еще вчера обнимал тебя, а сегодня не обращает никакого внимания? Или мать, любившая только тебя и твоего безымянного, невидимого отца целых одиннадцать лет, а теперь забывшая ради какого-то незнакомца? Он подумал: «Если я тихонько уйду в лес, они решат, что меня съел лев, и им станет стыдно, что они забыли про меня».

Но стыдно стало ему. Он недооценил их и себя. Почти одновременно они протянули к нему руки и окружили его нежностью и пониманием. Ни один круг дубов не мог дать столько тепла даже дриадам, даже гордой, самоуверенной Волумне. Сегодня, в день утрат, когда он нашел отца, чтобы сразу потерять его навсегда, он, как оказалось, приобрел больше, чем утратил. Брат любит его, а матери он стал еще дороже.

Все вместе они сели на берегу реки. Асканий посередине, но не разъединяя их, а обнимая и того и другого. Молчание было не стеной, а открытой дверью и сближало больше, чем любая речь.

А первые короткие фразы были полны для них глубокого смысла.

— Годы не тронули тебя, Меллония. Ты все та же зеленоволосая девочка, сидящая у реки.

— Они коснулись тебя. Ты стал похож на него.

— Он гордился бы своим сыном.

— Я тоже горжусь. Лавиния знает о нем?

— Нет.

— Она была добра к твоему отцу?

— Да, по-своему.

— Какая она?

— Как пустой бурдюк. Как кошелек без монет. Но безобидная.

— Асканий, ты ведь никогда по-настоящему не любил женщин, разве не так?

— Любил когда-то. Одну или двух.

— Желал. Обладал. Но не любил!

Асканий растерянно смотрел на извилистый поток, будто надеясь найти ответ в журчании бегущей по камням воды.

— Мама, не задавай таких вопросов,— воскликнул Кукушонок.

Ему не следовало это говорить, нужно было слушать, ведь он узнал уже столько удивительного, но вопрос матери прозвучал как обвинение.

— Все в порядке, Кукушонок. Твоя мама может спрашивать меня обо всем. Она, наверное, права. За двумя исключениями.

Меллония не настаивала, чтобы Асканий назвал их.

— Твой отец любил Лавинию?

— Разве мог он любить кого-нибудь после тебя и моей матери? Она ему нравилась. Ему было с ней... спокойно.

— Ему нужна была именно такая женщина, способная защитить от холода.

— Но огнем была ты.

— Боюсь, я не согрела его. И тебя тоже. Волумна ненавидит тебя, Феникс. Как и раньше. Тебе нельзя приходить в мое дерево, а нам с Зимородком в Лавиний.

— Тогда будем встречаться здесь.

— Мы ведь по-прежнему в Вечном Лесу. У фавнов длинные уши, а трава не умеет хранить секреты. Ничего не изменилось, кроме того, что у меня появился сын, а ты потерял отца.

— Нет,— воскликнул Асканий,— после его гибели должно что-то измениться Он всегда был добр и остался таким даже в смерти. Мы найдем способ видеться, все трое.

Меллония прижала палец к губам:

— Тише, дорогой. Мне надо прислушаться.

— Я ничего не слышу.

— Доверься моему острому слуху. Ты не можешь слышать, как жалуется трава, и как вскрикивают маргаритки.— Она поднялась на ноги: — Кто-то идет. Уходи, Феникс.

— Когда мы опять здесь встретимся?

— Не знаю. Никогда, если ты не уйдешь!

— Что ты слышишь?

— Трава вскрикивает... дриада. Несколько. По обе стороны реки.

— Близко?

— Очень. Беги, будто тебя преследует Ахилл в своей колеснице!

— И оставить тебя, Меллония?

— Они мне ничего не сделают. А тебя — убьют. И, может, убьют моего сына. Ты должен его взять с собой.

— Я не оставлю маму,— решительно заявил Кукушонок.— Они запрут ее в дереве и украдут пчел.— Асканий схватил его за плечи:

— Кукушонок, есть несколько способов быть храбрым. Сейчас храбрость в том, чтобы убежать. Поверь нам с мамой. Ты *вернешься* к ней. Обещаю.

Кукушонок верил ему. Он поцеловал мать в щеку.

— Мы оба вернемся.— А затем сказал брату: — Вдоль реки идти нельзя. Это самый легкий путь, и они ждут, что мы пойдем именно так. Они нас поймают. Дриады бегают быстрее всех.

— Ты знаешь другой путь?

Они ушли от реки, стрекоз, кустов ежевики и вошли в ту часть леса, где всегда было так темно, что солнце казалось далеким созвездием, тускло мерцающим на темном небе из листвы.

— Дриадам здесь не нравится,— сказал Кукушонок.

— Потому что темно?

— Да, нет травы, и пахнет львами. Они сразу чувствуют себя неуверенно и начинают после каждого шага озираться по сторонам.

Во мраке деревья выглядели совсем старыми и корявыми. В основном здесь росли дубы, лишь изредка попадались буки и вязы. Их называли деревьями Сатурна. Когда-то это были веселые, беспечные деревца, теперь же — морщинистые и мрачные, состарившиеся не только от возраста, но и от скорби. Когда Сатурн покинул эту страну, они сомкнули ветви, чтобы ни один луч солнца не мог коснуться земли, и убили всю траву у своих ног. Дриады ненавидели их.

Путь им преградил лев. Он стоял неподвижно и казался одним из тех зверей, что изображены на знаменитых воротах в Микенах. Мать рассказывала о них Кукушонку. Молодой самец, полный сил и очень большой, слишком большой для маленького мальчика. Кукушонок почувствовал во рту горький вкус страха. Этого льва он никогда раньше не встречал. Но, схватив Аскания за руку, мальчик произнес:

— Не волнуйся. Они меня знают.

— Ты не боишься львов? — воскликнул Асканий.— Убить такого под силу только Геркулесу.

— Из двух зол надо выбирать меньшее. По-моему, дриады сейчас страшнее. Кроме того, львы предпочитают женское мясо. Оно не такое жилистое. И к тому же сейчас не время для еды.

Все же Асканий потянулся к ножу.

— Убери это. Он станет волноваться.— А затем обратился к зверю: — Друг Сатурна, позволь нам пройти.

Друг Сатурна величественно взглянул на них, хорошо понимая, кто хозяин в этой части леса. В глазах у него мелькнуло коварство. Львы, так же как дриады и как воины, отличаются друг от друга. «Этот,— подумал Кукушонок,— веселый, любит поиграть. Любопытный. Он встречался с дриадами, фавнами, кентаврами, но никогда не видел тощего мальчишку с желтыми волосами. Что бы я ни говорил брату, аппетит у этого льва чудовищный. И вряд ли он ест только в определенные часы. Сейчас он решает, что с нами делать — растерзать, съесть или познакомиться».

Кукушонок приблизился ко льву, уговорив себя, что он совершенно спокоен — услышав учащенное биение сердца, зверь мог наброситься на него,— и погладил его по песочной гриве. («Сделаю вид, что это кентавр Скакун — друг матери, умерший еще до моего рождения».)

Кукушонок внимательно следил за тем, чтобы случайно не погладить его против шерсти. Грива была мягкой, как мох. Огромная голова, повернувшись на мощных плечах, потянулась к руке Кукушонка. Из пасти донеслось урчанье. Он будто говорил: «Можете проходить. Я провожу вас».

Друг Сатурна послушно шел рядом с ними, пока они не подошли к краю леса. Там он остановился, чтобы Кукушонок напоследок приласкал его, а затем стал добродушно наблюдать, как они поднимаются на невысокий холм и исчезают из виду, покидая его страну.

Внизу расстилалось поле, покрытое травой и маргаритками, среди которых виднелись большие муравейники и островами возвышались два холма — «черепахи», державшие на спинах Лавиний. Это был первый настоящий город, увиденный Кукушонком.

— Теперь мы можем не торопиться,— сказал Кукушонок.— Дриады не пойдут туда, где нет деревьев. Да их, наверное, и не пропустит наш новый друг, ведь он может из-

менить свое обеденное время. А если и пропустит, они все равно боятся Лавиния. И неудивительно. Это великий город.

— Может быть, когда-нибудь он и станет таким,— ответил Асканий,— но пока это еще не Троя. Все же мы найдем там укрытие.

Он внимательно смотрел на Кукушонка, будто изучая его.

— Ты когда-нибудь покидал надолго свое дерево?

— Как-то я заблудился и целых два дня блуждал по лесу.

— И как ты себя чувствовал?

— Устал, проголодался, хотелось пить, хотя я ел грибы и пил из ручья. Это был самый долгий срок.

— Но сейчас...

— Я ведь наполовину такой же, как ты, и, наверное, смогу научиться жить без своего дерева. Во всяком случае, пока мы не придумаем, как помочь маме.

— Кукушонок, ты так же смел, как отец.

— Никто никогда не говорил мне об этом, кроме мамы.

— Теперь у тебя есть брат, который может это сказать.

— Матери и братья пристрастны.

— Да, но не в этом случае.

— Мне кажется, лучше всего убить Волумну. Правда, сделать это нелегко. Она очень живучая. Одним голодным кротом не обойтись.

— Знаешь, Кукушонок, в тебе есть что-то и от меня.

— Да? Надеюсь, будет еще больше.

Держась за руки, они пересекли поле и, поднявшись на холм, подошли к городу. Кукушонок то и дело останавливался и восклицал:

— Это *великий* город. Ни один враг не сможет одолеть такие стены!

— Ты бы видел эллинов с их катапультами.

— А ворота? Да они из бронзы! Как огромный щит!

— У эллинов есть тараны. Кедровые бревна с бронзовыми наконечниками.

— Ну, здесь нет эллинов.

Они *обязательно спасут* его мать. Он и царь этого прекрасного могучего города. Он и его недавно обретенный брат. Асканий обязательно что-нибудь придумает, не хуже, чем хитроумный Одиссей. Недаром отец Аскания — и *его* отец тоже — сражался с Одиссеем в одной войне.

Но Кукушонок очень устал. В городе было так много камня и так мало дерева.

Глава IV

Некогда было думать о Меллонии, о том, как она явилась к нему из прошлого, зеленоволосая девушка, задающая множество бесцеремонных вопросов, взрослый ребенок и одновременно юная женщина, совсем не изменившаяся, только уже не надеющаяся на встречу с другим Скакуном, другим Бонусом Эвентусом и другим Энеем. Она не утратила ни любопытства, ни красоты, но потеряла веру.

Сейчас нужно было позаботиться о Кукушонке.

За большим очагом находилась деревянная лестница, ведущая на второй этаж и галерею. Там, за дверью, навешенной на стержень, была небольшая комната Аскания, где стояли подставка для копий и походная кровать. Асканий то и дело поднимался наверх по этим твердым как камень ступеням, пахнущим кедром, потому что сейчас в его постели лежал тяжелобольной Кукушонок, и Асканий служил ему одновременно жрецом, врачевателем, нянькой и братом. Он принес Кукушонку приготовленное на большом очаге мясо с кровью, запеченное в желудке овцы, но тот не смог проглотить ни кусочка. Он принес кувшин вина, подслащенного медом, но Кукушонка или тошнило, или он терял сознание от нескольких глотков. Он принес шерстяные покрывала, чтобы согревать его во время озноба, и губки, чтобы обтирать во время жара, и сидел рядом с ним на кровати, слушая его рассказы о матери и отвечая на вопросы об отце. Казалось, все болезни обрушились на мальчика, и целая свора злых демонов вознамерилась его уничтожить. Никто не знал, чем исцелить Кукушонка, даже врачеватель-жрец Алкиной, смуглый маленький человечек с прыгающей походкой, делающей его похожим на сверчка. Это вызывало у Аскания ненависть, ему казалось, что Алкиной недостаточно серьезен в такой трагический момент.

Шел пятый и самый тяжелый день, который Кукушонок проводил вдали от своего дуба в Вечном Лесу. Этот день мог стать последним. Болезнь началась на второй день. На третий Асканий решил взять отряд воинов, захватить Круг дриад и вернуть мальчика в дерево. Но Кукушонок отговорил его:

— Они услышат ваши шаги, подожгут дерево и погубят маму.

Голос у него был слабый и утомленный, но в нем чувствовался сильный характер. Ни разу он не захныкал и не пожаловался.

— Чем я могу помочь тебе, Кукушонок?

— В мамином свитке о троянской войне говорится о боге Пеоне, врачевавшем раненых олимпийцев.

— Я уже принес ему в жертву шесть овец и двенадцать белых петухов. А каких местных богов ты знаешь?

— Только Румину, но это богиня Волумны. На нее нельзя надеяться. Придется просто ждать.

Бабушка Аскания и Кукушонка Афродита являлась богиней любви, а не здоровья, но на тот случай, если она, зная бога, способного исцелить от этой болезни, решит вступиться за своих внуков — больного и тревожащегося за него, Асканий придумал такую молитву:

— Бабушка, я редко прихожу в твое святилище и был влюблен всего лишь один раз, но не переноси мои грехи на Кукушонка. Он хороший мальчик, похожий на своего отца. Помоги ему, и я сделаю все, что ты ни попросишь. Даже женюсь.

Никому, кроме Алкиноя, научившегося своему ремеслу еще в Трое, и юного Мелеагра, рассказавшего Асканию о смерти Энея во время стычки с рутулами, не разрешалось входить в комнату к Кукушонку. Мелеагр был хрупким невысоким юношей, игравшим на лире не хуже фавна. У него недоставало сил, чтобы сражаться мечом, но с кинжалом он управлялся с такой же ловкостью, с какой работали троянские воришки-карманники. Как-то очнувшись, Кукушонок попросил:

— Мама всегда пела мне, когда я болел. Спой мне, Асканий. Что-нибудь грустное, но не слишком.

— У меня голос, как у жабы. Но я знаю человека, который поет, как соловей, и играет на лире.

Мелеагр боготворил Энея. Он принес лиру, подошел к постели Кукушонка и посмотрел на мальчика с нежностью и благоговением, так, как может смотреть лишь тот, кто потерял брата, Эвриала, и кто хорошо понимает, какие чувства сейчас испытывает Асканий.

— Спой для него,— попросил Асканий.

Мелеагр запел:

В сети поймай на заре
Ты голубого дельфина.
День подержавши в плену,
Освободи на закате,
Чтобы удачу принес
Он рыбакам невезучим.

— Но для нас утро еще не закончилось,— поспешил добавить Мелеагр,— и мы еще поймаем много дельфинов. Может, и вместе с тобой.

Кукушонок слабо улыбнулся:

— Спасибо, Мелеагр. Ты научишь меня пользоваться кинжалом, когда я поправлюсь? Я хочу попадать в дупло с пятидесяти шагов. В дерево Волумны.

— А ты научишь меня жить в лесу. Находить пищу, ловить рыбу и зверей.

— Рыбу ловят сетью. Что касается зверей, надо различать, кто друг, а кто враг. Из змей и куниц получается хорошее жаркое. Никогда не лови кротов. Дружи со львами или же не попадайся им.

— А медведи? — Кукушонок закрыл глаза.

— Приходи попозже, Мелеагр,— сказал Асканий.— Я думаю, твое пение помогло ему.

Оно подбодрило, но не придало сил. Кукушонок продолжал чахнуть, бледнеть, терять в весе, как дерево, сбрасывающее листья и съеживающееся перед приходом зимы.

Асканий был очень нетерпелив. Он без всякой надобности бегал вверх и вниз по лестнице за пищей, одеялами, чашами с водой, успевая при этом приносить в жертву овец и петухов. (Алкиноя он выгнал, грубо сказав ему: «Я все сделаю сам. Я знаю о богах больше, чем ты».)

Теперь, на пятый день, оставалось только ждать. Асканий чувствовал себя таким же изможденным, как сам Кукушонок, который лежал в полузабытьи в постели, бледный и маленький. Одеяло сбилось, и стало видно его худое тело с выпирающими костями. Асканий и сам почти не спал эти пять дней. Он сидел на кровати, держа Кукушонка за руку, и как-то незаметно для себя растянулся рядом с ним и уснул полным кошмаров сном, хотя и слышал, как во дворе кричит осел, как шаркают ногами слуги, неся дрова в большой очаг в зале, как взволнованно переговариваются люди, потерявшие своего царя и теперь стоящие под окном в ожидании новых сообщений о царском сыне. Ему казалось, что он пытается выбраться из глубокой ямы, заполненной сухими осенними листьями, хочет ухватиться за корни, но вместо них руки сжимают ломкие листья, и он никак не может приблизиться к поверхности, откуда доносится приглушенный голос, произносящий какие-то слова, которые ему не удается разобрать. Наконец, медленно и мучительно цепляясь за зем-

ляные стены, он выбирается наверх, просыпается и видит ту, чей голос он слышал во сне.

На другой стороне кровати сидела Лавиния. В одной руке она держала чашу, изображавшую баранью голову, другой поддерживала Кукушонка и уговаривала выпить ее содержимое:

— Это поможет тебе, Кукушонок.

— Меня будет тошнить.

— Попробуй. Ты этого не пил. К тебе сразу вернутся силы.

— Кто ты?

— Та, которая очень хочет, чтобы ты поправился.

Кукушонок стал пить.

Гнев обрушился на Аскания, как сноп искр из раздуваемого ветром костра. Лавинии, как и любой другой женщине, запрещалось приходить на мужскую половину без спроса, а она пришла, и пришла именно теперь, когда Кукушонок болен,— это не просто неприлично, это недопустимо. И что это за пузырящаяся зеленая жидкость в чаше?

«Она пытается его отравить,— подумал Асканий.— Она хочет, чтобы царем после меня стал ее сын от Энея, которого она родит, а не Кукушонок, не сын Меллонии».

Он с трудом встал на ноги, все еще одурманенный слишком коротким и резко прерванным сном, и направился к Лавинии с намерением выбить у нее из рук чашу. Она подняла на него свои огромные глаза.

В них не было ни удивления, ни страха. Отравители так не смотрят. Все равно, она не имела никакого права находиться в этой комнате и давать его брату свои примитивные и, конечно же, бесполезные лекарства. Что это может быть — травы, собранные ночью при свете молодой луны? Кровь овцы, принесенной в жертву инфернальной богине Фуррине?

Лавиния не отвела взгляда и продолжала держать чашу у губ Кукушонка. Она словно ждала, что ее сейчас ударят или, в лучшем случае, выгонят из комнаты, но готова была, как только удастся, вновь вернуться и продолжить свое дело. Она выглядела глупо, но в ней чувствовалось несгибаемое упорство.

Кукушонок осушил чашу.

— Что это, Лавиния? Что ты дала ему? Его же будет тошнить!

— Измельченные зеленые желуди, смешанные с ежевичным вином. Ты забыл, что я выросла в лесу? — ответила она.

Столица, где царствовал ее покойный отец, а теперь ее брат, находилась рядом с Вечным Лесом и, скорее, походила

на небольшую деревушку, а вся «страна», состоявшая из города, полей, крестьянских домишек и леса, занимала территорию не больше той, которую окружали стены Трои.

— В детстве я дружила с девочкой-дриадой. Когда она заболевала, ее мать давала ей такой напиток, и она быстро поправлялась.

— Его болезнь вызвана отлучением от дерева. Его лихорадит, он не может ни есть, ни пить. Неужели ты думаешь, желуди спасут его?

— Желуди... и... его отец,— сказала она.

— Дух моего отца? — воскликнул Асканий.

Души, попавшие к Гадесу, не могут, даже желая этого, возвращаться, чтобы навещать близких или помогать им, и являются только в мыслях или во сне.

— Его кровь,— ответила она.— Он все-таки наполовину человек. И еще его мужество. Любой другой мальчик умер бы на третий или четвертый день.

Она была права. Даже многие взрослые мужчины не вынесли бы такой болезни. А Кукушонок не только не жаловался, но и пытался успокоить своего брата.

Асканий сел на кровать рядом с Лавинией. Он долго молчал.

— Я думаю, ничто не поможет. Его сейчас начнет тошнить. Но я благодарен тебе за желание помочь. Ты ведь знаешь, кто он?

— Конечно, знаю. Ты думаешь, я желаю ему смерти потому, что он сын моего мужа от другой женщины? Я всегда знала о существовании Меллонии. Фавны ведь все рассказывают не только тебе, но и мне. А у того, которого зовут Повеса, всегда масса новостей. Все эти годы я завидовала Меллонии — последней женщине, которую любил твой отец. Но я никогда не испытывала к ней ненависти. Он был богом. Каждая избранная им женщина должна была быть достойной его, а я не была такой, даже в молодости. Во мне не было утонченности, которую он искал в женщинах. Но я никогда не причиню зла его сыну. И если смогу — буду помогать.

Асканий с удивлением смотрел на Лавинию. У нее были огромные, круглые, утратившие блеск глаза — серые или карие? Трудно сказать, но они не были пустыми и, как он теперь понял, не были глупыми. Бледная, веснушчатая кожа, бесформенная фигура, повисшие груди, слишком широкие бедра. Но, может, именно ее простота и несла покой? Будучи царицей, она ничего не требовала — ни поклонения,

ни послушания. А то, что он принимал за глупость, объяснялось необразованностью. Она даже не умела читать и не знала никаких языков, кроме латыни. Но образование еще не мудрость. Он никогда не испытывал к ней ни любви, ни ненависти. Просто слегка недолюбливал. («Ты ведь не очень любишь женщин»,— сказала Меллония.) Он взял ее грубую, с короткими пальцами, руку и пожал. Лавиния постоянно была занята какой-нибудь женской работой и больше походила на служанку, чем на царицу, хотя Эней умолял ее оставить все это слугам. Она ткала, готовила, пекла пшеничный хлеб, ходила стирать на камнях одежду к реке Нумиции вверх по течению от Вечного Леса, мыла валяльной глиной[60] столы — всегда трудилась, всегда была сама собой — простой женщиной, живущей в лесу, получившей мужчину, которого любит, но не его любовь. Некогда хорошенькая, она быстро утратила молодость и красоту, но не теряла даром времени на подкрашивание век и румяна, на украшения или пурпурные одежды, а продолжала быть просто женой и обычной женщиной; когда же ее подданные приходили к ней с просьбой вылечить ребенка, искали помощи в неурожайный год или сочувствия в случае смерти, она становилась царицей. «Высокомерный троянец»,— обвинила она тогда Аскания. Сама же Лавиния была хоть и простой, но благородной.

Кукушонок спал спокойным, глубоким сном. Его не стало тошнить от напитка. Асканий и Лавиния сидели рядом на кровати и смотрели на него. Асканий держал ее руку и думал: «Семь дней назад она лишилась мужа. Я потерял отца, но нашел брата и Меллонию. Пока не заболел Кукушонок, мне было с кем разделить свое горе и было кому меня утешить. А кто утешал Лавинию, кроме нескольких невежественных женщин (а может, подобно ей, они вовсе не были такими невежественными, какими казались мне раньше?)».

Кукушонок открыл глаза, когда заходящее солнце, будто феникс, опустилось на одно из квадратных окон.

— Я хочу еще вина,— сказал он.

Асканий посмотрел на Лавинию.

— Есть еще? — спросил он.

Она указала на сосуд с тонким вытянутым горлышком, стоявший в ногах кровати.

— Налей в чашу,— попросил он.

На этот раз Кукушонок сам смог взять ее в руки и опустошил в несколько глотков.

— Очень хорошо,— сказал он,— а теперь мы должны подумать о маме.

Асканий обхватил своего младшего брата обеими руками и, когда ему показалось, что тот дрожит от холода, сжал его еще крепче, желая согреть своим теплом.

— Не плачь,— повторял Кукушонок,— я вовсе не собираюсь умирать.

И тут Асканий понял, что дрожал он, а не Кукушонок, но он не стеснялся этого даже перед Лавинией. Асканий обернулся, чтобы улыбнуться ей и поблагодарить, но Лавинии в комнате не было. Несмотря на грузную фигуру и сандалии из сыромятной кожи, она бесшумно прошла по красно-голубому изразцовому полу.

— Кто эта женщина, приносившая мне вино?

— Лавиния.

— Вдова моего отца? Но она одета, как служанка, а не как царица. Простое коричневое платье без всякой цветочной каймы. Я думал, царицы носят пурпурные одежды, окрашенные багрянкой.

— Она всегда так одевается.

— Это не имеет значения. Ей не нужен пурпур. Она очень красивая, правда?

Глава V

Асканий и Кукушонок сидели внутри Дуба Румина и с нетерпением ждали. В воздухе сильно пахло листьями, яркое дневное солнце желтым ободком окаймляло дверь. Кукушонок был еще довольно слаб, но все же у него хватало сил, чтобы не сидеть без дела в Лавинии, в то время как его мать заточена в своем дереве. Он понимал, как важно то, что они делают, и какую незаменимую роль сыграл именно он при разработке плана, целью которого являлось спасение матери и посрамление Волумны, и это придавало ему силы.

Воины Аскания остались у края Вечного Леса. Их никто не должен был увидеть, не должна была услышать трава, выследить Повеса или обнаружить дриады. В случае необходимости их позовут, затрубив в раковину тритона. Кукушонок незаметно провел Аскания к дереву, старательно обходя все поляны, где дриады любили понежиться на солнце, эти покрывала из травы, кричавшей от боли, когда ее мяли сандалиями,

Теперь они дожидались появления Помоны, которая уже в течение нескольких недель сообщала всем обитавшим в Круге дриадам, а также проходившим мимо фавнам и кентаврам, жившим далеко за пределами Круга, Повесе и даже Кукушонку день и час, когда она отправится в Дерево. («Ты не боишься Сильвана?» — спросил ее Кукушонок еще до смерти Энея, до того, как он встретил Аскания. «Моя мама — королева,— ответила девушка.— Вряд ли Румин позволит этому морщинистому старому карлику занять место Бога».)

— Что если она не придет? — спросил Асканий, который от волнения не мог спокойно сидеть на листьях.

Как большинство мужчин, привыкших действовать, а не рассуждать, он испытывал волнение, если приходилось твердо придерживаться намеченного плана, а не бросаться в бой.

— Придет,— уверенно сказал Кукушонок. Всего три дня тому назад он лежал при смерти, а сегодня ощущал приток сил от веры в себя и в успех плана, который он сам придумал. Асканий рассказал ему, что в Дерево к дриадам приходили фавны и никто, кроме Волумны и Меллонии, не знает об этом.

Кукушонок не удивился.

— Мне никогда не нравился этот Бог. Я рад, что его нет. А если его не существует, мы можем воспользоваться Деревом и похитить Помону.

— Если она придет.

— Помона уже готова к *чему-то*. Если бы не было Дерева, она, наверное, сама поймала бы какого-нибудь фавна, а потом заявила, что он выскочил из зарослей, набросился на нее и стал наслаждаться.

(Асканий подробно рассказал Кукушонку о сексе, и тот, вовсе не шокированный, с восторгом заявил: «Наша бабушка здорово сделала, что придумала такое. Конечно, мужчины боготворят ее. Сколько я еще должен ждать?»)

Подкупить Повесу, чтобы он не подпускал других фавнов к дереву, было нетрудно: «Доспехи — сразу; если план удастся — еще лиру, флейту и барабан. Ты один будешь как целая армия».

Помона не обманула их ожиданий. Они услышали, как она прощается с Волумной, провожавшей ее до края поля. Что именно она говорила матери, когда пила маковый настой, не смог разобрать даже Кукушонок, несмотря на свой острый слух, но они заметили появившиеся в ее голосе уверенность и вибрирующие нотки от предвкушения встречи с Богом. Она

будто шла на праздник урожая, тот, который завершается оргией. Вот она пересекла поле, тихо напевая, и казалось, это пчелы (а может, осы?) жужжат вокруг нее, как вокруг смоковницы.

Асканий с Кукушонком прижались к стене, укрывшись в темноте между выступами коры, дверь распахнулась, затем Помона аккуратно закрыла ее и стала устраиваться на листьях, предварительно придав им форму постели. Она сняла украшения — ножные браслеты, ожерелье, булавки с головками-пчелами, а затем выскользнула из туники, как змея из кожи, чтобы насладиться своей наготой. Яркое солнце на улице ослепило ее, иначе она заметила бы Кукушонка с Асканием и закричала раньше, чем Волумна успела отойти достаточно далеко. Наконец она увидела их, во всяком случае, Аскания.

— Ты Бог? — спросила она.— Я вижу только высокий красивый силуэт.

Он шагнул к ней. Она попыталась подняться с листьев, но бессильно упала ему на руки. Напиток начал действовать. Было приятно касаться ее тела — мягкого, пышного и спелого. Асканию не нравились молоденькие девушки, но тело Помоны, в отличие от ее ума, было уже телом молодой женщины. Задача, стоявшая перед ним, исключала всяческие желания, но все же он подумал: «Как жаль, как дьявольски жаль, что все эти дриады не хотят принадлежать моим мужчинам. Но, может, что-нибудь со временем изменится...»

— Ты Бог? — повторила она.

Похоже, дриады-принцессы не боялись богов.

— Нет, Бога не существует. Я сын Энея, Асканий. И я беру тебя в плен. Не кричи, иначе мне придется задушить тебя.

— Асканий? — вскрикнула она, скорее с радостным возбуждением, чем со страхом.— Насильник. Ты собираешься взять меня?

— Да, взять в Лавиний.

— Что ты будешь там со мной делать?

— Мы будем с тобой долго беседовать.

— Это называется именно так? Ты ведь знаешь, я несведуща в таких делах. А что касается Бога, это меня не удивляет. Старшее поколение все принимает на веру. Но нас с подругами очень интересовало, что же на самом деле происходит в Дереве. Мы даже завидовали нашим беспутным сестрам, живущим на севере, которые занимаются любовью прямо в полях. В конце концов, кому интересно зачинать ребенка во сне? А кто это с тобой, Асканий? Там, в темноте, кто-то есть.

— Кукушонок,— ответил мальчик.

— Ты еще слишком мал для этого. Или нет? Ты сильно вырос за последнее время. Ну, это не важно. Ты всегда мне нравился, Кукушонок, хотя мама наказывала меня, когда я говорила, что ты вовсе не урод, а просто неуклюжий. Она называла тебя Энеевым щенком.— Речь ее становилась все более замедленной и невнятной.— Те мальчишки... с острыми ушами, которых мы бросаем в лесу... Кто еще... кроме фавнов, может быть их отцами? Мне, например, больше нравятся люди... что бы ни говорила мама. Теперь, когда ты мне все рассказал... Асканий... Хорошо бы ты приступил к делу до того, как я засну.. Конечно, это здорово — родить ребенка, но как жаль пропустить *само* зачатие. Мы должны подождать до Лавиния?..

— Да.

— Может, это и к лучшему. Я успею проснуться... И мы все сделаем в постели, как и полагается, а не на колючих листьях.

— Ты не поняла. Я взял тебя в заложницы, а не в любовницы.

Асканий тщетно пытался натянуть на нее тунику. Она не только не помогала, но пыталась откинуть свою одежду в сторону, несмотря на растущую слабость. (Зевс милостивый, когда же, наконец, подействует настой?)

— Значит, ни разу,— вздохнула она.

— Да, ни разу.

В конце концов, она, все еще обнаженная, потеряв сознание то ли от настоя, то ли от разочарования, упала ему на руки.

— Я пойду за Волумной,— сказал Кукушонок. Это тоже входило в их план. Асканий хотел дать это опасное поручение Мелеагру.

— Но ведь я лучше знаю лес,— запротестовал Кукушонок.— И к тому же дриады не посмеют со мной ничего сделать, когда я скажу, что дочь Волумны у тебя.

Асканий поднял Помону на руки, туника едва прикрывала ее бедра (белья она не носила, бесстыжая девчонка!), и вынес из Дерева. Он остановился, следя за тем, как длинноногий мальчик бежит вприпрыжку через поле, стараясь не наступать на маргаритки, а затем мысленно проделал вместе с ним путь через лес к Кругу дубов, до дерева Волумны и, наконец, оказался у того самого дуба, где Меллония с бесконечной грустью ждала известий о своем сыне.

Волумна вошла в зал как королева-победительница, а не как мать, лишившаяся ребенка. В зачесанных наверх волосах сверкали малахиты и аметисты (которые же из них украшали отравленные булавки?). Сандалии из кожи антилопы, касаясь голубых изразцовых плиток пола, издавали отчетливо слышимый звук. Изумрудная пчела, подвешенная на чем-то невидимом, поблескивала у нее на груди. Маленького роста, намного ниже всех присутствовавших в зале женщин, всех родственниц Лавинии, провожавших ее негодующими и одновременно завистливыми взглядами, она казалась высокой, и когда шла, от нее исходило сияние, как от драгоценного камня. Только седина в волосах свидетельствовала о ее немыслимом возрасте — триста и сколько там еще лет. Воистину королева.

Но Асканий не испытывал трепета перед ней. Он помнил Гекубу[51], Елену. Он сидел на гипсовом троне, украшенном грифонами, пурпурная мантия окутывала его плечи, золото волос сияло ярче, чем хризолитовая корона. Асканий не любил трон, пышность, корону, ему не нравилось сидеть на месте своего отца. Но ему доставляло удовольствие наблюдать, как Волумна проходит по залу мимо воинов, стоящих вдоль стен, направляясь к нему и к Кукушонку с Лавинией, восседающим на низких тронах по обе стороны от него.

Помона сидела у его ног на скамеечке. Охранял ее Мелеагр. Она перестала болтать с ним, только когда в зал вошла мать, и была гораздо более оживленной, чем можно было ожидать от девушки, чьи щеки утратили свой обычный румянец. Уже второй день она находилась вдали от своего дерева.

Волумна быстро, ободряюще улыбнулась дочери, но когда перевела взгляд на Аскания, улыбки на ее лице не было.

— Встань на колени,— сказал Асканий.

Волумна лишь склонила голову.

— На колени, сукина дочь, а не то я втащу тебя по этим ступеням наверх и поступлю с тобой, как фавн. Или Медуза обратила тебя в камень?

Волумна поспешно, но с достоинством опустилась на колени.

— Приветствуй моего брата и вдову моего отца! — Но Кукушонок не стал дожидаться приветствий.

— Мама здорова? Ты носила ей пищу?

— Вино и куропаток, желуди и фазанов,— ответила Волумна,— она питается лучше, чем когда этим занимался ты.

— Сомневаюсь,— сказал Кукушонок.— Ты еще не преклонила колени перед моей мачехой.— Волумна повторила свое приветствие.

— Лавиния, я взываю к тебе, женщине и царице, как женщина и королева. Подобает ли мне быть униженной перед сыном твоего мужа из-за падшей дриады? Царица вольсков Камилла была моей подругой. Мы с тобой тоже можем стать друзьями.

Лавиния, которая чувствовала себя неуютно в бледно-лиловом платье и явно предпочитала кухню тронному залу, вдруг действительно превратилась в ту царицу, к которой обращалась Волумна.

— Твоя подруга Камилла воевала против моего мужа. А ты посылала ей копья. Скорее я стану другом ядовитого паука, чем твоим.

— Достаточно любезностей,— сказал Асканий,— перейдем к делу. У тебя, Волумна, есть то, что нужно мне. Это — свобода для Меллонии. Она должна иметь возможность выходить из своего дерева, а если захочет — покидать пределы Вечного Леса и навещать Лавиний вместе с сыном, которого я назвал своим наследником. У меня же есть то, что нужно тебе. Твоя дочь. Мне кажется, это справедливый обмен.

Речь Волумны была неторопливой, но не столь внушительной, как тогда, в лесу, двенадцать лет назад, когда она заговорила с Асканием и его отцом после того, как они вышли из Дерева. Асканий внимательно смотрел на нее, и она зажмурилась от его взгляда, как от яркого солнца, хотя комнату освещал лишь очаг, где на вертеле жарилась баранина, да свет, падавший из окон, расположенных под самым потолком.

— Меллония не подвергается опасности. Да, она пленница в своем дереве, но грехи ее неоспоримы. Я давно простила ей связь с твоим отцом, но, встретившись с тобой на берегу Нумиции, она навсегда лишилась моего доверия.

— Мы только разговаривали.

— Это не имеет значения. Она знала, что делала. Она нарушила свое слово.

— Прости ее еще раз.

— Не могу поверить, что ты причинишь зло моему ребенку. Как бы ты ко мне ни относился. Ты сын Энея, а он всегда похвалялся своей добротой.

— Да, я сын Энея,— ответил Асканий,— но ты, кажется, звала его убийцей. Любой скажет, что у меня не такое доброе

сердце, как у отца. Если он был убийцей, значит я — киклоп. Нет, я ничего не стану делать с твоей дочерью, я просто позволю ей умереть вдали от дерева. После того, как мои люди и я порезвимся с ней.

Еще тогда, с отцом, он заметил, что Волумна похожа на паука. И сейчас вновь казалось, что она готовится плюнуть в него ядом.

— Мне здесь нравится, мама,— поспешно сказала Помона,— они ко мне очень добры, особенно этот приятный молодой человек, Мелеагр. Я только немного устала. Мне не хватает дерева.

Она больше не казалась такой цветущей, а походила на смоковницу, которую одолели пчелы.

— Хорошо, Меллония получит свободу,— с трудом выговорила Волумна.

Асканий не пытался скрыть своего недоверия, он скорее выставлял его напоказ, как насаженную на пику голову врага.

— Но сохранит ли она ее, если мы вернем Помону? Ты никогда не вызывала у меня доверия, и твое постоянство проявлялось лишь в безрассудной ненависти к мужчинам.

— Даю тебе слово. Клянусь Руминой, Кормящей Матерью, что...

— Твое слово и твоя богиня значат для меня не больше, чем грязь с берегов Тибра. Сейчас лишь твоя дочь имеет значение. Я намерен держать ее, пока не получу доказательств, что твои обещания выполнены. Да, она бледнеет, но вряд ли умрет раньше, чем на третий или четвертый день. Таковы мои намерения. Я буду держать ее во дворце, кормить, ухаживать за ней, обращаться как с гостьей, а не с пленницей, так, как ты видишь сейчас. Тем временем я приведу своих лучших людей — около пятидесяти закаленных воинов — в ваш Зал советов, где ты соберешь дриад — там ты не сможешь напустить на нас пчел,— и расскажешь своим подругам о Дереве, о своей лжи и о фавнах. Не исключено, что, узнав правду, они сочтут нужным выбрать новую королеву. Ту, которая будет обращаться с Меллонией и ее сыном так, как они того заслужили. Если нет, я сам сделаю за них выбор и избавлю Круг дриад от одного старого дерева. Что касается обещаний, которые ты не намерена выполнять, запомни, в отличие от отца, я не буду раскаиваться в том, что уничтожил твое племя. Эней пожалел дриад потому, что Меллония считала их своими подругами. Но только одна Сегета

доказала это. Возможно, они сторонились Меллонии лишь из страха перед тобой. Как бы там ни было, двенадцать лет она провела в одиночестве, а с ней вместе и ее сын, мой брат.

— Пусть будет по-твоему,— ответила Волумна.— Я соберу совет за час до сумерек.

Асканий повернулся к Кукушонку и Лавинии:

— Вы позволите королеве дриад покинуть этот зал?

— Ты злая женщина,— сказал Кукушонок.— Помнишь крота, который грыз корни твоего дерева, когда я был маленьким? Это я посадил его туда. Если ты что-нибудь сделаешь с мамой, то это будет уже не крот, а что-нибудь похуже.

Когда Волумна вышла из зала, Лавиния шепнула Асканию:

— Я ей не доверяю. Она будто не видит тебя, даже когда ее глаза широко раскрыты.

— Я знаю,— ответил он,— но я не позволю обмануть себя.

Он ощущал себя не так уверенно, как могло показаться по его прямой осанке и непреклонному выражению лица. Один Кукушонок всегда понимал, что Асканий чувствует на самом деле. Но он не стал подвергать опасности Кукушонка и оставил его в Лавинии, несмотря на настойчивые просьбы взять с собой.

— Стереги Помону,— велел ему Асканий.— Пусть Лавиния даст ей напиток из желудей. Он, конечно, не спасет ее, у Помоны ведь нет отца-человека, как у тебя, но может продлить ее дни, мы вовсе не хотим, чтобы она умерла.

Асканий поставил своих воинов у входа в Зал советов, чтобы они проверяли идущих туда дриад и отбирали у них ядовитые булавки и другое оружие.

В зале его охраняли вооруженные люди — двадцать пять лучших солдат — с мечами и щитами, в наголенниках и кирасах. Но Волумна была хитра, как фавн, и гораздо более коварна. Бесстрастные лица ее подруг тоже не вызывали доверия.

Все же она не стала увиливать от признания и сделала его сухо и кратко, подобно сообщению армейского разведчика: уничтожение ее племени львами; последовавшая вскоре за этим смерть матери; доверие к фавну, который, воспользовавшись ее дружбой, овладел ею; правда о Дереве.

— Я не хотела, чтобы вы узнали эту горькую правду,— сказала она в заключение.— Я хотела оградить вас от нее и от сознания собственного унижения. Я не жду от вас одобрения и прошу лишь не осуждать меня.

Никто не шелохнулся, только тени, отбрасываемые масляными светильниками и тлеющими углями в открытом оча-

ге, приготовленными для их зажигания, пробегали по комнате. Не слышно было ни единого звука, лишь приглушенное дыхание дриад, на лицах которых невозможно было прочесть, что они думают, и чуть более громкое — смелых, но сейчас оробевших мужчин, не желавших выглядеть трусами в глазах женщин, которые их ненавидели. Асканий не понимал, что выражают лица дриад, эти белые лепестки на фоне непроглядной ночи. Он никогда не умел читать женские лица, даже при ярком солнечном свете. Мужчина может казаться суровым, бесстрашным или грустным. Но ему трудно быть загадочным. Женщина же кажется такой, какой она хочет казаться, и может выбрать для себя загадочность Сивиллы[52].

Девочек не позвали на совет, присутствовали только молодые девушки и зрелые женщины, те, которые уже побывали в Дереве или собирались это сделать. «Им трудно,— думал Асканий, пытаясь подражать мудрым и взвешенным размышлениям отца.— Им трудно так быстро понять, что их враги были их любовниками, Бога нет, а королева, чем бы это ни объяснялось,— лгунья».

Он разглядывал их лица, пытаясь вызвать в себе сочувствие к ним, и с удивлением стал замечать, что не все они одинаково бесстрастны: каждая по-своему переживает то, что она сейчас услышала, и прячет это от посторонних глаз. Сегета не похожа на Волумну, она невозмутима, но не холодна; мороз, но не снег. Рузина — кажется, так зовут дриаду с крошечными, как мотыльки-бражники, ушками — смотрит то на него, то на Волумну, и во взгляде ее проскальзывает боль. Может, еще есть надежда, и они сами изберут вместо Волумны другую королеву. Вечный Лес перестанет быть врагом человека, а дриады и воины смогут разговаривать, а возможно, и любить друг друга. (Афродите известно, что большинство женщин в Лавинии некрасивы и вызывают лишь сочувствие: немолодые троянки, утомленные морскими бурями, их дочери, так и не сумевшие расцвести на чужой земле, родственницы Лавинии, как и она, после недолгой юности становящиеся некрасивыми и грузными.)

Первой заговорила Сегета, и ее слова вселили в Аскания веру:

— Волумна, позволь нам самим сделать выбор. Фавны использовали нас в своих интересах. Мы отдавали сыновей на съедение львам. Мы поступали жестоко по отношению к Меллонии и ее сыну.

— Я избавила вас от необходимости делать мучительный выбор, это — привилегия и, порой, мука королевы.

— Но сейчас нет другого выхода. Даже у тебя, когда твоя дочь в Лавинии.

В мерцающем свете ламп Асканию показалось, что на лице дриады появилась трагическая решимость. Все-таки в ней было величие. До сих пор оно использовалось во зло. Но теперь?..

Она воздела руки, будто призывая своих людей молиться Кормящей Матери:

— Всегда есть выход, даже если это смерть!

Ее лицо стало совсем безжизненным, словно она слишком долго находилась вдали от дерева. Окутанная молчанием, она бессильно опустилась на колени. Асканий почти пожалел ее. Можно было подумать, она вот-вот потеряет сознание.

Оказалось, что в комнате есть еще одна дверь, скрытая в земляном полу,— деревянный круг на кожаных петлях. Волумна стала поднимать его, как поднимают крышку на бочке с вином. Асканий выхватил меч.

— Волумна, если ты попытаешься исчезнуть из этой комнаты, мои солдаты убьют тебя!

— Но это моя комната,— улыбнулась она,— и не я, а вы исчезнете отсюда, чтобы освободить место моим друзьям.

Зал стал наполняться кошмаром. Сотней кошмаров. Ядовитыми пауками. Подобно коварно надвигающемуся приливу, они появлялись из ямы, из недр земли, из лабиринтов, ведущих к Гадесу. Черный прилив, поднимающийся будто по зову луны, медленно, ритмично, неумолимо. Асканий принял меры против нападения пчел, отобрал у дриад ядовитые булавки. Но пауки — носители яда, обожаемые дриадами, покорные им, их домашние любимцы, вроде котов у троянцев,— такую угрозу был способен предвидеть и предотвратить лишь его отец.

Несомненно, в их янтарно поблескивающих челюстях, похрустывающих, как тонкие сухие ветки, колеблющиеся на ветру, оставалось еще немало яда. Они были даже красивы какой-то смертоносной красотой, в них чувствовалась сила природы, как в лаве, и повиновались они законам, неизвестным Асканию. Они несли смерть всякому, кто пытался их остановить, но делали это неосознанно. Не так, как те, кто повелевал ими.

Жизнь в комнате будто угасла. Нет, просто в ней становилось все темней и темней: один за другим задувались светильники. Это делали сидевшие рядом с ними дриады, а очаг был быстро накрыт медной крышкой. В меркнущем свете Асканий успел заметить удивление на лицах большинства собравшихся. Впервые у них не хватило времени придать им бес-

страстное выражение. Он был уверен, что Волумна тщательно спланировала нападение, привела пауков из их гнезда под ее деревом и спрятала в пещере под Залом советов, но, похоже, не решилась поведать о своем плане всем дриадам. Тайну знали лишь те, в чьей преданности она не сомневалась даже после откровений о фавнах. Вряд ли могло утешить, что для большинства дриад предательство Волумны было неожиданным. Они по-прежнему оставались ее подданными, хозяевами наступавшего прилива, который шелестел по сухим листьям, как предвещавший бурю безобидный шум дождя.

Теперь видны были лишь светящиеся зеленые глаза. Черный прилив превратился в прекрасную звездную ночь, полную смерти. Вскоре она рассыплется у его ног на множество отдельных смертей. Он — царь, сын Энея. Он должен либо говорить, либо действовать, чтобы спасти своих людей. Сначала говорить, и лишь потом действовать — как это трудно для такого решительного человека, как он.

— Волумна, ты допустишь, чтобы твоя дочь умерла?

— Да, Асканий. Солдаты, которых ты оставил в Лавинии, могут прийти и уничтожить наши деревья. Но ты будешь уже мертв. Ты и твои люди, находящиеся в этой комнате, и многие из тех, кто придет мстить за тебя.

Дриады стали тихо и нежно посвистывать, как хозяйки, подзывающие своих любимцев. Прилив делился, распадался на части, пауки подползли совсем близко к его солдатам.

Во время первой атаки Аскания спасли глаза. Они застыли на месте и уставились прямо на него. Он слышал щелканье сжимающихся челюстей и с трудом разглядел в темноте восемь напружиненных лап, кривых и мохнатых. Паук готовился к роковому прыжку. Асканий знал, как уклониться от копья, увернуться от дротика, сейчас он спасся от самого страшного оружия. Он отпрыгнул в сторону с ловкостью воина, в детстве наблюдавшего, как сражается Ахилл, а подростком дравшегося бок о бок с отцом. Он ощутил, как по нему скользнули скрюченные лапы, услышал, как рядом с ним на листья шлепнулся паук, и стал неистово давить ногой там, откуда донесся звук. Даже сквозь кожаную подошву он почувствовал, как в предсмертных судорогах бьется мускулистое тело.

Голос Аскания загрохотал, как щит под ударами меча:

— Дриады! Ваша королева сказала, что всегда есть выход. Сейчас вы можете выбрать жизнь. Вы можете выбрать отцов для своих детей. Вы знаете, что фавны — вонючие дикари.

Вы думаете, что и мои люди такие же. Но разве они смогли хотя бы приблизиться по жестокости и коварству к вашей королеве?

От наступившей тишины в комнате стало еще темней. Она не отозвалась звуками, как должна была, а окрасилась чернотой. Больше нечего было сказать, пришло время действовать.

Асканий не мог рубить мечом в темноте, он боялся поранить друзей и дриад. Оставалось лишь давить эту восьминогую смерть, целясь в глаза, холодные, немигающие глаза, которые нельзя было спрятать. Возможно, он погибнет, погибнет и большинство его солдат. «Кукушонок вырастет и станет мудрым царем. А Меллония? Что будет с ней, обреченной почти на бессмертие, запертой в своем дереве? На смену Белому Сну будет приходить зеленая весна (но не для нее); будут лететь годы, складываться в поколения (но не для нее). Отец не ошибся. Его любовь была обречена».

Изо всех концов комнаты в ответ на тихие нежные звуки надвигался кошмар, вот пауки уже окружают их...

Защищаясь от второй атаки, Асканий поднял щит и почувствовал, как тело ударилось об его острые бронзовые грани.

— Довольно лжи! — голос всегда хладнокровной Сегеты звучал страстно.— Почему мы должны умирать из-за глупого самолюбия жестокой старухи? Той, которая, не задумываясь, жертвует своей дочерью и всеми нами? Помогите мне зажечь светильники.

Оранжевые языки пламени взвились кверху, как только с почти потухших углей в очаге сняли крышку. Сегета взяла один из них маленькими медными щипцами.

В дрожащем свете появились коричневые стены и совсем не страшные корни, каждый светильник казался отдельной луной. Смертоносные звезды гасли в ночи.

— Кыш, кыш,— говорила Сегета, загоняя пауков обратно в их гнездо, остальные дриады помогали ей, мелодично насвистывая особым тонким свистом, означавшим, что паукам пора уходить. Казалось, будто земля вновь обрела власть над Подземным миром, жизнь победила смерть.

— Мы изберем новую королеву, Асканий.

Глава VI

Кукушонок вприпрыжку бежал по лесу к Лавинию. Он с легкостью перелетал через кучи листьев, виноградную лозу,

корни и камни, почти не чувствуя их под своими длинными ногами. Он казался себе сильным, ловким и очень нужным. У него было важное поручение. Он нес послание, которое его мать передала Асканию: «Когда солнечная колесница промчится по небу, дриады придут к тебе, чтобы принести присягу на верность». Три дня назад она вышла из заточения, бледная, обессиленная, как после Белого Сна. А сегодня, провожая Кукушонка, светилась от счастья, будто из Ливии прилетели аисты, и дерево ее расцвело и покрылось птичьими гнездами.

Асканий, даже не повидавшись с Меллонией, прямо из Зала советов поспешил в Лавиний, чтобы освободить Помону. Волумна, как только ее лишили королевского звания, исчезла. Она не вернулась в свое дерево и даже не захотела увидеться с дочерью.

Подбегая к берегу Нумиции, Кукушонок стал насвистывать. Внезапно он остановился: может, следует задержаться у могилы отца и выразить свою скорбь?

— Отец,— прошептал он,— как ты там, в Элизиуме? Говорят, мертвые приходят в мечтах и сновидениях, чтобы утешить тех, кого они любят.

И, действительно, он услышал голос. Что это было, шелест деревьев, стук дятлов или свист крыльев ласточки? Дух его отца или игра воображения?

«Не скорби обо мне в этот счастливый день, когда троянцы и дриады научились жить в мире. Когда Меллония и Асканий встретились как друзья, и ты обрел их обоих».

То, что он услышал затем, несомненно, происходило наяву. Кто-то большой легко и осторожно шел, раздвигая листья. Это мог быть только лев. Кукушонок решил побыстрее перейти через реку и ускорил шаг. Время для рискованной встречи с незнакомым и, возможно, голодным львом было явно неподходящим. Но в том, как ступал этот лев, и как от него пахло шерстью и землей, чувствовалось что-то знакомое. От всех львов пахнет по-разному, и у каждого своя поступь. Это был друг Сатурна, тот самый, с которым Кукушонок и Асканий познакомились после того, как они оставили Меллонию у могилы отца. О том, чтобы не поздороваться, не могло быть и речи.

Между двух вязов, среди кустов ежевики, бежала, скрываясь в темном лесу Сатурна, тропинка.

— Кукушонок.

На тропинке стояла Волумна, преграждая ему путь. К разорванному платью прицепились колючки, волосы растрепались и спадали на уши, седина почти вытеснила зелень,

будто снег накрыл траву. Она казалась совсем старой и выглядела на свои три с лишним сотни лет.

Волумна поднесла к губам трубку для выдувания отравленных стрел, маленькое, изящное оружие, выкованное из серебра, удивительно похожее на флейту. Одно движение — и она прикоснется к ней ртом, легкий выдох — и смерть полетит ему прямо в лицо, в сердце, туда, куда она прицелится. А стрелок она меткий и попадает в летящего дятла с пятидесяти шагов. Можно напасть на нее, можно побежать в противоположную сторону, но спастись от ее стрелы все равно не удастся.

— Я ждала тебя,— сказала она,— ты идешь в Лавиний?

— Да.

— К своему брату? Сыну Энея?

— Да, Волумна.

— Мне нужно тебе что-то сказать.

Она была такой старой, седой и бледной, что на миг ему пришла в голову безумная мысль: «Не хочет ли она попросить, чтобы я вступился за нее перед братом?»

— Твой отец погиб в стычке с рутулами.

— Я знаю.

— Так вот, это я обнаружила их в лесу. Они хотели всего лишь поохотиться, и ничего больше. Но я сказала Повесе: «Они вытащили ваши сети. Напали на ваше поселение. Убили твоих друзей. Ты должен пожаловаться Энею. Он прогонит их». Повеса поверил мне и сделал все, как я сказала. Мне не потребовалось даже подкупать его.

— Мой отец пришел туда, и рутулы убили его...

— Он пришел, но вовсе не рутулы его убили. Неужели ты действительно думаешь, что эти жалкие оборвыши могли победить троянского героя? Он сражался сразу с тремя и вовсе не собирался уступать им. Под ударами его прославленного меча щиты разлетались на кусочки. Один из рутулов упал на колени. Другой обратился в бегство. В какой-то момент Эней повернулся спиной к кустам и деревьям. И тут я нанесла удар. Никто не видел меня. Невозможно заметить дриаду в ее зеленой тунике, если она этого не хочет. И для рутулов, и для троянцев я была всего лишь листвой и туманом. *Это я убила твоего отца!*

Кукушонок больше не боялся ее стрел. Одиннадцать лет непрерывной ненависти поразили его, как удар молнии, посланной Зевсом. Он стал деревом, загоревшимся священным огнем, пришедшим с небес. Но, в отличие от дерева, он мог

двигаться и нападать, даже не обращая внимания на стрелы, смазанные быстродействующим ядом. Сейчас он способен был прыгнуть лучше любого паука.

Но все же он опоздал. Более опасная молния, опередив его, вылетела из леса Сатурна. Волумна, наделенная острейшим слухом, забыла первую заповедь леса: всегда прислушивайся.

— Друг! — закричал Кукушонок.— Не глотай ее целиком! Ты отравишься стрелами!

Но оказалось, он боялся зря. Друг Сатурна был слишком привередлив, чтобы рисковать своим здоровьем. С тщательностью повара, готовящего дичь к царскому столу, он освободил Волумну от таких несъедобных деталей, как одежда, булавки и стрелы, и теперь наслаждался трапезой.

Лес двинулся на встречу с равниной. Возглавляемые новой королевой — даже Кукушонок еще не знал, кого они избрали,— дриады шли, чтобы принести клятву верности Асканию, царю и победителю. Они вплели в волосы нарциссы, в руках у них были корзины, наполненные гранатами, похожими на красное золото. Это мог быть праздник или похороны. Наверное, и то и другое.

Асканий и Кукушонок ожидали их у входа в город, стоя на вершине холма, у подножия которого расстилалось поле. Оно было заполнено оживленными фавнами и кентаврами, пришедшими из дальних уголков Вечного Леса, чтобы посмотреть, как ненавистные им дриады будут унижены перед троянцами. Кентавры всегда занимались сельским хозяйством и сейчас на поле, как грибы, выросли сделанные ими лотки — круглые куски дерева под голубыми парусиновыми навесами, где они собирались продавать свои овощи — чечевицу, тыквы и кабачки. Фавны пришли сюда не работать, а поглазеть, а если удастся, и украсть, что плохо лежит или останется от продажи. Кукушонок втянул носом воздух. Сильно пахло затхлой рыбой и свежими фруктами. Среди толпы он заметил Повесу, непривычно чистого, в шлеме, нагрудных пластинах и с флейтой. Похоже, он приготовился как воевать, так и играть.

Большинство жителей города — около трех сотен мужчин, женщин и детей — поднялись на городскую стену, чтобы приветствовать дриад, все, кроме тех, кто охранял вход в город, самого царя, его брата и Лавинию. Асканий все еще не полностью доверял дриадам.

плывшие из далекой страны. Наш город был разграблен и сожжен, большинство кораблей поглотило жестокое море. Мы никогда не чувствовали себя дома среди этих чужих лесов, запертые в своем городе. Теперь мы вместе должны отодвинуть засов и раскрыть ворота.

Ответную речь держала Меллония. Кукушонок был смущен и одновременно горд. Трудно признать королеву в своей матери. Но ее глаза сияли, будто она увидела — или вспомнила — бога. Ему захотелось опуститься перед ней на колени.

— Мы тоже ощущали бремя неволи. И тем более жестоким оно было, что мы не скрывались за стенами, а считали себя свободными. Но подлинная свобода заключается в том, чтобы быть вместе, а не держаться порознь. Пришло время отодвигать засовы и раскрывать ворота.

Меллония, Кукушонок и Асканий вошли в город — королева, принц и царь. Другая царица, Лавиния, стояла в воротах. Асканий поклонился ей, а Меллония улыбнулась, словно говоря: «Ты тоже любила Энея. Мы этого не забудем».

— Жаль, что отца нет в живых,— вздохнул Асканий.— Он был бы очень горд.

— Я помню, как он рассказывал мне о Дидоне,— сказала Меллония.— О том, что она пыталась обратить лето в весну, сделав вид, будто в водяных часах не падают капли, а тени не движутся по циферблату солнечных часов. Помнишь, Асканий?

— Да.

— Но еще большую ошибку можно совершить, если пытаться обратить лето в осень, слишком внимательно прислушиваться к водяным часам и не отрывать взгляда от движущейся тени.

— Ты говоришь загадками,— сказал Асканий.— Как мой отец.

— Ты ведь понимаешь, что она хочет сказать,— заметил Кукушонок.

— Я не уверен в этом. И не смею надеяться, что это то, о чем я мечтаю.

— Феникс,— сказала Меллония.— Ты что-нибудь слышишь?

— Да. Шум крыльев.

— Может, это ласточка? Или дятел?

— Нет. Это мотылек.

Зачарованный лес

ЗАЧАРОВАННЫЙ ЛЕС

I

Этрусский Сутриум — поселение на краю леса, венчающее собой вершину утеса... Весной, когда потоки тающего снега сползают с горы Цимини и охватывают основание утеса ледяными когтями, он превращается в остров. Летом селение на утесе тоже остается островом, но теперь его окружает море зелени. Буйная поросль густо переплетенных побегов ядовитого плюща затягивает и исцеляет раны, нанесенные весенним льдом. К северу от Сутриума этот лес крадется, словно дикий кот. На картах он называется Циминианским лесом, но местные жители шепотом произносят иное, более зловещее имя: Зачарованный лес. Никто уже не помнит, как возникло такое название, но все ощущают таящуюся в нем скрытую угрозу. Поэтому обитатели Сутриума окружили свое поселение стеной, сложенной из квадратных блоков туфа. Над стеной возвышаются оборонительные башни, а с трех сторон в ней имеются арочные ворота. Самые большие ворота обращены к югу — благословенному краю, обители сельских богов. От каждых ворот медленными извивами в долину спускается выложенная базальтовыми плитами дорога. У южного подножия утеса, там, где подступы к селению перекрывает глубокий ров с подъемным мостом, все три они объединяются в одну. На северной стороне крепости вместо ворот высится сторожевая башня, чье квадратное око под тяжелым каменным веком вечно смотрит на лес немигающим взглядом.

Собственно говоря, Сутриум представляет собой настоящий город. Конечно, это ни Вейи, славящийся своими кузне-

цами-огнепоклонниками, ни Цере, знаменитая бронзовыми колесницами, ни Тарквиния, состоящая из лабиринта улиц. Славу Сутриуму создают его храмы — ротонда, посвященная Божественному Ребенку Тагесу, огромный оранжевый прямоугольнике храма Юпитера, Юноны и Минервы (этруски зовут их Тиниа, Уни и Менерва), и доблесть его жителей — мужей в набедренных повязках, чьи бронзовые от загара плечи прекраснее любых одеяний, и женщин, с ног до головы закутанных в льняные и шерстяные ткани, расшитые изображениями головы Горгоны, крылатых химер, волчиц и ловчих птиц.

«Конечно, на нас лежит благословение богов, сияющее как лучи солнца,— как будто говорят они.— Вот почему так явно наше презрение к лесу; силу нашу подтверждают наши рабы, чья блистательная, великолепная нагота показывает, как щедро они накормлены, и хотя они не обладают ничем, их жизнь течет благополучно под нашим покровительством, несмотря на то, что живут они лишь для того, чтобы служить нашим прихотям».

Даже коты в Сутриуме выглядят роскошно, окрасом своим напоминая пчел: тот же густо-золотой цвет, те же угольно-черные полосы. Они походят не на домашних кошек Египта, а на крупных африканских котов-сервалов, которых карфагеняне ловили в джунглях и посылали в дар своим союзникам-этрускам. Эти коты следуют за хозяевами на рынок, презрительно фыркают на растерянных от великолепия города варваров, привезших сюда свои товары, и на их худых тонконогих псов, жмущихся к ногам владельцев. Они покоятся на каменных ложах во дворах, пока бесшумно ступающие рабы с небольшими серебряными подносами, прикрытыми от палящего солнца широкими листьями, подносят им сыр, приготовленный из молока снежно-белых коров, либо тщательно ощипанные крылышки фазанов.

Говоря по чести, обитатели леса, именуемые здесь Зачарованными, не выглядят сколь-нибудь серьезной угрозой для осененного благословением богов города, чье население состоит из прекрасных граждан, покорных рабов и изнеженных котов. Каждый девятый день жители Сутриума позволяют Зачарованным входить в город и покупать то, что те считают нужным — краснофигурные вазы, доставленные из Афин, узорчатую парчу из Милета, бронзовые кинжалы, выкованные в Вейях. Немытых лесных невежд терпят здесь из-

за каштанов, которые те доставляют из леса в плетеных корзинах, а также из-за свежей оленины, глиняных горшков с медом и нежных угрей, выловленных в озере Циминус.

За право торговать и покупать товары на рынке лесовики позволяют жителям города пересекать Зачарованный лес, направляясь в Витербо, Волсиний и другие этрусские города на севере. Говорят, давным-давно, они даже предлагали открыть путь в самое сердце леса, к городам и посещать города сильван — жителей глубокой чащи. Но предки нынешних сутриан пренебрегли этим предложением и пересекали лес с видом аристократов, которым отвратительно общество дурно пахнущих рабов. Поэтому лесовики перестали относиться к ним как к друзьям. И все же они до сих пор позволяют горожанам пользоваться одной тропой, которая так и зовется Дорогой, как ее называли — в обмен на право торговать на рынке города.

На городском рынке лесовики кажутся смущенными, скованными и неуклюжими, но в лесу, когда удается заметить их с Дороги, они выглядят сильными, как боги, облаченные в покров неуязвимости. Спины кентавров гордо распрямляются, а цоканье их копыт становится подобным барабанной дроби, рога фавнов изгибаются, словно костяные кинжалы. Вид всего этого не придает особой смелости тем, кто путешествует по Дороге. Если он едет в экипаже, то старается плотно закрыть глаза и представить себе, что лес населен лишь нежными обнаженными нимфами. Само собой, в лесу обитают и нимфы — водяные эльфы, обликом похожие на женщин, они действительно ходят обнаженными и достаточно нежны к мужчинам своей расы. Но вот этрусков любят не больше, чем дельфины любят акул...

Ларс Велха из Спины перевез свою дочь и всех рабов в Сутриум, где прежде жил его покойный брат Аппиус, оставивший ему в наследство виллу. Жена и сын Ларса погибли два года назад — их зарезали во время набега галлы. Он пытался забыть их или хотя бы отомстить за их смерть: загнал рыжеволосых разбойников назад в горы, а головы пленников преподнес в качестве жертвы чернокрылой Вант, богине смерти. Но месть едва ли может служить лекарством от печали. В родном городе, где Ларс провел детство, где женился и стал отцом, он на каждом шагу встречал свою потерянную лю-

бовь. По этой улице проходила его жена, в своем огненно-красном платье прекрасная, как птица феникс. Вот на этой лужайке играл сын Ларса, а здесь он учился стрелять из лука или метать диск. Переселение в Сутриум обещало если не забвение горя, то хотя бы свободу от беспрерывной череды воспоминаний.

— Завтра вам придется идти через Заклятый лес,— сказал хозяин придорожного трактира, заметно польщенный присутствием столь знатного человека и стремясь произвести на него впечатление прекрасным знанием окрестных земель.— Старайтесь не сбиться с Дороги. Зачарованные всегда настороже, знаете ли.

Ларс Велха рассмеялся.

— Вы думаете, что я боюсь горстки презренных фавнов? Мой брат рассказывал мне о том, как они являются на рынок. Босые. Со сломанными рогами. Приносят куски меди вместо монет — совсем как те крестьяне, которыми мы правим в Риме.

Но Ларс, хотя и слыл отчаянным храбрецом на поле брани, а в мирное время любил приложиться к бокалу доброго вина, отнюдь не был столь плохим отцом, чтобы рисковать жизнью своей дочери. С самого момента вступления в лес он постоянно следил за тропой, стараясь удержать свой отряд в пределах Дороги. Два обнаженных раба, вооруженные дубинками, возглавляли колонну. Сам Ларс правил повозкой, какую называют *карпентумом* — с бронзовыми колесами и круглым кожаным навесом. Рядом с ним дремала на козлах Танаквил, За карпентумом Ларса ехали три больших фургона, которыми правили рабы; в фургонах были сложены треножники, жаровни, подсвечники, свитки, одежда и оружие, последнее лежало ближе к краю.

У путников не было искушения сходить с тропы. Вдоль Дороги плотной стеной стояли деревья. Казалось, что они с неохотой несут свой тяжкий лиственный покров — будто бы готовые в любую минуту распрямить свои ветви и сбросить зелень на тропу, подобно боевой сети. Здесь были вязы и каштаны, буки и дубы, а также деревья, известные своей черной колдовской силой — конский каштан, черный самбук и иглица понтийская. Там, где вдоль дороги рос дикий виноград, его корни пересекали проезжую часть и колеса переваливались через них, словно переезжая человеческие конечности. Острые ветви были расщеплены на концах и сожжены огнем Тиниа.

Танаквил молчала почти всю дорогу. Казалось, ничто не могло потрясти ее — ни колдовские деревья, ни сожженные ветви. Глаза девушки были сонными, а вид — апатичным и вялым. Ее мягкий голос, уже округлившиеся очертания рук и груди и вполне созревшее женское тело резко контрастировали с детской безмятежностью. Танаквил было уже семнадцать лет, но с момента смерти матери и брата она как будто остановилась в своем развитии — росло и созревало лишь ее тело. Казалось, девушка жила во сне — долгом, почти непрерывном, от которого она неохотно отрывалась только для того, чтобы что-то съесть, произнести несколько слов или сесть за ткацкий станок. А затем она снова возвращалась в прежнее состояние, как овца из стихотворения Сафо — *«назад на гостеприимное пастбище»*. Пребывая в этом странном покое, она была подобна образу Персефоны — девы, венчающей лесной храм. Если она вообще что-то замечала в окружающем лесу, то лишь падающие сквозь листву солнечные лучи или синеглазую сову, негромко ухающую среди сплетенных ветвей.

— Танаквил,— после длительного молчания произнес Ларс.— Передай мне фляжку. Это солнце вызывает у меня жажду.

Она кивнула и подала ему серебряную фляжку в оплетке. По всей видимости, там был мускатель — любимый напиток этрусков.

— Эх, Танаквил... — вздохнул он, опустошив фляжку.

— Ты уже все выпил,— улыбнулась она.

— Да тут было нечего пить. Ты забыла наполнить ее в гостинице.

Ее лазурно-голубые глаза расширились от огорчения.

— Прости меня, папа!

— Ничего страшного. Мы должны скоро добраться до реки. Там я и напьюсь.

— У рабов есть фляжки. Возьми одну из них.

Он посмотрел на нее осуждающе.

— Фляжки рабов — для губ рабов.

Порой демократизм дочери, проявлявшийся так же невинно и естественно, как роса на листьях, беспокоили и возмущали его. Все эти веяния, вне всякого сомнения, были занесены из Афин. Безусловно, эти афиняне — на редкость одаренный народ, их скульптуры просто бесподобны. Но их политика ни на что не годится. Демократия! Ничего, вскоре они еще взрастят себе тирана!

Но упоминание о фляжках еще сильнее распалило его жажду. Вскоре он сказал:

— Мне кажется, я слышу плеск воды. Там, слева.

— Но ты не должен покидать Дорогу! — воскликнула она.

Горячность дочери поразила Ларса.

— Почему бы и нет?

— Ты же помнишь, что сказал хозяин трактира.

— Да пусть Харон заберет этого трактирщика!

— Ну, тогда пошли к воде кого-нибудь из верховых слуг.

— Они никогда ничего не могут найти. Запомни: это всего лишь римские землепашцы. Попроси их найти клеймо у них же на руке, и они укажут тебе на мозоль на пальце ноги. Я пойду сам.

Он ободряюще сжал ее запястье чуть выше браслета, сделанного в виде свернувшегося кольцом леопарда. Как всегда, красота дочери вызвала у Ларса прилив отцовской гордости. Это он, со своим грубым лицом, покрытым шрамами от меча, обладатель черной как нос пиратской галеры-пентеконтеры, бороды и горбатого, трижды переломанного носа, сумел произвести на свет такое прелестное дитя, похожее на нежный, только что распустившийся цветок.

Иссиня-черные волосы девушки были накрыты легкой серебряной сеткой изящного плетения, которая оттеняла их цвет, подобную цвету спелого винограда. В сетку были вплетены три алых мака. Маки — цветы Вант, богини смерти. Но их алое сияние казалась таким же полным жизни, как и румянец Танаквил, щеки которой не нуждались в кармине, чтобы стать свежее и ярче.

«Как и ее цветы,— подумал Ларс,— моя дочь мертва и жива одновременно, страстная натура, погруженная в пучину сна. Но когда она проснется...»

Он обернулся и громко сказал, обращаясь к верховым рабам, ехавшим чуть позади:

— Эй, вы, Маркус и Целиус. Я еду на поиски воды. Присматривайте за моей дочерью.

Маркус и Целиус в ответ покорно буркнули нечто неразборчивое.

«Римские землепашцы,— пробормотал Ларс.— Неповоротливые как свиньи и тупые как овцы».

— Отец,— окликнула его Танаквил, когда он уже приблизился к краю тропы, положив руку на кинжал. Ларс остановился и нетерпеливо обернулся к ней.— Отец, там что-то есть.

— Ну, конечно,— рассмеялся он.— Птицы, звери и лесовики.

— Это что-то — очень недоброе.

— В лесу нет ничего доброго. Но и я не таков. Так что мне нечего бояться.

Но Ларс, как и большинство представителей его народа, был подозрителен и доверял предчувствиям — а этрусские мужчины всегда уважали интуицию своих женщин. На мгновение он заколебался, несмотря на свое прежнее решение. Действительно, в окружающей природе чудилось что-то недоброе. Но мужчина мучился от жажды, а кроме того, не хотел поступиться своей гордостью. Поэтому он двинулся вперед, прокладывая дорогу сквозь заросли деревьев и кустов ежевики, царапавших его обнаженные икры и руки — этрусская туника закрывала лишь торс. Колючки проникали сквозь тонкую ткань верхней части его легких башмаков, служащих скорее, для украшения, нежели для сбережения ног. Проклятье, надо было надеть походную обувь!

Плотная тень от густой листвы целиком скрыла солнце, будто вулканическая пыль, способная поглотить весь город. Упругие ветки то и дело хлестали по лицу. Когда Ларс спотыкался, ему казалось, что на него изливается поток, обжигающей и бурлящей лавы, лишая всякой надежды на спасение. На примятой траве отчетливо виднелись следы — отпечатки копыт. Козла или фавна? Коня или кентавра? Тем временем тихий шелест воды превратился в отчетливый плеск. Жажда, острая и жгучая, буквально раздирала изнутри горло мужчины. Он двинулся по следам копыт.

И вышел к озеру. Звук, который он слышал, был плеском волн о каменистый берег. Ларс остановился, пораженный удивительным духом этого места, «гениус локи», как его называли латиняне. И тут же тревога охватила его. Несмотря на зыбь, поверхность озера была неестественно гладкой и напоминала потускневшее серебро на старых щитах. Этот водоем не принадлежал людям. Здесь было одно из тех мест, где рождаются и обитают боги, откуда они своими невидимыми пальцами управляют полетом ветров и течением вод. Создания, презирающие людей — слабых, ничтожно малых и смертных.

Но Ларс испытывал иссушающую жажду — и, кроме того, он был слишком горд.

Вдали, за озером, вставал силуэт горы Цимини, темные полосы ущелий тянулись вниз от пика, затянутого серо-голу-

бой дымкой. Слева можно было разглядеть заболоченный берег у самого подножия горы. Но справа обзор был закрыт полупогруженной в воду гигантской массой — вероятно, огромным стволом упавшего дерева. Это озеро — Ларс слышал, что его называли Циминус — населяли водяные эльфы, а за древесной преградой, несомненно, находились их жилища и лодки.

Двигаясь почти бесшумно, он подошел к берегу и опустился на колени. Черные угри извивались в прозрачной глубине, жирная щука неподвижно стояла среди камышей. Ларс сложил ладони ковшиком, зачерпнул воду и поднес ее к губам. Вода в озере была острой на вкус из-за большого количества серы, но чистой и освежающей. Оставалось только наполнить фляжку.

И в этот самый момент он заметил мальчика. Сперва Ларс по ошибке принял его за человеческое дитя, задремавшее под жарким солнцем, лежа на спине. Но потом мужчина внимательнее присмотрелся к медному цвету его кожи и остроконечным ушам, заметил мягкие плавники, перепончатые пальцы на ногах, густой серебристый мех на животе и бедрах. Водяной эльф. Суеверный человек мог бы назвать его божеством — но боги никогда не попадают в подобные ситуации и не позволяют людям подходить к себе незамеченными.

Мальчик спал на дне грубо изготовленной лодки, представлявшей собой простое выдолбленное бревно с обтесанными концами. Над лодкой был сделан плетеный навес из прутьев, а нос вырезан в форме совы. Лодка была почти незаметна и на первый взгляд могла показаться одним из многочисленных бревен, прибитых волной к деревянной преграде. Впрочем, скорее всего, попытка скрыть ее от чужих глаз была случайной — у мальчика вряд ли были основания опасаться вторжения чужаков. Он спал, уверенный в безопасности своего озера, на своей собственной земле.

Сколько ему было лет? Наверное, около шестнадцати. Коротко подстриженные волосы выглядели чистыми и мягкими. Их можно было бы назвать льняными, если бы не одна небольшая, но привлекающая внимание особенность — хорошо заметное серебристое сияние. Это было не безжизненное серебро старческой седины, но яркое магнетическое свечение, подобное блеску стрекозиных крыльев или изысканного кубка, сверкающего в лучах солнца. Стройный, серебристо-золотой стан походил на тигровую лилию. Мальчик чуть улыбался во сне — вероятно, ему снилось нечто сладостное и

чувственное, он находился у той тонкой черты, что отделяет ребенка от взрослого мужчины.

«Танаквил тоже должна его увидеть,— подумал Ларс.— Своим очарованием он сумеет вывести ее из дремотного полубытия. Я возьму его с собой!»

Ему всегда прислуживали рабы, так что Ларс Велха считал совершенно правильным и естественным порядок, при котором одни должны управлять, а другие — служить. Когда этруски, греки или египтяне нуждались в новых рабах, они просто начинали войну с соседями. Что касается водяного эльфа, то это просто будет жест милосердия — забрать его из леса, в котором обитают злобные твари и царит дикость, и перенести его в безопасный Сутриум, где юноша получит еду, кров и весь комфорт, даруемый человеку благоустроенным домом и всеми благами цивилизации.

Ларс был сильным человеком: мускулы его ног имели размер кокосового ореха. Опытный воин, при всем своем изрядном весе он умел двигаться так же бесшумно и стремительно, как лесная рысь. Он осторожно ступил в воду и медленно двинулся к лодке. Дно оказалось мягким и скользким, а холодное течение под поверхностью воды освежило уставшие в пути ноги мужчины.

Ларс Велха наклонился к мальчику, как отец склоняется над сыном, стараясь не нарушить его сон. Мальчик все же открыл глаза, однако их темная, переливчатая золотая глубина не выражала страха. Лишь удивление, что кто-то осмелился разбудить его. Удивление и гнев. Но прежде чем засверкавшие яростью очи эльфа смогли поразить цель, Ларс успел закрыть их рукой.

Ему никогда не приходилось встречать такую силу в столь хрупком теле! Казалось, он сражается с акулой. Мальчик бился и извивался в руках Ларса, пытаясь ослабить его хватку. В конце концов опытный воин вынужден был пойти на крайнее средство — резко ударив пленника ребром ладони в основание шеи, он положил конец утомительной борьбе. Эльф в судорогах забился на поверхности воды и упал на живот — теперь он походил на пустой винный бурдюк. Ларс поднял его и перекинул через плечо.

Каким же легким был тот, кто так мощно и яростно сражался! Но даже с таким грузом без помощи рук мужчине было трудно пробираться назад сквозь густые заросли ежевики. Он ободрал ноги о ее колючки, один раз шипастая ветка

хлестнула по обнаженному плечу эльфа, но не оставила на нем ни царапины. Вероятно, кожа у эльфов была очень жесткой — скорее всего, именно это позволяло им так долго находиться в воде. Ларс посмотрел на закрытые глаза эльфа — теперь их колдовское свечение было скрыто веками. В конце концов, это был всего лишь мальчик. Конечно, он впал в ярость, конечно, он сражался как акула! Но какой мальчик на его месте не попытался бы сделать то же самое? Но там, в Сутриуме, Танаквил сумеет успокоить и приручить его, превратив в послушного спутника, слугу и компаньона. Перед ее несокрушимым покоем, самое острое оружие затупится и потеряет свою силу.

Увидев возвращающегося Ларса, Танаквил спустилась с повозки и с неожиданной быстротой рванулась навстречу отцу. Ее лицо вспыхнуло внезапным румянцем.

— Отец,— воскликнула она.— Ты нашел Зачарованного! Он ранен?

— Он всего лишь оглушен.

— Это *ты* оглушил его?

— Я принес его тебе, пускай он станет твоим товарищем по играм.

Обмениваясь этими фразами, они подошли к повозке. Вместе они разместили мальчика на тюках с льняными занавесями, которые должны были украсить двери их новой виллы в Сутриуме. Танаквил склонилась над эльфом и положила ему под голову подушку.

— Товарищ по играм,— повторила она, ее глаза с тревогой пробежали по телу обнаженного эльфа.— Но он ведь не просто мальчик. Я думаю, ты должен вернуть его в лес.

— Ерунда. Если он не станет тебе товарищем по играм, то значит, будет просто личным рабом. Этим мы оказываем ему благодеяние. Какую жизнь, по-твоему, он вел в лесу? Ему все время угрожали волки и охотники.

— В этих лесах нет охотников. Во всяком случае, до сих пор не было...

Эльф постепенно приходил в себя. Он кашлянул, очищая легкие от воды, затем приоткрыл глаза и, жмурясь от яркого света, посмотрел на Танаквил. Золотое свечение его глаз исчезло. Вместо него появился оттенок железа — как у наконечника римского копья.

Он заговорил по-латыни — на древнем языке, хорошо знакомом Ларсу и Танаквил, которые провели долгие годы в

пределах Рима и окрестных городов, входивших в Этрусскую лигу. С акцентом, но вполне внятно мальчик произнес:

— Вы забродились.

— Он хочет сказать: заблудились,— догадалась Танаквил.— Вероятно, он так произносит «л».

— Но почему это мы заблудились? — возмутился Ларс.— Мы находимся на дороге в Сутриум, здесь нет никаких развилок и поворотов.

— Я понимаю, что он имеет в виду,— сказала Танаквил.— Ты сошел с Дороги, когда отправился к озеру. Ты нарушил соглашение с Зачарованными.

— Соглашение? Но это было столетия назад!

Мальчик улыбнулся:

— Меня зовут Вел.

Он улыбался, но эту улыбку вряд ли можно было назвать доброй.

Танаквил произнесла тихо, словно голос ее доносился откуда-то издалека:

— Вел, у тебя глаза кошки.

II

Вплоть до самой смерти дядя Танаквил разделял ее любовь к макам. Его сад в Сутриуме был полон этими цветами, они покрывали скалы, затеняли узкий проход в священный грот Лависа, бога подземных потоков, обрамляли блоки туфа, из которых была сложена задняя стена дома. Алые цветы и коричневые камни, яркость и сумрак — казалось, в этом и заключалась главная характеристика Сутриума и его обитателей. Впрочем, как и всех этрусков, мечтательных и прагматичных одновременно, готовых смеяться на похоронах и плакать на пирах и праздниках.

Танаквил сидела на трехногой каменной скамье и наблюдала за стрекозой, слетевшей с пурпурного цикламена, листья которого сверкали белыми прожилками. Стрекоза прогудела в воздухе крыльями и приземлилась на пучке звездчатых клематисов. Разум девушки был как будто отуманен золотистым маревом жаркого солнечного дня, отдаленным перезвоном коровьих колокольчиков, доносившимся с окрестных полей, возгласами детей, игравших на улице в обруч. Запертая в саду, отгороженная от мира каменной стенкой,

она еще более тесно замкнулась в саду своих фантазий. Танаквил внимательно наблюдала за стрекозой, она словно слилась с ней, перелетая с цветка на цветок, прикасаясь к алым чашечкам маков и сложным соцветиям клематисов.

Девушка была не одна. Она делила сад с котом — апатичным животным преклонных лет, подаренным ей другом ее покойного дяди. Баст, хотя и превосходил раза в два по размерам свою тезку, египетскую храмовую кошку, был склонен к активности не более, чем его хозяйка. Как и Танаквил, он, казалось, наслаждался дремотой, а настроение его едва ли можно было угадать по застывшему взгляду желтых полуприкрытых глаз. Возможно, ему грезились фазаньи крылышки и сыр. Танаквил медленно, задумчиво поглаживала его гладкий мех, напоминавший шкуру единорога, и почесывала кота за ухом.

Скрипнула на деревянных петлях дверь. Танаквил подняла голову и на мгновение зажмурилась от удивления. На секунду ей почудилось, что в дверном проеме стоит ее покойный брат Авл, приветствуя ее — как это было два года назад, когда отряд галлов пробрался на территорию Спины по подземным канализационным стокам.

Авл выглядел тогда хрупким и совсем юным (теперь ему было бы всего шестнадцать), но походка его была походкой воина, а осанка демонстрировала мужество и силу. Брат пришел, чтобы сказать Танаквил, что она должна искать убежище вместе с рабами во внутреннем дворе — атриуме, а сам он отправится за матерью, которая ушла на рынок под охраной одного-единственного слуги. Галлы уже заполнили все улицы, они сеяли смерть, размахивая направо и налево своими огромными мечами.

В тот момент, когда он повернулся, чтобы уйти, девушка еще на мгновение удержала его и поцеловала в щеку.

— Ты всего лишь мальчик,— сказала она,— прошу тебя, не ходи.

Брат взглянул на нее с болью и упреком.

— Я лишь на год младше тебя, и я — солдат.

Он нашел их мать и погиб, защищая ее.

— Авл,— прошептала она.

— Вел,— отозвался юноша.

Его черты, нечеткие в ярком свете солнца, теперь обозначились яснее и тверже.

Водяной эльф. Раб. Она боялась его с того дня, как он попал в плен — там, в лесу, около месяца назад. Он никогда не угрожал ей, он редко произносил вслух ее имя. И все же она добилась, чтобы отец отослал его на кухню — готовить к столу красное вино и макароны, темный виноград и дроздов, приправленных оливками, мыть полы и покупать на рынке цыплят. Так чтобы он никогда не входил в ее комнату или комнату ее отца, как это было позволено личным слугам. В доме были десятки рабов и множество комнат, так что избегать этого пленника было совсем не трудно.

Танаквил отвела глаза в сторону, чтобы не видеть его вызывающей наготы. Этрусские женщины привыкли к наготе мужчин-рабов, но Вел беспокоил ее. Возможно, все дело было в мягкой шерсти, покрывавшей нижнюю часть его живота, похожей на кошачью. А может быть — в треугольных коричневых плавниках, растущих у его висков, подобно странной формы рогам, или в перепончатых ступнях, которыми он мягко шлепал при ходьбе — этот звук заставлял ее испытывать странное волнение. Однажды она обнаружила его окунувшимся целиком в комплувий — маленький квадратный бассейн в центре атриума, в котором собиралась и хранилась дождевая вода для питья. Даже когда эльф не мог найти достаточно воды, чтобы намочить ноги, он все равно так же влажно шлепал ногами и, казалось, должен был оставлять за собой мокрый след.

Раб протянул ей пурпурный кубок из финикийского стекла. Основание кубка представляло собой фигуру рыбьего бога Дагона — его изогнутое кольцом тело и хвост.

— Твой отец пошел на рынок. Он приказал мне принести тебе горячее вино и мед.— Его манера говорить всегда тревожила девушку. Хотя эльф и выглядел как ребенок, голос его звучал глубоко и на низких нотах, а глаза были старыми.

Танаквил взяла кубок, стараясь не глядеть на эльфа.

Он повернулся, чтобы покинуть сад. В его узких плечах и тонком теле, действительно, было нечто детское, но в то же время и сексуальное. Он вызывал у девушки мысли о фигурах фавнов с огромными фаллосами, отлитые в бронзе скульптуры которых — молодых, ухмыляющихся — служили основаниями стола в триклинии, главной столовой дома.

Однако было неправильно и нечестно оставаться грубой с ним лишь потому, что она его боялась.

— Вел,— негромко произнесла девушка.

Эльф обернулся к ней.

— Вел, мне очень жаль...

— Жаль чего?

— Жаль, что мой отец привез тебя сюда. Он хотел доставить мне удовольствие. Но я никогда не хотела, чтобы ты покидал озеро.

Она задумалась о том, что же еще можно сказать ему и как утешить его одиночестве. Ей не казалось естественным испытывать сострадание к рабу, но Вел напоминал скорее пленника, чем раба. Он выглядел так, словно был закован в цепи, и тяжесть этих невидимых оков давила на его плечи.

— Я смотрела на стрекозу,— продолжила она, указывая на цикламен.— Она принадлежит земле и небу и получает лучшее и от того, и от другого.

— Земля гораздо лучше,— мягко ответил он.

Быстрый, как кот, эльф одним неуловимым движением поймал стрекозу и протянул ее Танаквил, как будто хотел преподнести ей подарок. В детстве она ловила стрекоз, и сейчас протянула руку, чтобы взять в пальцы темное влажное тельце и ощутить хрупкость прозрачных крыльев. Но Вел неожиданно сжал пальцы, раздавив тело стрекозы, словно лесной орех. Затем он оторвал крылья и продемонстрировал останки на открытой ладони.

— Земля — лучше,— повторил он.

Горячий, обжигающий гнев охватил ее. Она ударила его по руке, так что куски стрекозы упали на землю.

— Зачем ты сделал это? — воскликнула она.

Этот взрыв, казалось, удивил его. Вероятно, эльф уже привык к ее сомнамбулическому состоянию.

— Не знаю,— он пожал плечами.— Я хотел дать ее тебе живой, но ты рассердила меня.

— Чем? — Девушка хотела, чтобы он обвинил ее в презрении и оскорбительном поведении, чтобы найти оправдание его жестокости.

— Ты никогда не смотришь на меня. Я хотел вырвать тебя из твоих мечтаний.

— Но мне необходимы мои мечты,— с трудом выговорила она.— Без них я чувствую себя... обнаженной.

Она не заметила, как он совершил движение — скорее, почувствовала его, прежде чем ощутила медную жесткость его рта и тела, перепончатые ноги, скрестившиеся у нее под

коленями, охватившие ее, как щупальца или водоросли. Кроме этих ног, казалось, не было ничего мягкого в этом стройном мальчишеском теле. Только сила и безжалостная твердость.

И все же она действительно желала его. Слова, образы, мимолетные видения из прошлого, в свое время показавшиеся неважными и давно позабытые, вновь нахлынули на нее вместе с этим мощным рывком. Песни бродячих актеров из Фескеннии, этих непристойных комедиантов, которые бродят из города в город и поют непочтительные куплеты о богах. Праздник урожая в честь Либера, бога земли, когда огромный фаллос оплетали плющом и несли впереди процессии по улицам города. Взгляд девушки-рабыни, глядящей на обнаженного юношу, работавшего в поле. Танаквил за свою жизнь слышала и видела многое, но образы эти, тогда еще непонятные, затерялись в глубинах ее памяти. Она проходила через открытую сексуальность этрусской жизни, сопровождающей все повседневные действия и ситуации — дома, в театре, в цирке, в сельской местности,— с открытым, но незрячим взором ребенка, двигающегося во сне.

Его мускусный запах, острый и сладкий одновременно, щекотал ее ноздри, казалось, проникая в саму ее кровь — как горячие пары, поднимающиеся из расщелин земли недалеко от побережья. Ее нежная девичья природа кричала, что он жесток и груб, но тело жаждало этой грубости.

Невероятно, но ее вновь спас брат. Когда Вел вошел в сад, он показался ей похожим на Авла, вернувшегося из подземного царства. Теперь же эльф предстал перед ней карикатурой, жалкой пародией на мальчика, которого она боготворила. С неожиданной силой, скрывавшейся в мягких формах ее рук и ног, девушка оттолкнула раба — или, скорее, сама оттолкнулась от его тела — вырвавшись из его рук, и отскочила к камню, прикрывавшему грот. Она пятилась, приминая сандалиями маки, и в конце концов, упала на колени и сжала кулаки, готовая защищаться от него. А он стоял над ней, положив руки на бедра, и смеялся. Фаллический демон, гордый своей мужской силой.

— Ты думала, я всего лишь ребенок,— сказал он.

— Нет,— ответила она.— Я думала, ты — кот.

— Кот,— повторил он с довольным видом, словно такое сравнение было для него приятно.— Как он? — Вел указал на Баста, дремлющего среди цикламенов.

— Нет, как дикий кот в джунглях.

— Ты загубила свои цветы,— сказал он, присаживаясь на корточки рядом с ней, сорвал темный мак и как будто в насмешку воткнул его в волосы девушки.

В этот момент с улицы внезапно донеслась веселая музыка: посвистывание двойной флейты, ритмический стук колес, тяжелый топот больших животных. Вел распрямился и заглянул на улицу через стену, окружавшую сад. Его остроконечные уши дрожали, как кленовые листья в порывах ветра. Лицо эльфа, только что жестокое и суровое, внезапно смягчилось. Казалось, он вот-вот заурчит от удовольствия. Но вместо этого он бросился к дальней окраине сада, ухватившись руками за верхний край стены, вспрыгнул на нее и уселся там на корточках — неподвижный, буквально превратившийся в слух.

Танаквил тоже почувствовала силу музыки, которая мягко избавила ее от страха, привлекая к себе не только уши, но все тело — даже ноги, которые начали подрагивать, словно готовились пуститься в пляс. Или броситься бегом, или окунуться в прибрежную пену и шлепать по волнам. Она подбежала к дубовым воротам, отодвинула засов и вышла на улицу.

Сначала девушка испытала разочарование. Вместо ожидаемого шествия, она увидела одну-единственную деревянную повозку с большими колесами и зеленым матерчатым верхом, которую тянул вперед старый, пятнистый и грязный медведь с повязкой через один глаз. В повозке сидел флейтист — молодой человек, совсем отпустивший поводья, чтобы держать свой инструмент обеими руками. К счастью, медведь как будто твердо знал дорогу, более того — он, похоже, был достаточно упрям, чтобы его можно было направить в ту сторону, куда он не хотел идти.

Но что за развеселый парень сидел в повозке! Его рыжие как у лисы волосы развевались на ветру, овальные глаза были зеленого цвета, словно недозрелые желуди,— их цвет был заметен даже отсюда. И какую прекрасную мелодию он играл! Крупные веснушчатые пальцы стремительно танцевали вдоль двух трубок, у самых губ сливавшихся в одну. Его шевелюра выглядела так, словно целый выводок лисят удобно устроился и уснул у него на голове. Молодой человек выглядел простоватым, как селянин, но в то же время в нем чувствовалось нечто божественное — словно юный Аристей только что покинул свои ульи и виноградники и явился в

город, чтобы играть на флейте песни полей и лесов. На флейтисте была не набедренная повязка, в потрепанная зеленая туника, которая целиком прикрывала его не слишком высокое тело, делая его похожим на нестриженый куст. Наверняка туника была домотканой, теперь она уже изрядно запачкалась, а местами порвалась. Заурядная туника сельского божества, а не одного из великих небесных богов — причем у флейтиста явно не было своей заботливой богини, которая залатала и выстирала бы ему одеяние. И в самый последний момент Танаквил обратила внимание на его маленькие, почти девичьи ноги. Сандалии флейтисту были явно велики — вероятно, таким образом он пытался хотя бы зрительно увеличить длину своих ступней.

Медведь уже не выглядел слишком дряхлым. Музыка хозяина словно сняла с него груз прожитых лет. Его лапы тяжело стучали по дороге, он высоко поднимал их при ходьбе, как дрессированная лошадь в этрусском цирке. Конечно же, такой зверь, да еще и в сопровождении музыканта, привлек внимание всех окрестных детей, которые бежали за повозкой, подобно целому племени пигмеев, несущихся на битву с журавлями. Маленькая кривоногая девочка, одетая в кусок рыбацкой сети, попыталась уцепиться за край повозки, чтобы прокатиться на ней, но не удержалась и начала падать. Флейтист отбросил в сторону свой инструмент и подхватил девочку, подсадив ее рядом с собой. Дневочка тут же подобрала поводья и изо всех сил натянула их — на что медведь недовольно мотнул головой и сердито глянул на пассажирку. Девочка тотчас же присмирела, но не удержалась от того, чтобы не встать, демонстрируя свое превосходство перед приятелями.

Когда повозка и окружившая ее толпа детей уже сворачивали на другую улицу, флейтист обернулся, увидел Вела и улыбнулся, опустив свою двойную флейту. Это была такая улыбка, что хотелось тут же броситься следом и вскочить в повозку, чтобы оказаться рядом с ним. Танаквил с легкой завистью подумала: «Он мог бы улыбнуться и мне. Я ведь смотрела прямо на него».

Однако улыбка, обращенная к Велу, не была потрачена впустую. Эльф перевесился со стены и спрыгнул на ту сторону, явно намереваясь последовать за повозкой.

— Вел! — окликнула его Танаквил.

Неужели он собирается последовать за флейтистом и покинуть город? На тыльной стороне руки у него было ярко-

красное кольцо — полоса, похожая на звено цепи: знак раба. Ни один страж ворот не выпустил бы его из города без хозяина, а в Сутриуме беглый раб не смог бы долго скрываться. Схватив беглеца, его бы жестоко наказали — могли даже убить, связав веревками и бросив в ров на голодную смерть. Девушка хотела броситься за ним, но потом решила не делать этого. Эльф был слишком необычным существом, чтобы оставаться незаметным. Он, конечно же, скоро вернется в дом — как только музыка ему надоест.

Танаквел закрыла ворота и вернулась на свою скамью. Медово-золотой день пропитывал сад дремотой, но когда она закрыла глаза и попыталась погрузиться в свои грезы, вместо яркого сияния воображаемого мира она увидела темные крылья Вант, повелительницы смерти. Два года назад, в Спине она уже встречалась с этой богиней — и сумела скрыться от нее лишь на лишенных тени улицах своих снов и видений. Но все знают, что мрачная и невозмутимая Вант очень, очень терпелива.

Вел вернулся через час. Танаквил уже находилась в своей комнате. Она лежала на кушетке и разглядывала стену, выточенную из природной скалы и покрытую замысловатым узором — маки, обвивающие тела мифических зверей. Здесь была лошадь, пятнистая, подобно леопарду, собака с кошачьей мордой, лев с раздвоенным хвостом, похожим на двух змей. Таниквил слышала, как в атриуме отец разговаривал с Велом. Ругал его? Нет, голос Ларса звучал громко, но не сердито. В середине дня даже рабы получали некоторую свободу — отчего бы Велу не послушать музыканта и даже пройтись за ним по городу? Наконец Танаквил поняла, что музыкант пришел к ним в дом вместе с Велом. Различив незнакомый, но приятный мужской голос, она встала с кушетки и на мгновение задержалась перед отполированным бронзовым зеркалом. Оценив свой внешний вид, девушка пригладила волосы изящной расческой, сделанной из слоновой кости. Баст, до того свернувшийся клубком на своей кушетке — поменьше размером, но отлично подходившей для него,— лениво приподняв голову, наблюдал за хозяйкой.

— Баст, ты поймал меня в момент торжества тщеславия. Но у нас ведь гость... — Танаквил улыбнулась.

Картина, которую она увидела в зеркале, вселила в нее чувство уверенности, но ей все равно стоило больших усилий дойти до атриума спокойно, не срываясь на бег.

Отец все еще разговаривал с флейтистом, а Вел стоял рядом с ними. Девушка заметила, что не только лицо, но и все тело музыканта покрыто веснушками — именно поэтому его кожа казалась такой медово-золотистой. Она не стала приветствовать ни Вела, ни гостя, а обратилась к отцу с тем нервным воодушевлением, которое может испытывать только очень юная девушка в присутствии двух молодых мужчин. Танаквил не знала в точности, как следует вести себя, а потому заговорила с отцом, поскольку с ним ощущала уверенность и спокойствие. Но даже в этот момент краем глаза она наблюдала за Велом и за флейтистом, испытывая затаенную гордость от того, что оба они тоже смотрели на нее. И разве зеркало не подсказало ей только что, как она прелестна? Раньше Танаквил не придавала особенного значения своей красоте, но теперь внезапно почувствовала, как нужно ей получить подтверждение не только в зеркале, но и в мужских взглядах.

После путешествия по городу Вел казался раскаленным от жары. Танаквил хотелось сказать ему: «Ты устал, опусти ноги в бассейн, остынь». Можно ли совершить более бессердечный поступок, чем похищение водяного эльфа из озера? Без сомнения, он был так жесток со стрекозой просто из-за того, что страдал от тоски по дому. А может быть, потому он был так суров и к девушке... Перед ее мысленным взором возник вдруг образ: грациозная и прекрасная Танаквил ведет благодарного Вела назад, к его озеру. Ее волосы украшены алыми маками, а Вел облачен в красивую тунику...

Тем временем ее отец произнес:

— Радость моя, этого парня зовут Арнт.— («Парня! Ему уже наверное все двадцать два!» — подумала Танаквил.) — Он бродячий музыкант, артист, и ему негде сегодня переночевать. Вел предложил оставить его на ночь в помещении для рабов. Арнт обещал за это развлечь нас после ужина своей игрой.

Как это похоже на отца, с досадой подумала Танаквил: напомнить молодому человеку, что он всего лишь бродячий актер, который должен петь для них за ужином, а затем спать вместе с рабами! Она уже привыкла внутренне сопротивляться мысли о том, что каждый человек от рождения до

смерти — и даже за ее порогом, в подземном мире,— должен оставаться тем, кем ему предначертано быть — рабом, музыкантом, землепашцем, солдатом или повелителем. Говорят, даже Тарквиний Старший, до того как перебрался в Рим и стал там царем, считался в Этрурии человеком презренным, поскольку его отец был рабом-греком.

Не обращая больше внимания на отца, она сама заговорила с флейтистом.

— Если ты не хочешь играть, все равно мы рады приветствовать тебя как гостя.

Ларс Велха возмущенно фыркнул, недовольный вмешательством дочери. Но прежде чем он успел прокомментировать ее слова, Арнт ответил:

— Играть — это моя работа. Но это и настоящее удовольствие для меня.— Он все-таки покраснел от удовольствия и благодарно улыбнулся Танаквил. («Наконец-то, он улыбнулся мне»,— подумала она радостно.) — А теперь я должен позаботиться о моем медведе.

— Вел, проследи, чтобы медведя устроили в конюшнях,— распорядился Ларс.— Но сделай так, чтобы он съел лошадей.

Снисходительно и высокомерно кивнув, Ларс Велха покинул атриум.

Медведь и повозка пока оставались на дороге. Зверь был так велик и свиреп на вид, что легко мог убить любую лошадь одним ударом лапы. Он так мрачно смотрел на Танаквил единственным глазом, словно упрекал ее за то, что она удерживает его хозяина в доме.

— Он кусается,— ухмыльнулся Арнт, и Танаквил, которая сначала хотела подойти к медведю, невольно попятилась к воротам. Давешняя девочка по-прежнему сидела в повозке. Порывшись в мешках, Арнт нашел медовый пряник и отдал его недовольной и молчаливой спутнице. Затем он отвязал медведя и похлопал его по шее.— Урсус, ты пойдешь с нашим другом Велом? Он накормит тебя и подготовит место для ночлега.

Зверь пошел за Велом на удивление спокойно — может быть, потому что его попросили сделать это, а не приказали.

— Но ты же сказал, что он кусается? — возмутилась Танаквил.— Разве ты уверен, что он не укусит Вела?

— Он кусает только женщин,— рассмеялся Арнт.— Он признает исключительно мужчин.

— Ты сам обучил его?

— Он умный, но его никто не дрессировал и ничему не учил. Однажды, года четыре назад, мы встретились с ним в лесу, и с тех пор он сопровождает меня в путешествиях. По сути дела я не являюсь его хозяином. Мы, скорее, друзья и спутники.

— А откуда у него эта повязка на глазу?

— Он потерял глаз в драке с волком. Он очень страдал из-за этого, пока не увидел однажды цирковую лошадь с повязкой на глазу. Мне не оставалось ничего другого, как сделать для него такую же. Теперь он гордится этой обновкой, как женщина — новой прической.

Арнт снова залез в повозку и на этот раз вынырнул оттуда с корзиной крупных сочных фиг («Это для ваших рабов!») и, естественно, с флейтой.

— А где твоя ночная одежда? — спросила Танаквил.

— У меня ее нет.

— Но как ты можешь спать в тунике?

— Я и не сплю в ней. Обхожусь собственной кожей.

Образ обнаженного Арнта, с кожей, усыпанной веснушками, так взволновал Танаквил, что она подумала: «Если бы он принадлежал *мне*, я бы позаботилась о том, чтобы у него была ночная одежда, а также сменная туника — не говоря уж о расческе». Однако она не могла отрицать, что, несмотря на растрепанные волосы, флейтист выглядел чистым и свежим, от него пахло остролистом и тимьяном.

Они вместе вошли во двор.

— Ваш дом похож на огромный оранжевый гриб. Кажется, что он растет из земли сам собой.

— В некотором смысле так и есть. Но только он растет в землю, а не из нее. Моя комната вырезана прямо в скале.

Конечно же, дом был выстроен не только из скальной породы, но также из дерева и обожженной глины. Деревянные колонны поддерживали стены, отделанные терракотовой плиткой, а двускатная черепичная крыша сверху была плоской. Там находилась небольшая платформа с углублением для дождевой воды. Черепица была такой же красной, как море на закате, когда оно поглощает уходящее солнце.

Они миновали открытый холл и вошли в атриум, из которого в разные стороны уходили коридоры: на запад — к помещениям для рабов, на восток — в сторону кухни и продуктовых складов, на север — в триклиний, помещение для трапез, и к таблинуму, где хозяева работали и беседовали о

делах, а также к множеству других мелких помещений, предназначенных для сна, купания и хранения вещей.

— Итак, тебе нужно отдохнуть и освежиться, прежде чем наступит время ужина,— сказала на прощание Танаквил.

Ларс Велха и Танаквил полулежали на кушетках, вырезанных из древесины лимона и покрытых тканью цвета морской волны, утопая в подушках, подобных маленьким белым гребешкам на поверхности моря. Перед каждым ложем стоял стол, опирающийся на три фаллические скульптуры — фигуры обнаженных фавнов. Три раба, в том числе и Вел, непрерывной чередой сновали по коридору, который вел в сторону атриума и кухни. Они приносили на столы все новые и новые лакомства: овечий сыр и спелые оливки, свиное вымя, запеченное в соусе из тунца, копченую оленину из Карфагена. Делая вид, что вытирает пальцы о кусок хлеба, Танаквил украдкой взглянула на Вела, который не поднимал глаз от тщательно выметенного пола. И хотя Вел был погружен в свои мысли, он скользил между столов с легкостью кошки. Танаквил невольно вспомнила о Басте, пристроившемся под ее столиком в спокойном ожидании, когда хозяйка кинет ему кусочек — или тот сам случайно упадет на пол.

Арнт не появлялся до тех пор, пока Ларс Велха и Танаквил не прикончили последнее блюдо — большой медовый пирог, испеченный в форме морского конька. Вероятно, он поужинал на кухне вместе с рабами. Судя по его виду, он не сомневался в своих актерских способностях. Флейтист приветливо, но без фамильярности, улыбнулся Ларсу и его дочери, подождал, пока рабы покинут комнату — а вместе с ними исчезнет звон тарелок и шлепанье босых ног. Затем Арнт объявил монолог, посвященный олимпийским богам, но Танаквил остановила его движением руки.

— Отец, Арнта пригласил к нам в дом Вел, может быть, ты позволишь ему присоединиться к нам? — *она сказала* это подчеркнуто небрежно и бросила последний кусочек пирога Басту.

Ларс по-отечески улыбнулся.

— Конечно, дорогая. Я рад, что ты начинаешь привыкать к этому парню и относишься к нему добрее. В конце концов, *я поймал его для тебя.*

Черные кольца волос падали ему на лоб, словно небольшие змеи, а густая умащенная благовонными маслами боро-

да острым клином торчала вперед, будто он собирался проткнуть ею кожицу яблока. Не удивительно, подумала Танаквил, что враги этрусков называли отца Морским Ястребом. Этруски были гордыми и яростными хищниками — но в то же время самыми нежными и любящими родителями на всем побережье Великого Зеленого моря. Греческие отцы считали дочерей тягостной обузой и стремились как можно быстрее выдать их замуж — причем с минимальным приданым, на которое только мог согласиться жених. Но отцы-этруски воспринимали дочерей как друзей и компаньонов, а потому не слишком торопились отдавать их мужьям.

Ларс хлопнул в ладони, и с кухни появился Вел.

— Вел, моя дочь желает, чтобы ты остался. Встань у двери, если хочешь, и слушай выступление своего друга.

Это был не просто монолог. Скорее это был диалог, или даже разговор нескольких персонажей, в котором Арнт исполнял все роли, сопровождая слова жестами, телодвижениями и даже игрой на флейте. Это была история о том, как богкузнец Сетлан, которого греки называли Гефестом, изготовил сеть, чтобы поймать на месте преступления свою неверную жену Туран (Афродиту) и ее любовника Мариса (Ареса). Накрыв их сетью в тот самый момент, когда они занимались любовью, Сетлан выставил их на посмешище всем остальным богам.

Вплоть до момента, когда сеть окутала тела любовников, Арнт рассказывал историю без всяких преувеличений и отступлений. Но никогда этруски не пересказывали греческие мифы, не изменив их — добавив нечто новое, либо сократив то, что представлялось им скучным. Зачастую обновленное повествование становилось не только более живым и увлекательным, но и гораздо более скабрезным. По версии Арнта, Туран и Марис, оказавшись в сети, бесстыдно улыбались и приветствовали собравшихся зрителей, демонстрируя им свои исключительные сексуальные умения и способности. Боги, которые пришли, чтобы насмехаться над парочкой, в конце концов разразились восторженными аплодисментами, а Сетлан был со смехом изгнан из зала. Все сошлись на том, что любой был бы счастлив иметь столь красивую и страстную жену.

Арнт не пренебрег никакими деталями и жестами, которые могли сделать историю выразительнее. То он был Сетланом, хитрым и мстительным, то Туран, бесстыдной и неук-

ротимой, то Марисом, великолепным любовником и воином. Но высшее мастерство актер припас к концу представления. Когда он достиг кульминации своего непристойного выступления, он изобразил мимикой сам акт любви, сопровождая его торжествующим пением флейты.

Ларс Велха веселился от всей души. Он хлопал по коленям, черные кольца волос метались вокруг головы — так сильно он смеялся. А Танаквил негодовала. «Грязный фесценнийский комедиант. Бесстыжий шут, место которому в паршивой таверне или в армейской казарме. И отцу даже в голову не приходит обеспокоиться тем, что его девственная дочь присутствует при таком похабном зрелище!»

Она приподнялась на ложе и опустила одну ногу на пол, намереваясь покинуть комнату. Но в этот момент она встретилась взглядом с Арнтом. Перед представлением он подвязал тунику новым поясом, привел в порядок буйные волосы. Теперь он смело и открыто улыбался Танаквил, и в этой улыбке не было ничего похотливого и непристойного. Как любой актер, он ждал заслуженных аплодисментов. Он не пытался шокировать ее — он лишь стремился развлечь и доставить удовольствие. С точки зрения этрусских мужчин (даже мужей) адюльтер был свидетельством плохого воспитания, дурным поступком — но никак не преступлением. И боги, изменяющие своим супругам, могли казаться смешными, а не отвратительными. Внезапно Танаквил поняла, что истинной причиной ее гнева был не Арнт и не похотливые боги, а ее собственные желания и ощущения, которые не пристало испытывать приличной девушке. Она вынуждена была признаться сама себе, что позавидовала богине, попавшей в сеть.

Она ответила улыбкой на улыбку Арнта и убрала ногу с пола назад на кушетку. А музыкант снова заиграл на флейте — на этот раз исполнив ту же мелодию, что и днем на улице. В ней были звуки леса, населенного темнокожими фавнами и медведями, шелест троп, заросших ежевикой и терновником, жужжание пчел над виноградной лозой, где зреют пурпурные ягоды. Плеск и журчание воды: озер, рек, горных потоков — то медленных, то стремительных, теплых и ласковых в разгар лета, яростно несущихся по камням весной, когда в горах тают снега. Сначала он играл лишь для нее, Танаквил. Но потом мелодия полилась и для Вела, который оторвался от стены и начал танец.

Ларс поднял руку, чтобы остановить юношу. Рабы не могут танцевать без разрешения господ.

— Нет,— прошептала Танаквил,— пусть он танцует.

Эльф танцевал, словно погружаясь в мощный прозрачный поток, который захватывал его своим кружением. Перепончатые ступни ног едва касались пола. Змееподобные руки извивались над головой, подобно водорослям. Он тонул в темных глубинах и всплывал на поверхность, как испуганная щука. Он грезил наяву. Гибкое тело, серебристая кожа бедер и живота, приобретавшая на торсе медный отлив, напоминали трепещущую свечу, погруженную в водяную пучину.

Внезапно к нему присоединился еще один силуэт. Какие океанские глубины могли породить это странное существо с леопардовыми пятнами на шкуре, змеиной шеей и черным извивающимся хвостом? Какие потоки вынесли его на поверхность — крутящегося юлой, свивающегося и развивающегося как спираль, сверкающего дикими когтями, отражающими блеск свечей? Кто этот зверь, так похожий на древнего сфинкса?

— Баст,— прошептала Танаквил, начиная ненавидеть этот танец и дикую, звериную красоту танцоров.

Баст игнорировал ее. Баст и Вел больше не слышали земных звуков — для них существовал лишь голос флейты: сладкая, нечеловеческая музыка маленькой трубочки, научившейся петь у птиц — дроздов, соловьев или даже огнеголосого феникса. И, конечно, у Пана, научившего пению самих птиц.

Внезапно музыка умерла. Так иссякает самое прекрасное вино, так вода уходит в песок и высыхает, оставляя трепещущую рыбу на опустевшем океанском дне. Вел упал на колени, голова его склонилась на грудь, глаза закрылись, руки повисли вдоль тела, чуть касаясь пола. Баст растянулся на полу рядом с ним.

Арнт спрятал флейту за пояс, подошел к ним и коснулся волос Вела. В безмолвной благодарности — не столько за жест, сколько за саму музыку — эльф поднялся и поклонился музыканту, сотворившему это чудо.

Арнт заговорил мягко, без воодушевления, без нажима:

— Мы составили хорошую команду, не правда ли, Вел?

Танаквил встала с ложа и, взяв на себя долг раба, наполнила два кубка вином — а потом подала их музыканту и танцору.

— Вы оба заслужили это,— она заставила себя улыбнуться, испытывая странную мучительную боль от того, что не была частью их музыки, их взаимного доверия, их команды.

Ларс поднялся с кушетки с недовольным и сумрачным видом.

— Какая сценка будет следующей? Федра и Ипполит? Но они ничего такого не делали, не так ли? Он не хотел, или не мог... А, может быть, Европа и бык? Но тогда...

— Отец, Арнт устал,— решительно прервала его Танаквил.— Ты забыл, что он целый день играл в городе еще до того, как пришел к нам. Он выпьет вино в атриуме и пойдет отдыхать.

Покраснев из-за того, что проявила необычную смелость в разговоре с отцом, она повернулась к Велу.

— Ты подготовил для него удобное ложе?

— В помещении для рабов есть только солома,— голос эльфа был полон язвительной насмешки.

— Возьми подушки в моей комнате,— ответила девушка как можно равнодушнее и, прежде чем Ларс потребовал еще одного представления, вывела Арнта в атриум. До них еще доносился хрипловатый голос Ларса, который требовал, чтобы раб помог ему добраться до постели.

— Он страдает от подагры,— объяснила Танаквил.— Он пьет перед сном, чтобы заглушить боль. Обычно я помогаю ему дойти до постели. Но сегодня вечером...

— Сегодня он совершенно пьян. Он не отличит раба от дочери. У моего отца тоже была подагра. Он пытался избавиться от боли, съедая вареную древесную лягушку, трижды касаясь земли и повторяя: «Пусть земля возьмет мою боль, пусть здоровье вернется к моим ногам».

Но Танаквил не очень интересовалась подагрой отцов. Она указала Арнту на ложе позади бассейна. В свете затененной ночной лампы были видны фигуры на расписанной фресками стене: рыбаки в лодке, резвящийся дельфин, невероятные красные и синие птицы, летящие над водой.

— В вашем доме чувствуешь себя так, словно находишься в поле,— заметил Арнт.— Кажется, что эти нарисованные птицы действительно могут взлететь. Даже маленькое святилище во дворе похоже на те, что встречаются на перекрестках дорог.— Он кивнул в сторону алтаря, посвященного домашним божествам — маленького переносного храма, выстроенного из кирпичей, каждый из которых был не крупнее яйца

малиновки. Там были серебряные изображения Лар, хранительниц домашнего очага, Гениев, а еще Божественного Ребенка Тагеса.— Я чувствую себя здесь так, словно все еще играю на флейте. У вас в доме легко играть.

— Ты прошел долгий путь?

Этот вопрос не был для Танаквил простой формальностью, она и в самом деле испытывала глубокий интерес к музыканту. Она почти ожидала ответа, что он пришел из Аркадии, где учился у Пана и Аристея, озорных сельских божеств.

— Из Тарквинии. А до того я был в Клузиуме.

— Куда ты идешь?

— По кругу,— он рассмеялся.— Секрет в том, чтобы все время находиться в движении. Нельзя оставаться в одном месте достаточно долго, чтобы...

— Чтобы?

— Чтобы на тебя успели накинуть сеть.

— Что ты называешь сетью?

— Любой город может стать сетью. Или брак.

Танаквил подумала: «Многие женщины, должно быть, хотели выйти за него замуж. А некоторые согласились бы и на меньшее». Вслух же она произнесла:

— А кому-нибудь удавалось поймать тебя в сеть?

— Моя бабушка была этрусской госпожой. Молодой вдовой. И жила на вилле возле Фельсины. Ее изнасиловал галл, один из тех, кто захватил и разрушил ее виллу — а потом бросил ее, опозоренную и потерявшую сознание, на руинах. Люди старались быть добры к ней, пока она носила галльского ребенка, но мальчик — мой отец — родился с рыжими волосами, которые все считают явным признаком варварского происхождения. Ему трудно было жить в городах. Никто не мог забыть, как он появился на свет, все ожидали от него преступлений, насилия, все были убеждены, что он — прирожденный убийца и грабитель. В юности он жил в сельской местности, там он женился на деревенской девушке и стал возделывать землю. Город, из которого он ушел, был для него сетью. Но потом он обнаружил, что и село стало сетью: он вынужден был непрерывно сражаться с волками и ладить с крестьянами, которые простили ему рыжие волосы, но ненавидели его за городское происхождение. Я любил его. И свою мать тоже. Но не эту сеть. Когда шесть лет назад они оба погибли во время землетрясения, я бросил свою деревню — все, что там осталось от нашего дома и построек — и отпра-

вился в путь с другими странниками. Это были бродячие артисты, они научили меня пантомиме и прочим актерским навыкам. Мне тогда было шестнадцать лет. Через два года они остановились в одном городе, но дали мне в дорогу достаточно запасов и повозку. С тех пор я путешествую и играю самостоятельно.

— И смеешься. Я никогда не забуду твой смех. Словно тает снег и вода заполняет сухой проток. Он мелодичный и резкий одновременно.

Арнт рассмеялся.

— Я счастлив только в пути.

— Более счастлив, чем сейчас?

— Сейчас я в пути. Я встретил тебя. Нового человека в новом месте.

— А когда это место становится знакомым?

— Я двигаюсь дальше, но кое-что забираю с собой.

— А что ты возьмешь у меня?

— То, как ты погружаешься в мечты, а затем вдруг взрываешься всплеском эмоций — словно лампа вспыхивает в темном подвале, освещая все вокруг ярчайшим сиянием.

— Воспоминания — плохая компания. Они как бассейн в атриуме. Сегодня он полон, а завтра может пересохнуть.

— У меня есть медведь,— ответил он, будто защищаясь.— Он — самая лучшая на свете компания.

— Но он ведь не может говорить с тобой, разве не так?

— Ты хочешь сказать, что я нуждаюсь в человеческой любви? — В его зеленых глазах внезапно мелькнул страх. Танаквил заметила, что глаза были овальными, а не миндалевидными, как у большинства этрусков. Но ведь его дед все же был галлом.— Ты знаешь, у наших охотников бывают такие замечательные сети, которые можно скатать в шарик величиной не больше яблока. Но когда сеть разворачивается, она может опутать дикого кабана. Вот это и есть человеческая любовь. Тонкая и крепкая сеть, из которой почти невозможно вырваться.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду,— признала Танаквил, чувствуя, что ее слова звучали слишком назидательно, почти грубо, а потому необходимо уступить и согласиться с ним.— Ты не знаешь, в какой момент сеть упадет на тебя. Пока веревки не опутают руки и ноги и не вцепятся тебе в шею.

— Именно так. А богиня Туран отлично умеет крепить узлы.

— Вот почему ты рассказывал нам о том, как *ее* поймали в сеть. Так можно справиться даже с ней.

— Да. Но, конечно же, она сумела извлечь пользу для себя даже из такой ситуации. В конце концов, она ведь богиня.

— Она все еще сердится на тебя. За то, что ты опутываешь ее сетью.

— Есть сети, которые хуже любви. Это рабство. Тот ваш несчастный раб, Вел. Как удалось твоему отцу схватить его?

Танаквил коротко пересказала Арнту, что случилось тогда в лесу. Рассказывая о Веле, она испытывала странное ощущение тепла, разливающегося по телу, по коже бежали мурашки, словно бельчонок осторожно переступал лапками по ее спине. Это было неожиданно приятно. Она не упоминала о том, что произошло в саду. Она отложила это воспоминание далеко в глубины памяти, как женщина, вернувшаяся с рынка с покупками, торопится надеть новые сандалии, заталкивая старую пару куда-нибудь подальше в шкаф.

— Вы напрасно удерживаете его.

— Он принадлежит моему отцу. Что я могу поделать?

Прежде чем ответить, Арнт задумался.

— Полагаю, ничего. Но кто-нибудь другой мог бы помочь ему. Кто-то, кому не придется потом столкнуться с гневом твоего отца.

— Понимаешь, я очень остро ощущаю, что Вел совсем не такой, как мы. Не думаю, что его чувства вполне человеческие.— Она не хотела выглядеть бессердечной или заносчивой, но была уверена, что должна предупредить Арнта. Случай в саду все же не затерялся в ее памяти.

— Как и чувства Урсуса. Это медвежьи чувства. Но и он не лишен способности чувствовать и переживать.

— Я имею в виду, если кто-то даже захочет помочь Велу, он не должен ждать благодарности. Вел может быть... опасен.

— Вел? — Арнт рассмеялся.— Он всего лишь ребенок. Ты видела, как он прижимался к моим ногам? Как щенок, жаждущий ласки.

Танаквил коснулась руки Арнта, широкой руки, покрытой веснушками. Она вдруг ощутила, что в свои семнадцать лет в чем-то гораздо старше его, двадцатидвухлетнего. Во всяком случае она ясно видела, что Вел — не ребенок.

— Возможно,— проговорила она медленно.— Возможно, кто-нибудь сумеет помочь ему.

Она, конечно, знала, что согласится, если кто-то поможет Велу бежать, но вовсе не была уверена в том, хочется ей освободить его — или же совсем наоборот. И этого она сказать Арнту не могла.

III

Арнт сразу заметил, что эту комнату ни при каких условиях нельзя было назвать жалкой. Этруски вообще не строили убогих помещений, даже для рабов. Стены были расписаны орнаментом из водорослей и рыб, силуэты которых едва можно было различить в неярком свете лампы, горевшей над входом. Через открытое окно в комнату проникало свежее дуновение ночи, насыщенное запахом спелого винограда, растущего вокруг города, молотого зерна и оливкового масла. Но даже самая просторная комната покажется не слишком большой, если устроить в ней дюжину кроватей. Арнту пришлось пробираться к своему месту для ночлега, переступая через спящих рабов — они лежали как тела после битвы — наконец, он нашел ложе, приготовленное для него Велом. Тот, сияя улыбкой, указал на подушки, взятые из комнаты Танаквил.

— Твое ложе самое лучшее,— заявил он.— Ты будешь спать, как ласточка в гнезде.

Вел, как и все здесь, говорил на латыни, так что Арнт ответил ему на том же языке.

— Не сейчас. Я хочу сперва поговорить с тобой.— Жестом он пригласил Вела выйти вместе с ним из комнаты.

В просторном атриуме Вел выглядел напуганным и растерянным, словно любой внезапный звук мог обратить его в бегство. В этот поздний час рабы должны были спать. Плавники на его висках заметно дрожали, раскрывшись, подобно настороженным ушам, будто могли отследить возможную опасность.

Они сели на скамью, которую ранее Арнт делил с Танаквил. Бродячий музыкант посмотрел на Вела, освещенного сумрачным отсветом ночной лампы, и еще раз подивился тому, что Танаквил могла найти в нем нечто угрожающее — в этом перепуганном мальчике с озера, попавшем в клетку дома и города. Он был нежным и мягким, как теплое только что отжатое оливковое масло. Он просто не мог оказать серьезного сопротивления, так слаб и беззащитен он был.

Арнт спросил еле слышно:

— Нас не может услышать привратник?

— Нет, во всяком случае, если его кто-нибудь не разбудит,— улыбнулся Вел.— Обычно он спит в проеме ворот, перегораживая их собственным телом.

— Я собираюсь помочь тебе в возвращении к озеру,— твердо заявил Арнт.

Вел удивленно взглянул на него.

— Помочь мне? — Его глаза, желтые и слегка раскосые, внезапно засверкали.— Но я всего лишь раб. Почему ты хочешь помочь мне?

— А я всего лишь актер. Но ты помог бы мне, разве не так?

— Если бы ты играл для меня.

— Ну, а ты танцевал для *меня*. Разве я не обязан отплатить тебе за это?

— Да,— отозвался Вел, его лицо сияло.— Если ты поможешь мне, я снова смогу танцевать для тебя!

— И ты никогда больше не будешь никому служить тут в городе!

Вел схватил Арнта за руку.

— Никогда! — воскликнул он и лизнул пальцы Арнта, как благодарный щенок.

Как можно более осторожно Арнт высвободил руку и погладил Вела по волосам, которые оказались влажными и мягкими.

— Завтра я спрячу тебя в своей повозке.

Вел горько вздохнул.

— Нет. Они часто осматривают повозки тех, кто покидает город. На случай, если отъезжающие пытаются вывезти что-то краденое.

— Но они ведь не всегда осматривают повозки? Я хочу дать тебе шанс.

— Если они нас поймают, они будут сечь плетьми нас обоих. А могут даже привязать к трупам и выкинуть в поле на съедение диким зверям и птицам. Нет, ты не должен меня прятать.— Вел помолчал немного.— Но если бы ты захотел помочь мне другим образом...

— Как?

— *Пойди к моим друзьям на озеро и скажи, где я нахожусь.* Никто не видел, как меня поймали. Вообще никто не видел меня с тех пор. Меня не выпускают на улицу в те дни,

когда мой народ приходит в город на рынок. Найди Вегойю и расскажи ей обо всем.

— Как она сможет тебе помочь?

— Она знает, что нужно делать.

Глаза мальчика затуманились, он погрузился в глубокие раздумья о путях своего спасения, и извне трудно было понять, как текут его мысли. Теперь взгляд эльфа походил на взгляд очень старого человека, его глаза напоминали глаза древней египетской богини-кошки Баст. Но Арнт обожал котов и кошек, и едва ли стал бы упрекать раба, хранящего какие-то секреты. Тайна — оружие слабых.

— Как мне найти Вегойю?

Вел вернулся от раздумий к реальности.

— Войди в лес с Дороги. Сверни в чащу возле сгоревшего дуба. Там ты найдешь тропу, ведущую к озеру. *Не сходи с этой тропы.* Если кто-нибудь попытается остановить тебя, назови мое имя. Когда дойдешь до озера, поверни направо и двигайся по берегу, пока не доберешься до Города Бродячих Башен. Там спроси Вегойю. Мои друзья нанесут тебе вред, если ты *сразу же* не произнесешь мое имя. Они не любят этрусков. Даже рыжеволосых.

— Я отправлюсь туда утром.

На следующее утро, так рано, что Танаквил и ее отец еще спали сладким сном аристократов, Арнт начал свой путь, отыскивая дорогу в лабиринте узких извилистых улочек. Сонный и недовольный медведь неохотно тащил повозку, в то время как сам актер закусывал хлебом, оливковым маслом и сыром, припасенными для него Велом. Урсус был сильно раздражен тем, что его так рано подняли с уютного соломенного ложа. Арнт даже подумал, что медведь специально старается сделать так, чтобы колеса повозки подпрыгивали на выступающих камнях. Но сам он чувствовал себя счастливым. Он уже был в пути. Честно говоря, он понимал, что будет скучать по Велу и Танаквил. Он даже размышлял, не позвать ли мальчика с собой, когда тот освободится,— он мог бы танцевать для публики, пока сам Арнт будет играть на флейте. Но потом он решил, что так поступать нельзя. Озерный мальчик должен жить у своего озера. А что касается Танаквил, ей безусловно лучше всего оставаться в Сутриуме и вести беззаботную жизнь, полную неги и праздности.

Ему понравился этот город. Новые города, построенные не слишком давно — такие как Марзаботто, Помпеи, Спина,— отличались строгой планировкой и походили на геометрически правильные пирамиды. Но древний Сутриум расположился на несимметричных террасах горного склона, он словно сам собой вырастал из земли, как семейство грибов. Улицы повторяли изгибы скал, а здания мостились на узких уступах. Как нравился всем этрускам естественный цвет земли! Даже будучи жителями городов, они всегда окрашивали свои жилища охрой, сиеной и умброй, которые добывали на берегах рек и склонах холмов. Коричневые, красные, оранжевые тона расцвечивали деревянные стены их домов, такими же были черепичные кровли храмов, опиравшихся на деревянные столбы-колонны. Справа Арнт заметил круглое строение святилища Тагеса, Божественного Ребенка, и фигуру ухмыляющегося демона на его крыше. Сам бог, маленький мудрый мальчик с седыми волосами, славился глубиной познаний самой древней мудрости. Его фигура венчала возвышавшийся над храмом шпиль, а демоны на крыше покорялись ему. Налево был виден царский дворец, окруженный открытой галереей, кровлю которой поддерживали маленькие квадратные колонны. Здание казалось скорее изящным, нежели величественным, а вокруг него расстилался сад, заросший жимолостью.

Палатки на рынке еще не открылись, их полотняные навесы были свернуты. Отдельные животные, попавшиеся ему по дороге — мул, козел, кот-сервал,— либо лениво потягивались, либо неторопливо брели по своим делам. Постепенно появлялись и первые люди. Купец развешивал на крюках перед магазином одежды из милетского льна. Молодая женщина определенной профессии, выйдя из дома, приветливо улыбнулась молодому человеку. Ее светлые волосы были завиты и тщательно уложены по последней моде, а улыбка демонстрировала новейшее достижение этрусских дантистов — золотой зуб. Темный взгляд с поволокой, томные движения — во всем теле сквозила ленивая утренняя нега.

Прежде чем отправиться в путь, Арнт сменил парадную зеленую тунику на набедренную повязку из белой ткани в крупный зеленый горошек,— ему нравился зеленый цвет, подходивший к его глазам. На голову он надел зеленый платок, закрывавший волосы от дорожной пыли. Женщина успела внимательно рассмотреть Арнта с головы до самой на-

бедренной повязки — ему хорошо был знаком этот взгляд. Он улыбнулся ей в ответ, но поторопил медведя. Урсус ускорил шаг, смерив женщину недовольным взглядом — он не ждал от женщин ничего хорошего, подозревая их всегда в самых коварных намерениях.

Стражник у южных ворот города еще спал. Это был низкорослый парень, и с огромным мечом он выглядел как кролик, который зажал между передними лапами здоровенную морковку. Страж ворот едва удостоил Арнта взглядом. Перед подъемным мостом через глубокий ров оба стражника тоже спали — причем так крепко, что даже не заметили подъехавшую повозку. Пришлось будить их, чтобы они опустили мост. Недовольные столь ранним визитом стражники принялись самым тщательным образом обыскивать повозку, ворча, что лишь воры покидают город в такой неурочный час — даже петухи еще не прокричали!

Пока колеса грохотали по деревянному настилу моста, Арнт бросил прощальный взгляд через плечо на город, где оставалась Танаквил, на все эти изящные строения земляных оттенков, и подумал: *«Пришло время продолжить путешествие. Еще несколько дней, и я остановлюсь в новом месте среди новых людей».*

В утреннем тумане город, поднимавшийся над озером, казался скоплением облаков, лежащих прямо на воде. Затем на глазах у Арнта солнечные лучи прорезали туман над водой, открывая взору изящные башенки, округлые дома, стены цвета зеленых водорослей, овальные окна, увитые зеленью и цветами, кровли, покрытые свисающими вниз водяными лилиями. Длинноногие розовато-белые птицы с алыми клювами и черными крыльями грациозно вышагивали между домами, время от времени замирая, поджав одну ногу, и наблюдая за жителями города. Фламинго. Птицы пламени.

Узкие и легкие ярко-красные лодки быстро, словно пауки-водомерки, скользили по воде между строениями, а пловцы, украшенные гирляндами из водяных лилий, резвились на мелководье. Музыка разносилась по воздуху от дома к дому — звуки флейты, мелодичное звучание лиры. Здесь не было ни детей, ни стариков — только юноши и девушки, молодые мужчины и женщины. Один из сидевших в лодке играл на флейте, как будто мелодия сама направляла движе-

ние его судна. Купающаяся неподалеку нимфа перегородила ему дорогу, ухватилась за его цветочную гирлянду, а потом обвила рукой шею музыканта. Тот отложил в сторону флейту и нежно подхватил нимфу, усадил ее в свое каноэ, и лодка двигалась дальше, пока парочка самозабвенно целовалась. Жизнь народа Вела была веселой, идиллической и полной любви. Арнту она очень понравились.

Он оставил медведя и повозку неподалеку от Дороги. Урсус, будучи освобожден от упряжи, дабы он мог свободно заняться поисками пищи, недовольно заворчал, когда хозяин отправился в глубину леса. Но Арнт немного успокоил его, пообещав принести черники. Помахав рукой на прощание, он свернул у сгоревшего дерева и вступил на тропу, ведущую к озеру. Никто не пытался остановить его. Он встретил (и ужасно напугал) лишь маленького, почти игрушечного медвежонка, лакомившегося переспелыми ягодами — но ни кентавров, ни фавнов на пути не оказалось. Теперь, воодушевленный легкостью, с которой удалось найти озеро, он смело окликнул обитателей города.

— Эй, на озере! Я хочу посетить ваш город.

Всплески внезапно прекратились. Плавающие нырнули в глубину с проворством лягушек. Сидевшие в лодке подняли весла как оружие. Но в следующий момент головы вынырнули из воды, а весла опустились. Одна лодка, а затем и другая отделились от флотилии и взяли курс по направлению к Арнту.

Он ступил в воду, стараясь не задеть растущие повсюду лилии, огромные листья которых покрывали почти все мелководье, и краем глаза заметил, что кругом разбросано множество гнезд фламинго, теперь уже опустевших. В лодках, приближавшихся к берегу, находились молодые женщины необыкновенной красоты, причем совершенно обнаженные. Они делали жесты руками, которые Арнт расценил как приглашение.

Лодки приблизились к нему с быстротой и легкостью дельфинов. Он открыл рот, чтобы заявить, что его прислал Вел. Но ему не дали произнести ни слова. Внезапно что-то ударило его под коленями, и в следующую секунду он почувствовал, как нечто непонятное обвивает его ноги и тянет в воду. Судя по всему, кто-то из ныряльщиков незаметно подплыл и напал на него из-под воды, пока девушки отвлекали его внимание. Арнт почувствовал, как падает с головы его платок, как смыкаются волны, как наполняются водой легкие...

Бродячий музыкант очнулся от собственного кашля. Он лежал на животе, руки были связаны за спиной вместе с ногами. Со стороны он выглядел как акробат, свернувшийся в кольцо. В теле ощущалось напряжение, какое наверное испытывает разве что колесо тяжело нагруженной повозки. Его окружали ухмыляющиеся водяные эльфы — хрупкие юноши, похожие на Вела, девушки с мальчишески угловатыми фигурами и небольшими полудетскими грудями. У всех эльфов были остроконечные уши, серебристый мех, медная кожа, огромные мерцающие глаза. Прежде, чем Арнт успел завершить свои наблюдения, его подтолкнули вперед и покатили, как колесо, к озеру.

— Меня послал Вел,— выдохнул он с усилием в тот самый момент, когда его сталкивали в воду.

Волна плеснула ему в лицо, у него перехватило дыхание, нос заполнило водой. Эльфы подняли его — на этот раз медленно и гораздо осторожнее — а потом опустили на сухое место, впрочем, не слишком заботясь о самочувствии пленника.

— *Кто* послал тебя?

Мальчик, который задал этот вопрос, наклонился к Арнту. Левое ухо эльфа было надорвано — словно рыба откусила его часть. На мальчике был платок Арнта.

— Вел,— Арнту с трудом удавалось выговаривать каждое слово.— Он просил найти Вегойю.

— Где он?

— В Сутриуме. Он раб.

Мальчик с надорванным ухом нахмурился в нерешительности.

Кто-то из собравшихся вокруг недовольно пробормотал:

— Он лжет. Давайте утопим его. Все ждут.— Арнт почувствовал, как его больно пнули под ребра.— Твердый, как коряга. У большинства из них мягкие животы.

— Позови Вегойю,— мальчик с надорванным ухом сказал это твердо и веско.

Ее не пришлось ждать долго. Всплеск воды возвестил о прибытии Вегойи, а потом под ее шагами заскрипела деревянная лестница, ведущая к озеру, спускаясь в его глубины. Арнт попытался повернуться, насколько это было возможно в его неудобном положении — так, чтобы увидеть пришедшую. На вид женщине было не больше пятнадцати лет — во всяком случае так выглядела бы пятнадцатилетняя девочка.

Мягкие изгибы ее тела напоминали о гибкости выдры, груди были твердыми, а соски — ярко-розовыми, как спелая земляника. И хотя на ногах у нее, как и у Вела, были перепонки, она ходила беззвучно, а глаза ее, желтые и светящиеся, походили на глаза котенка, а не взрослой кошки. Конечно, она не была человеком, но зато в ней чувствовалось великолепие и совершенство зверя. По окраске и строению тела она походила на остальных местных нимф, но явно превосходила их по всем внешним данным: медовая кожа, волосы цвета паутины, сияющей в лучах солнца, улыбка — невинная и в то же время таинственная и дерзкая.

Величественно, кивком она отослала собравшихся вокруг Арнта, приказав им отойти подальше: эта девушка, безусловно, обладала особой властью среди водяных эльфов. Все присутствующие поклонились Вегойе и отступили в стороны, хотя в толпе слышалось недовольное ворчание и сожаления о том, что пришельца еще не утопили. Мальчик с надорванные ухом на прощание настоятельно просил Вегойю немедленно позвать их, если выяснится, что на самом деле Вел не присылал этого чужака.

— Ты не можешь оставить его себе, Вегойя,— заявил он.— Нельзя быть жадиной.

Оставшись наедине с Арнтом, девушка улыбнулась.

— Расскажи Вегойе о Веле.

Надо сказать, озерные нимфы часто говорят о себе в третьем лице.

— Развяжи меня,— попросил Арнт, улыбнувшись ей в ответ, несмотря на боль во всем теле.

Вегойя распустила главный узел, стягивавший вместе руки и ноги, а потом развязала и руки. Затекшие члены Арнта пронзила острая боль. Он невольно охнул, а Вегойя, склонившись над ним, размяла его запястья и колени быстрыми и легкими пальцами. Боль неожиданно отступила, словно подействовало сильное лекарство или к болезненным местам приложили компресс.

Когда Вегойя отвела его в один из стоявших рядом с водой домов, Арнт начал свой рассказ о Веле. Ему, полуэтруску-полугаллу, сельскому парню, не приходилось стесняться своей наготы, а женщина слушала очень внимательно, постепенно все больше гневаясь. Когда он упомянул заполненную рабами комнату, в которой приходилось ночевать Велу, она воскликнула:

— Они загубят мальчика! Он не может жить в клетке!

А когда Арнт закончил свое повествование, она произнесла тихо и сурово:

— Пусть Тиниа поразит молниями этот проклятый город. А впрочем, может быть, это удастся сделать и Вегойе.

— Он сказал, ты сможешь ему помочь.

— Да. Она принесет ему кошачьи глаза... — Пауза показалась Арнту угрожающей.

— Кошачьи глаза?

Она проигнорировала его вопрос.

— Вегойя пойдет к нему завтра. На девятый день ее люди могут входить в город. А теперь она отведет тебя в свой дом. Это, как видишь, комната Совета. Тебе потребуется лодка?

Арнт ответил как можно более галантно:

— Надеюсь, я смогу плыть сам.

— Тогда следуй за Вегойей.

Она начала спускаться вниз по лестнице. Арнт, все еще не оправившийся от той воды, которую ему пришлось проглотить, осторожно последовал за ней, пытаясь не свалиться со скользких ступенек. Он заметил, что она пользовалась руками, как плавниками, и двигалась в воде, изгибаясь всем телом, словно рыба или выдра.

А потом он совсем потерял ее из виду. В полной растерянности он попытался найти место, где она нырнула в последний раз. Но вода вокруг оставалась гладкой и неподвижной, как зеркало. Однако на некотором отдалении поверхность озера не выглядела такой спокойной. Водяные эльфы, подобные Вегойе по облику, резвились в воде, яростно выпрыгивали, указывали в его сторону, и Арнт не знал наверняка, что это было: путь к спасению или ловушка, которая должна была обречь его на гибель (когда имеешь дело с водяными эльфами, ни в чем нельзя быть уверенным).

— Вегойя,— позвал он, прищуривая покрасневшие от воды глаза и пытаясь угадать, собирается ли она переправить его на лодке или ожидает, что он поплывет сам. Он не мог понять, где она — ведь на расстоянии все эльфы казались ему одинаковыми!

Девушка на ближайшей лодке оказалась не Вегойей. Она резко крикнула и замахнулась веслом. Арнт мгновенно нырнул, но весло все же задело его по заду. Отплыв на безопасную, с его точки зрения, дистанцию, он приготовился спасаться бегством или хотя бы просто бороться за жизнь, но

нимфа уже потеряла к нему всякий интерес и следовала дальше по своим делам.

Но где же Вегойя?

Она внезапно вынырнула у него за спиной и рассмеялась.

— Вегойя все видит из-под воды! Твой зад такой же красный, как твои волосы. Следуй за Вегойей, она защитит тебя от других.

В конце концов они добрались до дома, который отличался от остальных домов так же, как Вегойя отличалась от прочих нимф: он был сложнее по форме, ярче, красивее. Измученный Арнт поднялся вслед за Вегойей по деревянной лестнице, пробрался сквозь люк в полу, который служил дверью. Внутри дом состоял из одной комнаты, не слишком большой, но довольно уютной. Она была украшена гроздями винограда и медовыми сотами. Лира из панциря черепахи висела на стене, выкрашеной в красный и белый цвета. С потолка свисал гамак, сплетенный из разных растений и по форме напоминающий дельфина. В комнате имелись также кресла, сплетенные из ивовых прутьев, они мягко принимали тело того, кто садился в них, давая ощущение комфорта и покоя. Стол был сделан из того же материала, на нем стояло решето и какой-то черный керамический сосуд этрусской работы, вероятно, приобретенный на рынке в Сутриуме. Сосуд был полон плодов граната, там же лежали небольшие головки сыра, по форме напоминающие рыб. В стенах были прорезаны окна, их украшала герань и другие сильно пахнущие цветы. Воздух в доме был свежим и ароматным — возможно, из-за всех этих благоуханных цветов, трав, плодов, но приятный аромат исходил и от тела самой Вегойи. Едва ли она использовала какую-либо парфюмерию — ведь почти все время нимфа проводила в воде. Но тонкий мускусный запах казался ее неотъемлемой частью, он заставлял Арнта испытывать необычайное волнение, опьянял его.

Вегойя жестом указала Арнту на гамак.

— Ты уверен, что в данный момент Вел в безопасности? Он не попытается сам выбраться из города?

— Нет. Он сказал, что будет ждать тебя.

— Ну что же, хорошо. Сейчас Вегойя ничего не может для него сделать.

Она присоединилась к Арнту в гамаке, скользнув в него легко, словно рыбка в сеть. Юноша почувствовал влажность и тепло ее тела, аромат мускуса стал сильнее. Он попытался

сесть, но это не удалось, и их тела лишь теснее прижались друг к другу.

— Но ты ведь девушка Вела?.. Разве не так?..

— Иногда. Но Вел в Сутриуме, и, без сомнения, он развлекается с этой Танаквил, о которой ты рассказал.

— О, нет, только не с Танаквил! Она не позволит этого...

— Почему? Разве она увлекается девушками? Впрочем, даже если Вел был бы здесь, он не возражал бы против того, чтобы Вегойя предоставила тебе возможность воспользоваться правами гостя.

Эта неожиданная возможность воспользоваться правами гостя показалась Арнту весьма двусмысленной. Он давно взял за правило никогда не принимать благосклонность тех молодых женщин, которые пребывают в печали, а потому, с одной стороны, жаждут утешения, а с другой стороны, накидывают на утешителя свою сеть. Если женщина становилась слишком настойчивой — а его рыжие волосы и дикая кровь галлов притягивали многих,— он просто уходил, отправляясь в новый путь. Так приходилось ему поступать раз двадцать, не меньше. Но теперь он оказался в гамаке, как в сети, и попытка высвободиться лишь приближала его к девушке. Не успевал он освободиться от ее объятий, как вновь оказывался в них — она напоминала воду, не знающую преград.

— Вероятно, ты предпочитаешь городских дам с завитыми волосами и наклеенными ресницами,— возмутилась, наконец, Вегойя.

— На самом деле, мне больше всего нравятся сельские жительницы.

— Тебя привлекает грубость и простота? Огромные груди? Женщины постарше, с пышными телами?

— Объемы меня не волнуют.

— Тогда тебе должна нравиться Вегойя! — воскликнула нимфа.— Ты просто слишком застенчив! Если только ты не... евнух? Ты, случайно, не преподнес в дар этой мрачной богине Кибеле какую-нибудь часть своего тела?

— Нет,— заявил он.— Я никогда не поклонялся Кибеле, и даже если бы и поклонялся, я никогда бы не отдал ей часть самого себя.

— Арнт, ты что, девственник? — эта мысль рассмешила нимфу.

— Ну, *конечно*, нет,— он даже фыркнул от возмущения.— Неужели ты думаешь, что за двадцать два года и при всех

моих странствиях, при том, сколько девушек и женщин я встречал, и при всех предложениях и приглашениях, которые получал, при том количестве городов, которые я посетил, я бы... — Но мог ли он лгать, глядя в эти смеющиеся, испытывающие его глаза? — Ну, да,— вздохнул Арнт, как маленький мальчик, который признается в краже печенья.— Я девственник. Но это мой собственный выбор,— поспешил добавить он.— Дело не в том, что я не знаю, что нужно делать. Можно сказать, я все знаю, но не применяю на практике.

Ее смех походил на звон бубунчиков. Он был уверен, что все ее друзья — и тот мальчик с надорванным ухом, и свирепая нимфа, ударившая его веслом, и все остальные — все слышали ее смех, словно теперь все жители города знали или хотя бы подозревали, что так рассмешило ее.

— Ты первый девственник, с которым встретилась Вегойя,— она вскочила на него сверху, как дикая кошка, рассматривая и ощупывая его тело.— Она не видит в тебе никаких изъянов. Но становится поздно.

Арнт старался как можно глубже погрузиться в переплетения гамака, чтобы скрыться от ее неумолимого взора. Она погладила его плечи, провела руками по груди.

— Послушай, глаза бесполезны, пока ты не смотришь с их помощью, не так ли? Уши созданы, чтобы слушать. Язык — чтобы говорить. Ноги — чтобы ходить. У каждой части нашего тела есть свое предназначение, полезное или приятное. Если ты не научишься пользоваться какой-то частью тела, что произойдет с тобой?

— Она атрофируется.

— Вот именно.

Пришло время Арнту изложить свою точку зрения.

— Все знают, что женщины хотят получать награду за свою благосклонность. Они не могут поступать иначе,— так они устроены. На рынке или в постели, они всегда торгуются, совершают сделку. В этом их привилегия. Что касается меня, я слишком беден, чтобы платить монетами, и слишком свободолюбив, чтобы платить своей независимостью. Я путешествую. И я намерен путешествовать и в дальнейшем. Короче говоря, я не покупаю.

Она рассмеялась еще громче.

— Ты привык к этрусским девушкам. Или, возможно, к римским, ко всем этим рыхлым девственницам, которые ус-

траивают визг, стоит мужчине хотя бы подмигнуть им. Что это была за корова, из-за которой устроили столько шума? Кажется, ее звали Лукреция? Здесь, на озере, мы не столь серьезно относимся к подобным вещам. Если Вегойя хочет проявить по отношению к тебе гостеприимство, она всего лишь поступает как хорошая хозяйка и не более того. Если она тебе нравится, тем лучше. Возможно, ты вернешься. А возможно, нет. Но *брак*... Мы, знаешь ли, вообще почти не употребляем это слово в нашем городе.

Арнт вынужден был признать силу ее аргументов.

— Но как же любовь? — вопросил он в отчаянии.— Она связывает по рукам и ногам прочнее, чем брак. Всегда существует опасность, что это изысканное гостеприимство привяжет гостя к дому.

Она взглянула на него с изумлением.

— Любовь? Вегойя слышала о любви, но разве она существует на самом деле? Или это всего лишь слово, которое этруски придумали, чтобы заменить слово «совокупление»? Вы все так усложняете. Вы делаете все то же самое, что делаем мы, но называете это другими, более приятными именами.

— А что ты чувствуешь по отношению к Велу?

— Вегойя не любит Вела. Он нравится ей. Он играет с ней. Плавает, ловит рыбу, спит. Ей нравится чувствовать его руки на своем теле, они обвиваются как виноградные лозы, ей нравится, как светятся в темноте его глаза. Ей все в нем нравится. Она хочет помочь ему, но не из-за любви. Но не достаточно ли разговоров для одного дня? Вегойе надоело болтать.

— Значит, ты даешь мне слово — никаких слез, просьб, упреков, никаких сетей потом не будет?

— Вегойя клянется в этом.

— Но ты понимаешь, что я неопытен в подобных вещах. После Вела я могу принести тебе одно разочарование.

— Неопытность — это интересно! Это нечто новое. У тебя есть все, что нужно, чтобы получить удовольствие.

Арнт обнаружил, что (как он и подозревал всегда) природа наделила его исключительным темпераментом и страстью, и посему он вполне годится для того, чтобы стать весьма прилежным и способным учеником Вегойи. Под ее руководством он научился использовать свои сильные и натренированные странствиями крепкие ноги и руки. Эти руки тянули плуг и

умели управляться с мечом, а ноги привыкли к ходьбе и бегу. Тело его было сильным и твердым, как молодое дерево. И теперь он сумел направить всю эту силу в новое русло, осваивая незнакомое, порой трудное, порой восхитительное искусство. Сперва осторожно, испытывая страх провала, а затем все более уверено, он изучал мастерство любви, жадно стремясь доставить и испытать наслаждение, подражая богам, о которых он столько раз пел и рассказывал во время представлений.

В ответ Вегойя вела себя, как юная пантера, яростная и грациозная в каждом движении. Она не лежала беспомощная и покорная в его руках, руки ее скользили по телу юноши, возбуждая в нем страсть, она прикасалась к каждой веснушке на его спине, к каждой впадине и выпуклости, перебирала его рыжие волосы, гладила грудь и руки, то сжимала, то ласково поглаживала его мужское достоинство. Ее рот был сладок как уста Туран, когда богиня ласкала своего Мариса — там, в сетях Сетлана.

Но что за странность! Пульс ее не бился в ответ на его учащенное сердцебиение. Она не имела сердца...

Они лежали, прижавшись друг к другу в сладкой истоме, последовавшей за бурной страстью. Он не смог сдержать короткий смех, вызванный удовлетворенным желанием. А кто бы смог? Несмотря на свою неопытность, он доказал, что способен на многое. Мог ли он говорить о своем успехе? Он задумался: «Если бы я начал в двенадцать лет, как большинство сельских мальчиков, я бы уже десять долгих лет наслаждался этим блаженством и приобретал мастерство!»

В любом случае, теперь он не будет ограничиваться рассказами о похождениях богов. Он наслаждался Вегойей и самим собой. Он словно впервые совершил плавание в море, чувствуя, как волны после шторма мягко качают его тело, он как будто впервые попробовал совершенно новое блюдо — грудку фазана, гранат или особое острое лакомство, как будто впервые пригубил вино — и это оказался самый изысканный мускатель. Но, к удивлению, голод его не прошел.

— Вегойя,— прошептал Арнт,— ты уже исчерпала долг гостеприимства?

Она открыла глаза и взглянула на него. Глаза ее были полны слез и гнева.

— Что случилось? — воскликнул он. Наверное, я причинил ей боль, подумал он, недооценил дикую силу своей страсти.

— Ты смеялся,— отозвалась она.— Я слышала это. Ты смеялся! — (Он отметил про себя, что она впервые заговорила о себе в первом лице, сказав «я», а не «Вегойя».)

— Потому что ты доставила мне удовольствие. И потому что я надеялся, что доставил удовольствие тебе. В чем моя ошибка, Вегойя?

— Неужели удовольствие — это все, о чем ты можешь говорить? После такого таинства, такой красоты?

— Но ты сама сказала...

— Я знаю, что я сказала. Но я думала о Веле и о других эльфах. С тобой все было иначе. Ты был таким открытым и нежным. (Нежным! Это слово поразило его.) Ты смотрел на меня как смотрит луна на волны, твой взгляд столько обещал.

— Мои глаза не знали, что обещают тебе,— пробормотал Арнт.

— Что?

— Ничего. Просто я не думал ни о чем.

— И еще кое-что. Я начала прямо говорить о себе,— нимфа плакала.— А ты даже не заметил этого.

— Почему? Я заметил, просто я не знал, что это так много для тебя значит.

— Ну что же, я одарила тебя моими благодеяниями, чего ты еще ждешь от меня?

— Как же я должен был отблагодарить тебя за твои, э-э... благодеяния?

— Почтительным молчанием. Или, если уже тебе так нужно было поговорить, мог бы прошептать мне на ухо комплимент. *По меньшей мере.*

И все-таки он столкнулся с тем, чего всегда так боялся: вечная женщина с вечным желанием заключать сделку, требующая платы за ее так называемый подарок. Его бы теперь не удивило, если бы вдруг явились все ее друзья, чтобы отпраздновать свадьбу.

— Ты такое же животное, как все эти этруски. Ты приходишь в лес, я помогаю тебе, спасаю твою жизнь, а потом ты унижаешь меня и собираешься отправиться в свой путь, забыв про меня. Я *знаю*, у тебя было множество женщин. Знаю, что это так. Ты вовсе не был девственником. Ты опытный пройдоха, а я для тебя — всего лишь случайная добыча.

Она выпрыгнула из гамака, сильно толкнув Арнта, так что он свалился на пол. Прежде чем он успел подняться на ноги, она нырнула в дверной проем и с плеском исчезла в водах озера, заставив качаться гирлянду и соты, висевшие у входа. Оправдываться было не перед кем, и Арнт решил, что в ее нынешнем состоянии она вполне может спокойно утопить его. Так что он выбрал спелый гранат из тех, что лежали в сосуде на столе — одни были еще слишком твердыми, другие уже начинали подгнивать,— и уселся в плетеное кресло, размышляя о странном открытии: об отсутствии сердца у водяных эльфов. Ну что же, ведь что-то есть у них вместо сердца. Прошло совсем немного времени, и Арнт заснул.

IV

Шлеп!

Какой-то большой и гнилой плод попал Арнту прямо в лицо и стек на шею и грудь. Он попытался очистить глаза и увидел Вегойю, которая сидела за столом и очищала следующий гранат. От второго метательного снаряда он отклонился в сторону столь резко, что потерял равновесие и упал на пол вместе с креслом — так, что содрогнулся весь домик.

В комнате зазвучал уже знакомый ему мелодичный смех.

— Ты выглядишь, как лопнувшая дыня,— она продолжала целиться в него третьим снарядом.— Сейчас трудно отличить зерна граната от твоих веснушек.

— Не надо больше этого делать,— он постарался сказать это так, чтобы не провоцировать развитие конфликта, но чтобы голос не звучал слишком жалобно и слабо.

Она метнула очищенный гранат в проем двери. Раздался отдаленный всплеск воды.

— Ну, ладно, давай руку. Обещаю больше в тебя ничем не бросать.

Арнт снова оказался на ногах, но сохранял настороженное внимание, как боец на арене цирка, которому предстоит борьба с натасканными псами.

— Когда я увидела тебя спящим — *спящим!* — и это после всего, что здесь произошло, причем с видом абсолютно довольного собой деревенщины, только что укравшего свинью у соседа, я просто не смогла устоять перед искушением

кинуть в твою физиономию гранат. Именно гнилой гранат. Все равно он уже ни на что больше не годился.

Арнт отметил, что настроение нимфы теперь было скорее капризным, чем по-настоящему мстительным. Или она простила его, или сделала вид, что прощает, приняв позу, характерную, скажем, для аристократки из многоречивого Коринфа или изнеженного Сибариса.

— Умойся, и я накормлю тебя ужином.

Он нырнул в проем двери, спустился в воду у самого порога и смыл остатки гнилого плода. Было видно, что большинство эльфов уже вернулись по своим жилищам. Над крышами виднелись дымки, по озеру разносились соблазнительные запахи готовящейся еды. Умывшись, Арнт взобрался по лестнице назад, в дом Вегойи.

Нимфа разожгла огонь в маленькой глиняной печке. На полке рядом с плитой лежали темные двустворчатые раковины, очевидно, найденные в озере. Круглый ломоть хлеба, просто гигантский по сравнению с ракушками, жарился на плите.

Только в следующий момент Арнт заметил, что у Вегойи появилась компания — создание, похожее на птицу, крутилось вокруг плиты, заглядывая на еду, словно боялось упустить из виду хотя бы один момент в кулинарных опытах нимфы. Присмотревшись, Арнт узнал пшеничного эльфа, одного из тех лесных духов, что помогали пчелам опылять растения в полях и на лужайках, способствуя урожайности полей. В ответ благодарные крестьяне оставляли на полях горшочки с медом и оливковым маслом. Проехав по дорогам вокруг Сутриума, можно было заметить десятки таких эльфов, набивающих рот медом и маслом, а потом летящих в сторону леса к своим домикам. Несмотря на маленькие размеры и золотые крылышки с темными кончиками, лицом и розоватым телом они напоминали людей.

Вегойя пояснила:

— Это Арнза. Он прилетел, чтобы поужинать вместе с нами.

Арнт улыбнулся Арнзе, который ответил на улыбку легким наклоном головы и продолжил деловито порхать вокруг плиты, словно вдыхая дымок, он мог ускорить время приготовления моллюсков и жареного хлеба.

— Тесто,— Вегойя указала на хлеб.— Пшеничные зерна и мед. Когда Арнза даст знак, я пойму, что все готово. Это он дал мне рецепт хлеба.

Арнт выразил одобрение кулинарным познаниям маленького эльфа. День, проведенный в напряженном труде и богатый сильными впечатлениями, немало способствовал аппетиту. Он сел в кресло, которое раньше опрокинул, и стал наблюдать за тем, как готовилась еда. У него даже мелькнула мысль — не предложить ли свою помощь? Ведь Арнт, будучи холостяком, привык сам готовить еду для себя и Урсуса. Но потом он вспомнил, что женщины любят все делать сами, заботиться о детях и мужчинах, кормить их особыми блюдами, секрет приготовления которых никому не известен. Пожалуй, не стоит вмешиваться в этот священный процесс и нарушать домашние традиции. Кроме того, ему было очень уютно в плетеном кресле и, несмотря на все предыдущие возмущения и женские слезы, теперь он мог наслаждаться комфортом. А потом — разве не достаточно Арнзы в качестве помощника? Как там говорится в старой поговорке? Слишком много поваров испортят пирог?

Вегойя поставила перед ним тарелку, которая, собственно говоря, была всего лишь плотным листом водяной лилии с загнутыми вверх краями. Приготовленные на огне моллюски, приправленные оливковым маслом, были коричневатыми и по виду напоминали мясо, они отлично сочетались по вкусу с хлебом, составляя неразделимое единство, словно Кастор с Поллуксом. Пшеничный эльф, как заметил Арнт, не стал есть, но пристроился на спинке кресла, наблюдая за реакцией гостя — как это делают все повара, ожидающие заслуженных комплиментов.

На десерт Вегойя подала острый, но достаточно вкусный сыр.

— Это свиной сыр,— сказала нимфа, и Арнт почувствовал, что кусок застрял у него в горле. Больше он уже не взял ни ломтика.

Впрочем, он не отказался от молока (в надежде на то, что оно все-таки было коровьим), и пришел к выводу, что не часто ему удавалось отведать такой вкусной еды. Возможно, она не выглядела слишком элегантно и изысканно, но зато была сытной и соответствовала его представления о хорошей пище.

Подавая на стол, Вегойя несколько раз чуть касалась Арнта, соблазнительно дотрагиваясь до его рук, спины, плеч — вероятно, таким образом провоцируя юношу. Она уже не выглядела разгневанной повелительницей, а вела себя, скорее, как грациозная хозяйка дома, желающая услужить сво-

ему гостю. Арнт был очарован ее манерами, походкой, тем, как она привставала на цыпочки, как склонялась над столом, поворачиваясь то одним, то другим боком, принимая разнообразные позы. В этом не было бесстыдства или грубости — всего лишь естественная легкость. Интересно, подумал он, показалась бы мне еда такой же вкусной, если бы не сопровождалась столь изящным танцем? Он все время делил внимание между очередным сочным куском и завлекательным зрелищем.

Когда ужин окончился — Вегойя и Арнза почти ничего не ели, зато Арнт проглотил семнадцать моллюсков, шесть кусков сыра и огромный ломоть хлеба — нимфа выкинула «тарелки» за дверь, предоставив волнам озера очистить их от остатков пищи. Впрочем, на тарелке Арнта оставались лишь пустые створки раковин.

— Время отправляться в кровать,— объявила Вегойя официальным голосом, как говорят о погоде весной, когда не жарко и не холодно.

Пшеничный эльф понял намек. Он полетел прямо на Вегойю, словно намеревался атаковать ее, но в последний момент резко взмыл вверх, шлепнул ее по носу рукой, и выпорхнул в окно, лишь на мгновение приостановившись над горшком с цветами, чтобы вдохнуть их аромат. Вегойя никак не прокомментировала его уход. Казалось, она принимала как само собой разумеющееся визиты и кулинарные советы пшеничного эльфа.

Нимфа улеглась в гамак, и было очевидно, что она ждет, когда Арнт последует за ней. Солнце уже клонилось к закату, но Арнт понимал, что нимфа вовсе не собиралась спать. Он очень надеялся, что на этот раз удастся избежать слез и упреков. Несколько комплиментов вместо удовлетворенного вздоха и смеха — не слишком большая плата за столь необыкновенное гостеприимство. С видом жреца, собирающегося совершить священную церемонию, он проследовал к гамаку.

Но что это? Жесткий и твердый кулак не нанес удара, но уперся ему в грудь, не позволяя приблизиться.

— Но где мне спать?

— В кресле.

— Я не могу спать в кресле!

— Днем тебе удалось.

— Но тогда я был слишком усталым. А теперь освежился и полон сил.

— Можешь спать на полу. Используй свою набедренную повязку вместо подушки. Я забрала ее у друзей, пока ты спал.

Она кинула ему повязку царственным жестом, как будто это был богатый подарок, но Арнт заметил, что краска полиняла, и ткань приобрела затрапезный вид.

— А вот и твой платок,— еще один кусок мятой ткани полетел в его сторону.

Арнт свернул одежду так, чтобы она, действительно, могла служить в качестве подушки, и расположился на полу.

— Знаешь, моя кожа очень нежная и тонкая,— сказал он мрачно.— Это из-за рыжих волос. Галльское свойство. Завтра я буду весь в синяках.

— Под твоими веснушками их все равно никто не заметит.

Почти стемнело. Через окно виднелся свет, горевший в других домах.

— Вегойя, в остальных домах не может найтись лишний гамак?

— Гамак в доме всегда один.

— А что если там живут двое?

— Они спят вместе.

— И никто не спит на полу?

— Никто, кроме этрусков.

— Вегойя, у тебя не найдется какого-нибудь одеяла, чтобы подстелить под спину?

— Посмотри в ящике.

— В каком ящике?

— Ящик тут один.

— Где?

— За тем креслом, которое ты опрокинул.

Она откровенно наслаждалась, напоминая ему о его неловкости. Неужели он ошибался, или все же сейчас прозвучал тихий мелодичный смех, а может быть, он донесся из другого дома, из чьего-то уютного гамака? Он со вздохом поднялся и отправился к ящику. Приподняв тяжелую крышку, порылся в вещах — там лежали сандалии, сеть, наконечники для рыбной ловли — и обнаружил одеяло, сделанное из шкуры и резко пахнущее. Медвежья шкура, подумал Арнт. Это поможет смягчить ложе, но запах медведя был слишком сильным — так пахло от живого Урсуса, который категорически отказывался мыться.

После некоторых сомнений он сказал:

— Вегойя, я не смогу уснуть.

— В самом деле?

— На полу масса сучков и выступов, Это слишком жестко.

— Но ты же сельский парень, разве нет? Тебе наверняка приходилось много раз спать на земле. Когда грозили ночные заморозки.

— Но мне никогда не приходилось делать это *после* такого трудного дня.

— Совсем недавно ты сказал, что отдохнул и полон сил.

— Не настолько. И кроме того... я чувствую себя таким одиноким.

— И это говорит старый холостяк!

— Знаешь, я все еще расстроен тем, что меня сегодня собирались утопить. Спасение в последний момент вызвало во мне внезапную страсть к общению.

Арнт услышал, как она выбралась из гамака и пошла к нему — он надеялся, чтобы проверить, каково его положение на полу. Он принял максимально неудобную позу, чтобы подчеркнуть свои страдания, и взглянул в ее глаза. Они светились в темноте, как нечто призрачное, нереальное. Прямо над ним Вегойя остановилась, Арнт ощутил волну свежего аромата, который нимфа принесла с собой. Он сел и попытался взять ее за руку, так утопающий хватается за любую надежду на спасение, призывно взмахивает рукой. Но в следующий момент он услышал, как заскрипел гамак под ее телом. И комната погрузилась в тишину, нарушаемую лишь изредка криком ночной птицы или смехом, долетавшим из соседнего дома, плеском воды.

— Ну, ладно,— произнесла Вегойя, когда он уже отчаялся,— можешь разделить со мной гамак.

Арнт поспешил принять ее предложение и, нырнув в гамак, крепко обнял нимфу.

— Спи, оставь меня в покое. Слышал, как говорят: рано ложиться, рано нырять...

— Но я еще не хочу спать.

— А я хочу.

Она удобно свернулась калачиком у него под боком, положила голову ему на плечо, так что он ощутил мягкость ее волос, и замерла.

— Ты действительно собираешься спать? — спросил Арнт растерянно.

— Я уже сказала.

— Но хотя бы поговори со мной, Вегойя.

— Дорогой мой, это, по-видимому, означает «Послушай меня». Ты уже позанимался любовью, наелся, а теперь, поскольку я не стала снова заниматься с тобой любовью, ты хочешь заставить меня слушать тебя.

Собственно говоря, она была права. Он хотел поговорить о своем рыжеволосом отце, который любил сельскую местность, но никогда не мог забыть суету и шум города, маленькие ярко раскрашенные храмы, и о своей матери, которая так и не научилась читать свитки и надписи, но могла предсказывать будущее по внутренностям овцы, трактовать предвестия духов предков — порой доброжелательных, но чаще злобных, завидующих живым. Да, он хотел поговорить о самом себе и своих умерших родителях, но он не меньше хотел слушать. Путешественник, странник, актер, исполняющий песни и играющий на флейте, он уже шесть лет прислушивался к голосам леса, которые переговаривались между собой, но никогда не обращались к нему. Дело было совсем не в том, что он хотел говорить о себе — молодом человеке с горячей кровью, жаждущем и привыкшем терять. Он хотел услышать ответы на свои вопросы, он хотел найти собеседника, который отвечал бы на желание желанием и на утрату утратой. Что он знал о Вегойе? Она была яркой и прекрасной, как бабочка, она была быстрой и энергичной в любви и в обвинениях, она хорошо умела готовить. Но он не знал, что у нее на сердце — и что это значит для нее: не иметь сердца. Словом, он просто хотел пообщаться по душам.

— Вегойя, почему у тебя нет сердца?

Сперва она не ответила. Но когда заговорила, ее голос звучал странно, как у привидения — он невольно вспомнил, как светились в темноте ее глаза.

— Когда Творец создал нас...

— Творец? Ты имеешь в виду Тиниа?

— Он старше, чем Тиниа. Сила, которая созидала богов, а затем и людей. Когда боги умирают, Творец создает новых. Сказано, что нас он создал на пятый день, на пятитысячный год творения, после того как устал, создавая птиц, рептилий и млекопитающих. Он уже задумывался о шестом дне, когда предстояло создавать человека — он думал о будущей работе и сохранял силы для нее, потому что это была самая трудная задача. Итак, усталый и озабоченный предстоящим днем, он забыл закончить нас, забыл дать нам сердце. Конечно, потом

он вспомнил об этом. Но мы уже двигались и разговаривали. Ему показалось неразумным переделывать нас, ведь для этого надо было лишить нас жизни. Так что он поселил нас в лесу возле озера, научил ловить рыбу и плавать, строить лодки и дома, которые могут держаться на воде. Чтобы выжить, нам не нужно сердце. Зачем сердце в борьбе с пещерным медведем или тигром? Затем, когда самые свирепые звери исчезли, оказалось, что сердце нужно не для выживания, а для счастья — но у нас было озеро, лес, наши прекрасные гибкие тела...

Сначала, когда нас было немного, мы рождали детей, чтобы увеличить численность своего народа и защитить себя от врагов. Но не так давно мы поняли, что нам больше не нужны дети, и что-то в нас изменилось. Наши тела стали бесплодны. Наши груди не дают больше молока. Даже сейчас некоторые полагают, что богиня Туран наказала нас за легкомысленное отношение к искусству любви. Но это не имеет значения. Мы живем долго, и сохраняем красоту почти до самого конца жизни. Ты знаешь, что мне тридцать лет? А в Сутриуме меня обычно принимают за ребенка. Один торговец сказал мне: «Как тебе не стыдно так ярко красить губы! Лучше вот купи ленточку для волос, ты ведь еще ребенок». Лет через сто, когда я стану старой, я отправлюсь в Великий Мир — особое место в лесу, чтобы присоединиться к своим предкам. Так поступают все представители моего народа. У нас в городе нет места для старых, беспомощных, уставших от жизни.

— И ты никогда не чувствуешь, что тебе не хватает сердца?

— Думаю, лучше не иметь сердца, чем иметь и не использовать его.

На следующий день рано утром Арнт и Вегойя отправились на берег и по тропе через лес пошли в сторону Дороги. Их сопровождали несколько эльфов на лодке, которые тоже высадились на берег и теперь шли сзади, обсуждая возвращение Вела и то, как они украсят его лодку цветами, как помогут ему забыть недели, проведенные в рабстве. Похоже, никто не сомневался в успехе Вегойи. Все без исключения доверяли ей и почитали ее за старшую и главную. И не потому что боялись нимфы — совсем нет, они вели себя как дети по отношению к старшей сестре.

— Но почему ты считаешь, что остальные не должны идти в город вместе с нами? — спросил Арнт.— Ведь это их рыночный день.

— Не сегодня,— отрезала она.

Арнт был в набедренной повязке и головном платке, а Вегойя, отправляясь в город, надела нечто из меха, по форме напоминающее тунику, и как будто закрывающее ее грудь. Она несла в руках резную деревянную тарелку, а шею украшало ожерелье из монет и камешков. Арнт хотел спросить ее о значении этих подвесок — возможно, они служили амулетами или оберегами от демонов, но нимфа была так молчалива, что он решил воздержаться от вопросов.

Урсус ожидал возле повозки. Судя по состоянию меха, он пережил в лесу какие-то свои приключения. Он приветствовал подошедших обычным негромким рычанием.

— Он не любит женщин,— начал было Арнт, но Вегойя уже гладила массивную голову медведя. Урсус пребывал во вполне сносном настроении, а потому позволил ей эту фамильярность, хотя выражение его единственного глаза свидетельствовало, что такое благодушие вряд ли продлится слишком долго, как это обычно и бывает у медведей.

— Как правило, он сразу кусает женщин,— пробормотал Арнт в некотором разочаровании.

— Этрусских женщин,— поправила его Вегойя.— А не эльфов, я так полагаю.

На Дороге они были не одни. Из леса волнами выплескивались на Дорогу группы Зачарованных. Старый хромой кентавр ковылял следом за повозкой Арнта по направлению к Сутриуму.

— Он собирается подковать себя,— прошептала Вегойя.— А там видишь фавна? — она указала на маленького волосатого типа с рогами, хвостом и копытами, который тащил с собой груду медных предметов.— Он намерен пойти к цирюльнику и удалить часть мелких волос с хвоста. В городе для этого пользуются особой смесью из смолы и сухих лягушек.

Кое-кто из Зачарованных кивал Вегойе, другие не обращали на нее никакого внимания, равно как и на друг друга, вступая в разговор лишь с представителями собственной расы. Арнт пришел к выводу, что различные племена лесных жителей ведут отдельное, независимое существование, хотя их и объединяет неприязненное отношение к людям.

— Садись, предложил он Вегойе, указывая на свою повозку,— я подвезу тебя до ворот. На самом деле, я могу даже заехать в город, я с радостью снова встретился бы с Велом.

— Нет, не до ворот, и тем более не в город,— твердо ответила Вегойя.— Стражники будут крайне удивлены, если увидят, что ты везешь кого-то из Зачарованных. Никто не должен догадываться, что между нами есть какая-то связь.

— Я могу последовать за тобой и через некоторое время найти тебя в городе.

— Нет,— повторила она.— Если мы встретимся на улице, ты должен пройти мимо. Твои глаза выдают все твои чувства, все мысли.

— Так что же — мы должны сказать друг другу «прощай»?

Вегойя улыбнулась ему. В этот момент она походила на маленькую девочку, закутанную в мех, с темными волосами, убранными в узелок на затылке и заколотыми черепаховым гребнем, но все же слегка растрепанными. Казалось, ей и вправду следует купить на рынке ленту для волос. Вчера он желал ее. Теперь жалел — она была такой хрупкой, выглядела совсем ребенком, который по наивности игнорирует очевидную опасность. Арнт подумал, что она, должно быть, не понимает всю серьезность и рискованность своей миссии. Сказав «прощай», он почувствовал комок в горле и подступающие к глазам слезы.

— Арнт,— она взяла его за руку.— Я хочу тебе кое-что сказать.

— Что, Вегойя?

— Я запрещаю тебе забывать меня.

В ее улыбке теперь читалась сила и уверенность, он вдруг понял, почему ее народ относился к Вегойе с таким почтением. Маленькая девочка в одно мгновение превратилась на его глазах в совершенно взрослую женщину.

— Я не собираюсь забывать тебя.

— Собираешься. Но не сможешь. Точно так же, как никогда не сможешь избавиться от веснушек.

— Вегойя,— воскликнул он,— в тебе появилось нечто новое. Иное, чем раньше. Власть. Ты ведь, действительно, можешь спасти Вела? Так?

— Да.

— Почему ты так уверена?

— Ты же знаешь, кто я! И почему Вел послал тебя именно ко мне!

— Потому что вы друзья.
— Потому что я — волшебница нашего города.

V

Каждый девятый день на рынке в Сутриуме появлялись не только яркие полотняные навесы местных торговцев, но и крестьянские повозки с цельнодеревянными колесами, и одинокие фигуры Зачарованных, у которых не было ни прилавков с навесами, ни повозок. Лесные обитатели бродили по рынку с корзинками в руках, обменивая слитки меди или свежую рыбу на ремесленные изделия и городские услуги. Как всегда, Танаквил уверенно шла по улицам города — ей не была свойственна чрезмерная застенчивость греческих девушек, которые если и решались выйти на рынок, то закрывали лицо накидкой и ходили только в сопровождении группы рабов. Танаквил нравилось, как смотрят на нее мужчины, она видела в них подтверждение тому, что хорошо одета: туника цвета дубовой листвы спускалась до колен, серебристая накидка, расшитая зелеными морскими конька́ми, окутывала фигуру, не скрывая ее полностью от взглядов, многочисленные браслеты позванивали на запястьях, а финикийские скарабеи из темно-синей смальты и египетские золотые листья лотоса служили дополнительным украшением этих браслетов. На пальцах были три кольца из слоновой кости с резным орнаментом в виде оливковых листьев, а в волосах, как всегда, алели излюбленные ею маки, сплетенные в широкий венок.

— Они походят на алые руки,— сказала ей раб-афинянин, работавший по дому, а потому более смелый, чем остальные рабы.— Они словно предлагают черноту ваших волос в качестве жертвоприношения богам.

(А Вел ничего не сказал — Вел, которому она улыбнулась, выходя из дома.)

Безмолвные от робости — они еще не успели посетить винные лавки,— Зачарованные бродили вдоль прилавков, не решаясь сразу вступать в торговые переговоры и опасаясь слишком сердитых купцов. Кентавр наступил на гроздь винограда и поскользнулся с негромким испуганным ржанием. «Бедный старый зверь,— подумала Танаквил,— Его копыта совершенно не приспособлены к мостовым».

Она скользила взглядом по лицам и телам Зачарованных в поисках серебристых волос и перепончатых ступней. Если Арнт посещал водяных эльфов,— она предположила это из-за того, как легко он нашел общий язык с Велом,— возможно ей удастся найти сейчас на рынке кого-то из соплеменников Вела, готовых помочь ему вернуться на озеро. Но для этого надо отыскать способ провести его через ворота и мост, добраться до леса. Такой задаче подивился бы и сам хитроумный Одиссей! «Предположим, я сама помогу ему сбежать. Предположим, я возьму повозку и выеду за ворота города, а Вела заберу с собой...»

— Место назначения? — спросит стражник у ворот.

— Витербо.

— Что в повозке?

Нежная, обезоруживающая улыбка.

— Ну, платья, обувь, корзинка маков.

— Проезжайте.

Проехать! К лесу и озеру. С Велом. Тогда Вел, полный благодарности, уже не будет так груб и безразличен.

Она оказалась рядом с женщиной из племени фавнов, продававшей цветы. Многие женщины теряли голову из-за невероятного обаяния и мужской силы фавнов, но Танаквил никогда не слышала, чтобы мужчина влюбился в женщину-фавна. Та, что стояла перед ней, больше напоминала животное, чем человека — она была крепкой, чудовищно волосатой, бородатой. Женщина-фавн была одета в козлиную шкуру, прикрывавшую торс, но вот чего ей явно не хватало, так это длинной туники, которая спрятала бы ее ужасные ноги. Танаквил протянула ей золотую монету и получила огромный букет асфоделей, которые только что зацвели вне города,— эти цветы появлялись внезапно, раскрывались все сразу, словно атакуя путников, направляющихся в город. Букет, который получила Танаквил из волосатой руки, похожей на паука, состоял из еще не раскрывшихся цветов. Они казались спящими, заколдованными. Танаквил благодарно улыбнулась той, что продавала цветы, попрощалась с ней и повернулась, чтобы найти ребенка, которому могла бы подарить букет. За ее спиной раздалось на ломаной латыни:

— Прекрасная дама, что ты будешь делать! Харун зажарь ее душу!

Настроение мгновенно испортилось. Танаквил с досадой отправилась дальше, по направлению к цирюльне, где мастер

помогал какому-то лесному жителю избавляться от лишних волос.

— Главное, чтобы их не оставалось на хвосте,— терпеливо объяснял клиент.— Но поосторожнее с кончиком хвоста, там должна оставаться пушистая кисточка.

А потом Танаквил увидела девочку, явно принадлежавшую к народу Вела. У нее были перепончатые ноги, меховая туника, рассчитанная не на лето, а на морозную зиму, но удивительно подходившая к фигуре, и очаровательное лицо-сердечко. Кожа девочки отливала янтарным блеском, который среди людей встречается только у выходцев с берегов далекой северной реки Данубиса. Судя по всему, она показывала какой-то фокус. Вокруг нее стояли пять молодых парней, которые явно отдавали предпочтение волшебнице, а не ее магии. Тем не менее, они бросили несколько монет в деревянную тарелку у ее ног. На некотором расстоянии от девочки собрался кружок из котов и кошек: это были крупные животные с блестящим мехом, желтым в черных пятнах. Вероятно, они были родственниками Баста, но более дикими, чем он — так показалось Танаквил. Эти коты были гораздо ближе к своим африканским предкам.

Затем Танаквил заметила, что девочка колдует над молодым человеком в одежде цвета охры. Его глаза сияли, он замер в напряжении, точно деревянная фигура на носу корабля. Девочка попросила его протянуть вперед ладонь. Сначала она говорила на латыни, и рука юноши не двинулась вперед. Возможно, не все жители Сутриума владели двумя языками. Тогда девочка заговорила по-этрусски. И молодой человек спокойно и доверчиво протянул ей ладонь. Тогда фокусница достала из-под туники застежку-фибулу, представлявшую собой булавку с коралловой головкой, и воткнула ее в основание ладони, у самого запястья. Но человек не выказал никаких признаков боли, рука даже не дрогнула. Собравшиеся зрители заподозрили какой-то фокус.

Один юноша с большими ногами, обутыми в деревянные сандалии, крикнул:

— Ты на самом деле не проткнула ему руку, не так ли, эльфийка?

Девочка улыбнулась и указала на место, куда несколько секунд назад вонзилась булавка,— там виднелась крохотная капелька крови величиной с мошку. Танаквил поморщилась. Парни ухмылялись, дивились и кидали в тарелку у ног фокус-

ницы золотые монеты, но когда она предложила кому-нибудь другому стать добровольным участником представления, они замотали головами. «Жертва» очнулась от легкого шлепка по щеке, парень посмотрел в недоумении на свою ладонь и последовал за приятелями в сторону ближайшей винной лавки.

Но коты продолжали сидеть неподвижно, собравшись в кольцо вокруг девочки-эльфа, как будто она обещала им сытный обед из рыбы и сливок. Она опустилась на колени перед ними, в руке ее оказался маленький сверкающий кристалл, который она показывала котам. Губы ее двигались беззвучно — во всяком случае, Танаквил не могла расслышать ни слова. Внимание котов казалось странным и пугающим. Шерсть их постепенно вставала дыбом, хвосты поднимались вверх трубой, они начали шипеть и ворчать, тела их напряглись. Но прежде чем вспышка ярости охватила всех животных, девочка коротко кивнула, окончив разговор. Они встали гордо и уверенно, высоко держа головы и вытянув длинные шеи, темные пятна на шкурах котов сверкали как черные жемчужины.

Танаквил содрогнулась. Она никогда не видела Баста в таком состоянии. Она почувствовала себя так, словно невольно стала свидетельницей тайного запретного ритуала. Пожалуй, стоило заявить о своем присутствии.

— Ты волшебница?

Девочка удивленно посмотрела на нее.

— Да.

— С озера?

— Да. Из города Плавающих Домов.— Ответ был коротким, но звучал вполне дружелюбно. Она уставилась на маки в волосах Танаквил.

— Я думаю, что знаю одного из ваших людей,— начала Танаквил.— Он находится здесь, в городе.

— Никто из моих людей не живет в Сутриуме.

— Он попал в рабство. Его зовут Вел.

— А ты, должно быть, Танаквил.

— Тебя послал Арнт, я права? Где он сейчас?

— Я оставила его в лесу.

— Ты родственница Вела?

— Мы друзья.

«Друзья? — подумала Танаквил.— Нет, это его женщина». Ее охватил внезапный приступ ревности. Но нимфа взяла ее за руку успокаивающим жестом.

— Я его друг, как и ты. Вместе мы сможем ему помочь, не правда ли?

Пальцы Вегойи были такими маленькими! Совсем детская ручка, но она коснулась не только кожи, но и сердца Танаквил. Мягкий голос нимфы проникал в самую душу, избавляя от ревности, умиротворяя.

— Здесь на нас могут обратить внимание,— предупредила Танаквил.— Видишь вон тот храм, на крыше которого есть статуи — демоны и Дитя Тагес? Он теперь должен быть пуст, жрец пошел на рынок, как и все остальные горожане. Я только что видела его. Следуй за мной на некотором расстоянии.

Храм Тагеса возвышался на высоком фундаменте как огромная глиняная игрушка, раскрашенная во все цвета радуги: ярко-оранжевые плитки, покрывавшие снаружи деревянные стены, пурпурный треугольник фронтона, а также зеленое и черное, лимонно-желтое и голубое, розовое,— все цвета были использованы для раскраски ухмыляющихся, кривляющихся демонов на крыше. Возможно, храм был окрашен самим богом. Лишь ребенок, подумала Танаквил, мог выбрать такие цвета, разрушающие классическую афинскую гармонию — причем именно этрусский ребенок. Только он мог сотворить нечто столь невообразимое. Но в любом случае повелитель и хозяин храма, Тагес, должно быть, остался доволен.

Конечно, там присутствовали и фаллические изображения. Танаквил невольно вспомнила про Вела.

Она взошла по крутым ступеням, прошла между колоннами портика и оказалась в целле — внутреннем помещении храма, предназначенном для богослужения. Ей пришлось ступать как можно осторожнее. Храм был святилищем, но в нем жили и брошенные котята. Жрец кормил их за счет подношений горожан, а когда они вырастали, находил для них этрусские семьи, готовые принять и опекать животных. Пятнистый малыш попытался вскарабкаться на сандалию Танаквил, а потом свалился на глиняный пол. Девушка старалась не задеть спящих или играющих котят. А, кроме того, хоть они и были малышами, но все же это были маленькие сервалы — у них с самого младенчества имелись длинные и удивительно острые когти.

Танаквил осмотрелась. Этот храм всегда очаровывал ее. Стены были украшены по-детски трогательно. Там были изображения маленьких мальчиков, карабкающихся в колесницы, сделанные из морских раковин, и терракотовые статуи Тагеса — гораздо меньшие по размеру, чем та, что венчала крышу. Они располагались на многочисленные пьедесталах и словно смотрели вниз на свой детский мир. Честно говоря, исполнены они были довольно неуклюже — хотя этруски во многом превзошли своих учителей греков в искусстве скульптуры. Фронтальные позы и скованность фигур, заимствованные еще из Египта, сменились живостью и естественностью поз и жестов. Этруски пытались уловить природную грацию человеческого тела. Глаза статуй в храме были слегка преувеличенными, конечности не всегда были пропорциональны и порой располагались под неестественными углами. И тем не менее, скульптуры казались живыми. Казалось, статуям было неудобно оставаться на пьедесталах, им стоило лишь сделать одно движение, чтобы спрыгнуть на пол, пренебрегая несоразмерностью конечностей, и попросить — нет, потребовать — колесницу из морской раковины, чтобы отправиться в путь.

Авл, брат Танаквил, был таким же крепким, отважным и энергичным мальчиком, именно поэтому Тагес был ее любимым богом. Она любила Тагеса гораздо больше, чем его божественных, но довольно сварливых родителей, Тиниа и Уни — и уж всяко больше, чем мрачную и коварную богиню смерти Вант.

Вегойя молча вошла в целлу следом за девушкой и остановилась в восхищении перед статуями. Внезапно она преклонила колени перед ними, охваченная благоговейным трепетом, и поцеловала сандалии одного из изображений бога. «Эта девочка столь искренна,— подумала Танаквил,— она не способна на ложь и злой поступок».

— А картины на стенах! — воскликнула Вегойя.— Какие замечательные мальчики! Они собираются в путь на своих колесницах!

— Так и есть. Это происходит здесь, в Сутриуме. Раз в год рыночную площадь освобождают от палаток и прилавков, и маленькие мальчики устраивают скачки на колесницах. Победитель получает приз — красную колесницу с бронзовыми колесами.

— Как бы я хотела увидеть скачки! А никто не получает травм?

— Никогда. Хотя порой к вечеру многим из них становится плохо от количества съеденных сладостей, которые выставляют на пир после скачек. Но, наверное, ваши мальчики на озере тоже устраивают гонки на лодках?

— Да, и Вел как-то раз принимал в них участие. Но это было очень давно. Они все уже выросли. И теперь некому занять их место.

— У вас вообще нет детей?

— Не то чтобы они нам были особенно нужны,— быстро ответила нимфа.— Мы живем очень долго, и когда умрет последний из нас, ну что же... на озере останутся фламинго. А теперь давай поговорим о Веле.

— Ты пришла, чтобы помочь ему выбраться на свободу?

— Да.

— Что я могу сделать для этого?

Вегойя пристально посмотрела на нее, и Танаквил почувствовала, что желтые глаза нимфы проникают в самую глубину ее сердца, или в самую душу — которая, как она надеялась, переживет бренное тело и сможет вести счастливое существование после смерти, полное любви, игр, развлечений. Глаза Вегойи подсказали девушке, что нимфа гораздо старше, чем кажется на первый взгляд. Они не соответствовали хрупкому полудетскому телу. Не то чтобы в них сквозила усталость, но они были мудрыми и проницательными.

Вегойя открыла сумочку, спрятанную под туникой, и достала несколько блестящих камней — зеленых с желтыми полосками. Кошачьи глаза. Камни с Востока, которые всегда считались талисманами. Котята, во всяком случае, многие из них, подошли к нимфе и стали тереться о ее ноги.

— Отдай это Велу.

— Он знает, что делать?

— Да. А сейчас поспеши, спрячь камни под одеждой.— Она наклонилась, чтобы приласкать котят. Один из них вцепился в ее тунику.

— Я рада, что ты пришла,— призналась Танаквил.— Вел слишком долго сидел в клетке.

— Тебе он нравится, Танаквил?

— Да, очень. Хотя я в то же время боюсь его.

— Я *говорила* Арнту, что Вел поладит с тобой.

Танаквил покраснела.

— Ничего он со мной не поладил.

Вегойя скептически усмехнулась.

— И все же ты говоришь, что он тебе нравится.

— Но это действительно так!

— Тогда зачем ты отвергаешь его? У него, полагаю, не так много радостей в доме твоего отца.

— Он бы сделал это без нежности и доброты ко мне.

— Ты, наверное, девственница?

— Да.

Вегойя рассмеялась.

— Двое за пару дней!

— Что ты имеешь в виду?

— Арнт.

— Арнт — девственник? Но он исполняет такие непристойные песни, словно он знает и понимает *все это*.

— *Теперь* — понимает.

Выходило, что любой молодой человек, который встречался на пути Танаквил, наслаждался обществом Вегойи. Впрочем, никто ведь не ожидает девственности от мужчины. Танаквил пришла к выводу, что совершенно неправильно истолковала поведение и характер Арнта. Она никогда бы не поверила, что он девственник на основании того впечатления, которое он произвел на нее при встрече. А теперь оказывается, что он потерял девственность с Вегойей — не такая уж и потеря, в конце концов. Вегойя не похожа на особу, которая мало кого удостоит своей милостью.

Но Танаквил вынуждена была признать, что в словах нимфы не было ничего пошлого. Вегойя с естественной легкостью и непринужденностью рассуждала о том, что казалось ей само собой разумеющимся и закономерным.

— Я отнесу твои камни Велу,— сказала Танаквил.

Вегойя рассматривала картины на стенах.

— Танаквил, а тебе никогда не хотелось, чтобы они навечно оставались такими? Маленькими мальчиками — шаловливыми, но не злыми, не наносящими раны?

— И не отправлялись бы на войну, чтобы получать там раны и встречать раннюю смерть? Конечно, хотелось.

— Но они всегда вырастают,— вздохнула Вегойя.— Их мальчишеские тела отвердевают, приобретая мужскую жесткость, они обретают желание, не оставляя стремления к озорству. Они сохраняют детские сердца. Быстрые. Веселые. Забывчивые.— Она обернулась к Танаквил, словно дальнейшее созерцание картин причиняло ей боль. Ладонь ее была прижата к тяжко вздымавшейся груди.

— У тебя болит сердце?

Вегойя сняла руку с груди и пожала плечами.

— Сердце? У меня нет сердца. Как и у Вела.

Танаквил была озадачена.

— Я не думала, что вы вообще лишены сердца. Все вы. Мне казалось, что это касается только диких племен. Наверное, я и сама могла бы стать дикой.

— Не так, как мы. Под словом «дикий» ты имеешь в виду жизнь в лесу. Одежду из меха вроде моей. Или отсутствие одежды. Охота, рыболовство, ловля птиц. Для нас «дикий» — значит, тот, кто не умеет и не желает заботиться о других. Теперь ступай к Велу. Отнеси ему камни. Полагаю, ты поступила мудро, отвергнув его. Он, безусловно, причинил бы тебе боль.

Вел, стоя на коленях, чистил пол. Его движения были ловкими и быстрыми, и красноватые плитки пола в атриуме сверкали, как драгоценные камни в лучах дневного света, проникавшего через отверстие в кровле. Но он казался рассеянным, словно эти лучи уносили его куда-то вдаль — туда, где не было ни этого дома, ни атриума. Вместе с ним работал еще один раб, тот самый афинянин, который сделал комплимент красоте Танаквил: миниатюрный юноша с пронзительными черными глазами, весь вид которого говорил, как он обожает узнавать чужие секреты.

— Вел,— позвала Танаквил.— Пойдем со мной в сад.

Афинянин уставился на госпожу, словно ему только что раскрылась невероятная тайна, глаза его округлились и засверкали. Вел последовал за ней на некотором расстоянии, она слышала шлепанье его босых ног по плиткам двора.

В саду не было стрекоз, и не было больше маков возле грота со святилищем Лавис — Танаквил срезала их все и вплела себе в волосы. Там был только Баст, который спал среди маковых стеблей. Возможно, завтра не будет здесь и Вела, прошедшего с ней в опустевший сад. Но она уже не боялась эльфа. После разговора с Вегойей она поняла, что означает его дикость.

Она раскрыла ладонь и протянула ему камни.

— Вегойя пришла! — вскрикнул он.

— Да. Я видела ее на рынке. Она попросила передать тебе эти камни. Это все.

Он схватил камни и сжал их с такой силой и страстью, что его тонкие пальцы побелели от напряжения.

Она ожидала от Вела слова или жеста благодарности.

— Ты отправишься с ней?

— Да.

— Ты можешь сказать мне, когда это произойдет?

— Скоро.

— Вел, ты понимаешь, что я никогда не хотела причинить тебе вред? — Танаквил положила руку ему на плечо.

Он отстранился.

— Твой отец поймал меня для тебя!

— Но я не просила его об этом.

— Для тебя.— Он указал на алый знак раба на своей руке, несмываемое пятно позора.

Танаквил взяла его за руку и прижала ее к своей щеке.

— Вел, Вел, смогу я посетить тебя на озере, встретиться с твоим народом? Мне понравилась Вегойя. Правда, понравилась. Я уверена, что понравятся и остальные. Понимаешь, я... я действительно очень привязалась к тебе.

— Где Арнт? — спросил он.— Он не пришел вместе с ней?

Танаквил отпустила его руку.

— Она оставила его в лесу.

— Арнт не любит города,— гордо заявил Вел.— Он пойдет со мной и останется вместе со мной на озере.

— И будет играть для тебя? Вот почему ты так полюбил его. Это из-за его музыки.

— Арнт и есть музыка.— Лицо Вела сияло.— Когда он играет, он светится, он превращается в сияние солнца. Я хочу...

— Что?

— Танцевать для него.

— А я?

— Ты? Ты — *женщина*. Что я могу хотеть от тебя, кроме... — Он рассмеялся и схватил ее запястья жесткими пальцами — когтями.

— Нет,— сказала Танаквил.— Сначала ты должен научиться уважать меня. Как ты уважаешь Арнта.

И в этот момент они услышали флейту Арнта и скрип повозки, громыхающей по булыжнику своими тяжелыми колесами.

Вел буквально отбросил руки Танаквил, словно его укусил скорпион.

— Ты сказала — *он в безопасности, в лесу.*

VI

Он наблюдал за ней — маленькой фигуркой с деревянной чашей в руках, пока она шла по Дороге, пока ее не заслонили другие Зачарованные: огромные кентавры, волосатые фавны. Озерная волшебница. Интересно, подумал Арнт, волшебница — или просто маленькая девочка, играющая с заклинаниями? И хотя в ней действительно имелось нечто странное, особенное, ее вспыльчивость и ее обиды казались ему совсем детскими и наивными. Но он чувствовал и кроющуюся в ней силу.

Тем временем Урсус проявлял все более заметное нетерпение. Он начал рыть землю лапой, шуршать сухими листьями.

— Хорошо, хорошо, Усрсус, пришло время и нам отправляться в путь.

Медведь поднял мощные передние лапы в воздух, оттолкнулся задними, служившими ему для рывков, и привел повозку в движение. На Дороге он припустил рысью, словно его подгонял суровый бог ветра Борей. Но куда поворачивать дальше? Арнт этого не знал. Витербо? Волсиния? Или, может быть, Спина? Не исключено, что когда-нибудь он доберется и до поселений рыжеволосых галлов — того народа, к которому принадлежал его дед. И в конце концов он окажется вдали от трех нелепых друзей — тридцатилетней девочки, не имеющей сердца, мальчика с перепончатыми ступнями, которого он надеялся спасти с помощью волшебства, и девушки, пребывающей в сонном полубытии. Все трое встретились на его пути и взволновали душу.

Вегойя, Вел, Танаквил. Водяные эльфы и этрусская девушка. Он видел их лица, сиявшие как лилии на зеленой поверхности водоема. Какой цветок удержится на плаву, а какой утонет, чьи лепестки проглотит безжалостная вода? Этруски не склонны отпускать свои рабов, а обращенные в рабство Зачарованные не имеют обыкновения прощать своих мучителей.

Так же стремительно, как он почувствовал симпатию к Велу и Танаквил или испытал страсть к Вегойе, Арнт вдруг понял, что должен вернуться в Сутриум. Вернуться, чтобы помогать и исцелять. Он должен *быть* там — вот что сейчас главное.

Он взялся за вожжи, ощущая себя Ипполитом на гибельной колеснице, несущей его к смерти — но тут время снова

замедлило свой ход. Урсус не спешил. Сначала он отреагировал на требование хозяина отправиться в обратный путь недовольным ворчанием, потом все же двинулся к городу, но при этом откровенно медлил, останавливался, поворачивал к обочине, спотыкался при ходьбе, и вообще вел себя как упрямый мул.

Выбрав, куда ему двигаться, Арнт решил, что спешить пока некуда. Он не хотел догонять Вегойю на Дороге, поскольку это могло бы вызвать лишь гнев волшебницы. У нее были бы серьезные основания наказать его за своеволие. Скажем, увеличить число веснушек на его лице и теле. Или превратить его в рыбу, медведя или даже в плод граната. А что еще хуже, она могла захотеть превратить его в евнуха!

Арнт вздохнул.

— Сеть. Слышишь меня, Урсус? Мы отправляемся прямиком в сеть. В ловушку.

Урсус сделал вид, что не слышит хозяина, он ступал так тяжело, словно под ногами была не твердая, утоптанная земля, а непролазная грязь. Казалось, он всем видом говорил: «Уж мне-то можешь это не рассказывать. Ты сам решил тащиться назад, в этот город».

— Но, знаешь, по крайней мере это шелковая сеть,— заметил Арнт печально.

И вот наконец дом Танаквил с оранжевым фасадом и покатой крышей — такой же красной, как маки в саду. «Красноголовый, как и я сам. Только без веснушек». Арнт почувствовал неожиданный прилив теплоты от этой мысли.

Была уже середина дня. Он задержался в полях за городом, чтобы найти пищу для себя и для Урсуса. В зажиточном сельском доме добросердечная хозяйка накормила обоих путников виноградом, хлебом и сыром, а потом даже позволила медведю облизать горшочки зерновых эльфов. В воротах города их встретил все тот же хмурый тип, который накануне пропускал Арнта на мост при выезде из Сутриума. Выслушав от стражника дежурную сентенцию о том, что мост не предназначен для тяжелых повозок и жирных медведей, путники миновали пост, въехали в ворота и оказались снова в городе.

Что же ожидает их, когда удастся найти Вегойю возле дома Танаквил? Она шпионит за домом? Или, да простит ее Тиниа, произносит свои заклинания? Собственно говоря, Арнт

понятия не имел, какими заклинаниями и чарами нимфа может воспользоваться. Волшебницы вообще малопредсказуемы, но ведь они умеют читать будущее. Они исцеляют больных, снимают головную боль, используют наряду с заклинаниями и различные препараты — корни растений, порошки и смеси, изготовленные из таинственных компонентов. Они умеют готовить приворотное зелье, менять свой облик, к примеру, оборачиваясь мухой и влетая в закрытые комнаты.

Арнт решил, что разумно будет заранее объявить их о своем прибытии. Он никого не хотел удивлять, в особенности Вегойю. Он достал флейту и заиграл ту же мелодию, которую уже слышали от него обитатели дома. Урсус заметно ускорил шаг, почти переходя на галоп, и повозка с грохотом скатилась к дому по улице — словно и медведь, и возница были смертельно голодны, а здание представляло собой огромный кусок медового пирога. Вскоре сомнения и тревоги отступили, музыка взяла верх, и Арнт стал таким же веселым, легким, беззаботным, как мотив, который он наигрывал. Он играл о любви, широкой и свободной, как восход солнца, о любовниках, укрывающихся в ветвях ивы на берегу. Музыка была его заклинанием, его амулетом. Никакое зло не могло твориться в этом городе и в этот солнечный прекрасный день.

Ворота распахнулись, словно сад вздохнул полной грудью, и жаркий, яростный Вел вылетел на улицу. Не обращая внимания на жалобное хлопанье створок за спиной, он бросился к повозке, его ноги шлепали громко и сердито, а потом он закричал на Арнта:

— Ты не должен был возвращаться! Ты не должен был возвращаться!

Арнт был поражен этой неожиданной вспышкой гнева. Он закрепил вожжи и похлопал Вела по плечу.

— Но, Вел, я полагал, ты будешь рад меня видеть.

Гнев Вела мгновенно исчез, но лицо мальчика оставалось нахмуренным и встревоженным. Арнту показалось, что он вот-вот заплачет.

— Прекрасный музыкант, я просил тебя не возвращаться,— голос Вела звучал жалобно.

Арнт понял, что Вел не сердится, а боится за него. Прежде чем он успел спросить о причинах страха и узнать, появлялась ли Вегойя, в воротах появилась Танаквил. Она подбежала к повозке и воскликнула:

— Постой, Арнт, подожди меня!

Урсус скривил морду, и обернулся к хозяину, демонстрируя ему свое крайнее возмущение. Арнт наклонился и подхватил девушку, посадив ее рядом с собой и напротив Вела, который глянул на нее не менее свирепо, чем медведь, но только двумя глазами. Танаквил была одета в льняную тунику шафранного цвета,— такую ткань привозили из Лидии. Темные волосы выбились из прически, локоны падали на плечи, как гроздья спелого винограда. Шеки ее раскраснелись от бега. Впервые она не походила на тщательно поливаемое и оберегаемое от любого дуновения растение из городского сада. Арнт подумал, что девушка выглядит пышной и свежей — вполне лакомым кусочком для изголодавшегося мужчины. Однако она не для него. Вегойя отбила у него желание в ближайшее время искать любовных приключений. Кто согласится на цыпленка после того, как лакомился фазаном?

— Арнт, ты ведь пришел помочь Велу, правда? — выдохнула Танаквил.

Повозка продолжала двигаться вдоль улицы, состоявшей из оранжевых, красных, иногда синих домов, чередовавшихся со скальными уступами. Словно земля расступалась и дала возможность домам, словно ярким цветам, вырасти и подняться к солнцу. Мужчины и женщины в красочных одеждах, сновавшие от двери к двери, напоминали мотыльков, собиравших нектар и опылявших эти странные растения. Многие махали рукой троице, сидевшей в повозке, а девочка, которую Арнт прокатил во время своего первого посещения города, поспешила к своим друзьям, чтобы сообщить им о возвращении музыканта.

Арнт коротко рассказал Танаквил о визите к Вегойе. Девушка в ответ сообщила ему о своей встрече с нимфой. Потом они заговорили о том вечере, который Арнт провел на озере.

— Полагаю, она сказала тебе об ужине. Хлеб был потрясающе вкусный. Рецепт ей дал пшеничный эльф.

— Она рассказывала о десерте,— отозвалась Танаквил.— Ты не должен мне ничего объяснять. Я знаю все о молодых мужчинах и их потребностях и желаниях. Хороший ужин и сочная спутница. Разве это не великолепное сочетание? — Прежде чем он смог хоть что-то сказать в ответ, она уже сменила тему.— Что планирует Вегойя сделать здесь, в городе?

Арнт, который располагал информацией не в большей мере, чем Танаквил, обернулся к Велу, который чередовал

яростные взгляды в сторону девушки с восхищенными — направленными на музыканта.

— Вел, объясни мне, что происходит. Как Вегойя собирается вытащить тебя из города?

— Через ворота.

— Не думаю, что вам удастся благополучно миновать стражников. Они мгновенно задержат вас обоих,— задумчиво произнес Арнт.

Вел отрицательно покачал головой.

— Кто знает?

— А сам ты не знаешь?

— Вегойя знает.

— Она собирается использовать заклинания?

— Кто знает?

— Где Вегойя сейчас?

— Арнт, ты должен немедленно покинуть город!

— Ты боишься, что кто-то может пострадать?

Вел промолчал.

— Я никуда не уеду. Во всяком случае, без Танаквил. Ты должен мне пообещать, что она не пострадает.

Вел ответил после некоторого молчания:

— Мои друзья не пострадают.

Ужин в тот вечер был утомительным и нелепым. Танаквил попросила, чтобы Арнта допустили к семейному столу, а не отправили есть вместе с рабами. Ларс разрывался между желанием угодить дочери и стремлением соблюдать формальности, принятые у аристократов в отношении странствующих актеров.

— В противном случае он не будет играть для нас,— заявила Танаквил категорично.— Так ведь, Арнт?

Арнт был готов сказать, что он в любом случае согласится играть, он всегда ужинал на кухне со слугами, но девушка не дала ему и рта открыть.

— Говорю тебе, иначе он не будет играть. Ты же хочешь посмотреть еще одно представление, правда, папа? Как насчет приключений Зевса? Например, о Европе и быке? Уверена, что Арнт знает замечательную историю о них.

Арнт хотел было сказать, что как раз эту историю не знает, но зато может исполнить представление о Пасифае и *ее* быке, но Танаквил уже закрыла обсуждение темы.

— Все, решено. Он ужинает с нами.

Вел прислуживал за столом вместе с любопытным афинянином. Подавали косулю с каштанами, крепкое вино, которое вдохновило Арнта не только на традиционное сказание о Пасифае и быке, но и на то, чтобы вставить в повествование такие скабрезные подробности, которые могли бы смутить и галла. Что касается Танаквил, то она предусмотрительно смешивала одну часть вина с тремя частями воды — хотя и после этого напиток получался довольно крепкий.

— Я Пасифая,— задумчиво пробормотала Танаквил в середине представления.— *Околдованная любовью.* А Вел — бык.

Эльф приблизился к столу с подносом лимонов, доставленных из Африки. Танаквил встала, уверенно шагнула ему навстречу, взяла его за руку и повела вокруг стола, успев при этом свободной рукой взять один из лимонов.

— Ты не слишком похож на быка,— заключила она, посмотрев на Вела пристально, и отпустила его руку. Затем девушка вернулась на свое ложе, и устроилась там с довольным видом.

Ларс был вполне удовлетворен представлением. Он громко хлопал, кричал, он даже хотел присоединиться к актеру и исполнить роль царя Миноса, обманутого мужа. Но опьянение помешало ему осуществить это намерение.

Когда Арнт закончил песню, он на мгновение вздрогнул от тревожной картины, которая предстала перед его мысленным взором: словно зритель в этрусском цирке, он увидел самого себя и Танаквил, разыгрывающих комическое представление на арене, на которой вот-вот должны были появиться опасности: огонь, гладиаторы, дикие звери. И както все это было связано с заклинаниями Вегойи. Завтра нимфу обнаружат и изгонят из Сутриума — если, конечно, не заточат в тюрьму, за нарушение закона, согласно которому Зачарованные могли вновь появиться в городе только через девять дней. Она должна была начать действовать сегодняшней ночью. Может быть, она добавила что-то в вино?

Он присмотрелся к Велу, пытаясь угадать намерения Вегойи. Мальчик, помрачневший, когда Танаквил взяла его за руку и повела за собой, теперь казался необыкновенно веселым. Он мелькал туда-сюда, опьяневшему музыканту было трудно уследить за его перемещениями. Нагое тело появлялось над кубками, все подливая и подливая вино трем людям за трапезой. Его руки напоминали гибкие виноградные лозы,

лицо ухмылялось, рот открывался, мелькал розовый подвижный язык, все это было подобно странной маске. Когда мальчик в очередной раз наклонился к нему, Арнт невольно закрылся от него рукой, как щитом.

Вел мягко взял его руку и вложил в нее кубок с вином, а потом поднес его прямо к губам Арнта.

— Нежный музыкант,— прошептал он,— Пей. Это полезно для твоей музыки.

Но Арнт не выпил. Он сердито оттолкнул настойчивую руку и отбросил кубок в сторону. Вино выплеснулось на тело эльфа и потекло по нему, словно кровь из раны. Испытывая вину и смущение из-за своей резкости, Арнт достал платок из-за пояса туники — кусочек белого льна с орнаментом из синих морских коньков. Он промокнул вино на груди мальчика, ощущая пустоту, не слыша биения сердца.

— У тебя нет сердца,— в этих словах прозвучал не упрек, но сочувствие. В глазах у него появились слезы, потому что Арнту стало вдруг жалко Вела, по телу которого вино текло, как кровь, и Вегойю — маленькую девочку, претендующую на роль волшебницы, и всех этих прекрасных, бессердечных, по-детски наивных обитателей озера.— Вегойя говорила мне, но я не был уверен, что это так.— Ему было почему-то стыдно за бессердечие водяных эльфов.— Это мешает тебе, друг мой? Я имею в виду отсутствие сердца?

Вел взял платок, покрасневший от вина, из пальцев Арнта, сжал его в ладони.

— Это не имеет никакого значения. Это не важно, нежный музыкант.

После ужина Ларс отправился в постель с помощью раба-афинянина, Вел остался на кухне, а Арнт и Танаквил вышли на улицу, чтобы освежиться. Они шли по городу и оказались на рыночной площади. Там царила абсолютная тишина. Зачарованные покинули город, унося приобретенные сокровища: браслеты для рук, ног и рогов, ленты для гривы, а также практичные вещи, такие как сумки, обувь, инструменты. В течение девяти дней они не вернутся в город. Торговцы закрыли лавки, вернулись по домам. Никто не позаботился о том, чтобы прибраться на улицах: тут и там валялись расколотые чаши из-под вина — красные афинские и черные этрусские, на обочинах виднелись опустевшие бурдюки, гнилые фиги, а также свидетельства того, что многие Зачарованные (в частности, кентавры) не имели привычки пользоваться

туалетом. Сутриум по праву гордился своей чистотой — завтра утром на рыночную площадь придут рабы, которые наведут полный порядок с помощью метел и щеток. Они отмоют мостовую, прочистят сточную канаву, которая ведет в глубину подземного резервуара сточных вод. Но сегодня ночью мусор и грязь остаются напоминанием о Девятом дне, когда город и лес встречаются к обоюдной выгоде, и расстаются с обоюдным облегчением.

— Даже коты-сервалы отправились спать,— заметила Танаквил.— Обычно они бродят в это время вокруг рыбных рядов. Кажется, сегодня мы одни на улицах.

— Так и есть,— отозвался Арнт.— Я все еще чувствую легкое головокружение. Где твой отец раздобыл это вино? — Он вдруг заметил красные пятна на своей тунике, пояс съехал с талии и почти развязался, на одной из сандалий порвался ремешок, так что она хлопала при ходьбе. *«О Дионис, ты мог бы сейчас принять меня за одного из своих сатиров!»*

— Это вино с виноградников под Сутриумом. Оно очень крепкое. Я, кажется, вела себя не лучшим образом? — Девушка все еще слегка походила на менаду. В волосах ее вновь сияли цветы — уже не маки, а розы,— но это украшение заметно съехало на левую сторону.

— Не совсем так. Ты не сделала ничего дурного. Ты не относишься к дамам, способным допустить нечто скверное.

Танаквил взглянула на юношу скорее озадаченно, нежели благодарно, но все же улыбнулась ему:

— Ну, зато ты вел себя плохо. Честно говоря, Арнт, когда ты начал петь о быке...

— Я подозревал, что в вино что-то добавлено. Или оно заколдовано.

— Вегойя?

— Да.

— Но почему? Ведь пока мы пили, ничего не случилось. Она не могла увести Вела во время ужина.

— Может быть, она планировала, что мы уснем без памяти, но мы лишь поглупели на время. Впрочем, это может иметь еще какие-то последствия. Полагаю, нам лучше пока не возвращаться к тебе в дом.

— Но куда еще мы можем пойти?

— В гостиницу.

Танаквил изумленно уставилась на него:

— В гостиницу?

— Ну, конечно, мы возьмем раздельные комнаты.

— Ты бы сказал «одну комнату», если бы на моем месте была Вегойя, не так ли?

— Может быть, но ты ведь не того сорта, не правда ли?

— Ты повторяешься. Полагаю, что не того. Иногда мне даже жаль, что это не так — или что люди так думают. А порой я думаю, что и «того сорта» не хотела бы быть, и оставаться, какая есть, тоже не хочу. Многое зависит от того, какой я сама себя представляю. Хотела бы я почувствовать, как воспринимают себя мужчины — независимые, которыми никто не управляет.

— Что ты имеешь в виду?

— То, что испытывал с Вегойей.

Арнт с досадой подумал, что дорого бы дал, чтобы узнать, в чем именно и как признавалась Вегойя в разговоре с Танаквил. Например, говорила ли она о мужчинах, которые стремятся лишь поговорить о самих себе?

— Серьезно, нам лучше пойти в гостиницу,— повторил Арнт.— А может быть, лучше вообще покинуть город. Я мог бы отвезти тебя в Витербо или другое место.

— Отец тебе этого никогда не простит. Он неправильно истолкует причины твоего поступка, и объявит на тебя настоящую охоту по всем этрусским городам, пока не поймает тебя как преступника и не бросит со скалы в море. Его беспокоит не моя девственность, как таковая, а то, как я ее потеряю. Сын знатного человека был бы простительным вариантом. С другой стороны, если мы вернемся домой, разбудим отца, и все ему расскажем — как Вегойя собирается увести одного из его рабов,— он немедленно вызовет солдат, стражников, и в итоге Вел и Вегойя будут мучительно казнены. Все, что нам остается, это вернуться домой и молчать. Что бы ни сделала Вегойя, не думаю, что она причинит мне вред. Ты знаешь, она мне понравилась. И я уверена, что она не захочет причинить вред тебе. Во всяком случае, не после того, что у вас было прошлой ночью.

— Вот как раз после прошлой ночи это очень возможно,— пробормотал Арнт.

— И, кроме того, я хочу знать, что станет с Велом.

— Я тоже. Ему необходимо вернуться на озеро. Ты любишь его, Танаквил? — Теперь, когда его собственные приключения уже не служили объектом внимания, он чувство-

вал себя как старший брат, ведущий доверительную беседу с младшей сестрой, готовый дать ей совет.

— Не думаю. Но он волнует меня.

— Я понимаю, о чем ты говоришь. Эльфы обладают особой способностью привлекать людей.

— Арнт, как они это делают?

— Мне кажется, они проникают в глубину нашего существа, в то, что скрыто под оболочкой городской цивилизации. Рядом с эльфами мы чувствуем себя обнаженными под ярким светом солнца, и при этом мы ощущаем себя прекрасными и совершенными.

— Вел действительно заставляет меня чувствовать себя обнаженной, но мне хочется одеться. Я испытываю стыд.

— Ты не должна так чувствовать. Он всего лишь здоровый юноша, который смотрит на тебя с восхищением. Я и сам так смотрел на многих девушек.

— Я говорю не о его желании. Это что-то иное. Я ему даже не нравлюсь.

— Возможно,— помедлив, ответил Арнт.— Может быть, он похож в этом на Урсуса, моего медведя, который вообще не любит женщин, пока не познакомится с ними. («Если он вообще станет с ними знакомиться»,— подумал музыкант про себя).

Когда они подошли к дому, он был таким же тихим, как и улицы. Привратник возле ворот тяжело поднялся со скамьи. Это был костлявый сутулый человек с широкими плечами.

— Что мне сказать ему о Вегойе? — прошептала Танаквил.

— Ничего не говори,— ответил Арнт.— Это все равно не будет иметь смысла. Если она захочет войти, никакой привратник ее не остановит.

Протянув Арнту лампу, слуга открыл дверь.

— Господин уже спит. Все спят. Или должны спать.

Комната Танаквил была залита лунным светом. Стены сверкали холодным блеском, четырехногая кушетка была похожа на волка, притаившегося в снегу. Они поставили лампу в специально отведенную для этого нишу над кроватью, и освещение стало чуть теплее, появились розоватые тона, а лунная изморозь несколько поблекла. Затем они проверили дверь, чтобы убедиться, что она может защитить от нежелательного вторжения.

Танаквил улыбнулась.

— Ты сам видишь: здесь нет других волшебниц, кроме Госпожи Луны. Ты можешь без колебаний оставить меня в одиночестве.

— А где Баст? Я думал, он спит в твоей комнате на той маленькой кушетке.

— Иногда. Но порой он предпочитает прогуляться в ночи. Я не препятствую ему в этих похождениях.

— Пусть он странствует, но я еще вернусь.

Арнт отправился в комнату для рабов, сменил тунику на набедренную повязку. Здесь раздавался мерный многоголосый храп, а Вел, как убедился Арнт, мирно спал на своем месте. Он склонился над мальчиком, вспомнив, как в прошлый раз тот заботился о постели для «нежного музыканта», как приносил подушки из триклиния. На этот раз Арнта тоже ждала приготовленная постель с теми же самыми подушками в дополнение к обычной соломе, которой обходились рабы. Арнт взял одну из подушек и подложил ее под голову Вела: когда мальчик проснется, он сможет вернуть ее Арнту.

Бесшумно переступая через тела спящих слуг, Арнт покинул помещение для рабов и вернулся в комнату Танаквил. Хотя девушка уже легла и прикрыла ноги одеялом, она не погасила лампу, стоявшую в нише рядом с бронзовой фигуркой Тагеса и водяными часами на каменном постаменте, привезенными из Афин.

— Я буду спать возле твоей кровати,— заявил Арнт.— У меня чуткий сон, если я того хочу. Если кто-то откроет дверь или попытается забраться в окно, да поможет ей Тиниа!

— Ей? Скорее надо было сказать «ему».

— Вел не способен причинить кому-либо сознательный вред. Самое худшее, что можно о нем сказать, это то, что он слишком вспыльчивый мальчик.

— А Вегойя, по-твоему, способна совершить нечто злое?

— Не знаю,— признался он.— В ней есть... гнев.

Как странно изменилось его отношение к нимфе, подумал Арнт. Как выросли его подозрения. Раньше он боялся и любил ее одновременно — причем любил больше, чем боялся.

— Мне кажется, тебе неудобно,— заметила Танаквил, вставая с кровати, чтобы достать из сундука оливкового дерева дополнительные подушки.— Может быть, будет лучше...

Она хотела предложить ему разделить с ней ложе, при этом не имела в виду никаких вольностей. Даже тело ее в

полупрозрачной ночной рубашке было невинным, не провоцирующим, словно девушка была сестрой Арнта.

— Нет, на полу я буду более внимательным стражем. Однако, по-моему, лампу лучше не гасить. После того как скроется луна, у Зачарованных появится преимущество. Они прекрасно видят в темноте.

— Я всегда сплю при свете лампы. Иначе меня мучают кошмары. То есть кошмары являются в любом случае, но я просыпаюсь, вижу лампу и изображение Тагеса и успокаиваюсь.

— Сегодня все будет в порядке,— успокоил ее Арнт.— Не забывай, я из сельской местности. Мне приходилось даже сражаться с волком.

— Но ты не сможешь сражаться с волшебницей.

Он собирался сказать: «А что такого особенного в волшебницах?», но это прозвучало бы бестактно при имеющихся обстоятельствах. С женщинами всегда происходит масса неприятностей. Стоит с ними связаться, особенно если речь идет о *двух* женщинах, и приходится постоянно следить за своим языком. Они готовы в любой момент вцепиться тебе в глотку. Поэтому Арнт произнес вслух:

— Тагес охраняет твой сон.

Едва сомкнув глаза, Арнт погрузился в глубокий сон, некое подобие летаргии. В то же время он ощущал легкое покалывание в ногах, потом в руках, как будто по его телу двигалась нескончаемая шеренга муравьев. С усилием Арнт открыл глаза.

Он слышал лишь монотонное капание воды в часах, конечно же, афинских. Именно афиняне придумывают большинство изобретений. Эти водяные часы намного лучше прежних, солнечных, которые зависят от времени суток и облачности. Арнт стал считать падающие капли. Одна, две, три... тридцать шесть... шестьдесят... Нет, это слишком опасно. Подсчет капель усыпляет.

Он попытался встряхнуть головой, присесть, дернуть ногой. И только тогда осознал, что совершенно парализован. Так вот в чем состояло действие снадобья, добавленного в вино, которое они пили за ужином. Быстрое опьянение было лишь первым и самым незначительным следствием. Арнт попытался произнести «Танаквил» — но губы оставались неподвижными. Он мог лишь вращать глазами, которые были обращены к двери — ведь он ожидал прихода Вегойи.

Странно, но он даже хотел, чтобы она явилась сюда — одна, или вместе с Велом, добрая или грозная. Вошла, мягко и бесшумно ступая, прошептала его имя так, словно напевала заговор — или заклятие. Умерла у него на руках — или связала его прочными ремнями, так чтобы он испытал боль. Любовницу или жертву, но он ждал ее.

Лампа замигала и погасла. Луна скрылась, и комната погрузилась во мрак. То, что казалось снегом, теперь стало темно-серыми тенями. Темнота навалилась на него, как тяжелая овчина, а мерное постукивание капель в часах превратилось в звук медленных, но неумолимо приближающихся шагов.

Пока шаги и в самом деле не зазвучали в коридоре.

Скрипнула дверь. Арнт увидел глаза — светящиеся, желтые, призрачные в почти полной темноте комнаты. И услышал знакомые шлепки босых ног — еще до того, как увидел эти огромные глаза.

Вел замер на пороге, постоял молча. За его спиной, но пониже маячили еще одни светящиеся глаза, но не круглые, а овальные. Наконец Вел вошел в комнату, без удивления посмотрел на распростертое тело Арнта.

— Нежный музыкант,— пробормотал эльф.— Я приготовил тебе ложе среди рабов. Лучше бы тебе было остаться там. Но все равно, не бойся, ты не пострадаешь. Я присмотрю за этим.

Он опустился на колени и поднял Арнта на руки — так легко, словно тот был невесомым. Но музыкант почувствовал силу этих тонких рук, ощутив всю мощь тирании любви.

— Я присмотрю за тобой,— повторил Вел и вышел из комнаты, даже взглядом не удостоив лежавшую на кушетке Танаквил.

Коридор был полон котов. В сумраке Арнт мог различить лишь их силуэты и мерцание глаз. Эти светящиеся глаза были повсюду. Он слышал также шуршание их когтей, тихое шипение. Один из котов испытывал явное нетерпение, он выгнул спину, зашипел яростно, зарычал и ударил когтями по свисающей, беспомощной руке Арнта. Юноша почувствовал резкую боль, но не мог даже крикнуть.

— Баст, назад! — резко выкрикнул Вел и пнул кота, угодив ему по голове. Рычание замерло в глотке, зверь отпрянул и исчез в темноте коридора.

Наконец они оказались в атриуме. Вел не казался усталым. Он остановился перед бассейном, потом ступил в него

и побрел по воде, явно наслаждаясь ее прохладой. А затем положил Арнта на скамью и нежно склонился над ним.

— Кот ранил тебя, мой друг? О, у тебя рана на левой руке. Теперь мы братья.

Вокруг скамьи кружило несколько котов, они выгибали спины, точили когти, прыгали в воздух, злобно глядя на Арнта. Разве он не был обещанной им жертвой? Разве его несли по коридору не для того, чтобы отдать им на растерзание? Несколько лет назад Арнт оказался в лесу с друзьями, бродячими актерами, у них было несколько мелких дрессированных зверюшек: обезьянка по имени Либер, собака и попугай. И вся компания наткнулась на стаю волков — огромных серых хищников с глазами цвета болотной воды. Повозка, в которой они путешествовали, та самая, что теперь принадлежала Арнту, была сама по себе тяжелой — и, кроме того, оказалась сильно перегружена пассажирами и их вещами. Один из актеров внезапно схватил обезьянку — их доброго товарища, одетого в шляпу и тунику, совсем как человек — и бросил ее волкам. Повозке удалось оторваться от преследователей, пока волки рвали на части маленькую жертву, только обрывки туники мелькнули в воздухе. Арнт подумал, что коты, бродившие вокруг скамьи, жаждут крови не меньше, чем те волки. Им мало было обретенной свободы, они хотели отомстить за годы порабощения.

Но Вел не давал им Арнта в качестве жертвы — во всяком случае пока не давал. Он взмахнул теми самыми волшебными камнями, которые послала ему Вегойя через Танаквил. Губы его беззвучно двигались, и коты немедленно отреагировали на его магические действия. Они двинулись прочь, словно уползающие в темноту щупальца гигантского осьминога. В конце концов все коты исчезли в доме, скрылись в комнатах и коридорах.

— На какой-то момент я испугался за тебя,— признался Вел.— Несмотря на мои камни. В них столько ярости...

Беззвучно и плавно, точно лунный свет, в атриуме появилась Вегойя, белизна ее тела резко контрастировала с темнотой окружающего пространства.

Голос ее прозвучал резко и властно:

— Ты причинил ему вред, Вел?

— Нет, но может пострадать Танаквил,— хотел выкрикнуть Арнт. Но его язык лишь слабо дрогнул во рту.

Вел ответил дерзко и с вызовом:

— Он не пострадал. Я защитил его от котов.

— Где сейчас коты?

— Они пошли по своим делам.

Похоже, Вегойя была рассержена. Маленькая девочка превратилась в Госпожу Луну, безжалостную властительницу ночных теней.

— Я дала тебе камни лишь для того, чтобы использовать их против стражников, которые стоят в воротах города. Ты обратил волшебство против обитателей дома?

— Дома? — рассмеялся он.— Против всего города! Я послал котов, чтобы они разыскали своих господ, своих хозяев!

— А Танаквил?

— Кое-кого я послал и в ее комнату.

VII

Она следила за тем, как он покидал ее комнату, слышала, как шлепали по полу его босые ноги — на этот раз он ступал намного тяжелее, чем обычно, ведь он нес Арнта. Она наблюдала за множеством светящихся глаз в темноте, а потом провела еще много бесконечно долгих минут в одиночестве. Коты-сервалы. Она узнала их глаза, шуршание их когтей. И хотя тела их были почти неразличимы в сумраке, она порой замечала длинные ноги, желтый мех зверей и черные пятна на шкурах, длинные черные хвосты.

Их вел Баст. Она узнала его глаза. Его имя пульсировало в ее голове, хотя она не могла выговорить его: Баст, Баст, Баст...

Они окружили ее ложе, как солдаты, которые готовятся взять приступом крепостные стены. Конечно! Они пришли, чтобы защитить ее, оградить от незнакомцев, которые могут придти в ночи! Благородный Баст, рожденный в Сутриуме, отдаленный потомок диких африканских котов, привел своих друзей, чтобы создать кольцо защиты. Против зла. Против Вела, который мог в любой момент вернуться.

Она не удивилась, когда Баст прыгнул к ней на кушетку и поставил лапы ей на руки. Он часто спал рядом с ней. Нередко он прижимался головой к ее щеке. «Мой дорогой Баст, твой мех столько раз согревал меня холодными ночами. Ты мой друг. Ты родной для меня. Но где же Арнт? Где мой отец? Они тоже нуждаются в твоей защите».

Он толкнул ее лапой. Затем медленно продвинулся вперед, уставился ей прямо в глаза. Баст был довольно тяжелым зверем, ей было трудно дышать, когда он надавил ей на грудь. Она почувствовала жар его дыхания и резкий, солоноватый запах, который она не узнавала. Но изменился не только запах. Он вообще сильно изменился — стал чужим. Вероятно, она напугала его своей неподвижностью. Обычно она ласкала его, гладила. Ей никак не удавалось понять, прочитать выражение его глаз. Медленно, словно дрессированный леопард в большом цирке в Тарквинии, он поднял лапу.

И тогда она внезапно узнала запах, исходивший от его шкуры и рта. Это был запах крови. Мягкие толчки лапой, медленное продвижение вперед, к лицу, этот неподвижный, гипнотический взгляд,— все это была игра, точно рассчитанные шаги, конечной целью которых было убийство, предваряемое мучениями. Он не спешил в этой игре. Глаза его были холодны, как топазы под водой. Возможно, они всегда были такими холодными. Но теперь она могла читать их выражение, не привнося собственные чувства, не освещая кота собственным обожанием. Ей пришлось признать в этот момент ужасную правду, что нельзя добиться любви — ни от человека, ни от эльфа, ни от зверя. Тот, кто любит, какие бы сильные чувства он ни испытывал, как бы долго он ни ждал, получает в ответ лишь обратное ожидаемому: всегда лишь темную сторону луны.

Когти мелькнули перед ее глазами, чуть-чуть не задев их. Танаквил моргнула, единственная реакция, на которую она была еще способна. Кот был явно доволен, он заставил ее трепетать от страха. Запах крови, как предвестие смерти и разложения, окутывал все вокруг, проникал ей глубоко в горло. Урчание кота стало глухим, угрожающим и удовлетворенным одновременно, а затем раздался рык, от которого все ее тело содрогнулось, как при землетрясении.

Лапа нависала над ней, готовая к удару. Она ощущала исходящую от зверя силу. Он мог одним ударом разодрать ей лицо, мог разорвать ей горло, ударив по сонной артерии и мгновенно лишив жизни, оборвав связующую нить между мозгом и сердцем.

Нетерпеливое ворчание издавали и другие коты, сидевшие и стоявшие на полу вокруг кровати. Многие из них переминались с лапы на лапу, подпрыгивали в ожидании

добычи. Баст фыркнул, его друзья торопили его, следующий удар мог стать серьезным.

Танаквил не увидела руки, которые подняли ее с кушетки, освободили от тяжести кошачьего тела. Это облегчение вызвало внезапную жестокую боль, словно из ее плоти вырвали наконечники вонзившихся стрел. Легкие руки несли ее, от них веяло речной прохладой, свежестью ночного бриза и запахом лесных трав. Танаквил чувствовала себя пушинкой, которую переносил порыв весеннего ветерка.

Вегойя положила девушку на пол возле скамьи в атриуме. Возле благословенной скамьи, принявшей тело Арнта! Во дворе было достаточно света, чтобы Танаквил смогла узнать актера, разглядеть его набедренную повязку, волосы. Но ужасная скамья, потому что на ней сидел Вел! Даже в темноте она узнала бы его сверкающие глаза.

Вегойя коротко бросила Велу:

— Убери котов. Я последую за тобой.

— А как же Арнт?

— Я скажу ему, что нужно делать. Поторопись. Встретимся у южных ворот. И собери всех котов на улицах и в домах.

Вел поднялся со скамьи с недовольным видом.

— До свидания, нежный музыкант. Ты знаешь, я желаю тебе только добра. Всегда.

Он покинул атриум, размахивая камнями, а за ним потянулась вереница котов.

— Послушай, Арнт,— начала Вегойя,— я расскажу тебе, что случилось на самом деле. Камни, которые я послала Велу,— это кошачьи глаза. Согласно традиции, изложенной в нашей «Книге Озера», они действительно являлись когда-то глазами египетских священных котов, и были обращены в камень жрецами-некромантами, жившими в эпоху великих пирамид. Еще до того, как этруски пришли в Италию, здесь появлялись маленькие лодки египтян, приезжавших торговать с нами и колонизировать эти земли. Но они были плохими торговцами и плохими колонистами. Они боялись лесов и тосковали по своей реке и по своим пустыням. Они выдержали здесь не больше года. Но, уезжая, они оставили эти камни как дар моему народу, с тех пор эти реликвии хранятся на озере.

Я — волшебница, а потому являюсь хранительницей магических камней. Когда я держу их в руке, они дают мне особую силу, и одна из ее сторон — власть над котами, способность разговаривать с ними, или, точнее, поддерживать с ними мысленный контакт. Предупреждать. Отдавать им команды. Разрешать или запрещать что-то. Звать к себе. Отпускать. Танаквил видела, как я общалась с котами на рынке. Я обещала им свободу за то, что они помогут Велу. Я велела им придти сегодня ночью к этому дому и ждать Вела и меня снаружи. В середине ночи, когда город погружается в сон, особенно глубокий после напряженного рыночного дня, нам было бы нетрудно достичь ворот, а на страже там стоят лишь несколько человек — четверо или пятеро от силы. Причем спят все, кроме одного караульного. Убрать его или их с дороги котам, прыгающим, как молнии Тиниа, ничего не стоило бы. Нам даже не понадобилось бы опускать мост — ров и река сильно обмелели из-за постоянной летней жары.

Тем временем Вел усыпил вас за ужином. Я окунула камни, которые послала ему, в особый раствор, ему нужно было лишь опустить их на минуту в ваше вино и в напиток рабов. Я не хотела, чтобы вы принимали участие в побеге — ты, Танаквил или кто-либо другой из людей. Вы могли пострадать от котов. А завтра рисковали бы навлечь на себя гнев всего города, где не принято отпускать рабов.

Ты можешь спросить, как Вел догадался, каких действий я ожидаю от него. С помощью камней. Когда он взял их в руку, я установила с ним мысленную связь, как с котами. В те древние времена, когда эльфы только пришли на озеро, мы думали, но не говорили — нам было дано общаться друг с другом без слов. Но с тех пор, как мы научились у кентавров языку, называемому латинским, сила, позволявшая разговаривать мыслями, покинула нас. Она высохла, как река в разгар лета. Но камни восстановили во мне эту способность.

Когда закрылся рынок, я спряталась на складе шерсти и ждала, пока город уснет. Затем я направилась к этому дому — но, как видишь, пришла слишком поздно. Вел успел направить котов против города. Я хотела, чтобы он использовал камни лишь для того, чтобы заколдовать вино или воспользовался ими для управления котами в случае, если что-то помешает мне вовремя придти ему на помощь. Я не могла предвидеть, что он решит нанести удар по Сутриуму. Но не думай, что он околдовал котов. Он просто вдохновил

их на то, что крылось в глубине их сердец — убивать и быть свободными.

А теперь ты должен сделать вот что. Когда действие снадобья ослабеет, а это произойдет через пару часов, отправляйтесь вместе с Танаквил к твоей повозке. Ни она, ни Урсус не пострадали. К утру Вел и я уведем котов из города. Но остается другая опасность. Рабы. Большинство из них тоже не пострадало. Вел направил котов не против них. Когда они обнаружат, что их господа погибли, никто не знает, какие формы примет их радость от освобождения. Тебе, бродячему актеру, нет причин опасаться рабов, ты им нравился. Но Танаквил — аристократка. Одна из господ. *Увези ее из города как можно скорее.* Направляйтесь на юг, в Вейи. И поверь мне, я никогда не хотела убить целый город. Моим единственным желанием было — спасти Вела.

Вегойя встала на колени перед Арнтом, в этом жесте была и материнская нежность, и женская страсть. Она крепко обняла его.

— Вероятно, мы в последний раз вместе. И в последний раз ты в моих объятиях. Как спящий Эндимион. Я никогда не хотела превращаться в Госпожу Луну, навевающую сны и воспоминания. Но воспоминания часто служат нам, не так ли? Помни обо мне, мой рыжеволосый поселянин. Но... — Она сделала паузу, прижала руку к груди, как это бы в храме,— не тоскуй обо мне.

Все еще стоя на коленях, она обернулась к Танаквил.

— А теперь ты. Когда-то я могла возненавидеть тебя. Но теперь могла бы полюбить тебя как сестру — и потому хочу дать тебе совет. Девственность — это роза без запаха. Сладкий аромат возникает лишь, когда цветок сорвут.

Танаквил погрузилась в сон. Кошмары отступили, она уже не видела перед собой стаи котов, терроризирующих обитателей дома, разрывающих на части тело ее отца. Постепенно паралич тоже проходил, хотя тело еще болело.

Но кто этот рыжеволосый бог, стоящий перед ней на коленях, он словно создан из пшеницы и меда, ячменя и свежих трав. Арнт, кто же еще! Он массировал ее запястья сильными, нежными руками, привыкшими к плугу и флейте. Его близость успокаивала и согревала девушку. Он уже не казался ей суровым и отстраненным, волосы, такие яркие в

лучах солнца, и веснушки,— все было для нее родным. «Я пшеница, а он солнце,— думала она.— Я люблю его, а не Вела, который вызывал во мне лишь низменное волнение».

Танаквил подняла руки и обняла его за шею, мягко, но настойчиво. Для нее это был очень важный жест, выражение любви и доверия. Но он воспринял это как проявление дружеской благодарности, а не движение влюбленной девушки. Он на минуту приобнял ее спокойно и по-товарищески.

— Слава Тиниа! Я боялся, ты никогда не проснешься! Повозка уже готова. Ты слышала, что говорила Вегойя перед тем, как тебе заснуть? В таком случае, ты знаешь, что мы должны уезжать из города немедленно.

— Мы должны? — Она еще не очень понимала, что происходит.— Прямо сейчас? Дай мне отдохнуть еще немного, Арнт.

— Отдохнешь в повозке.

— Ну, хорошо,— вздохнула она.— А что с моим отцом?

Арнт не ответил. Она испытала острый приступ стыда. Ведь она думала до того только про Арнта.

— Я должна видеть его!

— Нет,— отрезал юноша.— Ты уже ничем не можешь ему помочь.

— Но я все равно должна его увидеть,— Танаквил заплакала.— Если он мертв, его нужно достойно похоронить.

— Для этого нет времени. Рабы...

Но она уже встала и неуверенно побрела по коридору к комнате отца. Арнт остановил ее, положив руку на плечо. Она отбросила его руку и толкнула дверь в спальню.

Ларс Велха лежал на боку, лицом к стене. Казалось, что он просто спит. Она поспешила к кровати.

— Отец,— выкрикнула Танаквил. Его рот и глаза походили на маску из комического представления, такая странная гримаса застыла на его лице. Кожа была белой как лен, промытый в горном потоке и выбеленный на солнце. Только горло было темно-красным.

Танаквил почувствовала приступ дурноты. Вся кушетка была залита кровью. Девушка никогда не была по-настоящему близка с отцом — по сравнению с матерью и братом, он всегда выглядел простым смертным рядом с небожителями. Но она все же любила его, несмотря на то, что порой он казался ей смешным, а порой чересчур патетичным. Она заботилась о нем с того дня, как он потерял жену, а она —

мать. «Я буду чувствовать тошноту, пока не выльется из меня вся кровь, и я не стану, как и отец, белой как лен. Я должна умереть, это единственное наказание, которого я заслуживаю».

Ее вернул к жизни Арнт. Рука его была твердой и уверенной, словно он держал не хрупкое девичье плечо, а весло корабля.

— Идем, Танаквил. Рабы уже начинают просыпаться.

— Они помогут нам похоронить его!

— Боюсь, у них могут оказаться другие намерения. Я поймал одного из них, того афинянина — кажется, его зовут Кимон? Он бродил по дому — вероятно, еще не протрезвев от вчерашнего вина. Мне пришлось привести его в чувство с помощью тяжелой вазы, а потом я забрал у него кинжал. Так что нам действительно нужно как можно быстрее покинуть город. Когда все его обитатели проснутся, их не слишком будут заботить похороны твоего отца. Теперь многие здесь почувствуют себя свободными людьми. И кое-кто может причинить тебе вред.

— Но они всегда любили меня. Они даже приносили мне маки.

— Они вели себя так, потому что у них не было выбора. Возможно, через некоторое время кое-кто и обретет способность мыслить рационально, но внезапная свобода опьяняет сильнее самого крепкого неразбавленного вина. Она затуманивает разум, заглушает воспоминания и чувства — даже искреннюю симпатию и любовь.

— Я не верю тебе,— расплакалась Танаквил, но на деле в глубине сердца она уже верила ему, она начинала понимать правду о котах и рабах, правду о том, какой вид принимает освобождение, следующее за многолетним порабощением. Вел открыл клапан, выбил затычку из бочки. Она представила себе, как коты приближались к кровати отца. Возможно, он проснулся и узнал некоторых из них. Может быть, даже назвал их по именам: Хонсу, Нехмет, Апис. Может быть, он подумал, что они просто хотят прыгнуть к нему на кровать и лечь рядом с хозяином...

Наступило утро. Было слышно, как рабы просыпаются, лениво переговариваются между собой, потягиваются, готовясь к монотонному повседневному ритуалу служения господам. Кто-то должен идти на кухню и готовить еду, печь хлеб. Другие собираются работать в саду, вооружившись тяпками

и садовыми ножницами. Третьим полагается прибираться в комнатах, будить хозяев, подавать им умывание и чистые одежды.

Но сегодня господин нуждается лишь в последнем омовении и похоронной одежде.

А рабы станут свободными. По крайней мере, пока из Вейи не придут ненавистные им солдаты (но кто же думает о солдатах в моментах такой радости?), они будут чувствовать себя свободными, они смогут безнаказанно грабить дома, поджигать торговые палатки, осквернять храмы. Они смогут добить тех господ, которые случайно уцелели этой чудовищной ночью, до которых не добрались коты. Ведь есть же люди, у которых не было котов, есть те, кто запирает на ночь двери. И среди этих несчастных окажутся и женщины, и дети.

— Я не верю тебе,— твердила она сквозь слезы, отрицая то, что уже стало для нее очевидной истиной.

— Ты не понимаешь, что происходит, Танаквил? Как рабы на самом деле относятся к своим господам? Я ел и спал вместе с рабами. Я пел их песни и слушал их истории. Поверь мне, я знаю, что главное их чувство — ненависть.

Ее голос стал совсем слабым:

— А ты тоже ненавидишь нас?

— Нет. Но возненавидел бы, если бы вы заперли меня в этом ленивом, чересчур роскошном доме, как вы сделали это с Велом!

Она никогда не слышала, чтобы в его голосе звучала такая горечь. Веселый Арнт, так радостно поющий песни, такой открытый и улыбчивый! Возможно, он просто хотел встряхнуть ее, вывести из оцепенения. Но все же слова его были справедливы, она не могла этого отрицать.

Танаквил слышала, что звуки из помещения рабов становились все громче и отчетливее. Гомон голосов, жалобы на опьянение и тяжелое похмелье, короткие стычки. Грубые и резкие голоса: голоса будущих убийц. Она открыла большой сундук, стоявший в нише возле кровати, достала оттуда серебряную монету с изображением Вант, богини смерти, и положила ее в рот отцу.

— Если уж я не могу похоронить тебя, отец, по крайней мере, я даю тебе монету, чтобы заплатить Харону. Мрачный перевозчик не станет долго ждать.

Они обнаружили, что привратник в последний раз охранял этой ночью ворота дома. Он сидел на скамье, откинув-

шись на стену, как будто спал. В такой позе, вероятно, и застали его коты, но оставили человека уже не спящим.

Повозка стояла на улице. Урсус присел на задние лапы, делая вид, что спит, но на самом деле внимательно наблюдал из-под полуприкрытого глаза за слишком любопытным рабом, которого заподозрил в намерении стянуть что-нибудь из вещей Арнта. Наверное, Вегойя вывела медведя из сарая и приготовила все к быстрому отъезду. Увидев Арнта, Урсус резко встал во весь рост, протягивая к хозяину передние лапы. Поддерживая Танаквил, Арнт свободной рукой потрепал шкуру своего верного друга, и медведь схватил их обоих огромными лапищами. К удивлению Танаквил, медвежьи объятия оказались нежными. Люди, конечно же, едва перевели после этого дыхание — но никаких сломанных ребер не было. Она знала: зверь простил ей то, что она женщина и принял ее как друга.

На улицах уже царила вакханалия, но причиной всеобщего опьянения было не вино, а свобода. Не было здесь ни гирлянд из гиацинтов, ни посохов, обвитых плющом. Не звучали флейты и барабаны, не разносились звуки цимбал. Лишь крики освобожденных, лишь грубые песни и хоровод тел, напоминающий вакхический танец. Все узнавали Арнта. Он пел для них, а не только для их господ. Он катал на повозке их детей. Ни у кого не было причин ненавидеть его. Но все же одна уродливая старуха со сморщенным лицом погрозила кулаком Танаквил.

— Сбрось ее нам сюда,— крикнула она Арнту.— Зачем тебе такой груз?

Возле рыночной площади они увидели немолодого этруска в одних сандалиях, который бежал по улице и кричал, что его жена убита, спрашивал у встречных, кто поможет ему похоронить ее. Он обратился и к Арнту.

— Нет, но мы можем вывезти вас из города.

Он уже начал притормаживать медведя, как вдруг проходивший мимо раб палкой ударил пожилого человека прямо по шее.

— Мы должны помочь бедняге,— прошептала Танаквил в ужасе.

— Его шея сломана, ему уже никто не поможет, а если мы сейчас остановимся, они убьют и тебя.

«Ну, что же,— подумала Танаквил.— Рабы могут убивать своих господ при свете дня, и нет сил, способных остановить

их, а у нас есть лишь эта повозка, и разве защитит она нас от вооруженного и потерявшего рассудок города? Мир сошел с ума, власть этрусков держалась здесь тысячу лет, но хаос пришел прежде назначенного времени, и боги покинули свои храмы».

Хаос и впрямь уже пришел на рыночную площадь. Она была заполнена не только рабами, но и Зачарованными. Кентавры, фавны, лесные эльфы (впрочем, среди них не было ни одного водяного) явились из леса, чтобы даром взять то, что вчера приходилось покупать или выменивать. Площадь была битком забита, но кипевшая там жизнь была жизнью раненой акулы, сеющей разрушение и гибель в преддверии своей скорой смерти. Работая копытами и лапами, руками и когтями, они вскрывали склады и вытаскивали оттуда милетское льняное полотно цвета земляники или привезенный из дальних восточных стран шелк — зеленый, как изумруды Атлантиды. Кентавриха окутала верхнюю часть своего тела изысканной тканью и гордо вскинула голову, наслаждаясь великолепием обновки. Но в этот момент какой-то фавн оторвал кусок отреза, сдернув его со спины кентаврихи, которая тут же погналась за ним с возмущенным криком.

Два юных фавна устроили неуклюжую дуэль со щитами и боевыми топорами. В итоге один из них упал, уронив на себя щит, а второй дал стрекача, прихватив с собой оба топора — но в следующий момент уже потерял добычу, которую отобрал у него здоровенный кентавр. В дальней части площади парочка лесных жителей забралась по колоннам храма Тагеса на его крышу и теперь сбивала терракотовые изображения, скидывая их вниз — своим любопытным приятелям, которые пытались поймать летящие сверху скульптуры и в возбуждении кричали, размахивая лапами и хвостами. В первый раз Танаквил не заметила котят на ступенях храма. Вероятно, они покинули город вслед за взрослыми котами.

В отличие от рабов, увидев повозку, Зачарованные мгновенно проявили агрессивность.

— Вон она! — раздался пронзительный женский голос, и Танаквил узнала женщину-фавна, у которой вчера купила букет асфоделей.— Остановите эту суку, она пытается удрать!

Кентавр, размахивая канделябром, как оружием, бросился наперерез Урсусу, так стремительно и яростно, что даже медведь запаниковал. Он встал на задние лапы и получил

удар по голове. Повозка остановилась. Вопя как безумная, женщина-фавн бросилась на Танаквил и вцепилась ей в волосы.

Девушка поймала нападавшую за шею — милостивый Тагес, как же она воняла! — и вонзила длинные ухоженные ногти в кожу, покрытую толстой коркой грязи. Женщина-фавн так удивилась, что даже прекратила вопить и ругаться. Она поднесла руку к шее и увидела на пальцах собственную зеленую кровь. Прежде чем она приняла решение, что делать дальше, Танаквил хорошенько пнула ее, скинув с повозки. Женщина-фавн упала на мостовую и стала звать на помощь мужчину-фавна, который подошел, но почему-то не помог ей даже встать на ноги. Он посмотрел на нее, пнул слегка копытом и ускакал куда-то дальше.

— Ты видел, Арнт? — воскликнула Танаквил.— Ты видел, как я ее выкинула вон?

Но Арнт был занят разгоревшейся битвой с кентавром, который яростно нападал на Урсуса. Голова медведя была покрыта густой шерстью, так что он довольно быстро пришел в себя после первого удара. Медведь предпочел скорее добраться до городских ворот, а потому припустил вперед из всех сил. Кентавр скакал следом, пытаясь ухватить Арнта за плечо и вытащить из повозки. Пару раз ему удалось укусить музыканта за руку, но человек крепко удерживал вожжи, одновременно стараясь увернуться от разъяренного противника. Судя по выражению лица, Арнт испытывал сильную боль, но каким-то образом он все же сумел извлечь из-под сиденья кинжал. И когда кентавр в очередной раз приблизился и попытался укусить его, музыкант нанес Зачарованному сильный удар в челюсть.

Хотя голова кентавра внешне похожа на человеческую, а не на лошадиную, челюсти и зубы у него по силе не уступают конским. Противник вполне мог бы откусить Арнту руку, но кинжал вонзился в верхнее нёбо. Взревев от боли, обливаясь зеленой кровью, гигант бросился в сторону от повозки. Никто не поспешил ему на помощь — все остальные были заняты грабежом.

Ворота оказались открыты, створки слегка покачивались на бронзовых петлях. Неподалеку лежало тело стражника, горло солдата было перерезано, а из груди торчало его собственное копье. («Работа Вела,— подумала Танаквил, увидев копье.— Ему мало было котов, которые разорвали горло несчастного...»)

— Мост опущен,— крикнул Арнт,— вон там дорога на Вейи! Теперь нас уже никто не остановит!

Позади остались дома Сутриума, окрашенные в рыжевато-красные тона земли. Со стороны не было заметно признаков творящегося в городе насилия. По-прежнему он казался симпатичной семьей грибов, взбирающихся вверх по пригорку, либо собранием глиняных горшков, расставленных в живописном беспорядке. Башни не были разрушены катапультами, храмы не пылали, внешне почти ничто не изменилось. Но вот тянется в безоблачное небо тонкая темная нить. Разве это не дымок пожара? А вон и другой, третий... Вот и языки пламени появились над дворцом...

— Они подожгли город! — воскликнула Танаквил, приподнимаясь с места.

— Возможно, кто-то опрокинул канделябр с горящими свечами или лампу,— ответил Арнт, не выказав ни малейшего удивления.— Не думаю, что сожгут весь город. Наверное, сгорит несколько зданий.

— Тебя это не беспокоит, Арнт?

— Как правило, я думаю о людях...

— Но не о домах и храмах?

— Нет, не о них,— признался он.— В мире слишком много городов, слишком много...

— ...Слишком много сетей и ловушек,— закончила Танаквил, но в голосе ее не звучало упрека.

Девушка потеряла отца, дом, город, и единственное, что у нее осталось,— странствующий актер с огненно-рыжими волосами, руки которого способны были выстроить новый дом, который мог бы стать их укрытием до конца дней.

— Это было как-то слишком легко,— сказала вдруг Танаквил.— Я имею в виду наше бегство. Открытые ворота, опущенный мост...

— Этого следовало ожидать. Когда Вел и Вегойя покидали город, они оставляли за собой открытые двери. В конце концов они и не могли поднять мост, находясь снаружи.

— Думаешь, они знали, что в город придут Зачарованные?

— Уверен, что не знали.

— Но почему Зачарованные не подняли мост после того, как вошли в город? Они наверняка знают про этрусский гарнизон, который стоит в двадцати милях от Вейи. Когда из Сутриума перестанут приезжать торговцы, солдаты нагрянут сюда, чтобы выяснить, в чем дело.

— Не думаю, что Зачарованные планировали вторжение. Они просто воспользовались моментом.

Но Зачарованные были не так беззаботны, как предполагал Арнт. На простиравшейся впереди равнине имелись только виноградники и оливковые рощи. Овраг, холм, старая крестьянская усадьба, по-видимому, заброшенная,— все теперь оказалось полным новой жизни. Из оврага, с холма, из-за дома выдвигались в сторону дороги группки гарцующих вооруженных кентавров. Как таким огромным существам дотоле удавалось прятаться в столь маленьком пространстве, осталось загадкой. Но теперь они были впереди, перегораживая путь в Вейи. В руках кентавры сжимали узловатые деревянные палицы, их зубы были оскалены — большие и острые зубы, как у акул. Они были сильны и уверены в себе. Страшно было подумать о судьбе крестьян, живших вокруг Сутриума.

— Они охраняют дорогу на Вейи,— глухо проговорил Арнт, резко натянув поводья.— Нам придется отправиться в лес.

— Лес? Но это их дом!

— Может быть, они все сейчас в Сутриуме или на дороге. В любом случае, этот путь для нас закрыт. В лесу Вегойя поможет нам, если только сумеет.

— И если захочет...

— Усаживайся поглубже под навес, чтобы тебя не было видно со стороны,— попросил Арнт, когда повозка въехала под полог леса.— Там надежнее. В нас могут кидать камни.

Но Танаквил совершенно неожиданно пришла в воинственное настроение, почувствовав себя амазонкой. Пусть кентавры только попробуют напасть!

— Меня не испугаешь несколькими камнями! — заявила она.

— А меня — испугаешь, особенно если они принесут вред моей подруге...

— О, прекрасно! — Она решила, что слово «подруга» означает, что между ними уже возникла некая интимная близость.

Откинувшись назад, на заднюю стенку скамьи, она наблюдала сквозь опущенный полог навеса за Дорогой, по которой ехала повозка. Вдоль Дороги росли высокие грабы, за их женственной гибкостью и изяществом, причудливым ри-

сунком переплетающихся ветвей скрывались дикость и густота чащи. Танаквил всю жизнь видела грабы, так что ее гораздо больше интересовала сама повозка, служившая Арнту домом.

Полотняные стены были расписаны картинами, похожими на те, что изображают на стенах гробниц, среди них она узнала многие сюжеты — в том числе и те, что Арнт представлял в ее доме в качестве артиста. Там был и Урсус, лакомящийся медом прямо из дупла дерева — причем, как это часто бывает на портретах, медведь был изрядно приукрашен художником. В жизни он отнюдь не был столь огромным и свирепым. Здесь же была изображена Вегойя — когда только музыкант нашел время нарисовать ее? Она поднималась из озера, уже открыв серебристые от воды плечи. Эльфийская колдунья была обнажена, как и Вел, в то время как над водой уже появились две трети ее тела! Танаквил с трудом подавила искушение ударить изображение кулаком, но тут же устыдилась этого минутного импульса. Вегойя спасла ей жизнь, и она действительно очень нравилась Танаквил — если такое чувство возможно в отношении того, с кем вы не рассчитываете больше встретиться. «Ну, что же,— подумала Танаквил,— потом я попрошу Арнта нарисовать и меня. Кто знает, может быть, когда-нибудь он соскребет с полотна изображение Вегойи, чтобы здесь осталось только мое».

В повозке имелось и некое подобие постели, которую при необходимости можно было легко развернуть. Она была укрыта волчьей шкурой, от которой приятно пахло свежим сеном. Танаквил нежно прижалась к меху щекой, представив себе, как уютно устраивается здесь на ночлег Арнт (а, может быть, и они вдвоем?), и это ложе защищает их от ночной прохлады, от темноты, от котов. Что там Вегойя сказала про ее девственность? Роза обретает сладкий аромат только после того, как ее сорвут? Значит, пришло время для садовника.

Танаквил чувствовала мягкость меха, потом она нащупала под покрывалом подушки — вероятно, набитые гусиным пером. Они оказались зелеными и довольно мягкими. Девушка с удивлением выяснила, что ее аристократические руки вполне способны справляться с тем, что она всегда считала работой для слуг. Она сумела одержать верх в схватке с противницей — а теперь убедилась, что может приготовить постель для своего мужчины. Ей понравилось хотя бы в мыс-

лях назвать его своим мужчиной. Конечно, было нечто варварское в том, чтобы говорить «мужчина», а не «муж». Но зная о страхе Арнта перед браком, она была почти уверена, что гораздо реальнее стать его женщиной, чем женой.

Танаквил продолжила свои изыскания. Лампа в форме медведя свисала с потолка повозки, фитиль ее был прикручен. Позади походной постели стоял плетеный стул и небольшой сундук с ручками в виде морских коньков — однако, как обнаружила Танаквил, одежда Арнта не была сложена в сундук, а тут и там была разбросана по полу. Здесь обнаружились три совершенно одинаковые поношенные туники из зеленого льна, куполообразная шляпа размерами с большой медовый пирог, набедренная повязка из полинялой ткани в крупный горох, разводы от которых вконец испортили светлую материю, пара сандалий с агатовыми застежками и порванный ремень. Странно, но убожество и поношенность вещей вызвали у Танаквил слезы. Она как будто вторглась в сокровенный мир человека в тот момент, когда он не знал об этом, как будто она шпионила за ним, стремясь выведать его привычки и пристрастия. Но отступать она не собиралась.

Девушка подняла одну из туник и поднесла ее к свету, проникавшему сквозь резкую ткань занавесок. Одежда была местами порвана, ткань полиняла. Было ясно, что Танаквил предстоит немалая работа — работа ради ее мужчины. Она собрала все туники, внимательно рассмотрела их и сложила вместе с набедренной повязкой и шляпой на самое дно сундука. Она почувствовала запах Арнта, который сохранился в его одежде. У каждого человека есть свой, неповторимый запах — обычно не столь сильный и властный, как у Вела, но вполне отчетливый. Он может привлекать или отталкивать женщину. От отца Танаквил пахло кожей, бронзой и оливковым маслом. Запах Арнта был прохладным и ясным, в нем ощущались легкий аромат сена, каштанов, дикого тимьяна. Прикосновение к его одежде, ощущение от присутствующего в ней запаха взволновало Танаквил. Это было все равно, что прикосновение к его телу, обнять его. Арнт никогда по-настоящему не обнимал ее. Его жесты и прикосновения были братскими, товарищескими, она не чувствовала с его стороны мужского желания.

Полетят в них камни или нет, но она должна присоединиться к нему, должна быть там, возле возницы. Девушка решительно высунула голову наружу — как раз в тот самый

момент, когда повозка резко затормозила, так что Танаквил едва не свалилась на спину Урсуса.

На их пути стояла Вегойя, а за ее спиной — целая армия котов, их шкуры были цвета серы. Озерная волшебница выглядела как молодая Цирцея, возглавляющая жертв своего колдовства.

Танаквил вцепилась в руку Арнта.

— Поезжай! — крикнула она в ужасе.— Они разорвут нас на куски! — Девушка узнала среди прочих котов своего Баста, однако даже не коты были главной причиной ее испуга.

Но Арнт не обратил внимания на ее слова. С диким, торжествующим криком он спрыгнул с повозки — всемогущий Зевс, как же легко ему удалось приземлиться! — и Вегойя раскрыла объятия, чтобы приветствовать его.

И Танаквил подумала: «Пожалуй, еще не пришло время для того, чтобы мой портрет появился в его галерее».

VIII

Она была похожа на ртуть, так же холодна, подвижна и неуловимо-текуча, как этот жидкий металл. Как будто даже находясь в его объятиях, она впитывала из земли поток жизни. Он ощущал твердость ее тонких рук и ног, мягкость мохнатой волчьей шкуры, в первый момент он даже не мог поверить в то, что это странное дикое существо в то же время было прекраснейшей женщиной. Он любил ее, но обладать ею было просто невозможно. Однако ртуть постепенно раскалялась и становилась огнем, огонь согревал, не обжигая, и Танаквил, медленная сладкоголосая Танаквил превращалась лишь в слабую тень, обитавшую где-то в глубине его разума, потерявшуюся, как мошка в паутине...

— Милый Арнт,— тем временем торопливо говорила Вегойя,— фавны устроили засаду чуть дальше на Дороге. Они уже убили нескольких солдат из Витербо — стащили их с колесниц. Я ничего не могу сделать, чтобы прекратить это безумие. Их в лесу полным-полно. Но я знаю секретную тропу, ведущую к озеру.

— И ты пришла, чтобы предупредить меня, Вегойя?

— А почему же еще? Когда я услышала, что кентавры перекрыли дорогу на Вейи, я сообразила, что вы направитесь в эту сторону. Но, мой дорогой, ты ранен!..

— Пустяки. Главное, что ты здесь.— Близость к этой женщине буквально сводила его с ума. *Кентавры? Фавны?* Что могут сделать эти лохматые дикари в лесу, напоенном любовью, в мире, где существует *столь волшебная драгоценность*, столь мощный талисман?

— Арнт, ты *слышал, что я сказала* про засаду? У меня такое ощущение, что ты совсем не реагируешь на мои слова!

— Да, конечно, *я все слышал*. А что нам делать с Урсусом?

— Распряги его. Отпусти в лес. Ему не причинят вреда.

С Урсусом проблем не возникло. На прощание он поднял огромную лапу, словно благословлял остальных и желал им доброго пути. Арнт обнял его:

— Старина, вскоре мы снова будем вместе.

Потом он повернулся к Танаквил. Какой бледной она была, когда он помогал ей спуститься на землю! Без сомнения, ее испугали коты.

— Все в порядке,— Арнт попытался успокоить ее.— Вегойя поможет нам, она обо всем позаботится.

В нескольких метрах от проезжей части они нашли старый дуб высотой в добрую дюжину корабельных мачт. Дуб походил на гигантского паука, его ветви и листья находились на большом расстоянии от земли.

— Смотрите, здесь есть уступы для рук и ног,— показала Вегойя.— Я полезу первой. Ты иди за мной, Танаквил. Арнт пойдет последним, он поможет тебе, если ты начнешь падать. Ты справишься?

— Я лазила по деревьям, когда была маленькой,— возмущенно ответила Танаквил, а потом уже более мягким тоном добавила: — Коты пойдут с нами?

— Нет, они останутся на земле.

— А когда мы спустимся?

— Тебе больше не нужно их бояться. Они уже получили то, что хотели.

Танаквил покосилась на Баста.

— Но... он убил моего отца. Разве он не испытывает ненависти ко мне?

— Он ненавидел рабство. А теперь он свободен.

— Они должны умереть,— с горечью сказала девушка.— Все они. Или, по крайней мере, Баст.

Услышав свое имя, кот подошел поближе и прислонился к ноге бывшей хозяйки, словно польщенный вниманием с ее стороны. Она содрогнулась и отступила.

А потом они начали карабкаться на дерево.

Танаквил уверенно цеплялась за сучки, находила углубления для ног, взбираясь все выше по стволу. Ночная одежда, в которой она так и оставалась все это время, защищала ее от царапин и ссадин, но открытые руки вскоре начали кровоточить. Арнт заметил ее кровь на дереве.

— Танаквил, подожди, давай я перебинтую тебе руки своей набедренной повязкой.

Она покачала головой и продолжала двигаться дальше.

— Повязка тебе пригодится, а твоя рана намного серьезнее моих царапин, но я что-то не слышала, чтобы ты жаловался.

Когда они добрались до нижних ветвей, стало полегче. На них словно обрушился зеленый водопад. Ветви облегчали продвижение наверх, а листья скрывали их от тех, кто мог бы находиться на земле.

— Они не смогут последовать за нами,— объяснила Вегойя.— Даже если кто-то видел, как мы карабкаемся на дерево, кентавры слишком велики и тяжелы, а фавнам помешают копыта. А теперь...

В этот момент они оказались в городе, скрывавшемся в кроне дерева. «Птичий город» — подумал Арнт, когда увидел круглые строения, укрепленные на ветвях. Однако это были не гнезда — хотя издалека они и походили на висящие на ветках гнезда иволги. На самом деле это были просторные дома, размером со средних размеров часовню или амбар — с колоннами вокруг и небольшими платформами перед входом, окруженными бортиком, напоминающим планшир на кораблях. Казалось, что стены состоят из янтаря, переливающегося из темно-оранжевых в светло-желтые тона с вкраплениями коричневого. Они не отражали свет, а сияли собственным пламенем. И внутри этого огня перемещались фигуры, то и дело мелькавшие в дверных проемах и среди колонн. Воздух был полон пения, жужжания, еще какого-то неопределенного шума. В падавшем неровными пятнами, но ярком свете утреннего солнца эти дома казались гигантскими искрами, вылетавшими из кузницы богов.

— Меллона, город пшеничных эльфов,— с гордостью сообщила Вегойя.— Вы когда-нибудь видели такую совершенную красоту?

— Они действительно сделаны из янтаря? — воскликнул пораженный Арнт.— Я и понятия не имел, что в Великом Зеленом море есть столько янтаря!

— Это мед, а не янтарь. Они собирают его у крестьян и используют как строительный материал. Говорят, что их тела вырабатывают особое вещество, которое в соединении с медом образует то, из чего можно строить дома. Пшеничные эльфы умеют производить как твердый материал для стен, так и гибкий для мостов, а из более мелких фрагментов делают посуду и инструменты.

— Эти дома похожи на храм Тагеса,— заметила Танаквил. Ее настроение заметно улучшилось, теперь она чувствовала себя почти счастливой.— Круглые, с колоннами.

— А откуда, по-твоему, этруски заимствовали форму круглых храмов? Ты ведь знаешь, что большинство других зданий у этрусков квадратные или прямоугольные.

— А там, на крыше, изображения напоминают пчел,— сказал Арнт.

— Так оно и есть. Это не жилой дом, а храм Меллонии, богини-покровительницы пчел и защитницы города. Если бы вы были поменьше ростом, вы смогли войти внутрь и увидеть главное изображение богини, представленной как царица пчел. Ее скульптура тоже сделана из меда.

Один из пшеничных эльфов вспышкой пламени мелькнул перед глазами путников и приземлился на ладонь к Вегойе.

— Ты помнишь моего друга Арнзу? Ты встречался с ним на озере. Кстати, его имя означает «маленький Арнт».

Конечно же, Арнт помнил крошечного эльфа, с которым они вместе ужинали в доме Вегойи. Над плечами Арнза приподнимались молочно-белые крылья, голова в ореоле золотых волос и алебастровая кожа напоминали спящего мальчика — или одного из тех ангелов, о которых говорил Зороастр, восточный философ, весть о смерти которого недавно пришла из Персии. Но оранжевые, почти круглые глаза эльфа выглядели скорее озорными, нежели ангельскими. Всем приходилось слышать о крестьянах, которые жадничали и не оставляли для эльфов горшочки с медом — а потом обнаруживали, что плоды фиговых деревьев на их участках высохли, а коровы перестали давать молоко (хотя никто ни разу не слышал о том, что от эльфийской помощи появлялось молоко у тех коров, которые раньше не давали надоя).

Арнт протянул руку, и Арнза перепорхнул к нему на ладонь, а потом взлетел и шлепнул Арнта по носу своим трехпалым кулачком.

— Он приглашает вас в город,— пояснила Вегойя.

— Странное приглашение. А что же он делает, когда сердится?

— Плюется. Но он не знает страха. А если полюбит кого-то, никогда не предаст. Что бы ты ни сделал.

— Ты понимаешь его язык?

— Я знаю его жесты. С ними можно общаться без слов — хотя, конечно, у пшеничных эльфов есть свой язык. Они пользуются им, когда поют.

— Вы всегда были друзьями?

— Да, мой народ всегда дружил с пшеничными эльфами — в отличие от других Зачарованных. Неуклюжие кентавры вечно опрокидывают и давят копытами их горшочки и соты, фавны любят воровать мед, а горшочки наполняют клеем, сваренным из бычьих рогов. Только мой народ знает тайный путь, по которому я привела вас сюда. Но это лишь одна из дорог — на самом деле существует целая сеть путей, по которым можно посещать различные места, где обитают пшеничные эльфы. Они пользуются ими, когда не хотят летать — например, если слишком ветрено или в небе появляется чересчур много орлов и прочих хищных птиц. А мастера и инженеры пшеничных эльфов не знают себе равных во многих искусствах.

Арнт заметил, что местные строители соединили и оплели самые большие ветви деревьев узкими подвесными дорожками, не больше дюйма шириной, которые покачивались на ветру. Для Вегойи, Арнта и Танаквил эти дорожки послужили веревками, с помощью которых удавалось, балансируя, пробираться от дерева к дереву. Иногда они продвигались по широкому стволу или могучей ветви совсем как по земле, придерживаясь руками за более мелкие ветки. Если сверху не имелось спасительных веток, они карабкались по стволам, цепляясь и ногами, и руками, порой ноги повисали в воздухе, и тогда приходилось перемещаться на руках. Маленькие дороги были сделаны более чем основательно, они прогибалась и раскачивалась, но выдерживали вес путников и позволяли неуклонно продвигаться вперед.

Иногда беглецам приходилось сходить с тропы и проверять на прочность толстые ветви, поскольку отдельные участки не были рассчитаны на существ, намного превосходящих по размеру пшеничных эльфов. Постепенно все тело Танаквил начанало ломить от усталости, все больше саднили ссадины и царапины. Одежда ее превратилась в лохмотья, почти ничего не скрывавшие, а набедренная повязка Арнта

потемнела от смолы. Они оба едва переводили дыхание. Арнт в своих странствиях привык к лесу и был весьма удивлен тем, что изнеженная горожанка Танаквил без ропота и упреков преодолевала препятствия и трудности. Там, где это было допустимо, а также в наиболее опасных местах он старался помочь ей. Лишь Вегойя, облаченная в волчью шкуру, оставалась такой же свежей и полной сил, как только что распустившаяся водная лилия.

Тем временем Арнза, их добровольный проводник, двигался впереди, указывая путь сквозь сплетение покрытых мхом ветвей, сквозь густую листву, превратившую верхний ярус леса в настоящий лабиринт. Порой здесь становилось темно как ночью. И тогда золотая искорка летящего эльфа превращалась в путеводный огонек. Однажды они заметили фавна, наблюдавшего за ними с земли — вероятно, в надежде, что чужаки скоро упадут. Арнза прицелился и плюнул в него. Фавн зарычал, ударил в землю копытом, затряс большими лохматыми ушами, а потом скрылся в зарослях.

— Теперь понимаете, что я имела в виду, когда говорила о том, как эльфы могут кого-то не любить? — рассмеялась Вегойя.

— Он плюнул фавну в уши? — уточнил Арнт.

— Совершенно верно. А в слюне пшеничных эльфов, да будет вам известно, содержится муравьиная кислота. Из-за этого можно оглохнуть, или ослепнуть — если плевок попадет в глаз.

Наконец они добрались туда, где деревья спускались к озеру. Здесь путники остановились на последних ветвях, словно перед оборонительной стеной укрепленного города.

— Мы в безопасности,— с облегчением сказала Вегойя, указав на озеро и свой город.— Никто не посмеет тронуть нас на берегу.

Она ловко, как белка, начала спускаться вниз. Арнт и Танаквил последовали за ней, однако далеко не так быстро и уверенно. До белок им было далеко. Руки девушки выглядели так, будто она без перчаток охотилась на устриц на коралловом рифе, а плечи Арнта — как будто его искусали мелкие, но злобные акулы. Арнза попрощался с ними у кромки воды, сделал несколько кругов над головами, а потом скрылся в верхушках деревьев.

Вегойя обернулась к озеру и позвала друзей. Едва она произнесла первые слова, как все эльфы на лодках изменили

свои прежние маршруты и быстро направились к ней. Обнаженные, сияющие в лучах солнца, они выпевали приветствие странникам:

Туда, где встречается озеро и лес,
Гирлянды приносим мы в знак приветствия,
Тому, чьи волосы подобны перьям малиновки,
Той, чьи волосы темнее ночи...

Среди тех, кто подплывал к берегу на лодках, был и Вел. В последний момент он выпрыгнул из лодки, как выдра, стряхнул всем телом воду, и побежал к деревьям. Не обращая ни малейшего внимания на Танаквил, он схватил Арнта за руку и потянул его к озеру.

На мгновение Арнту почудилось, что Вел, который следовал за музыкой по улицам Сутриума, ребячливый, невинный Вел, каким он был до этой ужасной ночи, сумел изгнать из себя ухмыляющегося убийцу. А может быть, не было ничего — никаких убийств, вторжения Зачарованных в город, и все это окажется лишь фантомом, чарами Вегойи?

Поколебавшись, Арнт решил заговорить о том, что было для него таким потрясением. Он хотел понять, что случилось с эльфом.

— Отец Танаквил погиб сегодня ночью из-за тебя. Половина города мертва.

— Но не ты! Коты подчинялись мне, я говорил им на языке мыслей: вы не должны навредить моему другу.

— А Танаквил?

— Ах, *она*. Про нее я им ничего не говорил. С чего бы? Я был ее рабом. Пойдем, моя лодка ждет тебя.

Все это время Вел упорно тащил Арнта к озеру, и теперь они оказались у самой кромки воды. Но тут музыкант решительно освободил плечо от крепкой хватки эльфа.

— Нет, Вел. Я пойду с *моими* друзьями.— Арнт протянул руку Танаквил, и они пошли за Вегойей к другой лодке. Сидевший там эльф ухмылялся, глядя на Вела. Он заявлял всем своим видом: смотри, они выбрали меня!

— Но, Арнт, тебе я не хотел причинить никакого вреда! — закричал им вслед Вел.

— Ты прав, что разорвал отношения с ним,— задумчиво сказала Вегойя.— Иначе Танаквил была бы в опасности. Он всерьез ненавидит ее. Но не осуждай его. Не обвиняй его в собственной ошибке. Тебе не следовало принимать его за

человека и приписывать ему свои чувства. Он такой, каким создан — ни больше, ни меньше.

— Но как он может любить меня и одновременно испытывать желание убивать моих друзей?

— Он любит тебя за твою музыку. Слух водяных эльфов намного тоньше, чем у людей. Мы слышим, как ползет муравей по траве. Ты затронул его чувства нежностью и красотой своих песен. Его привлекает и красота твоего облика. Он никогда раньше не видел рыжих волос. Полагаю, в первый момент он ошибочно принял тебя за бога, и до сих пор не избавился от этого ощущения. Если бы ты был старым или уродливым, твоя музыка не очаровала бы его. Ты и музыка для него неразделимы. Однажды он сказал мне: когда Арнт играет на флейте, он подобен богу. Но любовь Вела эгоистична. Как и остальные эльфы, он бессердечен. Он обращает внимание лишь на то, что его интересует. *Его* друг, *его* музыкант. Вот почему он ненавидит твоих друзей, близких тебе людей. Его раздражает даже твоя близость со мной.

— Но я действительно полюбил его. Когда мы встретились в Сутриуме, он напомнил мне меня самого — того, каким я был в детстве. Мы оба ненавидим клетки, ненавидим порабощение.

— Увы, он уже не мальчик. Ему двадцать девять лет. Хотя в каком-то смысле он остался маленьким ребенком. Он быстро влюбляется и быстро переходит от любви к ненависти, он легко и без жалости разрушает. Он восторжен и жесток одновременно. Сколько детей мечтают о смерти родителей, о том, чтобы убить своих старших родственников — тех, кто заботится и охраняет их? Но дети малы и слабы, это защищает их от бед, пока они не научатся порядку и системе, установленным в мире взрослых. Увы, в отличие от них Вел обладает силой и располагает средствами. Именно я дала ему в руки эти средства. Наверное, я и сама недалеко ушла от неосмотрительных детей.

— Нет, для своих лет ты необычайно мудра,— возразил Арнт.— Ты помогла мне понять его. Я ошибался во многом, когда впервые встретил Вела, я закрывал глаза на все, кроме того, что вызывало во мне сострадание и сочувствие к нему. А потом я разгневался, когда обнаружил его жестокость. Ну, что же, теперь я вижу его совсем другими глазами, и, пожалуй, не мне его судить. Но друзьями нам уже не быть. Из-за того, как он поступил по отношению к Танаквил.

Все это время, безмолвная Танаквил наблюдала за удаляющимся берегом, где одинокая фигурка медленно брела к лодке. И ей было трудно сказать в этот момент, жалела она его или боялась.

Они переночевали в доме Вегойи. Девушки спали в гамаке, а Арнт, слегка обиженный тем, что оказался на вторых ролях, устроился на полу. Он так устал, что не в состоянии был и пальцем шевельнуть. Плечи и спина болели, руки горели как в огне, все тело стало тяжелым, его сводила тупая мучительная боль. Только Вегойя могла бы избавить его от страданий, причем даже не прибегая к лекарственным настоям и микстурам. Звуки, доносившиеся из гамака,— тяжелое дыхание, поскрипывание, когда кто-то поворачивался на другой бок — лишь обостряли его боль и обиду. Лишь когда погас последний огонек в последнем доме, город Плавающих Башен стал неразличим в сумраке ночи, а когда его строения превратились в тени на поверхности воды, Арнт в конце концов уснул. Ему снился огромный краб, который настойчиво хватал его за плечи и руки острыми и жесткими клешнями.

А потом наступило утро. Над ним склонилась Вегойя.

— Танаквил еще спит,— прошептала нимфа.— Не хочешь поплавать вместе со мной?

— Да! — воскликнул он с таким воодушевлением, что Вегойя испуганно прижала пальцы к его губам.

— Шшш, ты разбудишь ее!

Арнт последовал за Вегойей по деревянной лестнице к воде, и когда силуэт дома оказался на достаточном расстоянии, нимфа скользнула в его объятия, поцеловала его прохладными, но все же страстными губами, на которых еще оставался сладковатый сок граната.

— Пусть Танаквил остается в моем доме, а мы с тобой построим новый,— предложила Вегойя.

— Где? — выдохнул он и не нашел других слов. Она снова поцеловала его.

— Мы построим плавучий дом, и будем скользить по глади острова в любом направлении, причаливая там, где нам понравится.

— Выдолбим лодку из цельного бревна, как сделал Вел?

— О, нет! В таком случае мы плыли бы слишком медленно, мой милый.

Вегойя указала на покачивающееся неподалеку странное сооружение, снабженное неким подобием мачты.

— Разве это *дом*? — удивился Арнт.— Это всего лишь плот.

— Наберись терпения,— она улыбнулась.— Это лишь начало постройки. Посмотри туда.

На этот раз она указала на небо. Золотистое, янтарное облачко, представлявшее собой стайку пшеничных эльфов во главе с Арнзой, устремилось к плоту.

— Шатер! — воскликнул Арнт, когда эльфы, покружившись над деревянным основанием, развернули то, что принесли с собой. Он понял, что вертикальная стойка все-таки была не мачтой.

— Причем сотканный из меда! Можно даже почувствовать сладость, если коснуться этой материи.

— Она похожа на мантию лидийской царицы!

— Но только тоньше и прекраснее. И взгляни! Они подвешивают на верхушке оси изображение своей богини — видишь, вон там, оно пятиконечное. Она будет смотреть прямо на нас.

— Но как тебе удалось позвать их? Мы ведь провели вместе все утро.

— Не забывай, что я волшебница. Может быть, я дала им сигнал, когда ты отвернулся? Есть ведь знаки, которые не слышны людям.

— Тогда позови и Урсуса. Ему захочется посмотреть на наш шатер.

— Ты хочешь сказать — разделить его с нами?

— Так и есть,— признался Арнт.— Я беспокоюсь о нем, пока он остается в лесу. И, конечно же, мне бы хотелось, чтобы он помылся.

— Он в достаточной безопасности. У фавнов и кентавров нет вражды с медведями. Кроме того, он нашел подружку. Мне рассказали об этом пшеничные эльфы.

— Урсус и подружка? Он слишком стар для этого!

— Медведи никогда не бывают достаточно старыми.

— Но ему не нравятся особы противоположного пола!

— А я и не говорила, что она ему *нравится*. Давай сюда...

Они вместе взобрались на плот и вошли в шатер. Там оказался гамак, сплетенный из травы, луба, ветвей, напоминавший по форме гнездо иволги. Пол был усыпан тростником, плоские стебли, травянистые листья и зеленоватые цветы которого, были освещены золотистым сиянием, проникавшим сквозь янтарные стены. Казалось, что они стояли на лугу

в солнечный день. Еще в шатре имелось два стула и глиняный очаг земляного цвета, словно три обломка скалы возвышались посреди луга. Не было только сундука для одежды — впрочем, Арнт где-то потерял свою набедренную повязку, а Вегойя оставила Танаквил волчью шкуру.

Вернувшись на открытую палубу, они взяли весла, опустили их в воду и направили плот подальше от берега — от доброжелательных, но слишком любопытных водяных эльфов. На середине озера царило необычное безветрие и тишина, словно это был центр тайфуна. Здесь их уже ничто не тревожило.

Вегойя была неутомима в любви и неистощима на выдумки. На этот раз она предстала юной, девственной, удивляющейся телу ее партнера — его большим рукам и грубоватой нежности, которые естественно и непринужденно сочетались в движениях Арнта, его твердой мускулистой груди, покрытой рыжеватыми волосами, крепким бедрам и сильным ногам, которые заканчивались неожиданно маленькими и узкими, почти женскими ступнями. Ее руки, как бабочки, порхали по телу Арнта, касаясь его застенчиво, едва ощутимо, словно более энергичное усилие заставило бы их взлететь слишком высоко.

А потом она стала мудрой и многоопытной женщиной, зрелой и в совершенстве владеющей искусством любви: королевой и жрицей, Цирцеей, Медеей, Еленой Прекрасной. Она играла на теле Арнта, как на эоловой арфе, заставляя его конечности звучать в гармоническом единстве, порождая мелодию страсти.

Увы, сам он не обладал равным мастерством. Нежность будто парализовала его. Собственные руки казались Арнту слишком грубыми — эти руки крестьянина легко могли повредить столь изумительную кожу, сломать хрупкие кости нимфы. В первый раз их любовь была легкой, тогда он чувствовал себя вполне уверенно. Теперь он боялся жаркого пламени Везувия, которое таилось в ее любви. Этот огонь мог сжечь его, вулкан страсти способен был превратить тело Вегойи в золу и пепел.

— Дорогой Арнт, я не создана из финикийского стекла или афинской керамики,— прошептала нимфа.— Ты и представить себе не можешь, сколько требуется сил, чтобы сломать меня.

Он любил ее со всем пылом юности, но и с нежностью, свойственной более зрелым годам, в его поцелуях соединялись леопард и олень, он испытывал страсть, но в этой страсти не было разрушительной силы. Слова стоят малого, гораздо важнее, когда говорят сердца. Тело Арнта выражало его чувства

без слов, лишь стоны и вскрики раздавались под золотым навесом шатра, голоса жаркого наслаждения и нежности.

Утро было безветренным и тихим. Они лежали рядом, им чудилось, что они в самом центре медного щита, оставленного титаном в пылу битвы.

Вегойя опустила ладонь в воду.

— Ты голоден,— улыбнулась она.— Ты следишь за движениями моей руки, как будто это рыба.

— Я собирался поискать рыболовные снасти и...

— Снасти? Зачем они, когда есть мои руки? — Она нырнула и скрылась в глубине озера, словно ее тело расплавилось в раскаленной меди, а потом вернулась с огромной щукой в руке. В одно мгновение в свободной руке Вегойи оказался нож, которым она отсекла рыбе голову, а тело бросила на лист водной лилии, чтобы зажарить.

— Но у нас нет вина,— сказал Арнт.— Ты оставила меха с вином в том доме, вместе с Танаквил...

— Ты никогда не научишься доверять мне, Арнт? В «Книге Озера» написано, что любовь пьянит сильнее всего на свете, но мужчина все равно хочет выпить. Наберись терпения. Рыба еще не приготовлена.

Когда же рыба была зажарена, появился и напиток. Его принесли Арнза и его друзья в чашах размером с улитку каждая. Это была смесь меда и перебродившего сока ежевики. Арнт и Вегойя устроились на самом краю плота, ели рыбу руками и запивали вином. Арнза примостился на колене Арнта и присоединился к благословениям, которые вознесли насытившиеся влюбленные богине пчел, а его друзья вернулись на берег. Трое оставшихся вылили несколько капель вина в озеро, а Вегойя произнесла молитву:

Меллония, царица пчел,
Присмотри за ульем, что служит нам домом,
Мы благодарим тебя за мед наших крыш,
За мед нашего вина,
Пусть множатся, как лепестки,
Часы нашей медовой любви.

Арнза оставался на плоту, до тех пор пока не закончилось вино в его кубке. Потом он забрался на нос Арнта, оттолкнулся от него и полетел за своими товарищами к берегу.

— Он с почтением относится к любви,— объяснила Вегойя.— Обычно он проводит со мной весь день, но сегодня он не желает лишать нас удовольствия.

— Возможно, он полетел, чтобы увидеться с Танаквил,— предположил Арнт. Он не вспоминал о девушке ни разу за весь день! Именно он, а не Арнза, должен был нанести ей визит.— Мы тоже должны посетить ее. Она, должно быть, чувствует себя совершенно одинокой.

— Сегодня? — без энтузиазма уточнила Вегойя.

— Завтра.

Золотистое утро незаметно превратилось в яркое сияние полудня, который, в свою очередь, обернулся сумерками, как великая царица облачается ввечеру в шафрановые одежды. Но вечер для Арнта оказался грустным из-за Вегойи. Она подала ему сыр и хлеб, маленькие красные яблоки (не больше слив размером), но сама говорила мало и ничего не ела.

— Вегойя, почему ты так печальна? — наконец не выдержал Арнт.

— За летом следует осень, за днем — ночь. Сегодня мы были счастливы.

— Но боги так долго не даровали нам любви. Без сомнения, они должны предоставить нам не один день.

Она резко подалась вперед, прижав ладонь к губам.

— Тихо, Туран услышит тебя. Или один из ее темных спутников. Никогда не говори о том, что *должны* боги. Эти им решать, а не нам,— она взяла его за руку.— Вероятно, размеры и тяжесть моей любви делают меня такой печальной.

— Для меня любовь невесома, я чувствую себя как чертополох в оливковой роще. А еще она сладка, я чувствую себя пшеничным эльфом, рот которого полон меда.

— Тяжесть, легкость, сладость, как ее ни назови, всегда может оказаться этого слишком много. Переизбыток. Думаю, сегодня ночью ты должен пойти к Танаквил. Она тоже любит тебя, дорогой.

— Танаквил? Не будь смешной! Если она кого-то и любит, так Вела, несмотря на все, что он натворил. И уж точно не меня.

— Она никогда не любила Вела. Она желала его, потому что он первый вывел ее из дремотного полубытия, но любит она лишь тебя. Почему бы и нет? Я ведь тоже люблю тебя, а во мне гораздо труднее вызвать это чувство.

— Мы пойдем туда вместе. Отнесем ей немного ежевичного вина.

— Она хочет видеть тебя, и не в качестве друга. Иди к ней, Арнт.

Он в смятении смотрел на нимфу. Он совсем позабыл о непостоянстве озерного народа.

— Но я люблю тебя! — воскликнул он в сердцах.

Смех ее прозвучал резко и принужденно. Такой смех Арнт слышал в публичных домах Коринфа и Сибариса:

— Это все не имеет никакого отношения к любви. Ты просто скрасишь ее одиночество,— Вегойя отвернулась, пошла к гамаку и вскочила в него одним прыжком.

Арнт не решился притронуться к ней, такой далекой и чужой показалась она ему в этот момент. Как жемчужина в раковине, подумал он. В конце концов, он прекрасно помнил, что у нее перепончатые ноги и плавники на висках, Чужая — вот самое верное определение. Ну, и отлично, решил Арнт, пойду к Танаквил, там мне будут рады больше, чем в этом золотом шатре!

Но Танаквил не привыкла к свободе, царившей на озере. Ему еще придется приучать ее к наготе. С помощью ножа Вегойи Арнт изготовил подобие набедренной повязки из листа лилии,— он прорезал в нем дырки для ног, а верхнюю часть закрепил на талии с помощью веревки, найденной в шатре. Уже ступив в каное Вегойи, привязанное к плоту, он заметил, что все еще сжимает в руке нож, словно оружие. Оружие? Что за ерунда! Просто полезная вещь. Вегойя показала, как полезен нож, обезглавив рыбу, а он сам — когда изготовил одеяние из листа. Пожалуй, стоит взять нож с собой в качестве подарка для Танаквил.

IX

Она думала о нем, когда его прекрасная, огненно-рыжая голова появилась в дверном проеме. Конечно, она думала и об эльфах — водяных и пшеничных, о Вегойе и Веле, о жизни на озере, но мысли непрерывно возвращались к Арнту, как пчелы кружат вокруг грозди спелого винограда.

Но теперь он появился сам, она могла угостить его ежевичным пирогом (слегка подгорелым — но, в конце концов, это был ее первый кулинарный опыт).

— Я принес тебе нож,— начал Арнт, потом пояснил: — Для чистки рыбы.

«Нет, серьезно, за кого он меня принимает,— подумала Танаквил.— За жену рыбака?» Но она все же улыбнулась и приняла подарок, как будто это был букет роскошных цветов. А потом предложила ему кусок ежевичного пирога.

— Видишь, я учусь готовить. Как ты оценишь мои достижения.

Он принял угощение с благодарностью и с энтузиазмом откусил, но потом ел уже не так быстро. Судя по его лицу, музыкант жевал нечто абсолютно несъедобное. А, может быть, у него просто плохие зубы?

— Ты замечаешь, что я добилась прогресса? — вновь спросила она.

— Урсус бы это одобрил.

Несомненно, подумала она. Но Урсус одобрил бы в качестве закуски и сырую рыбу, и кусок медовых сот вместе с воском. Ладно, пусть говорит, что хочет. Она будет воспринимать его слова как комплимент.

— Твоя новая набедренная повязка выглядит очаровательной. Очевидно, это последняя сельская мода? — Танаквил решила сменить тему.— Зеленый цвет тебе к лицу. Мы оба добились немалого прогресса, не так ли? А как тебе моя волчья шкура? Мне подарил ее один из эльфов. Конечно, кое-что мне пришлось подправить...

— Я думал, ее дала тебе Вегойя.

— Та мне не подошла,— буркнула она в ответ. На самом деле, та шкура, что украшала ее сейчас, когда-то служила очень большому и толстому волку.— Вскоре мы превратимся в заправских лесных жителей. Кстати, Сутриум все еще находится в руках рабов и Зачарованных. Они объединились, а сегодня, насколько я слышала, отбили атаку солдат, которые пришли из Вейи. Это видел один из обитателей озера. Но я бы не хотела вернуться туда, даже если бы власть в городе снова принадлежала этрускам. А ты?

— Нет, мне больше нравится на озере.

— Конечно, ты и Вегойя...

Он испытал одновременно неловкость, чувство вины и легкое раздражение. В комнате повисло тягостное молчание, нить беседы оборвалась.

Танаквил первая сделала над собой усилие и снова попыталась заговорить. Она указала на груду каштанов на столе.

— Видишь, я привыкаю к жизни в лесу. Все это я сегодня сама собрала.

— Неужели ты ходила в лес одна?

— Нет, конечно же, нет. Вместе с водяными эльфами. Они были очень добры ко мне. Арнза тоже прилетал.

Беспокойство Арнта о ее безопасности порадовало Танаквил, она даже подумала, что ей, наверное, стоило немного преувеличить грозящие опасности.

И снова повисла тишина.

— Садись в это кресло,— предложила она через некоторое время.— Так можно смотреть сквозь дверь на воду. Никогда не знаешь, что удастся разглядеть. Этим утром я видела большую выдру. Она карабкалась по гирлянде из лилий, а потом спрыгнула в воду и скрылась из виду.

— Мне нравятся твои волосы,— сказал Арнт.— Не убирай их в узел, пусть они свободно падают на плечи.

— У меня нет цветов, чтобы вплести в них.

— Они тебе не нужны. Вполне достаточно света, падающего на волосы.

— Я так рада, что ты зашел ко мне. Я скучала.

— Мы с Вегойей хотели бы, чтобы ты посетила нас. В любое время.

— Я могу придти не вовремя.

— Когда бы ты ни пришла, это будет вовремя,— он взял ее за руку.

Танаквил сделала слабую попытку освободить руку, а потом замерла, ощущая тепло широкой ладони Арнта на запястье.

— Что сказала бы Вегойя, если бы знала, что ты тут, наедине со мной?

— Ничего. Она и послала меня к тебе,— удивленно ответил Арнт.

Девушка вскочила с кресла стремительно, как камень, выпущенный из пращи. Арнт инстинктивно поднял руки, защищаясь от возможного удара. «А стоило бы его ударить как следует! — подумала Танаквил в ярости.— Харон возьми его честность! Его что, никогда не учили хорошим манерам, правилам общения, тому, что нужно говорить женщине, чтобы доставить ей удовольствие?»

— Можешь передать Вегойе, что я не нуждаюсь в ее подачках! Я могу найти для себя мужчину. Сегодня я получила три предложения от местных водяных эльфов! (Собственно

говоря, их было два, но небольшое преувеличение придавало ей больше уверенности.)

— Мне очень понравился ежевичный пирог,— пробормотал ошарашенный Арнт и поспешил ретироваться в лодку, пока Танаквил боролась с искушением швырнуть ему вслед остатки пирога. Она осталась одна, сделав вид, что не желает знать, где находится Арнт, и что делает.

— Тупой крестьянин, невежда,— твердила она, а потом бросилась к окну, чтобы посмотреть, как он уплывает.

Когда его лодка оказалась за пределами города, Арнт оставил весла и оглянулся на дом Танаквил. Но она успела отпрянуть от окна прежде, чем он смог бы ее заметить, а потом уселась на пол и стала перебирать в уме все недостатки Арнта: руки слишком большие для его роста, бессчетные веснушки, честность и прямота, граничащие с грубостью, упрямое сопротивление всему домашнему, стабильному...

В этот момент она услышала, как у ее дома причалила лодка. В мгновение ока она была на ногах. Он вернулся. И на этот раз его не посылала Вегойя! Спокойно, Танаквил. Не стоит опрометью бежать по лестнице ему навстречу или бросаться в объятия, едва он переступит порог комнаты. Ты уже не ребенок, ты взрослая женщина, у тебя уже есть некоторый житейский опыт. Ты должна руководствоваться здравым смыслом, быть рассудительной. Спроси себя: как бы поступила Вегойя?

Вегойя занималась бы домашними делами, и когда услышала шаги за спиной, обернулась бы к нему и произнесла, как нечто само собой разумеющееся, словно войти мог любой из множества мужчин: «О, это ты»?

Она обернулась и успела сказать:

— О, это ты...

Но это был не *он*. Это был Вел.

Он был абсолютно синего цвета, как охотник, потерявшийся и замерзший в снегах. Глаза юноши припухли от слез, а плавники на висках торчали, как лезвия ножей.

Она даже не знала, жалеть его или бояться. Как она могла когда-то желать его, такого синего, совсем не похожего ни на человека, ни даже на эльфа — скорее, какое-то странное животное. Он шел к ней, не произнося ни слова, раздавалось лишь шлепанье босых ног.

— Вел, что случилось? Что все это означает? Что тебе нужно? — Она попыталась на ощупь найти на столе нож,

небольшое, но грозное оружие. Ее пальцы замерли, сомкнувшись на деревянной рукоятке.

— Ты заставила моего друга ненавидеть меня. Ты лишила меня его музыки.

— Он не испытывает к тебе ненависти. Ты сам причинил ему боль. Когда убил моего отца.

Он остановился и внимательно, изучающе посмотрел на нее. Она подняла руку с ножом, чтобы показать ему, что вооружена.

— Он играл для меня. Когда я следовал за его повозкой, он называл меня другом. Но ты... ты хотела его для себя. Ты наговаривала ему на меня.

— Вел, я никогда не говорила ему...

Он прыгнул вперед, словно дикий кот. Она подняла руки, чтобы защититься. Она не собиралась наносить удар ножом. Но он наткнулся на лезвие, одновременно сбив ее с ног, опрокинув на пол, а его пальцы вцепились ей в горло. Волчья шкура смягчила падение. Тем не менее, она едва могла дышать под тяжестью его тела, но потом пальцы неожиданно разжались, отпустив горло, руки упали, а тело стало мягким и безвольным.

Она столкнула эльфа с себя и откатилась в сторону, а потом с трудом поднялась на колени и склонилась над распростертым Велом. Он смотрел прямо на нее, удивленно и очень спокойно. Казалось, он засыпал с открытыми глазами, словно лежа на дне выдолбленной им лодки и медленно плывя по течению, среди зарослей водяных лилий, между переступающими на длинных ногах фламинго, стерегущих свои гнезда. Лезвие ножа вошло ему прямо в глазницу, кровь стекала на пол. Тело как будто уменьшилось в размерах. Каким хрупким и изящным было оно, каким юным, какие у него оказались узкие, детские плечи! Не убийца, не животное, всего лишь беззащитный, умирающий мальчик.

— Я никогда не желала тебе зла,— пробормотала Танаквил.— С самого начала я хотела, чтобы у тебя все было хорошо. И вот я довела тебя до такого конца.

— До такого конца довели его боги.

Девушка не слышала, как Арнт снова поднялся по лестнице и вошел в дом. И хотя его руки были совсем малым убежищем, она подумала: «Это мой давний сон, эти руки защитят меня от тумана, дыма, дорожной пыли...»

Но веснушки на руках были совершенно реальными, и она поняла, что это не сон. Арнт действительно, вернулся —

Арнт, флейтист, бродячий актер, крестьянин, владелец большой повозки на каменных колесах, влекомой упрямым и вздорным медведем.

— Я оглянулся, чтобы посмотреть на твой дом, и увидел лодку Вела. Поэтому решил узнать, что тут происходит. Я беспокоился за тебя.

И тут заговорил Вел. Его голос был отдаленным и слабым, словно доносился из глубины колодца.

— Ты простил меня, друг?

— Да, Вел! Да!

— Спой для меня, нежный музыкант.

— О чем, Вел?

— О дружбе. О смерти.

И Арнт запел о богах и героях: об Ахилле, который оплакивал смерть Патрокла, о Геракле, рыдающем о погибшем Гиласе. Он словно хотел сказать: дружба сильнее смерти, она переступает через могильную черту. Ахилл поднимает лук своего павшего друга, Геракл берет в руки палицу товарища и сокрушает демонов на берегах Стикса! Дружба ожидает тебя на самом дальнем берегу. На полях Элизиума Патрокл обретает новое существование, там обитает Гилас.

Танаквил закрыла глаза. Она чувствовала шум крыльев (или это было лишь биение ее сердца?), видела сквозь плотно сжатые веки белое сияние (или это был всего лишь ток ее собственной крови?) и упала на колени, прежде чем пришла Вант, благая и безжалостная...

Его лицо было залито слезами. Танаквил никогда прежде не видела плачущих мужчин. Она осмелилась едва коснуться его щек кончиками пальцев.

— Пожалуйста, не плачь,— прошептала она.— Ты смоешь веснушки.

Арнт взял ее за руку.

— Вел пытался причинить тебе вред?

— Да, но я не хотела, чтобы... так...

— Полагаю он убил бы тебя. В нем крылась ужасная тяга к насилию. Но теперь мы должны обо всем рассказать Вегойе.

Процессию, шествовавшую через лес, возглавляла Вегойя. Она облачилась в тунику из листьев, чудесным образом со-

единенных между собой паутинками. Порой она двигалась быстро, порой приостанавливалась, замирая перед тем или иным природным объектом: камнем, корнем дерева, бугорком. Арнт шел рядом с ней, играя на флейте, чтобы в последний раз проводить Вела — до самого порога смерти, за который уже не проникают звуки из мира живых. Те звуки, которые значили для Вела больше, чем сама жизнь. Следом за нимфой и флейтистом шли водяные эльфы. Они несли деревянный саркофаг с телом друга и те вещи, которые могли понадобиться ему в долгом пути в подземный мир: нож для сражения с демоном Тулхулхой, лук и стрелы для охоты, амулет, содержащий благовоние, что отгоняет грифонов и демонов, обитающих по берегам Стикса.

Танаквил брела в самом хвосте процессии, одинокая фигурка, которую никто не обвинял, но которая не имела права приближаться к своей жертве. А самыми последними шли коты из Сутриума, бесконечный желтый поток вливался в зеленое, затененное пространство леса. Вел освободил их, Вел был мертв. Они тоже пришли, чтобы оплакать его.

Плакальщики покинули сень деревьев и двинулись вверх по холму, заросшему ежевикой и куманикой. Узкая тропа петляла по склону, колючий кустарник ранил обнаженные ноги. У самой вершины Вегойя остановилась и обернулась к Арнту.

— Тебе не позволено входить в святилище. Ты был другом Вела. Но ты не нашего племени. Ты и Танаквил должны вернуться к озеру. В лесу вас будут защищать коты.

Они медленно спустились обратно, а следом за ними текла река из желтых звериных тел. Арнт и Танаквил взглянули на прощание, как водяные эльфы поднялись на вершину холма и скрылись в дальней лощине.

— Они собираются сжечь тело? — спросила Танаквил.

— Нет. Огонь — враг воды. Вел не любил огонь. Вегойя рассказала мне, что они оставят саркофаг на каменистом выступе возле священного отверстия в земле, называемого Мундус, Преисподняя. Сегодня ночью, когда уснут даже совы, его душа покинет тело через рот и нырнет в глубину земли. Там, в Подземном мире, она отыщет реку мертвых и перевозчика Харона, который ожидает своей платы.

— Но по дороге душа встретит демонов?

— Да, но Вел вооружен — а кроме того, его охраняют заговоры и амулет. Вант будет его проводницей. С того мо-

мента, как она призывает к себе чью-то душу, она принимает на себя заботу о ней.

— А потом душа переправится через Стикс. Там будет звучать музыка?

— Музыка существует везде.

Дни, последовавшие за похоронами, были для Танаквил смутными и незапоминающимися, словно серая пелена скрыла от нее солнце. Она горевала, но не знала, на кого направить свою печаль — на отца, или на Вела, а может быть — на саму себя, влюбленную и нелюбимую, или же на каждого из тех, кто обречен богами скитаться в лабиринте, называемом жизнью. «Мы мечемся и цепляемся за жизнь,— размышляла она,— ввергаем друг друга в страх, сомнения, гнев. Но куда ведет нас последний поворот лабиринта? Где найти алую путеводную нить Ариадны, которая выведет нас к свету»?

Арнт и Вегойя проявили по отношению к девушке заботу и сочувствие. Они особенно остро чувствовали ее одиночество по контрасту со своим взаимным счастьем. Каждое утро они наносили ей визит, брали ее с собой плавать по озеру на лодке, исследовать окрестные виноградники, искать зарытые в земле каменные топоры древних жителей этой земли, которая называлась тогда Терремаре — Морская земля. Вегойя учила девушку ловить рыбу руками, находить мед на деревьях, собирать ежевику и распознавать съедобные грибы.

— Даже смертельно опасные грибы могут принести пользу,— объясняла она.— Ядом можно намазать наконечники стрел и копий. Фавны и кентавры все еще удерживают Сутриум, но однажды они вернутся в лес, и вряд ли они тогда станут благожелательнее к тебе и Арнту. Разумно приготовить на этот случай ядовитое копье.

Но Арнт и Вегойя, как вскоре выяснилось, не были персонажами сельской идиллии, абсолютно счастливыми влюбленными. Вегойя была тяжело больна. Прошло всего несколько месяцев с момента их знакомства — а вечно юная нимфа, легкомысленная представительница племени водяных эльфов уже превратилась в обычную женщину, глаза которой были полны боли. Красота ее увядала, но она все еще была прекрасна — так иней, покрывающий бронзовато-зеленые ветви кипарисов, придает им особую, предсмертную красу, так альбатрос в сумеречный день скользит между облаков и темно-серым морем.

Но Вегойя в разговорах с Арнтом и Танаквил отказывалась признавать свой недуг.

— Водяные эльфы не болеют,— смеялась она.— Мы тонем, нас убивает огонь и животные. Или мы стареем и отправляемся в Преисподнюю. Но болезнь? Сама Туран могла бы позавидовать нашему здоровью. Я бледна от печали, а не от хворобы. Это печаль по Велу. Вы знаете, как он мне был дорог.

Что касается Арнта, он редко покидал ее, но скрывал свое беспокойство за маской галантных ухаживаний. Он оставался таким же юным, каким пришел в Сутриум. Он по-прежнему походил на сельское божество с усыпанным веснушками золотым телом и заливистым смехом. Порой его лицо сияло такой неподдельной радостью, что Танаквил замирала в восхищении и испытывала своего рода религиозный трепет перед этой силой жизни. По иронии судьбы, она любила его еще больше, наблюдая за проявлениями его любви к Вегойе.

Однажды утром нимфа пришла в дом Танаквил без Арнта. Девушка предложила ей кубок вина и мед, они вознесли хвалы Меллонии и богам земли, а потом Вегойя заговорила.

— Танаквил, ты знаешь, есть два вида странников. Одни отправляются в путь, потому что им приходится делать это. Они следуют за удачей, которую никогда не удается поймать. Как далеко отсюда до высочайших облаков? Где вьет гнездо птица феникс? Они задают себе такие вопросы — и не находят ответа.

Другие странники пускаются в дорогу, потому что у них нет причин задерживаться на одном месте. Дайте им такую причину — дом, жену, друга,— и они забудут, где находится противоположный берег реки или что происходит на темной стороне луны.

Вегойя часто говорила иносказаниями, Танаквил мыслила гораздо проще и конкретнее.

— И к какому типу относится Арнт?

— Ко второму. Полагаю, он счастлив здесь, на озере. Кстати, он нашел Урсуса. Они каждый день ловят вместе рыбу на отмели, и ни тот, ни другой даже не вспоминают про путешествия.

— Ну, Арнт уж точно не собирается в путь,— согласилась Танаквил.— Во всяком случае, пока у него есть ты.

— Но если он потеряет меня, он снова отправится в странствия, разве не так, Танаквил? Пока не найдет другую причину задержаться где-то на одном месте. Ты знаешь такую

причину? Ты знаешь того, кто никогда не будет раздражаться, если Арнт уйдет ловить рыбу с Урсусом, кто не станет упрекать его, когда он съест дюжину медовых пирогов за шесть укусов и потребует еще столько же? Того, кто будет любить его все больше и больше, со всеми его веснушками, рыжими волосами, большими руками и маленькими ступнями? Ты знаешь такого человека, дорогая?

— Ты знаешь, что так и есть, Вегойя. Я действительно люблю его — но он с тобой, разве не так?

— Вероятно, я вскоре покину его,— голос волшебницы зазвучал резче.— Я изменчива и непостоянна. Я сама предпочитаю странствовать. И, конечно же, я совершенно бессердечна.

X

— Это мое тайное место. Мне показали его пшеничные эльфы,— объяснила Вегойя.— Сюда я прихожу, чтобы остаться в одиночестве, когда мне очень грустно или особенно радостно.

— Ты никого не хотела раньше приводить сюда? — спросил Арнт

— Нет. Ты видишь, это место любви, посвященное Туран. Сюда она принесла тело Адониса, растерзанного кабаном, здесь оплакивала его.

Мощные виноградные лозы образовывали некое подобие навеса, с них свисали тяжелые грозди ягод, а пол был устлан мхом. Рядом рос шиповник, заполняя пространство, остающееся между виноградными лозами, от него исходил сладкий густой аромат, поскольку как раз было время цветения. Именно в таких местах танцуют в лунные ночи фавны и кентавры, в таких потаенных уголках леса они устраивают свои оргии. Но не здесь, не в этом священном убежище, избранном самой Туран, потому что никто не смеет оскорблять богиню страсти и любви.

— Эльфы прилетают сюда время от времени. Вон там, на ветвях, они повесили изображения великой богини.

— Эти изображения напоминаю по форме птиц!

— Именно такой они ее видят: алой птицей. Когда дует ветер, оперенные изображения раскачиваются и издают мелодичное посвистывание, они очень сложно устроены внутри.

— Но у нас нет даров для богини.

— Мы принесли ей редчайший дар,— она увлекла Арнта за собой на покров из мха.— Себя самих. Возлияния и гимны хороши для других богов, но Туран — женщина. Воскурения от сожженных жертвоприношений оскорбляют ее утонченное обоняние. Но зрелище взаимной любви радует и опьяняет ее.

Арнт улыбнулся.

— Откуда ты это знаешь? Еще недавно ты не относила себя к числу почитателей этой богини.

— Но я всегда знала, какими путями она следует. Просто я ждала, когда смогу воздать ей хвалу должным образом.

— А как же я? Ты думаешь, я смогу доставить удовольствие богине?

Вегойя взяла его за руку, внимательно изучила линии на ладони, словно собиралась предсказывать судьбу.

— Да, ей понравятся твои руки. Они достаточно сильны. И твои волосы тоже понравятся. Они подобны огню на одном из ее алтарей.

— А веснушки? Что она скажет про них?

— Это человеческая черта. Привлекательная. Она обладает совершенной красотой. Марис имеет бронзовое тело истинного воина и властителя. Адонис был подобен оживленному мрамору. Легче поклоняться совершенству, чем любить его. А Туран больше всего жаждет любви. На самом деле, мне пора закончить перечисление твоих достоинств, а то она позавидует мне!

— Тогда я перечислю твои. Но с чего мне начать? Их так много!

— Шшш,— она приложила палец к губам.— Молчи, ни слова больше, просто люби меня.

Внезапно он остро почувствовал всю хрупкость и уязвимость прекрасной нимфы, но она, словно прочитала его мысли, тут же отозвалась:

— Я не из финикийского стекла, ни из афинской керамики,— но он все равно ощущал, что его сильные руки могут раздавить, сломать ее, так что она рассыплется на тысячу кусочков, сверкающих в солнечных лучах, отливающих радужным светом, мерцающих, как звезды в небе. Он мог обнять ее, мог прикасаться к ее коже, но оставалось в ней еще какая-то неуловимая сущность, которая ускользала и таяла в воздухе, витала вокруг, притягивала и не давалась в руки.

— Ты покидаешь меня,— с горечью выговорил он.

Она приложила к его щеке ледяную ладонь.

— Послушай меня, Арнт. Выслушай бедные, ничтожные слова, пойми их, постарайся уловить их смысл, как будто он выражен ясно и выразительно. Ты знаешь, как охотник разводит огонь в лесу в зимний день. Пальцы его немеют от холода, ему трудно удержать в руках лук или сети, он завидует зверям, притаившимся в глубоких норах. Но потом разгорается пламя — желтое, красное, оранжевое, словно сотканное из янтаря. И поднимается дымок, не черный и тяжелый, а легкий, голубоватый, сливающийся с неярким зимним небом. Янтарный огонь и голубой дым. И вот охотник уже согрелся. И не только тело, но и душа его оттаивает. И станет ли он упрекать огонь, когда он угаснет и превратится в груду головешек? Или дым, когда струйка истончится, а потом исчезнет? Костер никогда не горит вечно.

Но есть и другой огонь. Это огонь домашнего очага, который горит ровным бледным пламенем, в нем мало дыма, но он согревает людей на протяжении всей зимы, кормит их каждый день, но требует заботливых рук. В лучшем из миров пламя костра и огонь очага схожи и сливаются в единое многоцветное, в тот жар, который никогда не угасает. Вероятно, таким лучшим из миром является Элизиум, что лежит за утесами, населенными демонами, за темной лентой Стикса. Вероятно. Но здесь, в нашем мире, это не так. Есть мера, которая дана человеку, и она позволяет ему без горечи и сожалений переходить от костра к очагу, не упрекая богов, не обвиняя врагов или самого себя. Он вспоминает порой янтарное пламя и высокую струйку голубого дыма, но не печалится о том, что потерял их, он благодарен за то, что это было в его жизни: краткий миг яркого горения в зимнем лесу.

Арнт обнял нимфу.

— Почему ты говоришь загадками? Костер. Очаг. Я — твой огонь, Вегойя! Согрейся в моих руках!

— Прости, если я запутала тебя своими речами, я лишь хотела сказать, что человеческое сердце — насколько я способна понимать сердца — не создано для того, чтобы служить исключительно для молитв, обращенных к богам, как это бывает с теми, кто не покидает пределы храмов. Кроме храмов есть еще и обычные дома, и они ничуть не хуже. Сердце должно отдыхать. Теперь оставь меня и возвращайся к озеру.

— Нет! Я не уйду без тебя. Ты сегодня такая странная, отстраненная. Ты пугаешь меня, Вегойя!

— Ступай сейчас, Арнт. Я приду позднее. Даю слово.

— Что толку в обещаниях, когда комната пуста?

— Волшебницы не часто дают обещания. Жди меня.

Она мягко оттолкнула его гибкой и нежной рукой, склонясь в беззвучном плаче, лицо ее было скрыто свисающими гроздями винограда и ветвями. Все ее тело казалось теперь слишком тонким, почти нереальным, словно она была лишь песней, призраком птицы, поющей над водами мрачного Стикса, птицы, которую слушает лишь Харон. Неуловимая и невесомая как дым, золотая как янтарь и пламя — такой была Вегойя в эту минуту. Она больше не взглянула на Арнта, но подняла руку в прощальном приветствии — изящную маленькую девичью руку — и помахала тому, кто казался воплощением жаркого солнечного полдня.

И только когда он достиг озера, Арнт внезапно понял, что показалось ему столь странным в момент их последнего объятия. Он почувствовал биение ее сердца.

«Я приготовлю для нее обед,— подумал он.— Это займет меня, ведь это то, что всегда любила делать Вегойя. И, может быть, это привлечет ее из лесного уединения. Надо разжечь огонь в печи. Зажарить моллюсков до коричневатого цвета — цвета октября. А потом поджарить каштаны, так чтобы лопнула корочка и открылось вкусное ароматное ядро. Вегойя волшебница, она почувствует запах своего очага, она оценит эту скромную домашнюю магию. И все наладится, все пойдет по-прежнему».

Он услышал звук подплывающей лодки, которая ударилась о край плота, и сердце его подпрыгнуло, как заяц в сети.

— Вегойя!

Но это была Танаквил. Она принесла корзину винограда.

— Смотри, ягоды прекрасные как аметисты,— гордо заявила она.— Я практически украла их у пчел. А где Вегойя?

— В лесу.

— Одна?

— Да.

— Ты должен немедленно отыскать ее!

— Она попросила меня уйти сюда и ждать ее.

— Ну, что же, тогда ты должен ждать. Могу я составить тебе компанию?

— Думаю, она хотела, чтобы я ждал в одиночестве.

Танаквил кивнула и оставила его одного.

Он ждал. Наступила середина дня, на небе появились тяжелые облака. Арнза прилетел, когда уже всходила луна. Он нырнул в воздухе, покружился и полетел к берегу. Он словно говорил: быстрее, быстрее, за мной.

Следом за эльфом Арнт отправился в путь — так моряк следует за Полярной звездой. Он пересек озеро и оставил лодку в прибрежных зарослях камыша. Эльф поторапливал его, порхая перед лицом, пока Арнт шел сквозь лес. Даже лететь было непросто через эти густую чащобу.

То тут, то там мелькали на корнях, на камнях, покрытых мхом, пятна лунного света, словно Госпожа Луна разбросала серебряные кристаллы, украденные у титанов.

— Вегойя! — крикнул Арнт. Сейчас он думал о ее хрупкости и нежности, о том, как трудно ей ступать по жестким корням и колючим кустарникам, которые завидуют мягкости ее кожи, вцепляясь и разрывая ее. Прочь, старики, вы — корявые дубы, и вы — жадные сосны, не смейте касаться моей возлюбленной! Куда вы спрятали ее от меня? Я сожгу вас, вырублю ваши ветви, я сорву с вас одеяния мха, я заставлю вас опуститься на узловатые колени, подрубив вас под корень! Где вы спрятали водяную нимфу?

— Вегойя! Вегойя!!!

Но лишь эхо отзывалось в лесу, отражаясь от дубовых стволов и стройных сосен. Деревья насмехались над ним, лишая его любимой. Где-то заухала сова, невидимая в ветвях. Мелькнул зверь, похожий на кота (не был ли это один из котов Сутриума?) и скрылся в темноте.

А потом он увидел ее. Она стояла прямо и неподвижно, облаченная в серебро, словно была сестрой луны, ноги ее тонули в серебристых цветах.

Она улыбнулась, но не стала ближе и реальнее.

— Видишь, я сдержала свое слово. Я не могла придти к тебе. Но я сумела привести тебя сюда.

Он хотел коснуться ее тела, но она отступила, ускользая. Ему показалось, что он коснулся отражения в зеркале.

— Нет, Арнт. Ты не должен пытаться дотронуться до меня. Я изменилась. Я пришла, чтобы сказать «прощай».

Арнт почувствовал себя одиноким и несчастным, как маленький мальчик.

— Но почему? Почему ты хочешь покинуть меня?

— Покинуть тебя? Я бы сражалась со всеми грифонами на берегах Стикса, чтобы остаться с тобой еще на год, на

неделю, на день! Но когда это обитателям Подземного мира разрешали самостоятельно выбирать судьбу? Ты прекрасно знаешь, что нас стерегут демоны, сейчас они лишь скрылись за деревьями — бестелесные, но мощные, как порыв ветра. А за демонами следят боги, и говорят, что даже богами управляет Рок, Великая Необходимость, в чьей власти находимся не только мы, но и наши Творцы, и вся Вселенная. Мы — лишь восковые образы, куклы в невидимых руках. Но, быть может, на мгновение боги сжалились над нами и позволили нам попрощаться в последний раз. Не спрашивай ни о чем, дорогой. Теперь я должна уйти. Оставайся всегда таким же прекрасным!

— Вегойя,— закричал он.— Это я погубил тебя, околдовал и загубил. Я вызвал к жизни твое сердце, а оно убило тебя!

— Думаю, у меня всегда было сердце. Просто оно спало в груди. Ты научил его летать. Заколдовал, говоришь? Но это было благословение, чудесный дар!

Арнт попытался дотянуться до нее, но ощутил лишь нечто подобное прохладному туману, а серебристый свет окутал его руку, и такие же блики побежали по стволам деревьев, и он уже не знал, что перед ним — нимфа или всего лишь неверный лунный отблеск.

Он поднялся на поросший ежевикой холм, и тут окончательно потерял дорогу. Ноги горели от ран, нанесенных колючими кустами. А потом на него обрушилась тяжесть и пустота, словно он сам погрузился в великое безмолвие Преисподней, в Хаос, который древнее богов и титанов, а теплое сияние Великого Зеленого моря окутало его, словно он уже достиг Атласовых гор на краю мира. Мощные стены, покрытые кое-где мхом, плющом и виноградом, выглядели чересчур темными даже при неверном свете луны. Глаза грифонов светились как звезды, и ладья Харона разрезала гладь темного Стикса. Темнота, в которую был устремлен взгляд Арнта, была еще темнее теней, и темнее вод подземной реки. Это была безграничная темнота вечной ночи.

А потом он нашел путь. Он спотыкался, снова шел, с трудом переводил дыхание, преодолевал кочки, корни, камни на тропе, пока не остановился у последней черты, где выстроились в ряд саркофаги из дерева и глины. Какие-то неясные фигуры были изображены на крышках. Женщина с кожей, похожей на нижнюю сторону шляпки гриба. Старик,

ноги которого смахивали на крылья летучей мыши. Смеющийся ребенок с деревянной рыбой в руках.

Саркофаг Вегойи не был закрыт. Она лежала в его узкой нише как недогоревшая свеча. Сегодня ее друзья вырежут на крышке образ нимфы из дуба и лимонного дерева, а потом опустят крышку саркофага, закрыв для нее небо. Ничто больше не имело значения. Даже величественное солнце. Лишь темные воды Стикса будут теперь фосфоресцировать там, где их коснутся весла Харона.

—У тебя нет никакого дара для Харона,— сказал Арнт.— А у меня нет монеты, чтобы положить тебе под язык. Но не думаю, что он откажется перевезти тебя.

Повозка валялась на боку, словно мертвый краб, ее навес был разрезан ножами, а все, что можно было превратить в подобие одежды или утвари, было унесено. Армия из Вейи, вооруженная осадными башнями и тяжелыми катапультами, заняла Сутриум, а фавны и кентавры, бросив освобожденных рабов на милость победителей, бежали в леса. Вероятно, кто-то из них выместил свой гнев на сделанной человеком вещи, которая оказалась на его пути.

И все же Арнт скоро выяснил, что повреждения не стали смертельными для его транспортного средства. С помощью водяных эльфов он отремонтировал повозку и соорудил новый навес, после чего Арнза и его друзья обустроили все внутри. Кроме того, Арнт и Танаквил принесли звериные шкуры, из которых можно было устроить постель, а одеяло Танаквил изготовила из перьев фламинго.

Им пришло время отправляться в Рим, славный небольшой городок, который недавно изгнал этрусского царя Тарквиния Гордого и провозгласил независимость. Эльфы пели, пока Арнт и Танаквил занимали места в повозке. Шеи путников украшали гирлянды из цветов, волосы девушки были убраны розами, медовые соты насыщали повозку сладким ароматом, смешавшимся с благоуханием цветов.

— Это напоминает мне праздник урожая,— прошептала Танаквил.— Только там вместо цветов несут охапки колосьев.

Но Арнт был хмур и печален.

— Как странно, что они уже поют. Неужели они могли забыть ее так быстро?

После смерти Вегойи город на озере утратил для музыканта все свое очарование. Даже вода больше не казалась ему сладкой и освежающей. Прошел месяц с того печального дня, и вот — эльфы уже поют и веселятся.

— Вспомни, что она говорила тебе про Вела: не суди его, он такой, каким создан.

— Я знаю,— вздохнул Арнт.— Конечно, знаю. Я люблю их, несмотря на все их легкомыслие. Просто мне хотелось, чтобы они больше походили на нее.

— Никто не может походить на нее.

Урсус был заметно огорчен, но не ворчал, как бывало раньше. Его даже не заботило то, что он потерял повязку на слепом глазу, или что эльфы подвесили ему на шею медовое ожерелье. «Он старее нас,— подумал Арнт.— Когда мы прибудем в Рим, я построю для него отдельную комнату, насыплю много соломы и каждый день буду приносить ему горшочек с медом».

Арнт взял в руки поводья, встряхнул их, чтобы привлечь внимание медведя. Урсус не стал упрямиться. Он тоже грустил по Вегойе, но не возражал против того, чтобы покинуть эти печальные места.

— Прощай, Арнт!

— Прощай, Танаквил!

— *Пусть Меллония усладит ваш путь!*

Колеса, обильно смазанные оливковым маслом, повернулись на осях, и повозка тронулась с места, покатившись в сторону Сутриума, Вейи и освобожденного Рима. Позади и впереди нее шли водяные эльфы, среди деревьев порой мелькали силуэты присмиревших фавнов и кентавров, Зачарованные провожали людей, которые сумели стать им друзьями. А впереди летели пшеничные эльфы, и Арнза порхал вверх-вниз, то исчезая в небесах, то присаживаясь на нос Арнта, а потом коснулся его в последнем приветствии.

— Прощай, мой маленький друг,— вздохнул Арнт, а крошечный эльф улыбнулся и помахал в ответ трехпалой рукой, словно хотел сказать: «Если увижу фавна, сразу плюну ему в ухо, чтобы не трогал тебя!».

Танаквил сидела рядом с Арнтом молча и неподвижно. За недели, проведенные на озере, она сильно изменилась, загорела и сама стала похожа на лесную нимфу. Если бы не темные волосы и молчание, ее вполне можно было принять за одну из Зачарованных.

— Ты уверена, что хочешь отправиться со мной в Рим? — спросил он.— Любой этрусский город будет горд принять дочь Ларса Велхи. Я мог бы остаться там с тобой на время, пока ты не обустроишься.

— Ты бы не был счастлив. Этруски всегда будут относиться к тебе как к бродячему актеру. Или как к галлу. Но в Риме ты сможешь почувствовать, что ты дома.

— Это так,— признал Арнт.— Римлянам я нравлюсь. Крестьяне и бродячие актеры — не князья и не рабы. Я выстрою дом, буду растить зерно, заведу свиней. И, конечно же, я буду сражаться, если Тарквиний пойдет на Рим войной, чтобы вернуть утраченный трон. И еще я буду петь. Флейта все еще со мной, ты ведь знаешь.

— Я поеду в Рим,— твердо сказала Танаквил.— Я понимаю, что там не хватает женщин. Я слышала, что когда-то римляне даже похищали сабинянок.

— Ну, это было очень давно...

— А откуда ты знаешь, что там теперь стало больше женщин?

— Это их проблема,— усмехнулся Арнт.— Ты ведь со мной.

— Так ли, Арнт?

Она положила ладонь ему на сгиб руки. Это была нежная, теплая и уютная ладонь. Что ей сказала тогда Вегойя? «Есть мера, которая дана человеку, и она позволяет ему без горечи и сожалений переходить от костра к очагу, не упрекая богов, не обвиняя врагов или самого себя». Он никогда не забудет то краткое яркое пламя в зимнем лесу, голубизну и янтарное золото.

Но очаг тоже может быть очень хорош.

ДЕЛЬФИН И ГЛУБИНА

Тритон

С самого раннего детства я любил бродить, где вздумается. Однажды в пять лет я сбежал с родительской виллы в Керах и подался к усыпальницам. Но могильные холмы испугали меня. Склепы, вырубленные из красного туфа и покрытые дерном, смахивали на припавших к земле демонов из Арверна. Я заглядывал в них через узкие входы и думал о Тучулче, чудовище с лицом стервятника и ослиными ушами. Дикие розы царапали ноги, а синеглазая сова зловеще ухала с кипариса. Я спрятался в зарослях цикламена и уснул. Отец явился на колеснице, ища меня.

— Сперва ты шастаешь где-то день-деньской,— сказал он,— а затем засыпаешь, словно медвежонок. Я так и буду называть тебя: Медведь.

Неудача не обескуражила меня, и я снова убежал. А когда стал взрослым, это лишь узаконило то, что было запретно для мальчика. Я посетил Вейи с их исполинскими стенами, и высокомерный, неприглядный, маленький Рим, где Тарквиний Гордый правил беспокойным народом. Я навестил сибаритов, которые покрывают проезжие дороги полотном, дабы оттенить свой нежный цвет лица. Я изучал мистерии в Борсиппе, близ Вавилона, и навигацию в Карфагене. Но куда бы я ни заехал, я грезил о чем-то ином, о другом городе, другом море. И, будучи юношей состоятельным и располагающим временем, а от родителей встречая, если не поощрение, то снисходительные улыбки, я мог отправляться, куда ни пожелаю.

Вот так я и предпринял последнее, и самое опасное, из моих странствий, странствие в поисках любви. Началось оно,

как и все предыдущие, с простого желания увидеть мир. Мой народ, этруски, основал колонию Адрии на восточном берегу Гесперии. Она была совсем новой, и это всколыхнуло во мне жажду приключений. Я оплатил проезд на небольшом торговом судне «Туран» и, обогнув враждебные нам города Великой Греции, поплыл к берегам Адрии. Трех дней с лихвой хватило, чтобы осмотреть город, в сущности, жалкую деревушку с заморенной скотиной и неказистыми женщинами, где явно не было никаких галлов. Настоящие приключения начались, когда я возвращался на юг. Внезапный шторм отбросил нас от суши, и прямо на пути возник из моря скалистый островок. Дворец, вроде тех, что возводили в древности морские цари Крита, с белыми стенами, синими фронтонами и красными колоннами, увенчанными капителями в виде толстых луковиц; покои и дворики спускались к самой воде, витки лестниц сбегали к хлюпающим волнам. Похожие на перья тамариски росли у самых стен, а нижние ступени обрамляла кедровая роща.

— Я бы хотел сойти на берег,— сказал я.

Судовладелец Вел взглянул на меня с сомнением.

— Здесь еще греческие воды,— пробурчал он, теребя пальцами острую бородку.

Греки и этруски, я знал, частенько налетали друг на друга в море, а затем наперебой обвиняли в пиратстве.

— Если покажется корабль, бросьте меня.— Я взмахнул кожаным кошельком, полным ассов, золотых и серебряных монет.

— Скорлупка нужна? — Он указал на маленькую лодочку, закрепленную у кормы.

— Нет. Я вплавь.— Я уже скидывал тунику.

— Смотри в оба. Нынче ночью Госпожу Туран ударило молнией.

И тут я увидел, что носовое украшение корабля, богиня, которую греки называют Афродитой, в одном месте обуглилось и треснуло. Я содрогнулся. Только дурак плюет на недобрые предзнаменования. Не поразила ли богиня молнии свою статую, негодуя из-за моего полного безразличия к любви, словно говоря: «Следующая молния поразит не дерево»? Неженатый к двадцати пяти годам, я был не из тех мужчин, к которым Уран станет благоволить. Вздор, сказал я себе. Корабельщик оскорбил ее — он такой жадный... или кто-нибудь из матросов бросил в порту девушку.

Я нырнул в воду и, обогнув сообщество дельфинов, бесстыдно преградившее мне дорогу, подплыл к лестнице у подножия дворца. Бирюзовые ящерки, яркие, как египетские скарабеи, засновали у ног. Нигде не было человеческих следов, лишь отпечатки чьих-то копыт, возможно, оленьих. На лестнице лежал толстый слой песка. Я поднялся наверх и через синий лепной проем вступил во дворец. Я очутился в зале для приемов, где бросался в глаза высокий порфировый трон. По расписным стенам прыгали дельфины, синело небо перед бурей, и анемоны цвели на лугах. Солнечный свет из окон, расположенных почти под крышей, превращал пылинки в золотые искры, а красный черепичный пол — в пылающие угли.

Как и следует из моего прозвища, я любитель рыскать, подобно медведю. Покой за покоем, я обследовал весь дворец. В самой высокой палате ласточки построили гнездо из веток и глины. В глубине палаты стояло гордое ложе на львиных лапах. Сосуды из сверкающего стекла, аметистовые и янтарные, усеивали пол, точно грибы после дождя в храмовом саду. На одной стене атлет с гибкой талией перепрыгивал через разъяренного быка; на другой — женщина с обнаженной грудью и вьющимися черными волосами пела воину, восходящему на корабль. Ее глаза были полны любви и печали.

Ее печаль, и ничто иное во всем этом дворце с его духом древности и запустения, стала давить мне на душу. Я поспешил прочь из палаты, из дворца, и дальше вниз, к морю. На нижней ступеньке я задержался, желая, чтобы солнце обогрело спину и бросило лучи на мое кольцо в виде змейки. Но меня по-прежнему обволакивали тени, а не солнечный свет. Я погрузился в воду и поплыл к резной статуе госпожи Туран, деревянные руки которой казались теперь такими теплыми и дружелюбными. На этот раз, дельфины, один из которых был белым, что большая редкость, расступились передо мной.

Что-то вцепилось мне в щиколотку. Я неистово брыкнул и освободил ногу. Темные воды скрыли нападавшего. Я поплыл дальше, стараясь быть начеку, и ощутил новое прикосновение, более осторожное, но настойчивое. Я обернулся, нырнул и всплыл с пленником. Сперва он вырывался, затем успокоился и стал глядеть на меня; не со страхом и не с гневом, а словно говоря: «Что дальше?» Это был мальчик. Его волосы, зеленые, точно водоросли, были тонкими и шелковистыми;

длинные, как у меня, но распущенные, а не стянутые, как положено, лентой. Я попытался скрыть изумление.

— Я играл, будто ты мой отец,— сказал он.

В двадцать пять лет я едва ли мог вообразить себя отцом мальчика, лет, примерно, двенадцати, хотя, учитывая нынешние брачные обычаи, когда, сплошь и рядом, невесте двенадцать, а жениху четырнадцать, такое не кажется немыслимым.

— Ты ведь не против, правда? — спросил он.— Я последовал за тобой, когда ты плыл к берегу, а потом стал ждать.

Я отпустил его.

— Нет, я не против. Но какова моя роль в игре?

Он не выказал ни малейшего страха:

— Дать возможность себя преследовать, что ты и сделал великолепно. А затем ты должен поговорить.— Он указал на остров.— Пошли туда. Там тебе будет удобней.

Я выбрался на ступени и протянул мальчику руку. Он заколебался.

— Я хочу остаться в воде.

— Чепуха. Тогда мне придется говорить, нагибаясь к тебе. А на такую игру я не согласен.

Он принял мою руку и шлепнулся рядом. И тогда я понял его колебания. Мальчишечье тело заканчивалось рыбьим хвостом, зеленым, блестящим и волнистым. В водах вокруг Гесперии тритоны были так же редки, как и морские коньки, в сущности, они почти исчезли. Поэтому я и не подозревал, с кем повстречался, даже увидев его волосы.

Ему стало неловко, и он смущенно подался обратно к воде. Я тронул его за плечо.

— Мы не поговорили. Думаю, нам нужно многое друг другу сказать. Знаешь, я всегда хотел быть тритоном. Я люблю плавать, но у меня ноги спутываются в воде.— Чтобы показать, что я имею в виду, я переплел ноги и забарахтался на ступеньках.

Тут он впервые рассмеялся.

— Да. А у меня на суше хвост путается.

— Понятно. Когда-нибудь, может, поменяемся. А сейчас скажи мне свое имя.

— Астианакт. Я взял его у Гомера. Один моряк рассказал мне о доблестном Ректоре, о том, что у него был сын Астианакт, которого он страшно любил. Гектору не хотелось уходить на войну, потому что нужно было покинуть сына. Он

только и думал, как бы не напугать мальчика своей сверкающей броней. Я решил, что если назову себя Астианактом, то, может, отыщу и Гектора.

— Так у тебя нет родителей?

— Я потерял их в бурю, и с тех пор так и не нашел. Это было три года назад.

— И все это время ты совсем один?

— Иногда я плыву за кораблями, и моряки бросают мне виноград. Хотя надо быть осторожным, некоторые из них желали бы поймать меня, чтобы показывать в портах. А тебя-то как зовут?

— Арнт,— ответил я,— хотя меня частенько называют Медведем.

— А,— заметил он.— Ты любишь бродить... Во дворцах и *тому подобных местах*. Как медведь в поисках добычи.

— А затем я сворачиваюсь калачиком и засыпаю.

— У тебя и вправду сонные глаза. Я, конечно же, буду называть тебя Медведем.— Он помедлил.— Ты искал Кирку?

— Волшебницу Кирку? — вскричал я.— Так это она жила во дворце?

— Да. Но ты сильно опоздал. Сто лет назад, так говорят дельфины, за ней явился корабль, где гребцами были пигмеи. Медведи и кролики собрались, чтобы проститься с ней. Она улыбнулась им и сказала несколько слов: размножайтесь, не ешьте друг друга и все такое. Когда она взошла на борт, чернокожий мальчик взмахнул над ней опахалом из перьев страуса и заслонил ее от солнца. Один из медведей прыгнул в воду и поплыл за ней, но она махнула рукой: мол, возвращайся, и вскоре пропала в тумане на юге.

— И медведь вернулся на берег?

— О, да. Друзья помогли ему выбраться на лестницу. Он, в сущности, стал чем-то вроде героя.— Мальчик поколебался и застенчиво улыбнулся.— Вообще-то я добавил о Медведе, потому что подумал, тебе это понравится.

— Это была очаровательная подробность. Но расскажи мне о Кирке. Она была все еще красива? Одиссей знавал ее много столетий назад.

— Дельфины говорят, она была, как солнце, белая и пылающая. Когда она уплыла, это было все равно, что солнце погрузилось в море.

— Ты не знаешь, куда она отправилась?

— За Геркулесовы Столпы.

— К Оловянным островам на север?

— На юг вдоль берега Ливии.

— И далеко?

— Кто знает? Возможно, на землю Горилл.

Голова у меня пошла кругом. Ливия, континент туманов и джунглей, пигмеев и великанов, грифонов и сфинксов, и... да, волосатых жутких горилл. Финикийцы болтают, что якобы один корабельщик из Тира проплыл по Красному морю и обогнул эту часть света с востока на запад, но кто поверит такому хвастовству. Земля плоская и окружена потоком Океана, как думал Гомер, или, как нынче считают ионийцы, имеет форму конуса или сферы, плавание вокруг Ливии — это как поиски Золотого Руна без помощи Ясона.

Он посмотрел на меня мудрым взглядом.

— Ты поплывешь туда и найдешь ее?

— Возможно. Я буду искать.

Он покачал головой.

— Жаль, что ты этруск, а не грек.

— Почему?

— Потому что я хотел бы отправиться с тобой, но ты слишком печален. Как почти все этруски.

— Этруски печальны? — поразился я.— Одежды у нас яркие, как цветы. Мы танцуем и поем даже на похоронах, и расписываем гробницы изображениями пиршеств и ристалищ.

— Да,— сказал он.— Но глаза у вас печальные. Они вас выдают

И то была, разумеется, правда. В зеркале из полированной бронзы глаза, которые встречал мой взгляд, были темными и раскосыми, как у моих предков лидийцев, они состарились от накопившейся за века печали, в них покоился груз мертвых городов, занесенных прахом и разрушающихся; они видели слишком много сражений и пыток, и ни на мгновение не могли забыть ни одну из прекрасных бесстыдных властительниц, которые, улыбаясь, стряхивали с перстней яд, словно золотых пауков.

Он увидел, что правда задела меня.

— Если бы не глаза,— добавил он,— ты бы выглядел...— И стал подыскивать слова.— Как образцовый сад. У тебя полно мускулов, которые скрывают кости, и щеки румяны, как яблоки. А вот глаза твои, конечно, не из этого сада. Они из окрестных лесов.— И его хвост заискрился каплями морской воды. Но грудь и плечи оставались бледны, как пена

морская. Сквозь прозрачную кожу просматривались тонкие жилы, а зеленые, глубоко посаженные глаза были слегка затуманены, словно он устал или проголодался.

Я провел ладонью по его волосам.

— Астианакт,— заметил я,— я скоро должен буду тебя покинуть. Но сперва поднимись на мой корабль и пообедай со мной.

Он заколебался.

— Я не собираюсь тебя похищать,— сказал я.

— А, возможно, следовало бы.— Он нырнул в воду.— Держись за мой хвост! — крикнул он.— Я тебя прокачу!

Когда мы поравнялись с кораблем, матросы, вместе с корабельщиком, теснились у фальшборта. Они бросили нам канат, и Астианакт, помогая себе хвостом, вскарабкался по борту. Когда я влез на палубу, его уже обступили матросы. Трое из них, братья-юнги, которые корчили из себя морских волков и с гордостью носили общее прозвище — Черные Крысы, откровенно пялились на него.

— Можете потрогать мой хвост,— сказал Астианакт с достоинством.— Этого все хотят.

Черные Крысы хором фыркнули, и один из них заявил:

— Только не мы, мальчик. Нам и поглядеть довольно.

Белые, тощие, с грязными черными волосами и немытыми лицами, они напоминали только что выдернутые из грядки репы.

— Не трогаете и правильно делаете,— огрызнулся я.— А не то еще ваша драгоценная грязь сотрется.— Я скрылся в каюте, затем вернулся с гроздью винограда и сосудом слабого красного вина. Астианакт осушил сосуд одним стремительным глотком.

— Пьет, как рыба,— пробормотал одноухий моряк.

Но Астианакт сделал вид, что не слышит, и так набил рот виноградом, что стал похож на полевую мышь, жадно насыщающуюся зерном. И все время вертел головой, глазея на корабельные снасти, на свернутый желтоватый парус, на плетеную корзину на мачте, на палубу из этрусского кипариса.

— Козы Амфитриты вот-вот начнут брыкаться,— заметил корабельщик, указывая на белогривые волны, которые принялись лупить по носу корабля.— Пора в дорогу.

Астианакт стал есть медленнее.

— Я бы хотел еще винограду,— сказал он, покончив с первой гроздью. Я вручил ему вторую.

— Ты должен взять меня с собой. Я бы хотел присоединиться к команде,— заявил он.

— Это не моя команда. Я всего лишь пассажир.

Он повернулся к корабельщику.

— Найдется у вас место еще для одного пассажира? Я могу ловить рыбу и чинить паруса, чтобы оплатить проезд.

— Ты можешь несколько дней подряд пробыть вне воды?

— Нет,— признался он.— Наступит обезвоживание. Я умру, как выброшенный на берег дельфин.

— Ну, тогда ты не можешь стать пассажиром. Давай-ка за борт. Козы Амфитриты вот-вот разойдутся по-настоящему.

И в самом деле, корабль уже покачивался вправо-влево, словно его толкал невидимый циклоп. Мой гость пополз по палубе к фальшборту. Я опустился на колени, чтобы помочь, но он покачал головой

— Спасибо. Я — хвостом.

Уже почти свесившись за борт, он обернулся и взглянул на меня.

— Благодарю за беседу,— произнес он и, прежде чем я успел сказать «прощай», спрыгнул в воду.

Я помог матросам развернуть парус, чувствуя, что мне надо чем-то заняться, и «Туран» легко прорвалась через стадо морских коз, точно волк через овечью отару.

«Я не обернусь,— думал я,— если я всерьез собираюсь искать Кирку, то как можно обременять себя обществом рыбохвостого мальчишки, который лопает, словно кит?»

И все-таки я обернулся, украдкой, точно лис, стащивший курицу. Остров все уменьшался и уменьшался, пока красные колонны не стали казаться ранками на безукоризненно белом теле дворца. И все же Астианакт плыл позади нас в кильватере в нескольких десятках футов. Он поднял руку и крикнул:

— Прощай, Медведь!

— Разворачивай! — не выдержал я.

Моряки воззрились на корабельщика. Корабельщик — на меня.

— Ты никак свихнулся? — пробурчал он.— Здесь незачем разворачиваться.

— Можете удвоить плату,— предложил я.— Я беру с собой друга.— И, не дожидаясь ответа, ухватился за длинное рулевое весло с лопастью двойной ширины и погрузил его в море. Корабль резко повернул вправо.

— О, отлично,— проворчал Вел.

Он опустил рулевое весло с другого борта, и корабль вернулся на прежний курс, но скорость его заметно снизилась. *Астианакт смог нагнать нас. Я бросил ему канат*, и он быстро вскарабкался, смеясь, навстречу моим объятиям. Я услышал, как он что-то пробормотал.

— Ты что-то сказал? — спросил я.

— Есть хочу,— ответил он.— Я потерял виноград.

Но мне показалось, что на самом деле он сказал: «Гектор».

Я и не подозревал, какие трудности, нет, следовало бы сказать, опасности, затаились, точно сфинксы, на моей дороге к Кирке. Неприятности начались почти сразу. И Кирка здесь была ни при чем. Во всяком случае, пока что. Я заплатил капитану за провоз Астианакта, и тритон сдержал обещание ловить рыбу для моряков. Но Вел его трудов не оценил. Сперва он стал жаловаться, что рыба мелкая и костлявая. «Возможно, ему такая и годится, но не мне». Затем сказал: «Тритоны — греки, а не этруски. Откуда мы знаем, что он тут ничего не вынюхивает для пиратов?» Настроение корабельщика вскоре заразило и матросов. Черные Крысы, столь же вздорные, сколь и грязные, сделались мало-помалу просто невыносимы. Когда Астианакт растянулся на палубе, чтобы позагорать, один из братцев наступил ему на хвост, а потом извинился, нахально добавив: «Я принял его за швартов».

— Похоже,— сказал я Астианакту, когда юнга удалился,— нас ждут неприятности еще до Агиллы.

Моя родная Агилла, расположенная близ Кер, была портом, где мы надеялись найти корабль и команду, чтобы начать свое путешествие.

— Не беспокойся,— ответил Астианакт, указывая на необыкновенного белого дельфина в кильватере «Туран».— Ее зовут Аттис. Она следует за нами от самой Ээи. Белый дельфин приносит кораблю удачу.

Удача, как выяснилось, полагалась кораблю и матросам, но не пассажирам. Через неделю после нашего отплытия от Ээи, Астианакт разбудил меня среди ночи. Я услышал, как он с шумом плюхнулся на пол нашей каюты. Хотя разве это была каюта? Ничуть не больше, чем натянутое на жерди полотнище, но оно хотя бы давало укрытие и позволяло отгородиться.

— *Собираешься поплавать? — спросил я.*

— Прости. Я не хотел тебя разбудить,— заметил он.

Но я прекрасно догадывался, что он произвел этот шум умышленно.

— А подождать до утра не можешь?

— До утра мой хвост задубеет.

Я вылез из постели и набросил на плечи плащ.

— Пойду-ка я лучше с тобой и попрошу Вела сбавить скорость.

На судне было темно, если не считать неровно полыхающего фитиля в фонаре из сушеного рыбьего пузыря. Корабли нечасто ходят ночью. Как правило, они бросают якорь в удобных бухтах и ждут появления Тесан, Владычицы зари, которую греки зовут Эос. Но погода стояла ясная, и Вел предпочитал море сомнительному убежищу у берегов, принадлежащих грекам.

Держа Астианакта на руках, я вышел из каюты. Большая часть матросов спала под толстенной парусиной, но Вел и одноухий парень, присев на носу, о чем-то шушукались, размахивая руками. Я задержался на шканцах. Что-то в голосах матросов, их сдерживаемое возбуждение, намекающее на заговор, побудило меня помедлить, прислушиваясь. Ветер доносил зловещие обрывки слов:

— В Грависках,— говорил Одноухий, —... невольничий рынок... там и продадим его... тритоны — это редкость... хорошо заработаем.

— А как насчет его друга?.. ведь свободнорожденного этруска не продашь.

— Заклейми его... выдай за преступника, осужденного на рабство.

Сперва я чуть не рассмеялся. Продать нас в рабство? Невероятно. Вторая моя мысль была куда менее веселой. Мои странствия никогда прежде не приводили меня в Грависки, но корабельщик, вне сомнения, в этом порту известен. Если он пожелает продать нас в рабство, поверят ему, а не мне. Как я смогу доказать, что тритон не его, да и сам я начал путешествие как пассажир? Астианакт и вправду может принести немалый доход. Я видел кентавра, пойманного в горах и проданного бродячей труппе акробатов, которым он был нужен для представлений. Что до меня, холеного и не слишком мускулистого, вряд ли я годился в акробаты, для полевых работ или в гладиаторы. Но я знал, что этрусские дамы, которым надоели их мужья, порой покупают невольников для труда совершенно иного рода. После того, как меня продадут, я, наверное, смогу убедить хозяйку (или хозяина), что я именно тот, кто есть на самом деле. Но Астианакт, к тому

времени, может попасть в другие руки, и я, чего доброго, потеряю его навсегда. Мысль о том, что этот влюбленный в море мальчик станет рабом, ужаснула меня.

Ветер усилился и гулко завыл. Я не услышал, когда моряки намеревались нас схватить. Отступив в каюту, я присел на постель, чтобы подумать.

Астианакт заговорил, скорее с волнением, чем со страхом:

— Нам придется удирать вплавь, Медведь.

— Мы в добрых десяти милях от берега. Мне столько не проплыть.

— Даже с моей помощью?

— Даже и тогда.— Я не преувеличивал.— Но к корме всегда прикреплена скорлупка.

— А это не слишком... гм... недостойно? Как будто мы уклоняемся от опасности.

— Уклоняемся или нет, а скорлупка это все, на что у нас есть надежда. Очутившись на берегу, мы, конечно, можем попасть в лапы греков, но даже и они лучше, чем Вел с его Черными Крысами.

Я спрятал кинжал в набедреннике. Все прочее: мой сундук, сандалии, меч и даже кошелек, придется оставить в каюте.

— А как насчет припасов? — спросил Астианакт, пялясь на сочную кисть винограда на столике у постели.

— Поголодаем, пока не достигнем берега.

Он принялся набивать рот виноградом. Я приподнял полотнище и выглянул на палубу.

— Никого? — прошептал он.

— Никого.

Полотняные стены каюты скрывали нас от Вела и его дружка на носу, равно как и от рулевого, правившего кораблем с кормы. Я дал Астианакту нож. Отменный пловец, он сможет плыть с той же скоростью, что и «Туран», и перерезать канат, удерживающий скорлупку. Тритон прильнул к моей спине, когда я проползал под полотном. Добравшись до фальшборта, я поднял его повыше и позволил выскользнуть из моих рук. Ветер и волны заглушили короткий всплеск. Я нырнул следом за тритоном. Корабль становился все меньше и меньше, точно плывущий прочь большой черный кит, и вот я остался с морем один на один, почти в полной тьме под едва пробивающимся сквозь облака серпом луны.

Между тем Астианакт перерезал веревку. Оставаясь в воде, он толкал суденышко в мою сторону. Когда челнок при-

близился, я перевалился через борт, а затем подал тритону руку. Исчезающий корабль оставил в воде слабый белый след, как если бы Лунная Владычица прошлась по морю в своих светящихся сандалиях. Я провел пальцами и по дну. Борта были влажными и слизкими.

— Весла нет — вздохнул я.— Придется довериться течению.

— А почему бы мне не потолкать? — И он приготовился нырнуть.

Я потянулся, чтобы остановить его.

— Нет! — вскричал я, почуяв опасность. Возможно, разглядел какое-то движение под водой.

— Но я живу в воде,— заупрямился он.— Я не боюсь....

Море рядом с нами взорвалось, и нечто белое взлетело дугой над нашими головами. Я бросился на дно лодки и задрожал, когда вода окатила мне спину.

— Аттис! — закричал Астианакт.— Я попрошу ее подтолкнуть нас.

Я воззрился на воду. Невысокие переменчивые волны метались в слабом свете луны.

— Ты уверен, что она настроена дружелюбно? — спросил я.

И в ответ мне раздалось словно многократное «нет», нос нашей скорлупки взлетел в воздух, и мы с Астианактом покатились в море, точно горошины из стручка. Лодка скрылась под водой, и появилась вновь, уже опрокинутая и погруженная глубоко в воду.

Мы вцепились в киль. Аттис носилась вокруг стремительными сужающимися витками. Трудно было угадать ее намерения. То ли она собиралась напасть, то ли искупить свою вину после того, как сбросила нас в море. Я чувствовал, как ее гладкое белое рыло трется о мои подошвы, настороженно, испытующе, словно дельфиниха желала изучить мою кожу, уловить пульс, измерить глубину моих мыслей. Мысли мои в этот миг не были доброжелательными. «Я лягну ее,— сказал я себе.— Пусть только еще раз тронет». Затем вспомнил об острых, словно у акулы, зубах, скрытых непроницаемой мордой.

Мореходы с «Туран» видели происшествие. Корабль развернулся и теперь надвигался на нас, как огромная черная гарпия.

— Плыви прочь,— взмолился я, обращаясь к тритону.— Они тебя не поймают.

— Медведь,— упрекнул он меня.— Неужели ты думаешь, я тебя брошу?

— Они не причинят мне вреда. Им нужен ты.

— Подумаем, как бы их перехитрить.

Я отпихнул его от лодчонки.

— Астианакт, дуй отсюда!

Но он вцепился в мою руку тонкими и упорными пальцами. Признав поражение, я привлек его к себе и обнял одной рукой.

— Что же, встретим их вдвоем.

Вел проорал с палубы:

— Мы будем гнаться за вами, пока не сдадитесь по-хорошему.

Астианакт еле слышно воззвал: «Нептун, бог глубин, скорми его акулам и прочим хищным тварям!» — Но благоразумно придержал язык, когда Вел бросил нам канат. Не выпуская моей руки, тритон последовал за мной на палубу. А белая дельфиниха, молчаливая и бесстрастная, следила за нами из воды. Корабельщик связал нам руки. Снял свой перстень-печатку: с разинувшей пасть золотой акулой.

— Накали от факела,— велел он Одноухому.— Сойдет, чтобы заклеймить.

«Алкиона» находит команду

К северу лежала Эльба, островок, славившийся железом и медью, к востоку — порт Гравиский с молами и каналами, домами под красной черепицей, выстроенными вдоль террас. Позади порта к небу, двойным хребтом, устремлялась Тарквиния: то были некрополь и столица Этрурий со стенами, сложенными без раствора, и зубчатыми башнями, арочными воротами и базальтовыми улицами.

Оливковые рощи окаймляли оба хребта. Кипарисы, похожие на перевернутые бронзовые конусы, бросали тень на проезжие дороги, которые связывали Тарквинию с ее портом.

Мы пришвартовались близ устья канала, вытекавшего из-под мощного крутого свода. Окруженный Черными Крысами, я спустился по трапу и принял Астианакта из рук Одноухого. Как и прочие рабы-мужчины в городах этрусков, я был наг и бос. Сама по себе нагота меня не смущала; этруски, привыкшие к погоде, не позволяющей слишком много на

себя надеть, особой стыдливостью не отличались. Но нынешнее отсутствие на мне одежды посреди города означало позор и утрату свободы. Мало того, на предплечье у меня пылало клеймо в виде акулы. Позови я на помощь, вся команда «Туран» укажет на клеймо и подтвердит, что я собственность Вела, который вправе меня продать. Астианакта, к счастью, не заклеймили. Вел не хотел портить такую редкость.

За сводом канала полуденное солнце полыхало над лесом парусов. Здесь была, собственно, не гавань, а сеть молов и дамб, защищавших небольшие выступы берега, где было пришвартовано или стояло на якоре множество кораблей; тяжело груженные сардинские лодки в форме лемехов; тирские торговые суда, с густым ароматом кедра; греческие пятиярусники, волею судьбы вставшие близ торговых кораблей этрусков, которые в открытом море порой оказываются их легкой добычей, благодаря быстроходности и похожим на клювы хищных птиц носовым таранам. Корабли этрусков, как торговые, так и военные, были шире и выше, чем греческие, тихоходнее, зато лучше приспособлены к сильной качке. Некоторые на вид были изрядно потрепаны: порваны паруса, обшивка под ватерлинией чем только не обросла, и я догадывался, что эти вот вернулись из потока Океана, где волны громадны, как дворцы. Я отчаянно высматривал какого-нибудь знакомого корабельщика, с которым плавал раньше, приезжего из Кер.

Но тщетно.

Дороги, ведущие от причалов, были забиты повозками: гремели бронзовые колесницы, деревянные тележки и чудовищные сооружения на мощных каменных колесах. Пешеходы шагали по краям вдоль больших путей, одежды одних были подобны ярким разноцветным раковинам — тирский пурпур, красная киноварь, желтый шафран, другие носили лишь шелковые набедренники с золотой каймой, искусно обвивавшие стан и подчеркивающие красоту сложения. Я разгуливал в подобных толпах почти во всех этрусских городах; я нашивал одеяния, цвет которых соперничал с оперением зимородка. И меч висел у моего пояса. Женщины разглядывали меня, а мой ответный взгляд был безразличным и сонным, если я вообще удостаивал их взгляда, уверенный, что та, которую ищу, не обитает в этом городе; она ждет, терпеливая и погруженная в мечту, в конце моего самого дальнего пути. Сегодня я шел через гавань, как раб, и жен-

щины глядели мимо или сквозь меня, или на тритона, которого я нес на руках. Я слышал, как они перешептываются.

— Тритон.

— Хвостатый мальчик!

— И волосы под цвет хвосту!

Но никто не сказал: «Посмотрите на парня, который его несет!»

Рынок Рабов находился посреди главного городского рынка; небольшой мощеный островок, окруженный прилавками с полотняными навесами, за которыми земледельцы продавали виноград, а рыбаки — тунцов и сельдь. Низкий помост с деревянными подпорками походил на сцену театра; по нему рабов проводили, точно актеров, всячески толкали, поворачивали и щупали. Нам пришлось ждать своей очереди. Вел, три Черных Крысы и Одноухий впихнули меня в круг рядом с помостом.

Молодая женщина с волосами цвета корицы, вероятно, гречанка, стояла сейчас на помосте. Нагая. И поворачивалась, внимая шепоту своего владельца, показывая полные совершенные груди и дерзкий изгиб бедер. Судя по виду, ей все это приелось, глаза словно говорили: «Не следовало ждать, что я съежусь, точно бледная маленькая девственница, меня уже продавали». Несколько юных щеголей возбужденными голосами наперебой выкрикивали свои предложения. Наконец она досталась за пятьсот ассов юноше, который выступил вперед в пылкой жажде, не мешкая, заявить о своих правах, но тут же словно проглотил язык. Смущенный и растерянный, он прикрыл плечи невольницы превосходным вышитым плащом и повел ее вниз. Она встряхнула головой, волосы цвета корицы рассыпались по плечам, при этом плащ раскрылся, вновь явив прекрасные груди.

Однако Астианакт даже не взглянул на гречанку. Он указал на разодетую даму в кожаных башмачках, носы которых загибались вверх, точно форштевни.

— У нее и впрямь такие ноги или это просто обувь?

Прежде чем я смог ответить, один из Черных Крыс вырвал его из моих объятий и понес на помост. Я с ужасом увидел, что Астианакт собирается его укусить. Но, похоже, раздумал и заколебался, опасаясь упасть и удариться хвостом. Мне, охраняемому двумя Черными Крысами, пришлось остаться на месте. Братья грозно поигрывали кинжалами. В толпе преобладали этрусские аристократы, равно как мужчины, так и женщины. Бедняки не могли позволить себе

приобретать рабов. Затерявшаяся среди этрусков горстка путешественников-римлян в величественных белых тогах, мигом утратила надменный вид: римляне таращились на Астианакта подобно краснолицым земледельцам. Что же, в сущности, Рим — это большая деревня, а деревенщины вечно разевают пасти, когда попадают в настоящий город. Астианакт не позволил им смутить себя такой неотесанностью. Ритмично покачиваясь на хвосте, как мы помахиваем руками во время ходьбы, он достойно встретил их взгляды. Помимо этрусков и римлян, здесь было два мальчика, пятнадцати и шестнадцати лет, пшеничные волосы которых выдавали галлов или скандийцев, вполне вероятно, братья. Набедренники на них были серые и потрепанные. Они не носили ни колец, ни браслетов, а волосы их, не похожие на изысканные длинные гривы богачей, были коротки и растрепаны ветром. Ясное дело, они не могли предложить настоящую цену, но прямо ели глазами Астианакта, словно бы надеясь на дружбу с ним. Он улыбнулся в ответ. Несмотря на неловкость своего положения, он не утратил жажды новизны.

Наконец Вел взошел на помост, его острая бородка заблестела в лучах солнца, а перстень с печаткой неровно и зловеще заполыхал. Приняв Астианакта у Черной Крысы, он повернулся лицом к толпе.

— Как видите,— начал он,— я предлагаю не просто раба, годного возделывать поля или таскать женские носилки. Я предлагаю тритона, только что из моря.

— Ты говоришь обо мне, словно о кефали,— огрызнулся Астианакт.

Вел и ухом не повел.

— Только что из моря. И никаких вам уток!

— Но что он умеет? — вскричал один из римлян.— Он даже ходить не может. Разве он смог бы помогать мне по хозяйству?

Римляне народ деловой. Они требуют, чтобы у всего было конкретное назначение. Вел запнулся:

— Он... Он...

Астианакт не смог сдержаться. В упор поглядев на Вела, он перехватил поводья.

— Что я умею? — вскричал он.— Ловить рыбу, плавать, править лодкой и нырять за губками. Я чиню сети, конопачу суда и дою морских коров. Умею рассказывать сказочки, которые вгоняют моряков в краску. И более того,— подчер-

кнуто добавил он,— могу поддержать, да и завязать остроумную беседу.

Римляне вытянули шеи, споря между собой на гулком языке, который называют латынью. Дама в изогнутых туфельках, потупив взгляд, шагнула вперед и выкрикнула пронзительным голосом:

— Две сотни ассов!

И объяснила стоявшей рядом подруге, особе с пышной грудью и рыжими локонами:

— Он нужен мне для бассейна в моем атриуме. Подумай, что поднимется, когда я соберу гостей? Они смогут бросать монетки, а он станет нырять. И потом он такой изысканный. Зеленый хвост, знаешь ли. На пиршествах я смогу выкладывать его на блюдо, чтобы оттенял устриц.

— Нагого? — спросила подруга, плохо скрывая зависть.

— А что мне его, в тунику вырядить? — огрызнулась дама в остроносых башмачках.

— Нагого,— пробурчала подруга.— Да он еще и сальные байки станет рассказывать.

— Три сотни ассов! — крикнул один из римлян, тот самый, что задавал вопрос об умениях тритона. Когда друзья в ужасе воззрились на него, он заявил:

— Вы же слышали. Говорит, что умеет доить.

— Четыре сотни,— сказала дама, топая высоконосым башмачком.

— Четыреста пятьдесят,— произнес римлянин, сгорбив плечи, как если бы на него готов был броситься Калидонский вепрь.

Астианакт поглядел на него с негодованием.

— Но эта девушка предложила пять сотен.

— Тогда пять сотен! — закричала дама. Ее глаза победоносно сияли, щеки раскраснелись, как если бы она хлебнула неразбавленного вина. Она безжалостной походкой поднялась по лестнице на помост.

— Малыш,— жеманно протянула она и приподняла руки в браслетах.

Впервые Астианакт выглядел откровенно испуганным.

Но, в конце концов, этой особе не суждено было его получить. Один из светловолосых парнишек вырвался из толпы, единым мощным прыжком взлетел на помост и выхватил Астианакта из сверкающих драгоценностями объятий. Метнув добычу в толпу, где ждал с протянутыми руками его

белокурый брат, юнец соскочил вниз, и оба брата, вместе с Астианактом, исчезли, будто по заклинанию Кирки. Черные Крысы, как и все остальные, были ошеломлены внезапной и дерзкой кражей. Они совершенно забыли обо мне. И я, попятившись, тоже совершил побег.

Первой моей задачей было найти, во что одеться. И лишь потом искать Астианакта. Само по себе то, что я гол и заклеймен, не грозило мне опасностью. Рабы беспрепятственно передвигались по городу, когда хозяева посылали их по делу. Но если Вел вышлет кого-то меня искать, они прежде всего станут высматривать голого раба, а не одетого человека. Я проходил мимо прилавка, где на крючках были развешаны плащи, а внизу стояла обувь: башмаки из козлиной кожи, сандалии с деревянными подошвами, высокие желтые сапоги. Владелец лавочки укреплял меч у пояса пожилого аристократа. Благородный старик расправил плечи и попытался принять вид победоносного полководца. Никто не следил за мной. Без угрызений совести, без страха, не прерывая движения, я снял плащ с крюка — красный, с каймой из желтых грифонов, изготовившихся к полету, и всунул ноги в пару башмаков. Правду сказать, эта кража даже доставила мне удовольствие. Я устал прилично себя вести. Должно быть, Астианакт заразил меня жаждой приключений. Башмаки были неописуемы, но плащ говорил обо мне как о благородном, а заодно и скрывал клеймо. Теперь я мог искать Астианакта. И, хотя город был большим и незнакомым, мог расспрашивать. Передвижения двух парнишек с тритоном не могли остаться незамеченными. Я помнил, однако, и о том, что Вел и его ребята тоже станут искать, что они тоже могут заняться расспросами, и рано или поздно наши пути пересекутся.

Я нашел Астианакта куда скорее, чем смел надеяться. Братья, один из которых держал тритона, стояли на молу и разглядывали округлый на вид корабль между двумя военными судами. Совсем новый, с синим корпусом, блестящим, как тело дельфина, недавно окрашенным и чудесно пахнущим кедром и кипарисом: ни дать ни взять, мечта любого юнги. Корабль для дальних странствий, для не нанесенных на карту морей и встреч со сказочными чудищами; на таком бы искать Кирку. Но сейчас едва ли было время восторгаться кораблем. Вылетев на мол, я выхватил Астианакта из рук старшего брата.

— Медведь! — восторженно крикнул Астианакт.— Где ты был?

— Мы не хотели, чтобы его продали,— сказал старший из братьев с легким скандийским акцентом. Имя его, как я узнал, было Бальдр, брата его звали Фрейр. Их отец был родом из морозной Скандии, земли Одина и громовержца Тора.— Эта женщина могла его задушить.

— Он нужен нам самим.— Признался младший брат.

Я с беспокойством оглядел мол.

— Объяснения подождут. А сейчас надо где-то спрятаться.

Но братья еще не выговорились.

— Нам нужно кого-то держать,— объяснил Фрейр.— У Дятлов есть козел, а у Грифонов Молосская собака.— Похоже, он ссылался на соперничающие уличные шайки.— Не думаю, что ты готов его уступить.

Астианакт засиял от удовольствия, словно метатель диска, которого приглашают наперебой две команды. И мне внезапно пришло в голову, что он может предпочесть общество мальчишек обществу странника вроде меня.

— Так ты хочешь стать их ручной зверушкой? — спросил я с комом в горле.

Он покачал головой и обратился к ребятам:

— Я путешествую с Медведем.

— Но он уже такой старый,— воскликнул Фрейр.— Ему уже, должно быть, двадцать шесть.

— Да, но у него есть опыт.

— Двадцать пять,— пробормотал я.

Мальчики поглядели на него, потом на меня.

— Будь к нему добр, господин,— сказал Бальдр.

— Сперва мы должны спрятать его. Да и сами укрыться,— сказал я.

Но было поздно. Черные Крысы налетели на нас со стороны улицы. С быстротой змеи я выбросил вперед ногу, и первый из нападавших, вертясь, полетел к земле, но спружинил, приземлившись на все четыре конечности, словно кошка, и лягнул меня в голень. Я закачался на одной ноге, удерживая перед собой Астианакта. Все это время тритон бранился и взмахивал руками. Я и не подозревал, что он так красноречив. Не иначе, как над его просвещением потрудились моряки.

— Зевс, Гера, Арес, Артемида и Аид,— обрушился он на незадачливую Крысу,— да поразят тебя молниями, утопят в водовороте, скормят Сцилле и Харибде.— Затем, вспомнив, что он на земле этрусков, добавил Тинию, Уни, Мантуса,

Вант и даже римского бога Януса.— И пусть Харон зажарит твою печень в горящей смоле.

Когда Крыса опять бросился на нас, Астианакт выскочил у меня из рук и хлестнул нападавшего хвостом. Крыса откатился к краю мола и, поскольку я прибавил ему скорости, пнув ногой, не замедлил свалиться в воду. Вдвоем мы с Астианактом оказались жутким сочетанием, самодвижущимся всесокрушающим тараном. Опьяненные победой, мы поспешили на помощь братьям.

Но оказалось, они в нас не нуждаются. Четыре юных головы, две белокурых и две черных, столь же различных, как соль и перец, мотались из стороны в сторону среди путаницы конечностей. Бальдр и Фрейр бились сперва спина к спине, не вскоре перешли в наступление и устремились вперед, точно снаряды из катапульт при штурме крепости. Когда Фрейр дрогнул под ударами одной из Крыс, изобретательный Бальдр, метнув другого противника в успевшую собраться толпу изнывающих от любопытства зрителей, кинулся на помощь Фрейру, и несколько мгновений спустя, братья с гордостью выпрямились, сплетя руки, точно одержавшие победу гладиаторы. Между тем, Крыса, которую я сбросил с мола, уже выбралась из воды и теперь походила на репу, которую хорошо отмыли. Скользнув в толпу, она присоединилась к своим побитым братцам.

— Они пойдут за Велом,— сказал я.— Теперь нам действительно нужно прятаться.

Я посмотрел на корабль и подумал: «А почему бы не купить его?» Денег у меня в тот момент не было, но несколько дней плавания, и мы в Агилле, порту Кер, у меня дома. Если бы только я смог убедить судовладельца в своей платежеспособности, нам с Астианактом удалось бы вскоре отправиться на поиски Кирки, а пока идут переговоры, корабль скроет нас от Вела.

Сопровождаемый братьями и неся Астианакта, я вскарабкался на палубу, которая блестела свежими, отменно надраенными кипарисовыми досками.

— Взгляни,— сказал Астианакт, указывая на кормовое украшение.— Он как раз мой ровесник.— Изображение мальчика, искусно вырезанное из дерева, поднималось над носом корабля, протянув руки навстречу ветру.

«Вперед,— словно говорил он.— Я поведу вас к Кирке». Я узнал в нем Тага, мальчика, наделенного мудростью старца,

который вышел из кома земли и передал Тархону, нашему славному предку, священные книги Этрурии.

Из каюты вышел молодой человек и поглядел на нас больше с печалью, чем с изумлением, хотя вид наш не должен был внушать доверия: тритон, два юных забияки с кровью на лицах и сомнительной важности господин в богатом плаще, но без всяких других признаков высокого достоинства.

— Корабль продается? — спросил я.

— Да,— вздохнул он, как если бы выставлял на помост для торгов свою жену. Хороший торговец скрывает нетерпение, показывая, что совершить сделку не прочь, но особенно не рвется. А этруски, торговые суда которых избороздили все моря, лучшие из торговцев. И я не исключение. Но сейчас у меня не было времени играть по обычным правилам.

— Твой корабль зачаровал меня,— сказал я.— Я бы хотел его купить.

— Он только что с верфи в Косе, построен по моему замыслу. Но, к моему великому сожалению, я не могу позволить себе им владеть.— У молодого судовладельца была шляпа, словно купол, и нарядные красные сапоги, которые на большом расстоянии могли придать ему бодрый вид. Но большие черные глаза казались слишком скорбными даже для этруска.

И тут я приметил Одноухого, трех Черных Крыс и Вела, приближающихся по улице. Они остановились порасспросить какого-то моряка.

— Не покажешь ли нам каюту? — быстро спросил я.

Мы последовали в каюту за корабельщиком. Все судно, как он сказал, было в пятьдесят футов длиной и двенадцать шириной. Каюта, хотя и составляла всего восемь квадратных футов, тем не менее, вмещала кровать на медвежьих лапах, треножник, бронзовое зеркало с витой рукоятью и ларец из цитрусовой древесины карфагенской работы. Над моей головой с плетеного потолка свисала небольшая глиняная лампа в виде совы, покрытая черным лаком.

Я сел на кровать, а молодой человек по имени Арунс, как он представился, сел рядом или, скорее, упал, ибо казалось, он вот-вот разрыдается. Он с любовью погладил подушку.

— Гусиные перья, зашитые в шелк,— сказал он.— Будешь спать здесь, как лотофаг. Как ты уже мог догадаться, я без ума от своего корабля, от всего в нем. Но греческие пираты захватили другие мои корабли, и вот я вынужден продать свою царицу.

Я тронул его за плечо.

— Если ты продашь свою царицу мне, я стану обращаться с ней по-царски.— Настал неловкий миг обсудить условия оплаты.— Я не могу заплатить немедленно,— объяснил я, и рассказал свою историю без недомолвок. Наконец, я откинул плащ и показал клеймо у себя на предплечье.— Если ты доставишь меня в Ариллу, я смогу щедро уплатить тебе золотом и серебром.

— Конечно, я верю тебе,— сказал он,— твой рассказ слишком нелеп, чтобы ты его выдумал, и ни один мошенник не станет путешествовать с тритоном и двумя оборванцами. Кроме того, я могу распознать этрусского аристократа, даже когда вижу, что он заклеймен. Есть что-то в его глазах. В них нет алчности до имущества: до шелков и драгоценностей, садов и высоких каменных домов. Они привыкли к подобному. Но как быть с командой? Я отпустил свою, а что касается меня самого, то я никогда не был больше чем пассажиром, на собственных кораблях, хотя не отказался бы помочь, если бы кто-то отдавал приказы.

— Думаю, это можно уладить,— сказал я.

И пошептался с Астианактом. Тот, ликуя, обернулся к Фрейру и Бальдру.

— Медведь хотел бы взять вас матросами.

— На этот корабль? — воскликнул Бальдр.— Мы как раз о таком мечтали. Они немедленно облепили меня, и мы вчетвером: Астианакт посередине — закружились, как безумные.

— Собирайте вещички,— выдохнул я.— Если Арунс не против, отчалим с отливом. Не задержимся даже, чтобы погрузить припасы.

— У нас нет вещичек.

— Тогда предупредите родителей.

— Они умерли в прошлом году. Болотная лихорадка.

Я быстро произнес, чтобы скрыть свои чувства:

— Но вы хоть что-то знаете о кораблях?

— Мы ходили юнгами вокруг Гесперии.

— Куда ты направляешься? — спросил Арунс.

— За Геркулесовы Столпы. Вокруг Ливии.

— В поисках злой чародейки,— добавил Астианакт.

— Которая превращает людей в животных.— Я ожидал, что дерзость нашего предприятия испугает Арунса. Но она, наоборот, пришлась ему по вкусу.

— Можно мне отправиться с вами? «Алкиона» для меня, как дочь. Думаю, в таком плавании ей понадобится отец.

Я немедленно согласился взять его и пообещал, что после того, как мы найдем Кирку, я верну ему корабль.

— А сейчас я покажу вам «Алкиону».— сказал он.

Он вышел из каюты и, убедившись, что Вела и его парней поблизости не видно, позвал нас. Чтобы руки отдохнули, я поместил Астианакта на бухту каната и проследил взглядом за пальцем Арунса, указавшего на красный полотняный парус, покоившийся у подножия мачты.

— Отлив вот-вот настанет,— сказал он.— Нам нужно только поднять парус и поставить двоих к рулям,

— Единственное, чего нам не хватает,— заметил я,— это женщины для удачи. У аргонавтов была Аталанта.

— А женщина есть,— откликнулся от поручней Астианакт. Он указал на воду. Белоснежное дельфинье рыло вынырнуло на поверхность. Аттис.

— Я только что нанял ее нашим лоцманом.

— Аттис? — вскричал я.— Но именно она перевернула лодку и помогла мерзавцам нас поймать!

— Она говорит, что ей ужасно стыдно. Все это просто досадная случайность. Она собиралась вынырнуть рядом с нами, а не под нами. И всю дорогу следовала за нами, чтобы попросить прощения.

Я принялся всматриваться сквозь воду. Полная угрызений совести, охваченная мольбой, и при этом ни малейшего подобострастия; гордое существо, смирившееся, дабы попросить прощения. Если она сказала правду, она сделает все, что может, чтобы загладить вину.

Я перегнулся через поручни.

— Славная девочка,— сказал я, словно человек, разговаривающий с любимой собачкой.— Ты согласишься нас вести?

Астианакт зашептал мне на ухо: «Нельзя называть ее девочкой. Ей пять лет. Для дельфина это столько же, сколько для тебя твои двадцать пять. Зови ее Аттис».

Я снова взглянул на нее и впервые увидел достоинство в ее рыле и дыхательных отверстиях. Я обращался к ней, как к ребенку или домашнему животному. Она не была ни тем, ни другим. Нечто неуловимое, но несомненно присутствующее, делало ее женщиной, гордой и разумной.

— Аттис,— сказал я,— ты окажешь нам честь, став нашим лоцманом?

Она открыла рот и несколько раз пролаяла.

— Она говорит — да,— перевел Астианакт.

— Что еще?

— Она говорит: «Я провожу Медведя и стану служить ему, как он того заслуживает».

Слова были двусмысленными, но я принял их как комплимент.

— Она действительно назвала меня Медведем?

— В ее языке нет слова «Медведь». Ей пришлось напрячься, чтобы подыскать подходящий эпитет. Она назвала тебя «Мохнатый бродяга» — два лающих звука и продолжительный писк.

— А теперь,— начал я,— мы...

— Отплываем искать Кирку! — воскликнули братья.

— И припасы,— добавил Астианакт.— И обед.

Бегство, в конечном счете, оказалось нетрудным. Только мужчины пытались остановить нас. Женщины, в особенности одна, только должны были появиться. Если не считать Аттис.

Из Внутреннего моря

В Агилле мы запаслись всем необходимым, и я уплатил Арунсу за корабль.

— Помни,— сказал я.— Он все еще принадлежит тебе.

Мы взяли курс на север вдоль берега Гесперии. Рыбаки поднимались в своих лодчонках и с завистью глазели на наш красный парус, который поймал солнце, словно в сеть, и нашу синюю, не покрытую никакими морскими тварями обшивку. Они видели, что приносящий удачу белый дельфин не просто сопровождает, а ведет нас, и, дабы им передалась наша удача, призывали на нас благословение морского бога Нетуна, которого римляне называют Нептун. Астианакт управлялся с рулями, выравнивая курс, и тщательно обозревал волны, надеясь отыскать своих родителей или других тритонов. Братья натягивали парус — квадратное полотнище, разделенное на малые квадратики кожаными ремешками и удерживаемое штагами; они с помощью брасов устанавливали реи и брали рифы, когда вдруг начался шквал. Мы то шли галсами, то бежали по ветру. Арунс был впередсмотрящим, а я, как предводитель, ходил по всему кораблю и согласовывал действия. Аттис, конечно же, исполняла обязанности лоцмана. С искусством, превосходящим человеческое, она удерживала нас подальше от скрытых мелей, которые греки называют «муравьишками», и находила течения, увеличивающие нашу скорость.

Каждый день, ближе к вечеру, мы бросали якорь в речном устье или бухточке, подтягивали парус и отправляли братьев приобрести у местных крестьян плоды их трудов: фиги, гранаты, козье молоко, яйца, цыплят, или, в более диких краях, где крестьян не было, поохотиться на вепря и собрать каштаны. Мы разводили костер на берегу, чтобы состряпать обед, быстро съедали его, словно проходимцы, удирающие от погони, а затем возвращались на корабль. Факел из узловатой сосновой ветки светил у нас над головами. Арунс играл на авлосе, а братья танцевали, запрокидывая головы, изгибая руки и, несмотря на свои размеры, скользя по палубе легко, точно олени или египетские кошки. Аттис, слушавшая музыку через крохотные ушные отверстия, в восторге выкатывалась на отмель. Иногда Астианакт нырял и приникал к ее спинному плавнику. А чаще он оставался на палубе и с трогательной задумчивостью наблюдал за танцем. Порой один из мальчишек подхватывал его и подпрыгивал с ним под музыку, а Астианакт поводил руками с изяществом опытного танцора.

Как-то вечером, когда Арунс устал играть, голова его в задумчивости склонилась. Мы все умолкли, надеясь, что он что-нибудь расскажет, ибо он знал равно Гомера и Гесиода, премудрость Тяга, предания об Исиде, о Горе и Сете. В свое время он поведал нам, как Тархон, властитель Лидии, отплыл в Гесперию и построил город с базальтовыми дорогами и храмами на возвышениях; как мрачный Харон поджидает души в Аиде; и как серокрылая Вант, богиня судьбы, в мрачных раздумьях парит над миром, который ненавидит. Сегодня он пел о Кирке, и его богатый мелодичный голос поднимался, точно волны темно-синего моря:

> Около дома толпилися горные львы и лесные
> Волки: питьем очарованных их укротила Цирцея*.

Затем слова друга Одиссея Полита перед тем, как он изменил облик:

> «Слышите ль голос приятный, товарищи?
> Кто-то за тканью
> Сидя, поет там, гармонией всю наполняя окрестность.
> Кто же? Богиня иль смертная?..**

---

* Гомер, «Одиссея», Песнь X, строки 212–213.

** Там же, строки 226–228. *(Перевод В. А. Жуковского)*

Мачта, озаренная факелом, казалось, пылала. Где-то на берегу завыл голодный волк, а совсем рядом в ужасе заблеял ягненок. Я подумал о Кирке, цели моего странствия, последнем и прекраснейшем из всех блуждающих огоньков, за которыми я гонялся двадцать пять лет. Гиацинт за холмами, багрянка на дне морском; нечто далекое и гибельное. Иногда в прошлом я любил, неделю, самое большее — месяц; одна девушка надоедала мне своими слезами, другая — своим смехом. Мне надоели и рыжие волосы, и темные, и волосы цвета ячменя той поры, когда жнецы выходят в поле с косами; а пуще всего — ожидание, которого требует любовь, когда все стоишь и стоишь, пока луна плывет по небу, а птицы летят на юг. Но кому может наскучить Кирка? Только Одиссей покинул ее, ибо рвался домой.

— Ты думаешь, она превратит нас в свиней? — совершенно внезапно спросил Бальдр.

— Чушь! — воскликнул его братец.— Никто ни знает, как это делается.

— Египтяне знали,— заметил Арунс.— Отсюда их приверженность к богам со звериными головами. Говорят, они обучили этому критян. А Кирка, разумеется, критянка.

— Ты не станешь свиньей, Бальдр,— заверил его Астианакт.— Скорей, горным львом с рыжей гривой и мощными лапами.

Бальдра это ничуть не утешило.

— А Медведь станет медведем? — Они с Фрейром, привыкшие выговаривать слова на скандийский лад, не могли произнести мое имя.

— Медведь станет властителем, и Кирка сделает его своим возлюбленным.

— Ты хотел сказать — мужем? — спросил пораженный Бальдр.

— Возлюбленным,— повторил Астианакт.— Медведь слишком опытен, чтобы себя связывать. Он, как Одиссей, побудет с ней и покинет ее.

Я подавил зевок. Каждый вечер, о чем бы ни шел разговор, обязательно наступал момент, когда меня вдруг вовсю одолевала сонливость.

— Медведь клюет носом,— провозгласил Астианакт.— Пора спать.

Мы с Арунсом делили каюту. Он устраивался на тростниковой циновке, а я на ложе с Астианактом у ног. Бальдр и

Фрейр, когда погода выдавалась ясная, спали на палубе, а если шел дождь, спускались в трюм и устраивались среди припасов: бурдюков с вином, больших желтых сыров, сосудов с оливковым маслом. Тогда по утрам они пахли сыром и спешили окунуться, прежде чем Астианакт пригрозит, что съест их на завтрак. Аттис дремала на волнах рядом с кораблем, то и дело открывая глаза, чтобы на нее внезапно не напали акулы или каракатицы. Ее тяжелые вздохи, похожие на дальние громовые раскаты, навевали доброе спокойствие. Я почти забыл свои прежние сомнения на ее счет.

Вытянувшись на постели, я, прежде чем уснул, почувствовал, как у меня в ногах сворачивается калачиком Астианакт. Это причиняло некоторые неудобства. Как обычно, он выкупался и забыл вытереться.

— Медведь, а как ты думаешь, во что меня превратит Кирка?

— А чем бы ты хотел стать?

— Это не имеет никакого отношения к моим желаниям. Люди Одиссея, например, не хотели быть свиньями.

— Может быть, ты заслуживаешь того, чего хочешь.

— Нет,— ответил он.— Такого никто не заслуживает.

Тут я уснул.

Мы прошли вдоль берега Лигурии, держась подальше от суши, дабы не столкнуться с косматыми туземцами, которые похищают моряков и приносят их в жертву кровожадному богу на горе Бегос. Братья день за днем становились все выше, или так казалось, а их бледная кожа сделалась смуглой от солнца. Арунс забыл о печали. Он упорно носил свою куполообразную красную шапку, поскольку макушка у него потихонечку лысела, но в целом его едва ли можно было узнать. Когда он драил палубу «Алкионы» или чинил паруса, его задумчивые глаза озаряла отеческая улыбка. Он любил «Алкиону» и знал, что и мы ее любим.

Через двадцать шесть дней после отплытия мы причалили в Массилии, городе Артемиды, и удостоились теплого приветствия этрусского гарнизона, который недавно изгнал греков и перехватил у них здешнюю прибыльную торговлю вином. Пополнив припасы, набив трюм новыми бурдюками и позволив дружелюбным местным жителям украсить нашу палубу акантовыми гирляндами, мы взяли курс на Геркулесовы Столпы, до которых от Массиллии был добрый месяц пути.

Западный Столп, не похожий ни на человека, ни на зверя, высился по правому борту: всего лишь скала, сухая и голая, с пещерами в известняковой стене. Говорили, что некогда огромный камень перегораживал доступ в поток Океана; до того, как Геракл, держа путь к Эритее за коровами Гериона, не разломил его надвое и не смешал воды Океана с водами Внутреннего моря. Но путь для нас был, тем не менее, прегражден. У основания скалы кружил жуткий военный корабль; его нижняя палуба ощетинилась веслами, а верхняя была огорожена стеной щитов, над которыми сверкали боевые шлемы. Хищный клюв и нарисованные по бокам от него яркие глаза устремились к нам через волны.

— Это карфагеняне,— сказал я, изобразив облегчение, которого в действительности не чувствовал.— Нам нечего бояться.

В течение многих лет Карфаген и Этрурия заключали договоры, объединяя свою мощь. Карфагеняне стерегли Столпы и отказывали в проходе грекам, а этрусков пропускали, и те шли к Оловянным островам и к морозной Скандии. Карфагенянам требовалось, однако, убедиться, что мы и впрямь этруски. Греки вполне могли плыть на построенном этрусками корабле.

Галера по-змеиному подобралась к нам. Запах пота и кожи, одновременно едкий и сладкий, хлынул нам в ноздри. Броня сверкала на солнце. Щиты вдоль борта горели, точно зеркала из полированной бронзы. Мы, этруски, всегда стремились украсить доспехи, и над головами наших воинов обычно гордо реют конские хвосты. Карфагеняне, приблизившиеся к нам, бородатые, с густыми бровями, в низких шлемах без плюмажей, отлично защищавших головы, словно говорили, что война для них занятие, честь и долг, но не слава. Там, где этруски умеряют свою скорбь всплесками пылкой страсти, на поле боя или на пиру, карфагеняне словно непрерывно бредут во тьме, как если бы необъятные просторы земель напитали их кровь тенями. Они суровы и безрадостны, хотя блистательны, как воины, и верны в дружбе.

Корабли закачались рядом, подхваченные одним течением. Карфагенские гребцы, не рабы, а воины, как и те, что наверху, предупреждающе взмахнули клинками. На миг я испугался, что они всадят мощные абордажные крючья в девственно-чистую палубу «Алкионы», и Арунс схватился за руль, как бы говоря: «Только попробуйте!» Но их предводи-

тель не был столь бессердечен. Стоя на верхней палубе, он обратился к нам. Он уже успел убедиться, что мы с Арунсом этруски — чужую одежду можно раздобыть или подделать, но миндалевидные глаза недвусмысленно свидетельствовали о нашем происхождении, Скандийцев он, по-видимому, принял за рабов, а Астианакта не заметил.

— Держите путь к Оловянным островам? — прогудел он угрюмым, но не враждебным голосом.

— На юг вокруг Ливии,— ответил я. Не было смысла рассказывать ему, что мы ищем женщину, которая жила сотню лет назад.— Мы исследуем новые места.

— А,— заметил он.— Этрускам тесно у себя дома. Пора основать новые колонии, верно? Но на юге вы найдете мало достойного внимания. Сам я туда никогда не ходил, но нумидийцы говорят, там нет ничего, кроме чудовищ: пигмеев, великанов, и,— добавил он зловеще,— сказочного зверья, вроде монокеросов, камелеопардов,— он заметил Астианакта и понизил голос,— тритонов, гиппогрифов и сфинксов.

Астианакт задрожал, и даже доблестные братцы, которые вырвали тритона из лап Вела и, не дрогнув, вступили в бой с Черными Крысами, приникли друг к другу,

— Не подплывайте близко к джунглям,— продолжал карфагенянин.— Гиппогрифы таятся среди ветвей и могут принять вашу мачту за дерево. Я советую вам немедленно поворачивать обратно. Или плыть на север. Там люди как люди, хотя они и красятся в синий цвет. Да у вас никак полкоманды дети!

У Фрейра и Бальдра был оскорбленный вид. Я поспешил сказать:

— Они опытные моряки.

— Да, но что значит опыт против камелеопардов? Он не сбережет от съедения, а ваши рабы, если можно так сказать, выглядят особенно съедобными.— Для смуглого карфагенянина белокурые волосы были дивом.— Да хранит вас Танит.

Галера уменьшилась, а затем пропала, точно морская птица, скользящая по волнам. Чужой ветер наполнил парус и понес нас, обалдевших, напуганных и жаждущих приключений, прочь из Внутреннего Моря, пусть огромного, но не лишенного гостеприимных портов и приветливых мореплавателей, в поток Океана.

Получив предупреждение предводителя карфагенян, мы везде высматривали разных чудовищ. И поэтому оказались

не готовы к встрече с созданием, столь прекрасным, что Фрейр, глядя на него, чуть не упал в море, а Бальдру пришлось схватить брата за ноги. Затем они встали бок о бок, положив руки на плечи друг другу, и воззрились на чудо в немом изумлении мальчишек, миром которых был до сих пор всего лишь небольшой полуостров; а я, опытный путешественник, приник к поручню рядом с Арунсом и Астианактом.

Лес напоенных солнцем кедров, похожих на зеленые факелы, устремлялся, полыхая, в небо, а это создание, не уверен, можно ли назвать его птицей, слетело, трепеща, с верхушек деревьев и принялось, красуясь, прогуливаться по усыпанному камнями пляжу, словно желая узнать, как смотрится его дивное огненное оперение против тесного леса.

— Это, должно быть, феникс,— сказал я.— Редчайшая птица на свете. Но она даже не пытается спрятаться.— И тут я, кажется, догадался, в чем причина такой смелости.— Впереди должна быть укромная пещера. Не сойти ли нам на берег поглядеть?

— Я остаюсь на борту,— сказал Астианакт.— Постерегу корабль.— Он пополз, извиваясь, по палубе и подобрал веревку, лежавшую у подножия мачты.— Вот,— сказал он Бальдру.— Поймай феникса. Или хотя бы перышко принеси.

Арунс предпочел остаться на корабле с Астианактом. Они следили с палубы, как мы двигаемся к берегу в нашей лодочке с Аттис в кильватере, и свистом простились с нами. Мне было безумно жаль, что они не примут участия в нашем приключении.

Затаившись, мы наблюдали за фениксом, разгуливающим, точно карфагенская владычица, щеголяющая варварскими цветами юга. Длинные изящные ноги, темные, точно оникс, по-лебединому изогнутая шея, оперение, словно всплески яркого огня: перед нами воистину предстала загадочная птица, воспетая поэтами, которая, по их словам, поджигает свое гнездо, погибая вместе с пряными листьями, и восстает, возрожденная, из пепла.

Мы вышли на берег, ступая по крошащимся кораллам и обломкам раковин.

— Ах,— вздохнул Фрейр,— она идет. Надменная царица во всем, не спешащая и ничем не встревоженная, она повернула прочь от берега и зашагала среди деревьев. Что же, мы и не рассчитывали, что она нас подождет.

В нескольких сотнях футов впереди, за грядой травянистых холмов, кедры болтали с нектарницами, радужно голубыми, пурпурными и зелеными, а с ветвей свисали маленькие продолговатые гнездышки с крышами, точно у портиков. Птицы не пели. Они ждали с любопытством и почти без страха; казалось, они наблюдают за нами. В их бдительности было что-то зловещее. Казалось, они хотят, чтобы мы поймали феникса, блистательное оперение которого затмевало их менее броскую красоту.

Мы вступили в лес, где в зеленой тени полыхали огненные перья. Спавшая хвоя захрустела под нашими сандалиями. Местами подлесок досаждал нам колючками и шипами. Кедры, широко раскинувшие ветви с пучками игл и шишками, разбивали поток солнечного света на речушки и заводи, хвойный аромат щекотал ноздри. Длинноносый фенек высунулся из зарослей и дернул мордочкой, выражая недоверие. Газель стремительно пересекла нашу тропу. Где же феникс?

— Мы топаем, точно целое войско,— сказал Фрейр.— Надо разделиться.

И, не дожидаясь одобрения, круто свернул с тропы. Бальдр окликнул его.

— Погоди, Фрейр, не ходи один. Здесь могут водиться хищные звери.

— Мне пятнадцать лет. И мне незачем все время держаться за руку брата.

Бальдр беспомощно пожал плечами.

— Не стоит его догонять.

— Но мы должны это сделать,— сказал я.— Не то еще потеряется. И птицы...

Нектарницы следовали за нами. В их змеиных глазах тлела ненависть. Они как будто предвкушали какое-то скверное происшествие. И, судя по всему, не с фениксом.

Бальдр уловил мою тревогу и устремился вперед, выкрикивая имя брата: «ФРЕЙР. Фрейр. Фре-е-е-йр!» Эхо. Тишина. А затем пронзительные и насмешливые возгласы птиц. Снова: «ФРЕЙР. Фрейр. Фре-е-ейр!» Наконец ответ: «Бальдр! Медведь!» — отчаянный, молящий. Зов о помощи.

Мы нашли его на поляне, где солнце превратило траву в огненную заводь, и резко отпрянули, опасаясь, что нам опалит ноги. На поляне было две птицы, и ни одна из них не феникс; обе крупнее орлов, ростом с человека, с грудью и лицами женщин. Черные в крапинках крылья блестели, как

змеиная кожа. Безрукие тела изгибались, завершаясь когтями и маслянисто-черными перьями. Гарпии. Много веков назад они были бичом Черного моря и досаждали Ясону с аргонавтами. Точно воры мешок золота, грубо и с жадностью, они поднимали с земли кого-то, лишившегося сознания. Фрейр. Бальдр подбежал и ухватился за ноги брата. Слишком поздно. Гарпии описали круг над его головой, хрипло каркая, гордясь своей добычей. Нектарницы одобрительно защебетали. Глаза, рот, ноздри. Черты женщины. Но соединены, точно на голове, которую вылепил из глины ребенок: глаза не так посажены, рот перекошен, разинут, ноздри заканчиваются роговыми щетининами. Все криво-косо. До чего их верно назвали. Не птицы, не женщины, но Гарпии. Ужасные. Описав последний круг и обдав нас вонючим жиром с перьев, они рывком поднялись к верхушкам деревьев и пропали. Лес, только что омраченный их присутствием, снова заполыхал зеленью.

Но одна гарпия осталась, затаившись, вне сомнений, чтобы прикрыть отступление подружек. Я не видел ее, пока она не взлетела над моей головой. В первый раз она задела меня крыльями чуть ли не с лаской, даже с какой-то сокровенной нежностью. Ее влажная слизь скользнула на мои голые плечи. Я услышал, как она смеется. Но второй раз она подлетела к моему лицу, выпустив когти, словно крюки с рыбачьей лодки. Я стоял, не дрогнув, пока она почти не достала меня. Затем, нырнув под когти, изловчился и схватил ее за ноги сзади. Она поволокла меня за собой; мои сандалии заскользили по земле. Но я не ослаблял хватки, пока на помощь не подоспел Бальдр. Он обхватил мою талию, и мы вместе подтащили гарпию к земле. Эта тварь яростно извивалась, пока не поняла, насколько беспомощна. Она успокоилась и поглядела на нас с лукавой и жеманной улыбкой старухи, которая считает себя молодой и прекрасной.

— Куда они его унесли? — вскричал я.— Где ваше гнездо?

Она ухмылялась и хранила молчание. Бальдр ударил ее по лицу.

— Я убью тебя, если не скажешь.

Из жеманной она стала обиженной.

— Возможно, она не понимает,— заметил Бальдр, с недоверием глядя на нее.

— Понимает,— возразил я.— Если не слова, то смысл вопроса. Убей ее, Бальдр. Мы сами найдем гнездо.

Она заговорила с присвистом на очень старом греческом языке.

— Это недалеко. Я вам покажу.

Мы связали ей крылья веревкой, которую приготовили для феникса, поскольку рук у нее не было, а ноги требовались, чтобы стоять или ходить. Она не могла ударить нас когтями. Мы задержались, чтобы рассеять нектарниц, метко бросив в них несколько камней, а затем двинулись через лес. На земле гарпия была медлительна и неуклюжа; ее злобная мощь даже не угадывалась в утиной походке вперевалочку.

Она не упускала случая потереться о нас. При ее ухмылке показывались желтые гнилые зубы.

— Меня зовут Подарга,— просвистела она. Она произнесла имя с таким напором, словно говорила: «Елена» или «Афродита».— Если вы отпустите меня, я скажу сестрам, что вы пришли как гости. Мы одарим вас милостью и проводим в путь. И вашего друга тоже.

— Милостью? — прошептал Бальдр.— О чем это она?

— О поцелуях,— ответил я, как можно короче.

Бальдр дернул веревку.

— Единственная милость, которая нам нужна,— это получить назад моего брата целым и невредимым.

Она молча шла впереди нас весь остаток пути.

Гнездо гарпий, очевидно, построенное по образцу гнездышек нектарниц, было большим, продолговатым, с плоским верхом, величиной приблизительно с хлев, и свешивалось с огромной ветви на толстом узловатом канате. Стены были сплетены из прутьев и слеплены глиной, а крыша, край которой выдавался над входом, оказалась из тростника. Такой дом не назовешь нарядным. Если гнездышки нектарниц обладали всеми преимуществами малого размера, это их увеличенное подобие ощетинивалось прутьями и вздувалось комьями лишней глины. Построили его, несомненно, неуклюжие руки. Или ноги. Однако строители не поленились избавить свое дерево ото всех ветвей, за исключением той, на которой держалось гнездо. Добраться до него без крыльев было нелегко: семьдесят футов над головой, а то и выше.

— Позови подруг,— велел я.

Подарга испустила резкий и долгий свист, вроде птичьего, но в то же время смахивающий на скорбный вой волчицы. Гнездо закачалось, единственная ветвь застонала и затрещала, как будто готовая сломаться. Из входа появились две гарпии.

— Верните моего брата,— крикнул Бальдр.— А не то мы убьем вашу подругу.

Подарга потянулась к сестрам. Ее налитые кровью глаза округлились в мольбе.

— Вы слышите? — возопила она.— Они собираются меня убить.

— Убивайте,— провизжала первая.— Гнездо стало слишком мало для нас троих.

— Убивайте,— отозвалась вторая. В ее взгляде появилось ожидание.

Связанные крылья Подарги напряглись. Когти зашевелились, словно раздирая плоть. Лицо... Пожалуй, это было лицо злобной старухи, собирающей преступления, как некоторые женщины собирают геммы, а другие бронзу. Впервые гарпия стала вместо хищника жертвой.

Она обнажила пеньки зубов. Точно по корням деревьев, извлеченных из заболоченного пруда, по ним стекала желтая влага.

— Да у вас его вообще нет! — крикнул Бальдр, подбежав к подножию дерева и грозя гарпиям кинжалом. Его охватил гнев. Я подумал о боге, в честь которого его назвали. Бальдр, Солнце. Крепкий и прекрасный. Он все еще оставался мальчиком, но ярость его не знала пределов — ни по мере, ни по времени.— Если вы его убили, я сожгу ваше дерево!

Гарпии исчезли и вернулись с Фрейром. Израненный, наполовину в сознании, он вынужден был для поддержки опираться об их крылья. Он ошеломленно уставился вниз и увидел брата. Узнал. И словно внезапно вспыхнувшая лампа озарила его лицо. Он протянул руку с бесконечным доверием, как если бы ожидал, что брат дотянется до него и спасет от хищниц. Одна из гарпий заговорила:

— Сожги нас. Сожги своего брата. А может, лучше присоединишься к нему?

— Если вы его отпустите, можете вместо него забрать меня.

Казалось, они обдумывают предложение, любуясь Бальдром и сравнивая его с братом.

— Я выше,— сказал он.— Сильнее. Мои руки, точно кованая бронза.

Одна из гарпий торжествующе провизжала:

— Хорошенький мальчик! Почему бы нам не заполучить обоих? Брось свой кинжал и жди у дерева. А не то мы сбросим твоего брата вниз.

Бальдр взглянул на меня в мучительной неуверенности. Он словно спрашивал: «Что мне делать?»

Коварный феникс. Лес бдительных птиц. Светловолосый мальчик у гигантского дерева. Прерывистые вопли над его головой. Фрейр между двумя черными тварями. Явь это или сон? Жуткий бред разума, омраченного кошмарами?

То была явь. Я стряхнул оцепенение ужаса и побежал к Бальдру.

— Нет! — вскричал я.— Не слушай их! Не верь им!

Подарга завопила у меня за спиной.

— Освободи меня! Я остановлю их!

Пришлось ей довериться. Довериться ее ненависти. Я разрубил узлы. Воздух застонал от мощных ударов крыльев. Сестры рванулись навстречу, точно пущенные в оленя дротики. Все три гарпии встретились на полпути и вихрем закружились, с воплями взмыв над верхушками деревьев: черная грозовая туча из крыльев и разящих когтей. Я подбежал к Бальдру, который принялся обходить дерево.

— Смотри,— сказал я. С той стороны я заметил обломки ветвей и впадины, выжженные молнией.

Мы вскарабкались на дерево. Едва ли я ощущал, как кора царапает кожу и как вцепляются в кору ногти. Вскоре мы крошечными шажками ступали по ветви, на которой висело гнездо. Бальдр следом за мной соскользнул по канату на крышу. Прутья и глина прогнулись у нас под ногами. Гнездо закачалось, точно корабль, и мы не могли шевельнуться, пока оно не успокоилось. Мы съехали вниз по крыше, как мыши по головке сыра, обогнули козырек над входом и оказались внутри.

Там было помещение, округлое, разделенное невысокими колышками. Короткая лестница вела от входа к небольшой каморке, где моховые подстилки окружали каменную плиту, провонявшую гнилым мясом. Свет, проникавший сквозь трещины в стенах, позволял разглядеть глиняную миску, где громоздились самоцветы и золотые вещицы. Я тщетно высматривал Бальдра.

Затем увидел его в тени за перегородкой. Не иначе, как он упал с лестницы. Две юные гарпии, величиной с чаек, пытались достать его когтями. Он, отбиваясь, ползал на карачках.

Я не стал тратить времени на спуск по лестнице, и прыгнул. Одна из гарпий вцепилась когтями в плечо Фрейра. Я сдавил ей шею и не отпускал, пока она не отцепилась от

мальчика. Не обращая внимания на ее отчаянное сопротивление, я поднял гарпию над головой и метнул на глиняный пол. Из обоих ее ушей потекла зеленая кровь. Я видел, как Бальдр расправился со второй гарпией. Я не чувствовал себя убийцей.

Бальдр обнял брата. И надолго задержал в могучих объятиях.

— Я был упрям,— сказал Фрейр.— Тебе пришлось прийти и забрать меня.

— Ты знал, что мы оба придем. С Медведем.

— Да. Я не боялся.— Он помедлил.— Не очень боялся.

— Нам надо отсюда выбираться,— сказал я.— Быстрее.

К Фрейру начали возвращаться силы. Встреча с братом исцелила лучше любых трав. Мы поднялись по лестнице. Свежий воздух хлынул нам в лицо, точно бриз, и очистил легкие. Я пополз по стенке гнезда. Оказавшись на крыше, наклонился, чтобы подать руку Фрейру, а Бальдр оставался в дверях и приподнимал брата.

Тогда-то и вернулись гарпии. Две. Одна преследуемая, а другая, Подарга — преследующая; кровь ручьями струилась с ее на всю длину выпущенных когтей. Ее жертва, забыв о неминуемой опасности, метнулась к Фрейру. Я держал его. А затем держал всего лишь воздух. Бальдр выкрикнул: «Фрейр!» Я видел, как мальчик падает И хотел бы поменяться с ним местами. Одна Подарга могла его спасти.

И ее когти поймали мальчишку. Но не для того, чтобы ранить. Подарге было не удержать такую ношу, однако она могла замедлить падение. Она понеслась вниз по широкой дуге и выпустила Фрейра, прежде чем сама грянулась оземь. Он свалился в заросли кустов, неуклюже, но уже без опасности расшибиться. А она немедленно взвилась в небо, шипя по-кошачьи, и снова сцепилась с сестрой.

Ко времени, когда мы с Бальдром добрались до Фрейра, тот пытался встать.

— Падать было легче, чем спускаться по дереву.— Он улыбался, но у него на теле красовалось с дюжину ран. Как если бы он долго продирался через ежевичные заросли.

— Где у тебя болит? — спросил я.

— Сильно нигде не болит.

Прежде чем я успел проверить, не сломаны ли где кости, гарпии рухнули наземь, затрещав подлеском. Я подхватил палку и побежал на помощь Подарге. Помощи не потребова-

лось. Падение стоило жизни ее сестре, да и сама она, судя по всему, умирала. Она, моргая, лежала на спине. Когти судорожно сжимались.

— Мы можем для тебя что-то сделать? — спросил я.

Она, словно вспугнутая летучая мышь, задышала коротко и с присвистом.

— Она мертва?

— Да.

— А, значит, обе.

— Ты спасла моего друга.

— Не ради него.— Визгливый голос упал до шепота.— Я не хотела его упустить.

— Упустить?

Древняя похоть заблестела в ее взгляде.

— Гарпии — женщины . Женщинам нужны мужчины, чтобы размножаться.— Ее веки дернулись.— А теперь оставьте меня.

Фрейр настаивал, чтобы ему позволили идти самому, но неумолимый Бальдр сгреб его в охапку.

— На этот раз мой брат будет делать то, что я велю.

Фрейр улыбнулся.

— Медведь,— сказал он,— мы упустили феникса, но мы найдем твою Кирку.

— Найдете? — раздался сзади голос гарпии.

Я оглянулся.

— Ты что-то знаешь о Кирке? — И подумал о золоте и каменьях, которые мы видели в гнезде. Как они попали к гарпиям? Почему феникс заманил нас подальше от корабля?

— Ты что-то знаешь о Кирке? — повторил я. Но Подарга была уже мертва и зловеще улыбалась.

Остров олеандров

В течение нескольких дней берег был гористым с похожими на арки бухтами, куда мы причаливали ближе к вечеру и удили рыбу себе на ужин; затем сделался низким и песчаным. Дюны, словно гигантские черепахи, теснились у кромки воды. На пятый день после встречи с гарпиями, мы обогнули мыс, поросший деревьями, и Астианакт, который сменил Арунса как впередсмотрящий, позвал всех на нос.

— Пигмеи,— указал он.— Качаются на ветвях.

— Это не пигмеи.— фыркнул Бальдр.— Это обезьяны. Я как-то видал такую в Грависках. Ее привезли на корабле из Египта.

— Пигмеи,— повторил тритон.— У обезьян должны быть длинные хвосты.

— Не у всех,— объяснил я.— Существуют и бесхвостые макаки. Обратите внимание на их раздутые щеки и...

— Значит, это обезьяны,— сказал Астианакт спокойно и продолжил наблюдение.

На шестой день мы подошли к поросшему тростником болоту в устье реки. Слоны поедали листья с низких, похожих на кустарник деревьев, а птицы прыгали с одной могучей спины на другую, явно с полного одобрения этих гостеприимцев. Фрейр и Бальдр, никогда прежде не видевшие слона, пришли в ужас.

— Диковинные звери,— пробормотал Фрейр.— Как ты думаешь, они нас съедят?

— Тебя с Бальдром, возможно,— ответил Астианакт.— А я несъедобен. Во всяком случае, наш предводитель так считает.

Мне пришлось объяснить, что хобот слона — это вовсе не змея, присоединенная к его голове, как могло бы показаться, а нечто вроде удлиненного носа, используемого как дополнительная конечность.

Неподалеку от устья мы бросили якорь на ночь. После того, как я уверил братьев, что слоны не поплывут к нам и не удавят хоботами, Фрейр с Бальдром разделись и пошли купаться. Астианакт метался меж ними, ловя руками креветок. Некоторых он сразу проглатывал, других бросал на палубу, чтобы Арунс их почистил. Постояв некоторое время, я удалился в каюту.

Меня неудержимо потянуло на ложе. Уступив желанию, я уснул и видел во сне Кирку. Овеянная ароматом вина и сосновой хвои, она склонилась надо мной.

— Я ждала моего любимого.

Затем позвала меня: «Медведь». И снова: «Медведь».

Я внезапно проснулся. Меня звал Астианакт, а не Кирка. Встревоженный, я вышел на палубу. Он все еще был в воде, рядом с ним — Аттис.

— Ты уснул,— укорил меня он.

— Нет,— огрызнулся я.— Задумался.

— Аттис принесла тебе подарок.

Он вынул из ее пасти меч из бронзы и, приподняв, вложил мне в руки. На черненой золотом рукояти юноши и девушки

перепрыгивали через разъяренных быков: критская забава. Древние властители моря тысячу лет назад исследовали этот берег, но меч не выглядел таким старым.

— Где она его нашла? — воскликнул я.

— На затонувшей галере, неподалеку отсюда.

— Там очень глубоко?

— Она говорит, меньше двадцати футов.

— Попроси ее показать мне.

Я взобрался дельфинихе на спину и ухватился за плавник. Ее хвост заметался вверх-вниз, вверх-вниз, и мы, взбив пену, помчались к затонувшему кораблю. Астианакт двигался в кильватере. Слоны вдоль берега, набрав воды в хоботы, взирали на нас с величавой отрешенностью. За речным устьем мы остановились и описали круг. Прямо под нами в прозрачной воде дрожал образ галеры. Аттис нырнула. На дне морском анемоны покачивали усиками в пурпурных сумерках и отступали с нашей дороги. В рощице фукусов морская звезда, ярко-красная, сгибала и разгибала свои лучи. Красноборо́дые губки налипли на доски корабельной обшивки, а сам корабль покоился на дне так естественно, словно просто стоял на якоре. Мы обогнули палубу и нашли каюту. Кровля над ней не сохранилась. И мы, без помех, осмотрели небольшое помещение.

Обстановка была критской: терракотовая жрица со змеями в руках; крохотная золотая лягушка с жемчужинами; похожее на трон кресло с высокой спинкой. Я открыл сундук и достал оттуда женскую одежду с юбкой-колоколом, пышными рукавами и тесным корсажем с вырезом, достаточно низким, чтобы открывать груди. На миг, когда я развернул это платье, мне показалось, будто сама Кирка поднимается, приветствуя меня. Аттис оценила мое открытие. Она подхватила юбку рылом и обернула вокруг своих боков, словно желая приобщиться к подобному богатству, скорбя о том, что его неизбежно уничтожит море. Да, то был корабль Кирки. Он затонул не много веков назад, а менее, чем за сотню лет до нас и, поскольку скелетов здесь не оказалось, Кирка и ее команда, по-видимому, спаслись.

Я забыл, где нахожусь, пока в моих легких словно не закипела смола. Я взобрался на Аттис, и она вынесла меня на поверхность. Потом мы снова нырнули. Астианакт подобрал лягушку, а я отыскал два кинжала для Фрейра и Бальдра. Когда мы вернулись на «Алкиону», наши друзья ждали

на палубе. Из-за слонов мальчики не решились стряпать на берегу и набрали камней с мелководья, чтобы сложить печурку, где Арунс теперь пек креветок. Я с волнением рассказал, что мы нашли.

— Непохоже, чтобы она удалилась в глубь суши. Места здесь, судя по всему, слишком болотистые для путешественников. Вероятно, она построила другой корабль и пошла дальше вдоль берега. Будем держаться прежнего курса.— Я передал братьям кинжалы.— Это против слонов.

Астианакт судорожно сглотнул, и слеза покатилась по его щеке. Он что, тоже ждал подарка? Я положил руку ему на плечо.

— Но ты ведь ходил со мной. А Бальдр и Фрейр остались. Поэтому я и принес для них кинжалы.

— Дело не в кинжалах,— сказал он.— Дело в Аттис. Она исчезла.

— Исчезла?

— Навсегда.— Он указал на реку, которая отливала медью в лучах заходящего солнца, спокойная и неподвижная.

— Она тебе сказала?

— Ей не потребовалось. Я понял это по ее глазам, когда она доставила тебя обратно на корабль. Ты разбил ей сердце.

— Но как? Я не понимаю.

— Она принесла тебе подарок. А ты что сделал? Поспешил к затонувшему судну, не поблагодарив ее. В этом не было ничего страшного, она поняла твое нетерпение. Но когда ты вернулся на «Алкиону», ты принес мальчикам кинжалы, а дельфинихе по-прежнему ничего не дал. Ни кольца, ни лампы, ни сандалий с ремнями из кожи антилопы, все сгодилось бы.

— Но что бы она стала с этим делать?

— Спрятала бы в морском гроте. У дельфинов, знаешь ли, имеются тайники, где они хранят сокровища: жемчуг, янтарь, кораллы, вещи, упавшие с кораблей или оброненные в песок и унесенные отливом. Путешествуя с берега на берег, они посещают свои гроты и показывают сокровища друзьям. Ты показал Аттис, что она тебе постыла, словно греку его жена. Она всегда так или иначе немного ревновала тебя.

— С чего бы ей ревновать? Я к ней не на шутку привязан.

— И все-таки, ты обращаешься с ней, как с животным. Тебе известно, что у дельфинов есть словесность, передаваемая от рыла к рылу? «Пусть ты укроешь ее в глубине средь

судов затонувших, но красота засияет однажды под синью небес». Аттис часами может цитировать такие строки.

— Найди ее и верни.

— Я не знаю, где она.— Он вздохнул.— Вероятно, поплыла обратно вдоль берега. Прости, что я такое говорю, Медведь. Но все к тебе не на шутку привязываются. Ты сонливый, теплый и притягательный. Но порой словно глядишь сквозь других, ты вечно что-то ищешь или куда-то направляешься, если не спишь. То есть, я хочу сказать, ты никак не можешь пребывать в покое, чтобы тебя любили.

— Но здесь все дело в моей вере,— возразил я.— Этруски страшно боятся смерти. Большинство из нас, мы верим в это, за пределом жизни ждут пламя и демоны. Поэтому мы так спешим. Один задает пиры, другой участвует в гонках колесниц, третий путешествует. Мы хотим забыть о пламени и демонах.

— Забудь о демонах,— сказал он.— Но не об Аттис.

Я поглядел на реку и на море. Где-то ждала меня женщина, ждала, чтобы я ее нашел, чародейка и властительница. Стоила ли она мечтаний, долгих странствий, утраты Аттис? Возможно. Но сейчас я был среди друзей, лучшего из которых ранил, ранив Аттис. Я поднял Астианакта и прикрыл руками от сгущающихся сумерек и тьмы в собственном сердце.

Мы шли на юг вдоль берегов, покрытых саваннами, где колючие деревья, слегка напоминавшие оливы, там и сям возвышались среди пожелтевшей от солнца травы. Под неверной защитой этих деревьев антилопы пытались укрыться ото львов с перепутанными гривами и костлявыми телами. Удача или, по меньшей мере, бодрость, покинула нас. Мы шли медленно, опасаясь скрытых отмелей, смотрели на дельфинов, резвящихся в воде, и жаждали вернуть Аттис.

Однажды я заметил вдалеке, у самого горизонта, что-то белое. Аттис? Нет. Я видел всего-навсего то, что желал увидеть. То была пена. Или игра света. Никто не произнес ее имени, но Астианакт выглядел задумчивым, а Арунс не сводил глаз с волн. Я понял, что у них на сердце. Мы потеряли друга.

Ночью мы услышали барабанный бой и решили: а что если это туземцы, которые ни разу так и не показались, сообщают о нашем приближении Кирке? Или, возможно, дают нам предупреждение: «Остерегайтесь, пришельцы». В отчаянии мы вопросили богов. Арунс, как и многие этруски, был знаком с искусством прорицания: умел читать волю

судьбы по печени овцы, по птичьему полету, а также по цвету, форме и направлению молнии. В одеянии с бахромой и в остроконечной шляпе, с кривой палкой в руке, он оборотился лицом к югу и стал искать знак. У нас не было овцы, чтобы использовать ее печень; мы несколько дней не видели птиц: но боги, если только они нас и впрямь не покинули, могли заговорить с нами, послав молнию. Мы ждали. Капли в наших водяных часах, падая, отмеряли время. Мы ждали долго, очень долго. Арунс покачал головой.

— Боги глу...

Кроваво-красная молния вспыхнула справа. Трижды. И очень быстро.

— А,— простонал он.— Тройная молния Тинии. Нас подстерегает опасность.

Саванны превратились в пустыни, вздымавшиеся над морем, точно Желтый Нил в пору разлива. Мы питались сыром и случайно пойманной костлявой рыбешкой, ибо здесь даже воды были мертвы. Те, кто отправлялся на берег, не находили ничего, кроме рогатых гадюк и скорпионов. Дожди не шли, мы пили вино, не разбавляя. Песок, сдуваемый с побережья, покрывал палубу крупными жесткими зернами и царапал глаза, они покраснели и заслезились. Жара иссушила нас, точно болезнь. В тени мы раздевались донага. На солнце покрывали голову и тело, чтобы не обгореть.

Как-то утром чужое судно преградило нам путь: длинная долбленая лодка с прямым парусом на бушприте. Стремительно и дружно мелькали двадцать весел. Предводитель выкрикивал команды, стоя на носу. Гребцы были черны и невелики ростом: три фута, а то и меньше, как я решил; с огромными головами и негроидными чертами. Я подумал о гомеровских пигмеях, черных людях-невеличках, воевавших с железноклювыми журавлями. Но эти были женщинами, включая и предводителя с нагой грудью, с длинными волосами и синей раскраской на лицах. Я поднял руку во всюду понятном приветствии. Но пигмеи на приветствие не ответили. Сбоку у каждого покачивалась деревянная трубочка, вроде тех, из которых стреляют отравленными иглами, и гребцы не поднимали глаз от весел.

— Меняй курс,— кликнул я Арунсу.— Подальше от берега!

Мы повернули и побежали по ветру. Долбленка тоже изменила курс. Пигмеи как следует налегли на весла и завели дикую песню, а предводительница хлестала их пронзитель-

ными шипящими командами. Бальдр и Фрейр, схватив рулевые весла, стали работать ими, как обычными, но долбленка с парусом и двадцатью гребцами быстро настигала «Алкиону». Подобные большим черным паукам, пигмеи запросто могли вскарабкаться на нашу посудину и порубить нас дротиками, прежде чем мы успеем пустить в ход мечи. И тут я увидел между двумя судами Аттис. Я с ужасом подумал: «А ведь она их к нам и привела».

Хвала Нетуну, я ошибался. Море вокруг нее покрылось дельфинами.

Они всплывали позади нас с мощным всплеском и ударялись мордами о корму. Десятки их, скользких и блестящих, добродушно фыркавших, словно испускали ободряющие возгласы. Корма поднялась высоко над водой, мы едва удержали равновесие, доски задрожали, мачта, точно сосна в бурю, закачалась и заскрипела. И мы двинулись. Скорее, чем пиратские пептеконторы, гонимые Бореем, куда скорее, чем долбленки с гребцами-пигмеями. Мы прильнули к поручням, чтобы не свалиться. Мы втягивали воздух и взрывами хохота выпускали его из легких. Астианакт держался за Тага, в лицо тритону брызгала пена.

А дельфины! Они спасали нас, но при этом отдались чудесной игре. Они визжали, как дети, ныряли, вертелись, кувыркались в воздухе, а один перескочил через судно, обдав нас брызгами с хвоста. Толкая «Алкиону», они пытались соблюдать очередь, но некоторые теряли терпение и носами отпихивали своих друзей от кормы. Аттис вела их. Мне хотелось крепко обнять ее.

Предводительница пигмеев, взмахнув духовой трубкой, проорала последнюю угрозу. Странно было слышать греческие слова, изрыгнутые пигмейскими губами.

— Ищите ее себе на погибель!

— Скажи ей, чтобы ждала нас! — крикнул я

Она скрестила руки и злобно вперилась в нас, в то время как долбленка меняла курс и возвращалась к берегу.

Все дельфины, не считая Аттис, последовали за пигмеями, дабы убедиться, что те не передумают и не возобновят преследование. Дельфины, эти боги с серыми спинами, выглядели стремительными, могучими и величественными. Мы выстроились на палубе и крикнули «Ура» им вслед.

Аттис осталась. Астианакт поплыл навстречу и обвил руками ее шею. «Аттис, ты вернулась!» Мне самому захотелось

к ней подойти. Но так, чтобы ни приближение, ни уход не показались бездумными и грубыми. Я должен подойти к ней отчасти как проситель, отчасти как понимающий друг. Понимающий, что он в долгу, но не подобострастный, а признательный и благодарный, с любовью и с подарком, знаком этой любви. Я поискал в памяти что-нибудь такое, что показалось бы, пусть задержавшимся, но не опоздавшим. У меня не было драгоценных камней, янтарных браслетов или ожерелий из кованого золота. Но я владел кое-чем более ценным для женщины, нежели жемчуга: бронзовым зеркалом с рукоятью, точно лебединая шея. Взяв зеркало в руку, я позвал Аттис с палубы. Она не шелохнулась. Она ждала на поверхности вод, настороженная, готовая к бегству, но зеркало ей несомненно понравилось. Догадавшись о моих намерениях, Астианакт покинул ее и вернулся к кораблю. Я подплыл к дельфинихе. Погрузившись в воду, я держал зеркало отражающей поверхностью к Аттис. Дельфиниха поглядела в бронзу и, увидев свой образ, отпрянула. Но тут же вернулась, склонила голову, открыла рот, перекатилась с боку на бок с безыскусным и трогательным тщеславием. Затем, выказав удовольствие, дала понять, что благодарна и прощает меня, одним простым и красноречивым движением: положила морду мне на плечо.

Наконец она приняла у меня зеркало и нырнула под воду, вне сомнений, к морской пещере, чтобы спрятать там свое сокровище. Я вернулся на корабль подождать ее. И едва успел выбраться на палубу, как она вернулась. Все приветствовали ее. Бальдр и Фрейр разразились слезами. Астианакт предложил ей желтого сыра, который она приняла у него из рук и проглотила за раз. Арунс был сдержан, учтив и все-таки нежен. Он вспомнил строку, хорошо известную морякам: «Следуй за дельфином, беги от акулы» и восхвалил ее народ, вдохновивший людей на такую признательность. Что до меня, мне недостаточно было взывать к ней с палубы. Я вступил в воду и, подобно Астианакту, обвил ее шею руками.

— Аттис,— сказал я.— Я часто недостоин своих друзей. Я был недостоин тебя. Но ты меня простила. Дорогая моя, знаешь ли ты, что я тебя люблю?

И почувствовал, как трепещет ее благородное сердце.

В сумерках мы прибыли в бухту, посреди которой находился маленький островок. Вокруг бухты раскинула свои желтые объятья пустыня, но островок оказался зеленым и

живым, с поросшими травой скалами, обрушивающимися в море с берегов, с тамарисками и олеандрами, а также финиковыми пальмами, на которых гроздьями висели плоды. Огромные журавли, с вытянутыми назад ногами, описывали петли над деревьями или ныряли за рыбой. Нам отчаянно требовались припасы, но мы не решились высадиться до утра, боясь пигмеев, смертоносные дротики которых нам, только благодаря Аттис, не довелось испытать на себе. Она и двое ее друзей несли дозор вокруг корабля. Попытайся чья-то лодка застать нас врасплох, она оказалась бы тут же перевернута, и пигмеи, скорее всего, утонули бы. Мы пообедали скудно: сыром и вином, но были счастливы, ибо Аттис к нам вернулась.

После трапезы я произнес небольшую речь. Я поблагодарил друзей за верность и перечислил опасности, с которыми мы столкнулись: Гарпии, пигмеи с духовыми трубками, жажда и почти что голод.

— Завершим ли мы свои поиски? — спросил я.— Судя по всему, Кирке мы не нужны.— Конечно, я догадывался, каков будет ответ.

— Мы и не ожидали приглашения,— сказал Арунс.— Какое яблоко на яблоне самое сладкое? То, что висит на самой верхней ветке, защищенное сердитыми пчелами. Как сказала Сафо:

> На конце длинной ветви, на самом конце,
> Никем не тронуто, зреет яблоко,
> Все его видят, но не дотянуться,
> Как до всего, что дорого.

Такова разница между женой и куртизанкой. Жена всегда рядом, куртизанка где-то далеко-далеко, и ее надо найти.

Фрейра и Бальдра слова о куртизанке неприятно поразили.

Скандийское наследие не подготовило их к приятию обычаев греков и этрусков. Но Астианакт без колебаний согласился с Арунсом: «Да, яблоко на самом-самом конце ветви».

И тут мы услышали пение, долетевшее с острова, нежное, доверительное, влекущее. Женщины или богини пели на неведомом языке, который, тем не менее, что-то говорил всем нам. Мне они пели о Кирке. Могущественная чародейка поднималась по тропе к своему дворцу. Одеяния ее были словно сотканы из солнечного света, и малахитовые луны мерцали на ее грудях. Большой медведь с сонными глазами косолапо двигался следом за ней. А что слышали другие? Кто скажет? Об ониксе и ляпис-лазури; о сандараке на алтарях, о крыль-

ях, ветре и звездах высоко в небе. То, о чем каждый больше всего мечтал, о месте, где побывал, и месте, куда стремился, о ком-нибудь, кого любил или желал полюбить. Долгое время мы слушали в молчании. А когда голоса умолкли, у нас не было желания говорить. Кивками пожелав друг другу доброй ночи, мы разбрелись: Арунс, чтобы устроиться на палубе вместе с Бальдром и Фрейром, Астианакт, чтобы поплавать, а затем растянуться у моих ног. Я сжал его руку; она была холодной. Я подумал, что это от купания. И уснул.

Меня разбудило пение. Я чувствовал, будто дикий мед капает мне в уши. В свете лампы-совы над моим ложем я увидел, что Астианакта нет. Не позвала ли его песня? Я поспешил на палубу и обошел корабль, вглядываясь в побеленные луной воды. Аттис и двое ее друзей, покачиваясь, дремали на волнах. Я разбудил Арунса. Нет, он не видел Астианакта. Пение стало громким и почти неистовым. Оно теперь не струилось, а обрушивалось. Я подумал: «Он отправился на берег, чтобы найти тех, кто поет». Спустился за борт и поплыл к Аттис.

— Астианакт пропал,— сказал я.— Не доставишь ли ты меня на остров?

Ее сердце неистово колотилось. Она уловила мой страх и откликнулась на него эхом. Мы с отчаянной скоростью разрезали белое зеркало луны.

Наконец я вышел на мягкий песчаный берег, обогнул лужу, похожую на лист кувшинки, и стал карабкаться по камням, зеленый мох с которых прилипал к коже. Я нашел певиц. Они сидели близ небольшого заливчика. Их длинные хвосты извивались в лунном свете, точно серебряные рога изобилия. Волосы, или, может быть, водоросли, окутывали белые плечи, словно лес, выплеснувшийся на мрамор. Одна из них держала в объятиях Астианакта и пела ему, как ребенку. Но что-то вздрагивало меж ласкающими слух звуками. Как будто повизгивало. Я подумал о критской арене, об атлетах, кувыркающихся над спинами быков, и о женщинах, вопящих в ужасе и экстазе.

— Астианакт,— позвал я.

Он не ответил. Певицы поглядели на меня без всякого выражения. Затем в потоке лунного света я увидел их лица. Они и впрямь были прекрасны — с их лбами, точно из безупречного алебастра, и губами цвета корицы. Но глаза выдавали их; глаза рыб, холодные и лишенные век. Они вполне могли быть акулами, взирающими на меня из неясных клубящихся глубин, столь же чуждые мне и недобрые.

Та, что обнимала Астианакта, что-то подняла над его головой. Сперва я принял это за длинный гребень из слоновой кости. Но нет, то была кость, заточенная, словно клинок. Я метнулся и ударил певицу по руке. Затем схватил Астианакта и с безумным отчаянием отбросил как можно дальше от нее. Ее хвост, точно извивавшаяся гадюка, опутал мои ноги и свалил наземь, акульи глаза уставились на меня, не позволяя шевельнуться. Ее дыхание пахло чешуей и морской слизью, разлагающейся, гниющей плотью. Она была сильна, но неуклюжа; море, а не берег, было ее стихией. Я вырвался из-под власти ее парализующего взгляда, замолотил руками, и мои пальцы наткнулись на что-то твердое и холодное. Я схватил его и ударил певицу в лицо. Она разинула рот, словно рыба, глотающая воздух, и выпустила меня. Этот предмет, человеческий череп, прокатился между нами. Ее сестры вцепились мне в ноги, но я со всей силы взбрыкнул и лягнул их, освобождаясь. Острые рыбьи чешуйки порезали мне ступни. Затем я кинулся к Астианакту. Он во весь рост вытянулся на земле, все еще оглушенный грубым броском. Я схватил его на руки и, спотыкаясь о камни, понесся к берегу.

Измотанные и задыхающиеся, мы упали в песок, раскинувшийся, как прохладное влажное покрывало. Певицы не преследовали нас. Они смеялись у своего водоема, а затем снова запели. И песня эта была красной, как кровь.

Астианакт дрожал у меня в руках. Я удерживал его, пока он не смог говорить.

— Я пошел поплавать и услыщал пение. Одна из них окликнула меня по имени. «Астианакт, сын мой»,— сказала она. Я поплыл к берегу и переполз через камни. Она заключила меня в объятия. Я принял ее за мать.

— Это сирены,— объяснил я.— Племя, совершенно отличное от твоего. Рыбы с человеческими лицами. Она не звала тебя по имени; она зачаровала тебя, и тебе это почудилось.— Я поднялся на ноги.— А теперь надо плыть к кораблю.

Пигмеи прицелились из своих трубок.

Кирка

Я пробудился во тьме. Боль пронзала меня, точно отравленные дротики. Я услыхал очень далекий, или, может быть, близкий, но приглушенный, звериный рев: высокий жен-

ский стон кошки, лай собак, гортанный и низкий львиный рык. Я пошарил в темноте, ища Астианакта. Пустота казалась ощутимой, словно враг.

— Что вы сделали с моим другом? — прокричал я.

Тьма не ответила. Холод охватил меня необъятными сырыми крыльями. Я уснул. Или потерял сознание.

Я открыл глаза в беседке, полной пятен солнечного света, увитой лозами, которые оканчивались наверху зарослями винограда. Аромат плодов, поврежденных насекомыми и теперь истекающих пурпурным соком, вызывал неизъяснимое наслаждение. Я лежал на тростниковом коврике, а когда сел, гроздья, казалось, полетели мне в лицо, словно рой шершней. Моя голова медленно прояснялась. И все же я еще не решался встать на ноги. Позади беседки возвышался трехэтажный дом с портиком, поддерживаемым малиновыми колоннами, со стенами цвета лаванды и продолговатыми окнами. Этажи разделяли вереницы лун кирпичного цвета. Финиковая пальма, точно перемычка, стояла посреди дверного проема.

Наконец мне кое-как удалось подняться, и я ухватился за лозы. Виноградный сок потек меж пальцами, и на свежие пятна немедленно налетели пчелы. Я осторожно смахнул их. Они — достойные создания и приносят удачу. Затем встал потверже. Ночью я приплыл к берегу нагим; а теперь на мне был набедренник с большим металлическим кольцом на поясе, которое сдавливало талию и мешало нормально дышать.

Журавли с венчиками на головах закружили и заскользили надо мной. Затем с пронзительными криками устремились к траве и опустили свои длинные, точно ходули, ноги. И тут же я увидел, что приманило их: она вышла из дому и направилась ко мне, девушка в лавандовом хитоне выше колен, удерживаемом на талии поясом из антилопьей кожи. Ее волосы походили на опрокинутый букет гиацинтов и желтых крокусов, смешанных и собранных складками. «Персефона»,— подумал я. Греки называли ее Девой, дочерью хлебов, которая, невидимая, шествует по полям и прикосновением превращает ячменные колосья в тяжкое золото.

Она приблизилась ко мне с непринужденностью давней приятельницы. Ее пальцы, будто щупальца моллюска, заскользили по моим щекам.

— Дорогой гость,— сказала она,— славный Арнт, с тобой все в порядке? Боюсь, мои пигмеи вели себя грубо. А что они могли делать, если не защищаться, когда ты набросился на

них, словно медведь? — Она изъяснялась на том же языке, что гарпии и пигмеи, очень старом греческом. Возможно, Одиссей обучил ее ему, а она — своих подруг.

Ее лицо и повадка говорили: «Я принимаю тебя в гостях, как равная тебе». Но великая колдунья, сколь угодно улыбчивая, могла мгновенно испепелить меня молнией, недостань мне учтивости. Я упал на колени.

— Кирка,— произнес я,— властительница и чародейка. Что ты сделала с моим другом?

Она прикоснулась к моим плечам.

— Он благополучен и счастлив,— ответила она с улыбкой.— И тебе незачем преклонять колени. Уж скорее мне следовало бы преклонить колени перед тобой, который прибыл из таких далей, чтобы видеть меня.— Она села на траву, благоухая нардом, и привлекла меня к себе.— Думаю, ты изумлен. Ты ожидал встретить... совсем другую Кирку?

— Да,— признался я.

— Искусительницу со свитой из зверей. Женщину, подобную солнцу, которая сверкает, когда шествует и ослепляет твой взгляд. Ты думал, что встретишь царицу, а увидел...

— Девушку в лавандовом хитоне с гиацинтовыми волосами.

— И справедливо разочарован. Разрушена твоя мечта. Словно орел упал с неба.

— Нет. Я счастлив. Искусительницу я бы мог только боготворить. Девушку я могу любить.

— Любить,— вздохнула она.— Любовь это пиршество, не так ли? Дрозды и языки фламинго, пропитанные вином из серебряных кратеров, и розы, чтобы увенчать голову. Я не такое пиршество, Арнт.

— Любовь — это также легкая закуска в том месте, где холмы сбегают к морю, подобно стремительному оленю. Виноградный сок вместо вина, трава вместо ложа и желтая сурепка для наших венков.

— Медведь,— произнесла она ласково,— я поговорила с Астианактом, пока он завтракал... Ты что, вообще не кормил его? Он ел, как жеребенок. Он сообщил мне твое тайное имя. Рыскающий там и сям Медведь с сонными глазами. Возможно, ты уснешь в моих объятиях. Думаю, мне бы это понравилось, это значило бы, что ты мне доверяешь. Ты ведь доверяешь мне?

Журавли, бродившие по траве, окружили нас, их длинные тени упали нам на лица наискось. Я ответил:

— Сомневаюсь.

Она хлопнула в ладоши. Из дому выбежала пигмейка с сосудами вина.

— Пей,— сказала Кирка, вручая мне серебряную чашу с изображениями танцовщиц и глядя с надеждой.— Вино освежит тебя.

В мозгу у меня закружились обрывки строк: «Питаем очарованных... Около дома толпились горные львы и лесные волки.... Кто же богиня иль смертная?»

— Я не испытываю жажды.

Она рассмеялась, игриво, безыскусно, и отпила из обеих чаш.

— Ты думаешь, я предлагаю тебе яд? Сок олеандра или яд гадюки? Сделай же выбор. Это вино из моего винограда, подслащенное тамарисковой манной.

— Но пигмеи в долбленке! — вскричал я.— Они собирались на нас напасть. Их предводительница крикнула: «Ищите ее себе на погибель!» А сирены нынче ночью...

Она ответила спокойно и терпеливо:

— Мужчина, который не умеет одолевать препятствия, не заслуживает моей любви. Я послала пигмеев, чтобы испытать твою храбрость. А что до сирен, то я вовсе не хотела, чтобы вы попали к ним в руки. Я терплю их, ибо они помогают мне оборонять мой остров. По всему побережью живут враждебные племена. Но, видишь ли, мои пигмеи ненадежные защитники. Я удерживаю их врагов, журавлей, от нападения на них. А за это они служат мне. Пока что.

Я выпил вино, и внезапная прохлада, точно ветерок с моря, овеяла мое тело.

— Зачем ты прибыл сюда, Медведь?

— Ради любви к тебе.

— Нет.— Она вздохнула.— Из-за того, что я далека. Из-за того, что ты в глубине души верил, что никогда меня не найдешь. Легко любить мечту.

— Но я нашел тебя.

— Я надоем тебе, как надоели другие.

— Другие были призраками.

— Я попытаюсь быть больше, чем призраком. Я построю тебе дом из олеандров, и нектарницы совьют гнезда в его стенах. Я сотку тебе одежды, мягкие, как паутина. Я одарю тебя цветами тамариска, подобными снежным хлопьям, и гиацинтами с моей головы, чтобы под твоими пальцами они

превратились в луга. Ты станешь звать меня Корой, Девой, и забудешь ту, другую. Кирку. Это удержит тебя, Медведь?

Я сжимал ее в объятиях; ее девичья стройность пронзала меня нежным изумлением, а кисти ее рук, словно ласточки в поисках, трепетали у моего лица. Я обнимал ее, и лето в моем сердце, дрожа, отступило перед весной, но весной без странствий или хотя бы нужды в странствиях, когда на ветвях айвы появляются дрожащие листочки. Я опалил себе лицо об ее опрокинутые гиацинты и рыдал от того, что красота и краткость всегда и везде неразлучны.

Она, смеясь, повлекла меня во дворец. Под высокие своды, из покоя во двор, из сада в галерею, из тени в тень, ароматы... стенные ковры, синие, как волны, и запах соли и дюн... нектарницы, порхающие в палатах без кровель и тростники под нашими ногами... феникс, точно тлеющие угольня, в зеленом мраке... Или я грезил, вспоминая те кедровые леса? Она держала меня за руку, но все время казалось, что она где-то безмерно далеко от меня, где-то впереди, ускользающая и недосягаемая. Она двигалась под низкие звуки музыки, то были не лиры и не флейты, а барабаны, стучащие подобно биению гигантского сердца или вздохам обильных вод. Казалось, звук приходит ниоткуда. Или выплывает из звериных глоток. Я упал среди подушек, пропитанных душистым нардом и пальмовым маслом, майораном и тимьяном Я лежал на спине, а ее лицо, словно далекая луна, смеялось в небе.

— Ты зачаровала меня,— сказал я.

Ее голос нарушил молчание, словно сорвалась с тетивы стрела.

— Я пошлю припасов и воды твоей команде. Затем ты можешь со всеми попрощаться.

Я удивленно взглянул на нее.

— Но я хочу, чтобы они остались со мной. У них нет дома, разве что у Арунса. Я их друг, и ты тоже должна с ними подружиться.

В ее глазах мелькнуло изумление.

— Мне нравится Астианакт. Думаю, понравились бы и остальные: белая дельфиниха, Арунс и братья. Но они не могут остаться с нами. Медведь, я прибыла сюда, чтобы отрешиться от мира. И ты готов все разрушить? Тебя я приняла, как гостя, и полюбила. Но не других.

— Они мои друзья,— упрямо произнес я.— Как я могу прогнать их?

— Любовь к другу,— она передернула плечами,— не растягивается на целую вечность. Удели ей три месяца, год, затем забудь. Но любовь мужчины и женщины... Видел ли ты остров, вырвавшийся из моря в громах и пене, который хлещут волны? Так любовь вырывает сердце из прежней жизни. Разве море негодует? Разве оно говорит острову: вернись на дно?

— В самом деле,— сказал я, вскакивая на ноги,— ты сотворила остров в моем сердце. У меня голова идет кругом от красоты и внезапности всего этого. Но у меня есть и другие острова, я не позволю тебе затопить их.

Она встала лицом к лицу со мной.

— Ты сделал свой выбор.

— Я выбрал или был избран... не уверен, то или это... до того, как нашел тебя...

Во внезапной вспышке солнечного света увидел, как сжались ее губы, словно смех был им чужд. А глаза... Да были ли они молодыми? Какие минотавры таились в их лабиринтах, какие узники рвались оттуда к свету?

— Я бы убила тебя,— сказала она,— если бы ты отверг друзей.— И небрежно указала на журавлей, которые, кружа, наблюдали за нами.— Мои птицы разбили бы тебе череп. Сила их чудовищна. Я видела, как они убивают пигмеев единым ударом клюва.

Я в недоверии воззрился на нее.

— Но ты сказала, что любишь меня.

— Послушай,— перебила она.— Я хочу рассказать тебе, почему явилась сюда. До того, как твой народ стал плавать к Гесперии, во времена, когда Египет восседал на берегах Нила, точно золотой сфинкс, я жила и царствовала в Кноссе. То было время цариц, а, как богиню, они почитали Великую Мать. На самом Крите и в самых дальних его колониях царь умирал, чтобы к полям вернулось плодородие, а царица заносила над ним жертвенный нож. Затем явились люди с севера, светловолосые захватчики, презирающие женщин и насмехающиеся над Богиней, привезшие с собой своих богов. Зевса с Посейдоном, Аида и надменного Аполлона. Кносс пал перед натиском их кораблей. Вместе с женщинами, которые мне служили, я бежала на Ээю. Прошли годы. Спокойные годы. Затем они начали нас искать, похотливые предводители и их свиньи — матросы, воины, бродяги. И каждого в свой черед, не считая Одиссея, я встретила, обворожила и

наколдовала, как он того заслуживал. Но они все появлялись и появлялись, и однажды я, наконец, бежала, на этот раз в Ливию. Я потеряла один корабль в бурю, тот, что нашел ты, построила другой и приплыла к Острову Олеандров. Мужчины пытались следовать за мной. И ни один не нашел. До тебя. Об этом заботились мои друзья: гарпии, сирены, пигмеи. Они жестоки и уродливы, да, но верны мне, верны Богине. Затем явился ты. Мои пигмеи следили за тобой с самой твоей встречи с гарпиями. Их барабаны возвестили из джунглей о твоем приближении. Наконец ты добрался до этого острова. «Я покажу ему его мечту»,— подумала я. Но сперва, как я уже говорила тебе, я побеседовала с тритоном.

«Я не желаю тебе вреда,— сказала я.— Можешь вернуться в море». Он взглянул на меня, испуганный, но не за себя. Я хотела удержать его, этого беспомощного, лишившегося матери мальчика, еще не мужчину, еще не захватчика, с *зелеными, как море, глазами* и отвагой не по годам. «Ты нанесла ущерб моему другу?» — спросил он. «Другу? Он покинет тебя, мой дорогой. Он пришел ко мне».— «Нет,— сказал он с полной уверенностью.— Нет. Он — Медведь!»

Действительно ли ты его друг, спрашивала я себя, достоин ли, таким образом, жить? И пришла к тебе не такая, как в твоих мечтах, а такая, *какой ты тайно желал меня видеть в* своем сердце. Хлебная Дева. Большинство мужчин мечтает об искусительницах, а женится на девах. Я думала, что из-за меня ты откажешься от друзей. Выяснилось, что я заблуждалась, и я этому рада.

— Олеандровый дом,— задумчиво произнес я.— Ты ведь не собиралась его строить.

— Мне слишком поздно любить. И тебе тоже, милый Медведь. Всю свою жизнь ты стремился к Островам Блаженных. Но теперь, наконец, ты выбрал дельфина, а не глубину. Возвращайся к друзьям, не сожалей о своем выборе. Я пошлю Астианакта следом за тобой.

— Кирка,— спросил я,— на что ты похожа на самом деле? Ты дева или колдунья?

— Пусть это останется моей тайной. Вспоминай меня, как Деву.

Она хлопнула в ладоши. Пигмеи выскочили из дому и безмолвно, словно охотники, подкрадывающиеся ко льву, повели меня из сада.

— Медведь,— позвала она.

Я обернулся и поглядел ей в лицо. Она улыбалась. Едва ли она казалась женщиной, девчонка и только. С крокусами в волосах.

— Я могла бы полюбить тебя. Когда-то давно.

Над моей головой пальма сгибалась под тяжестью фиников, под моими ногами хрустели ракушки на тропе. У кромки воды пигмеи с поклонами покинули меня. Мой корабль покачивался на волнах: птица, которая теряет и находит, которая помнит опасные стоянки и удивительные странствия. Мне так нравилась синева ее корпуса и красный свернутый парус, ее древесина, надстройка с каютой, плетеная и теплая, и Таг, деревянный бог на носу. Не потому, что корабль мог куда-то доставить, а просто потому, что он был — и были те, кто плыли на нем со мной.

И тут я услышал плач. Юная женщина припала к песку у самой воды. Ее нагое тело было белее цветов амаранта. Волосы — точно длинные лепестки подсолнечника. Она безутешно рыдала и не услышала, как я приблизился. Я встал на колени подле нее.

— Почему ты плачешь? — спросил я.

Она воззрилась на меня в ужасе и поспешила прикрыть руками груди.

— Медведь, Медведь,— всхлипнула она.— Кирка сделала меня безобразной и швырнула на берег. Мои бока стиснулись и вогнулись, так что я себя едва узнаю.

— Аттис! — вскричал я, ошеломленный внезапной догадкой.— Ты превращена, но не изуродована. Ты должна поглядеть на себя.

Я взял ее за руку и повел, дрожащую и прикрывающуюся, к луже, похожей на лист кувшинки.

Она взглянула на свое лицо в воде, на шею-колонну, на руки, ноги и бедра слоновой кости, и понимание вызвало у нее на лице краску, словно заря осветила снег.

— Я... я теперь одна из вас,— сказала она.— Я женщина?

— Ты всегда была женщиной. Но теперь твое тело под стать твоему сердцу. И окружает его, точно мраморные укрепления.

— Я одна из вас,— повторила она.— И...

— Ты прекрасна.

Она покачала головой.

— Ты говоришь, что мое тело теперь под стать моему сердцу. Но сердце у меня злое. Я пыталась причинить тебе

вред, Медведь. Ведь я нарочно опрокинула лодку, и Вел захватил вас в плен.

— Почему ты это сделала, Аттис?

— Астианакт сказал мне, что ты отправляешься на поиски Кирки. Задолго до того, как я родилась, дельфины любили ее. Она звала их своими Наядами, своими Девами Глубин, а для них она была Госпожой. Белый дельфин привел ее в Ливию, а затем вернулся к Ээе, чтобы не допускать чужаков. С тех самых пор мой народ плавает вокруг Ээи, охраняя остров и дожидаясь возвращения хозяйки. Я не хотела, чтобы ты поплыл и потревожил ее.

— А потом, когда ты уже опрокинула нашу лодку?

— Я почувствовала стыд, когда увидела тебя в воде. Я коснулась тебя и постигла твое сердце, нежное и доброе. И больше не желала тебе ущерба. Но все еще не хотела, чтобы ты искал Кирку. И последовала за «Туран» в Грависки.

— И ждала в гавани, пока я не найду корабль?

— Да. И присоединилась к вам, все еще сама по себе. Я думала, вы ее все равно не найдете, а я смогу стать вашим другом и привести вас обратно домой. Но после того, как мы отыскали погибший корабль, я поняла, что мы очень близки к Кирке, поняла, что мне предстоит выбор. Я любила вас обоих и держалась поодаль, пока не увидела пигмеев. И тогда я сделала выбор. Но не слишком ли поздно?

— Поздно? — переспросил я.— Время — не враг нам, Аттис. В последнюю минуту, в последний миг оно поворачивается, улыбается и говорит: «Люби. Прости. Прими. Еще не слишком поздно». Кирка научила меня этому. Дружба смутила твое сердце. Не гнев или ненависть. Я почитаю тебя за то, что ты служила Кирке, и люблю за то, что ты выбрала меня.

— Медведь! — Этот крик взмыл, точно пущенный диск.

Кто-то бежал, прыгал, бил пятками в воздухе. Молочай, угодивший в смерч, листья в речном водовороте, олень, кролик, мальчик с крыльями на пятках. Он перекувыркнулся в воздухе, рассмеялся и, упав в мои объятия, снова произнес мое имя.

— А это Аттис! — воскликнул он, сразу узнав ее.— Она и тебя превратила. Она дала нам ноги, как у Медведя. И теперь он нас никогда не покинет!

Позади кто-то смеялся: добродушно, немного печально; старуха с лицом, изборожденным, как древесный ствол, оперлась о посох и медленно помахала нам в знак прощания.

И мы втроем двинулись вперед.

БАГРЯНКА

Глава I
ДАФНА

Амазонки не испытывают любви к городам. Названный в честь острова, столицей которого он является, город Эгина невелик — с единственным имеющим фронтон мегароном, вереницей лавочек, где окрестные земледельцы продают плоды своих трудов, гостиницей, кабаком и горсткой каменных домишек, разбросанных среди олив. Но стены здесь достаточно высоки, чтобы отгородиться от холмов Артемиды, а горожане, ни дать ни взять, из тех, что заслуживают, чтобы их держали, как быков, в Авгиевых конюшнях: куртизанки с нагими грудями, пропахшие миррой и нардом, изнеженные лавочники с надушенными курчавыми шевелюрами, моряки в набедренниках, которые выбираются с кораблей в гавань, ища любовных утех. Однако даже Амазонки, даже Медведицы Артемиды должны приобретать себе орудия и оружие. Нынче мы явились в город обменивать губки на топоры. Нас было двое: я и Локсо, обеим по восемнадцать, и мы, как обычно, с вызовом встречали взгляды любопытных. Еще никто и никогда не нападал на нас на улице; всем было прекрасно видно, что у нас при себе не только губки, но и кинжалы. Женщины шушукались, что икры у нас на вид тверды, как у мужчин, а мужчины сетовали, что мы стрижем волосы и скрываем груди хитонами из медвежьих шкур.

Молодой моряк, набедренник которого скрепляла пряжка в виде дельфина, шепнул на ушко приятелю:

— В былые дни из таких получались хорошие драчуны для критской арены. Что мальчики, что девочки, быкам-то все едино.

— Да,— улыбнулся приятель.— Если бык победил, какая разница?

Локсо напряглась рядом. Кривой шрам, оставленный клыком дикого вепря, запылал над ее глазами, точно красный угорь. Я успокаивающе положила руку ей на плечо; ибо, хоть мне и был понятен ее гнев, мы не должны были нарываться на драку в этих стенах. Весь город нас терпеть не мог — женщины за то, что мы одеваемся, как мужчины, мужчины — за то, что соперничаем с ними в играх и войне.

Однако все разрешилось само собой — зеваки нашли для себя новое развлечение. Впереди высыпала на улицу орава мирмидонцев, людей-муравьев. Их было пятеро, один совсем ребенок, лет одиннадцати, прочие близки нам с Локсо по возрасту; невелики для мужчин, светловолосы, с гладкими руками и ногами, в набедренниках цвета зерна. Кожа бронзовая, точно лезвие меча. Короткие янтарные крылышки, негодные для полета, болтаются за плечами, а надо лбами, точно пшеничные усики, колышутся сяжки, говорят, они помогают им ориентироваться во тьме. Мирмидонцев вполне можно счесть славными, пока не узнаешь об их обычаях, о том, что они живут в норах под землей и едят грибы, вместо того, чтобы добывать мясо на охоте. Хуже того, они — трусы, понятия не имеющие о том, как натягивают лук, и удирающие, стоит только коснуться кинжала.

Когда-то мирмидонцы были могущественны. И норы их, как говорят, соперничали со знаменитым критским Лабиринтом. Но семь лет назад они затеяли пир на берегу моря, чтобы почтить своего божественного покровителя, Зевса, который, как они верили, сотворил их племя из муравьев, во времена, когда Эгина обезлюдела и нуждалась в новых обитателях. В самый разгар праздничных игр со стороны залива нагрянули пираты, целые оравы, грозные чернобородые воители; они захватили царицу с большинством подданных. Лишь мальчишкам, которые играли в лесу, удалось спастись и убежать. Затем мальчики вернулись в норы и стали жить там, как могли, без родителей и сестер. Они обжигали в подземных печах глиняные фигурки и ходили в город, меняя их на орудия и одежду. Они были трусливы, и к тому же неловки, и горожане находили их не менее потешными, чем

акробатов или мимов. А мне они были всего-навсего противны: из-за их робости и нечистоплотности.

Гусь, лопоча, зигзагом пересек перед ними дорогу. Маленькая девочка стала кидаться в них комками навоза. Продавец рыбы запустил в них угрем. Они только ускорили шаг и уперли в землю робкие испуганные взгляды. Один, судя по всему, предводитель, споткнулся и уронил поднос с фигурками: повозки, лодочки и медведи с длинными рылами. Он не остановился, чтобы подобрать осколки, и меня захлестнуло презрение. Даже отступать можно с достоинством, а это было паническое бегство.

Локсо наблюдала за ними, и смех, похожий на стон, поднимался из ее груди.

— Дафна,— предложила она,— а давай пугнем их нашими кинжалами!

Я готова была это сделать, но колебалась.

— А, может, лучше пойти за ними и узнать, где они живут? Охота нас разогреет.— День был прохладный, серый мотылек осени уже помахивал крылышками.— А затем возьмем кого-нибудь в помощь и разграбим их нору?

Говорят, что мирмидонцы, подобно диковинным муравьям Аравии, хранят клад золота и изумрудов, электрона и ляпис-лазури. Но не столько важны сокровища, сколько упоение преследования и боя.

Локсо ухмыльнулась.

— Ты, как всегда, права. У тебя разум волка.

Мирмидонцы спустились по сбегающей со склона торговой улице, миновали открытые ворота и вступили во внешний пояс города, почти пустой, где в пору осады теснятся крестьяне и их перепуганные стада. У вторых и последних ворот стражники пропустили их, но прикинулись, будто намерены кольнуть копьями их пятки. Самый младший из мирмидонцев взвизгнул и подпрыгнул, чтобы избежать укола; его куцые крылышки зажужжали. Поэтому неприлично громко смеющимся стражникам было не до нас, когда мы прошли мимо. И мы последовали за потомками муравьев прочь из ненавистного города. Позади нас громоздились на фоне неба грубые, поросшие мхом, циклопические стены Эгины. У ворот припали к земле гранитные львы, того и гляди, зарычат. Дым из очага мегарона тянулся вверх, смешиваясь с жиденькими дымками из жилищ. Весь город, люди и животные, гомонили и стучали, точно это была одна-единственная, но огромная и неповоротливая, зловредная зверюга.

— Шум, грязь и слишком много народу,— пробормотала Локсо.— Хоть бы Артемида послала на них землетрясение, без этих стен они вымрут в несколько недель.

— Чума бы их извела скорее.

Люди-муравьи оглянулись: осторожно, с украдкой, опасаясь погони. Такие уж у них повадки, не иначе, как печать глубоких темных нор, в которых они ютятся. Мы сделали вид, будто направляемся к Коралловой бухте. А сами, как только вышли за пределы видимости, вернулись от бухты кружным путем и отыскали их след. В городе они неуклюжи, но здесь, как оказалось, ступали легко. Правда, там и сям на песке остались отпечатки ног, да кое-где была сломана жимолость, покрывающая косогор.

Впереди поднимались каменные россыпи, за которыми, точно позвоночник, поднимался Зевесов хребет, пересекающий треугольный остров. Обходя валуны, огромные и округлые, точно торговые корабли, мы пересекли террасы с виноградниками и приблизились к крестьянам, трудившимся в давильне. Под назойливый и пронзительный визг флейты, они топтали виноград в больших плетеных корзинах, установленных на массивных треножниках с желобами. Один из давильщиков нахально взглянул на нас, гордясь своей наготой и ожидая, вне сомнений, знаков восхищения. Мне стало тошно от его вида, хотя, надо признать, он был гибок и крепок, а солнце окрасило его кожу в цвет хлеба. Я вперилась в него взглядом и коснулась кинжала. Он опустил глаза и затоптался проворней.

Когда винодельня осталась позади, впереди зазвенели голоса мирмидонцев, чистые и певучие, точно колокольчики, которые пастухи вешают на шею овцам. Похоже, приближаясь к своему обиталищу, они становились уверенней. Внезапно их разговор оборвался. Мы стояли на пригорке в дубовой роще. Внизу, словно бесперые шлемы циклопов, находились бесчисленные каменные груды. Я знала, что под одной из них скрыт проход в подземную обитель мирмидонцев. Но следы людей-муравьев обрывались у края холма. С помощью слабеньких крылышек, на которых, казалось, летать было почти нельзя, в лучшем случае держаться в воздухе несколько мгновений, они, похоже, умудрились оторваться от погони.

— Они не могли уйти далеко,— заметила я.— Разделимся и обследуем здесь все. Если что-то обнаружишь, дай знак.

Я люблю моих подруг, и Локсо, и остальных. Но все-таки предпочитаю охотиться наедине с Артемидой. Этот лесок, как

и все леса на острове, принадлежал этой богине, Повелительнице Дикой Природы. Спускаясь с холма, я ощущала ее присутствие среди деревьев. Игра света казалась отсветами солнца на ее сандалиях; дуновение ветерка — звоном тетивы ее могучего лука. Я никогда не видела ее. Ей наскучили смертные, даже амазонки. Но порой я мечтала о том, как умру в ее объятиях.

«Милая Дафна,— скажет она,— названная в честь девушки, которая стала деревом, чтобы избежать поцелуя Аполлона, ты тоже явилась ко мне нетронутой».

Лес был сухим. Потрескивал подлесок, я двигалась быстро, чтобы согреться, и каменные дубы прикасались ко мне. Осенью не увидишь ни гроздьев белых цветов, ни кроваво-красных ягод, но густо-зеленые листья, кончики которых загибаются и походят на колючки, приятно покалывают кожу. Я вырвала с горстку листьев, сильно исколовшись, слизнула кровь и рассмеялась. Раны, нанесенные лесом, чудесны.

Но где же мирмидонцы? Я обогнула ближайшую груду и пнула у основания. Твердая земля, никаких признаков входа. Я почувствовала себя Гераклом, которому велено совершить тринадцатый подвиг. Сотня каменных груд, подобных кротовьим норам. Под какой же из них спрятано жилище мирмидонцев? Обогнув вторую груду, я наткнулась на маленький холмик, возможно, в фут высотой — обитель Желтых Муравьев, как я сразу поняла, и подумала: они знают. Они с мирмидонцами друзья. Большие спрятались, а маленькие помогают им скрываться. Рассердившись, я наступила на муравейник. Крохотные желтые создания выбежали из своей сокрушенной твердыни. Я топтала их обеими сандалиями, представляя себе, что наношу удары неуловимым и грязным мирмидонишкам. Затем схватила палку, чтобы завершить разрушение.

Но палка вылетела у меня из рук. Лицом к лицу ко мне стоял один из мирмидонцев.

— Их нельзя обижать,— сказал он. Глаза у него были, как малахиты, омытые морем. Сердитые и совершенно бесстрашные. От него исходил манящий запах: смесь ароматических корней и дикого тимьяна. Руки были в грязи, но почему-то он не казался грязнулей.

— А что такого? — огрызнулась я.— Подумаешь, муравьи.

— Они помогают земледельцу, разрыхляя землю. Они уничтожают термитов, которые подтачивают колонны больших мегаронов. Они усердно работают и никому не мешают. Ты можешь сказать столько же о себе?

Слова его укоряли меня, но глаза делались все мягче. Как будто он вот-вот рассмеется. «Гнев,— подумала я,— это не самое любимое его настроение». В нем было что-то игривое, как у медвежонка. Я вспомнила медвежонка, которого нашла год назад в переплетении виноградных лоз. Он смело глядел на меня через лозы, жуя три грозди винограда, а затем облизал лапы и побежал в лес. И длинная лоза волочилась за ним.

— Они меня чуть не покусали,— неуверенно возразила я.

— Лишь после того, как ты наступила на них.

— Это вышло нечаянно.

— Нет, неправда. Ты рассердилась и хотела на них наступить.

— Ты следил за мной?

— Не совсем. Они позвали на помощь.

Мне никогда и в голову не приходило, что хоть кто-то, пусть даже Артемида, может беспокоиться о муравьях. Об оленях и медведях, быть может. Но о муравьях... Я оторопела. И еще испытывала досаду, из-за того, что позволила ему считать себя правым, а меня нет. Надо взять его в плен. Я сжала кулаки.

— Не надо.— сказал он.— Не то я прижму тебя к земле, и тогда муравьи закусают тебя. Они далеко не прочь посчитаться. Они разозлились не меньше тебя. А твои сандалии пригодились бы им на крышу для нового дома.

Я разжала кулаки, хотя и не думала отказываться от своих намерений.

— Посмотри,— сказал он, поворачиваясь ко мне спиной и опускаясь на колени рядом с муравьями.— Они начали восстанавливать дом. Они построят его так, чтобы самый крутой склон смотрел на юго-восток. Тогда они поймают побольше утреннего солнца и согреют свое жилище. Так у них принято.

Я неловко встала на колени с ним рядом, чтобы лучше видеть. Муравьи живо и целеустремленно приступили к делу, неся песок, прутики и работая очень дружно. Они начали мне почти что нравиться. Все вместе они трудились усердно, точно амазонки, и я знала, что они служат своей царице, хотя она, конечно, сейчас глубоко внизу со своими детьми и приближенными.

— Сколько времени у них уйдет...— начала я. И обнаружила, что говорю в пустоту. Он исчез так же внезапно, как появился, бесшумно и незаметно. Теперь меня охватила ярость. Я хотела задать ему вопрос, а он, обманщик, покинул амазонку, скорчившуюся, словно лягушка. Если бы я не

успела привязаться к муравьям, я опять наступила бы на муравейник, чтобы позвать мирмидонца обратно. Но теперь только и оставалось, что искать его след. Втоптанная в землю былинка, слабое благоухание тимьяна: он ушел осторожно, но отнюдь не растворился в воздухе. Ведомая приметами, я прошла, возможно, сотню шагов до груды, на вид ничем не отличавшейся от других, разве что на вершине у ней рос донник с тремя листьями. Один из камней, у самого основания, полускрытый побегами жимолости, показался мне незакрепленным. Приподняв побеги, я увидела, что камень выдавил в земле ямку. Его явно передвигали. Сердце у меня вспорхнуло, точно вспугнутая перепелка. Я нашла дверь. Теперь он мне ответит!

Я передвинулась к другой груде и испустила низкий и звучный рык медведицы. Локсо появилась из-за деревьев бесшумно, словно дриада.

— Я нашла их логово,— прошептала я глухо, опасаясь, что мирмидонцы уловят мои слова своими чувствительнейшими сяжками.— Нам нужно сходить за подмогой. Горго, я думаю, согласится возглавить нас.

Глава 2
МНОГОЯРУСНЫЙ ДОМ

Была ночь, когда мы добрались до лагеря. Заостренные вязовые бревна, куда выше, чем смог бы прыгнуть волк, окружали частоколом плетеные хижины; тростник устилал крыши, а дверные проемы занавешивались шкурами. Каменные стены приковали бы нас к месту, и мы, в конце концов, изнежились бы и стали жить в городе.

Горго вышла нам навстречу.

— Дафна,— сказала она с улыбкой, пылко обхватив мое плечо сильными пальцами. От нее, как всегда, пахло кожей и мехом.— У тебя глаза блестят, как у лани. Тебе есть, что сказать мне.

Я рассказала ей о норе людей-муравьев. Она рассмеялась.

— И я еще называю тебя ланью? Скорее уж, ты волчица. Я правильно поступила, сделав тебя своей сестрой.

Меня младенцем бросили на бесплодном холме близ города, никому не нужную девочку, тощую и в лихорадке. Горго услыхала мои вопли и принесла меня в лагерь.

Нас было двадцать амазонок. Некоторые бежали из города от мужей. Некоторых, как и меня, бросили отцы и отыскала Горго. Возраст наш был от одиннадцати до сорока девяти, нас объединяла страстная ненависть к мужчинам, погубителям женщин, и неуклонное желание превзойти их в привычных для них играх и в войне. Мы приносили обет целомудрия в святилище Артемиды: «Ни супруг, ни возлюбленный, ни отец, ни брат; лес навеки; непорочность камня». Ни одна амазонка не доживала, да и не желала дожить, до пятидесяти лет. Слишком сурова была жизнь в лесу.

— Медведицы Артемиды! — один-единственный возглас Горго поднял весь лагерь. Амазонки беспокойно задвигались за стенами. Раздраженные необходимостью стряпать и подметать, разводить костры и чинить одежду, они откликнулись на ее призыв, как если бы она позвала в бой. Впрочем, в сущности, она это и сделала.

— Дафна нашла для нас потеху,— сказала Горго.— Она отыскала мирмидонскую нору.— Горго, как и все мы, была облачена в тяжелый хитон из медвежьей шкуры с кожаной подкладкой. На руках вместо позолоченных браслетов, которые, подобно кандалам, охватывают запястья городских женщин, она носила костяные наручни. В левой — держала щит из медвежьей шкуры, натянутой на деревянную основу. И еще, как и все мы, стригла волосы так коротко, что они лишь едва покрывали голову, подобно густой щетине: ибо женщина в бою уязвима в полном соответствии с длиной своих кос. Но только она одна, прежде чем мы покидали лагерь, закрепляла медвежьи челюсти на обеих своих руках, дабы оставить отметины, знаки нашего племени, на плоти врага. Я взирала на нее с гордостью и любовью, но отчасти и со страхом. Горго, моя властительница; Горго, которая звала меня сестрой, «малышкой, отнятой у волков».

Вой одобрения пронесся по лагерю. С тех пор, как два года назад мы изгнали с острова кентавров, нам не доводилось вступать в настоящий бой. Конечно, мирмидонцы были трусы, и мы основательно превосходили их числом, но мы надеялись на этот раз выбить из них трусость и дать возможность проявить себя воинами. Из всех людских занятий, как мы верили, только война — истинное дело чести. Только воин чего-то стоил в наших глазах: великая Ипполита опозорила себя не тогда, когда Тесей победил ее в бою, а когда она пошла к нему в жены.

Горго изложила свой план.

— Мы выступим до зари. Дафна сказала, что леса вокруг сухие, мы наберем веток, подожжем и сбросим в их нору через вход. Если мирмидонцы выбегут наружу, заберем их в плен. Если останутся внутри, задохнутся от дыма. После того, как дело будет сделано, мы войдем и захватим нору. Из мальчиков-муравьев получатся хорошие рабы, можно будет продать их в городе, а можно держать у себя.

— Как вы думаете, что мы найдем? — спросила Локсо. В алом свете костра похожий на угря шрам заблестел над ее глазами.

— Я слышала, они хранят сокровища,— вскричала девушка по имения Геба.— Изумруды, жемчуга, кованое золото...

Горго воззрилась на нее. Лишь вчера она застигла эту девчушку любующейся своим отражением в горном потоке.— Вот уж действительно, камушки и золото. Ты лопочешь, точно разнежившаяся куртизанка. И, Геба, волосы у тебя слишком отросли, подстригись до утра.

— А как насчет их глиняных фигурок? — неуверенно вставила я.— Они тоже под запретом? В городе мы видели повозки и лодочки, не больше сандалии. И медведей на задних лапах.

— Медведя можешь взять,— разрешила Горго с благожелательней улыбкой, которой всегда наделяла меня, свою любимицу — Если только не используешь его, как украшение. Медведи любимы Артемидой.

— А почему бы не напасть прямо сейчас? — спросила новенькая.

Она явилась к нам неделю назад, сбежав от жениха, который, как она говорила, пропах рыбьим жиром и оставлял липкие отпечатки на ее теле всякий раз, как к ней прикасался. Она не удовольствовалась лишь тем, чтобы коротко подстричь волосы, а обрилась наголо, и теперь напоминала евнуха азиатских дворов.

— Мирмидонцы улавливают движение предметов по звуку. Они видят сяжками не хуже, чем мы — глазами, и могут свободно перемещаться в темноте. Сейчас идти рано.— Горго помедлила.— Мне нужны девять из вас, чтобы сопровождали меня. Первая Дафна. Именно она нашла нору. Нана, Дита, Каллисто...

На Локсо в этот раз выбор не пал. Она крикнула нам вслед, когда мы вереницей углублялись в лес:

— Дафна, приведи мне мирмидошку. Лучше совсем маленького. Я научу его готовить для меня дичь.

Мы обогнули поляну, где был прикован к камню Орион, наш священный медведь, и прошли милю до святилища Артемиды, небольшого обнесенного каменной стеной, высотой в два фута, участка, открытого небу. Дуб, с ветвей которого свисали медвежьи шкуры, вздымался посередине, точно одетый в меха циклоп. Дерево было для нас образом Артемиды. Каждая из нас протянула свое оружие — лук, кинжал и копье, чтобы богиня благословила их, и запели, вторя Горго:

— Тебе, охотница, тебе, дева, мы посвящаем наше оружие и нашу добычу. Иди с нами и даруй нам победу.

Горго вздохнула:

— Бедный Орион. Он не получал жертвы с тех пор, как ему отдали повелителя кентавров. Если мы захватим всех пятерых мирмидонцев, пожалуй, можно будет выделить ему одного.

На кровавой заре мы стояли у входа в пещеру людей-муравьев. Как только колесница бога солнца Гелиоса выкатилась из-за горизонта, листья вечнозеленых дубов вспыхнули, точно охотничьи ножи. Пчелы, роившиеся над увенчивавшим насыпь донником, заглушили наши движения. Мы осторожно раздвинули завесу из жимолости и отвалили от входа камень. И замерли, ожидая атаки мирмидонцев или посвиста стрел. Ни звука не раздалось из глубины. Мы вгляделись во мрак и увидели, что проход заканчивается обширным внутренним помещением. Набрав веток, мы подожгли их от угольев из переносной глиняной жаровни и метнули через проход. Мы знали, что скоро внутри разгорится пламя, которое превратит жилище мирмидонцев в царство Аида.

Мы прислушивались, ожидая, что вот-вот раздадутся голоса и топот ног, а затем — охваченные паникой мирмидонцы прорвутся сквозь пламя и почувствуют, насколько остры наши копья. Мы подбрасывали в огонь сучья, слушали и ждали. Что такое? Нора покинута? Или я все-таки привела своих подруг не к той груде?

Горго была раздосадована.

— Пусть огонь угаснет,— распорядилась она.— Когда дым станет пореже, мы их оттуда выгоним.

Несколько минут спустя она повела нас внутрь. Наши ярко полыхавшие факелы из сосновых веток осветили помещение. Моргая и кашляя в негустом дыму, мы увидели, что грязные стены увешаны коврами: водоворот пурпурного, ры-

жего и алого, точно в сердце вулкана. Плетеные циновки устилали пол, а кровлю поддерживала большая деревянная колонна, на которой был вырезан рельеф: мирмидонская царица со свитой. В дальней стене открывались три воронкообразных прохода. В пещере, как и от юноши, которого я встретила, приятно пахло кореньями и тимьяном.

Горго не колебалась.

— Вот этот,— сказала она, направившись к среднему тунелю. Наши факелы, подобные огромным бледным гиацинтам, осветили дорогу и выхватили из тьмы прочную кровлю над головами. Небольшие каналы, несомненно, для отвода грунтовых вод, бежали вдоль стен. Кровля была обработана чем-то вроде смолы, она блестела и многократно отражала пламя факелов. Было легко придти в замешательство, вообразив, что на нас идет целое войско. Мирмидонцы ловко все рассчитали, когда строили. Но я полагала, что они не бойцы, а трусы. Ну так когда же они покажутся?

Внезапно хлынувшая вода погасила наши факелы. Я замерла на полушаге и замолотила тьму над головой, прикрываясь щитом.

— Назад! К выходу! — вскричала Горго.

И тут сеть упала нам на головы. Паутина,— подумала я, в полном ужасе от собственной беспомощности. Я вцепилась в прочные нити. Чувствуя близость разогретых тел, я ждала, когда паучьи лапы прибьют меня к земле или черные челюсти вцепятся в меня в смертоносном укусе.

Но я не собиралась сдаваться. Я билась изо всех сил и каким-то образом умудрилась выпутаться. Кто-то схватил меня и прижал к полу. Гладкий, но мускулистый, и, хвала Артемиде, с двумя руками, а не восемью лапами. Мы вступили в борьбу, и я оттолкнула его руки от своего горла. Высвободившись, я споткнулась, но тут же поднялась и помчалась наружу. Я сразу потеряла направление. И вскоре вместо выхода, скорее ввалилась, нежели вступила, в огромный чертог, не меньше нашего лагеря, очутившись в лесу гигантских грибов. Их цвет и форма были различимы благодаря свету масляных ламп, которые свисали с земляных стен. Грибы с тонкими ножками и шляпками цвета кораллов, подобные нарядным зонтикам, которыми знатные троянки защищали от солнца нежные лица; грибы, толстые белые ножки которых были столь же широки, сколь и замшелые зеленые шляпки; грибы, растущие гроздьями, подобные жел-

тым осьминогам. Грибы, прямые и стройные, точно египетские обелиски; или — низкие с зубчатыми краями, будто звезды. Некоторые были в человеческий рост, другие скорчились у моих ног, словно толстые бурые улитки. Воздух наполнял мускусный, в целом довольно приятный, запах.

Вокруг медной жаровни сгрудились животные: несколько псов, старых и блохастых, одноглазая медведица и создание, величиной с корову, которое, к моему ужасу, оказалось насекомым: длинное, стройное и зеленое, с усиками и двумя парами крыльев. Звери зашевелились, псы залаяли. Они сразу сделались мне противны, эти животные мужчины. Но медведица мне понравилась, единственный зверь, на которого я никогда не охотилась и не хотела охотиться. Она взирала на меня без гнева и злобы, ее единственный глаз косился с дружелюбием и любопытством. Я двинулась к ней. Псы казались слишком старыми, чтобы представлять опасность. Но тут я услыхала шаги и нырнула в ближайший проход. Пол был гладкий, и даже во тьме шагалось легко, но я боялась, что сверху обрушится сеть, или от невидимых стен ударят копья.

Наконец я дошла до второй галереи и почувствовала себя, как Тесей, возвратившийся из Нижнего Мира. (Хотя, конечно, я все еще блуждала в здешнем Аиде.) На этот раз, судя по всему, я набрела на мирмидонскую гончарную мастерскую — с небольшой печью для обжига, еще не разожженной с утра, и столом, где в невысоких влажных мисках лежала свежая глина. На втором столе были сложены фигурки: одни еще не раскрашены, другие покрыты умброй и охрой; одноглазый медведь, несомненно, вылепленный со зверя из Грибного Чертога, повозка, влекомая двумя конями, женщина со змеями в руках. Я взглянула на нее со стыдом. Богиня плодородия, судя по змеям, не исключено, что Афродита, злодейка, увлекающая женщин, затуманивающая их разум, чтобы те размякли и доставили удовольствие мужчинам.

Я не слышала, что здесь кто-то есть, пока он не заговорил.

— Топтальщица муравейников! — произнес он и, улыбаясь, подошел ко мне.— Поймать тебя труднее, чем ласточку.

Ну что за дурак, подумала я, шагает мне навстречу такими гладкими и мягкими ножками — детский жирок с него еще не сошел, и с такой глупой улыбкой. Всю жизнь он ютился под землей или пробирался по городам, в то время как я закаляла тело, охотясь на оленей и ныряя за губками.

Я схватила богиню со змеями и запустила ему в голову. Промазала. Обнажила кинжал и встала у молокососа на пути.

— Мальчишка-мураш! — крикнула я.— Теперь ты от меня не сбежишь!

Едва ли я различила его движение. Даже львы не так проворны! Точно внезапная волна, он швырнул меня на пол. Затем усевшись мне на живот, схватил оба моих запястья. Я бесилась в совершенной беспомощности. Всего лишь небреющийся юноша, почти мальчик, а умудрился одолеть амазонку.

— Ты привела своих подруг в наше жилище! — сказал он, скорее утверждая, нежели обвиняя.— Да еще и разбила мою богиню.

— Я хотела разбить твой череп.

— Афродите это не понравится — (так это и была Афродита).— Но это хотя бы оказался не мой медведь.

— Я бы ни за что не разбила твоего медведя.

— Что вам здесь нужно?

— Все, что сумеем найти: орудия, фигурки...

— Мы бы уступили их за губки. Нет, думаю, вам просто хотелось с нами подраться.

— А если и так?

— Это убогая потеха. Вы напугали наших тлей. Теперь они будут несколько дней давать горькое молоко. А что до меня, то мне нужно разжигать печь, вместо того, чтобы сидеть на амазонке.

Все это время я едва могла дышать. Он невыносимо давил на меня. Словно тонны земли были навалены мне на грудь: душистой, но могучей и несокрушимой.

— Если я тебя отпущу, ты обещаешь не нападать на меня?

— Я ничего не обещаю,— прорычала я.

Тем не менее, он поднялся и помог мне встать на ноги. Мой кинжал он оставил у себя, засунув его за пояс набедренника. Затем указал на проход слева.

— Пойдешь передо мной,— распорядился он.

— Чтобы ты ударил меня в спину?

— Мы могли бы перебить всех вас, когда бросили сеть. Ты найдешь своих подруг целыми и невредимыми, там, снаружи.

— Думаешь, мы не вернемся?

— Вряд ли. В этот раз вы не напали на нас, а, точно поденки, угодили в ловушку паука. Что до огня, который вы развели, то дым быстро поредел в наших ходах и не принес никакого вреда. Нора у нас очень большая.— Похоже, он

призадумался.— А наверное, я мог бы оставить тебя, чтобы ты мне служила. Доила тлей и варила грибы. И, конечно,— злорадно добавил он,— исполняла бы другие обязанности женщины.— Он выглядел, как совсем маленький мальчик, который шепотом сказал гадость сестре. Приземистый, с веселыми глазами, довольный собой и надеющийся меня смутить, он ждал, как я это встречу. Я хлестнула его словами:

— Тогда бы я убила тебя во сне.

Он смутился. Он не ожидал такой злобы. Его было легко ранить, но его уязвимость почему-то не казалась слабостью.

В одном из помещений нас ждали его братья. Они улыбнулись мне по-доброму и участливо. Предводитель, они звали его Лордон, был выше остальных, хотя, по сравнению с обычным человеком, все они были невеличками, с глазами цвета янтаря, который находят в морских пещерах. И глаза эти, когда Лордон улыбался, оставались немного печальными, как если бы, подобно янтарю, они видели погибшие корабли, утонувших моряков, задохнувшихся ныряльщиков и дельфинов, разорванных акулами.

Помимо моего победителя, тут были двое близнецов с легким светлым пушком на подбородке, из которого они, несомненно, надеялись со временем вырастить мужские бороды. И еще один, самый младший, Келес, как они обращались к нему. Он уставился на меня огромными круглыми глазищами, как будто никогда не видел амазонку или хотя бы женщину. Он настороженно обошел меня по кругу, как охотник пойманного в сеть вепря; вылупился на мои кожаные наручни и покачал головой, уставясь на мою короткую стрижку. Я не могла на него сердиться. Признаюсь честно, я задумалась, как бы чувствовала себя, будь у меня пять таких братьев. Но не желала позволить, чтобы они догадались о моей женской прихоти.

— Лордон,— взмолился мой победитель.— Его имя, как я поняла, было Тихон.— Разреши мне оставить ее. Хотя бы ненадолго.

Ну что за бесстыжий мальчишка! Я попыталась проникнуться презрением к нему. И представила, как он разжигает печь и месит глину. Жалкий ремесленник. Неизмеримо ниже воина. И все же именно он вылепил медведей, которые согрели мое сердце. Более того, он одолел меня в честном бою. Моя грудь все еще содрогалась от тяжести его веса, но это не походило на боль: горение без огня, давление без груза.

— Почему именно эту? — спросил Лордон.

— Она такая хорошенькая,— выпалил тот.— Ничуть не похожа на остальных. Они-то все на одно лицо. А у этой глаза серые, а волосы совсем светлые, если это вообще волосы, и от нее пахнет жимолостью.

Клянусь Артемидой, он описал меня прямо как гулящую, матросскую девку.

— Нет,— возразила я.— Я...

Но он продолжал:

— А ее грудь,— и весь просиял,— благоухает, как два чудесных муравейника!

— Ты и дальше будешь позволять ему меня оскорблять? — воззвала я к Лордону.— Я почти что плоская, как щит!

Лордон осмотрел меня и, боюсь, что увиденное им на щит не походило.

— Что ты станешь с ней делать? — задумчиво спросил он.

— Он сказал, что заставит меня доить его гнусных тлей! — закричала я.

— А я бы приносил ей мед,— сказал Тихон,— на маленьких листьях кувшинок. Я бы каждое утро делал для нее новую постель из тростника и освещал ее покой светлячками.

Один из близнецов поспешил поддержать его.

— Мы бы все ей служили. Келес мог бы раздувать ей жаровню, смастерить для нее сандалии из кожи антилопы.

Келес кивнул и пробормотал едва слышно:

— И шляпу.

Но Лордон покачал головой.

— По правде говоря, мы не можем ей доверять. Нет, Тихон, пусть уходит вместе с остальными.— Он повернулся ко мне.— Можешь придти снова. Как друг.

— Ты расслышала мое имя? — спросил Тихон, когда я пригнулась, чтобы покинуть пещеру.

— Тихон.

— Да, оно обозначает удачу,— он поколебался.— А знаешь, я бы на самом деле заставил тебя доить тлей. Малявка!

У меня в глазах стояли слезы.

— Меня зовут Дафна,— сказала я.

Амазонки, лишенные оружия и выглядевшие так, словно боролись с неучтивыми осьминогами, ждали меня у выхода.

— Я услышала, как вы называли друг другу свои имена,— вскричала Горго.— Разве недостаточно проглотить, что они отобрали наши копья? Теперь ты еще и дружить с ними хочешь?

А я задумалась — как себя чувствуешь, когда спишь на тростниковой постели, и тебе служат пять нежных братьев? Или один брат?

Глава 3
БАГРЯНКА

Ныряя за губками на следующий день, я думала о чем угодно, только не о Тихоне. Я думала о новом луке, который вырезали из липовой ветви, об алой губке, которую нашла посреди кораллов, о ледяной воде и о том, как она покусывает меня, будто множество маленьких змеек. Но как только я перестала думать, Тихон пробрался обратно, точно медведь к горшку меда, и мне пришлось прогнать его ударом по рылу. Он примчался весело, вприпрыжку, а покинул меня, волоча ноги, с таким видом, словно вот-вот разрыдается.

Мы ныряли впятером в Бухте Кораллов. Как и мужчины на дальнем берегу, мы полностью избавились от одежды и не брали с собой в воду ни копьев, ни ножей. Нам доставляло удовольствие касаться губок голыми руками и отрывать их, внезапно и резко, от скал, к которым они прилепились, а затем, вылетая на поверхность, поднимать их над бортами нашей лодочки. Я обычно работаю с Локсо. Однако сегодня мне не хотелось отвечать на ее вопросы о нашем набеге на муравейник, о Тихоне и его братьях. Я поглядела в сторону пляжа. Она размещала губки, только что из моря, в мелком водоемчике, где ненужное сгниет, и останутся только упругие скелеты. Затем мы их прополощем и высушим, вот и готово.

Амазонка в лодке выжимала воду из большой лавандовой губки. Остальные были под водой. Никто за мной не наблюдал. Спокойно, не спеша, я обогнула мыс и уплыла прочь.

Вода за ближайшим рифом бурлила. Я прикрыла глаза от солнца, всматриваясь. Небо было безоблачным, солнце светило ярко, хотя и не сильно грело. Нет, там была не акула и не один из тех игривых дельфинов, которые иногда ныряют за губками вместе с нами. Я смутно распознала удлиненные очертания гиппокампа или большого морского коня. На нем сидел верхом человек. Мирмидонец. Сердце у меня подпрыгнуло от восторга. Даже амазонки не умеют разъезжать на этих норовистых скакунах. Всадник махнул рукой, и я без колебаний поплыла ему навстречу.

— Дафна,— окликнула меня Локсо, внезапно появившаяся из-за мыса,— не плыви туда!

«О Артемида!» — подумала я. Я что, ни на миг не могу избежать глаз и ушей моих соплеменниц? Я назвала мирмидонцу свое имя — и Горго выбранила меня; я удираю поплавать — и Локсо зовет меня обратно!

— Не беспокойся! — прокричала я.— Я к нему не приближусь!

Гиппокамп, хотя и стоял почти торчком — хвост прямехонько под головой, двигался большими прыжками, то и дело наклоняясь, скрываясь в облаке пены, и вдруг выныривая из волн, точно дельфин. Мирмидонец прекрасно чувствовал себя у него на спине. Да, это был Тихон, я, собственно, и не сомневалась! Обхватив скакуна коленями, он махал обеими руками и смеялся. Волосы упали на лоб, точно просыпавшееся зерно, а влажные крылышки, трепеща, сохли на ветру. Он казался порождением света, Фаэтоном, упавшим с солнечной тропы, но был здесь, в море, как у себя дома. Он увидел, что я запыхалась.

— Обхвати меня за талию! — крикнул он. (Веселый братец, вновь замысливший шалость и приказывающий сестре.)

Я заколебалась.

— Ты хочешь плыть обратно к берегу? (Братец, которому недостает терпения, но не пылкости.)

Я обхватила его талию, живот у него оказался твердый и мускулистый, и сомкнула ноги вокруг хвоста гиппокампа. Тихон легонько подтолкнул своего скакуна. Гиппокамп навострил уши и вытянул шею, точно лошадь, замыслившая укусить наездника, или, в нашем случае, второго ездока. Надо сказать, голова зверя имела не меньше трех футов в длину. Изогнувшийся над поверхностью моря, отряхивающий гриву от пены, он мало чем отличался от диких жеребцов во время укрощения. Мне доводилось приручать лошадей, но не покрытых чешуей, и не с одним только хвостом без всяких копыт. Я прикинула расстояние до берега и скорость, с которой придется плыть, дабы избежать его пасти.

— Ты в безопасности на его спине,— ухмыльнулся Тихон.— Отсюда он тебя не достанет.

— Не достанет? — повторила я.— Ты имеешь в виду, что он действительно кусается?

— Кусается! — вскричал Тихон.— Он может отхватить от акулы изрядный кусок.

Я еще крепче стиснула талию мирмидонца. Вода была прохладной, осень все-таки, и тело у меня задубело, будто корень прибрежного дерева, охваченный льдом. Лишь от Тихона исходило тепло.

Рывком, от которого я чуть не опрокинулась, мы начали скачку. Я закрыла глаза и приникла к спине Тихона, чтобы защитить лицо. Дитя солнца, он согревал мои конечности, прогоняя холодных змеек. Морская пена больше не жалила мне щеки, и шум от нашей поездки превратился в далекое слабое жужжание. Казалось, мы покинули воду и подались в воздух, наш могучий Пегас забирается все выше в небо и вот-вот вернет Фаэтона его отцу Солнцу.

Открыв глаза, я стала искать огненных коней, впряженных в солнечную колесницу. Но нет, мы по-прежнему были в воде. Наш скакун нес нас к маленькому островку, с трех сторон окруженному высокими зубчатыми скалами, похожими на гребни гигантских петухов. Тихон соскользнул со спины гиппокампа и следом за собой втянул меня на мелководье. Дружески похлопав гиппокампа, отпустил его. На прощанье тот, вроде как в голодном раздумье, поглядел на мою ногу и, вспенив воду, пересек узкий залив.

— Он немного ревнует,— рассмеялся Тихон.

— Он действительно укусил бы меня?

— Если бы я повернулся спиной. Они как дети. Думают, будто им можно все, что угодно, если на них не смотрят.

— Я рада, что он не вцепился мне в ногу,— пробормотала я.

Мы двинулись вброд к узкому каменистому пляжику. Сосны склоняли со скал кроны, точно девчонки расчесывали волосы. Дикая лаванда облепила иззубренные скалы, как будто пытаясь скрыть их острые края, а перья папоротника взъерошивались на ветру, не крепче того, который вызывают крылья зимородка. Залив моря и уголок суши, смешивая соль и зелень, встретились в нежной отчужденности. Похоже было на то, как если бы мы проникли в одну из тех душистых стеклянных бутылей, которые выдувают финикийские ремесленники.

— Я наблюдал за тобой некоторое время,— признался Тихон.— Думал, ты меня так и не заметишь. И не смел подъехать ближе.

— Тебе вообще приближаться не следовало. Горго в ярости после вчерашнего.— Я подумала — а что, интересно, я расскажу ей о нашей сегодняшней поездке? Ведь мне полагалось нырять за губками.

— Но прошел целый день с тех пор, как я видел тебя в последний раз! — он говорил об этом так, словно прошел год.

И внезапно я вспомнила нечто, весьма меня смутившее. На мне не было никакой одежды. За все годы, что я ныряю, я никогда еще не испытывала смущения, хотя на меня часто пялились проплывавшие мимо рыбаки. А теперь застыдилась и почувствовала себя уязвимой.

— А ну-ка повернись спиной,— велела я, и поспешила прикрыться цветами и травами. И покраснела, когда вся эта растительность приняла вид хитона. Амазонка, вырядившаяся в розмарин вместо шкур!

— Вовсе не нужно было одеваться только из-за меня,— заметил он.

И я увидела, что его набедренник, перекрученный и сморщившийся в воде, едва ли можно назвать одеждой.

— Но цветы тебе к лицу. Куда больше, чем медвежья шкура.— И ловкими пальцами вставил в мои волосы жонкилию.

— Да,— криво ухмыльнулась я, стряхивая жонкилию наземь.— Волосы у меня были слишком коротки, чтобы удержать стебель.— Они рассыплются, чуть только я двинусь.

— Такова красота цветов. Мимолетна и преходяща.

Он хотел воздать цветам хвалу за их красоту или за то, что они явят, когда осыплются с меня? Как раз о таких двусмысленных замечаниях мужчин меня издавна предупреждали.

— Артемида носит медвежьи шкуры,— торжественно произнесла я.

— Когда Афродита явилась из пены морской, ветры облекли ее анемонами.

— Я служу Артемиде.

— Она не единственная богиня.

— Но она самая сильная.

— Если ты имеешь в виду телесную силу, ты, возможно, права. Не сомневаюсь, что у нее могучие икры, если учесть, сколько она охотится.

Я переменила тему.

— Ты так искусно ехал на гиппокампе. Я никогда не смогла бы на него сесть.

— Он много раз сбрасывал меня, пока я пытался его усмирить. Но теперь мы привыкли друг к другу.

— Ты хороший наездник,— сказала я с недоумением.— И вчера здорово дрался. Но в городе... Вы с братьями пробираетесь по улицам, словно прокаженные. Дали бы этим лю-

дишкам отпор. Ведь на самом деле они трусы. Показали бы им, как мы, что такое гордость.

— Гордость?! — вскричал он.— Мы — мирмидонцы!

— Ты хочешь сказать, у вас есть крылышки, усики, а кожа медного цвета?

— Да.

— И никто никогда не говорил вам, какие вы славные?

— Мать говорила. «Вы не такие, как все»,— повторяла она. Но отличие может быть и плюмажем на воинском шлеме, и клеймом раба.

— Ну и...

— Пришли пираты. А после того, как они убрались, мы мало-помалу стали смотреть на себя глазами эгинцев. И стыдиться. Мы не боимся драки. Но боимся, что у нас нет права драться. Они живут в домах, а мы в подземных норах. У них кожа белая, а у нас медная.

— Но у вас есть крылья.

— Крылышки-невелички. У самой неуклюжей птицы и то лучше.

Возможно, подумала я, все-таки, в конце концов, есть прок ото всех этих женщин, жен и матерей, которые остаются дома, пока их мужчины ходят на войну Воюют мужчины, но кто, если не женщины, заставляют их почувствовать, что они бились храбро и вернулись, словно цари? Мужчинам не нужны зеркала из серебра и бронзы. Но разве женщины для них не зеркала их доблести?

— Ну,— произнесла я,— тогда я тебе сейчас скажу. Вы вовсе не безобразны. Вы в своем роде даже красивы. Например, ваши волосы. Если бы я могла отпустить свои, я бы хотела, чтобы они стали, как у тебя. Как что-то лесное. Желтые полосы пчел. И при этом мягкие, как...— Я сбилась, ища слова. Амазонки — неважные ораторы.— Как пыльца на крыльях бабочки. А твое тело? Кожа, конечно, слишком мягкая, прости меня, если говорю, как девчонка, но цвет радует глаз. И под ней таятся мускулы. Как... Как омары под гладью залива!

Он странно на меня посмотрел, словно, взвешивая мои слова, пытался увидеть себя таким, каким его видела я.

— Когда я наблюдал, как ты собираешь губки,— сказал он, наконец,— я подумал кое о чем давнем-предавнем. Знаешь, что делала с губками моя мать? Она окунала их в мед и давала мне высасывать. Мы с братьями часто бывали голод-

ны. Это было так хорошо, испытывать голод. Мы знали, что скоро нас накормят.

Я представила себе, как он был ребенком, и представила их царицу, его мать с длинными прозрачными крыльями, протягивающую ему напитанную медом губку. Затем мысленно увидела на ее месте себя. Опять женская дурь!

— Губки нужны воинам! — сердито сказала я.— И атлетам. Чтобы погрузить в поток после долгого перехода и выжать себе в рот. Или чтобы после игры натереться маслом.

Он что-то положил мне в ладонь. Раковину багрянки, свивавшуюся дивными кольцами, с зевом, пурпурный край которого переходил в розовое. Из таких раковин жители Тира добывают свою прославленную краску, любимую властителями.

— Она проделала долгий путь,— заметила я.— Зев у нее щербатый.

— Она жила в сумерках вместе с морской звездой и кораллами. А теперь вышла на солнце. Она твоя.

Я не хотела оставлять его дар на свету. Я зажала его в ладони, словно то был кошачий глаз, камень, который гладят ради удачи египетские дети.

— Ты закрыла ее от солнца,— сказал он.

— А что я должна с ней делать? — спросила я в искреннем недоумении.

— Ничего.— Он рассмеялся.— У нее нет определенной цели. Раковина просто существует, и все.— Затем впервые назвал меня по имени.— Дафна,— произнес он. И замолчал. Я всегда любила свое имя, помня о Дафне, которая бежала от объятий Аполлона. Оно так странно прозвучало, слетев с его губ, словно больше не принадлежало мне. Он взывал к незнакомке из глубин меня, как некромант свистом призывает белолицых духов прилива. Я хотела напомнить ему, что Дафна — это амазонка, которая недавно ныряла за губками, что он не должен искать другую Дафну, которая и впрямь может обитать в морских пещерах моего сердца, но которую лучше оставить в ее укрытии. Она может оказаться опасной на свету. Демоном с глазами, как затененные агаты, и волосами, шелковые пряди которых могут удавить нас обоих.

Он положил голову на мое плечо так быстро, что мне показалось, будто стрела пронзила мне кожу. Я напряглась и едва сдержала крик, как на охоте, когда меня ранит зверь.

— Славные цветы,— сказал он.— Розмарин. И ты.

Волосы у него были мягкими, как я себе и представляла, точно пыльца с крыльев бабочки — и, даже после того, как он столько проплыл, он пах тимьяном. Голова его казалась залитым солнцем уголком. Я попыталась прикинуться, будто воспринимаю его, как ребенка. Кого-нибудь вроде той беспомощной маленькой девочки, которую спасла, найдя на холме, Горго.

Она вдохнула воздух в мои легкие, чтобы вернуть меня к жизни, и согревала меня в колыбели из своих рук. Но он все-таки был не дитя и, безусловно, не девочка. Я не могла заставить себя по-матерински положить руку на эти мягкие, словно крылышки, предательские волосы. Этот юнец был почти мужчина, угроза для любой амазонки. Но теперь он засыпал. Я не желала тревожить его. Постепенно напряжение покинуло мои мышцы, как после охоты, когда Горго натирала меня оливковым маслом. Блаженная дремота пробежала по моим жилам, точно мед.

Он не уснул. Он ждал. Его губы обожгли меня, словно раскаленные угли, и он поймал меня в жаркое сплетение рук.

— Дафна! — вскричал он. На этот раз во весь голос, дерзко, он призывал ту, другую, подняться из глубин, ту, с удушающими длинными волосами и агатовыми глазами.

Он хитростью заставил меня снять броню. Я чувствовала себя, как женщина из города, купленная для матросских утех... Он заплатил раковиной? Я ощутила, что нечиста, точно убитый олень, с которого содрана шкура, и которого бросили гнить в лесу. Я завопила и, содрогаясь, стала вырываться. Он не пытался меня удержать.

В заливчик вошла лодка амазонок. Мои подруги услыхали мой вопль. Я зашлепала по воде, цветы и побеги волочились за мной, и вот я упала на борт. Локсо подала мне руку, я перевалилась и рухнула, точно сеть, тяжело груженная губками. Три амазонки выскочили на пляж. Тихон не сопротивлялся. Он протянул руки, которые они тут же связали ремнем, и побрел впереди них к воде и черной лодке с высоким загнутым носом.

Локсо откинулась назад подле меня.

— Мне пришлось их привести,— прошептала она.— Я боялась за тебя. Я сказала им, будто он взял тебя силой.

Едва ли я ее слышала. Тихон скорчился на носу, даже крылышки его были связаны, и дрожал, словно подхватил лихорадку, которой веет с болот.

— Я хотел только поцеловать тебя,— сказал он.

Я отвернулась.

— Ты сказала, что я... не так уж и некрасив. Что мне следует гордиться собой.

Я по-прежнему ничего не отвечала.

— Возможно, ты правильно сделала, что подняла крик. Я поцеловал тебя так неловко. Меня клонило в сон, но от тебя пахло розмарином... ну, я и сдурел от твоей красоты.

Я отчаянно пыталась найти слова. Он поступил со мной недостойно, в этом я по-прежнему была уверена, но я наверняка сама искушала его по причине своей неопытности. Теперь его жизнь была в опасности. По моей вине.

— Конечно,— продолжал он,— мне хотелось тебя поцеловать с самого начала...

Локсо влепила ему пощечину.

— Мы не желаем слушать эти мерзости.— Она ударила его из-за меня, чтобы он не разбудил во мне снисхождение. Но мне захотелось вышвырнуть ее из лодки.

Глава 4
КРУГ СВЯЩЕННОГО МЕДВЕДЯ

Я ухватила одну из своих соплеменниц за руку.

— Погодите высаживаться,— сказала я.— Сперва вы должны его отпустить.

— Но он пытался совершить над тобой насилие!

Локсо поспешила вмешаться.

— Дафна всегда была мягкосердечна. Ей просто жалко этого негодяя, Олимп ведает почему.

Лодка ударилась о песок и трепетала, пока не успокоилась. Подталкиваемый копьем, мирмидонец поднялся на ноги и перебрался через борт. Упал на мелководье и забарахтался, как дельфин, выброшенный на отмель приливом. Локсо удержала меня, помешав броситься ему на помощь. Наконец, он поднялся на ноги и, окруженный амазонками, выбрался на пляж меж рядами сушившихся губок.

Горго приблизилась к нам широкими шагами, сопровождаемыми хрустом ломающихся под ногами сухих веток; песчинки, вертясь, летели из-под ее сандалий. Длинные жилистые конечности казались каменно-твердыми, и все же она была прекрасна, как бывает прекрасен камень, который море отточило до гладкой и твердой сердцевины, или новый ред-

костный металл — железо, которому кузнецы придают невиданную и звонкую силу. Как и прочие амазонки, исключая Локсо, она решила, что Тихон взял меня против моей воли.

Она прижала меня к груди.

— Дафна, сестричка!

Я должна была рассказать ей, что случилось. Она всегда любила меня, может быть, она поймет.

— Горго,— начала я.— Я обязана рассказать тебе...

Она обхватила мою голову ладонями, внезапно сдавив, наполовину в знак любви, наполовину наказывая.— Моя бедная Дафна. Вот видишь, что бывает, если болтать с мужчиной, пусть и с муравьем. Ты назвала ему свое имя, и вот, на другой день, он устроил на тебя засаду.

— Нет,— быстро ответила я.— Мне хотелось с ним уйти. Я пошла, как его друг.

Горго содрогнулась, как если бы я ударила ее мечом плашмя.

— Ты хочешь сказать, что ты распутница?

— Он только поцеловал меня. Его не за что наказывать.

Она хлестнула меня по лицу внезапно и жгуче.

— А как насчет тебя, дешевая шлюшка из города? Ты останешься безнаказанной? Твой отец знал, что делал. Зря я не оставила тебя волкам на растерзание.— Она сорвала с себя кожаный пояс и связала мне руки.

— Ты делаешь ей больно,— произнес Тихон. Несмотря на свои путы, он говорил властно.— Развяжи ее немедленно.

Горго рассмеялась и пихнула меня в сторону леса.

Никто не смог остановить Тихона, когда он на нее бросился. Она согнулась, точно мачта в бурю, и упала наземь близ него. Когда она пыталась встать, он лягнул ее по лодыжкам, и тогда другие его оттащили. Горго, пошатываясь, поднялась на ноги.

— Ты когда-нибудь чувствовал на своей шкуре медвежьи когти? — прошипела она.

— Медведи мои друзья,— ответил мирмидонец.— Они на меня никогда не нападали.

Горго вцепилась ногтями в его щеку.

— Тихон,— сказала я, когда мы двинулись к лесу.— Я причинила тебе большой ущерб. Я видела, что его руки побелели, словно морская пена. Мне хотелось развязать его путы. И губкой, смоченной в оливковом масле, смыть кровоподтеки с его лица.

Он улыбнулся.

— Камни богов можно обратить в хлеб.

Его звали Орион. Прикованный к камню, он мог описывать круг, но не мог достать амазонок за пределами этого круга. Он был большой и косматый, неровно-бурый, точно корабль, вытащенный на берег. С гноящимися ранками, неизменными среди его шерсти, как рачки на днище корабля. Он ненавидел свою цепь и нас, которые его приковали. Эта ненависть пылала в глазах и поднималась из его груди, будто рой рассерженных пчел. Три амазонки погибли на охоте за ним. Мы никогда не пытались с ним подружиться. Мы считали, что не должно ублажать и задабривать зверя Артемиды, точно какую-нибудь городскую собаку. Мы нашли его как убийцу, и давали ему новые причины убивать.

Не считая дозорной, все наше племя собралось поглядеть на потеху. Они походили на липы, среди которых стояли. Некоторые из деревьев были молоды, но стволы пострадали от дятлов, болезней и бурь. Амазонки тоже гордились шрамами: рубцом, пересекающим плечо или икру, зубчатой звездой, пылающей во лбу, глубокой коралловой отметиной, которую оставила меткая стрела. До сих пор я стыдилась своей нетронутой кожи. Мои раны не оставляли шрамов, которые можно было бы носить, точно перья. Но теперь я впервые захотела сказать подругам: «Вы сделались твердыми, как лес, изборожденными, как деревья, и более жестокими, чем цепной медведь». Я гордилась, что стою связанная в стороне от такого общества. И все же радовалась, что они привели меня с собой. Они хотели видеть, как я буду страдать, когда станет умирать Тихон, но я надеялась, что, возможно, я смогу ему помочь, пусть всего лишь — умереть.

Я следила, как они занимают свои места: девушка, покинувшая жениха, потому что от него разило рыбьим жиром (люби — и он благоухал бы); рядом с ней Геба, тщеславная девушка, которую прельщали золото и каменья. Она остригалась, и как будто забывала свои мечты. Но с такой любовью проводила пальцами по кинжалу, словно то был драгоценный шелк с востока; но кинжал не подходил ей, как и шелк; отрезав волосы, она лишь омрачила свою красоту.

Одна Локсо казалась встревоженной. Мои охранницы бдительно следили, чтобы мы не приближались друг к другу, но она один раз улыбнулась мне из-за деревьев. Она ставила себя под удар, оставаясь моим другом, но я знала, что скоро она присоединится к остальным, призывая к убийству. Даже наша дружба не смогла бы заставить ее сжалиться над мирмидонцем.

Пора было начинать игру. Амазонки беспокоились, волнение нарастало. Геба, чтобы отвлечься, делала зарубки на стволе липы.

— Медведицы Артемиды! — крик Горго завладел вниманием всех. В том числе и вниманием Ориона.

Горго, улыбаясь, стояла на краю круга. Она опустилась на колени и, медленно, словно во сне, двигаясь, положила перед медведем свежеубитого оленя.

Едкий запах крови покалывал мне ноздри. Куда более чувствительному носу Ориона этот запах наверняка казался влекущим и будоражащим. Но медведь соблюдал осторожность. Он не мог верить своему счастью. Нечасто амазонки бывали к нему добры. Наконец, волоча за собой цепь, он приблизился к угощению. Но только приблизился: натянув цепь до предела, он смог лишь коснуться лапой оленьей туши. И все. Он нетерпеливо забил изогнутыми когтями и отодрал от туши несколько жалких клочьев мяса, которые еще больше раздразнили его. Облизывая лапу, медведь с нетерпением оглядывал тушу. Как бы завладеть всем этим мясом, чтобы устроить пир?

Между тем, две амазонки, ведя Тихона, бесшумно вступили в круг и приковали пленника за ногу к тому же камню, к которому был прикован медведь. Развязали мирмидонцу руки и поторопились покинуть круг. Как только они поравнялись с деревьями, Горго всадила в оленью тушу копье и рывком отбросила ее подальше от голодного хищника.

Орион встал на задние лапы, выпрямившись во весь рост, и грозно заревел. Он натянул цепь с такой силой, что она зазвенела, точно сотня готовых к выстрелу луков. Амазонки у него за спиной перешли к действию. Они принялись обстреливать его камушками. Но как только разъяренный зверь развернулся к ним мордой, они прекратили его задирать и скрылись среди деревьев. И вместо амазонок медведь увидел Тихона.

Он поглядел на мирмидонца, затем на лес. Он был не тупица. Целый град камней, и всего один враг; нет, где-то там, за деревьями, должны прятаться другие. Глазки медведя метались из стороны в сторону. Он принюхался. И почуял амазонок. Не мало-помалу, а сразу стали ощутимы для него их пот и одержимость, их возбужденное волнение. Он не мог дотянуться до них, стоящих под липами, но от Тихона тоже попахивало ими. И Тихон преграждал дорогу.

— Тихон! — вскричала я.— Этот медведь — убийца!

Амазонки оцепенели в ожидании начала схватки. И стали громко биться об заклад.

— Он пустит в ход цепь,— сказала одна.— Чтобы спутать эти мощные ноги.

— Нет, он ослепит его песком и камнями,— считала другая.

Или пустится бежать, опасалась я; уворачиваясь, отчаянно, по кругу, по кругу, из которого не выбраться, пока, измученный, не рухнет. Амазонки хотели увидеть, как медведь раздавит мирмидонца в последних безжалостных объятиях; Тихона, человека-муравья, который жил под землей, как насекомое; Тихона, мужчину, который сделал амазонку готовой утолить его похоть. Я понимала ненависть моих соплеменниц к нему и ко мне, но их развлечения стали мне ненавистны. Я не хотела, чтобы мой друг умер им на потеху.

Тихон протянул руку и заговорил. Орион остановился в изумлении. Враги либо бежали от него, либо вызывали на бой. Никто никогда не ждал его, что-то ему говоря. Бурая голова медведя закачалась на горбатых плечах. От него пахло старой кровью и свежей тушей, которую он только что драл когтями. Слова Тихона не были понятны мне, Ориону, похоже, тоже. Но голос мирмидонца звучал выразительно: тихий, твердый, завораживающий. Он просил о дружбе, не унижаясь, на равных. Он с достоинством добивался приязни старого, рассерженного и недоверчивого зверя. Каким маленьким он казался! Медвежонок, который смутил мои мысли, беззащитный, юный, говорящий на древнейшем языке земли о вековых страданиях.

Когда Орион ударил его, он взмыл в воздух, словно прыгнул с доски-пружины, как темнокожий акробат из Ливии. Лишь зелень его огромных глаз выдала изумление и боль. Запоздало забив крылышками, он упал наземь, простонал и закрыл глаза. Медведь направился к нему, медленно, все еще с любопытством, все еще сбитый с толку этим малявкой, который встал у него на пути.

Амазонки ликующе завопили и потянулись к упавшему мирмидонцу. Как древние критяне вокруг своей арены, чуть только боец совершит промах. Они предвкушали убийство. Мне показалось, что никто на меня не смотрит, и я двинулась к кругу.

Горго схватила меня за плечо. Ее ногти порвали мой хитон.

— Ты подойдешь к нему? Туда?

— Да. Пусти меня.— Ее сила была чудовищной.

— Неважно,— сказала она с холодной усталостью.— Ты меня уже покинула.

Спотыкаясь, я зашагала в круг, чтобы опуститься на колени рядом с мирмидонцем. Я не могла коснуться его связанными руками. С мгновение, не больше, я держала голову у его груди. Звериные когти прошлись по его телу, и раны колыхались на его груди, точно влажные пескари. Но я слышала, как бьется его сердце.

Я поднялась и встала лицом к медведю. Я не могла с ним схватиться. Я могла только увести его от Тихона. Я почувствовала жар его дыхания и уловила смрад крови. Крикнув «Орион!», я увернулась, чуть не задетая по-змеиному быстрым ударом лапы.

Я тщетно напрягала слух, ожидая глухого стука задних лап, низкого и сердитого грудного рыка. Неужели мне так и не удалось отвлечь его от мирмидонца? Точно Орфей, и с такой же опасностью, я поглядела через плечо.

Быть того не может. В круг вступил второй медведь. Со вспышкой надежды, острой и мучительной, как внезапная боль, я узнала одноглазую медведицу мирмидонцев, и поняла, что ее послали братья. Однако амазонкам ее приход, скорее всего, показался случайностью, забрела в их круг из лесу, и только. Они наверняка подумали, какая теперь предстоит забава с двумя жертвами и двумя медведями! А когда медведи задерут обе жертвы, то несомненно, кинутся друг на друга и станут биться насмерть.

Но медведи, не обращая внимания на людей, приблизились друг к другу скорее с любопытством, чем с враждебностью. Они настороженно кружили, обнюхивая друг друга, а затем, к досаде распалившихся амазонок, стали завязывать дружбу. У одного была видавшая виды шкура, словно днище старого корабля, у другой — единственный глаз, придававший ей сходство с бурым циклопом. Но самца и самку, влекло друг к другу волшебством леса, которое всегда озадачивало меня, касалось ли дело людей или зверья.

Амазонки собрались, чтобы увидеть кровавую расправу, а не брачные игры. Они принялись бросать в животных мелкие камешки. Но те не обратили внимания. Тогда Горго, вопя, прыгнула в круг и ткнула Ориона кончиком копья. Он вырвал у нее копье из рук и ревя, от досады, что ему помешали, вернулся к новой подруге. На Горго он обратил внимания не больше, чем на суетливую белку.

Я воспользовалась суматохой, и, не теряя времени, подобралась к Тихону. Руки у меня были связаны, поэтому я осторожно толкнула его ногой.

— Дафна,— сказал он, моргая.— Медведь...

Я указала на второго зверя.

— Пришла твоя подруга. Можешь развязать мне руки? Я попробую разорвать твою цепь.

Амазонки обезумели от разочарования. Забава была безнадежна испорчена.— Никто, ни человек, ни медведь,— не был ни убит, ни хотя бы покалечен. Казалось, они должны придумать, куда им выплеснуть свое возбуждение.

— Дафна вот-вот освободит его! — вскричала Геба. Как она была безобразна, когда летела на меня с кинжалом! Нет, не следовало ей стричься.

Она остановилась на полпути и принялась шлепать себя по руке. Оперенные тельца, похожие на больших разъяренных пчел, со свистом вылетали из невидимого оружия, а затем с шумом лезвий, протыкающих спелые гранаты, вонзались в плоть. Геба упала наземь с безмерным удивлением во взгляде и продолжала покачиваться на коленях даже после того, как потеряла сознание.

Мирмидонцы возникли в лесу, точно статуи из солнечного света. Неужели здесь были только четверо юношей и один ребенок? Казалось, они везде и всюду, большое воинство, а не горстка. Казалось, они выходят из световых потоков и вместе со светом движутся через зеленый лес. Я увидела у их губ духовые трубки. Увидела, как оперенные стрелки с пением поражают цель. Увидела их победу.

Лордон перерезал мои путы. Мы вместе подняли Тихона на ноги, а Келес зажал его цепь меж двумя камнями, чтобы порвать ее.

Горго наблюдала за нами. Стрелка торчала из ее ноги, и она шагала, с трудом переставляя ноги, словно одолевая вброд бурный ручей. Она подняла лук упавшей амазонки и приладила стрелу, но рукам ее недостало силы, чтобы натянуть тетиву. Она уронила оружие и упала у подножия дерева. Ее одурманенные, полные страдания глаза больше ничего не узнавали.

Некоторые амазонки лежали на земле. Другие пытались отступать, петляя меж лип, таща за собой подруг, пошатываясь и шлепая себя ладонями по ранам. Локсо помогала ошеломленной вялой Гебе покинуть круг. Со стороны медве-

дей опасность не грозила. Ортан, один из близнецов, порвал цепь Ориона, и оба зверя вразвалочку подались в лес с величавым безразличием к пошлой людской свалке позади них.

Мирмидонцы скользили по лесу: бронзовые, неправдоподобно юные, напоминавшие детские грезы о доблести, в которых вражеские стрелы летят мимо, а с силой пущенные копья обращаются против метнувших. Птицы голосили в кронах деревьев: ласточка и голубка, дятел, сова и галка, бесчисленные лесные голоса славили победителей, которые одержали справедливую победу над амазонками, этими незваными гостями в лесу, этими бессердечными охотницами. Когда-то, неужели только вчера, я любила иззубренный камень и вечнозеленый дуб, из которого было мое копье; любила суровость и жестокость леса, но не его беззащитность, волка, но не оленя.

Я покрепче ухватилась за руку Тихона.

— Болит?

— Немного,— признался он.

Не замедляя шага, Лордон наклонился и поднял брата на руки.

— Домой,— сказал он.— Я сварю для тебя листья мяты в молоке тли. Помнишь, наша матушка считала это лучшим снадобьем? — И порывисто прижался щекой к волосам брата, запачкавшись кровью. И я поняла, что мужчины могут быть мужественны и в нежности.

— А как насчет листьев бергамота? — спросила я, не очень уверенная, вправе ли встревать в разговор братьев, и все еще в ужасе при мысли о молоке большого зеленого насекомого, которого видела в грибной пещере.— Если их смешать с медом, они возвращают силы.

— Мята, бергамот, мед и молоко,— радостно произнес Тихон.— Думаю, со мной потребуется возиться несколько дней.

Когда Лордон устал от своей ноши, Конисал и Ортан по очереди сменили его. Даже Келес вызвался нести брата.

— А кто же понесет тебя? — рассмеялся Тихон.

— Я оказался достаточно большим, чтобы застрелить трех амазонок,— огрызнулся мальчик. Его братья, как я узнала, не намеревались втягивать его в бой. Он последовал за ними от муравейника и бился с отвагой опытного воина.

— И ты порвал мою цепь. Ни у кого нет сомнений в твоей храбрости. Весь вопрос в размерах.

— Ладно,— заметил Келес,— если Дафна будет нам стряпать, я уж точно быстро вырасту.

Стряпать, еще чего! Я только и могла, что сварить оленье бедро. А что до овощей, подливок, хлеба...

— Лордон, как ты узнал, что Тихон попался? — торопливо спросила я.

— Мы увидели с берега вашу лодку и Тихона в ней. Поскольку у нас недостаточно сил, чтобы напасть на лагерь, мы ждали, пока вы соберетесь в круг. Мы послали вперед медведицу, чтобы отвлекла амазонок. Однако посреди леса она вдруг уперлась. Не иначе, как ее испугал запах Ориона. Нам пришлось ее уговаривать, обещать ей мед. Поэтому Тихон и был ранен, прежде чем она появилась.— Лордон помедлил.— Не стоит беспокоиться о твоих подругах, Дафна. Мы смачиваем стрелы муравьиной кислотой. Она обжигает и вызывает оцепенение, но не смертельна.

— У вас были все причины истребить нас.

— Если бы вы убили Тихона, не уцелели бы,— заметил он.— Но случилось так, что мы успели вовремя... Мы пытались вас понять. Вы во многом похожи на нас, если разобраться. У вас нет мужчин. У нас нет женщин. Это иногда делает раздражительными, не только вас, но и нас тоже.

— А что если они явятся следом к вашему муравейнику?

— Мы уже изменили вход. Старый завален камнями.

— Как вы можете доверять мне, Лордон? Ведь я виновата в том, что Тихон угодил в руки амазонок.

Он не настаивал, чтобы я объясняла подробнее.

— Амазонки больше не твой народ. И мы это знаем, Дафна.

— Нет, они не мой народ.

— Тебе будет их не хватать?

— Я буду скучать по Локсо. Но не по остальным. Хотя наша жизнь казалась временами такой славной. Полной свободы и отваги.

— Есть и другие добродетели, помимо отваги.

— Мне придется им научиться.

— А ты с ними уже знакома,— сказал Тихон. А я-то думала, будто он спит на руках Ортана. Он поднял голову и коснулся моей щеки, легко, точно упавший с дерева лист.

Я любила его. Я бы умерла за него. Но великая печаль о том, что я утратила, и о том, что мне еще предстоит утратить, шевельнулась во мне, точно серый мотылек осени. Я ощутила его крылья и холодную снежную пыль...

Глава 5
АФРОДИТА

Прошла неделя после разгрома амазонок.

— После того, как поедим,— сказал Тихон,— я дам тебе сокровище.

— В городе считают, будто это груды золота,— заметил Ортан, точно маленький мальчик, у которого есть какая-то тайна.— Но это не так.

— И это не холмы из жемчуга,— добавил его близнец Конисал, дергая пальцами жалкую растительность на подбородке, словно упрашивал ее поскорее превратиться в настоящую бороду.

— Оно принадлежало нашей матери,— объяснил Лордон. Его печальные янтарные глаза казались слишком старыми для его лица. Из всех братьев только Лордон видел нападение пиратов. Спрятавшись на краю пляжа, он наблюдал, беспомощный, как уводили его мать. Он хотел подбежать к ней. Она заметила его и покачала головой: возвращайся к своим братьям.

— До того, как оно досталось ей, один мирмидонец нашел его в пещере у моря. Мы думаем, египтяне спрятали его там, а потом не вернулись.

Мы сидели на трехногих табуретах за столом из дуба и липы, и ели. В открытый дверной проем я видела огоньки в очаге и вдыхала запахи кухни во всем их изобилии. Келес обносил нас глиняными блюдами: жаркое из черных грибов, разрезанных на кусочки, которые удобно брать пальцами; медовые лепешки, усеянные зернышками мака; анчоусы, сдобренные похожей на морковь сильфией; угри и устрицы, каштаны и аметистовый виноград. Мы говорили о разном. О ребрах Тихона, помятых, но не сломанных, о поражении амазонок, о не вернувшейся из лесу одноглазой медведице. Но слово «сокровище» постоянно слетало с их губ и звенело в воздухе, точно сияющее имя бога. Сокровище, не имеющее цены... Самую его природу я не могла представить. Я уважала братьев за сдержанность. Повозка из кованой бронзы или обычные камешки, собранные на пляже, могли бы красноречиво сказать о любви Тихона. Похоже, сокровище станет его брачным даром. И, приняв этот дар, я приму Тихона как мужа.

Я любила его. Я видела, что ему нужна женщина, в которой, как в зеркале, отражалась бы его доблесть. Но с серых крылышек все еще сыпалась снежная пыль.

Я вдоволь пила молоко тли, смешанное с вином: чтобы утопить серого мотылька. Я говорила, пока мой голос не отскакивал эхом от темной крыши, и не начинало казаться, будто кто-то чужой орет на меня, точно городская женщина на рынке. Одна из коров-тлей, привязанных у очага, освободилась и вторглась в наше общество, прося лакомств. Я устроила целое представление, кормя ее медовыми лепешками, и спросила братьев, не научат ли они меня доить. Когда весьма смущенный Келес выгнал ее из зала, я ощутила молчание как нечто осязаемое, как прохладу и всепроницающий туман.

Тихон, похоже, тоже чувствовал себя неважно. Он был основательно помят, но я догадывалась, что дело не в ранах. Он понимал мой страх.

Он передал мне угря и с беспокойством наблюдал, как я жую, изо всех сил прикидываясь, будто получаю удовольствие.

— Не хочешь медовую лепешку? — спросил он, а я скормила все до последней крошки корове-тле.

Я хотела утешить его, но не могла заставить себя взять его за руку. Я чувствовала себя, как сухая губка, жаждущая благодатной влаги.

В конце пиршества мы совершили возлияние неразбавленным вином Агатодемону, Доброму Духу, вытерли пальцы кусочками хлеба и тяжело поднялись с табуреток. Келес, жуя угря, поспешил убрать блюда.

— Идем,— сказал Тихон.— Самая пора для сокровища.

— Келесу понадобится помощь,— заметила я.— Он был слишком занят, чтобы поесть.

— Мои братья помогут ему. Кроме того, он уже поел. Разве ты не заметила, насколько убавилось медовых лепешек?

Мы начали спуск по низкому петляющему проходу, по обе стороны от которого открывались комнаты с высокими сводами, некоторые пустые, некоторые обставленные ложами, треножниками и жаровнями.

— Когда-то,— с гордостью сообщил Тихон,— все они были нужны. И еще будут.— Ни пыль не скопилась на сундуках лимонного дерева, ни ржавчина не покрыла мечи, висевшие на обработанных блестящей смолой стенах.

Воздух стал холодным, будто в очень глубоком колодце. Ледяные жемчужинки влаги падали с кровли и обжигали кожу. Я содрогалась и жалела, что мою голову не защищает густая грива. И мне казалось, будто мы идем по спирали в середину огромной багрянки. В пламени нашего факела глад-

кие стены отсвечивали розовато-пурпурным, а из глубин земли исходил непрестанный низкий гул, подобный ропоту моря в раковине.

— Голоса мертвых,— сказал Тихон.— Они зовут Персефону вниз, из солнечного мира.

— Почему она им отвечает?

— Она наполовину влюблена в смерть.

Я пошатнулась и оперлась о него. Клубок змей, подобный голове Медузы Горгоны, завертелся у нас на пути. Тихон позволил змеям скользнуть по своим сандалиям.

— Они приносят удачу. Добрый Дух, знаешь ли, часто принимает вид змеи. Да, и Афродита держит двух змей в руках.

Но, что бы ни говорил мне Тихон, змеи грубы и непристойны.

Палата сокровища была невелика и пуста, не считая ларца из синего фаянса.

Мой спутник засветил факел, наклонно торчавший из углубления в стене.

— Теперь я тебя оставлю. Что найдешь, твое.— Он, должно быть, заметил, в каких я сомнениях.— Дафна,— добавил он,— ты не обязана принимать сокровище. Ты можешь просто остаться с нами, как наш друг.

Я попыталась улыбнуться.

— Если сокровище говорит от твоего сердца, я не желаю отвергать его.

Оказавшись одна, я вспомнила о змеях. И все же я была рада, что меня оставили наедине с сокровищем. Для амазонки тяжело показывать свои чувства. Мне требовалось время, чтобы подобрать слова благодарности. И я хотела унять беспокойного мотылька. Я уже перестала испытывать отвращение к Тихону. Мне больше не казались непривычными и чужими ни его крылышки, ни шелковистые усики, ни медное тело с нежной округлостью мальчика и жилами мужчины, все это было мне дорого. Но страх, как же я уступлю, все еще преследовал меня. Ведь недостаточно просто вяло лежать в его объятиях. Я видела, как его ранило, когда я оттолкнула его на берегу. Я должна утешить его страстным и всецелым приятием того, что одна и та же луна отныне управляет нашими приливами.

И вот я стояла перед ларцом в середине раковины багрянки и глядела на синий фаянс, бежавший рябью, точно дым. Не без страха подняла крышку — известно, что змеи стерегут

сокровища. Но и с надеждой — я слышала о царских сокровищницах Микен и Трои, о кинжалах с золотыми рукоятями, о мечах, отделанных электроном и чернью, о бронзовых щитах, на которых сам Гефест, бог-кузнец, выковал образ Ареса с Афродитой и Тесея, поражающего Минотавра.

Я не нашла под крышкой ни змей, ни оружия. Там оказалось одеяние, зеркало, парик, шкатулка с драгоценностями и флакончиками. Судя по богатству всего этого, состояние царственной невесты. До меня им владели две женщины: некая египетская царевна и мать Тихона. Я подавила побуждение закрыть ларец. Я видела в городе, как куртизанки играют браслетами и поводят подкрашенными веками. Неужели мне тоже предстоит покрыться камушками и красками?

Я поглядела на свое лицо в серебряном диске зеркальца. И увидела амазонку с коротко остриженными волосами и бесстрастными серыми глазами. И она мне не понравилась.

Ведь это она сражалась с кентаврами, непорочными лесными мужами, и загнала их в море. Ведь это она бестрепетно взирала на гибель зверя и человека. Я коснулась своих коротких жестких волос, и мне показалось, будто под рукой у меня померзлое жнивье. Я подняла парик, осторожно, как если бы он способен был чувствовать прикосновение, и водрузила на голову. Водопад египетских волос, черных, как обсидиан, и мягких, как лен, обволок мои плечи. Венчик из цветов лотоса и кизила, сделанный из золота и горного хрусталя, подобный маленькому садику, разбитому на черной земле, охватывал темные пряди. Мои настоящие волосы не смогли бы удержать такое диво, из них и жонкилия упала, как мне вспомнилось. Одеяние было смелым и простым. Белое, как морская пена полотно упало на мои сандалии, концы длинного пояса, на котором были вытканы лазурные птицы, закачались ниже моих колен. Мои плечи и ложбинка меж грудей остались бесстыдно-нагими, и я подумала, что неглупо повесить на шею ожерелье.

В алебастровых флакончиках я нашла мази и помады. Краску для век я узнала сразу, вспомнив свои наблюдения в городе; а вот и кармин для губ; красная охра для щек, я знала так же, что охрой подкрашивают соски. Я подумала, что для начала лучше бы не слишком увлекаться. Я взяла тонкую палочку черного дерева и чуть тронула губы кармином.

В пространстве, смутно освещенном факелом, я поглядела на изменившееся лицо — и замахнулась зеркалом, чтобы бро-

сить его о стену. Но кто-то — другая Дафна? — удержал мою руку. Я переместилась поближе к свету. Поправила парик и потерла кармин у себя на губах.

Вместо амазонки с холодными глазами мне улыбался морской дух: доверительно, почти дерзко и все-таки с нежностью. И когда в его серые глаза попал отсвет лазури с моего пояса, птицы оборотились звездами. Я глядела в эти глаза и мне чудилось, будто я слышу рокот моря и кружу по извивам раковины багрянки, но я кружила навстречу свету, а не тьме.

— Уходи! — еле слышно взмолилась я.— Уходи! — Ее лицо не изменилось. Впрямь ли она была так ужасна в своих тайных переменчивых глубинах? Возможно, я еще смогу ее полюбить.

Я услышала шаги. Зеркало упало у меня из рук, Я ощутила — как бы это описать? — слабое жжение, словно мириад солнечных лучей-усиков полз по моей коже.

Я колыхнулась, устремившись ему навстречу: моему воину и моему супругу. Набрала полные пригоршни его волос и вдохнула пьянящий аромат тимьяна, словно бросилась в гущу нагретого солнцем луга, кувыркаясь среди цветов и похищая их теплоту и мягкость. Я обнимала его без чувства стыда. Обнимала его теплоту, его лето и мужественность, и теперь то был не луг, а юноша, куда прекраснее любых цветов, куда величественнее солнца. Серый мотылек осени, содрогаясь, пропал.

За спиной у Тихона я увидела его братьев, всех, кроме младшего. Бедный Келес, его оставили заканчивать уборку!

— Лордон, Ортан! — вскричала я.— Конисал! Вы видите, я приняла сокровище.

Ни слова.

Я вспомнила о моем парике, ожерелье и кармине на губах. И ощутила, как дерзко выступают груди. Застыдилась. Неужели я теперь для них некрасива, груба и пошла, или, хуже того, нелепа?

Они привыкли к амазонке, а не к морскому духу.

— Я... я не умею всем этим пользоваться,— сказала я Тихону.— Может быть, это мне не к лицу?

— Не к лицу?! — вскричал он.— Твоя красота лишила нас дара речи.

И тут я впервые поняла, что красота, отраженная в глазах мужчины, возвращается и облекает женщину, точно покрывало света.

Он преклонил колени у моих ног.

— Моя владычица,— произнес он.— Моя милая невеста.

Его братья преклонили колени в свой черед.

— Моя владычица,— произнес Лордон, после него Ортан, а затем Конисал.— Моя милая невеста.

Я подумала, что Афродита, эта неумолимая богиня, наказала меня за то, что я так поздно постигла любовь. Она послала мне любовь, подобную лавине огня и камней! Они все вместе отдали мне сокровище! Братья по плоти, братья в любви, они все вместе явились за своей невестой. Точно крылатые муравьи для брачного полета с муравьиной царицей.

Я подумала, что мертвые, взывающие к Персефоне из недр земли, взывают и ко мне: «Ступай во тьму; мертвые не могут тебя желать».

Я испытующе вгляделась в их лица, ожидая найти... гордость? Надменность? Похоть? Но увидела сияние, много ярче света факела. То, что встретил мой взгляд, было любовью. Они отдавали мне куда больше, чем сокровище. Они отдавали место и власть великой царицы, их матери, и обещали служить мне, как служили матери их отцы.

И так ли уж неумолима богиня, в конце концов? Камни богов можно обратить в хлеб.

— Мои милые супруги,— сказала я.

И мы вместе стали подниматься по проходу навстречу солнцу.

ГДЕ ПТИЦА ВДОХНОВЕНИЯ?

1

По мнению моих сородичей, фавнов, я очень стар — мне целых десять лет. Люди бы сказали, это возраст отрока. Но у представителей нашей расы раздвоенные копыта и заостренные, покрытые мехом уши, к тому же мы — прямые потомки великого бога Фавна, который странствовал вместе с Сатурном в эпоху Золотого Века. Подобно козам, нашим родственницам, мы считаем, что десять лет — нормальный срок для жизни.

За эти годы я видел начало величия Рима, города на Палатине, который, как говорят римляне, раскинулся по берегам оранжевого Тибра и протянулся на запад к Тирренскому морю, к югу, минуя новое греческое поселение у Кумы, к вершине Италии, и к северу, через Этрурию, к землям галлов. Так говорит Ромул, Волк. И я верю ему, потому что он почти никогда не ошибается. Но сейчас я собираюсь говорить не о Ромуле, а *о его брате-близнеце Реме*, который тоже был частью великого начала. Рем, птица вдохновения! Поэтому я с радостью напишу его историю на папирусе и положу на хранение в сундук, который выдержит любое испытание временем.

Мои сородичи странствуют по холмам и лесам центральной Италии со времени правления Сатурна: по скалам Апеннин, среди которых несет свои воды Тибр, по буковым и дубовым лесам, где в освещенной солнцем листве расчесывают зеленые волосы дриады. Когда из Африки и с северных высокогорий Альп пришли захватчики, Сатурн скрылся в те земли, куда фавны не могли за ним последовать. Покинутые, они остались в Италии, вместе с дриадами, в покрытых листвой жилищах.

Жизнь у фавна всегда коротка и скромна. Мы не носим одежду, сковывающую движения. Лишь в зимние месяцы облачаемся в одеяние, напоминающее шкуру волка. Единственное оружие — простая рогатина с пеньковым шнуром. В нашем роду нет самок, и мы вынуждены размножаться, соблазняя девушек из обнесенных стенами городов. Я был рожден одной из жительниц Альбы-Лонги. Однажды она пришла за водой к реке Нумикус, протекавшей за пределами ее родного города.

Там в то время царствовал царь Амулий, тиран, за несколько лет до описываемых событий укравший трон у своего доброго брата Нумитора и заточивший его в крепость. Поэтому обитательница Альбы-Лонги могла встретиться с моим отцом лишь в близлежащем лесу.

Но когда я родился и мать увидела мои раздвоенные копыта и заостренные, покрытые мехом уши, она в ужасе закричала: «Я что, должна выкармливать козла?» И тут же поспешила домой, под покровительство тирана-царя. Меня же оставила на попечение стаи моего отца. Они разбили в лесу небольшой лагерь, смастерив из веток укрытие от дождя, посылаемого Юпитером, и поставили вокруг частокол, чтобы обезопаситься от волков и стремящихся поживиться за чужой счет пастухов.

Наступала ночь, и фавны разводили костер. Не только, чтобы приготовить ужин, но и согреться в темном лесу, где чувствовали себя одиноко. Силы зла, посланные сюда Сатурном: лемуры-привидения, и сторукие чудовища,— обступали со всех сторон. Отец, взяв в рот девять черных бобов, обходил вокруг лагеря и выплевывал их в разных местах, повторяя:

— Даю выкуп за меня и моих родичей.

Он научился этому у пастухов. По преданию, лемуры-привидения съедают бобы и уходят, не в силах причинить вред дарителю.

Потом отец окунал руки в глиняный сосуд с водой, и девять раз сталкивал со звоном два медных таза для приготовления пищи, оставленных моей матерью, восклицая:

— А ну-ка, старики-привидения, проваливайте отсюда подобру-поздорову!

Когда мне исполнилось шесть месяцев — или, по человеческим меркам, примерно пять лет, этот ритуал произвел на меня самое сильное впечатление. Внешне отец никогда не показывал мне свою привязанность, но, насколько я могу судить, никто из фавнов не был таким мудрым и любящим родителем.

Говоря с привидениями, отец выглядел величаво и спокойно. Другие фавны — а их было восемь — угловатые, мрачные, густо покрытые шерстью, похожие, как могло бы показаться, на дубы в лесу, сидели на корточках и наблюдали за отцом. В их взглядах сквозило восхищение и нетерпение. При этом они не забывали поглощать свой скромный ужин — жареных зайцев и ягоды мирта.

Но едва отец выкрикнул слово «старики», как ствол огромного дерева с грохотом рухнул на частокол, и в образовавшийся проем устремилось несколько фигур. Они размахивали деревянными палицами, стараясь посильнее ударить попадавших под руку фавнов. Сначала я подумал, что это и есть лемуры-привидения. Но, разглядев палицы и набедренные повязки из козлиных шкур, убедился, что к нам нагрянули пастухи. Услышав, как одного и того же человека попеременно называли то Ромулом, то Волком, я понял — это вожак. Он был самым сильным и молодым из всех.

Первым делом нападавшие потушили огонь. Испугавшись, я пополз к укрытию, стараясь остаться незамеченным в густой траве. Спрятавшись под сенью веток, я стал наблюдать за происходящим круглыми от ужаса глазами. Уши мои мелко дрожали. В мерцающем свете уже едва тлеющих головешек я увидел, как отец был повержен на землю Ромулом. Моя отчаянная и глупая попытка помочь не увенчалась успехом. Она была прервана, не успев начаться. Сильные руки врага подбросили меня в воздух. Я увидел широко открытый рот Ромула, и услышал вопль, похожий на тот, что издает волк, охотящийся за добычей. Спустя мгновение, подхватив меня, Ромул перепрыгнул через разрушенный частокол, оставив лагерь в руинах, а фавнов поверженными или шатающимися от боли после неравной схватки. Пастухи тут же последовали за вожаком, прижимая к себе трофеи — зажаренных зайцев.

Я лягнул обидчика копытом, но он с такой силой сжал меня в объятиях, что дыхание перехватило. Лучше уж лежать спокойно, а там будь что будет, решил я.

Мы неслись через лес, мимо древних дубов и стройных кипарисов, которые напоминали танцующих под аккомпанемент флейт этрусских девушек. Вскоре лес сменило болото, и сандалии Ромула захлюпали по влажной траве. Я слышал, как отец рассказывал об этой местности неподалеку от Тибра, где многие болели малярией, и задержал дыхание, чтобы в горло не попали ядовитые пары. Быстро почувствовав сла-

бость, я сделал глубокий вдох, хотя и боялся, что воздух обожжет легкие. Но у Ромула, в отличие от меня, за все путешествие ни разу не участилось дыхание, он не спотыкался и не позволял себе отдыхать.

Наконец, мы стали подниматься на холм, и вскоре оказались на вершине. Я решил, что это и был Палатин, на котором обитали пастухи. На широком плато тут и там рассеяны круглые хижины. Сквозь дверные проемы виднеется горящий в домашних очагах огонь.

Мне показалось, что по мере того, как мой похититель идет по селению, огонь в очагах колеблется все больше, словно танцует в такт его движениям. Я заморгал, пытаясь убедиться, действительно ли это так, не плод ли это больного воображения, возможно, переход через болото не прошел для меня даром. Из каменных загонов доносилось раздраженное хрюканье свиней и мычание скота. Домашние животные по-своему выражали недовольство тем, что их разбудили.

Одна из хижин, самая большая, похоже, принадлежала Ромулу. Мы вошли в нее сквозь низкую дверь — и хотя Ромул сильно нагнулся, уши мои задели о перемычку. Мы оказались в комнате без окон, пропахшей козлятиной, с земляным полом, покрытым копотью от очага. Ромул швырнул меня о стену, возле которой пощипывала солому коза. В щели между стеной и крышей проникал свежий воздух, но мне все равно потребовалось несколько минут, чтобы глаза перестали слезиться, и я смог рассмотреть своего обидчика.

Это был юноша (временами он выглядел почти взрослым, но все же являлся самым молодым в хижине). Высокого роста, широкоплечий, с хорошо развитой мускулатурой. Из одежды на нем была лишь набедренная повязка. Тонкий юношеский пушок темнел на подбородке, а морщинка между бровями говорила об обостренном самолюбии. Его черные, как вороново крыло, волнистые волосы растрепались от быстрого бега.

Он стоял в свете огня и смеялся, а я с трудом мог понять, почему люди, вдвое старше, беспрекословно повиновались ему, называя Волком. Впрочем, на его лице проступала волчья жестокость и необычайная сила. Был бы я старше, то заметил бы и суровую нежность, обращенную к тем, кого он любит. И если уж любит — то беззаветно. Но в те мгновения я думал лишь о его жестокости и силе, ни о чем более. Меня охватил ужас.

Старый пастух с длинными белыми волосами, схваченными на затылке лентой, поднялся со своего места у огня, когда

Ромул вместе с пятью помощниками вошел в помещение. Эти пятеро тут же стали хвастать и со смехом рассказывать о победе над моими соплеменниками. Но когда заговорил Ромул, они умолкли.

— Фавны изгоняли духов, Фаустул,— объяснил юноша старику.— Их вожак крикнул: «Старики-привидения, убирайтесь подобру-поздорову!», тут и появились мы. Посмотри, я взял в плен одного из их детенышей.

— Через год он вырастет,— сказал Фаустул. Его лицо, покрытое морщинами, как обожженный кирпич, сохраняло достоинство. Он был не простым пастухом, как я узнал позже, а ученым человеком из Карфагена. Потерпев кораблекрушение недалеко от устья Тибра, он стал скитаться по стране в поисках укрытия вместе с пастухами, и вскоре женился на девушке по имени Ларентия. Когда же его деревенская жена не захотела ехать с ним в Карфаген, остался с ее народом и обучился местному ремеслу.

— Что ты с ним будешь делать потом? Твои ночные выходки — просто детские шалости, Ромул. Поверь, они не приблизят тебя к трону Альбы-Лонги.

Ромул нахмурился:

— Все, что я делаю, Фаустул, приближает меня к трону. Сегодня ночью мы сражаемся с фавнами. Завтра — с солдатами. Моим людям нужна практика в ведении боя.

Его угрожающий тон и воспоминание о том, что он сделал с отцом, бросили меня в дрожь. Я зарылся в сено, рядом с жующей козой (вонючее животное, но — родственница, что уж тут поделаешь!) и стал смотреть сквозь пучки соломы.

Ромул заметил мой страх. И сказал Фаустулу:

— Ты спрашиваешь, что я буду делать с нашим пленником. Съем, прежде чем он вырастет! Его козлиное мясо будет приготовлено на вертеле.

Увидев, что Фаустул не расположен к подобного рода шуткам (или серьезным намерениям, я не знал, во что верить), Ромул обратился к молодому пастуху с глупыми глазами барана:

— Фаустул, мне кажется, не голоден. А ты, Келер?

Подмигивая Ромулу, Келер схватил меня за ноги и пробормотал:

— Слишком худой, слишком худой. Пусть сначала разжиреет, а?

Голос у него был хриплый, слова он произносил медленно, словно во рту держал добрый глоток вина.

Ромул, казалось, решил поспорить:

— Нет. Может, ты и прав, но я голоден. К тому же, мне хочется сделать ремень из его ушей.

С этими словами он поднял меня с земли за кончик хвоста и опустил возле огня! Умирая от ужаса, я лежал неподвижно, пока не почувствовал, как пламя опалило уши. Тогда я жалобно заблеял, и Ромул с Келером переглянулись с ухмылкой.

Со стороны двери раздался низкий властный голос:

— Оставь его, Ромул.

Тот обернулся и, узнав говорившего, швырнул меня обратно на солому. Одним огромным прыжком он достиг двери и обнял брата, закричав:

— Рем, я думал, они оставили тебя в Вейи!

Рем в ответ порывисто обхватил брата за плечи, хотя сам, легкий и хрупкий, почти утонул в его крепких объятиях. Как и другие пастухи, Рем носил набедренную повязку. Но сделана она была из шерсти, а не из козьей шкуры, и окрашена в зеленый цвет, подобно оперению дятла, часто встречающегося в наших лесах. Через плечо у юноши висел лук, и колчан со стрелами. Наконечники были бронзовыми, а перья — такого же цвета, как набедренная повязка. Когда же я увидел его волосы, схваченные лентой и рассыпающиеся шелковистой волной на затылке, у меня перехватило дыхание. Это Пик, бог-дятел, в его человеческом обличье, подумалось мне. У кого, кроме богов и галлов, в этой части Италии были золотистые волосы (не считая, конечно, этрусских женщин, которые добивались такого цвета с помощью своей знаменитой косметики)?

Он высвободился из объятий Ромула и подошел к моей соломенной лежанке. Я в смущении отодвинулся в сторону. Возможно, он бог, но ведь меня похитил и уже почти зажарил его собственный брат. Но страха перед Ремом почему-то не было. Он взял меня на руки, нежно, как могла бы, наверное, брать мать, если бы не испугалась моих мохнатых ушей. И стал баюкать у гладкой бронзовой груди, благоухающей клевером, словно он недавно спал на лугу. Заметив мех у меня на ушах, пригладил его к кончикам. Затем сказал:

— Маленький фавн, не бойся. Завтра я отнесу тебя к родным.

Ромул запротестовал:

— Отнесешь обратно, как же! Ведь это я поймал его!

Но Рем возразил:

— Фавны не животные. По крайней мере, не полностью. Они живут в этом лесу уже много столетий, и мы не имеем права брать в плен их детей.

Затем кивнул на залитую кровью палицу Ромула:

— Или сражаться с их отцами.

Ромул пожал плечами:

— Им нравится сражаться не меньше, чем пастухам. Мы лишь немного потрепали их, не более того. Если я не дам возможность своим людям тренироваться, как же мы завоюем город?

Он широко улыбнулся, и крепкие белые зубы сверкнули в свете огня.

— А если мы не возьмем город, как нам решить вопрос с женщинами?

Келер и другие — кроме Фаустула — закивали в знак одобрения. Несколько позже я узнал, что этих молодых пастухов выгнали из Альбы-Лонги и других городов за разные нарушения законов, и они остались без общества женщин. Ромул же пообещал дом в городе и жену каждому из них.

Ромул подмигнул Келеру:

— Мой брат знает многое о животных, но практически ничего — о женщинах. Мы найдем ему подходящую девушку, когда возьмем Альба-Лонгу — веселую молодку с грудью, как спелые гранаты.

Рем в ответ лишь усмехнулся:

— Брат, что ты знаешь о гранатах? Должно быть, ты возделывал сад вдали от Палатина...

— Я знаю! Я знаю о них все! Девушки, которых помню... — закричал Келер.

— И девушки, которых я представляю... — вздохнул Рем.

Ромул съехидничал:

— Помню, представляю! Каждая из них ничуть не лучше другой. Но однажды мы все-таки возьмем город, и тогда!.. А пока, брат, расскажи-ка о твоем путешествии в Вейи.

Ромул и остальные уселись вокруг огня, в то время как Рем продолжал стоять. Было ясно, его поездка в Вейи, этрусский город, расположенный в двенадцати милях к северу, имела крайне важную цель. Даже в своем юном возрасте я понял это. Поэтому, свернувшись калачиком у ног Рема, ждал рассказа с нетерпением, даже большим, чем когда отец собирался мне поведать о дриадах и речных богинях. То же, что я сразу не понял, позднее объяснил мне Рем.

Братья, как выяснилось, были сыновьями бога войны Марса и принцессы-весталки Реи, дочери того самого царя Нумитора, которого Амулий сверг с престола и заточил во дворце. Слушая рассказ Рема, я узнал, как тосковали в изгнании братья — законные наследники царя, и как мечтали вернуть престол Альбы-Лонги деду, восстановить его в правах и вместе царствовать во дворце. Рем отправился в Вейи, чтобы просить этрусского царя о помощи. Такое поведение было вызывающим не только для молодого пастуха, но даже и для лишенного законных прав принца — добиваться аудиенции у правителя и просить его воевать с сильным городом. К тому же Ромул и Рем были очень молоды.

Рем рассказал, что вошел в город вместе с крестьянами, и вскоре ему удалось найти место для ночлега. Дворец поразил воображение юноши. Стены были пурпурного цвета, а вход охраняли терракотовые сфинксы. Рем, назвав свое имя, попросил стражников передать владыке, что принц Альбы-Лонги, находящийся в изгнании, просит о встрече.

— Послушай, ты, светловолосый. Хоть ты и наглец, каких мало, да еще и лгун, но наш царь — большой весельчак, поэтому я передам ему твою просьбу. Думаю, твоя наглость повеселит его,— сказал в ответ один из стражников.

Когда воин вернулся, то сообщил, что царь примет просителя — в банкетном зале. На потолке этого огромного помещения виднелись изображения крылатых монстров и странных, чудовищного вида кошек. Царь лежал на кушетке, а рядом с ним сидела молодая обнаженная женщина. Он жестом указал на кушетку, приглашая гостя занять место возле себя. Когда Рем сел, царь положил руку, украшенную золотыми перстнями с драгоценными камнями, ему на плечо и ласково сказал:

— Рем, я знаю твою историю от пастухов, которые прежде служили Амулию, а теперь служат мне. Они рассказали, как весталка Рея родила тебя и твоего брата от бога Марса и была похоронена заживо за то, что нарушила обет целомудрия. Как ее дядя, царь Амулий, приказал пастуху Фаустулу утопить вас в Тибре, но тот ослушался и, посадив в дупло поваленного дерева, пустил его по течению. Как дерево это прибилось к берегу и какая-то волчица вскормила вас в своей пещере, а дятел носил из леса ягоды. И так продолжалось до тех пор, пока Фаустул не нашел малышей и не стал воспитывать наравне со своими собственными детьми.

История эта хорошо известна в нашей стране, хотя сам Амулий считает, что вы давно умерли — ведь тиранам редко говорят правду. Поэтому я приветствую тебя как настоящего принца. Но пойми, мы, жители Вейи, хотим жить в мире с нашим ближайшим соседом. Веди пастухов против Амулия, если должен это сделать, и молись Марсу, чтобы горожане встали на твою сторону. Когда же возьмешь город, возвращайся ко мне, и мы подпишем договор о заключении мира. А до тех пор давай будем друзьями, но не союзниками.

Рем пристально всмотрелся в его лицо, украшенное короткой черной бородой, в дугообразные брови, миндалевидные глаза и понял: царь не изменит своего решения. Тогда он покинул зал, прошел по базальтовой дороге сквозь огромную арку в воротах и отправился домой.

Ромул, услышав рассказ брата, порывисто вскочил на ноги, едва не задев мои уши.

— Значит, ждать помощи из Вейи не приходится. А мы сами не так уж сильны. Тридцать пастухов — это большее, на что можно рассчитывать, даже если созовем их со всей округи.

Он собрал пальцами отросшие на подбородке редкие волосы, словно ожидая найти там настоящую бороду, и продолжил, тяжело вздохнув:

— Потребуется ждать по меньшей мере год, прежде чем мы сможем выступить.

Чувствовалось, ожидание будет нелегким. Ведь Ромул в свои семнадцать лет стал уже вожаком и жаждал командовать большим количеством людей.

— Надо собрать как можно больше пастухов. Послать разведчиков в город, разузнать, какое настроение у жителей.

Но ни Ромул, ни Рем не собирались лично отправляться в Альбу-Лонги — их царское происхождение не позволяло уподобляться простым пастухам. И тогда Ромул воскликнул:

— Отец, пусть это ожидание не продлится слишком долго!

Он шагнул в угол хижины, где отдельно от другого оружия, как священная реликвия, лежало изогнутое бронзовое копье, позеленевшее от времени, с изображением Марса на наконечнике.

— Пусть скорее наступит день, о великий Отец, когда я смогу сказать тебе: «Марс, проснись!»

— Но даже если мы и возьмем город, позволит ли дед править нам? Ведь пока престол по праву принадлежит ему,— заметил Рем.

— Он очень стар. Когда придет время уступить место — а он это сделает, и очень скоро — мы построим храм в честь Марса и начнем готовить армию к походу,— возразил Ромул.

— И дадим убежище рабам, птицам и животным.

— О, Рем, ведь мы будем править городом, а не зверинцем! Забудь, наконец, о своих животных,— проворчал брат.

— Но город может кое-чему научиться у леса! Помнишь, как я вылечил тебя от лихорадки ягодами в прошлом году? То место, где они растут недалеко от Тибра, показал мне медведь.

Ромул покачал головой и, усмехнувшись, сказал:

— Рем, мы будем решать проблемы вместе. Иногда мне хочется, чтобы у меня не было брата, или я не любил бы его больше всех других людей на свете. Но давай сначала возьмем город, а потом составим план, как им управлять. Сейчас уже слишком поздно. Скоро рассвет.

Пожелав доброй ночи Ромулу и Фаустулу, Рем взял меня на руки и вышел из хижины. Конечно, я мог бы идти и самостоятельно, но свернуться калачиком в его объятиях — очень уютно. Поэтому лучше молчать, чтобы не спугнуть удачу. Согнувшись немного под тяжестью ноши, он спустился по насыпи к Тибру, поблескивавшему в лунном свете. Река расширялась в некоторых местах, словно переваривала пищу. У подножия холма мы вошли в пещеру, где в глиняном очаге догорал огонь. Рем перевернул щепки, раздувая пламя.

— Ненавижу темноту. Так грустно оставаться наедине с душами людей, которые умерли подобно моей матери, и не были погребены, как принято у людей,— сказал он.

Сонно озираясь вокруг, я заметил, что земляной пол покрыт тростником и клевером. В углу лежал тюфяк с чистой белой шерстяной тканью. А у противоположной стены выстроились в ряд глиняные горшки. Кроме нас, в пещере никого не было, лишь большая собака спала возле огня. Но едва мы вошли, животное проснулось и открыло глаза. И сразу стало ясно, что это не собака. Огромный волк, с потускневшим от времени желто-серым мехом, приподнялся и посмотрел на нас. Зарычал он или просто усмехнулся, я так и не понял. Когда Рем наклонился, чтобы уложить меня на тюфяк, я стал сопротивляться, отказываясь оставаться наедине с волком.

— Ничего не бойся и отдыхай, маленький фавн. Это Луперка, моя кормилица, заменившая мать. Именно она нашла Ромула и меня на берегу Тибра и принесла в эту пещеру.

Сейчас она совсем стара. Правда, иногда все еще рыщет по лесу, но ночью делит со мной пещеру и ужин,— пояснил он.

Рем встал на колени рядом с волчицей и погладил ее черные по краям уши. Оглядываясь мысленно назад, я восхищаюсь благородством этой сцены. Юноша с тонкими руками и волосами цвета подсолнуха, а рядом с ним — старая волчица, когда-то вскормившая его в этой самой пещере. Но тогда мне было шесть месяцев, и я видел лишь побитое жизнью животное, которое целиком завладело вниманием друга.

— Меня зовут Сильван,— сказал я надменно.

Это были первые слова, произнесенные в плену.

— А я и не знал, что ты умеешь говорить,— рассмеялся Рем, отодвигаясь от волчицы и укладываясь рядом со мной.

— Меня никто ни о чем не спрашивал,— сказал я уже без вызова, поскольку он обратил на меня внимание.

Огонь в очаге постепенно угасал. А Рем все говорил об Альба-Лонге и о том, что, когда будет править городом вместе с Ромулом, к фавнам будут относиться так же хорошо, как к людям.

— Ты, конечно, видел этот город,— сказал он.

И прежде чем я успел ответить, что отец действительно водил меня к нему и показывал высокие городские стены, Рем пояснил:

— Именно туда ушла моя мать. Это прекрасный город. Дома в нем белые и аккуратные, а храм Весты так же непорочен, как пламя богини. Но сейчас это несчастливый город. Амулий — жестокий правитель. Он убил мою мать, Сильван. Он лишь посмеялся, когда она сказала ему, что Марс — мой отец. «Ты нарушила клятву», — закричал он и приказал своим приспешникам закопать ее в землю заживо. Фаустул видел, как она умерла. Совсем девочка. Она смутилась от слов правителя, но все же гордилась собой. Посмотрев на Амулия огромными карими глазами, она сказала: «Марс — мой муж, и он позаботится о наших сыновьях».

Ей поверили все, кроме Амулия. Теперь ты понимаешь, почему я ненавижу его? Но у меня есть на это и другие причины. Он забирает у виноторговцев треть их вина, а у пастухов — четвертую часть скота. И что они получают взамен? Защиту его солдат — когда те не крадут вино и овец! Но Сильван, прости меня. Я мешаю спать и обременяю проблемами, которые ты не в силах осознать из-за своего юного возраста. Спи же, мой маленький фавн. Завтра верну тебя домой.

Но я уже понял, что не хочу возвращаться к соплеменникам.

2

Прошло двенадцать месяцев. Вырастая каждый месяц на два дюйма, я, наконец, достиг роста взрослого фавна — пяти футов. Иногда заглядывая в ручей, протекавший рядом с нашей пещерой, я восхищался своим отражением. Фавны бывают тщеславны, пока похожи на молодые деревца. Потом, увы, быстро становятся неуклюжими, и тогда уже напоминают кряжистые дубы. Моя кожа приобрела бронзовый цвет, как этрусские щиты. Я гордился своими ушами и, при каждом удобном случае, стремился показать их шелковистый мех. Хвост аккуратно расчесывал веткой лесного ореха и старался не касаться им чертополоха и репейника. Рему исполнилось восемнадцать, но я стремительно догонял его по возрасту. Мы по-прежнему жили в его пещере вместе с Луперкой и часто совместно охотились. Я — с рогатиной, а он с луком и стрелами. По его настоянию мы охотились на животных самого низкого происхождения, и лишь в случае крайней нужды — на зайца или дикого кабана. Медведи, олени и даже волки никогда не терпели от нас ничего плохого.

Иногда во время охоты я видел отца и окликал его. Когда это произошло в первый раз, он остановился поговорить со мной. Я заметил шрам у него на голове, который остался после сражения с людьми Ромула. Теперь отец выглядел намного старше и слегка сутулился.

— С тобой все в порядке? — спросил он, проигнорировав Рема.

— Да, отец,— ответил я, ожидая, что он обнимет меня. За время, проведенное с Ремом, я привык к проявлениям привязанности со стороны близких.

Но у фавнов родственные узы не слишком прочны, ведь наша жизнь так коротка.

— Хорошо, а я думал, они убили тебя,— лишь сказал он и быстро направился в сторону леса.

На холме Палатин, рядом с хижинами Ромула и Фаустула, постепенно выросли новые жилища. С близлежащего холма Квиринала (названного так в честь бога Квирина) сюда перебрались пастухи-сабиняне, а также воры и убийцы из леса, которых Ромул великодушно пригласил в свое поселение. Когда же Рем запротестовал, Ромул попытался убедил

его, что воры скорее, чем пастухи, помогут им взять город. Они смогут двигаться незаметно, тайком, и сражаться, если потребуется, бесстрашно.

Будучи пастухами, братья, конечно, должны были заботиться о большом стаде крупного рогатого скота и овец, переводить животных от пастбища к пастбищу, расположенных как на холме Палатин, так и ниже, охранять их от волков и медведей, приносить жертвы разным божествам. Стада, за которыми они присматривали, принадлежали жителю Альба -Лонги Туллиусу, который часто посылал из города надсмотрщика, чтобы пересчитать животных и проверить, в каком они состоянии. Именно благодаря этому до нас доходили вести об Амулии и его усиливающейся жестокости.

Один раз надсмотрщик жаловался, что царь удвоил налоги, в другой— что его солдаты оскорбили весталку или что жестоко наказали городского мальчишку за мелкое воровство. Солдат насчитывалась тысяча человек. К тому же все мужское население города призывного возраста должно было время от времени нести дежурство. Независимо от того, одобряли эти люди действия Амулия или нет. Но основной костяк, вознагражденный за труды земельными угодьями, скотом или доспехами (своих монет в городе все еще не было), служил Амулию с большим рвением.

Взбешенный услышанным, Ромул все больше стал оставлять стада на попечение сторожевых собак и усиленнее тренировать своих людей. Он заставлял их карабкаться на скалистые утесы, словно это были городские стены, или бегать со скоростью, которая присуща лишь волкам. А на холме Авентин Рем учил людей делать луки из веток орешника и украшать перьями стрелы, чтобы придать им большую меткость.

Однажды, когда Рем отдыхал от пастушеских забот и занятий с лучниками, он решил отправился в небольшое путешествие, которое, как казалось тогда, никак не было связано с военными действиями и завоеванием города. И только впоследствии стало ясно, что оно имело огромную важность.

Я нашел Рема стоящим под деревом рядом со входом в пещеру. Он называл это дерево смоковницей Румины, богини вскармливания новорожденных. Все то время, пока его и Ромула выхаживала волчица, Рем чувствовал, что богиня помогала им.

Найдя его погруженным в собственные мысли, я тихонько подкрался сзади, схватил своего друга за талию и повалил на траву. Помехой для меня в таких случаях обычно был хвост, за который он хватал и дергал, пока я не начинал просить прощения. Но в то утро я сумел с этим справиться и вскоре, ликуя, сидел у друга на груди. Сейчас я уже весил больше Рема, и ему было тяжело.

— Достаточно. Отпусти меня! — прохрипел он из последних сил.

Я отпустил его, и мы уселись друг против друга, смеясь и тяжело дыша.

— В следующий раз ты у меня попляшешь! Вот увидишь, я обмотаю хвост вокруг корней деревьев,— пообещал он.

Но тут же стал серьезным:

— Сильван, мои пчелы умирают.

Когда-то он нашел этих пчел в поваленном дереве, выкурил их оттуда, а затем переселил в дупло смоковницы, подальше от голодных медведей и пастухов. Какое-то время казалось, что у них все хорошо, и Рем был очень этим доволен. Мед он брал лишь тогда, когда у пчел оставались запасы. И вот теперь...

— Посмотри сам, пчелы очень больны,— сказал он, подводя меня к дереву, густая крона которого устремлялась ввысь на сорок футов.

Я стоял рядом с другом, положив руку ему на плечо, и смотрел на смоковницу. Мертвых пчел действительно было много, их стаскивали вниз живые. Две пчелы, сгибаясь под тяжестью третьей, умершей, упали на землю у моих ног.

— Видимо, им не требуется наша помощь. Здесь еще целый рой, Рем. Так что недостатка в меде не будет,— сказал я.

— Но мне нравятся именно эти. Они мои друзья, Сильван. Ни разу они не ужалили меня, даже когда я собирал мед,— запротестовал он, повернувшись ко мне.

Рем выглядел таким взволнованным, юным и ранимым, что я ничего не мог возразить ему. За год, что я знал его, он почти не изменился. На лице по-прежнему не было бороды, а волосы словно сотканы из солнечного света. Кто бы смог объяснить, как этот светлый, зеленоглазый юноша, так сильно отличающийся от Ромула, родился у темноволосой матери? Только Марс знал ответ.

— Подожди, фавны любят мед и иногда держат пчел. Мой отец наверняка знает, что нужно делать в таком случае,— сказал я.

И мы пошли лесом на юг от Авентина. Хотя на мне и не было одежды, а движения сковывала лишь рогатина, с которой я предпочитал не расставаться, я едва поспевал за Ремом, несущимся через лес, словно на спине у него выросли крылья. К тому же он прикрепил к своей набедренной повязке такие же перья дятла, что и к стрелам.

— Рем, чуть-чуть помедленнее. Мне кажется, ты сейчас полетишь над кронами деревьев,— с трудом пошутил я.

Мой друг усмехнулся в ответ:

— Говорят, меня кормил дятел, когда я был совсем маленьким.

— И подарил тебе крылья.

В густой чаще леса деревья были высоки, как холмы, а возрастом, казалось, превосходили Сатурна. От увиденного за долгую жизнь они очень устали — изогнутые, скрюченные, но все еще мощные. Самыми древними были дубы, чуть моложе — падубы и буки с посеревшей от времени корой. Старые ветви, пропуская на землю солнечные лучи, смешивали их в причудливом узоре с тенями. Голубоглазые совы ухали среди листвы и болтали о чем-то с сороками в укромных уголках. Дятел столь самозабвенно стучал клювом о дерево, что казалось, вокруг сыплются искры, и в лесу вот-вот разгорится пожар. Кивнув в его сторону, мой друг сказал:

— Вот такой же дятел когда-то кормил меня ягодами.

Рем, возможно, скитался бы много дней в поисках моего отца, но у фавнов есть особое чутье, и они прекрасно ориентируются в лесу. Поэтому мы быстро вышли прямо к лагерю.

Подойдя к частоколу, я заблеял по козлиному, чтобы удостоверить родство с теми, кто находился внутри. Перегородка тут же поднялась, и фавн, весь скрюченный и пятнистый, как основание скалы, заполнил собою вход. Его уши подрагивали, и он смотрел на нас с подозрением.

— Меня зовут Сильван. Передай Немусу, моему отцу, что я хочу его видеть.

Фавн исчез, не сказав ни слова. Но его место сразу занял другой. На взгляд человека, в данном случае Рема, как он позже признался, этот новый фавн внешне ничем не отличался от первого. Но я сразу узнал отца по шраму на голове и ушам — они были очень длинными, даже для фавна.

— Сильван, ты хотел меня видеть? — спросил он без эмоций.

— Да, отец. Это Рем, мой друг.

— Я уже видел вас вместе.

— Нам нужна твоя помощь. Пчелы Рема умирают. Мы надеемся, ты поможешь спасти их. Рой находится в хорошем месте. Но какая-то болезнь убивает их. Здоровые пчелы выносят оттуда своих мертвецов.

Немус на какое-то время задумался, потом сказал:

— Вы должны найти дриад.

— Дриад, отец?

— Да. Они умеют разговаривать с пчелами. И они знают, как лечить их.

— Но дриады так редко встречаются. Я никогда не видел ни одной из них.

— А я видел. Ее волосы были цвета дубовых листьев, а кожа молочно-белая...— сказал Немус.

Потом внезапно умолк, словно его что-то сдерживало. Но спустя несколько мгновений продолжил:

— Я скажу вам, где найти ее. В двух милях к югу от нашего лагеря есть несколько дубов, образовавших круг. Говорят, сам Сатурн посадил их. Во всяком случае, на одном из них живет дриада. На котором точно, сказать не могу. Я видел, как она зачерпывала воду из ручья, а потом пошла к разрушенному алтарю среди дубов. И там ускользнула от меня. Вы должны спрятаться в кустах и наблюдать за пчелами, может час или дольше. На дереве, куда опустится большинство из них, и будет ваша дриада. Пчелы приносят дриадам нектар. Но скажи, Сильван, почему эти пчелы так важны для вас? Пусть умирают, ведь есть и другие.

Рем ответил вместо меня:

— Они наши друзья. Мы любим слушать, как они жужжат рядом с входом в пещеру. А теперь их почти не слышно.

— Друзья? Ты ведь один из тех, кто жил в древности, не так ли, мой мальчик? Твои волосы, как спелый ячмень, а сердце, должно быть, билось во времена Сатурна. Тогда в лесу царила любовь. Об этом говорится в летописях моих соплеменников. Знаки на камнях, фрески в пещерах, глиняные фигурки — все они говорят о любви. Фавны, люди и животные жили в гармонии.

С этими словами он повернулся ко мне:

— Присматривай за ним, Сильван. Помоги ему найти дриаду. Помогай ему всегда. Он один из тех, кому обычно причиняют боль.

Я вытянул руку и дотронулся до плеча отца, как обычно дотрагивался до Рема. Он казался удивленным, но я так и не понял, обрадовался он или обиделся. Когда же отец ушел, мы отправились искать дриаду.

Наконец, мы нашли дубы, образовавшие круг, как и сказал отец. Правда, это были не такие древние деревья, которые мог посадить Сатурн, но все же довольно старые. В середине возвышалась куча камней, которая явно когда-то была алтарем. Солнечные лучи касались камней, и побеги растений вились между ними — белые нарциссы с венчиками цветков в красной оправе, колючие аканты и желтые нарциссы с нежными лепестками. Мы не стали исследовать алтарь, потому что боялись — нас обнаружит дриада. Лишь заползли в кусты, росшие рядом с дубами, и стали наблюдать за пчелами.

Вскоре до моих ушей донеслось еле слышное жужжание. Я насторожился и слегка подтолкнул Рема. Рой пчел приближался к дубам. Мы увидели, как пчелы закружились возле ближайшего к алтарю дерева, а затем исчезли внутри. Это был огромный дуб, его ствол у основания был примерно двадцати футов в ширину, а широкая крона поднималась высоко в небо. Да, здесь вполне могло быть жилище дриады. Я попытался выползти из нашего укрытия, но Рем схватил меня за хвост.

— Нет, твой отец советовал проследить, куда полетит большинство пчел,— прошептал он.

Мы стали ждать, но мое нетерпение все нарастало. Ведь минута в понятии человека — это десять минут для фавна. Вскоре я уснул, уткнувшись в спину Рема, словно в подушку. И спал так, пока он не растолкал меня:

— На это дерево сели три роя пчел, но потом все улетели,— сказал он.— Нет сомнения, что это именно то, которое мы искали.

Он поднялся и подошел к мощному стволу.

— Мы забыли спросить твоего отца, как забраться внутрь,— сказал Рем, разглядывая его.

Наверное, пчелы залетали внутрь через невидимое для нас дупло, находящееся высоко над головами, в кроне. Ствол был слишком грубым и широким, чтобы мы могли по нему вскарабкаться, к тому же возле земли не было веток, за которые можно ухватиться руками. Мы ползали вокруг де-

рева, пытаясь найти вход среди корней. Но в результате нашли лишь бирюзового цвета ящерицу, которая прошмыгнула по ноге Рема и кинулась к алтарю.

Задумавшись, мой друг проследил за ней взглядом.

— Твой отец как раз потерял дриаду возле алтаря.

Мы последовали за ящерицей к куче камней и стали отбрасывать их в сторону, стараясь не повредить цветы. Полевая мышь, собиравшаяся улизнуть, со страхом взирала на нас из-за самого высокого камня. Рабочая пчела взмыла в воздух с раскачивающегося нарцисса.

— Сильван, я думаю, мы нашли вход! — закричал наконец Рем.

Он раздвинул кусты и протиснулся в отверстие, достаточно большое, чтобы в него пролез каждый из нас поодиночке. Я последовал за ним без энтузиазма. В подобных норах обычно скрываются ядовитые змеи, как, впрочем, и безвредные ящерицы и мыши.

Стены лаза были гладкими; мы не поцарапались ни о корни, ни о камни. Но путешествие оказалось очень долгим и угнетающим из-за темноты. На каждом повороте туннеля мне мерещилась змея.

Вдруг Рем встал во весь рост и потянул меня к себе. Я надеялся, что мы были уже внутри ствола дерева дриады. Высоко над нашими головами через отверстие просачивался свет. Карабкаясь к нему, мы обнаружили, что внутри ствола вырезаны деревянные ступени.

— Мы нашли его! Мы нашли ее жилище! — закричал Рем, радостно размахивая моим хвостом.

— Надеюсь, она доступнее, чем ее дом,— пробормотал я.

Мы продолжали карабкаться, и вскоре я почувствовал головокружение, поскольку дерево было очень высоким. Наша дриада, утешал я себя, возможно, прекрасна. Я слышал, что они всегда оставались молодыми, пока не умирали вместе со своими деревьями. Мы с Ремом никогда не видели женщин на холме Палатин, поэтому воображение ничего подсказать не могло. Я наблюдал лишь, как он рисовал картины на стенах нашей пещеры, изображая Румину и других богинь. Он неизменно изображал их молодыми, прекрасными, излучающими свет, ведь именно такой его юное сердце представляло Женщину. Ждала ли нас сейчас подобная женщина?

Через довольно большое отверстие мы пробрались наконец в комнату, которая по форме напоминала ствол дерева

изнутри. Маленькие круглые окна, вырезанные в стенах, пропускали солнечный свет. Поперек стояла кушетка с ножками в форме львиных лап. На шелковом покрывале вытканы воины. В воздухе пахло живым деревом, белые нарциссы, словно ковер, устилали пол. Мы вошли несколько нерешительно. Я сразу натолкнулся на стол, чуть не опрокинув лампу, похожую на собирающегося взлетать дракона. Рем тем временем уселся на табурет.

— Это цитрусовое дерево из Карфагена. Я видел подобное в Вейи. Но где же дриада? — спросил он.

— Лестница ведет куда-то дальше. Должно быть, у нас над головой второй этаж,— заметил я, поспешно отодвигаясь от лампы.

Рем подошел к лестнице:

— Я позову ее. Она не должна думать, что мы грабители.

Но он не успел сделать это. Мы услышали, как кто-то спускается по лестнице. Я поднял рогатину — на случай, если дриада будет вооружена. Эней, в конце концов, нашел ведь племя неистовых амазонок в Италии. Дриады, жившие в одиночестве, независимо от того, были они амазонками или нет, должны знать, как отстаивать свои жилища.

Хозяйка остановилась у подножия лестницы и посмотрела на нас. Она казалась миниатюрной даже для фавна, чей рост составляет пять футов, в ней было не более четырех. Волосы длинные и свободно ниспадают на плечи. Зеленые волосы, как темно-зеленые листья, которые в тени кажутся черными. Но когда на них падает солнечный свет, вспыхивают, как желтоватый жадеит, который путешественники привозят с Востока. Рот — розовый, маленький; кожа гладкая, свежая, наверняка благодаря употреблению козьего молока. Платье сшито из коричневого холста и оторочено крошечными желудями. И в довершение — сандалии на ногах.

Она ждала, когда мы заговорим и представимся ей. Но наше молчание затянулось — а что мы могли сказать, будучи непрошеными гостями,— и она заговорила сама. Медленно, словно давно не произносила слова вслух, но четко и внятно:

— Вы вторглись в мой дом! Я спала наверху, как вдруг ваши шаги разбудили меня. Пусть Янус, бог домашнего очага, проклянет вас!

— Простите, что разбудили. Но относительно вторжения в ваше жилище: мы не были уверены, действительно ли это дом, пока не нашли такую прекрасную комнату. Впору рас-

теряться от подобной красоты. Впрочем, мы пришли просить вас о помощи,— сказал Рем.

— О помощи? Могу себе представить, о чем вы будете просить!

Она уставилась на меня:

— Вы, фавны, самые худшие. Вам не приходило в голову прикрыть чем-нибудь чресла, как это делают ваши друзья?

— Если вы имеете в виду мою наготу, возможно, она просто восхищает вас. Дриадам нужны мужчины, а фавнам — женщины. Почему бы нам не стать друзьями? — с достоинством ответил я.

— Я пировала с царями. Неужели после этого стану веселиться с незнакомцами, рыскающими по лесу,— с фавном и пастухом?

— Мы только хотим попросить вас помочь с пчелами.

Рем моргнул, словно маленький обиженный ребенок, которого выбранили за то, чего он не совершал. Он шагнул к дриаде, но она не сдвинулась с места:

— Наши пчелы умирают, и мы хотим, чтобы вы вылечили их.

Они смотрели друг на друга — глаза в глаза. Затем произошло нечто, чего не мог ожидать даже я. Он взял ее на руки и поцеловал в маленькие розовые губы. Быстро, словно нападающая гадюка, поднялась ее рука — тогда я увидел в ней кинжал — и метнулась в сторону моего друга.

Рем вскрикнул и отскочил. Но смотрел он не на кровь, сочившуюся из раны, а на дриаду, и не с гневом, а со стыдом за собственный поступок. Я бросился вперед и, прежде чем дриада успела нанести следующий удар, выхватил кинжал из ее рук. В бешенстве от того, что она ранила моего друга, я изо всех сил сжал ее запястья и не отпускал до тех пор, пока она не успокоилась. Почувствовав ее грудь рядом со своей, я, прежде чем желание охватило меня, сказал:

— Рем, она твоя. Можешь поцеловать ее снова!

— Отпусти ее,— лишь ответил он.

— Но Рем, она набросилась на тебя. Ее нужно наказать.

— Сильван, отпусти ее,— сказал он, будто маленький мальчик, расстроенный, потерпевший поражение, но не сдавшийся. Я отпустил дриаду, и она с удивлением посмотрела на струйку крови, вытекавшую из раны на боку Рема.

— Пожалуйста. Мои пчелы умирают. Скажите, что можно для них сделать,— повторил он свою просьбу.

Она подтолкнула его к свету, струившемуся из окна, и приложила край платья к ране.

— Зажгите огонь под роем пчел и вынесите их кучкой, завернутыми в листья чабреца. Они поправятся и опять станут сильными.

Затем она посмотрела долгим, испытующим взглядом на Рема, и мне показалось, что я бы успел взобраться на другой дуб, прежде чем они заговорили вновь.

— Ты очень молод. Сначала из-за темноты я этого не поняла. После поцелуя мне показалось, что ты — такой же, как все.

— Да, такой же. Я пришел сюда, чтобы спросить о пчелах, но тут же забыл о них. Мне захотелось обнять вас. Вы заставили меня думать о траве и цветах, нежащихся под ласковыми лучами солнца. Я такой же, как все.

— Но ты сказал своему другу отпустить меня. Почему же ты не рассердился, когда я ранила тебя?

— Я рассердился. Но — на себя.

Она взяла его лицо в ладони:

— От тебя исходит аромат леса. Думаю, ты лежал в клевере. Как Эней Троянский. Знаешь, я любила его. Он пришел ко мне так же, как и ты. Все латиняне ликовали после его триумфов — Турн побежден, амазонки Камиллы низвержены! Он сел на мою тахту и сказал: «Меллония, я устал. Со времени разгрома Трои все странствую и сражаюсь. Я потерял жену, отца, покинут царицей Карфагена. Очень устал».

Тогда я обхватила руками его голову и поцеловала моего принца, отважного воина. Потом многие годы наблюдала, как он мужал, становился старше. Пришло время, и он женился на принцессе Лавинии, заняв подобающее место в царской семье. Умер принц у меня на руках. Он был уже глубоким стариком, и волосы его струились подобно белому водопаду. Тогда я прокляла это дерево, которое сохраняет меня вечно молодой. Мне хотелось умереть вместе с Энеем. Прошло много лет, но я так и не смирилась с этой утратой. Его место осталось в моем сердце незанятым. И сейчас я жду встречи с другим Энеем.

С этими словами она отвернулась от Рема и стала смотреть в окно, на приближающийся рой пчел.

— Они приносят мне мед, мои маленькие друзья. И твои друзья тоже,— вновь повернулась она к нему.

— Почему ты так молод? Эней был седым, когда пришел ко мне. В боях он быстро постарел и выглядел старше, чем

я, хотя и был моложе годами. Сейчас же я — древняя старуха. А ты молод. Ты не можешь ждать чего-то очень долго. Твои глаза беззащитны, у тебя взгляд ребенка. Я же могу ранить тебя словами гораздо больнее, чем этим кинжалом. Зачем ты пришел сюда — такой юный и непорочный? Ведь я сделаю тебя стариком. У меня лицо девушки, но душа устала от ожидания.

Подобно выстроившимся кругом купеческим судам, груженным драгоценными маслами, пчелы вторглись в комнату и наполнили нектаром агатовую чашку. Дриада вытянула руку, и некоторые из них опустились к ней на ладонь.

— Ты подобен этим пчелам, Рем. Только их жизнь длится всего шесть недель.

— Тогда помоги мне стать таким, как Энеи!

Она подошла к нему и развязала повязку на его голове.

— Твои волосы рассыпаются, они подобны подсолнухам. Мне холодно, очень холодно. Отдай мне твои подсолнухи, Рем. Отдай, принц Альбы-Лонги!

— Вы узнали меня?

— Не сразу. Только тогда, когда ранила. Узнала по золотистым волосам и мягкости. Твоими устами говорит лес, Рем. И говорит с любовью.

Их голоса смешивались с жужжанием пчел, и запах нектара проникал ко мне в ноздри, как опьяняющий напиток. Я понял, что засиделся здесь. Потихоньку спустился по лестнице и вернулся к груде камней.

Позже, когда Рем вышел из туннеля, он спросил:

— Сильван, почему ты плачешь?

— Я не плачу. Фавны вообще не плачут. Мы принимаем вещи такими, какие они есть, и во всем стараемся найти что-то светлое. Просто ежевичный куст поцарапал мне глаза, и вот они слезятся,— запротестовал я.

Он явно засомневался в правдивости моих слов, но не стал больше ни о чем спрашивать. Заговорил мой друг лишь после того, как мы вышли из круга дубов и оказались в лесной чаще:

— Дриада... Она была гостеприимной? — спросил я с надеждой, что он будет говорить о ней безразлично, как о женщине уже забытой им. Мне хотелось убедиться, что своенравная дриада, к тому же намного старше Энея, не заняла мое место в сердце Рема.

— Да.

— Рем, мне кажется, твоя душа покорена ею. Ты ничего не хочешь рассказать мне о Меллонии? — с тревогой спросил я.

Мне показалось, заговорил старый Фаустул:

— Что можно сказать о любви? Это не назовешь счастьем, скорее — печаль. Она — просто одержимость.

— Мне кажется, ты чувствуешь искушение. Или рисуешь в своем воображении одну из богинь. Или словно переплываешь Тибр. Но я считаю, ты не так уж одержим, просто ко всему безучастен.

— Я думаю о многих вещах. Вчера, например, хотел наказать человека, который убил мою мать. Мечтал стать царем ради фавнов, волков и беглых рабов. Сейчас же хочу быть правителем и ради нее,— сказал он.

Мы уже приближались к Палатину. У входа в нашу пещеру Рем остановился, обернулся и положил руки мне на плечи.

— Сильван, почему все-таки ты плакал?

— Мы ведь уже говорили об этом,— оборвал я его.

— Уж не подумал ли ты, маленький фавн, что она вырвала тебя из моего сердца?

Он не называл меня «маленький фавн» с той самой ночи год назад — нет, десять лет — когда Ромул выкрал малыша из лагеря сородичей. Залившись вдруг слезами, я ответил:

— Да. И она не девушка, а ведьма! Или белка, потому что живет на дереве. Рем, она погубит тебя,

Будучи наполовину козлом, я всегда видел в других существах хищников.

Он не стал смеяться надо мной и моими слезами, лишь легко прикоснулся пальцами, словно крыльями бабочки, к моим мохнатым ушам и сказал:

— Если помнишь, среди дубов росли вместе бледно-желтые и белые нарциссы. Там нашлось место и для тех, и для других цветов. Ты понимаешь меня, Сильван?

В тот же миг с вершины холма к нам бросился Келер — с глазами, как у барана. К слову, за прошедший год они стали у него еще более глупыми.

— Рем, есть новости из города! Ромул ждет тебя в своей хижине,— прокричал он.

3

Ранние сумерки окутали холм тенями, и хижина Ромула, казалось, тонула в тумане. Важные и величавые, козы бродили по тропинкам среди невысоких скал, которые, говорят,

сам Вулкан отбросил от своих пещер в приступе гнева. Пастухи и те, кто недавно примкнул к ним, новые рекруты Ромула, собирались небольшими группами и обсуждали сделанное за день и планы на завтра. Новички держались несколько в стороне от опытных пастухов. Их одеяние состояло из такой же набедренной повязки, а на лицах, хоть, в основном, и молодых, но покрытых шрамами, сохранялось мрачное выражение. Один из них, насколько я знал, был преступником, сбежавшим из дома после убийства собственной жены; другой — отцеубийцей из новой греческой колонии в Куме. Среди этого сброда были люди, которых Рем хотел выгнать с Палатина, но Ромул, наоборот, зазывал их на холм, потому что они умели сражаться.

Когда женоубийца увидел меня, то заблеял, как овца. Рем гневно сжал кулаки, но я лишь подтолкнул его к хижине Ромула. Он не должен драться из-за меня.

— У тебя получается, как у лягушки. Делай вот так,— сказал я обидчику, и заблеял по-настоящему. Мне даже издалека ответили овцы.

Впереди замаячила чья-то фигура, словно гонимый ветром высокий корабль в морском тумане. Это был, как оказалось, Ромул. Мне он только кивнул, Рему же широко улыбнулся.

— Брат, к нам прибыл из города надсмотрщик Гай. Он привез новости,— сказал Ромул.

Мы вошли в хижину, где рассказывал какую-то историю — и похоже, не первый раз, маленький бородатый человек, напомнивший мне водяного жука. Глаза его радостно сверкнули, когда он увидел меня и Рема — новых слушателей.

— Рем! И Сильван, не так ли? Послушайте, что я видел! Вчера на рынке я встретил Нумитора с двумя спутниками. Не так давно Амулий дал ему некоторую свободу. Позволил успокаивать людей, сдерживать их гнев по поводу растущих налогов. Какой-то робкий щенок залаял на одного из солдат Амулия. Он хотел лишь поиграть. Но солдат не понял этого. Он поднял копье и пронзил сердце бедного животного. Нумитор в гневе закричал на солдата и призвал людей наказать негодяя. Тот тут же отбросил копье в сторону. Цирюльник и виноторговец попытались схватить его, но им помешали спутники Нумитора, которые взяли солдата под свою защиту и отвели его и Нумитора во дворец.

Даже когда старик исчез из виду, все еще был слышен его крик: «Если бы были живы мои внуки, здесь бы не было

солдат!» Все, кто наблюдал эту сцену — и я тоже,— были покорены мужеством Нумитора. Мы все в тот миг хотели одного — чтобы в городе появились внуки истинного царя и выгнали с улиц бессердечных вояк.

Рассказчик был явно возбужден, и хлопнул Рема по плечу, чтобы придать истории большую выразительность. Волнение моего друга нарастало. Его глаза, широко распахнутые и выражавшие тревогу, отражали блики пламени, горевшего в очаге — полный печали свет в зеленом, мрачном лесу. Насколько мне известно, никто не рассказывал надсмотрщику историю Рема. Но Гай наблюдал за ним с нескрываемым интересом. Возможно, он подслушал ее у пастухов.

Видя искушение Гая рассказать все сначала, Ромул проводил его к двери:

— Ты принес плохие новости. Благодари Юпитера, что здесь нет царя! Ты хочешь знать, останемся ли мы в деревне?

Гай иронически улыбнулся. Он не сомневался, что большинство людей Ромула, как и сам их предводитель, избегали появляться в городе по причинам, весьма далеким от любви к деревенской жизни.

— Когда я думаю об Амулии, у меня появляется искушение остаться здесь, с вами. Вы знаете, люди называют его Жабой, хотя сам себя он именует Медведем. Но Туллиус, мой хозяин, нуждается в моей помощи. Его стада многочисленны, Ромул. И я принесу ему добрые вести,— вздохнул Гай и, помахав на прощанье рукой, стал спускаться с Палатина.

Фаустул, Келер, близнецы и я собрались возле очага в хижине Ромула, чтобы обсудить новости, принесенные Гаем. Когда дело было настолько важным, как в этот раз, Рем всегда настаивал на моем присутствии, хотя в первое время Ромул и Келер возражали.

Ромул произнес с нескрываемым волнением:

— Мы терпеливо ждали. И сейчас настроение в городе такое, как нам нужно. Люди придут сюда, как только узнают о нас! Но им необходимо рассказать, кто мы на самом деле. И наш дед — именно тот человек, кто может и должен это сделать. Правда, сначала нужно ему самому рассказать, кто мы. Я завтра же отправлюсь в город и добьюсь у него аудиенции.

— Но он живет во дворце Амулия! Как же ты сможешь встретиться с ним? — закричал старый Фаустул, изогнутый, как лук из орешника, но все еще упругий и крепкий. Как и в каждом из нас, в нем горел мятежный дух.

— Он прав. Ты не можешь просто так войти во дворец, как это сделал я в Вейи, и попросить встретиться с Нумитором. Стражники Амулия слишком подозрительны. Рост и осанка выдадут тебя. Идти туда следует мне,— сказал Рем.

— Тебе, брат? А как же твои волосы? Светловолосые мужчины в латинских городах встречаются так же редко, как девственницы в Этрурии. Они примут тебя за шпиона! Но даже если этого и не произойдет, как ты добьешься аудиенции у Нумитора?

— Я все обдумал. Сначала выкрашу волосы в темно-каштановый цвет. Вы знаете умбру, которую добывают на берегах Тибра? Я вотру ее в волосы. Потом украду одну из коров Нумитора. Пастухи поймают меня и приведут к нему. Когда дело касается кражи коров, их владелец — а не царь — имеет право вынести вору приговор. Амулий не станет вмешиваться в это дело, пока я буду зависеть непосредственно от Нумитора. Не верю, что он предпримет что-то против меня.

— Нет, это слишком опасно. Я не хочу подвергать тебя риску,— сказал Ромул.

У меня часто возникало желание лягнуть его копытами. Но теперь захотелось обнять.

— Рем прав. Старики любят его. Он мягкий в общении и вежливый. Отпусти его, Ромул. Я верю в удачу,— сказал Келер. На этот раз он рассуждал здраво.

Да, подумал я, домашняя скотина, женщины и дом в городе. Вот и все, что нужно Келеру. А что он знает о правительстве? Рем, друг мой, даже если ты завоюешь этот город, все равно не добьешься справедливости.

— Итак, решено,— сказал Рем, подводя итог.

— Я помогу тебе,— поддержать друга было для меня мечтой и делом чести.

— Нет, я все сделаю сам. Фавны не популярны в этих местах. Пастухи запросто могут убить тебя.

Ромул выглядел взволнованным. Он грозно выставил подбородок и нахмурил брови. Этот воинственный, амбициозный юноша, который не испытывал страха ни перед волками, ни перед врагами, очень беспокоился за брата. Наконец, подобно отцу, посылающему сына на битву с галлами, он положил руки на плечи Рема и сказал:

— Иди же, брат. Пока тебя не будет, я соберу пастухов. Мы будем готовы атаковать город, когда ты вернешься с вестью от Нумитора. Если тебя не будет через три дня, мы

начнем штурм. Городские ворота крепки, но стены не так уж высоки для пастухов, которые живут на холмах.

— Или для пастухов, которых ведут в бой принцы,— с гордостью сказал Фаустул, привлекая к себе близнецов.— В течение восемнадцати лет я называл вас моими сыновьями. С тех самых пор, как нашел в пещере. После того, как вы подросли, Луперка разрешила мне взять вас — она, ваша вторая мать, знала, что настало время для третьей. И я принес вас сюда, в эту пещеру, к Ларентии, моей жене. Когда же она умерла год спустя, я стал растить вас сам. А теперь, словно волк, должен идти следом и вернуть деду. Вы не посрамите его.

На следующее утро Рем, накинув на голову покрывало, стал молиться богу удачи Эвентусу, чье изображение имелось на стене пещеры. Никто точно не знал, как выглядит этот бог, но Рем нарисовал его молодым, с круглыми щеками. В руке бог держал ветку ячменя. Вытянув вперед ладони и совершенно не обращая внимания на Луперку и меня, Рем молился:

— Эвентус, бог, приносящий удачу фермерам, которые выращивают ячмень и оливы, дай удачу и мне; помоги беспрепятственно добраться до деда!

Закончив молитвы, он поставил перед изображением бога чашку с молоком. Ведь все боги, независимо от того, властвуют ли они над душами людей или повелевают ветром, скалами или растениями, требуют жертвоприношений. (Луперка с жадностью взглянула на молоко, и я понадеялся, что бог выпьет его быстро!) Затем Рем вернулся к пчелам, зажег огонь под ульем и насыпал изюм на листья чабреца.

— Присматривай за ними, ладно? И за Луперкой тоже. Ты можешь кормить ее прямо из рук. Она очень слаба. (Но не так, чтобы не суметь выпить молоко, подумал я.) И еще, Сильван. Не мог бы ты сказать Меллонии, куда я иду? Я собирался навестить ее сегодня.

Я стукнул копытом в знак протеста.

— Эту беличью выскочку?

— Богиню,— поправил он меня.

— Богиню? Она проживет не дольше, чем ее дерево.

— Но ее дерево живет уже сотни лет, и так будет продолжаться еще очень долго. Пока не вернется Сатурн. А потом он найдет ей новое.

— Это она тебе сказала? А как насчет молний? Наводнений? Или нашествия дровосеков?

— У тебя дрожат уши. Так бывает всегда, когда ты сердишься,— усмехнулся он и стал поправлять их своими прекрасными пальцами.— Так ты пойдешь к Меллонии? Прости, Сильван, но для меня это очень важно.

— Не делай так, мне же щекотно! — закричал я.

— Но ты любишь, когда тебя щекочут.

— Это моя особенность. Но ты можешь заставить меня простить тебе все, что угодно.

— Даже если дерну тебя за хвост?

— Хорошо, хорошо. Я пойду к Меллонии. А теперь прекрати меня пугать.

Конечно, я собирался помочь. Но прятаться от друга придется до тех пор, пока он не начнет воровать. Потом я присоединюсь к нему, и пусть нас хватают вместе. Именно так я думал, следуя за Ремом на некотором расстоянии. Пробираясь по болотам, старался, чтобы копыта не чавкали слишком громко. А когда проходил среди могильных холмов сабинян, свежих или уже покрытых травой, старался не думать о душах умерших и, чтобы успокоиться, переходил на галоп. Но я был очень осторожен, и нас все время разделяло какое-нибудь дерево или холм. Рем шел, как обычно, быстро, но его следы и мой чуткий слух помогали мне не потерять его.

Пастухи Нумитора спали в тени. Это были три сгорбленных старика, такие же древние, как их хозяин. Говорят, он нанимал на работу только пожилых людей, потому что молодые напоминали ему потерянную дочь и внуков. В ногах у пастухов лежала старая сторожевая собака, которая тоже, казалось, спала. Я спрятался за падубом и стал ждать, как будут развиваться события.

Рем подошел к стаду и выбрал там тощую черную корову со сморщенным выменем. Собака сонно посмотрела в его сторону, пастухи продолжали дремать.

— Эй, корова, пойдем же! — закричал Рем, с шумом продираясь сквозь кусты. Словно ребенок, который гонится за гусями, он был очень доволен собой.

Собака не сдвинулась с места, пока не увидела, что пастухи открыли глаза. Лишь тогда она захромала к незваному гостю и закружила возле него. Старики протерли глаза и закричали:

— Вор, вор!

Рем сделал вид, что смущен их воплями и забегал вокруг коровы. Я стремглав вылетел из-за падуба и присоединился к нему.

— Я же просил тебя не ходить за мной,— прошептал он. Таким сердитым мне его прежде не приходилось видеть.

— Их двое! И один — фавн. Они могут удрать вместе с нашим стадом! — закричал один из пастухов.

Они осторожно приблизились к месту, где мы носились вокруг коровы, которая, не обращая на нас внимания, спокойно продолжала жевать траву. Собака, гордясь своей бдительностью, громко лаяла.

— Храбрая собака, умный наш Балбус,— шептали пастухи, поглаживая животное по голове, покрытой блохами. Один из них достал несколько кожаных плетей из-под навеса.

— Надо связать им руки,— сказал тот, что помоложе. Видимо, он был главным.

Не оказывая сопротивления, мы протянули руки. Пока один из пастухов обматывал их плетями, вожак грозно кивнул всем остальным, и собака понеслась вперед, захлебываясь лаем.

— Они совсем мальчишки. Так ли уж надо вести их в город к Нумитору? Идти-то туда долго, Джулиус. Мне кажется, с них вполне хватит хорошей трепки,— сказал невольный стражник, вытягивая шею и косясь на нас, чтобы лучше рассмотреть.

Услышав это, Рем поспешил вступить в разговор:

— Отец как-то выпорол меня. После этого я сбежал из дома и стал бродягой. Боюсь, вам все же придется отвести нас к Нумитору, если не хотите, чтобы мы украли у вас всех коров и продали их этрускам, живущим за рекой.

Вид у Рема был свирепый, и он с презрением смотрел на людей, посмевших назвать его мальчишкой. Затем злобно добавил:

— И здесь мой друг, фавн. Уж поверьте, он хоть и молод, но сумел украсть шесть девушек! Я же украл семь. Но мне, правда, и лет больше, чем ему.

— Может, они и мальчишки, но очень опасные. Пусть их рассудит Нумитор. Вы, двое, отведите их в город, а мы с Балбусом присмотрим за стадом,— сказал компаньонам вожак.

Старики посмотрели друг на друга, словно взвешивая, выдержат ли они дополнительный переход в двадцать четыре

мили. Один из них толкнул вперед своим посохом Рема, другой — меня. Мы услужливо двинулись вперед, и они вздохнули:

— Что ж, попробуем.

— Стукните их хорошенько, если будут болтать лишнее,— посоветовал вожак, и мы двинулись искать Нумитора.

Альба-Лонга, город мечты Ромула и Рема, который раньше я видел лишь из лесов, растущих у подножия плато, был большим поселением, обнесенным стеной, с пятью тысячами жителей. Высокие каменные стены уже кое-где начали крошиться, а на улицах, вымощенных булыжником, между камнями пробивалась трава. Но, несмотря на это, все дома были аккуратно отштукатурены и нам обоим показались маленькими дворцами.

— Посмотри на крыши. Они покрыты обожженной на солнце глиняной черепицей,— прошептал Рем.

Конечно, для пастухов такое было роскошью. Они могли покрывать крыши своих хижин лишь соломой.

— Таким домам не страшен ни пожар, ни дождь.

— Ну-ка, паршивцы, поторапливайтесь! — закричали наши конвоиры, подтверждая слова посохами.

Люди останавливались повсюду, чтобы посмотреть на нас. Это лишь раззадоривало пастухов, и они кричали все громче: «Но-о, пошли!» Какая-то весталка, несшая черную этрусскую вазу, расплескала воду. Виноторговец выронил бурдюк с вином, и оно полилось по булыжникам тонкой красной струйкой. Вдоль дороги, по которой мы шли, стояли палатки цирюльников, прилавки торговцев овощами, на которых красовались огромные дыни. Туда-сюда бегали дети, сторожевые собаки и ослы, толпились многочисленные солдаты Амулия. В большинстве городов латинян, насколько мне известно, не были расквартированы воинские части. Солдаты появлялись лишь во время войны. Но люди царя Амулия, размахивая копьями с бронзовыми наконечниками, маршировали по Альба-Лонге, словно говоря: «Мы отправляемся в поход по воле Амулия, и никого не касается, какая у него цель».

— Ну-ка, поторапливайтесь! — стали кричать наши стражники слишком часто, и один из солдат стукнул их обоих по голове древком копья:

— Угомонись, старье. Вы ведь рядом с дворцом,— крикнул он.

Наказанные пастухи, как снопы, повалились на землю и прекратили подгонять нас.

Слева находился храм Весты, возведенный этрусскими архитекторами на каменном фундаменте, с четырьмя квадратными колоннами на фасаде. Фронтон здания мерцал оранжевой терракотой. Но на нем не было изображений, столь любимых этрусками, потому что богиня Веста жила в пламени очага и не имела физического тела. Напротив виднелся невысокий дворец Амулия, белый прямоугольник, который как следует можно было рассмотреть лишь со стороны домов, которые мы прошли. Ходили слухи, что Амулий собирался построить настоящий этрусский дворец — из разноцветного камня, украшенный фресками и колоннадами, на деньги, полученные от сбора налогов.

Но работа все еще не была окончена, хотя ворота перед дворцом уже были украшены бронзовыми этрусскими львами, миниатюрными, с гибкими лапами, и хвостами, уложенными кольцами. Глаза у них были такой же миндалевидной формы, как у создателей. Перед фигурами львов стояла пара стражников, чуть менее высокомерных, чем эти диковинные животные.

— У вас есть дело в царском дворце? — требовательно спросил один из стражников. Он был облачен в кожаный камзол и бронзовые латы.

Наши конвоиры еще не пришли в себя после полученного удара. Они что-то невнятно бормотали, и Рему пришлось объясняться самому.

— Они поймали нас, когда мы пытались украсть коров у Нумитора. И сейчас хотят, чтобы он вынес решение по этому вопросу.

Услышав имя Нумитора, стражники стали приветливее. Один из них заглянул в ворота и кого-то позвал. Из-за ограды появился слуга, о чем-то пошептался со стражником и исчез. Но вскоре вернулся. Он провел нас вниз по коридору, обшитому деревянными брусками, и мы оказались в саду, который был с трех сторон обнесен кирпичной стеной. Здесь в изобилии росли ярко-красные розы и золотистые крокусы. Я впервые увидел сад, где было так много прекрасных цветов. Мне хотелось зарыться в эту роскошь, созданную человеком и природой, и кувыркаться в ней от счастья. Но когда я увидел старого царя, то забыл обо всем на свете. Он сидел на стуле и смотрел в бассейн. Белые волнистые волосы почти

сливались с одеянием, рассыпались длинными прядями вокруг ног и скрывали сандалии.

Казалось, он не замечал нас. Чтобы привлечь внимание Нумитора, слуга сказал:

— Господин, ваши пастухи привели двух воров. Рассудите их.

Нумитор поднял голову и посмотрел на нас без всякого выражения. Лицо у него было желтое и сморщенное, как папирус из могилы фараона — более древнего, чем Сатурн. Он напоминал бога, правящего Нилом в те древние времена, когда этруски еще не прошли через Египет и не принесли свои знания в Италию. Лицо, напоминающее папирус, чьи письмена стерты временем и непостижимы для потомков.

— Подведите их ко мне,— сказал он.

Мы опустились перед Нумитором на колени, и Рем протянул к нему руки.

— Мой царь,— произнес он, и запнулся. Но эти слова были гораздо большим, чем обращение к царю.

Нумитор вытянул вперед руку и жестом приказал юноше подняться.

— Я не твой царь. И никогда не был им. Ты слишком молод — тебе, наверное, столько же лет, сколько было бы моим внукам, будь они живы. А они родились уже после того, как я лишился трона. Скажи мне, юноша, почему ты пытался украсть у меня скот?

— Потому что хотел видеть тебя.

— Видеть меня? Не понимаю.

— Я знал, если скажусь вором, меня приведут к тебе для суда.

— Это правда. Но прежде, чем я свершу правосудие, какую милость попросишь? Хочу предупредить тебя, я могу оказать не одну.

— Твое благословение. И любовь.

— Старик любит своих детей. Но у меня их нет. Внуков. Но у меня и их тоже нет. Мое сердце свободно от любви. Оно словно гнездо без ласточек. Но как тебя зовут? В тебе есть что-то такое, что заставляет меня вспоминать...

— Пастух назвал меня когда-то Ремом, а моего брата Ромулом. Мы близнецы.

Эти имена, конечно, ничего не значили для старика. Но его поразило последнее слово, сказанное Ремом.

— Близнецы, говоришь?

— Вскоре после того, как мы родились, нашу мать убили, а нас собирались утопить в Тибре. Но Фаустул спас меня и брата и вырастил, словно родных сыновей.

Нумитор громко застонал, и какая-то сила, подобная вулканическому извержению, подбросила его в воздух. Он весь побелел, а из горла вырвался пронзительный крик.

— Что ты несешь? Врешь так же хорошо, как и воруешь! Я видел внуков, когда Амулий забрал их у моей дочери. У одного из них были темные волосы, темнее твоих. У другого же — золотистые, вот как этот цветок,— прогремел он, раздавив крокус сандалией.— Это подарок бога, его отца. Который же из них ты?

— Золотоволосый,— Рем упал на колени и опустил голову в бассейн.

Вода сразу начала окрашиваться в коричневый цвет. Спустя несколько минут он поднялся и встряхнул волосами. Среди темно-коричневых полос заблестели золотистые, светло-русые пряди.

Я наблюдал за лицом из папируса. Изношенная от времени и покрытая венами поверхность его вдруг задрожала и стала мягче, на забытом языке любви заговорили затуманенные глаза. Старик провел рукой по волосам Рема и увидел на пальцах остатки темно-коричневой краски.

— Время. Дай мне время. Я отвык от слез. Но они бродят во мне, словно вино.

Старик перестал что-либо видеть от хлынувших из глаз слез, он лишь заключил юношу в объятия и прошептал:

— Рея, твой сын вернулся ко мне.

В это время у двери послышалось брюзжанье:

— Ты — старый дурак. Этот мальчишка разыграл тебя. Но я проучу его, так и знай.

Я мгновенно узнал Амулия, хотя никогда прежде не видел. Узнал по испещренным венами векам, полуопущенным над жабьими глазами, которые никогда не моргали, по сгорбленному карликовому телу. Действительно, Амулий-Жаба.

— Стража! — пронзительно закричал он.

— Беги к Ромулу! Я задержу их,— прошептал Рем.

И я побежал, обернувшись лишь раз, чтобы увидеть, как за моей спиной юный принц и правитель-тиран сошлись в схватке, упав в кусты роз. Доверяя лишь собственным копытам, я ухватился за верхнюю часть стены и стремительно

перемахнул через кирпичную кладку. С языка сорвались слова молитвы:

— Бог Эвентус, будь милостив, помоги моему другу!

4

Я приземлился на узкой улице за дворцом и быстро застучал копытами по булыжникам. Пожилая женщина, несущая с рынка дыни, застыла в изумлении. Затем, пожав плечами, устало потащилась по улице дальше, бормоча под нос: «Амулий совсем позабыл защищать дворец. Если уж и фавны могут грабить его, тем лучше для них и хуже для него». Больше никого не было видно, кроме осла, привязанного к столбу. Он безучастно смотрел на меня. Хозяин, видимо, задержался по делу в лавке красильщика. Оттуда доносилась вонь от гниющих деревянных панелей, с которых сильно слезла краска.

В моем распоряжении было мало времени. Едва стражники одержат верх над Ремом, они бросятся догонять меня. Поэтому я должен добраться до ворот как можно скорее, нестись во весь опор. Но бегущий фавн в городе выглядит, по меньшей мере, подозрительно. Меня могут задержать, приняв за вора. Поэтому привязанный к столбу осел, пощипывающий на солнышке травку, был шансом спастись. Я ослабил веревку у него на шее и изо всех сил лягнул копытом. От неожиданности он стремительно понесся вниз по улице.

— Стой, неблагодарное животное! Стой! — кричал я, несясь вслед за ослом, словно он был мой.

Но тот припустил еще быстрее и, выскочив на центральную улицу, понесся к городским воротам. Когда он замедлял бег, я делал то же самое. Когда же набирал скорость, я бежал быстрее и кричал: «Стой!» Я вытягивал руку, чтобы поймать его, но от быстрого бега начинал задыхаться. Испуганное животное оставалось для меня недосягаемым и по-прежнему мчалось к воротам. Завидев его, стражники засмеялись и стали подбадривать криками: «Быстрее, быстрее!» Кто-то успел хлопнуть осла по боку. Перевернув по пути телегу гончара, груженную оранжевыми глиняными светильниками, я понесся дальше за обезумевшей скотиной.

— Пусть разбойники разнесут твой череп! — закричал вслед гончар.

В ответ я помахал рукой, даже не обернувшись, и понесся вниз с холма, к лесу. Слева поблескивало под полуденным солнцем озеро Альба, и по его бирюзовой поверхности скользили, как водомерки, лодки из полой ольхи. Впереди маячил сумрачный кипарис, указывая на тропинку, которая вела к Палатину.

Я нашел Ромула с Келером и стадо овец у подножия холма. Когда рассказал Ромулу о происшедшем, он побледнел и стукнул посохом о землю.

— Я знал, что должен пойти сам.

— Не расстраивайся. Кто может сказать «нет» Рему? — попытался я его утешить.

— Если они причинят брату вред, клянусь, я сожгу город! Келер, присмотри за скотом,— крикнул он и, подхватив меня, помчался на вершину холма, строя по пути планы спасения близнеца.

— Мы атакуем сегодня ночью. В темноте вполне сможем вскарабкаться на стену, прежде чем нас увидят.

— Но жители города ничего не поймут. Ведь у Рема не было возможности рассказать Нумитору о нашем плане.

— Сейчас это не имеет значения. Мы не можем мешкать. Оказавшись в городе, будем кричать: «Да здравствует Нумитор!» и, уверен, получим поддержку.

Ромул был прав, мы не имели права медлить. Но что можно сделать против крепостных стен и засевшего за ними гарнизона солдат? Если бы мы разрушили городские ворота с помощью тарана, солдаты, несомненно, уже ждали бы нас там. А если бы вздумали вскарабкаться на стены, то имели бы все тот же результат. Поскольку Альба-Лонга раскинулась на вершине горы, очень трудно взобраться на городские стены и остаться незамеченными, даже ночью. Вслух я ничего не сказал, но Ромул и сам знал о возможной опасности. И все же рисковать жизнью Рема было нельзя!

Потом я спустился с Палатина и направился к пещере. Мне необходимо было собраться с мыслями. По пути увидел Келера со стадом. Он прислонился к стене, с посохом в руках и соломинкой, зажатой в зубах. Самодовольный дурень, подумал я. Спокоен, как корова, а ведь жизнь Рема в опасности!

Увидев меня, Келер усмехнулся:

— Итак, они захлопнули птичку в клетке? Сегодня ночью начнутся большие игры, да?

Но прежде чем я успел лягнуть его, переменил тему разговора:

— Сильван, я слышал, ты нашел дриаду. Где же ее дерево?

— Это дриада Рема,— сказал я возмущенно.

— И твоя. И моя, если только покажешь, где это дерево,— ухмыльнулся он.

— К северу от Квиринала. Это падуб с отметиной от молнии на стволе,— соврал я.

И, опустив уши, чтобы не слышать ответ, поспешил к пещере. Оказавшись внутри, я бросился на тюфяк, набитый клевером, но его благоухание напомнило мне о Реме и затуманило мысли. Чтобы как-то встряхнуться, я встал и прошелся по полу. Луперка выползла из дальнего угла и потерлась о мою ногу. Тогда я встал на колени и обхватил руками ее голову.

— Луперка, Рем ушел в город. Там его взяли в плен. Что мне делать? — спросил я.

Взгляд волчицы был таким осмысленным, что я почувствовал: она понимает меня. В ответ Луперка принялась жалобно выть, и мне очень захотелось понять ее.

Снаружи послышалось жужжание пчел. Выйдя из пещеры, я увидел целый рой на смоковнице. Значит, средство Меллонии пошло им на пользу. Пчелы явно выздоравливали. Меллония! Она ведь, наверное, могла помочь Рему! Дриада исцелила пчел... И, возможно, знает, как вызволить моего друга из тюрьмы. Ведь любила же она когда-то Энея, несравненного воина. Эти мысли стремительно пронеслись в голове, и я тут же бросился к дубам, среди которых жила волшебница. Невдалеке от меня шлепнулась, сброшенная с Палатина, ракушка. Это Ромул подавал знаки, собирая людей.

Несколькими минутами спустя я уже стоял у подножия дуба и кричал:

— Меллония, к тебе посланник от Рема.— Никакого ответа.

Я позвал дриаду опять. И вдруг услышал голос, заглушенный ветвями:

— Иду, иду. Подожди возле алтаря.

Довольно быстро она выбралась из туннеля. Но это была не та Меллония, которую я запомнил. Не суровая и царственная, а бледный ребенок, привыкший жить на дереве и постоянно моргающий от непривычного солнечного света. Она подняла руку, чтобы прикрыть глаза.

— Он ранен?

— Нет, но Амулий взял его в плен.

И я рассказал обо всем случившемся.

— Что собирается делать Ромул?

В общих чертах я обрисовал план — насколько он был мне известен.

В ответ дриада вздохнула:

— Пастухи Ромула... Я видела, как они тренируются в лесу. Храбрые, но почти безоружные. У них нет даже копий. Только палицы и луки. А что могут сделать луки против крепостных стен или во время боя на городских улицах? Это может стоить Рему жизни.

— Меллония, ты можешь спасти его. Знаю, можешь! — закричал я в отчаянии.

Она дотронулась до моей щеки кончиками пальцев, словно лепестками цветов.

— Ты хороший друг, Сильван. Ты, я и лес — его настоящие друзья. Возможно, мы и сможем спасти Рема. А сейчас отправляйся к Ромулу. Скажи, что когда Арктур будет светить прямо над храмом Весты, я буду ждать в лесу, чуть ниже городских ворот. Пусть ничего не делает, пока я не приду. Но люди его должны быть готовы к штурму.

Я сжал ее руку; она была теплой и маленькой, как ласточка.

— Меллония, я не был добр по отношению к тебе.

— И я тоже. Но Рем сделал нас друзьями. Ты его брат, Сильван. Гораздо в большей степени, чем Ромул, Волк. Поверь мне.

Я повернулся, чтобы идти, но она окликнула меня:

— Сильван, подожди. Честно говоря, я боюсь за Рема. Лес очень неспокойный. Журавли летали весь день, а так они делают перед бурей. Но бури-то не было. И всю прошлую ночь совы кричали на дереве. Я искала коршунов, птиц добрых предзнаменований — специально для дятлов. Но их нигде не видно.

— Добрых предзнаменований? Но ты сама — доброе предзнаменование Рема! — закричал я.

* * *

Высоко над Альба-Лонгой вознесся храм Весты. Он горделиво сверкал в лунном свете, и оранжевый Арктур, весенняя звезда, светил над каменным фронтоном. Пятьдесят пастухов собрались в лесу недалеко от городских ворот: Ромул со своим старинным копьем, освященным Марсом; некоторые с луками и стрелами, пользоваться которыми их научил Рем; но большинство только с ножами, палицами или рогатина-

ми. Единственной одеждой пастухов были набедренные повязки — никакой брони, чтобы защититься от удара стрелы или меча.

Тараном должен был послужить ствол огромного вяза с оставленными обрубками ветвей, чтобы удобнее было держать его, а штурмовые лестницы выглядели непрочными, как молодые деревца, поврежденные бурей. Сколько же пастухов выживет этой ночью? Я был рад, что согнутый годами Фаустул остался, по настоянию Ромула, на Палатине. Мимолетная грусть охватила меня. Кто сможет упрекнуть этих людей, хотя и грубоватых от природы, за желание иметь дома в городе и женщин, способных покорить их сердца?

— Мы не можем больше ждать,— сказал Ромул.

Его раздражала необходимость следовать указаниям дриады, которой он никогда не видел. Ничто, кроме заботы о Реме и осознания собственной слабости, думаю, не заставило бы его прислушаться к мнению другого.

— Но Арктур только едва приподнялся над храмом. До этой минуты он светил ниже. Я знаю, она обязательно придет! — запротестовал я.

— Что она сможет сделать, даже если придет? Глупо атаковать город со стороны ворот, как советует дриада. Нам надо подниматься по стене вон с той, дальней, стороны.

Вдруг я услышал жужжание пчел.

— Тихо! Она идет.

Уши мои затрепетали. Жужжание становилось все громче; собравшиеся с удивлением всматривались в лесную чащу. У меня было чувство, как у путешественника, приближающегося к водопаду. Сначала он слышит какой-то шелест, слабый и далекий. По мере приближения, шелест становится все более громким. Затем деревья расступаются, и рев падающей воды не оставляет места никаким другим звукам.

Вот пчелы уже окружили нас. Их невозможно сосчитать. Мерцая в лунном свете, они изгибаются, как Млечный Путь у нас над головами, и освещают дорогу, рассеивая мглу. Мелония ведет их за собой. Она словно соткана из листьев, тумана и лунного света. Парит в облаке пчел, и мне с трудом удается рассмотреть, как ее ноги касаются земли. Мужчины смотрят на нее, широко открыв рот,— и Ромул, и даже глуповатый Келер.

— Так это и есть твоя дриада? Но она выглядит как богиня! — шепчет он.

Я тоже смотрю на нее с изумлением. Но меня поражает не столько красота, сколько темные пятна на лице — не запекшаяся ли это кровь? — и дыры, виднеющиеся на платье.

— Ничего страшного. Это часть моего плана,— прошептала она, проходя мимо.

Из всей толпы дриада тут же выделила Ромула. Его не трудно узнать, ведь он самый мускулистый из всех молодых людей и единственный — с копьем.

— Ромул, брат Рема, приветствую тебя. Когда ворота откроются, я подниму руку. Тогда ты сможешь войти в город со своими людьми,— сказала она.

И прежде чем он успел спросить хоть что-нибудь о столь загадочном появлении, дриада ушла. Буквально в следующий миг мы увидели, как она поднимается на холм, к городским воротам. Пчелы кружили высоко над ее головой, но жужжание утихло, и блики погасли в темноте.

— Что она собирается делать Сильван? Она просто сумасшедшая,— задыхаясь от волнения, произнес Ромул.

— Или ведьма,— закричал Келер, глядя вслед дриаде.

Пастухи вздрагивали от нервного напряжения и тихонько перешептывались. В лесу начало что-то двигаться. Неотделимое от деревьев, невидимое и едва слышимое, и это НЕЧТО дышало.

— Вампиры,— раздался шепот.

— Лемуры. Она послала их, чтобы заставить нас следовать за ней!

Дриада была уже на полпути к воротам.

— Стражники, помогите, я ранена. Помогите мне! — закричала она, упав на колени.

Голос был слаб и дрожал от боли, но его все же можно было услышать в башнях, расположенных с обеих сторон от ворот.

Молчание. И вдруг послышался голос — недоверчивый, колеблющийся.

— Кто вы?

— Я пришла из Вейи. Волки набросились на моих слуг в лесу. Я одна осталась в живых.

Со скрипом отворились ворота, установленные на массивном каменном остове. В одной из башен мелькнул огонек, затем исчез, и появился вновь уже над самой землей. Человек, несший лампу, застыл в воротах. Меллония поднялась, зашаталась и опять упала.

— Помогите мне.

Стражник направился к ней, но в руке у него поблескивал меч.

Меллония подняла руку.

— Вперед! Иначе они захлопнут ворота у нас перед носом. И мы не войдем в город! — проревел Ромул.

И, бросив клич своим людям, понесся к воротам. Я бежал вслед за ним. Холм возвышался над нами — огромный, черный. Я чувствовал себя, как пловец на самом дне громадной волны. Сможем ли мы взобраться на гребень?

Опустившись на колени рядом с Меллонией, стражник поднял голову и заметил нас.

— Закрывайте ворота! — закричал он и помчался в укрытие.

Тяжелые створки ворот неумолимо двинулись навстречу друг другу.

Внезапно какая-то тень закрыла Луну. Я посмотрел вверх, и уши мои поднялись от удивления. Пчелы Меллонии! Неумолимым золотистым потоком они буквально лились с неба в башни. Оттуда послышались крики и шум. Ворота заскрипели чуть тише, стали двигаться медленнее и вот умолкли, оставшись полуоткрытыми.

Я застучал копытами по дерну и, отбрасывая в сторону камни, кинулся вперед. Ромул несся сзади по тропинке, я чувствовал это. Сквозь проем в воротах я увидел движение людей, сверкание копий, кружение пчел и бронзовых наконечников. Наконец мы оказались в городе. Пчелы, выполнив свою миссию, улетели, и мы бросились в бой.

Какой-то солдат атаковал меня, размахивая копьем и усмехаясь, как демон смерти на надгробиях этрусков. Я поднял пращу и поймал копье зубами. Враг остановился, круглая черная дыра образовалась в том месте, где должны были быть его зубы, и изумленно уставился на меня. Из отверстия хлынула кровь. Как подкошенный, он рухнул на землю.

— Мы превосходим их численностью! Они отступают! — закричал Ромул.

Копья тут же опустились, щиты отброшены в сторону. Улица возле ворот осталась пуста, если не считать нас самих.

— Нумитор! Нумитор — царь! — закричал Ромул, и его поддержали остальные.— Нумитор — царь!

Удивленные такой легкой победой, мы бросились к сердцу города, к храму, дворцу, Рему.

Но улица была перегорожена. Ряд копий поблескивал у нас на пути, как весла на галере, поднятые гребцами в едином порыве. Целая стена копий, чтобы задержать наше продвижение. За ней еще одна, и еще, и, наконец, ряд лучников, беспощадных, как разящая бронза этрусков. Солдат, которых удалось разгромить, было мало. Но сейчас мы встретились с целой армией. А ведь многие из нас ранены. И мы потратили уйму сил, взбираясь на холм и сражаясь у ворот. К тому же потеряли несколько человек — я насчитал шестерых убитых, окинув беглым взглядом улицу. Мы устали, лишились части вооружения, и враг превосходит нас численностью. Как же сможем мы сражаться и, главное — победить?

— Где пчелы? Меллония, где твои пчелы? — в отчаянии закричал я.

И тут увидел волков, несущихся стаей через ворота. Их лапы опускались на камни мостовой приглушенно, как капли дождя. Ноздри мои задрожали от смешанного запаха меха, травы и болота. Я почувствовал рядом горячее дыхание. Мы припали к стенам, чтобы дать волкам пройти. Но хищники, казалось, никого не видели, кроме врагов. Стая шла прямо на солдат, на нацеленные копья и натянутые стрелы. Меллония и Луперка следовали за стаей.

Меллония говорила, но так тихо и спокойно, что я едва мог разобрать слова или, скорее, заклинания. Рассказывают, этрусские принцы, когда охотятся, игрой на флейте заколдовывают и заманивают животных в сети. Казалось, голос Меллонии имел подобную власть над волками. Иногда, правда, какое-нибудь животное пробовало отбиться от стаи. Но Луперка удивительно проворно хватала его за лапу и с силой вталкивала обратно. Старая волчица, которая вскормила моего друга в пещере, и еще более старая, фактически не имевшая возраста, дриада — обе были царицами.

Линия обороны врага дрогнула, копья заколебались, словно весла, захлестнутые волной. Длинные стрелы на туго натянутых тетивах задрожали в руках лучников. И тогда волки бросились в атаку. Подпрыгнув выше копий, они завертелись в воздухе. И копья тут же захлебнулись, отражая падение мертвых тел. Линия обороны была сломлена. Лучники так и не успели выстрелить. Люди и животные покатились по улице; сбивая друг друга, оружие гремело по камням мостовой, уцелевшие волки падали и разбивали морды в кровь. Копья в этой схватке оказались бесполезными, стре-

лы — тоже. Лишь некоторые солдаты успели выхватить кинжалы. Большинство же сражалось врукопашную.

Некоторые воины попытались спастись бегством. Оставшиеся в живых волки бросились за ними. Раненые, истекающие кровью солдаты из последних сил пытались добраться до входа в замок. Оказавшись у дверей, они изо всех сил колотили в них кулаками. Но двери так и оставались закрытыми.

Наконец город пробудился. На крышах домов появились люди, державшие в руках горящие факелы. Они хорошо освещали поверженных солдат, которые прежде держали в страхе всех жителей Альбы-Лонги. И идущую по улицам странную процессию: Меллонию и Луперку с волчьей стаей, а над их головами — облако из вернувшихся пчел, и Ромула с пастухами, которые подняли в знак победы свои палицы.

Но что значил этот марш, если Рем все еще оставался в заточении во дворце? Не обращая внимания на волков, я бросился к Меллонии:

— Пойдем вперед, вместе со мной.

Она кивнула в знак согласия:

— Луперка может присмотреть за волками.

Окруженные облаком пчел, мы побежали через торговые ряды рынка, где завтра, словно ничего и не случилось, виноторговец будет разносить вино, а фермер — тыкву и виноград. Перепуганные солдаты, выжившие в бою, при виде нас разбегались в разные стороны. Сторожевая собака обнюхала наши ноги, но, почуяв волчий запах, поспешно исчезла.

Дворец был погружен в темноту. Лишь в храме Весты, через дорогу, как всегда, горел в очаге огонь, дающий мерцающий свет. Этрусские львы, застыв в бронзе, словно что-то недовольно рычали. Но рядом с ними больше не было солдат-стражников. Двери настежь распахнуты. Мы вошли в центральный коридор и, свернув в сторону, оказались в огромном зале.

— Это помещение, где проходят аудиенции Амулия,— сказала Меллония.

Она указала на трон из золота и слоновой кости, установленный на каменном постаменте. Высокий светильник с подвешенными на нем лампами отбрасывал мрачные блики на гобелен, находившийся за троном. Видя, что комната пуста, я решил продолжить поиски. Но Меллония остановила меня.

— Мы лишь потеряем драгоценное время. Пусть пчелы ищут его.

Она подняла руки и описала ими в воздухе несколько кругов, похожих на те, которые делают пчелы, когда садятся на цветы. Подопечные Меллонии поняли хозяйку и вылетели из зала.

Мы посмотрели друг на друга. Где была в этот миг могущественная колдунья, которая открыла городские ворота, чтобы впустить в них обитателей леса? Как ласточка после бури, потрепанная и изможденная, Меллония опустилась на пол. Я попытался усадить ее на трон.

— Нет. Ведь на нем сидел Амулий,— сказала она, разглядывая драпировки цвета сливы, висевшие позади трона.— Даже краска здесь неестественная. Не пурпурная, как у настоящих царей, а чем-то напоминающая раковины с морского дна.

Я сел рядом с ней и обнял за плечи.

— Все будет хорошо. Скоро мы вернем его.

— Сейчас — возможно. А в дальнейшем? Ему всегда будет грозить какая-нибудь опасность.

— Мы станем присматривать за ним.

— Мы тоже уязвимы. Даже сейчас я тоскую о моих высоких стенах из дерева. Не могу покидать их надолго.

Внезапно пчелы вернулись и стали кружить в дверях зала, привлекая наше внимание. Мы вышли в темный коридор, в котором почти ничего не было видно. Но пчелы провели нас по нему, помогая жужжанием. Вместе мы удачно преодолели несколько поворотов и спустились вниз по лестнице, выдолбленной в скале, сохранявшей запах сырости. Наконец ступили в подвал, освещенный единственным факелом, дымным и тусклым. В помещении была широко распахнутая дверь, ведущая в маленькую келью. Внутри виднелось тело Амулия с торчащим из живота кинжалом. Оно было похоже на огромную раздувшуюся жабу. Над ним склонился Рем.

— Он пришел схватить меня,— произнес мой друг, все еще не придя в себя от изумления.

— И ты вынужден был убить его?

— Нет, это они,— он показал на пчел, которые опустились на соломенный тюфяк у стены.

Я опустился на колени рядом с телом и увидел красные рубцы, сотню или даже больше, и закрытые распухшие глаза.

— Он открыл дверь и сказал, что сюда идут мои друзья и что он собирается сделать меня заложником. Я отступил

внутрь. Амулий выхватил кинжал, но пчелы набросились на него из-за спины целым роем. Он стал метаться, зарычал и упал на пол, напоровшись на собственный кинжал. Недолго он прожил после этого. А потом пришли вы.

— Пчелы любят тебя. Некоторые из них, возможно, из твоего улья. Они почувствовали, что ты в опасности,— сказала с гордостью Меллония.

Он зарылся лицом в водопад ее волос, и дриада удерживала его с бесконечной нежностью. Впервые я почувствовал, что, любя его, люблю и ее. Они казались двумя детьми, согретыми объятиями друг друга. Но мои друзья забыли о том, что любовь, даже самая сильная, коротка, потому что живет в бренном теле. Мне захотелось заключить их в магический круг моей собственной любви и остановить, словно кольцом из щитов, все угрожающие стрелы. Но я всего лишь фавн, и жизнь у меня короче человеческой.

Наконец она отстранилась от Рема:

— Какой же ты бледный после заточения во дворце. За один-единственный день поник, как отцветший лотос.

— Пойдемте. Мы должны найти Ромула. Он ведь беспокоится за нас,— сказал я и стал подниматься по лестнице.

Дворец наполнился людьми. Их тени маячили на покрытых гобеленами стенах. Люди бродили по залам с факелами в руках, с изумлением взирая на сокровища, которые, на взгляд пастуха (и мой тоже), соперничали с богатствами Карфагена. Веер, сделанный из павлиньих перьев. Жемчужины, величиной с желуди. Зеркало, ручка которого сделана в виде шеи грациозного лебедя! Стражники и слуги — все куда-то подевались. Они, видимо, сбежали, как только мы появились здесь, и дворец был отдан на милость победителям. Опьяненные роскошью, пастухи забыли, что пришли сюда как освободители, а не грабители.

Мы нашли Ромула в зале для приемов. К его чести, должен заметить, он лично не занимался грабежом, а с факелом в руках пытался организовать поиски Рема. Но, к сожалению, его люди гораздо больше заботились поисками сокровищ, чем потерянными товарищами. Увидев нас, Ромул радостно закричал, подобно тому, как это делали галлы, встретив друзей на тропе войны. Швырнув мне факел, он схватил брата и от радости подбросил его в воздух. Часто он казался самым жестоким из воинов, дерзким молодым волком, отбросившим в сторону все хорошее, что присуще юности. Но

рядом с Ремом проступали лучшие его черты, и я даже мог любить Ромула, когда он находился рядом с братом.

— Мы взяли город! Брат, Альба-Лонга — наша! — кричал он, в то время как я пытался удержать тяжелый факел и защитить глаза от едкого дыма.

— Да, и Нумитора. Он все еще законный царь. Кстати, кто-нибудь видел его? — спросил Рем.

Спустя некоторое время мы нашли царя в одной из отдаленных комнат дворца. Царь лежал на кушетке, и его длинная белая борода разметалась по темно-красному покрывалу. Он спал, пока шел бой за город, и думал, что все еще спит, когда Рем объяснял ему, что произошло:

— Мы твои внуки, я — Рем, а это — Ромул.

Наконец старый царь полностью проснулся. Он протянул руки к Ромулу, хотя и чувствовал себя неловко рядом с огромным мускулистым внуком, пахнувшим волками и кровью, который пришел к нему из леса.

Ромул и Рем, поддерживая царя под руки, вместе с Меллонией и со мною двинулись к городским воротам. По пути, в коридорах и спальнях, Ромул собирал людей, и многочисленная процессия вышла, наконец, из дворца. На некотором расстоянии от этрусских львов сидели на земле или лениво бродили по улице человек двадцать пастухов, которых оставил там Ромул. Он приказал им ждать сигнала к штурму дворца. И теперь эти воины с любопытством смотрели на Нумитора.

Жители Альбы-Лонги тоже ждали его — на крышах своих домов. Но волки Меллонии еще рыскали по улицам, и робкие горожане, хотя и выказали немалую радость при появлении царя, все же боялись спуститься на землю.

Ромул выступил вперед с Нумитором и поднял в знак приветствия руку старого царя:

— Жители Альбы-Лонги, ваш царь вернулся к вам!

Легким движением Нумитор освободился от поддержки Ромула, распрямил плечи и поднял изможденное лицо. Забыв недавнюю робость, люди приветствовали царя, словно сами вернули его на трон. Пастухи же хранили молчание; они хотели видеть правителем не Нумитора, а Ромула. Неужели они сражались за то, чтобы восстановить на троне старика, который потерял власть задолго до их рождения? Я наблюдал в этот миг за Ромулом и видел на его лице раздражение, вызванное стремлением Нумитора самому обратиться

к подданным, умалив, тем самым, заслуги внуков. Волк выполнил почетную миссию, он провозгласил своего деда царем. Но следующий шаг сделал Нумитор.

Тем временем Меллония покинула нас. Я видел, как она шла по улице с Луперкой, собирая волков и пчел, как пастух собирает овец. Рем тоже увидел ее. Но она покачала головой — в знак того, что ему не нужно следовать за ней.

— Она устала и хочет вернуться на свое дерево,— прошептал я.

Нумитор заговорил, и голос его был слышен повсюду:

— Жители Альбы-Лонги! Амулий мертв. Мои внуки вернулись ко мне. Будучи опорой моей старости, они помогут мне преодолеть все невзгоды — и мудро править, даже если это продлится недолго. Как царь Альбы-Лонги, я объявляю амнистию всем, кто поддерживал Амулия. Я закончу мое правление миром, как и начал его. Пусть же годы безвременья будут забыты.

Он умолк и затем горделиво поднял руки в знак приветствия. Истинный царь, даже долгие годы пробыв в изгнании, никогда не забудет царских жестов.

В ответ раздался шквал рукоплесканий и ликующие выкрики:

— Да здравствует Нумитор, царь Альбы-Лонги!

Люди стали спускаться с крыш и, прорвав оцепление из помощников Ромула, бросились к своему, восстановленному в правах, царю. Рем сжал мне рукой плечо. Ромул побледнел. Невнятный ропот, приглушенный криками общей радости, раздался среди пастухов. Мы спасли Рема; на мой взгляд, этого было достаточно. Но пастухи хотели большего и были по-своему правы — ведь Ромул и Рем мечтали о троне с детства.

Наконец, силы стали покидать старика.

— Помогите, дорогие мои внуки, дойти до постели. Объявите своим людям: щедроты дворца принадлежат им. Вина, фрукты, мясо. Завтра я буду править — с вашей помощью. А сейчас мне нужно отдохнуть.

Когда Нумитор уснул, а пастухи разбрелись по дворцу, Ромул, Рем и я, подкрепляясь олениной и виноградом, беседовали в саду. Нарциссы, поблекшие за день, казались в свете луны серебристыми и отбрасывали блики лунного света в бассейн.

На этот раз Келера не было на нашем собрании. Ромул заверил, что в бою его помощник не был ранен, но никто не

видел пастуха с тех пор, как Нумитор обратился с речью к жителям города.

— Охотится за какой-нибудь девкой,— предположил я.

И мы снова заговорили о Нумиторе.

— Вы заметили его возбуждение и душевный подъем? Он будет править долгие годы! — сказал Рем.

— В таком случае, он будет править так, как посчитает нужным сам. Даже если мы и станем помогать Нумитору, то не сможем иметь реальной власти в Альба-Лонге. О каких изменениях можно говорить, пока он сидит на троне? Его люди не потерпят перемен, пока он жив. В течение многих лет ими правил тиран; а сейчас они хотят видеть во главе города этого почтенного старца. Пусть же у жителей Альбы-Лонги будет то, к чему они стремятся. А мы построим наш собственный город на Палатине. Уже сейчас у нас есть множество хижин. Обнесем их стеной, построим храм Марса, помещение для правительственного совета...— размышлял вслух Ромул.

— И усыпальницу для нашей матери,— откликнулся Рем, зажигаясь планом.— Построим храм Румины и парк для птиц и зверей. Но мне кажется, Ромул, Палатин — не лучшее для основания города место. Действительно, там уже есть хижины, но некоторые из их владельцев — воры и убийцы, насколько ты знаешь. Пусть же эти жилища им и останутся, а в нашем новом городе таким людям нечего делать. Давай начнем строительство на Авентине! Этот холм почти так же высок и ближе к лесу, к Меллонии и ее друзьям, которые помогли нам одержать победу.

— Спроси-ка лучше нашего отца Марса, кто одержал эту победу. Меллония помогла, это правда. Но город взяли именно мои пастухи, Рем. Именно те люди, которых ты называешь ворами и убийцами,— перебил его Ромул.

— Люди, подобные Келеру, становятся хорошими воинами. Но не законопослушными гражданами. Я не считаю, что к таким, как он, следует относиться без всякого уважения. Но Ромул, можешь ли ты представить Келера, молящегося в храме или заседающего в Сенате? Дай ему жену и стада, но оставь жить на Палатине. Давай построим новый город на Авентине! — продолжал настаивать Рем.

— Давайте попросим совета на небесах! — прервал их я.

Боги, как мне казалось, благословят Рема, который молился им всем, а не только богу войны.

— Давайте выясним, что делать, у печени овцы, как поступают в подобных случаях этрусские прорицатели, или понаблюдаем за коршунами — птицами добрых предзнаменований.

— Ну, что ж, хорошо,— неохотно отозвался Ромул.— Подождем знака свыше. Как-нибудь рано утром — а это лучшее время для предзнаменований — вскарабкаемся на наши уважаемые холмы и будем высматривать на небе коршунов, самых лучших для этой цели птиц. Кто увидит их больше, тот и выберет холм для строительства города. А теперь, брат, давай-ка спать, прежде чем успеем поссориться.

Дворец изобиловал удобными кушетками; и я выбрал ту из них, у которой ножки напоминали лапы орла, и уснул, мечтая о встрече с коршунами.

5

С гораздо меньшей неохотой, чем ожидали братья, Нумитор воспринял их сообщение о том, что они решили построить город на Тибре. Он, несомненно, понял: такой город будет хорошей охраной для Альба-Лонги от этрусков. Поэтому с удовольствием пообещал послать туда рабочих и необходимые строительные материалы. Он также выкупил стада Туллиуса и передал близнецам, которые долгое время были их пастухами.

Но сначала все-таки нужно выбрать место для строительства. И вот, на рассвете четвертого дня после победы в Альба-Лонге, мы с Ремом стоим на вершине Авентина, наблюдая за коршунами. Этот день выбран из-за святых — покровителей пастухов, в честь которых назван Палатин. Перед рассветом Рем окурил свои стада серой, чтобы выветрить дьявольский дух, и посыпал стойло веточками земляники, которые так любят козы, и венками из мирта и лавра. Позже пастухи на Палатине будут прыгать через костры и, обратившись лицом на восток, молиться божествам. Счастливый день для предзнаменований. Но для чьих?

— Странно, почему боги благосклонны к коршунам? Ведь они — такие ужасные создания,— сказал я.

Рем рассмеялся:

— Ужасные — да. Но полезные. Они освобождают лес от всяких отбросов.

— И откуда они прилетят?

— Они могут вообще не прилететь. Ведь коршуны редко встречаются в этой стране. Меллония говорит, нужно понаблюдать за рекой, куда животные приходят на водопой и где они порой умирают.

Рем ежедневно навещал Меллонию после победы в Альба-Лонге. Имя дриады стало приятным даже для моих длинных ушей. Вместо своей обычной набедренной повязки он теперь носил тунику, опускающуюся чуть ниже бедер. Дриада выткала ее из тростника и листьев. Скоро они увянут, но Меллония пообещала Рему новое одеяние из шерсти, цвета листьев. Она сказала: «Сейчас ты — часть моего дерева. Зеленые листья, зеленая туника. Ты словно носишь на себе лес».

— А как Ромул узнает, действительно ли мы увидим то количество коршунов, о котором скажем ему?

— Он возьмет с нас слово,— сказал Рем, удивляясь моему вопросу.

— А ты возьмешь с него слово?

— Конечно.

— Тогда у него будет реальный шанс строить город на Палатине.

— Я знаю. Но он никогда не солжет нам.

— Рем! Ты когда-нибудь всерьез думал строить свой собственный город — без Ромула? Ведь править вместе вам будет нелегко. Даже если ты победишь в этом споре, и строительство начнется на выбранном тобою холме, станет лишь труднее. А люди, подобные Келеру — как ты с ними справишься? Каким образом заставишь вести себя прилично, если они придут?

— Я буду строить вместе с Ромулом или вообще ничего не стану делать. Ведь он мой брат. Понимаешь, Сильван, мы появились на свет вместе из одного материнского лона. И он никогда не жил вдали от меня.

— Ты очень любишь его, ведь правда?

— Он один из троих, кто дорог мне. Ты, Ромул, Меллония. Правда, Меллонию я люблю на расстоянии, как богиню или царицу. Как зеленые листья на вершине дерева. Люблю ее с благоговением и грустью. А тебя, Сильван, люблю как близкого и дорогого друга. Как костер в холодной ночи. Как ячменный каравай, который печется в домашнем очаге. Ты никогда не осуждаешь меня. С тобой я такой, как на самом деле. А Ромул? Каменные колонны храма. Бронза на щите. Вещи очень тяжелые и крепкие, не правда ли? Но — сильные и необходимые в жизни.

— Ты очень отличаешься от Ромула. Он не всегда похож на щит. Он... он подчас поступает опрометчиво,— осторожно сказал я, стараясь не обидеть друга.

— Знаю. Но я стараюсь смягчить его необдуманные поступки. А в ответ он вселяет в меня мужество,— сказал Рем.

— Мужество? У тебя его и так хватает. Я никогда не видел, чтобы ты колебался в принятии решения, если знал, что прав.

— Но ты не можешь видеть мое сердце. Оно прыгает иногда, как кузнечик! Ромул же всегда бесстрашен.

В таком случае ты более храбрый, подумал я. Ты подавляешь в себе страх, в то время как мужество Ромула — бездумно, инстинктивно. Но вслух я ничего не сказал; в этом он когда-нибудь и сам убедится.

И тут мы увидели — высоко над бурными оранжевыми водами Тибра летели на север шесть коршунов. Грубые птицы, ужасные — я вовсе не изменил своего мнения,— но такие долгожданные!

— Рем, ты выиграл! Даже если Ромул и увидит их, мы заметили коршунов первыми. И они летят к нему, а не в противоположном направлении! — закричал я.

Мы понеслись с холма и вскоре стали карабкаться на Палатин, возвышавшийся над землей в нескольких сотнях ярдов к северу.

— Помедленнее, дятел! Туника дала тебе крылья, а ведь у меня их нет,— шутливо закричал я.

В ответ он рассмеялся и вырвал лист из туники:

— Лови мои перья и лети!

Окутанные облаком листьев и пыли, мы добрались, наконец, до хижин. Там и нашли Ромула, ожидающего нас на вершине холма с небольшой группой пастухов.

— Их было шесть! Ромул, мы одновременно видели шесть коршунов! — кричал Рем.

Ромул выглядел удивленным, но с братом заговорил ласково и вкрадчиво:

— И мы их видели. Как раз перед тем, как вы пришли.

На лице у него только-только начала пробиваться борода, и маленький черный конус образовался на подбородке. Амбициозный мальчишка, нетерпеливый, но умеющий ждать, на глазах превращался в мужчину, не менее амбициозного, но ждать разучившегося.

— Это, должно быть, те самые шесть коршунов. Они прилетели от нашего холма.

— Это не имеет значения. Мои люди сейчас подсчитывают, сколько их.

— Я устал спорить...

— Мы видели двенадцать птиц,— вступил в разговор Келер. Он улыбался, но глаза его оставались холодными.

— Двенадцать? Рядом с этими холмами не было столько птиц!

Ромул попытался что-то сказать, но Келер прервал его:

— Сегодня их было именно двенадцать. Шесть пролетели только что, и шесть —раньше. Те, первые, даже больше — не меньше орлов. Они дважды покружили над нами — чтобы убедиться — мы их видим. Их послали боги, правда, Ромул?

— Это правда? — спросил Рем брата.

Ромул зарделся:

— Конечно, правда. Ведь Келер сказал тебе. Поэтому город мы построим на месте, которое выбрал я.

Рем побледнел и сказал с усилием:

— Что ж, строй его.

Ему было ясно, что Келер обманул, а Ромул, хотя и заколебался сначала, все же согласился с ложью. Обратившись ко мне, Рем сказал:

— Сильван, я иду в пещеру.

Мы стали спускаться с холма. Слышно было, как сзади Ромул отдает приказы.

— Найдите быка и телку. Мы вспашем борозды на границах нового города. Но сначала устроим пир в честь богов. Келер, принеси вина. А вы, остальные, разожгите костры.

Пастухи радостно закричали в ответ и приступили к работе. После празднества Ромул впряжет животных в плуг с бронзовыми наконечниками и поведет их вокруг подножия холма, где собирался возвести стены, оставив лишь место для ворот. Территория, окруженная бороздой, будет счастливой землей. Но если кто-нибудь пересечет ее, вместо того, чтобы войти в город через ворота, это разрушит удачу строителей, и внутрь смогут пробраться враждебные духи.

Рем молчал, пока мы шли к пещере. Оказавшись внутри, он бросился на тюфяк. Луперка, почуяв его настроение, тихонько подползла сзади.

— Ты можешь построить свой город,— предложил я.

— Нет, я буду помогать Ромулу. Но прежде я должен понять его.

— Я знаю, что ты чувствуешь, Ведь твой холм был бы лучшим местом для нового города.

Он пристально посмотрел на меня.

— Холм не так уж важен. Ромул солгал. Вот что важно. Он строит город на лжи, и люди это знают.

— Но никто ему не возразил. Им нравится Палатин.

— Это-то и плохо. Они знали и ничего не сказали.

Я решил оставить Рема одного в пещере, пока он не придет в себя. А сам уселся под смоковницей Румины и стал ждать. Лишь раз заглянул в пещеру. Глаза друга были открыты, но он, казалось, не видел меня, как и не слышал звуки веселья с вершины холма.

Я прошептал — даже не слова молитвы, а просто слова:

— Румина, ты — богиня молодых овец и коз. Но твое дерево растет прямо у нашей двери. Не заботься же о них некоторое время, а лучше помоги моему другу!

Днем я вскарабкался на смоковницу и собрал немного меда в круглый глиняный сосуд. Пчелы, чувствуя, видимо, для кого я старался (а может, им сказала об этом сама Румина), ничуть не возражали. Оказавшись в пещере, я опустился на колени рядом с Ремом.

— Ешь. И хватит думать,— сказал я сердито.

Он улыбнулся, сел и взял сосуд из моих рук. Прислонил его к губам, словно там было молоко, и пил, наслаждаясь. И так осушил сосуд до дна.

— Сейчас я пойду помогать Ромулу возвести стены. Но сначала хочу повидать Меллонию,— сказал он.

— Я буду ждать тебя здесь.

— Нет, пойдем со мной.

— Возможно, ты хочешь сказать ей что-то личное. Нужно ли, чтобы большие уши фавна услышали это?

— Она полюбила тебя. Кроме того... Я хочу, чтобы ты пошел со мной. Я чувствую что-то вроде одиночества, страха — сам не знаю что. Поэтому и хочу, чтобы сейчас мы были вместе.

В лесу, за Авентином, мы неожиданно столкнулись с пьяной компанией — Келером и тремя его друзьями. Они поддерживали друг друга и тащились через подлесок с таким шумом, что бирюзовые ящерицы разбегались во все стороны. Когда они увидели нас и остановились, Келер моментально протрезвел. На лице у него появилась усмешка.

— Большие Уши и Дятел, вы пропустили наш праздник. Боги будут недовольны.

— Они уже недовольны. Но не Сильваном и мною,— сказал Рем, не останавливаясь.

Весельчаки зашагали дальше, вроде бы к Палатину, но как-то криво, собираясь, видимо, идти кружным путем.

И тут я вспомнил, что Келер когда-то спрашивал меня, где расположено дерево Меллонии. Я не сказал ему правду, но в ту ночь, когда нам помогли волки, он исчез из Альба-Лонги. Возможно, он тогда выследил дриаду и сегодня, ободренный вином и друзьями, решил вернуться, чтобы захватить ее дерево?

— Рем, как ты думаешь, он нашел ее дерево? — спросил я

Не сказав больше ни слова, мы бросились к жилищу Мел лонии.

Ветви дуба, на котором она жила, раскинулись в разны стороны, словно город, который строили без всякого плана его храмы и арки смешались в беспорядке. Но издали н видно и намека на вторжение чужаков.

Мы подошли к стволу, и Рем сказал с тревогой в голосе

— Та нижняя ветка... Мне кажется, она увядает.

— Тут слишком мало солнца,— ответил я неуверенно.

Он позвал свою подругу:

— Меллония, Меллония!

Я стал исследовать землю вокруг дерева, пытаясь найт следы нападения. Ствол оказался нетронутым. Но вокру алтаря остались явные признаки недавнего присутствия Ке лера и его друзей — нарциссы помяты, камни перевернуты а из туннеля разило запахом вина.

В комнате Меллонии было тихо, но вещи разбросаны беспорядке. Дриаду мы нашли за кушеткой. На маленько белом теле темнели кровоподтеки. Она, словно нелюбимая брошенная кукла, лежала на охапке нарциссов. Рем перене ее на кушетку и погладил спутанные зеленые волосы, в ко торых, словно от ветра, трепетали лепестки. Наконец, Мел лония открыла глаза.

— Маленькая птица, кто теперь присмотрит за тобой? — сказала она.

И это было все.

Рем покрыл ее тело нарциссами и поцеловал в губы, ко торые больше ничего не чувствовали.

— Я никогда не думал, что переживу тебя,— с горечь сказал он.

Я отвернулся, но все же услышал, как мой друг плачет Или это был рой пчел, которые влетели в открытое окно, ил

лес, тоскующий по своей царице, а может, это плакал царь Эней, нежно любивший ее? Пастухи говорят, пчелы выражают только те чувства, которые можно найти в наших сердцах — горе, радость, у них нет собственных переживаний. Жужжание пчел всегда одинаково, и мы сами различаем в нем то, что хотим услышать. Возможно, я различил эхо собственных рыданий.

Мы оставили дриаду на дереве, вместе с ее пчелами.

— Она бы не захотела, чтобы ее перенесли в другое место. Дуб умирает. Они сойдут в землю вместе,— сказал Рем.

Мы посмотрели на дерево еще раз, и нам показалось, оно вновь становится зеленым и крепким.

— Ты слышал, что она сказала? — спросил Рем.

Я сжал его руку:

— Да. Да, маленькая птица.

* * *

Когда мы добрались до Палатина, Ромул уже работал с людьми вокруг подножия холма. Земля оставалась невырытой лишь в том месте, где должны быть возведены ворота. Раздевшись догола под жарким апрельским солнцем, Ромул налегал на плуг, и было видно, как его массивные бедра блестят от пота. Соленые капли стекали и по бороде. Он выглядел очень уставшим — и величественным.

Внутри обозначенного круга пастухи обрабатывали землю мотыгами и лопатами. Казалось, Ромул взял у богов их волшебную силу. И сейчас в единую ночь его люди возведут крепкие стены и поставят дворцы. Пастухи рыли землю и пели. Громче всех были слышны голоса Келера и его друзей:

— Ромул, сын могучего бога Марса,
Вскормленный огромной серой волчицей...

Келер на миг оторвался от работы, увидел нас и выронил из рук лопату.

Помедлив снаружи обозначенного пастухами круга, Рем закричал:

— Ромул, твои стены бесполезны, удача отвернулась от тебя! Внутри стоит убийца!

С этими словами он перепрыгнул через борозду. Пастухи смотрели на него в ужасе. Я же был покорен бесстрашием своего друга. В этот миг он бросился на Келера. Тот схватил

лопату и попытался ударить Рема. Но он парировал удар, выбив орудие из рук противника, и повалил его на землю, с силой толкнув в плечо.

Ромул выхватил лопату у пастуха, стоявшего рядом с ним:

— Ненормальный! Из-за тебя удача покинет нас! Сражайся со мной, а не с Келером,— закричал он Рему.

— Держись подальше от меня,— предупредил Рем брата.

Но сам не сделал никакой попытки защититься от Ромула. Рем ждал Келера, изумленного таким поворотом событий, который все понял и не спешил подниматься с земли.

Ромул же ударил близнеца лопатой. Я видел глаза Рема. В них появилось удивление, ничего больше. Ни страха, ни гнева. Затем он упал. Однажды в лесу я слышал вой волчицы, когда какой-то пастух убил ее детенышей. В нем слышалась жуткая боль и тоска. Вой нарастал с такой силой, будто мог вырвать детенышей из лап смерти. Так закричал и Ромул, опустившись на колени рядом с братом. В волосах Рема виднелись комья земли, а не кровь. Темно-коричневый песок, смешанный с подсолнухами. Но стебель сломался.

Я схватил лопату Келера.

— Вставай! Я убью тебя,— бросил я Ромулу.

Он посмотрел на меня сквозь слезы:

— Сильван, сделай это.

Думаю, душа Рема удержала мою руку от удара. Рожденный на свет вместе с братом из одного материнского лона, именно он остановил меня. Ведь это был Ромул, его близнец, опора и щит из бронзы. И вместо того, чтобы убить его, я опустился на колени рядом.

Взволнованные и полные почтения к погибшему пастухи окружили нас. Фаустул положил руку на шею Ромула.

— Сын мой, ты не желал ему зла. Позволь же мне подготовить его тело к погребению.

Ромул покачал головой:

— Я должен сначала побыть с ним.

— А ты, Сильван?

— Я останусь с Ремом.

Люди стали подниматься на холм. Солнечный свет погас, небо затянуло тучами. Где-то все еще мычала корова. Уже очень поздно, подумал я. Она ждет, что Рем подоит ее.

— Нужно найти подходящее место, чтобы оставить его на ночь,— сказал я.— Он никогда не любил темноту.

Ромул зашевелился. Мне показалось, он забыл обо мне.

— Положим его в пещеру?

— Нет. Там он будет один. Мы отнесем его к дереву Меллонии. Келер убил ее, ты знаешь — он и его друзья.

Он посмотрел на меня ошеломленно:

— Так вот почему Рем набросился на него. Они будут казнены за это, Сильван.

Я зажег в пещере факел кремниевым огнивом и вернулся к Ромулу. Луперка шла за мной. Ромул поднял голову.

— Старая мать, ты тоже любила его,— сказал он.

Подняв брата, Ромул с легкостью держал его на руках. При этом волосы Рема касались его щеки.

— Они пахнут клевером.

— Я знаю.

Мы шли медленно — Луперка ведь очень слаба — и вот подошли к дереву. Дрожавшая всем телом волчица осталась ждать снаружи.

Ромул положил брата на кушетку рядом с Меллонией. Я прижался щекой к плечу друга, как часто делал это раньше, чтобы почувствовать его тепло и любовь. Затем сложил на его груди руки, словно они были крыльями.

— Маленькая птица! Ты упрекал Меллонию за то, что пережил ее. Но наказал ты меня! Вся твоя жизнь была полна любви — и вот... Где же твой город, друг? — спросил я.

— Во мне,— отозвался, словно эхом, Ромул.

Я гневно повернулся к нему.

— В тебе?

И вдруг мне стало стыдно. Из глаз Ромула полились слезы. И он ничего не сделал, чтобы спрятать их. Мне показалось, он сейчас упадет и схватит меня за руку. Но он сдержался.

Затем заговорил:

— Ты думаешь, меня интересуют только городские стены и войско — и ничего больше? Сначала так и было. До сегодняшнего утра, когда я солгал относительно птиц. Но тогда у меня был Рем; мне казалось, он навсегда останется со мной. Что бы я ни делал, он все равно будет любить меня. Ведь он — воплощение доброты для меня. И вот он ушел — когда я попытался сразиться с ним в моем городе. В великом месте, Сильван. Люди назовут его Римом, когда меня уже не будет, и его легионы завоюют весь мир — Карфаген и Сардис, и Карнак, Сидон и Вавилон. Но главным в нем будет соблюдение законов — наравне с сохранением войска, просвещение —

наравне с завоеваниями. Сильван, ты слышишь меня? Рем будет жить в наших душах и в городе, который мы построим. Пойдем же со мной, маленький фавн!

Где же птица вдохновения? В высокой зелени кипарисов? Я вижу ее тень, мелькающую вместе с ласточками. В городе, построенном на Палатине, где фавны живут наравне с людьми, а волков кормят в храмах, я слышу шорох ее крыльев. Но это лишь тень и звук. Сама же птичка улетела. Ее крылья всегда касаются моих рук, а ветер доносит знакомый голос. Где же птица вдохновения? Посмотрите вверх, она сверкает высоко в небе, вместе с Сатурном и Золотым Веком. Я отправлюсь туда, чтобы найти ее.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВЕЧНЫЙ ЛЕС

[1] *Тритоны* — юноши с рыбьими хвостами. Трубя в морские раковины, могли поднять бурю или вызвать штиль.

[2] *Турмалин,* или шерл,— драгоценный камень. Легко электризуется от трения и нагревания.

[3] *Тамариск,* или тамарикс,— род деревьев и кустарников семейства гребенщиковых. Иначе — гребенщик. Ветви покрыты мелкими чешуйчатыми или игловидными листьями, что создает сходство с кипарисом.

[4] *Клянусь грудью Матери-богини — Мать-богиня, Великая Мать* — главное женское божество в большинстве мировых религий. Как правило, соотносится с женским творческим началом в природе, с землей. Великая Мать первоначально отождествлялась с функционально близкими ей в древнегреческой и древнеримской мифологии богинями: Геей, Реей, Деметрой, Персефоной. В поздней античности известна синкретическая Богиня-мать, ипостасями которой выступают различные локальные божества.

[5] *...уши были изящны, как раковина багрянки — багрянка* (правильнее иглянка, или пурпурная улитка) — заостренная с одной стороны, спирально завитая раковина морского брюхоногого моллюска, имеющего пару пурпуровых желез, выделяющих секрет фиолетового цвета, из которого добывали пурпур.

[6] *...вроде... карминовых румян — кармин* (от франц. carmin — кошениль и лат. minium — киноварь) — красный краситель, добываемый из тел бескрылых самок насекомых — кошенили.

[7] *На шее... висели бусы из черных ягод гибискуса — гибискус* — вечнозеленые или листопадные деревья семейства мальвовых. Многие виды декоративны. Из лепестков получают краску для пищевых продуктов и тканей.

[8] *Титаны* — в греческой мифологии сыновья Урана (Неба) и Геи (Земли), шесть братьев и сестер, давших начало великому племени богов первого поколения. Были побеждены Зевсом и низвергнуты в Тартар.

[9] *...прилетевшему... с... вершины горы Иды — гора Ида* — самая высокая на о. Крит. На ее лесистых склонах Гея укрыла от кровожадного Кроноса, пожирающего своих детей, только что родившегося Зевса, где он был вскормлен козой Амалфеей.

[10] *Сердолик*, или карнеол,— полудрагоценный поделочный камень, розовая или красная разновидность халцедона.

Аметист — драгоценный камень, фиолетовая разновидность кварца.

Берилл — минерал зеленого, желтовато-белого, серого цвета. Бериллом называют несколько разновидностей этого минерала, в частности аквамарин. Собственно берилл довольно редко используют в ювелирном деле.

[11] *Альциона* — старинное название зимородка.

[12] *Критяне не убивают быков... Для животных, которые считаются священными...*— Быки являлись священными, так как бык считался воплощением Зевса Критского. Именно в образе быка Зевс похитил Европу, переплыл с ней море и высадил на Крите.

[13] *...как заботливые руки киклопа — киклопы*, или циклопы,— рожденные Геей великаны с одним глазом посреди лба. Они выковали Зевсу громы и молнии, Аиду — шлем-невидимку, Посейдону — трезубец. Часто их изображают силачами, людоедами, жестокими и грубыми, живущими в пещерах на вершинах гор.

[14] *...стал скакать по траве, как пьяная менада — менады*, или вакханки,— низшие божества, служительницы культа Диониса (Вакха), участвующие в празднествах (мистериях) в его честь. Славились пьянством и распутством. В переносном смысле — крайне возбужденные, неистовствующие женщины.

[15] *...бросила ему свое кольцо-инталию — кольцо-инталия* (от итал. intaglio — резьба) — кольцо из драгоценного или полудрагоценного камня с врезанным (углубленным) узором.

[16] *Она была красива, как феникс,— феникс* — волшебная птица, имеющая вид орла с оперением красно-золотых и огненных тонов. Предчувствуя свою смерть, сжигает себя в гнезде и вновь возрождается из пепла. Символ красоты и вечной молодости.

[17] *...хотела бы обмыть их настоем мирриса — миррис* — вид растений семейства мускатниковых. Из плодов получают пряности — мускатный орех, мускатный цвет (мацис) и эфирные масла.

[18] *...жилище представляло собой лабиринт, который мог бы посрамить даже знаменитого архитектора Дедала — Дедал* — афинский скульптор и изобретатель. Убив из зависти своего племянника, бежал на о. Крит, где построил Лабиринт для царя Миноса. Бежал от него при помощи крыльев из воска и перьев с сыном Икаром, который поднялся слишком высоко к солнцу, его крылья растаяли, и он упал в море.

[19] *...крылатый бык, вроде тех, которым ставят памятники хетты* — в шумеро-аккадской мифологии крылатые быки с головой человека — тип демона, первоначально нейтральный, а затем добрый дух, покровитель каждого человека. Их скульптурные изображения часто ставили у входа в дом.

[20] *....ты показался мне таким же прекрасным... как ночная бабочка — эхиноцереусу — эхиноцереус* — род кактуса, знаменитый красотой своего цветка, цветущего всего одну ночь.

[21] *Перед ним было существо, напоминающее грифона, гидру и химеру одновременно — грифон* — фантастическое животное с туловищем льва, орлиными крыльями и головой орла или льва; *гидра* — чудовищная девятиголовая змея. Считалась непобедимой, так как на месте отрубленных голов у нее вырастали новые, Геракл сумел победить ее, прижигая обезглавленные шеи горящей головней; *химера* — крылатое чудовище с головой и шеей льва, туловищем козы и хвостом дракона. Была убита Беллерофонтом с помощью крылатого коня Пегаса.

[22] *...образ... состоящий из нежно-зеленых тонов жадеита — жадеит* — поделочный камень яблочно-зеленого цвета.

[23] *...схватила... тиару, украшенную аметистами и хризолитами — тиара* — головной убор древних восточных царей и жрецов, заостренный сверху; *аметист* — см. прим.

10; *хризолит* — драгоценный камень, прозрачная золотисто-зеленая разновидность оливина.

[24] *Я превратилась в Мать Землю, потерявшую своих детей.*— Разгневанная на Зевса за расправу со своими детьми-титанами (см. прим. 8), Гея (Земля) родила от капель крови Урана (Неба) чудовищных гигантов, которые восстали против олимпийских богов, но были побеждены ими с помощью Геракла и низвергнуты в Тартар. Тогда Гея соединилась с мрачным Тартаром и произвела на свет Тифона — стоглавое огнедышащее чудовище. Зевс победил его, навалив на него г. Этну.

[25] *Ее называют Золотая Горгона — Горгоны* — в греческой мифологии дочери Форка и Кето (или Геи и Понта), Сфеноя, Эвриала — бессмертные, и Медуза — смертная,— имеют общее именование Горгоны. Взгляд крылатых женщин-чудовищ со змеями вместо волос превращал все живое в камень.

[26] ...неслись *ароматы... сандарака... лаванды, душицы и тимьяна — сандарак* — вечнозеленое дерево семейства кипарисовых, алжирская туя; *лаванда* — род кустарников и полукустарников семейства губоцветных, медоносы, из соцветий получают лавандовое масло; *миррис* — см. прим. 17; *душица* — род многолетних трав семейства губоцветных. Содержит эфирные масла, листья употребляются как пряность; *тимьян* (чабрец) — род полукустарников семейства губоцветных. Применяются как пряно-ароматические и лекарственные растения.

[27] *В одном из внутренних дворов Кносского дворца — Кносский дворец* — наиболее выдающийся памятник критской архитектуры. Именно его считали Лабиринтом, построенным Дедалом для царя Миноса (см. прим. 18). Дворец представлял собой сложное нагромождение сотен различных помещений и коридоров и казался зданием, из которого невозможно найти выход.

[28] *...луг, заросший златоцветниками — златоцветники* — (асфодели) — корневищные лилиецветные с крупными красивыми цветами.

[29] *Праведный Судия* — в гомеровском эпосе Радамант (Радаманф), будучи самым справедливым из всех людей, стал после смерти судьей над мертвыми в Аиде.

[30] *направилась к терракотовой кукле — терракота* (от итал. terre cota, букв.— обожженная земля) — неглазурован-

ное керамическое изделие с пористым черепком обычно красного, коричневого, кремового цвета.

[31] *...взяла ...умбру* — *умбра* — природный коричневый пигмент. По составу близок охре.

[32] *Чаша в стиле камарес* — вид многокрасочной росписи тонких, но очень прочных глиняных сосудов с тонким растительным орнаментом, названный «камарес» по имени поселения на о. Крит, вблизи которого в пещере были найдены первые сосуды с таким орнаментом.

[33] *...втиснуть тритона в панцирь омара* — *тритоны* — см. прим. 1; *омар* — морское беспозвоночное отряда ракообразных. Внешне похожи на речных раков. Достигают длины 65 см.

[34] *...в зарослях папируса* — *папирус* — многолетнее водное растение семейства осоковых, растущее по берегам рек и озер. Из стеблей (высотой до 5 м) в древности изготовляли ткань, обувь, челноки, писчий материал.

[35] *Пилоны* — массивные столбы, служащие опорой перекрытиям или стоящие по сторонам входа.

[36] *...так похож на бога, которому мы поклоняемся. У него точно такие же рога* — см. прим. 12.

[37] *...смешивался с ароматом нарда и сандарака* — *нард* (девясил) — род трав семейства сложноцветных, многолетнее травянистое растение с метелками из одноцветных колосков: *сандарак* — см. прим. 26.

[38] *...собрали среди морских анемонов* — *морские анемоны*, или актинии,— коралловые полипы.

[39] Имеется в виду миф о похищении Гадесом (Аидом, Плутоном) Персефоны, дочери Зевса и богини плодородия Деметры, которая отправилась на поиски дочери, а на земле в это время прекратились рождения и рост. По решению Зевса, Персефона должна была возвращаться к мужу на три зимних месяца, а остальное время проводить с матерью. С Персефоной в греческой мифологии связывалось сезонное возрождение.

[40] *Олеандр* — род вечнозеленых кустарников семейства кутровых. Препараты из листьев применяются в медицине.

[41] *Аконит* (борец) — род трав семейства лютиковых. Ядовиты: корни и другие части содержат аконитин, который в малых дозах действует болеутоляюще, в больших — может вызвать сильное отравление.

ДЕНЬ МИНОТАВРА

[1] *...в честь несчастного сына Дедала* — см. прим. 18.

[2] *Медный робот Талос* — в некоторых мифах сделанный Гефестом Талос изображается медным человеком, в других — быком, был подарен Зевсом Миносу для охраны Крита. Талос три раза в день обходил остров и, когда приближались корабли пиратов, бросал в них камнями. У него была только одна жила, наполненная ихором (кровью богов). Она тянулась от головы до лодыжки, где ее затыкал медный гвоздь. Во время припадка безумия, насланного на Талоса чарами Медеи, гвоздь выпал, кровь вытекла, и Талос умер.

[3] *Крокусы* (шафран) — род многолетних клубнелуковичных растений семейства касатиковых. Цветы пурпурной, фиолетовой, лиловой, сиреневой, желтой и другой окраски кажутся выходящими прямо из клубнелуковиц. Декоративные, красивоцветущие. Применяются и как пряность, и как сырье для красящего вещества в кондитерской промышленности.

[4] *...на троне из оникса — оникс* — минерал, так называемый студенистый кремнезем, состоящий из перемежающихся слоев розового цвета с белым или белого с черным. В древности считался любимым камнем греков и римлян, которые вырезали из него камеи и амулеты.

[5] *...в форме кефали — кефаль* — внешне напоминающая торпеду рыба семейства кефалеобразных.

[6] *Фиги* — инжир, или винная ягода.

[7] *Бадьян* (иллициум) — род вечнозеленых деревьев семейства иллициевых. Из плодов получают эфирное масло.

[8] *...обогнул... огромный материк Ливию — Ливия* — древнегреческое название территории Африки, прилегающей к Средиземноморью.

[9] *Наголенники* — часть воинского снаряжения, здесь — из толстой кожи, прикрывающая голень.

[10] *...нарумянила щеки охрой — охра* — природный желтый пигмент. Основные компоненты — гидроксиды железа и глины. Широко применяется для изготовления красок.

[11] *...Голотурии* (морские огурцы) — класс морских беспозвоночных животных семейства иглокожих. Тело червеобразное. Донная ползающая форма.

[12] *Халцедон* — полудрагоценный камень серо-голубого, серовато-фиолетового и серого цвета с облачной мутностью, разновидность плотных видоизменений кварца микроволокнистого строения с примесями, обусловливающими различные цвета. Разновидностями халцедона по цвету являются сердолик (красный), хризопрод (яблочно-зеленый), гелиотроп (темно-зеленый с красными пятнами), сапфирин (мутно-молочный с синим) и др.; по текстуре — агат и оникс (см. прим. 4).

ЗЕЛЕНЫЙ ФЕНИКС

[1] *Священный Дуб Румина* — дуб, посвященный богу Румину, супругу богини Румины.

[2] *Клянусь молоком Румины — Румина* — богиня вскармливания новорожденных.

[3] *...в зале под Смоковницей Румины* — священное дерево, посвященное богине Румине, Фикус Руминалис, к которому вынесло впоследствии течением Ромула и Рема, будущих основателей Рима. *Смоковница* — дерево рода фикус, семейство тутовых, иначе — инжир, фиговое дерево.

[4] *...жили... вольски, но правила ими все-таки женщина,*

Камилла — вольски — древнее племя центральной Италии, вероятно родственное умбрам. *Камилла* — дочь Метаба, царя Приверна. Отец дал обет посвятить ее богине Диане. Камилла стала амазонкой и погибла, участвуя в войне Турна против Энея.

[5] *Сильван* — первоначально бог лесов и дикой природы, мог посылать сны, видения. Противостоял богам официального пантеона, был причислен к «черни земных богов», врагам богов небесных.

[6] *Сатурн* — римское имя бога Кроноса, титана, сына Геи и Урана. Почитался как бог золотого века, был низложен Юпитером (Зевсом). В некоторых мифах стал потом одним из первых царей Лация, который потом называли «страной Сатурна».

[7] *...шли за ним по пятам, как фурии — фурии* (аналог греческих эриний) — в римской мифологии богини мести и

угрызений совести, наказывающие человека за совершенные грехи, три отвратительные старухи, Алекто, Гисифона и Мегера, с факелами в руках и окровавленными ртами.

[8] *...след от топора Ахилла — Ахилл* (Ахиллес) — один из храбрейших греческих героев, осаждавших Трою. Мать Ахилла — нереида Фетида, желая сделать сына бессмертным и неуязвимым, погрузила его в священные воды Стикса; лишь пятка, за которую держала Фетида, не коснулась воды и осталась уязвимой. Погиб от стрелы Париса, которая попала ему в пятку.

В поединке с Ахиллом Эней смог избежать смерти только благодаря вмешательству богов. Посейдон спас Энея, скрыв его облаком и унеся с поля боя, так как ему было предназначено сохранить царский род Дардана и основать новую Трою.

[9] *Бессмертная мать и смертный отец* — в греческой мифологии Эней считался сыном дарданского царя Анхиса и Афродиты (Венеры).

[10] *Он был высок, во всяком случае для дарданца, ставшего впоследствии троянцем — Дардан* — сын Зевса и Электры. Во Фригии женился на дочери местного царя Тевкра и основал город Дардан. После смерти Тевкра стал царем всей области, получившей название *Дарданил*. Является предком Приама, Анхиса и их сыновей, в том числе Париса и Энея, *ставшего впоследствии троянцем* — Эней присоединился к троянцам после того, как был изгнан Ахиллом из Дардана.

[11] *...выглядел бы Гарпократом, египетским богом-ребенком — Гарпократ* — греческое имя египетского бога Горпахерда, одной из ипостасей Гора, Гор-ребенок. Изображался мальчиком, державшим палец у рта (так египтяне изображали детей). Древние греки называли его Гарпократом, истолковывая этот жест как знак молчания. Его культ как олицетворение восходящего солнца, был широко распространен в эпоху эллинизма.

[12] *Сначала надо встретиться с Латином... самым могущественным царем земель, называемых Лаций — Латин* — в римской мифологии сын Фавна (Пана) и внук Сатурна (см. прим. 6), в греческой версии — сын Одиссея (или Телемаха) и Кирки (Цирцеи). После гибели в бою Лаций был обожествлен под именем Юпитера Латиариса; *Лаций* — область в

центральной Италии, населенная латинами, которые вместе с сабинами основали там Рим.

[13] *Креуса* — жена Энея, дочь царя Приама и Гекубы.

[14] *...он готов был умереть смертью Гектора — Гектор* — сын Приама и Гекубы, возглавлявший из-за преклонного возраста Приама боевые действия троянцев. Был убит Ахиллом в поединке, предсказав близкую смерть самого Ахилла, который, одержимый жаждой мести за Патрокла, привязал тело Гектора к своей колеснице и объехал вокруг Трои, волоча труп поверженного противника. Но тела не коснулись ни тлен, ни хищные звери, так как его оберегал Аполлон.

[15] *...может, это Геба или Ирида — Геба* — в греческой мифологии богиня юности, дочь Зевса и Геры, отданная в жены Гераклу после его обожествления; *Ирида* — вестница богов, женская корреляция вестника богов Гермеса.

[16] *Елена* — спартанская царица, жена Менелая, дочь Зевса и Леды. Ее бегство с Парисом, сыном троянского царя Приама и Гекубы, присудившим «яблоко раздора» Афродите, стало причиной Троянской войны.

[17] *насилие... совершенное в храме, как это сделал Аякс, овладев там Кассандрой... — Аякс* Оилид, сын Оилея и Эриопиды, царь Локриды, был прозван «малым Аяксом» в отличие от могучего и высокого Аякса Теламонида, «большого Аякса». Был известен буйным нравом. Во время взятия Трои совершил насилие над *Кассандрой*, наделенной даром пророчества, дочерью царя Приама и Гекубы, которая искала защиты в храме Афины. Разгневанная богиня разбила бурей ахейские корабли, возвращавшиеся из Трои, но Аякс спасся, уцепившись за скалу и похвалялся, что жив вопреки воле богов. Тогда Посейдон расколол скалу трезубцем, Аякс упал в море и погиб.

[18] *Мирты* — род вечнозеленых деревьев и кустарников семейства миртовых. Содержит эфирные масла, плоды используются как пряность.

[19] *Бергамот* — вечнозеленое дерево рода цитрус семейства рутовых. Содержит эфирные масла. Неотъемлемая часть средиземноморского ландшафта.

[20] *Порфиры* — эвфузивная горная порода с характерной порфировой структурой.

[21] *...любопытная, как Пандора — Пандора* (всеми одаренная) — женщина, вылепленная Гефестом из глины и оживленная им. Все боги поднесли ей дары, в том числе закрытый сосуд (ящик), который ей было запрещено открывать. Однажды, терзаемая любопытством, Пандора открыла ящик, и оттуда вылетели болезни и несчастья, посланные богами в наказание человечеству за похищение огня.

[22] *Даже Орест в конце концов избавился от фурий — Орест* — сын Агамемнона и Клитемнестры, получил приказание дельфийского оракула отомстить своей матери за убийство отца. Преследуемый эриниями (фуриями — см. прим. 7) за пролитие материнской крови, Орест обращается за помощью к Афине, которая передает решение в руки специально созданного ею суда (ареопага). Орест был оправдан, а эринии примирились с олимпийскими богами, изменив свою злобную сущность на функции покровительниц законности и получив имя Эвмениды (благомыслящие).

[23] *Безжалостные богини-фаты* (парки) — в римской мифологии богини судьбы, равнозначные греческим мойрам, прядущим нить человеческой жизни и обрезающим ее.

[24] *Они могли родиться Кастором, и Поллуксом — Кастор и Поллукс* (римск. Полидевк) — братья Елены (см. прим. 16) и Клитемнестры (см, прим. 22). По одной из версий мифа, Поллукс и Елена были детьми Леды от Зевса, а Кастор и Клитеместра — от ее земного супруга Тиндарея, поэтому Поллукс и Елена считались бессмертными, а Кастор и Клитеместра — смертными. После смерти Кастора Поллукс стал умолять Зевса, чтобы он дал возможность умереть и ему, и Зевс разрешил ему один день проводить на Олимпе, а один — в Аиде. Их имена стали синонимами неразлучных друзей.

[25] *...есть благородство, как, например, в Ксанфе, жеребце Ахилла* — в упряжке Ахилла были бессмертные кони Ксанф и Балий, рожденные гарпией Подаргой от ветра Зефира, и смертный конь Педас.

[26] *Чтобы заплатить Харону — Харон* — в греческой мифологии перевозчик в Аиде, изображался мрачным старцем в рубище. Харон перевозил души умерших по водам подземных рек, получал за это плату в один обол, который, по погребальному обряду, клали умершему под язык.

[27] *Волосы цвета лазурита — лазурит* (ляпис-лазурь) — ценный поделочный камень от синего до зеленовато-голубого цвета.

[28] *Нереиды* — морские божества, дочери Нерея (сына Геи и Понта — моря) и океаниды Дориды. Они благожелательны к людям и помогают им в бедствиях. Наиболее известны нереиды Амфитрита, супруга Посейдона, и Фетида, мать Ахилла (см. прим. 8).

[29] *Патрокл* — в греческой мифологии сын одного из аргонавтов Менетия, соратник и друг Ахилла. Погиб от руки Гектора, которому помог Аполлон. Менелай и Аякс отбили тело и унесли в лагерь, где Патроклу были устроены пышные похороны.

[30] *...источает привлекательный мускусный запах — мускус* — пахучий продукт животного или растительного происхождения. Животный мускус — продукт выделения мускусных желез, играет роль химического сигнала для привлечения особей другого пола; растительный мускус содержится в корне аптечного дягиля, в семенах гибискуса (см. прим. 7) и др.

[31] *...придется сжечь ... несколько лавровых веток — лавр* — вечнозеленые деревья и кустарники семейства лавровых, листья которых используются как пряность.

[32] *...еще далеко до последней переправы через Стикс — Стикс* — река, окружающая Подземный мир, через которую души умерших переправляет Харон (см. прим. 7).

[33] *...браслеты с изумрудами и хризопразами — изумруд* — минерал, драгоценный камень, прозрачная разновидность берилла (см. прим. 10) густого зеленого цвета. Кристаллы выше 5 каратов ценятся дороже равновеликих алмазов; *хризопраз* — яблочно-зеленая разновидность халцедона (см. прим. 12).

[34] *Золотой век ушел с нашей земли вместе с Сатурном, и серебряный век опустился на нас...* — век правления на Земле бога Кроноса (Сатурна, см. прим. 6) называли золотым. Первое время правления Зевса соответствует серебряному веку, за ним наступил век медный, затем железный (Гесиод вводит между веком медным и железным век героев).

[35] *...не могли забыть деревянного коня... убитого царя и уведенную в рабство царицу — деревянный конь* — чтобы

захватить Трою, осаждающие прибегли к хитрости: соорудили деревянного коня, внутри которого были спрятаны воины, оставили его у стен Трои и сделали вид, что уплывают от берегов Троады. Не слушал предостережений Кассандры и Лаокоона, троянцы втащили коня в город. Ночью воины, спрятанные внутри коня, открыли ворота и захватили город; *-убитый царь* — Приам, последний царь Трои, был убит Неоптолемом (Пирром), сыном Ахилла: *уведенная е рабство царица* — имеется в виду Андромаха, жена Гектора (см. прим. 14), которая стала пленницей Неоптолема и последовала за ним в Грецию, а после его смерти стала супругой Елена (Гелена).

[36] *Гранат кровавый, алый альмандин, Агаты, сердолик и хризопраз, И малахит, и дымчатый топаз, И серпентин Она носила — гранат* (от лат. granatus — зерно) — прозрачный драгоценный камень со стеклянным блеском темно-красного, бурого, желтого, зеленого, черного и даже белого цветов. Наиболее ценные прозрачные белые и чисто-зеленого цвета; *альмандин* — минерал группы гранатов, благородный гранат сиренево-, вишнево- и даже буровато-красного цвета с сильным блеском; *агат* — см. прим. 13; *сердолик* — см. прим. 10; *хризопраз*— см. прим. 33; *топаз* — драгоценный камень светлых тонов с сильным блеском. Легко электризуется от нагревания, трения; *серпентин* (змеевик) — минерал темно-зеленого, желтоватого цвета часто с крапинками и прожилками бурого и черного цвета со слабым блеском. В древности считался хорошим противоядием змеиному яду из-за наружного сходства со шкурой змеи.

[37] *Акант* (медвежья лапа; лат. Acantus) — род растений семейства акантовых. Листья большей частью в виде розетки, очень крупные, цветы белые, красные, голубоватые. Форма листьев аканта лежит в основе орнамента коринфских капителей, орнаментальных фризов и карнизов.

[38] *Амарант* (ширица) — род преимущественно однолетних растений семейства амарантовых. Благодаря высокой питательности и декоративности некоторых видов, простоте выращивания широко распространены во многих странах.

[39] *целительной мазью из базилика и шандры — базилик* — род кустарников семейства губоцветных. Содержит эфирные масла; *шандра* (белокудренник) — род растений семейства губоцветных. Многие виды содержат дубильные вещества.

[40] *Дротики* — короткие метательные копья с каменным, костяным или металлическим наконечником.

[41] *Жонкилии* (желтые нарциссы Жонкиля) — род многолетних красивоцветущих растений семейства амариллисовых. Всевиды ядовиты.

[42] *Рутулы* — латинское племя.

[43] *...кроме безжалостной, коварно усмехающейся Фортуны* — *Фортуна* — в римской мифологии богиня счастливого случая, удачи, равнозначна греческой Тихе. Изображалась на шаре или колесе или с повязкой на глазах, символизирующих изменчивость и слепоту случая.

[44] *Сирены* — в греческой мифологии демонические существа, полуптицы-полуженщины, унаследовавшие от матери-музы дивный голос. Они обитали на скалах, куда заманивали жертвы своим пением.

[45] *Мегарон* (от греч. megaron; букв. — большой зал) — тип древнейшего греческого жилища, прямоугольный зал, иногда разделенный продольно одним-двумя рядами столбов, с очагом и портиком у входа.

[46] *...погибли во время войны с Турном* — *Турн* — двоюродный брат Лавинии, дочери Латина, сын нимфы Викилии, вождь италийского племени рутулов.

[47] *...пировал с Геленом* — *Гелен* (Елен) — сын Приама и Гекубы, наделенный пророческим даром. Перешел на сторону ахейцев и после смерти Неоптолема, при дворе которого поселился, стал мужем Андромахи (см. прим. 35).

[48] *...превратился в одну из безмолвных теней, которым не дано переправиться через Стикс и которым суждено вечно блуждать по преисподней* — Харон (см. прим. 26) перевозил через Стикс (см. прим. 32) только те души умерших, чьи тела обрели покой в могиле.

[49] *...вспомнил Андромаху* — *Андромаха* — супруга Гектора (см. прим. 35).

[50] *...мыла валяльной глиной столы* — *валяльная* (суконовальная) *глина* — сорт глины, поглощающий жир, использовался для очищения от жира тканей и т. д.

[51] *...помнил Гекубу* — *Гекуба* (Гекаба) — жена троянского царя Приама, мать Гектора, Париса, Кассандры и др., поте-

рявшая в Троянской войне мужа и почти всех детей. После падения Трои стала пленницей Одиссея, погибла при переправе через Геллеспонт. Олицетворение беспредельной скорби и отчаяния.

[52] *...загадочность* Сивиллы — *Сивилла* — в греческой мифологии прорицательница, в экстазе предсказывающая будущее. По традиции первой Сивиллой, от которой получали имя остальные, была троянка, дочь Дардана (см. прим. 10) и Несо. Позже возникло представление о двух, четырех и даже десяти Сивиллах. Их называли по месту их обитания. Сивилла покровительствовала бежавшему из Трои Энею; предупредила о грядущих бедствиях, помогла спуститься в Аид и встретиться там с отцом, предсказала великое будущее основанному им городу.

Содержание

Вечный лес
(Перевод С. Виноградовой) 5
День Минотавра
(Перевод С. Виноградовой) 147
Зеленый Феникс
(Перевод С. Виноградовой) 271
Зачарованный лес
(Перевод О. Чумичевой) 391
Дельфин и глубина
(Перевод Т. Усовой) 517
Багрянка
(Перевод Т. Усовой) 572
Где птица вдохновения?
(Перевод Н. Мельник) 609
Примечания 666

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя
около 50 **издательств** и редакционно-издательских объединений,
предлагает вашему вниманию **более 10 000 названий книг**
самых разных видов и жанров.
Мы выпускаем классические произведения
и книги современных авторов.
В наших каталогах — интеллектуальная проза,
детективы, фантастика, любовные романы,
книги для детей и подростков, учебники, справочники,
энциклопедии, альбомы по искусству,
научно-познавательные и прикладные издания,
а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский, братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону:
(095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

Москва

- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д.14, тел. 959-20-95
- м. «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, тел. 322-28-22
- м. «Таганская», м. «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- ТК «Крокус-Сити», 65-66-й км МКАД, тел. 754-94-25
- м. «Сокольники», м. «Преображенская площадь», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- Зеленоград, корп. 360, 3-й мкрн, тел. 536-16-46
- ТК «Твой дом», 24-й км Каширского шоссе, «Книги на Каширке»

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д.18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д.132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д.17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29
- Ярославская обл., г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1/Волжская наб., д. 107
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/61, тел. (8312) 33-79-80
- г. Воронеж, ул. Лизюкова, д. 38а, тел. (0732) 13-02-44
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (8-86-32) 35-99-00
- г. Новороссийск, сквер Чайковского
- г. Орел, Московское ш., д. 17
- г. Тула, Центральный р-н, ул. Ленина, д. 18

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

ДЮНА

В серии
«Золотая библиотека фантастики»
опубликован знаменитый сериал Фрэнка Герберта:

«Дюна»
«Мессия Дюны»
«Дети Дюны»
«Бог-Император Дюны»
«Еретики Дюны»
«Капитул Дюны»

Заветные мечты читателей сбываются! Брайан Герберт, сын Фрэнка Герберта, в соавторстве с известным фантастом Кевином Андерсоном создает трилогию «Прелюдия к Дюне». Узнайте предысторию столь хорошо знакомых вам событий!

Читайте в 2002 году в серии «Золотая библиотека фантастики» второй роман трилогии — «ДОМ ХАРКОННЕНОВ»!

По вопросам оптовой покупки книг издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж. Тел. 215-4338, 215-0101, 215-5513
107140, Москва, а/я 140, АСТ - «Книги по почте»

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕРИЯ "ВЕК ДРАКОНА"

В серии готовятся к выпуску произведения признанных мастеров жанра фэнтези — Анджея Сапковского, Роберта Джордана, Лоуренса Уотт-Эванса, Кристофера Сташефа, Глена Кука, Терри Гудкайнда, Дэйва Дункана, а также талантливых молодых авторов: Мэгги Фьюри, Марты Уэллс, Грегори Киза и других.
"Век Дракона" — это мастера мечей и волшебства, войны с кровожадными чудовищами и ошеломляющие поединки, великие герои и отважные воительницы, невообразимые страны и невероятные приключения...

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ –"Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

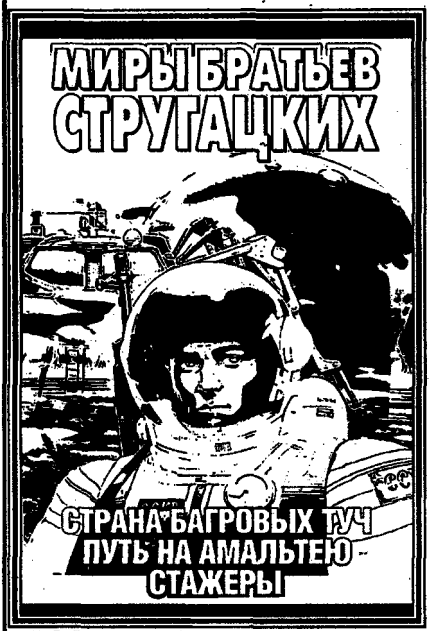
СЕРИЯ "ЗВЕЗДНЫЙ ЛАБИРИНТ"

Лучшие произведения отечественных писателей-фантастов! Признанные мастера: Андрей Лазарчук, Евгений Лукин, Сергей Лукьяненко - и молодые, но не менее талантливые авторы: Владимир Васильев, Александр Громов и многие другие. Глубина мысли, захватывающий сюжет, искрометный юмор - все многообразие фантастики в новой серии нашего издательства.

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ - "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕРИЯ "МИРЫ БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ"

Братья Стругацкие... Их знают не только те, кто любит фантастику. Магии книг братьев Стругацких подвластны самые разные люди - независимо от возраста, образования, убеждений. На этих книгах выросло не одно поколение читателей. Каждый находит в них что-то для себя, каждый черпает из них что-то свое, словно бы предназначенное именно для него. Братья Стругацкие - это "знак качества", фирменная марка, символ и идеал, к которому так хочется стремиться.

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ –"Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

Литературно-художественное издание

Сван Томас Барнет

Зеленый Феникс

Сборник повестей и рассказов

Ответственные за выпуск А. Тишинин, И. Петрушкин
Ведущий редактор П. Киракозов
Редакторы В. Гончаров, А. Ниманис
Художественный редактор О. Адаскина
Компьютерный дизайн: А. Сергеев
Верстка: А. Яблонская
Корректор Л. Макеева

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ООО «Издательство АСТ»
368560, Республика Дагестан, Каякентский район,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано по заказу ООО «Транзиткнига»

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии издательства
"Самарский Дом печати"
443086, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует предоставленным диапозитивам

Томас Барнет Сван — один из редких в ряду мастеров жанра фэнтези писатель, обладающий не только талантом, но и отменным знанием истории. Не потому ли его произведения, с которыми отечественный читатель познакомится впервые, заслужили в плеяде мировой «литературной легенды» вполне особое место?

...Было время, когда на Земле жили не только люди, но и боги.

...Был мир, где люди и боги ненавидели друг друга — и воевали на равных, где смертные женщины зачинали от бессмертных возлюбленных великих героев — и совершенно невероятных существ, где приключения и подвиги ожидали на каждой тропе, а жизнь становилась — ЛЕГЕНДОЙ.

Читайте повести и рассказы Свана — и, поверьте, ТАКИХ фэнтези вы не видели еще НИКОГДА.

Не верите?

Прочитайте — и проверьте сами!

ISBN 5-17-015030-X

ТОМАС БАРНЕТ

СВАН

Зеленый Феникс